

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕСТИЖНОЙ ПРЕМИИ LONGMAN-HISTORY TODAY
В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШАЯ КНИГА 2014 ГОДА»

КОЛДЕР УОЛТОН

БРИТАНСКАЯ

РАЗВЕДКА

ВО ВРЕМЕНА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

СЕКРЕТНЫЕ
ОПЕРАЦИИ
МИ-5
и МИ-6

Содержательная,
смелая и острая книга автора,
который знает мир разведки не понаслышке.

Обязательна к прочтению!

The Tablet

Annotation

Известный ученый К. Уолтон представляет тайную историю конца Британской империи и участие в этом процессе британской разведки. Автор дает панорамный обзор секретных действий правительства: от шпионажа времен войны в пустынях Северной Африки до сомнительных закулисных контактов с африканскими диктаторами, от карательных акций против повстанческого движения в джунглях Малайи, Кении и горах Кипра до военных действий в Палестине и на Аравийском полуострове. Уолтон раскрывает заговоры ЦРУ и тайную деятельность в британских колониях, убийства от рук агентов КГБ и неудавшиеся перевороты, спонсируемые правительствами Великобритании и США на Ближнем Востоке, главной целью которых было овладеть нефтью и другими природными ресурсами. Книга основана на недавно рассекреченных документах разведки и частных собраниях из целого ряда архивов.

- [Колдер Уолтон](#)
  -
  - [Словарь сокращений](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Глава 1](#)
    -
    - [Принцип «трех миль»](#)
  - [Глава 2](#)
    -
    - [Нацистская Немезида: провал разведки – успех разведки](#)
    - [Группа А: рождение британского стратегического обмана](#)
    - [Шпион против шпиона: любители против профессионалов](#)
    - [Британская разведывательная империя](#)
    - [Несостоятельность разведки стран оси](#)
    - [Заговоры стран оси в Британской империи](#)
    - [Подразделение 136: Управление спецопераций](#)
    - [Британская разведка и «выдача заключенных» в военное время](#)

- [Союзники и враги: Великобритания и СССР](#)
- [Сканирование горизонта](#)
- [Глава 3](#)
  - [Победить в войне, проиграть мир](#)
  - [День «Д» для терроризма](#)
  - [Британский мандат в Палестине](#)
  - [МИ-5 и противодействие терроризму](#)
  - [Антитеррористические меры МИ-5](#)
  - [Опасные связи](#)
  - [«Человек-динамит»](#)
  - [Международные спонсоры терроризма](#)
  - [«Незаконная» иммиграция евреев](#)
- [Глава 4](#)
  - [Шпионские скандалы: в Великобритании начинается холодная война](#)
  - [«Особые отношения»](#)
  - [Колониальная безопасность: передний край холодной войны](#)
  - [Британская разведка и передача власти в Индии](#)
  - [Реформа разведки в центре](#)
  - [Миссионеры разведки](#)
  - [Формирование разведывательной культуры стран Содружества](#)
  - [Канада и Австралия](#)
  - [Радиотехническая разведка: величайший секрет процесса деколонизации Великобритании](#)
  - [Британская Гвиана](#)
- [Глава 5](#)
  - [Фиаско британской разведки в Малайе](#)
  - [Разведка – ахиллесова пята Великобритании в Малайе](#)
  - [Золото Москвы](#)
  - [Человек, у которого был план](#)
  - [Подавление восстания](#)
  - [Тихий англичанин](#)

- [Британская разведка и независимость Малайи](#)
  - [Глава 6](#)
    - [Золотой Берег](#)
    - [Нигерия](#)
    - [Кения](#)
    - [Солнечное место для темных личностей](#)
    - [Восстание мау-мау](#)
    - [МИ-5 и мау-мау](#)
    - [Меры Великобритании по подавлению восстания в Кении](#)
    - [Разведка, допросы и пытки в Кении](#)
    - [МИ-5 и дипломатическая информация по Кеньяте](#)
    - [МИ-5 и независимое правительство Кении](#)
    - [Южная Африка](#)
    - [Центральноафриканская федерация](#)
  - [Глава 7](#)
    - [Смена режима: Иран](#)
    - [Провал разведки: Суэцкий кризис](#)
    - [Кипр](#)
    - [Федерация Южной Аравии](#)
  - [Заключение](#)
  - [Благодарности](#)
  - [Комментарий относительно источников и методологии](#)
  - [Примечания](#)
  - [Библиография](#)
-

Колдер Уолтон
Британская разведка во времена
холодной войны. Секретные операции
МИ-5 и МИ-6

Посвящается Дженифер

Мы совершенно беспристрастны; мы следим за всеми.

Герберт Моррисон, министр внутренних дел Великобритании (февраль 1941 г.)

CALDER WALTON

EMPIRE OF SECRETS

BRITISH INTELLIGENCE, THE COLD WAR AND THE
TWILIGHT OF EMPIRE

Copyright © Calder Walton 2013

Словарь сокращений

Абвер – военная разведка и контрразведка Германии в 1919–1944 гг.

ASIO – Австралийская организация безопасности и разведки – внутренняя разведслужба Австралии.

ASIS – Австралийская секретная разведывательная служба – служба внешней разведки Австралии.

CIA – Центральное разведывательное управление – американское агентство по сбору внешних разведанных.

CID – Управление уголовных расследований – департамент Скотленд-Ярда.

CPGB – Коммунистическая партия Великобритании.

DIB – разведывательное бюро в Дели – служба разведки Индии до обретения независимости.

DSO – офицер по вопросам обороны и безопасности – офицер связи МИ-5 в колонии Великобритании или стране Содружества.

FBI – Федеральное бюро расследований – правоохранительные органы США.

GC&CS – Правительственная школа кодов и шифров – английское правительственное ведомство, занимавшееся перехватом и дешифровкой сообщений до и во время Второй мировой войны.

GCHQ – Центр правительственной связи – переименованная после Второй мировой войны спецслужба Великобритании, ответственная за ведение радиоэлектронной разведки и обеспечение защиты информации органов правительства и армии.

HOW – ордер министерства внутренних дел – механизм

МИ-5, обеспечивающий перехват почтовых отправлений и телефонных разговоров.

HUMINT – агентурная разведка.

IB – разведывательное бюро – разведслужба Индии, другое название DIB.

PI – Индийская политическая разведка – спецслужба, существовавшая в Лондоне до обретения Индией независимости, ответственная за ведение разведки в Индии.

LC – Объединенный центр разведывательных служб – «высокий стол» британской разведки.

LCS – Лондонский отдел контроля.

LIC – местный разведывательный комитет – региональная разведывательная организация в колониях, сформированная по совету МИ-5 в начале холодной войны.

MI5 – британская спецслужба, занимающаяся контрразведкой, борьбой с подрывной деятельностью и саботажем на территории Великобритании.

MI6 – секретная разведывательная служба, отвечающая за сбор агентурных данных с территорий за пределами Великобритании.

NSA – Агентство национальной безопасности – учреждение, занимающееся радиотехнической разведкой в США.

RCMP – Королевская канадская конная полиция – правоохранительный орган Канады.

SAS – парашютно-десантные части особого назначения Великобритании.

Security Service – МИ-5.

SIFE – Служба обеспечения безопасности на Дальнем Востоке – подразделение МИ-5 на Дальнем Востоке.

SIGINT – радиотехническая разведка.

SIME – Служба обеспечения безопасности на Ближнем Востоке – подразделение МИ-5 на Ближнем Востоке.

SIS – Секретная разведывательная служба – британская служба внешней разведки.

SLO – офицер связи по вопросам безопасности – офицер связи МИ-5 в колониальной стране или стране Содружества.

Предисловие

В тяжелые времена Великобритании склонна больше – не меньше – полагаться на шпионов. Вся история ее империи побуждала делать это. Чем больше сокращаются ее торговые пути, тем больше тайных усилий она прилагает к тому, чтобы защитить их. Чем больше ослабевает ее колониальная хватка, тем отчаяннее ее подрывная деятельность, направленная против тех, кто стремится ее ослабить.

Джон Ле Карре. Достопочтенный школяр¹

Холодным апрельским утром 1947 г. женщина-террористка вошла в главное здание министерства по делам колоний в Лондоне. Вежливо спросив у охранника, можно ли ей ненадолго укрыться здесь от холода на улице, она поставила огромную бомбу, состоящую из двадцати четырех брикетов динамита, обернутых в газету, в туалете на нижнем этаже, затем спокойно вышла на оживленную улицу и затерялась в толпе. В тот момент ее личность была неизвестна ни полиции, ни МИ-5, а она между тем работала на террористическую ячейку в Великобритании, которая относилась к «банде Штерна» – одной из двух основных полувоенных организаций, воевавших против Великобритании в Палестине. Взрывчатку для бомбы ей передал другой участник банды, известный как «спец по динамиту», которому удалось контрабандой провезти динамит в Великобританию, в своем ножном протезе. Целью этих агентов и других ячеек «банды Штерна», действовавших в Великобритании, было использовать насилие, чтобы заставить правительство Великобритании создать независимое еврейское государство в Палестине.

Еще до этого инцидента МИ-5 уже была приведена в состояние боевой готовности на предмет проведения в стране возможных террористических актов. В свете все более тревожных сообщений от своих источников на Ближнем Востоке, предупреждающих о том, что еврейские полувоенные отряды планируют распространить свою

«войну» с Великобританией из Палестины в саму Великобританию, МИ-5 развернула интенсивное наблюдение за известными радикальными еврейскими и сионистскими группами в Великобритании. Расследования МИ-5 обнаружили ряд террористических ячеек, действующих в Лондоне, члены которых планировали осуществить серию взрывов и убийств ведущих английских политиков. В 1946 г. глава МИ-5 сообщил премьер-министру, что он и члены кабинета министров являются целями террористов. В тот же год другая террористическая ячейка провела кампанию по отправке писем, начиненных взрывчаткой, в отношении всех членов британского кабинета министров. Все бомбы, оказавшиеся потенциально смертельно опасными, были успешно перехвачены.

Бомба, оставленная в министерстве по делам колоний, была замечена лишь после того, как по чистой случайности не взорвалась из-за неисправного таймера. Если бы она взорвалась, то в центре Уайтхолла была бы кровавая бойня и хаос, вероятно, такого же масштаба, как и после нападения другой военизированной группы, под названием Иргун, боровшейся с британцами в Палестине, которое произошло в Иерусалиме в июле 1946 г. Тогда была взорвана гостиница «Царь Давид» и погиб девяносто один человек.

Как только бомба в министерстве по делам колоний была обнаружена, немедленно по всей Европе начался розыск женщины, принадлежавшей к «банде Штерна», который возглавили МИ-5, МИ-6 и Лондонский особый отдел. В конечном счете она была арестована в Бельгии. Сотрудники МИ-5 также установили личности членов группировки Иргун, действовавших в Великобритании, за которыми было установлено наблюдение или они были арестованы. Однако руководитель группировки Иргун оставался на свободе и продолжал строить планы нападений на британцев как в Палестине, так и в Европе. Его звали Менахем Бегин. Впоследствии он стал шестым премьер-министром Государства Израиль и лауреатом Нобелевской премии мира².

Этот эпизод лишь один из огромного числа замечательных и в основном неизвестных операций по обеспечению безопасности, в которых были заняты разведывательные службы Великобритании в период, последовавший сразу же за окончанием Второй мировой

войны, когда Британия начала терять свою империю. О нем стало известно лишь недавно из рассекреченных документов разведки, и это не только добавляет новую главу к истории начала холодной войны, но и имеет ужасный современный резонанс. Представляя собой поразительную аналогию с современным миром, он демонстрирует, что проникновение и укоренение террористического меньшинства с Ближнего Востока произошло в Великобритании более полувека назад. На самом деле, как показано в этой книге, после Второй мировой войны главная угроза государственной безопасности Великобритании исходила не от Советского Союза, как можно было бы предполагать, а от ближневосточного терроризма. Однако террористы в те времена принадлежали не к палестинским и исламистским группам, как в конце XX в. и в настоящее время, а к еврейским (или «сионистским») экстремистам. Как утверждал Ниал Фергюсон, терроризм – это первородный грех Ближнего Востока³.

В этой книге изложена тайная, в основном нерассказанная, история конца Британской империи – крупнейшей империи в мировой истории; это первое исследование, посвященное участию в этом британской разведки. Подобно самим британским разведслужбам, она предлагает глобальный ракурс: служба, ответственная за безопасность в империи, – МИ-5 присутствовала везде, где создавалась угроза британской государственной безопасности. В начале холодной войны это касалось почти всех территориальных владений Великобритании. Книга дает панорамный обзор упадка Британской империи после 1945 г. и тайных действий британского правительства, с ним связанных. Темы, в ней обсуждаемые, варьируют от шпионажа времен войны, проводимого в пустынях Северной Африки, до сомнительных закулисных контактов с африканскими диктаторами, от карательных акций против повстанческого движения (или «чрезвычайных ситуаций») в джунглях Малайи и Кении и горах Кипра до военных действий в городах Палестины и Аравийского полуострова. Книга раскрывает заговоры ЦРУ и тайные действия в британских колониях, убийства от рук агентов КГБ и неудавшиеся государственные перевороты, спонсируемые правительствами Великобритании и США на Ближнем Востоке, главной целью которых было овладеть нефтью и другими природными ресурсами.

Разведка – это «недостающее измерение» истории конца Британской империи (или «деколонизации», как его называют историки), которое произошло за два десятилетия после 1945 г. Деятельность британских разведывательных служб, и это весьма заметно, отсутствует почти во всех историях того периода. Причину этого вполне можно понять. Во время быстрого выхода Британии из пределов своей империи британское правительство лишь молчаливо признавало существование МИ-5 и не признавало официально существование ни SIS, ни GCHQ. Это означало, что не существовало официальных разведывательных документов, которые могли бы изучать историки, – очевидно, правительственные департаменты не могли выпускать такие документы, если сами департаменты официально не существовали. Поэтому любые упоминания о разведке были тихо и аккуратно исключены из учебников истории⁴.

Но если историки в прошлом были лишены официальных документов, рассказывающих о британской разведке и конце империи, в настоящее время все обстоит иначе. Разведслужбы Великобритании наконец вышли из тени. В конце 1980-х гг. правительство Великобритании наконец перестало отрицать существование своих разведслужб и впервые придало им законную основу – МИ-5 в 1989 г. и SIS и GCHQ в 1994 г. Разведывательные службы за последние годы наконец вышли из исторического небытия и признали, что у них на самом деле есть прошлое. В 1992 г. правительственные департаменты выступили с так называемой Уолдгрейвской инициативой по открытому правительству, благодаря которой независимые историки приняли участие в пересмотре и рассекречивании правительственных документов, включая документы разведслужб. С тех пор британские разведслужбы реально приступили к рассекречиванию документов. Это означало, что эта книга и другие подобные ей книги смогут наконец способствовать тому, чтобы тайные службы Великобритании заняли в истории место, которое они заслуживают. На самом деле результатом процесса рассекречивания правительством документов является то, что в настоящее время есть слишком много разведывательных документов, имеющих отношение к Британской империи, которые еще предстоит изучить⁵.

Несмотря на беспрецедентный объем документов, которые стали доступны в последние годы, подавляющее большинство историков

конца Британской империи продолжают игнорировать роль британских разведывательных служб. Даже самые громкие из недавно опубликованных историй этого периода зияют пробелами, когда речь заходит о роли разведслужб. Эти пробелы выглядят еще более странными с учетом того, что почти в каждой истории Второй мировой войны упоминаются успехи союзнических специалистов по взламыванию шифров в Блетчли-парке, которые «раскололи» головоломный немецкий шифр, известный британцам как операция «Ультра». Однако едва ли есть история конца Британской империи (или действий Великобритании в холодной войне), в которой упоминается послевоенный преемник Блетчли-парка – GCHQ (Центр правительственной связи). Нам предлагают считать, что британские дешифровальщики резко перестали работать в 1945 г. Конечно же этого не произошло, и неудивительно. Играя далеко не последнюю роль в послевоенной истории, британские разведслужбы на самом деле были так же активны в годы после 1945 г., как и во время войны. Фактически с самого начала XX в. они активно работали за кулисами, невидимые для общественности, как и в настоящее время, во многих странах, которые раньше входили в Британскую империю. Памятуя об этом, основное содержание этой книги можно сформулировать кратко: она доказывает, что нынешнее состояние истории конца Британской империи таково, каково было состояние истории Второй мировой войны до раскрытия тайны «Ультра». Если мы будем игнорировать роль разведки, наше понимание заката Британской империи в лучшем случае неполно, а в худшем – имеет глубокие изъяны⁶.

Невозможно понять, как и почему британская разведка была вовлечена в зачастую насильственный уход Британии из своей империи после 1945 г., если сначала мы не разберемся с глубинными причинами того, почему страна отказалась от своей имперской политики. Следует предупредить читателей о том, что это огромная тема, которая имеет столько же различных толкований, сколько и историков. Точно указать, в какой момент начался закат Британской империи, – вот главная головоломка, относительно которой историки не могут сойтись во мнениях. Некоторые доказывают, что он начался в начале XX в. со Второй англо-бурской войны в Южной Африке в 1899–1902 гг., когда Британии потребовалось больше времени, чем предсказывали, и 45 тысяч солдат, чтобы одержать победу над восставшими фермерами в

колонии. Другие датируют его Второй мировой войной, в частности Атлантической хартией, принятой в августе 1941 г., и тогдашней программой ленд-лиза, по которой Соединенные Штаты обеспечивали Великобританию насущно необходимыми боеприпасами и военной техникой. И та и другая означали, что Вашингтон мог диктовать Великобритании и ее империи будущее после войны. Третьи полагают, что решающим моментом был приход к власти 1945 г. нового лейбористского правительства, которое занялось реформой местного управления в британских колониях. Есть и такие, которые считают, что закат империи произошел гораздо позже и начался со злополучного Суэцкого кризиса в 1956 г. На самом деле, вероятно, невозможно точно выделить одно событие, которое символизирует конец имперской власти Британии, хотя если бы мне пришлось выбирать такое событие, то я бы, наверное, выбрал Суэцкий кризис, который по причинам, изложенным в этой книге, стал унижительным провалом для Британии и открыл, что она уже не является главной мировой державой⁷.

Тем не менее из всего написанного за многие годы по поводу того, почему Великобритания поспешно ретировалась из своей империи в послевоенные годы, можно понять, что все объяснения историков четко делятся на четыре категории. Одно объяснение дают историки – сторонники концепции борьбы за независимость, которые утверждают (и в этом нет ничего удивительного), что «борцы за свободу» от колониализма несут ответственность за насильственное изгнание англичан из своих колоний. Второе объяснение строится на экономической необходимости: из Второй мировой войны Великобритания вышла разоренной, перед ней стоял колоссальных размеров финансовый кризис, и в течение двух десятилетий после 1945 г. она была вынуждена урезать расходы на оборону как раз в то время, когда ее военные обязательства в заморских колониях выросли. Как выразился историк Пол Кеннеди, Великобритания в 1945 г. испытывала чрезмерное напряжение в связи со своими имперскими обязательствами и была вынуждена отказаться от колоний, потому что не могла себе позволить сохранять их и дальше. Третье толкование – это отсутствие желания: Великобритания победила в 1945 г., но затем стала терять общественный порядок и не желала больше содержать колониальную империю. Четвертое объяснение состоит во внешнем давлении: после 1945 г. правительство Великобритании подверглось

нападкам на международной арене за свою колониальную политику – отвратительный анахронизм в послевоенном мире, который критиковали и Соединенные Штаты, и Советский Союз⁸.

Очень соблазнительно предположить, что в послевоенные годы статус Великобритании прямолинейно понижался от ведущей мировой державы до государства второго плана, но это не так. Даже ярлык «процесс», навешенный на британскую деколонизацию, вводит в заблуждение, потому что он подразумевает, что это была запланированная программа. Однако так кажется, только когда смотришь назад в прошлое. Ликвидация империи никогда не была записана где-то как целенаправленная политика ни министерством по делам колоний, ни каким-либо другим правительственным департаментом. Предположить, что Великобритания каким-то образом победно пошла к просвещенному постколониальному будущему после 1945 г., значит читать историю задом наперед. На самом деле в очень немногих – если таковые были – официальных английских документах, имеющих отношение к антиколониальным движениям в конце 1940-х – начале 1950-х гг., говорится о «независимости». Вместо этого в них говорится о «самоуправлении», что означало: колонии начинают самостоятельно решать свои собственные дела, а Британия сохраняет контроль над их безопасностью, обороной и внешней политикой.

Самоуправление для колоний означало не то же самое, что полная независимость. Когда в 1945 г. к власти пришло лейбористское правительство Клементы Эттли, оно пересмотрело прежнюю политику Великобритании на Ближнем Востоке, в основном чтобы бороться с посягательствами Советского Союза в этом регионе и перейти от военных баз и автократических режимов к режимам власти, больше опирающейся на широкие массы. Как незабываемо выразился министр иностранных дел Эрнст Бевин, Великобритания будет поддерживать крестьян, а не пашей. На первый взгляд это выглядит как приверженность демократическому правлению в империи, опирающемуся на широкие массы населения, что неизбежно должно было означать в конечном счете независимость колоний. Однако передача Великобританией власти в Индии в 1947 г. и выход из Палестины в 1948 г. не возвестили распад империи под напором приливной волны демократического национально-освободительного движения. Правительство Эттли фактически вставляло палки в колеса

колониального освобождения везде, где только можно. В период между 1948 и 1959 гг. только три колонии получили независимость от Великобритании – Судан (в 1956), Золотой Берег (теперь Гана. – *Пер.*) и Малайя (обе страны в 1957), и некоторые британские официальные лица гораздо дольше пренебрежительно относились к идее уступить колониям больше власти, чем мы можем себе представить. Министр внутренних дел в годы войны Герберт Моррисон утверждал, что дать колониям самоуправление, не говоря уже о независимости, – это все равно что дать десятилетнему ребенку «ключ от американского замка, банковский счет и оружие», в то время как другие говорили, хотя и риторически, о *возрождении* и *восстановлении* империи хотя бы как стратегии для одержания победы в холодной войне. Известный историк империи Джек Галлагер подчеркнул, что набор служащих на работу в министерство по делам колоний удвоился за десятилетие, прошедшее после 1945 г. В этом отношении Британская империя в послевоенные годы подвергалась преобразованиям и обновлениям, на нее не махнули рукой. МИ-5 отнеслась к своей ответственности за империю в годы холодной войны аналогичным образом, сильно расширив ее после 1945 г. И только по мере развертывания событий стало ясно, что ее реформы с целью усилить безопасность империи происходили в то время, когда Великобритания на самом деле теряла свою империю.

Вместо того чтобы следовать разработанной программе, «выход» Великобритании из империи был прагматическим откликом на события, в ходе которого министерство по делам колоний при поддержке МИ-5 пыталось путем переговоров добиться наилучшего результата для британского правительства в ситуации, зачастую уже вышедшей у него из-под контроля. Консерватор Гарольд Макмиллан, который был премьер-министром Великобритании в 1957–1963 гг. и при котором страна быстро «вышла» из империи, сделал известное саркастическое замечание о том, что политические решения принимались «из-за событий, дорогой мальчик, из-за событий». Как любят подчеркивать историки, было два крупных периода, в ходе которых события обрушились на Великобританию и ускорили конец империи: с 1945 по 1948 г. и с 1959 по 1964 г. Основное давление на британское правительство в оба этих периода оказывали США, ООН и великая антиколониальная империя на Востоке – Советский Союз⁹.

Темпы деколонизации Великобритании ускорились, когда в октябре 1959 г. Макмиллан назначил Иана Маклеода министром по делам колоний с наказом «решить вопрос». За два года пребывания на этом посту Маклеод эффективно решил эту задачу. В период 1960–1964 гг. в общей сложности семнадцать британских колоний получили независимость, и, как мы увидим, МИ-5 участвовала во многих случаях передачи власти. Маклеод заявлял, что он намеренно ускорил «выход» из колоний, чтобы избежать продолжительного насилия и большого кровопролития, какие имели место в Бельгийском Конго. Распад бельгийского правления в Конго в 1960 г. с последовавшими хаосом и резней был наглядным предупреждением британским политикам о том, как не надо «выходить» из империи. Один из преемников Маклеода на посту министра по делам колоний Дункан Сандис, который в 1962–1964 гг. стал еще одним великим ликвидатором империи, по выражению историка Дэвида Каннадина, сказал в июле 1964 г., что «у нас нет желания продлевать колониальные обязательства ни на день больше, чем это необходимо». Это высказывание ближе всего подводит нас к официальному провозглашению правительством Макмиллана «конца империи».

По мнению одного из самых известных историков конца Британской империи Рональда Хайама, именно внешнее давление, оказанное на британское правительство Соединенными Штатами Америки, Организацией Объединенных Наций и Советским Союзом, больше чем какая-либо другая причина объясняет, как и почему Великобритания отказалась от своей имперской роли. Как продемонстрировали Хайам и некоторые другие историки, геополитические интересы холодной войны формировали контекст и диктовали образ действий Великобритании. И все тот же контекст холодной войны лежит в основе участия британской разведки в деколонизации Великобритании. Как показано почти в любой истории этого периода, холодная война была в основном конфликтом разведок, в котором разведслужбы западных правительств и стран восточного блока противостояли друг другу и воевали на переднем крае. Один ветеран английской разведки – Майкл Херман – справедливо сказал, что во время холодной войны страны Запада и восточного блока полагались на оценки разведки (друг друга) в такой степени, которая не имела прецедента в мирное время. Учитывая связь, существовавшую

между концом Британской империи и холодной войной, с одной стороны, и холодной войной и разведкой – с другой, нет ничего удивительного в том, что разведывательные службы Великобритании играли значительную роль в деколонизации страны¹⁰.

Эта книга добавляет новую главу к существующей истории последних дней Британской империи, а также к нашему пониманию холодной войны и истории международных отношений после 1945 г. На фоне холодной войны, то есть на фоне быстрого развала отношений между правительствами западных стран и Советским Союзом после 1945 г. и угрожающего призрака развала под эгидой советского КГБ ослабляющейся Британской колониальной империи, британская разведка сыграла решающую роль в том, что послевоенные правительства Великобритании передали власть независимым национальным государствам, разбросанным по всему земному шару. Секретным службам Великобритании пришлось иметь дело с чередой восстаний (или «чрезвычайных ситуаций») по всей империи, но в то же время они пытались поддерживать тесные связи с теми группами, которые зачастую яростно отвергали власть Великобритании. С учетом геополитических интересов холодной войны главным требованием, предъявляемым к Великобритании и ее союзникам, было предотвратить присоединение бывших колоний к числу государств – сателлитов Советского Союза. Так что британская колониальная разведка была на переднем крае холодной войны, отстаивая интересы Великобритании и ее главного союзника на Западе – Соединенных Штатов. Череда восстаний в колониях, которые пережила Великобритания перед концом своей империи, временами угрожала превратить холодную войну в горячую. В этом контексте так называемые особые отношения между Великобританией и Соединенными Штатами – много обсуждаемые особенно по эту сторону Атлантики, но во многом неправильно понимаемые – были опорой и движущей силой огромного количества операций колониальной разведки, к которым прибегла Великобритания в начале холодной войны. Когда в Великобритании один за другим разразились шпионские скандалы, особенно раскрытие «кембриджских шпионов» в 1951 г., давление из Вашингтона вынудило Лондон повысить критерии безопасности не только внутри страны, но и по всей колониальной империи.

Прежде чем идти дальше, будет полезно сказать несколько слов о терминологии. Одна из трудностей изучения истории разведки состоит в том, что подобно изучению правительственных учреждений вообще иногда идеи могут теряться в алфавитной мешанине аббревиатур, так что будет полезно на этом этапе классифицировать часть основной терминологии, которая будет появляться в этой книге. Существуют три главные службы, которые составляют разведку Великобритании: МИ-5, GCHQ и SIS. Служба безопасности, также известная как МИ-5, играет главную роль в этой книге. Это была не просто «внутренняя» разведывательная служба, как иногда думают, а разведывательная служба Британской империи, ответственная за вопросы безопасности (контрразведка, противодействие подрывной деятельности и саботажу) на всей территории Британской империи. Еще существует самая крупная, лучше всех финансируемая и засекреченная разведывательная служба Великобритании – Правительственная школа кодов и шифров (GC&CS), которая после 1945 г. была переименована в Центр правительственной связи (GCHQ). GC&CS несла, а GCHQ продолжает нести ответственность за перехват и расшифровку сообщений, входящих в сферу деятельности радиотехнической разведки (или SIGINT). В-третьих, существует служба внешней разведки Великобритании – Секретная разведывательная служба (SIS), известная как МИ-6, которая отвечала и отвечает за сбор агентурной информации (HUMINT) на территориях за пределами Великобритании по всему земному шару. Из той скудной информации, которую можно найти в доступных источниках, следует, что шпионские операции SIS проходили не так, как операции Джеймса Бонда – ее самого известного вымышленного сотрудника, а скорее так, как описывается на страницах романа Джона Ле Карре: нет никаких прав на убийство и высокотехнологичных приспособлений, есть седовласые мужчины в заполненных табачным дымом комнатах, склоненные над кипами желтеющих бумаг, которым женщины, похожие на экономок, регулярно подвозят чай на тележках.

Самым старшим звеном британского разведывательного сообщества тогда, как и сейчас, был Объединенный центр разведывательных служб (или JIC), который отвечал за упорядочение и проведение сравнительного анализа разведывательной информации, полученной от всех разведслужб (МИ-5, SIS, GCHQ), а также военной

разведки (армейской, военно-морской и военно-воздушной), оценивая ее и передавая в высшие эшелоны британского правительства. Объединенный центр разведывательных служб не был разведывательным органом, *накапливающим* разведданные; он был предназначен для их *оценки*. В первые годы после своего возникновения перед Второй мировой войной он находился под контролем исключительно начальников военных штабов. Однако когда после 1945 г. началась холодная война, и особенно после Суэцкого кризиса 1956 г., ЛИС вышел из-под контроля военных и стал напрямую подчиняться гражданскому кабинету министров. Находясь на вершине разведывательного сообщества Великобритании внутри страны, ЛИС также был центром сложной сети, объединяющей разведывательные службы империи и организации, занимающиеся оценкой информации, которая охватывала всю империю. Когда читаешь отчеты о том, как британская имперская разведка действовала в годы холодной войны, складывается впечатление, что это была превосходно отлаженная, хорошо смазанная машина. В реальности же она развивалась бессистемно и на бумаге выглядела лучше, чем действовала в жизни. Это выяснилось в результате неоднократных провалов разведки в британских колониях после 1945 г., когда руководители разведки не сумели раскрыть очаги антиколониальных восстаний в Палестине, Малайе, Кении, на Кипре и в Адене.

По крайней мере в теории британское разведывательное сообщество образовало сеть, охватывавшую всю империю, через МИ-5. Представители МИ-5, находившиеся в империи и странах Содружества, назывались офицерами связи по вопросам безопасности (SLO). До недавнего времени их деятельность была окутана секретностью, а их операции едва ли оставляли какие-то следы в официальных документах. После недавнего рассекречивания документов МИ-5 можно увидеть, что эти офицеры связи по вопросам безопасности действовали из официальных британских резиденций в британских колониях и странах Содружества – иногда открыто, а иногда под прикрытием, маскируя свою принадлежность к МИ-5 под такими должностями, как второй секретарь посольства или атташе по культуре. Согласно Уставу Генерального директора МИ-5, работа SLO с правительством колонии состояла в том, чтобы обеспечивать «связь, предоставление внешних разведданных, обучение [и] оперативные

консультации». Они напрямую отчитывались перед штаб-квартирой МИ-5 в Лондоне, и оттуда их отчеты – если их считали достаточно серьезными – могли быть переданы наверх, в ЛИС. Офицеры связи по вопросам безопасности также подчинялись региональным бюро МИ-5, таким как Служба обеспечения безопасности на Ближнем Востоке (SIME) со штаб-квартирой в Каире и Служба обеспечения безопасности на Дальнем Востоке со штаб-квартирой в Сингапуре, функцией которых было собирать региональные отчеты МИ-5, а также GCHQ и SIS и передавать самую важную информацию в ЛИС в Лондон. Когда началась холодная война, SLO из МИ-5 также должны были подчиняться и отвечали за связь с местными комитетами по разведке (LICs), которые возникли (в основном по наущению МИ-5) на некоторых колониальных территориях и в странах Содружества. В LICs заседали высокопоставленные местные должностные лица, и на их заседаниях часто председательствовал сам губернатор колонии, что означало: SLO из МИ-5 имели прямой канал связи со всеми самыми высокопоставленными чиновниками в британских колониях. Отчеты LICs также передавались в ЛИС в Лондон, если их находили достаточно серьезными. Проблема была в том, что часто отчеты не считали достаточно серьезными, и они просто двигались наверх согласно иерархии, существовавшей в аппарате колониальной разведки, но не передавались в Лондон. Это стало источником многих провалов, которые пережила британская разведка в одной колонии за другой после 1945 г. Наконец, следует отметить, что основную работу по сбору разведывательных сведений в Британской империи в годы холодной войны проводили специальные отделы, входившие в состав полиции колониальных стран. МИ-5 совершенствовала работу колониальных особых отделов по мере эскалации холодной войны после 1945 г.

Эта книга взяла за основу все изобилие ранее рассекреченных разведывательных документов, которые лишь недавно стали доступны общественности. Их исследование, на которое ушло почти десять лет, основывалось преимущественно на документах МИ-5, что вполне оправдано с учетом того, что МИ-5 была разведкой Британской империи. Исследование включало чтение буквально сотен документов и досье МИ-5, многие из которых были в нескольких томах и насчитывали тысячи страниц. Как и документы МИ-5, документы ЛИС помогли получить общее представление о том, что разведывательные

органы считали угрозами Великобритании и ее империи в послевоенные годы. Эти документы оказались особенно полезными, так как в настоящее время SIS не выпускает документы из своих архивов, хотя недавняя официальная история Кейт Джеффри первых сорока лет существования SIS, как и официальная вековая история МИ-5 Кристофера Эндрю, все же дают понимание тех областей, которые все еще остаются скрытыми от историков. Помимо документов разведки, которые до недавнего времени были засекреченными и хранились под замком в секретных отделах Уайтхолла, я обращался к частным собраниям документов из ряда архивов. Вместе с беседами, проведенными с бывшими сотрудниками разведки, таким образом, стало возможным написать историю британской разведки, холодной войны и заката Британской империи.

Во время подготовки своей докторской диссертации в Кембридже, а затем при проведении последующих изысканий там же я получил волнующую возможность помогать Кристоферу Эндрю в его исследованиях официальной истории МИ-5, не имевших прецедента. Положение помощника дало мне привилегированный доступ к документам МИ-5 до их публикации. И тогда, во время подготовки своей докторской диссертации, и в ходе исследований для написания Кристофером Эндрю санкционированной истории МИ-5, я понял, что в подавляющем большинстве книг о конце Британской империи не раскрыта роль британской разведки. Все документы, которые легли в основу этой книги, в настоящее время рассекречены и доступны для публики в Государственном архиве в Лондоне. Местами есть совпадения между этой книгой и официальной историей МИ-5, написанной Эндрю, но эта книга – более чем история одной разведывательной службы, будь то МИ-5, SIS или GCHQ. Это первая история, основанная на документах, участия всей британской разведки (я имею в виду все три эти службы) в закате Британской империи во время холодной войны.

Эта книга также повествует о серии ранее «потерянных» документов министерства по делам колоний, которые стали доступны публике лишь в апреле 2012 г., после того как одно дело в суде высокой инстанции вынудило правительство Великобритании признать их существование. Эти предположительно «вновь обнаруженные» бумаги, говорят, содержат некоторые из самых страшных документов,

связанных с историей конца Британской империи, а рассказ о том, как они в конце концов увидели свет, представляет собой позорную главу в истории британского колониального правления – огромную «дымовую завесу».

В 2009 г. группа пожилых кенийцев возбудила дело в лондонском Высоком суде против правительства Великобритании из-за грубых правонарушений, якобы совершенных в отношении их, когда пятьдесят лет назад они были задержаны по подозрению в принадлежности к движению мау-мау во время «чрезвычайной ситуации» в колониальной Кении. В ходе судебного разбирательства министерство иностранных дел и по делам Содружества (преемник министерства по делам колоний) было вынуждено сообщить о существовании 8800 досье, которые колониальные власти тайно изъяли из тридцати семи различных британских колоний по всему миру, включая Кению, Кипр, Аден, Палестину, Нигерию и Малайю, когда начался закат империи. Официальное объяснение того, почему эти документы были умышленно изъяты, состояло в том, что они могли «поставить в неудобное положение» правительство ее величества. В реальности дело было в том, что в них хранились некоторые из самых страшных секретов последних дней империи.

Первый тайный склад ранее «утерянных» документов, ставших доступными для публики лишь в апреле 2012 г., выявил, что правительство Великобритании намеренно уничтожало, отбирало и изымало изобличающие его документы из колоний, когда они подошли к порогу обретения независимости, чтобы не дать им попасть в руки новых правительств. Уничтожая и изымая эти документы, Великобритания тогда получила возможность насаждать вымышленную историю своей колониальной филантропии, в которой в отношении местного населения, возможно, и были случаи злоупотреблений, но они были исключениями, а не правилом. «Утерянные» документы министерства по делам колоний выявили, что такое утверждение – нонсенс. Похороны Британской империи были гораздо более кровавыми, чем признавалось или предполагалось ранее¹¹.

Документы, которые не были намеренно уничтожены колониальными чиновниками в последние денечки империи, были переправлены в Великобританию и в конце концов оказались в

совершенно секретном хранилище министерства иностранных дел в Хэнслоу-Парке неподалеку от Милтон-Кейнс в Бакингемшире, где они и оставались спрятанными в течение пятидесяти лет до того момента, когда Высокий суд (при помощи нескольких служащих министерства иностранных дел, решивших, что они должны увидеть свет Божий) вынудил опубликовать их. Официальное название Хэнслоу-Парка звучит нейтрально: «Центр связи ее величества». Но местным жителям он известен как «шпионский центр». Это секретное учреждение имеет долгую историю сотрудничества с британскими разведывательными службами: во время Второй мировой войны здесь размещалась Служба радиотехнической безопасности – подразделение SIGINT, известное как МИ-8, ответственное за обнаружение немецких шпионов, действующих в Великобритании. Мысль о том, что правительство могло «положить не туда» или «потерять» этот архив, так же скандальна, как и абсурдна. Документы по Кении, находившиеся в Хэнслоу-Парке, лежали в трехстах ящиках и занимали 110 футов полка. Благодаря делу кенийцев, представленному в Высокий суд, мы можем теперь увидеть, что Хэнслоу-Парк выступал в роли хранилища документов, раскрывающих подробности самых позорных деяний и преступлений, совершенных в последние дни Британской империи¹².

Это первая книга, которая рассказывает об этом секретном архиве. На момент написания книги только первая волна документов из него была опубликована, но еще больше ждут своей очереди. Поэтому эта книга неизбежно является первой, но не последней, рассказывающей о тайнах, хранящихся в Хэнслоу-Парке. И хотя лишь первый транш этих документов – около 1200 досье – доступен читателям на момент написания этой книги, они все же раскрывают ряд ранее неизвестных ужасающих историй. Они показывают, что «устранение высокопоставленных террористов» было повторяющейся темой секретных ежемесячных отчетов, отсылаемых руководителем разведки в контролируемой Великобританией Малайе в 1950-х гг., что наводит на мысль о том, что Великобритания эффективно проводила там свою политику «стрельбы на поражение». Они также демонстрируют, что приходившие к власти одно за другим правительства Великобритании вводили в заблуждение парламент и общественность по поводу решения предоставить США военную базу на маленьком острове Диего-Гарсия в Индийском океане, а для того чтобы (буквально)

подготовить для этого почву, Великобритания насильно выселила его обитателей из их домов. Эта печальная история имеет отклик ближе к настоящему времени: ту же самую базу на острове Диего-Гарсия США явно использовали в качестве перевалочного пункта в рамках своей политики «чрезвычайной выдачи» в так называемой «войне с террором».

Помимо того что эта книга добавляет новое измерение к нашему пониманию и последних дней Британской империи, и холодной войны, она выявляет четкие и зачастую тревожные аналогии с современным миром. Помимо всего прочего она раскрывает, как западные правительства использовали разведку и злоупотребляли ею, описывает реальные ограничения, с которыми сталкивались не имевшие достаточных ресурсов разведывательные службы, и показывает ту тонкую грань между защитой безопасности и сохранением гражданских свобод – черту, которая в некоторых случаях была перейдена. Она рассказывает о ряде драматических шпионских скандалов, неупоминаемых в печати; показывает, что всего лишь полвека назад британское правительство вступало в заговоры со своими союзниками с целью осуществить «смену режима» на Ближнем Востоке и приукрашивало отчеты разведки, чтобы этого добиться; демонстрирует трудность отслеживания террористических ячеек, которые собирались сеять смерть и разрушение, и главную роль, которую играла разведка в борьбе с жестокими партизанами-повстанцами. Она также предлагает новую историю «выдачи преступников», выявив, что во время Второй мировой войны немецких агентов арестовывали в различных уголках Британской империи, а затем перевозили в засекреченные места для допросов в Великобритании, несмотря на признание МИ-5 сомнительной законности этих действий. Эта книга предоставляет западающие в память свидетельства того, что во время нескольких послевоенных колониальных «чрезвычайных ситуаций» британские солдаты пытали задержанных во время допросов, несмотря на то что британской разведке было известно, что это приводит к обратным результатам и не дает достоверных разведанных. Основная мысль этой книги: повторения таких катастрофических неудач можно избежать только в том случае, если мы осознаем те, которые имели место раньше; или,

как выразился Уинстон Черчилль, чтобы понять настоящее, не говоря уже о будущем, мы должны сначала оглянуться на прошлое.

Глава 1

Тайны Виктории: британская разведка и империя перед Второй мировой войной

Одно преимущество секретной службы состоит в том, что ей не нужно беспокоиться о проверке ее деятельности. Эта служба, безусловно, смехотворно нуждается, но деньгами распоряжаются несколько человек, которые не требуют расписок или представления отчетов по пунктам...

Он думал о грядущих годах, когда Ким вступит в Индии в Большую Игру, не прекращающуюся ни днем ни ночью.

Редьярд Киплинг. Ким¹

Правительства веками занимались шпионажем и сбором разведывательных данных. Действительно, сбор разведывательной информации – который часто называют второй древнейшей профессией в мире – так же стар, как сами правительства. В Великобритании секретная служба действовала по крайней мере со времен правления королевы Елизаветы I в XVI в., которой перед сэром Фрэнсисом Уолсингемом была поставлена задача собирать разведывательные сведения об испанской Армаде и раскрывать различные интриги и заговоры католиков. Однако лишь в XIX в. и, что еще более важно, в начале XX в. британское правительство начало выделять значительные средства на разведку и превращать ее в профессиональную чиновничью организацию. Несмотря на долгую историю тайной шпионской работы Великобритании, на самом деле сбор разведывательных данных быстрее всего развивался не внутри самого королевства, а в Британской империи, которая за XIX–XX вв. разрослась настолько, что стала

величайшей империей во всемирной истории, и именно там разведка нашла для себя особенно важную роль².

С первых дней существования британского разведывательного сообщества, которое возникло в начале XX в., существовала тесная связь между сбором разведанных и империей. Не будет преувеличением сказать, что в первые годы своего существования британская разведка была британской *имперской* разведкой. И это неудивительно, если вспомнить, что разведка играла основную роль в управлении империей, которая к 1920-м гг. охватывала четверть территории и населения мира. После 1918 г., как гордо заметил один географ, империя достигла своей наибольшей протяженности, охватив «один континент, сотню полуостровов, пятьсот мысов, тысячу озер, две тысячи рек и десять тысяч островов». В империи существовали четыре вида зависимых территорий: колонии, протектораты, государства, находящиеся под попечительством, и вверенные территории. С одного конца этого диапазона колониями были территории вроде Кении, где монарх Соединенного Королевства имел абсолютную власть, тогда как вверенные территории, находящиеся на другом конце этого диапазона, вроде Палестины, были переданы Великобритании для управления по особому мандату. На деле зачастую было мало разницы между колониями и протекторатами. Министерство по делам колоний обычно называло территории под управлением «традиционных» правителей с британским министром-резидентом «государствами, находящимися под попечительством». Типология этих зависимых государств была невероятно запутанной (иногда даже для самого министерства по делам колоний).

Одной причиной того, что разведка играла столь важную роль в империи, была нехватка кадров, необходимых для таких огромных территорий. Даже в период расцвета правление Великобритании в Индии осуществляло невероятно малое число административных чиновников (аппарат государственной службы Индии в годы английского господства мог похвастаться в общей сложности всего лишь 1200 должностями) в то время как население Индии составляло, вероятно, около 280 млн человек. До 1939 г. индийская армия, насчитывавшая 200 тысяч человек, вместе с британским гарнизоном из 60 тысяч человек должна была обеспечивать мир на территории от Египта до Гонконга – британских землях «к востоку от Суэца», если

пользоваться выражением тех времен. С такими недостаточными ресурсами, имевшимися в распоряжении британцев, их правящая администрация в Индии нуждалась в современной и достоверной информации о своих врагах – и воображаемых, и реальных. Ее она получала через сеть информаторов и шпионов и путем перехвата сообщений. Ничего удивительного, что, как было сказано в одном исследовании, Британская империя в XIX в. была «империей информации»³.

Сбор информации также вышел на передний план британских военных кампаний в империи в конце XIX в. – начале XX в. Одна из самых воодушевляющих арен для деятельности разведки или проведения шпионских операций находилась на северо-западной границе Индии – в настоящее время это земли, пограничные с Пакистаном, – где викторианская Великобритания вступила в «большую игру» с Россией. Этот конфликт был незабываемо изображен Редьярдом Кипплингом в «Киме» – вероятно, одном из величайших шпионских романов всех времен. В этом романе Кипплинг описал «большую игру» как по сути своей конфликт разведок, который «не прекращается ни днем ни ночью» и в котором и Великобритания, и Россия засылали шпионов и информаторов с целью выявить намерения друг друга. Однако в реальности русские без труда выявляли агентов британской имперской разведки: те зачастую действовали чрезвычайно непрофессионально и использовали ненадежные прикрытия, выдавая себя то за коллекционеров бабочек, то за археологов или этнографов. При этом именно в «большой игре» родились некоторые заметно более профессиональные формы сбора разведывательной информации, особенно в процессе, который позднее станет известен как радиотехническая разведка (SIGINT), перехват и дешифровка сообщений. В 1844 г. в индийской армии было создано одно из первых в мире постоянных дешифровальных бюро, которое добилось заметных успехов в чтении русских сообщений задолго до того, как это сделало какое-нибудь аналогичное европейское SIGINT-агентство. Британские военные также новаторски применяли разведданные во время своих кампаний в Египте в 1880-х гг., успешно используя шпионов и разведчиков для выявления местонахождения египетских вооруженных сил в пустыне⁴.

Сам процесс британской колониальной экспансии в викторианский период, особенно во время начала так называемой схватки за Африку в 1880-е гг., сделал необходимыми новые формы систематического сбора разведывательных данных, таких как топографическая съемка и перепись населения. Занимаясь этой деятельностью, Британия ничем не отличалась от своих соперников – обладателей империй того времени – Франции, России, Германии и Италии. Прежде чем какая-нибудь из колониальных держав смогла бы занять господствующее положение, управлять и эксплуатировать население колоний в Африке и других местах, она сначала должна была составить их карты. Но на практике процесс составления карты империи часто игнорировал реальность. При составлении карт европейские геометрические шаблоны накладывали на аморфные ландшафты, проводя границы, которые разделяли племенные общины, этнические и лингвистические группы. По сей день нетрудно определить границы тех стран, особенно в Африке, которые были проведены европейскими картографами: многие из них идут под прямым углом и проходят через географические рельефы, разделяя этнографические группы. Иногда европейские державы перемещали и переселяли жителей колоний, чтобы *они* отражали этнографическую ситуацию на карте колоний. В «бремени белого человека» как представителя колониальной власти такие тонкие нюансы не имели значения⁵.

С учетом вышеизложенного далеко не совпадением является тот факт, что первая Дирекция военной разведки Великобритании, учрежденная в 1887 г., выросла из Департамента топографии и статистики военного министерства, который отвечал за картографирование большей части Британской империи. Более того, именно жестокая колониальная «маленькая война» на краю Британской империи – Вторая англо-бурская война, разразившаяся в Южной Африке в 1899–1902 гг., впервые подала правительству Великобритании сигнал о необходимости создания постоянной разведывательной службы. Так называемая Бурская война показала военачальникам Великобритании, начальникам штабов в Лондоне, насколько хрупки ее колониальные владения. Британским военным потребовалось гораздо больше времени (три года), чем ожидалось, и 45 тысяч солдат, чтобы разгромить группу восставших фермеров-буров голландского происхождения в колонии на мысе Доброй Надежды (в

настоящее время Южная Африка), которые изматывали британскую армию партизанской войной. Следует отметить, что при подавлении этого мятежа британские военные разработали некоторые ужасающие приемы противодействия, в частности построили «концентрационные лагеря» или лагеря для интернированных, где «концентрировались» люди, подозреваемые в участии в восстании. Этот вид войны, когда различие между участниками боевых действий и невоюющими гражданскими лицами размыто, страшным эхом отозвался в XX в. Что же касается разведки, то тот вид нерегулярных боевых действий, с которым Великобритания столкнулась в Бурской войне, подобный тому, с чем имели дело другие европейские державы в своих собственных колониальных «маленьких войнах» – буквально «партизанских» по-испански, – выявил первостепенную необходимость эффективного сбора разведывательных сведений. Фактически во время Бурской войны британский офицер, подполковник Дэвид Хендерсон, написал важный документ для военного министерства в Лондоне «Полевая разведка: ее принципы и практика», который стал основой руководства – «Инструкции по ведению разведки в полевых условиях», опубликованной военным министерством в 1904 г. Это руководство стало вдохновляющей идеей для создания Разведывательного корпуса британских сухопутных войск, основанного десятью годами позже в начале Первой мировой войны⁶.

Несмотря на долгую историю сбора разведывательной информации, переломный момент наступил в начале XX в. Отчасти в ответ на страхи относительно хрупкости британского колониального владычества, как показала Бурская война, но более конкретно – в результате страха перед растущей угрозой, которую представляла собой Германская империя, в октябре 1909 г. правительство Великобритании приняло важное решение – создать постоянный департамент, занимающийся сбором разведанных в мирное время. Это решение было принято Комитетом обороны империи, – и, что важно, это была оборона империи, которая привела к возникновению британских «шпионских агентств». Этот департамент, известный как «Бюро секретных служб», был разделен на два направления. «Внутреннее» направление МО-5(g) отвечало за разведку в целях обеспечения безопасности – контрразведку, борьбу с диверсиями и подрывной деятельностью. Во время Первой мировой войны МО-5(g) было

переименовано в военную разведку 5, или МИ-5, а после войны еще раз – в Службу безопасности – и это двойное название (Служба безопасности и МИ-5) оно сохраняет и по сей день. Сэр Вернон Келл, отставной офицер Южного Стаффордширского полка, был генеральным директором МИ-5 с 1909 по 1940 г. – приблизительно треть ее существования на сегодняшний день, и это был самый длительный срок пребывания на каком-либо руководящем правительственном посту в Великобритании⁷.

Тем временем «зарубежное» подразделение Бюро секретных служб, сначала известное как МИ-1С, во время Первой мировой войны было переименовано в военную разведку 6, или МИ-6. С той поры ее знают как МИ-6, или Секретную разведывательную службу (SIS), – она и по сей день сохраняет двойное название. Ее первым руководителем был сэр Мэнсфилд Камминг, офицер Королевского военно-морского флота, который рано ушел в отставку из-за плохого здоровья. По рассказам, он был замечательным человеком. В начале Первой мировой войны он отрезал себе ногу перочинным ножом, чтобы отползти подальше от места аварии своей машины. После этой автокатастрофы он был вынужден пересесть в инвалидную коляску, и его коллеги позже вспоминали, что он навел ужас в коридорах власти Уайтхолла, на большой скорости вылетая из-за угла⁸.

Принимая решение о создании департамента профессиональной разведки в 1909 г., британское правительство с запозданием вступило в «разведывательную игру» по сравнению с другими европейскими державами, большинство из которых уже обзавелись такими департаментами в начале XX в. Во Франции «черный кабинет» (*cabinets noirs*), занимавшийся расшифровкой сообщений, появился в середине XIX в., в царской России существовала печально известная «охранка», а в Германии – специализированная разведывательная служба *Nachrichtendienst*, которая действовала по крайней мере со времен Франко-прусской войны в 1870 г. Великобритания с опозданием влилась в мир шпионажа ввиду сильного противодействия некоторых политиков времен королевы Виктории и короля Эдуарда, которые провозгласили разведку по своей природе «неанглийским занятием»: как говорится, джентльмены «не читают корреспонденцию друг друга», и слово *espionage* – даже неанглийское слово, как любили подчеркивать

некоторые. Такую постыдную деятельность лучше оставить для континентальных держав, для которых она подходит⁹.

Создание двух служб, которые позднее станут известны как МИ-5 и SIS, представляло собой, по сути, разрыв со всей деятельностью по сбору разведывательной информации, проводимой до этого момента. Впервые правительство получило в свое распоряжение профессиональные разведслужбы, предназначенные для мирного времени. Функциональные различия между МИ-5 и SIS, особенно юрисдикционные споры о «внутренней» и «зарубежной» территории, оказались непростым вопросом, который был решен лишь в последующие десятилетия. Тем не менее решающим является то, что в отличие от всех действий разведки Великобритании по сбору разведанных, до этого момента после 1909 г. правительство получило независимую разведывательную бюрократию со своей канцелярией и картотекой, которая собирала воедино информацию из всех источников, имевшихся в ее распоряжении. Если до этого британские военные и различные правительственные департаменты, вроде Индийского бюро, собирали разведывательные сведения и вели шпионскую работу для своих целей часто непродуманно, то службы, созданные в 1909 г., имели двуетадивную задачу – собирать и оценивать разведанные. Они также были «междепартаментными», то есть они должны были «обслуживать» все департаменты британского правительства, предоставляя им необходимую информацию. И хотя МИ-5 и SIS вышли из департамента военной разведки Великобритании (МО-5), они отличались от разведок вооруженных сил, которые не были «междепартаментными». Во всех трех видах вооруженных сил – сухопутных войсках, Королевском военно-морском флоте и Королевских военно-воздушных силах – продолжали существовать свои собственные разведки, но именно МИ-5 и SIS (а позднее GC&CS) обычно считают британскими разведывательными службами, или, говоря более обтекаемо, «британской разведкой». При образовании МИ-5 и SIS также впервые произошла градация секретной информации на секретную и совершенно секретную. Так, если департаменты правительства Великобритании до 1909 г. *собирали информацию* и продолжали делать это и впредь, то достижением для правительства стало то, что после 1909 г. оно впервые стало обладателем своих собственных *разведывательных служб*.

И по сей день МИ-5 и SIS сохраняют многое из того, что было у них в ходу на заре их деятельности. Для начальников SIS сохраняется обозначение «С», которое впервые было использовано сэром Мэнсфилдом Каммингом (*Cumming*) и понималось по-разному, являясь первой буквой то ли его фамилии, то ли слова «шеф» (*chief*). К другим традициям SIS, возникшим в самом начале ее деятельности и существующим в наши дни, относятся горящая зеленым светом лампочка над кабинетом С (указывающая на то, что С занят), особые зеленые чернила, которыми пишет только С, и повсеместное и иногда бессмысленное использование кодовых названий. Отчеты SIS по-прежнему называются «отчетами СХ», что, очевидно, означает «только для С». Аналогичная преемственность существует и в МИ-5. Термины «отложить» (P/A) и «найти» (L/U), например, можно увидеть на обложках бесчисленных рассекреченных документов МИ-5; они указывают, когда папка была найдена и отложена в находящийся в надежном месте шкаф. Оба этих термина использовал Келл вскоре после создания «бюро». Это же применимо и к термину «ничего криминального» (NRA), который имеет отношение к одному из самых важных, но наименее эффективному виду деятельности, которой офицеры МИ-5 занимаются со времен Келла: когда сотрудник МИ-5 нашел досье какого-то человека в центральном архиве службы, но не выявил в отношении его ничего криминального.

Помимо эксцентричных традиций и обозначений, МИ-5 и SIS сохранили гораздо больше важных функций, унаследованных ими с более давних времен. С самого начала их деятельности было установлено, что ни одна из этих двух служб не будет иметь никакой исполнительной власти. В противовес правоохранительным органам, вроде Лондонского особого отдела в Скотленд-Ярде или ФБР в США, ни МИ-5, ни SIS никогда не имели полномочий арестовывать людей. Читатели, быть может, с разочарованием узнают, что у офицеров SIS никогда не было права убивать. Вместо этого МИ-5 и SIS всегда полагались на полицейские власти Великобритании, в частности особый отдел, которые проводили для них аресты. Это была умышленная стратегия со стороны начальников штабов и правительства Великобритании. Путем отделения сбора информации от обеспечения правопорядка, его охраны и исполнительских действий в большинстве случаев они надеялись избежать создания «полицейского

государства», которое, как они опасались, возникнет, если у секретных служб будут полномочия проводить аресты. Они также, по-видимому, пришли к заключению, что охрана общественного порядка – совершенно другой вид деятельности, отличный от работы разведчика, который не обязательно связан с арестами или правоприменением. Сбор разведывательных сведений включает получение информации на опережение, профилактически – фрагментов информации из разных мест, которые могут стать когда-нибудь или не станут важными. Это различие между разведкой и охраной правопорядка сохраняется по сей день и на деле является одной из причин, по которой ФБР в начале XXI в. считается плохо оснащенной для противодействия террористическим угрозам, которое требует проведения разведки на опережение, а не контроля за соблюдением порядка¹⁰.

Несмотря на заметную преемственность в истории МИ-5 и SIS начиная с 1909 г., было бы ошибкой предполагать, что за годы, прошедшие сразу за их созданием, они чем-то были похожи на службы, которыми впоследствии станут. Это миф, что еще с XVI в. «британская разведка», как и сама Британская империя, неуклонно наращивала свои размеры и влияние, запуская свои щупальца по всему миру. Этот миф берет начало главным образом у романистов времен короля Эдуарда типа Эрскина Чайлдерса, в чьих произведениях, таких как «Загадка песков», изображается могущественная разведывательная служба Великобритании, активно расстраивающая планы своих врагов как внутри страны, так и за ее пределами. Реальность была далека от таких выдумок. На протяжении многих лет после своего создания и МИ-5, и SIS отчаянно нуждались в денежных средствах. Дневник сэра Вернона Келла – первого руководителя МИ-5, прослужившего на своем посту дольше всех, – показывает, скольким опасностям подвергалось существование этой организации в самом начале. В годы перед Первой мировой войной МИ-5 и SIS выделялся мизерный бюджет. После начала войны в 1914 г. весь штат МИ-5 насчитывал пятнадцать человек, включая сторожа офиса. Штат SIS был таким же малочисленным. В первую неделю пребывания на своем посту в 1909 г. первый директор SIS сэр Мэнсфилд Камминг с грустью записал в своем дневнике, что он сидит один в своем новом кабинете, в котором не звонит телефон, и никто к нему не заходит, потому что бюро слишком засекречено и не

включено в список абонентов Уайтхолла. Во многом это была работа «одного человека с собакой»¹¹.

Первая мировая война привела к быстрому росту аппарата тайного государства Великобритании точно так же, как и аналогичные службы во всех других воюющих европейских странах. На самом деле справедливым будет сказать, что война была событием, которое создало государственную безопасность в ее современном виде. Каждое воюющее государство создало беспрецедентную систему слежки, а тяготы «тотальной войны», на ведение которой были мобилизованы все ресурсы страны, повлекли за собой значительное повышение мер безопасности и расширение слежки как в Великобритании, так и по всей империи. Тотальная война требовала тотальной слежки. Все воюющие правительства были обеспечены колоссально разросшимися полномочиями по задержанию и расследованию, особенно посредством перехвата корреспонденции. Штат МИ-5 разительно расширился после 1914 г., и горстка служащих, работавших накануне войны, превратилась в коллектив из 844 человек в 1918 г., из которых 133 человека были офицерами в противоположность другим рангам; а ее центральная картотека, содержащая сведения о людях и организациях, разрослась с 17 500 файлов в 1914 г. до более 250 тысяч карточек и 27 тысяч персональных досье в 1918 г. Закон о защите королевства (DORA), принятый вскоре после начала боевых действий в 1914 г., дал МИ-5 и другим департаментам тайного государства Великобритании колоссально разросшиеся полномочия по ведению слежки. Это иллюстрирует тот факт, что в начале войны Управление почт имело в штате одного цензора, который мог перехватывать, вскрывать и анализировать корреспонденцию, а к ее концу штат цензоров разросся до 2 тысяч человек, каждый из которых вскрывал в среднем 150 писем в день. Также во время Первой мировой войны МИ-5 стала более чем просто «внутренняя» разведывательная служба, как иногда по ошибке все еще думают, и сделала заявку на то, чтобы стать имперской службой, отвечающей за обеспечение безопасности на всех территориях Великобритании, разбросанных по всему земному шару¹².

Первую мировую войну часто считают европейской войной, и такую точку зрения на нее подкрепляют известные военные стихи о Западном фронте, которые ярко передают ужасающие реалии окопной войны, когда тысячи людей отправляются на смерть в условиях,

сходных с адом на земле. В реальности же с самого начала это была мировая война. В противоположность тому, что можно было бы ожидать, первые выстрелы, произведенные войсками Великобритании на суше в этой войне, прозвучали не в Европе, а 12 апреля 1914 г. на немецкой радиостанции в Того, а вскоре после начала военных действий прусско-германский Генеральный штаб стал неуклонно придерживаться политики провоцирования революций и подрывных действий (она называлась *Revoluti-onpolitik*) в колониальных империях и «слабых местах» врагов Германии. В сентябре 1914 г. канцлер Германии Теобальд фон Бетман Гольвег сказал своему министру иностранных дел: «По-видимому, Англия решила вести войну до последнего... Таким образом, одной из наших главных задач является постепенно измотать Англию беспорядками в Индии и Египте». Показательно, что, если британцы использовали выражение «Великая война», немецкие военные с самого начала говорили о «мировой войне» (*Weltkrieg*)¹³.

В 1914 г. в Генеральном штабе Германии был создан новый отдел – Агентство восточных новостей (*Nachrichtenstelle fur den Orient*), которое было придано министерству иностранных дел под руководством прусского аристократа, археолога и исследователя Макса фон Оппенгейма. Рассказы о подвигах Агентства восточных новостей Оппенгейма читались как фантастические истории о подлых заговорах Германии с целью возбудить беспорядки в Индии, которые можно найти в классическом шпионском романе времен войны Джона Бакена «Зеленый плащ» (1916). Бакен описывает дьявольский план, разработанный центральными державами с целью спровоцировать восстания на Ближнем Востоке и Индии, расстроить который выпадает его героям – майору Ричарду Хэннею и его другу Сэнди Арбутноту, полиглоту и мастеру причудливой маскировки. На самом деле сюжет Бакена был не настолько нелеп, каким автор нарочно его сделал. Бакен служил военным корреспондентом и недолго – офицером военной разведки в британской штаб-квартире во Франции, где он имел доступ к разведывательным документам. Его роман в какой-то степени был выдумкой, но не по своей сути¹⁴.

Реальность была такова, что перед войной Германия тщательно развивала связи с Турцией и другими ближневосточными странами, которые выступали в роли ворот в Британскую Индию. С 1890-х гг.

император Германии – кайзер Вильгельм II финансировал строительство железной дороги Берлин – Багдад и во время поездки в Дамаск в 1898 г. дошел до того, что объявил себя «защитником» всех мусульман, хотя неясно, какая на это была реакция. Разведывательное бюро Оппенгейма отвечало за подстрекательство к восстанию среди врагов Германии и в разные периоды во время войны финансировало французских пацифистов и мексиканских националистов и превосходно – или постыдно, в зависимости от точки зрения, – помогало русскому эмигранту по имени Владимир Ильич Ульянов, широко известному под псевдонимом Ленин, вернуться в Россию в апреле 1917 г. с достаточными средствами в запломбированном бронированном вагоне и вскоре после приезда успешно раздуть революцию против Временного правительства. Нет никаких доказательств, что сам Ленин был немецким шпионом, но, безусловно, Агентство Оппенгейма оказывало ему финансовую поддержку – хотя, очевидно, сам Ленин стал бы доказывать, что это он играл с разведслужбами Германии, а не наоборот. Тем не менее во многом революция большевиков была величайшим успехом германской разведки в военное время. Между тем главными мишенями Агентства Оппенгейма в Британской империи были индийские и бенгальские националисты, ирландские республиканцы и арабские джихадисты¹⁵.

5 ноября 1914 г., вскоре после начала боевых действий, Османская империя вступила в войну на стороне Германии, и в основном в результате давления со стороны правительства Германии турецкий халифат издал фетвы, предписывающие всем мусульманам начать священную войну (джихад) против Великобритании и ее союзников. Документы военного министерства Великобритании раскрывают степень озабоченности начальников штабов в Лондоне подрывной деятельностью в индийской армии, треть солдат которой была мусульманами. Не остался без внимания ни начальников штабов, ни МИ-5 тот факт, что приблизительно половина из тогдашних 270 миллионов мусульман жила под властью либо Великобритании, либо России, либо Франции¹⁶.

В начале войны Индия была единственной частью Британской империи, с которой МИ-5 поддерживала непосредственный контакт, обмениваясь информацией с начальником Уголовного розыска (DCI) в Дели – майором Джоном Уоллингером. Раньше главная

ответственность за отношения с индийскими «бунтовщиками» или «революционерами» (членами организации «Гхадр») падала на Лондонский особый отдел, но в ходе войны МИ-5 стала все больше занимать ведущее положение в отношениях с индийскими революционерами в Великобритании. После 1914 г. министерство иностранных дел Германии создало в Берлине «Индийский комитет», который вращался вокруг сосланного индийского ученого и юриста Вирендраната Чатопадайи, который стал революционером, когда изучал юриспруденцию в «Миддл темпл» в Лондоне, и был доверенным лицом человека, который позднее станет первым вождем независимой Индии, – Джавахарлала Неру. Один из агентов Чатопадайи в Великобритании времен войны Хариш Чандра был выявлен МИ-5 благодаря перехваченной корреспонденции и допрошен офицерами МИ-5 в октябре 1915 г. Они убедили его выступить в роли двойного агента, и он надлежащим образом передавал значительные объемы информации о заговорах Германии в Индии. МИ-5 и начальников штабов обнадежило то, что сведения, переданные Чандрой, говорили о том, что министерство иностранных дел Германии строит все более нереалистичные и далеко идущие планы, касающиеся подрывной работы в Индии. Перехват писем 138 тысяч индийских солдат, служивших на Западном фронте, тоже убедил МИ-5 и военное министерство, что среди тех солдат не было широкой поддержки ни революционеров, ни панисламизма, хотя один цензор все же доложил о тревожной тенденции среди них писать стихи, которую он счел «зловещим признаком душевного беспокойства». Было решено, что лучшая стратегия – дать возможность министерству иностранных дел Германии продолжать тратить свое время, деньги и энергию на бесплодные планы подрывной деятельности в Индии¹⁷.

Главным экспертом МИ-5 по Индии в военное время был Роберт Натан, который поступил на службу в ноябре 1914 г., до этого проведя двадцать шесть лет на государственной службе в Индии, а также побыв заместителем ректора Университета Калькутты, прежде чем был вынужден уйти в отставку по состоянию здоровья. В МИ-5 Натан окружил себя ветеранами индийской армии, полиции и государственной службы. К 1917 г. подразделение G МИ-5, отвечавшее за расследования, насчитывало в общей сложности двадцать восемь служащих, восемь из которых до этого служили в Индии. Это была

необычно большая группа ветеранов службы в Индии для любого департамента правительства Великобритании за пределами самой Индии. Одной из постоянных забот Натана в военное время были возможные политические убийства на британской земле. В июле 1909 г. член революционной индийской организации «Гхадр» убил сэра Уильяма Керзона Уайли, бывшего офицера индийской армии и помощника госсекретаря по вопросам Индии, на ступенях министерства по делам Индии в Лондоне. Имея информацию, предоставленную двойным агентом Чандрой, МИ-5 опасалась, что подобные попытки могут быть предприняты во время войны. Ни один такой заговор не осуществился, но МИ-5 продолжала перехватывать и скрупулезно изучать корреспонденцию известных революционеров, живущих в Лондоне. Весной 1916 г. Натан поехал в США, где его разведка предоставила властям Соединенных Штатов большую часть доказательств, которую те использовали на двух главных судебных процессах, связанных с движением «Гхадр», первый из которых проходил в Чикаго в октябре 1916 г. и закончился признанием виновными трех его активистов. Второй суд, проводившийся в Сан-Франциско, дошел до драматической кульминации в апреле 1918 г., когда один из обвиняемых Рам Сингх насмерть застрелил руководителя организации «Гхадр» Рама Чандру Пешавари в центре зала суда. Начальник Специальной службы в Лондоне Бэзил Томпсон прокомментировал это так: «В Западных [Соединенных] Штатах такие происшествия не нарушают присутствия духа членов выездной сессии суда: помощник шерифа выхватил пистолет из своего кармана и со своего находящегося на возвышении места позади суда насмерть застрелил убийцу, целясь вверх и между мешавших ему голов»¹⁸.

Индийский национальный конгресс – политический орган, который позднее станет главной движущей силой антиколониального национально-освободительного движения в Индии, по-видимому, не привлекал к себе внимания МИ-5 или какой-то другой части британского разведывательного сообщества во время Первой мировой войны. Отчасти так было потому, что у конгресса во время войны не было существенных связей с Германией, а также потому, что до 1914 г. он представлял собой организацию чуть более серьезную, чем полемизирующее общество представителей среднего класса, собирающееся лишь время от времени. Ничто не предвещало, что

после войны оно превратится в массовое движение, которое станет центром сопротивления британскому владычеству в Индии. Такое изменение судьбы Индийского национального конгресса произошло благодаря Мохандасу Карамчанду «Махатме» Ганди – барристеру, получившему английское образование в «Иннер темпл», который более чем кто-либо другой способствовал краху Британской империи в Индии спустя поколение. Тем не менее, оглядываясь назад, мы видим, что в довоенные и военные годы МИ-5 и руководство британской разведки в Индии проявили поразительное отсутствие интереса к Ганди. Когда в 1915 г. он вернулся в Индию из Южной Африки, где развивал приемы *satyagraha* (пассивного сопротивления), которые позднее использовал против британского господства в Индии, Департамент уголовного розыска в Дели охарактеризовал его как «ни анархист, ни революционер», а просто «причиняющий беспокойство агитатор, энтузиазм которого часто заставлял его переступать границы законов Южной Африки по отношению к азиатам»¹⁹.

В связи с мировым масштабом войны в тот же самый год, 1915-й, начальники штабов Великобритании распорядились, чтобы в МИ-5 был создан отдел для борьбы с финансируемой Германией подрывной деятельностью в Британской империи. Этот новый отдел Д в МИ-5, возглавляемый офицером по имени Фрэнк Холл, быстро разрастался, так что к 1917 г. насчитывал уже девятнадцать служащих. Для прикрытия отдел Д носил название «Центральное бюро спецопераций», когда выходил на связь с правительствами колоний и стран Содружества. Согласно послевоенному докладу, составленному по отделу Д, в зону его ответственности входило проведение визовых проверок отдельных граждан, путешествующих по империи, и обеспечение колониальных правительств информацией об известных и предполагаемых немецких шпионах. К 1916 г. отдел Д наладил контакты с «властями, отвечающими за контрразведку, почти в каждой колонии». Однако в реальности во время войны МИ-5 не имела своих офицеров в британских колониях или на других зависимых территориях за рубежом. Вместо этого она выступала в роли организации по сбору, классификации и распространению информации в отношении разведки и подрывной деятельности Германии, поддерживая прямые личные контакты с рядом колониальных полицейских управлений, известных как «связи», и собирая воедино

всю информацию, которую она получала от этих связей по всей империи, в один реестр, который в 1917 г. насчитывал около 45 тысяч досье. К концу войны МИ-5 могла по праву похвастаться тем, что является обладательницей уникального, охватывающего всю империю каталога (указателя) разведывательной информации. Одним из явных проявлений ее разительно расширившихся обязанностей стали знаменитые «черные» списки немецких шпионов, которые были отправлены всем правительствам колоний и стран Содружества. Из одного тома в 1914 г. их объем вырос до весомого двадцати одного тома в 1918 г., куда входили 13 524 имени²⁰.

Самый известный пример попытки Германии финансировать подрывную деятельность в Британской империи вызвал британские меры противодействия, предпринятые теперь ставшим уже легендарной фигурой Томасом Эдвардом Лоуренсом, или Лоуренсом Аравийским, – оксфордским историком, археологом, картографом, лингвистом, разведчиком и опытным партизаном. Лоуренс и его коллеги – группа самопровозглашенных «диверсантов» – в 1914 г. создали так называемое Аравское бюро в Каире, которое первым использовало партизанскую войну в борьбе с турецкими войсками, воюющими на стороне Германии и центральных держав на Аравийском полуострове. Во многих отношениях усилия Лоуренса и британских войск на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны представляли собой первую современную разведывательную войну: контингент Лоуренса соединял разведданные, полученные от шпионов, с информацией, полученной посредством радиоперехватов, – эти в наши дни известны как агентурная (HUMINT) и радиотехническая разведки (SIGINT) соответственно. Использование воздушной разведки, в настоящее время известной как изобразительная (IMINT) разведка, также было впервые предпринято Королевским корпусом военно-воздушных сил в чистом небе над Аравийским полуостровом²¹.

Самым большим успехом Аравского бюро за его четырехлетнее существование в годы войны стало то, что ему удалось убедить военное министерство в Лондоне не отправлять экспедиционные войска в Аравию. Лоуренс и другие сотрудники Аравского бюро доказали, что постоянные британские войска, высаженные в Хиджазе – каменистой провинции на побережье Красного моря, неизбежно станут для арабов войсками вторгшихся на их территорию христиан, войсками

«крестоносцев» со всеми катастрофическими последствиями, из этого вытекающими. Вместо этого Арабское бюро настаивало на том, чтобы англичане заключили союз с местной хашимитской династией, которая могла взять на себя основную ответственность за борьбу с центральными державами на Аравийском полуострове, которой Британия будет оказывать поддержку, обеспечивая разведку и ведя партизанскую войну. Именно так и случилось. Британский контингент, возглавляемый Лоуренсом, стал сотрудничать с шерифом Мекки Хусейном ибн Али, который утверждал, что ведет свой род от Мухаммеда и Адама, и провел ряд эффективных и успешных партизанских нападений на турецкие и германские войска на Синайском полуострове, осуществив отвлекающие нападения на железные дороги и отдельные гарнизоны в Хиджазе от Акабы до Аммана и Дамаска. В своем знаменитом повествовании о собственных ярких военных подвигах «Семь столпов мудрости» Лоуренс подчеркнул, что сбор разведывательных данных был ключом к успешной партизанской войне. «Передним краем партизанской войны, – писал он, – являются точные разведданные». Задача Лоуренса во время войны состояла в том, чтобы отвлекать турецкие войска от Палестины на защиту железной дороги в Хиджазе. Благодаря диверсионной деятельности Лоуренса в Хиджазе командующий египетской экспедиционной армией генерал Эдмунд Алленби успешно добился побед в Газе и Безр-Шеве, которые в конечном счете привели к захвату Иерусалима в декабре 1917 г. Лоуренс присоединился к победному пешему вступлению Алленби в Священный город – это были первые солдаты-христиане, которые овладели городом со времен крестоносцев²².

Помимо попыток спровоцировать подрывные действия против англичан в Индии и на Ближнем Востоке, немецкие военные также спонсировали беспорядки в ближайших к Великобритании ее имперских владениях – Ирландии. На самом деле один из самых печально известных эпизодов с участием британской разведки за всю Первую мировую войну был связан с попытками Германии сколотить союз с ирландскими республиканцами-диссидентами. В годы войны отдел радиотехнической разведки британского адмиралтейства под кодовым названием «комната № 40» под руководством Реджинальда «Блинкера» Холла вырос численно и по своей значимости и успешно

перехватывал и читал многие немецкие сообщения. Как и в отношении остальной части британского разведывательного сообщества, война изменила масштаб и характер британской SIGINT, вводя в практику дешифровку сообщений такими способами, которые раньше не существовали в Британии. Одним из самых известных немецких сообщений, перехваченных в годы войны и распространенных «комнатой № 40», была так называемая «телеграмма Циммермана» в январе 1917 г., в которой министр иностранных дел Германии Артур Циммерман предлагал правительству Мексики шанс вернуть себе утраченные территории в Соединенных Штатах, включая Техас, Аризону и Нью-Мексико, если оно объявит войну США. И хотя общеизвестно, что телеграмма Циммермана явилась одной из причин вступления США в войну, роль, которую сыграла «комната № 40» в этом эпизоде, все еще недостаточно оценена в большинстве историй Первой мировой войны, несмотря на то что она обсуждалась историками разведки на протяжении свыше тридцати лет: «комната № 40» перехватила эту знаменитую телеграмму и передала ее властям США, которые затем публично разоблачили ее, утаив роль британских дешифровщиков²³.

За два года после начала войны в 1914 г. дешифровщики из «комнаты № 40» расшифровали по крайней мере тридцать две немецкие телеграммы, имевшие отношение к ирландским националистам. Самые важные из них имели отношение к Пасхальному восстанию в апреле 1916 г. и помощи, оказанной Германией сосланному ирландскому деятелю национально-освободительного движения сэру Роджеру Кейсменту в проведении восстания в Дублине. Усилия «комнаты № 40» по их расшифровке дали правительству Великобритании информацию о восстании и оружии, поставляемом Германией Ирландии. По информации, предоставленной «комнатой № 40» в апреле 1916 г., Королевский военно-морской флот перехватил подводную лодку, перевозившую Кейсмента в Ирландию, до того как он выполнил свою миссию. В конечном счете Кейсмент был казнен англичанами в Дублине в августе 1916 г. Во время своего тюремного заключения он умолял британские власти позволить ему связаться с вождями восстания и убедить их отказаться от своих планов. Но кажется сомнительным, что, даже если бы он и действовал таким образом, это помешало бы совету Ирландского республиканского

братства действовать. Более того, теперь мы знаем, что сомнительные «Дневники Кейсмента», страшные подробности которых, включая красочные описания гомосексуальных походов Кейсмента, были намеренно опубликованы «Блинкером» Холлом с целью очернить имя Кейсмента во время суда над ним, были не фальшивкой, состряпанной англичанами, как утверждали многие ирландские националисты и тогда, и сейчас, а подлинными. Попытки правительства Германии подстрекать к действиям антибританскую «пятую колонну» в Ирландии – вести закулисные интриги в Англии – были стратегией, которую спустя поколение повторил Гитлер во Второй мировой войне²⁴.

Если британское тайное государство быстро расширилось в годы Первой мировой войны, то послевоенные годы увидели такое же быстрое сокращение его ресурсов. Бюджеты и МИ-5, и SIS были урезаны, и штат МИ-5 сократился с 844 служащих в 1918 г. до 25 в 1925 г. Следует подчеркнуть, что истощающиеся финансы британского тайного государства после 1918 г. были ярким контрастом по отношению ко многим государствам послевоенной Европы, которые обратились к различным формам кровавого авторитарного режима. В Советской России, фашистской Италии и нацистской Германии штат тайной полиции быстро расширялся, а ее руководители применяли к своему населению даже в мирное время такие приемы, наработанные во время Первой мировой войны, как массовая регистрация и задержание. В то время как в период 1914–1918 гг. британское правительство интернировало по крайней мере 32 тысячи «враждебных иностранцев» из соображений безопасности главным образом по рекомендации МИ-5, такие радикальные методы в Великобритании применялись только как «чрезвычайные меры». Однако в тоталитарных государствах – нацистской Германии и Советской России, которые реально воевали все это время и проводили среди населения мобилизацию по законам военного времени, – применялись меры безопасности военного времени, даже когда наступил мир. Глава немецкой разведывательной службы в годы Первой мировой войны Вальтер Николаи резюмировал эту точку зрения, когда писал, что для того, чтобы Германия снова стала мировой державой, она должна вести себя так, будто она находится в «состоянии войны в мирное время», и собирать разведывательную информацию обо всех своих врагах как внутри страны, так и за ее пределами. В противоположность этому

финансы британского тайного государства были урезаны так радикально в послевоенные годы, что к 1925 г. МИ-5 перехватывала в общей сложности лишь двадцать четыре почтовых и телефонных отправления во всей Великобритании. Ее штат к 1929 г. состоял из всего лишь шестнадцати служащих, и, как гласит собственная история МИ-5, ее финансирование было в 1920-х гг. настолько недостаточным, что ее деятельность «сократилась до минимума». Между 1919 и 1931 гг. МИ-5 получила функцию расследовать подрывную деятельность в британских вооруженных силах²⁵.

Несмотря на сокращение финансирования на протяжении 1920-х и 1930-х гг., МИ-5 продолжала гордиться своими обязанностями в империи, полученными ею во время Первой мировой войны. В межвоенные годы подавляющая часть обязанностей МИ-5 была сфокусирована на угрозе, которую представлял собой Советский Союз. Оглядываясь на прошлое, можно увидеть, что МИ-5 и SIS неверно оценили и запоздало отреагировали на растущую угрозу, которую стала представлять нацистская Германия после прихода к власти Гитлера в 1933 г. И все же сосредоточение усилий МИ-5 на Советском Союзе вряд ли было нелогичным. Вскоре после большевистской революции 1917 г. Советский Союз стал такой же империей, как и бывшая царская Россия, которую он сменил, и представлял собой такую же угрозу для Британской империи. Придя к власти, Ленин немедленно дал обещание поддерживать всемирную революцию против империализма, который, как известно, он назвал «наивысшей формой капитализма». Угрозу, которую представлял собой Советский Союз Британской империи, раскрыл глава разведывательного бюро в Дели сэр Дэвид Петри, который в дальнейшем стал генеральным директором МИ-5 с 1941 по 1946 г. В конце 1920-х гг. он написал засекреченную официальную историю «Коммунизм в Индии, 1924–1927 гг.», хождение которой было ограничено небольшим количеством высокопоставленных британских чиновников в Лондоне и Дели. Петри предупреждал, что Советский Союз представляет собой двойную угрозу для Британской империи особенно в Индии: советская экспансия была стратегической угрозой традиционной большой игре с Россией, но также представляла собой и угрозу разрушительную, так как Москва поддерживала антиколониальные движения внутри Британской империи. Как оказалось, прогноз Петри был поразительно точен: на протяжении

более семи десятилетий, последовавших за захватом большевиками власти в 1917 г., с перерывом только на Вторую мировую войну Советский Союз стал главным помощником антиколониальных движений в Британской империи и других европейских колониальных империях. Поэтому реальность была такова, что на протяжении 1920-х и 1930-х гг. правительство Великобритании было занято ведением холодной войны на нижнем уровне задолго до холодной войны, начавшейся после 1945 г.²⁶

В период между войнами британские вооруженные силы (сухопутные войска, Королевский военно-морской флот и Королевские военно-воздушные силы) содержали разведывательные отделы, которые сосредоточивали свои усилия на империи и странах Содружества. Однако именно МИ-5 отвечала за общую безопасность империи, поддерживая прямые контакты с руководством британской разведки в Индии – разведывательным бюро в Дели (DIB), или, как ее еще называли, разведывательным бюро (IB), через небольшую лондонскую организацию под названием Индийская политическая разведка (PI). Официально PI входила в состав министерства по делам Индии, которое определяло ее бюджет, но начиная с 1925 г. она переместилась в штаб-квартиру МИ-5 по адресу Кромвель-Роуд, 25 в Лондоне, напротив Музея естественной истории. Офисная площадь, которую МИ-5 сдала внаем PI (по расценкам, которые PI часто считала непомерными), была по любой оценке жалкой: она состояла из трех маленьких, слабо освещенных, неопрятных помещений с низкими потолками на верхнем этаже штаб-квартиры МИ-5. По словам руководителя PI сэра Филиппа Викери (Лондонский клуб: «Восточная Индия»), эти помещения были такого плохого качества «с минимумом света и воздуха», а половина основного помещения была «в темноте» и почти «непригодна для работы». PI выделялось такое скудное финансирование из военного министерства, что в 1926 г. в ней работала лишь горстка сотрудников в Лондоне, которым были приданы три секретаря, один клерк и одна машинистка; и, помимо нескольких офицеров связи в Индии, лишь два ее сотрудника находились за границей в других местах – в Париже и Женеве. Этот малочисленный штат представлял собой официальный канал, обеспечивающий безопасную передачу разведанных между британской разведкой и властями в Индии. Насколько плохо была оснащена PI, можно увидеть

из отчета 1927 г.: Викери приходилось выбивать средства на покупку «одной дополнительной люстры» для канцелярии IPI, расположенной в мезонине, за которую в конечном итоге Департамент труда отказался платить. Когда МИ-5 переехала в новое здание – «Дом на Темзе» на набережной Миллбэнк у Ламбетского моста, – IPI переехала вместе с ней, хотя ее новые помещения не стали лучше, чем раньше²⁷.

Несмотря на скудные финансы, имевшиеся в ее распоряжении, работа с МИ-5 под одной крышей дала возможность IPI тесно сотрудничать с другими подразделениями британской разведки. На протяжении 1920—1930-х гг. МИ-5 и IPI продолжали контролировать деятельность индийских революционеров в Великобритании. Их главными объектами все в большей степени становились шпионы коммунистов, которые разъезжали между Великобританией и Индией по поручению Коммунистического Интернационала (Коминтерна) – подпольной сети, которую Москва создала в марте 1919 г. как средство экспорта «революции рабочих» из Советского Союза в зарубежные страны. Расследования МИ-5 и IPI были сосредоточены на выявлении шпионов, которые выступали в роли тайных курьеров Коминтерна, передавая информацию между Коммунистической партией Великобритании и коммунистическими ячейками в Индии. Главным следственным механизмом, на который они опирались, был ордер министерства внутренних дел (HOW), который позволял перехватывать телефонные переговоры и почтовые отправления. В отличие от SIS, которая действовала за границей и нелегально собирала информацию в зарубежных странах, МИ-5 и IPI работали в Великобритании и империи и были ограничены законом, который не применялся к SIS. Так обстояли дела, хотя в те времена МИ-5 (и IPI) не обладала никакими полномочиями ни по уставу, ни по общему праву, которые позволяли ей перехватывать почтовую корреспонденцию. Несмотря на свое существование в теневом правовом потустороннем мире, как показывают документы МИ-5, она изо всех сил старалась действовать в юридических, если не легальных рамках.

Чтобы получить HOW, МИ-5 нужно было обращаться в министерство внутренних дел с письменным объяснением причин необходимости этого ордера, и только потом его подписывал министр внутренних дел. На HOW требовалось большое финансирование, поэтому в 1920-х гг. по ним работали мало. Реальный перехват

сообщений осуществлял небольшой секретный отдел Главпочтамта (GPO), известный как «отдел особых цензоров», служащие которого подписывали Закон о государственной тайне. Работа этого отдела была утомительной и далеко не привлекательной: в его рабочем помещении стоял ряд чайников, которые постоянно кипели, а водяной пар использовали для вскрытия писем, после чего их содержание фотографировали, затем их запечатывали снова и отправляли адресатам. Некоторые из этих перехваченных сообщений, которые в настоящее время можно найти среди документов МИ-5, содержат информацию о частной жизни людей, представлявших интерес для МИ-5, и их более широкий социальный анамнез, который не найти ни в каком другом архиве. Телефонные разговоры также перехватывали в GPO, где в штате центральной коммутационной станции в Паддингтоне (Лондон) имелась небольшая группа стенографистов. В эту группу входили люди, говорившие на иностранных языках, особенно русские «белоэмигранты» (те, что были против большевиков), которые переводили телефонные разговоры с русского и других восточноевропейских языков.

Позже МИ-5 и GPO разработали инновационное приспособление на основе модифицированного граммофона, которое использовали для записи телефонных разговоров. Это приспособление позволяло механически добавлять диски для записи на записывающее устройство и снимать их с него или объединять в общий фонд, исключая нудную процедуру замены дисков вручную сотрудниками GPO²⁸.

Первым шпионом, которого МИ-5 выявила как курьера Коминтерна, был Перси Глейдинг, член Компартии Великобритании, который в 1925 г. поехал в Индию под вымышленным именем Р. Кохрейн. О поездке Глейдинга под прикрытием МИ-5 и IPI стало известно благодаря перехваченному сообщению с помощью NOW. В последующие годы он использовал свою секретаршу, симпатичную 25-летнюю блондинку по имени Ольга Грей, для доставки денег коммунистам в Индии. Однако Глейдингу и кому бы то ни было еще в Компартии Великобритании не было известно, что Ольга Грей была на самом деле агентом МИ-5, которую завербовал и внедрил в Компартию Великобритании в 1931 г. легендарный агент-связник МИ-5 Максвелл Найт – один из самых успешных контрразведчиков МИ-5 в XX в. Уйдя в отставку из МИ-5 в должности руководителя в 1946 г., Найт сделал

очень успешную карьеру радиоведущего под именем «дядя Макс», участвуя в детских радиопрограммах о природе. Согласно более позднему отчету о деятельности отдела Найта по работе с агентами – «секции М», проникновение Грей на протяжении шести лет в Британскую компартию было настолько успешным, что она достигла «завидного положения, когда агент становится предметом обстановки, так сказать: то есть когда люди, приходящие в офис, не замечают, есть там агент или его нет»²⁹.

Курьерская поездка Ольги Грей в Индию в 1935 г. с поручением Компартии Великобритании дала МИ-5 и ІРІ возможность понять, как агенты Коминтерна выходят на связь, а также выявила коммунистических агентов в Индии. Но эта поездка была чрезвычайно деликатной задачей для МИ-5, которая пошла на все, чтобы только не разоблачить ее. Как позднее вспоминал Максвелл Найт, поездка была настолько плохо организована Компартией Великобритании, что без помощи МИ-5 Ольга Грей вряд ли добралась бы до Индии.

Найт помог ей сочинить подходящую историю-прикрытие (будто бы она проститутка), чтобы все выглядело так, будто она не получала посторонней помощи, лишь выдумывая ее. Он также боялся, что если ее паспорт и другие бумаги на поездку будут оформлены слишком быстро, то ее руководители в компартии могут что-нибудь заподозрить. Поэтому ее кураторы в МИ-5 сделали так, что ее документы на какое-то время задержали, чтобы не вызвать подозрений. После поездки Грей сообщила МИ-5 о существовании большой советской шпионской сети, действующей в Великобритании. Ее главой был не кто иной, как Перси Глейдинг, а ее база находилась в Вулиджском арсенале в Лондоне, где Глейдинг работал механиком и вместе со своими агентами получал доступ к точной информации о британских вооружениях.

Напряжение, связанное с работой двойным агентом, сделало свое дело: у Ольги Грей случился по крайней мере один нервный срыв, так что в 1937 г. МИ-5 приняла решение покончить с советской шпионской сетью в Вулиджском арсенале и арестовать ее агентов. На судебном процессе, когда Глейдинга судили за шпионаж в Центральном лондонском уголовном суде в феврале 1938 г., Грей давала показания, находясь за ширмой, анонимно как «мисс Икс». Ее свидетельские показания помогли осудить его за работу на советскую разведку на шесть лет тюремного заключения. Судья поблагодарил ее за

«необыкновенную смелость» и «большую услугу своей стране». Вскоре после этого она уехала в Канаду под новым именем³⁰.

Помимо сведений о советской шпионской сети в Индии и Великобритании, положение Ольги Грей в Компартии Великобритании – скромное, но в гуще событий – обеспечило ей, а значит, и МИ-5, уникальный доступ к шифрам, которыми пользовалась компартия для отправки радиосообщений в Коминтерн в Европу. Ее информация помогла GC&CS – первой официальной организации SIGINT Великобритании в мирное время, созданной в 1921 г., – расшифровать радиосообщения, которыми обменивались штаб-квартира Коминтерна в Москве и его многочисленные представители за границей, находящиеся в таких далеких друг от друга странах, как Китай, Австрия и Соединенные Штаты Америки. В GC&CS дали этому радиопотоку кодовое название «Маска», которое показало правительству Великобритании, что Москва тайно субсидировала Компартию Великобритании и ее газету «Дейли уоркер». В январе 1935 г. он же выявил существование тайного радиопередатчика в Уимблдоне к юго-западу от Лондона, который использовал член подпольной ячейки Компартии Великобритании для отправки сообщений в Москву. МИ-5 пристально следила за деятельностью этих выявленных агентов³¹.

МИ-5 и IP1 установили личность и других курьеров Коминтерна, таких как член Компартии Великобритании Джордж Аллисон, он же Дональд Кемпбелл, который по наводке МИ-5 был арестован в Индии в 1927 г. за поездку по поддельному паспорту. Однако самым важным эпизодом непосредственного участия британской разведки в делах империи в то время было так называемое «дело о заговоре Меерута». Это был долго тянувшийся судебный процесс, который начался в Индии в 1929 г. И хотя их участие не афишировалось, МИ-5 и IP1 представили главные доказательства попыток Коминтерна использовать агентов-коммунистов в Индии с целью подстрекательства к волнениям в среде рабочих. В августе 1929 г. заместитель директора МИ-5 сэр Эрик Холт-Уилсон возглавил делегацию британских официальных лиц в Индии, чтобы представить суду доказательства и засвидетельствовать подлинность перехваченных документов, тем самым отметая все возражения, которые могла выдвинуть защита, будто документами являются ненадежные слухи, которые нельзя принимать в расчет. В делегацию, которая путешествовала первым классом на корабле и

поезде, входили пять представителей особого отдела лондонской полиции, а также начальник спецотдела цензоров GPO Фредерик Бут и Х. Берджесс – начальник группы в GPO, которая сфотографировала документы. Они поддерживали тесную связь с сэром Дэвидом Петри из IB в Дели, и, судя по существующим записям в IPI, GC&CS представила перехваченные сообщения, которыми обменивались Москва и коммунистическая ячейка, действовавшая в Индии³².

После представления доказательств на суде Меерута сэр Эрик Холт-Уилсон отправился в кругосветное путешествие, в ходе которого он установил связь с представителями служб безопасности от Гонконга до Нью-Йорка. Длительное путешествие Холт-Уилсона было тем более поразительным, что было предпринято в век, когда еще не было международных перелетов, когда поездка из Великобритании в Индию занимала недели. Более чем любой другой офицер МИ-5 в первой половине XX в., Холт-Уилсон по прозвищу «святой Вилли» по причине своей сильной англиканской веры и ввиду того, что он был сыном приходского священника, нес ответственность за продвижение идеи, что МИ-5 – это имперское ведомство. В действительности он нередко называл ее Имперской службой безопасности. Холт-Уилсон вернулся в Индию в 1933 г. к завершению суда над Меерутом, который признал виновными ряд коммунистов-шпионов. По возвращении в Лондон в следующем году он прочел закрытую лекцию для сотрудников Лондонского особого отдела, в которой особо остановился на обязанностях МИ-5 в империи:

«Наша служба безопасности более чем государственная, она имперская. У нас есть официальные агентства, сотрудничающие с нами по непосредственным указаниям министерств по делам доминионов и колоний под контролем местных губернаторов и начальников местной полиции с целью исполнения законов по обеспечению безопасности в каждой стране – члене Британского Содружества.

Все это происходит под нашим руководством для исполнения наших обязанностей по обеспечению безопасности. Наш долг консультировать их по мере необходимости по всем мерам безопасности для целей обороны и гражданских целей и обмениваться информацией в отношении передвижения по империи людей, которые могут быть враждебны ее интересам с точки зрения безопасности»³³.

В 1938 г. Холт-Уилсон отправился в другое продолжительное путешествие за границу. Главной целью этой поездки было провести смотр местных разведывательных и служб безопасности в Индии и ряда других колоний и доминионов и добиться того, чтобы уровни безопасности в них были адекватны потребностям замаячившей войны со странами оси. Однако во время поездки он сам продемонстрировал поразительное пренебрежение основными процедурами безопасности – он проявил уж точно гораздо меньшую осторожность, чем пытался привить колониальным властям, с которыми встречался. В нескольких сентиментальных любовных письмах, которые он послал в Англию открыто, без принятия мер безопасности, своей жене – дочери викария моложе его на двадцать лет, – Холт-Уилсон подробно описывал местных сотрудников разведки, с которыми он встречался, а также пытался рекламировать ей характер своей работы как рыцаря «плаща и кинжала». Если бы эти письма, найденные в его личных бумагах, хранящихся в настоящее время в Кембридже, были перехвачены странами оси, они раскрыли бы важную информацию о безопасности и разведке в Британской империи. Тот факт, что Холт-Уилсон, отличный охотник и в прошлом президент Лыжного клуба Великобритании, оказался несдержан, было удивительно для человека, карьера которого делала необходимой работу в тени. По его собственным словам, он был «победным выстрелом», а в официальной статье, которую он сочинил для *Who's Who*, он утверждал, что является генеральным директором «Имперской разведывательной службы безопасности», а также точно, но высокопарно отмечал, что он автор довоенных документов и справочников «Обязанности сотрудников полиции по обеспечению безопасности в мирное и военное время». Не очень умно для высокопоставленного служащего разведки Великобритании Холт-Уилсон также поместил свой домашний адрес в статье для *Who's Who*³⁴.

В марте 1938 г. Холт-Уилсон приехал в Индию, где встретился с новым руководителем ИВ в Дели сэром Джоном Эвартом, которого он называл «К[Келл] Индии». Затем он отправился в Сингапур и Гонконг, где, как он сообщил своей жене, местные репортеры определили, что он имеет отношение к секретной работе. В Сингапуре он связался с работавшим там местным сотрудником МИ-5 полковником Э. Хейли Беллом, по нелестному отзыву Холта-Уилсона, «глухим сумасшедшим», глухота которого затрудняла тихое спокойное общение. Он также

познакомился с дочерью Хейли Белла Мэри Хели Белл (позднее леди Миллз), которая в 1942 г. напишет популярную в военное время пьесу «Люди в тени» о группах сопротивления во Франции, которая привлечет внимание МИ-5 из-за того, что в ней раскрывались важные подробности путей эвакуации из оккупированной Франции. МИ-5 разрешила исполнять пьесу только после того, как указанные отрывки из нее были убраны. На обеде, устроенном в честь Холта-Уилсона во время его визита в Гонконг в апреле 1938 г., который официально носил название «инспекция оборонительных сооружений колонии», чтобы не привлекать слишком большое внимание прессы, губернатор предложил тост за «добрый старый Дом на Темзе» (штаб-квартиру МИ-5), который остался непонятым всеми гостями за исключением его самого и Холта-Уилсона³⁵.

Ирландия была особенно важной вербовочной площадкой для офицеров колониальной полиции, многие из которых занимались вопросами разведки по всей империи. После того как по закону «Об Ирландском свободном государстве» Ирландии был дарован статус доминиона в 1921 г., поток бывших офицеров распущенной Королевской ирландской полиции (RIC) хлынул в индийскую и другие колониальные полицейские силы, особенно в Палестину, где они завоевали себе репутацию за строгую дисциплину и бесстрашие. Ирландия также была местом, ставшим образцом полицейских операций по подавлению волнений, и оставалась таковым в представлении британских военных на протяжении нескольких десятилетий. В 1934 г. генерал-майор сэра Чарльз Гвинн опубликовал важную книгу «Охрана порядка в империи» о малоинтенсивных конфликтах или «маленьких войнах». Извлекая уроки из Ирландии и тактики, которую использовали британцы для подавления индийского мятежа в 1850-х гг. и других восстаний индусов в Диншавае (1906) и Амритсаре (1919), Гвинн написал, что для того, чтобы быть эффективной, охрана порядка в колониях требовала применения необходимого минимума силы с целью восстановления гражданского правления в как можно более сжатые сроки и тактики в виде движения войск колоннами с широким охватом против бунтовщиков. В то время как рекомендации Гвинна были, безусловно, полезными в Палестине в 1930-х гг., они оставили свой след на гораздо больший период, чем следовало, в сознании британских военных властей, которые

продолжали применять эту тактику для подавления антиколониальных выступлений в послевоенные годы, когда они уже не соответствовали обстановке, потому что враги Великобритании в этих конфликтах не воевали с ней в открытую, используя определенные регулярные части. Во многом благодаря Гвинну существовала преемственность между тем, как британские военные подавляли антиколониальные восстания в Индии в 1860-х гг., и тем, как они справлялись с послевоенными восстаниями в таких странах, как Палестина, Малайя, Кения и Кипр³⁶.

Принцип «трех миль»

В 1931 г. правительство Великобритании наконец провело официальное разграничение между обязанностями МИ-5 и SIS. С самого своего создания этих двух служб в 1909 г., когда МИ-5 стала отвечать за внутреннюю безопасность и разведку, а SIS – за сбор разведывательной информации за границей, возникла путаница по вопросу: какой территорией, внутренней или зарубежной, считать империю и страны Содружества. Этот нюанс в конечном счете был решен после яростной борьбы на Уайтхолле за влияние в делах разведки. В 1931 г. Лондонская полиция политической безопасности, возглавляемая эксцентричным сэром Бэзиллом Томсоном, по сути, попыталась подмять под себя МИ-5. И хотя эта попытка была безуспешной, она привела к серьезному пересмотру темы разведки на Уайтхолле под руководством совершенно засекреченного комитета – Комитета секретных служб под председательством сэра Джона Андерсона, постоянного заместителя министра внутренних дел. Одна из рекомендаций этого комитета в июне 1931 г. состояла в том, чтобы обязанности МИ-5 были расширены. Начиная с того момента МИ-5 стала отвечать за все формы контрразведки, военной и гражданской (ранее ответственность ограничивалась выявлением шпионской деятельности в британских вооруженных силах), а несколько опытных офицеров были переведены из Лондонской полиции политической безопасности в МИ-5, включая Гая Лиддела (будущего заместителя генерального директора МИ-5) и Милисента Бэгота (который обладал энциклопедическими знаниями о деятельности Коминтерна и считался прототипом героя романа Джона Ле Карре – эксцентричного советолога Конни Сакса). Одним из других главных решений, принятых Комитетом секретных служб, было то, что МИ-5 вменили в обязанность вести разведку в целях обеспечения безопасности на всех британских территориях, включая империю и страны Содружества, тогда как сфера деятельности SIS ограничивалась по крайней мере тремя милями за пределами территорий Великобритании. Иными словами, начиная с 1931 г. на расстоянии трех миль вокруг всех территорий Великобритании по всему миру, которые в те времена охватывали приблизительно четверть земного шара, была проведена

демаркационная линия, выступавшая в роли официальной границы, разделявшей сферу ответственности МИ-5 и SIS³⁷.

После установления этой границы МИ-5 получила больше свободы действий, чтобы сосредоточиться на вопросах имперской безопасности, – отсюда и многочисленные поездки Холта-Уилсона за границу и его попытки продвигать ту точку зрения, что МИ-5 является имперской службой. На протяжении 1930-х гг. МИ-5 сотрудничала с IPI и IB в Дели с целью ведения плотного наблюдения за главными политическими вождями антиколониального движения в Индии, такими как Неру, которого IPI считала – безошибочно – следующим после Ганди, «вторым самым влиятельным человеком в Индии». Всякий раз, когда Неру в 1930-х гг. отправлялся в Великобританию, что он делал несколько раз, МИ-5 контролировала его деятельность, часто с помощью NOW перехватывая его почтовую корреспонденцию и телефонные разговоры, и поручала Скотленд-Ярду посылать своих служащих под прикрытием на его публичные выступления. Судя по документам IPI, у этой организации был, по-видимому, источник информации, находившийся в окружении самого Неру, который получил важные сведения, имевшие отношение к смерти его жены от туберкулеза в 1936 г. в швейцарской больнице после поездки Неру в Великобританию. Информация, доходившая до IPI, включала распоряжения, которые семья Неру делала для организации похорон, а такие сведения, скорее всего, мог предоставить лишь информатор из близкого окружения Неру. МИ-5 и SIS также попытались следить за деятельностью агента Коминтерна Нарендры Натха Бхаттачарьи, известного как М.Н. Рой, но им не всегда это удавалось: по крайней мере один раз Рой сумел прибыть в Великобританию, не будучи обнаруженным. В то же самое время МИ-5 и IPI внимательно следили за деятельностью ведущего теоретика Компартии Великобритании и борца с колониализмом в Индии Раджани Пальме Датта, который выступил в роли агента Коминтерна, по крайней мере в одной из своих поездок в Индию. Они также держали под тщательным наблюдением младшего брата Датта Клеменса, который руководил «индийской секцией» Британской компартии, и даже обнаружили явочную квартиру, которой пользовался Клеменс для тайной связи с сочувствующими коммунистическому подполью. Более того, хотя ни одно конкретное досье еще не рассекречено, очень вероятно, что МИ-5

также работала вместе с SIS, чтобы отслеживать передвижения известного немецкого агента Коминтерна Вилли Мюнценберга, который свободно перемещался по Европе и даже выезжал за ее пределы и в 1927 г. организовал антиимпериалистическую конференцию в Брюсселе³⁸.

Однако утверждения МИ-5 в 1930-х гг. о том, что она является имперской службой, были больше желанием, чем действительностью, больше надутым щек, нежели фактом. На протяжении этого десятилетия у нее в распоряжении были такие ограниченные финансы, что она никоим образом не могла играть значительную контролирующую роль в ведении политической разведки в империи в целом. Даже в 1938 г. ее штат в общей сложности составлял всего тридцать служащих, только двое из которых работали в ее контрразведывательном отделе, отделе В в Лондоне, то есть два офицера работали на переднем крае борьбы со шпионами стран оси в Великобритании, что уж говорить об империи. Однако поворотным пунктом участия британской разведки в делах империи стал конец 1930-х гг., когда МИ-5 оставила в прошлом свои старые методы работы и вместо того, чтобы просто принимать разведывательную информацию из зарубежных колоний, впервые начала командировать своих офицеров на британские заморские территории. Эти офицеры были известны как офицеры по вопросам обороны и безопасности (DSO) и были приданы Штабу британского военного главкомандования в британских колониях и других зависимых государствах. Их обязанности фокусировались на координации действий политической разведки в отношении деятельности Коминтерна, а по мере приближения Второй мировой войны – все больше на угрозе, которую представляли собой страны оси³⁹.

Первый DSO за границей был откомандирован в Египет. Египет получил независимость от Великобритании в 1935 г., но в своей манере, которая, как мы увидим, в последующие десятилетия будет повторяться на других британских территориях, правительство Великобритании выторговало для себя ряд выгодных соглашений, которые разрешали ее продолжительное присутствие в Египте. Начиная с 1935 г. британский военный штаб по делам Ближнего Востока размещался в Каире, и Лондон продолжал контролировать Суэцкий канал – стратегические ворота в Индию, – который после войны станет горячо обсуждаемой

темой и одним из величайших провалов внешней политики Великобритании, означавшим окончательный закат британской имперской власти на Ближнем Востоке. Первым DSO МИ-5 в Египте был бригадир Роберт Монселл, до этого служивший в Индии, за назначением которого в Египет в 1937 г. последовали назначения других DSO в Палестину и Гибралтар в 1938 г. Эти офицеры в военное время станут основой для работы МИ-5 на Ближнем Востоке, образовав подразделение, известное как Служба обеспечения безопасности на Ближнем Востоке (SIME), которое станет авангардом противодействия разведке стран оси в военные годы в этом регионе. После начала войны в 1939 г. МИ-5 увеличила количество своих DSO, постоянно работающих за границей, до шести человек: в Каире, Гибралтаре, на Мальте, в Адене, Сингапуре и Гонконге⁴⁰.

И хотя командирование МИ-5 DSO было переломным моментом в истории британской разведки (пусть даже всего шесть сотрудников постоянно работали за границей), МИ-5 по-прежнему явно не была имперской службой, какой себя позиционировала. Как отмечено в официальной истории британской разведки в годы Второй мировой войны, в 1939 г. МИ-5 была всего лишь «костяком» имперской Службы безопасности. За годы войны она по-настоящему стала имперской службой, на звание которой претендовала. Также именно война видоизменила участие самых крупных и самых секретных разведывательных служб Великобритании (GC&CS) в делах Британской империи⁴¹.

В довоенные годы МИ-5 претендовала на то, чтобы быть – но на самом деле ею не стала – службой *для* империи. Но даже на этом этапе она была службой *империи*. Явственнее всего это демонстрировала большая доля старших офицеров МИ-5 в довоенные годы, которые начали свою карьеру в империи. Первый руководитель МИ-5 сэр Вернон Келл и его заместитель, который был им на протяжении двадцати восьми лет, сэр Эрик Холт-Уилсон, ранее принимали участие в британских колониальных войнах. Генеральный директор МИ-5 во время Второй мировой войны сэр Дэвид Петри тоже был старым колониальным кадром, являясь главой ИВ в Дели с 1924 по 1931 г., который на службе заработал шрамы (буквально) на ногах от ран, полученных во время взрыва, устроенного индийским революционером в 1914 г. Источники, которые Петри использовал для своей

засекреченной официальной истории «Коммунизм в Индии», включали перехваченную корреспонденцию как индийских коммунистов, так и Коминтерна. Глава МИ-5 после Второй мировой войны сэр Перси Силлитоу аналогично делал до этого карьеру в колониальной полиции Южной Африки. Один из немногих довоенных британских штабных контрразведчиков Джон Карри прослужил в индийской полиции четверть века, прежде чем поступил на работу в МИ-5 в 1933 г. Карри был среди ограниченного круга людей в британской разведке и на Уайтхолле вообще, которые сознавали угрозу, исходившую от нацистской Германии после 1933 г., и предупреждали о ней. Ранее он написал историю индийской полиции, которая привлекла внимание сэра Дэвида Петри, и в 1945 г. он стал автором истории МИ-5, которая была рассекречена в настоящее время. Самый успешный следователь МИ-5 в военное время Робин Стивенс «Оловянный глаз» (о нем в следующей главе) также был полицейским в Индии, как и семидесятилетний заместитель Генерального директора МИ-5 в военное время бригадир О.А. «Джаспер» Харкер, о котором известный агент КГБ Ким Филби позднее написал, что тот занимает свою должность в МИ-5 с приятным изяществом и больше ничем. Имея такие крепкие колониальные связи в довоенные годы, культура работы и взгляды сотрудников МИ-5, без сомнения, носили колониальный оттенок. Анализ резюме офицеров МИ-5 до Второй мировой войны демонстрирует, что у некоторых из них в качестве хобби фигурирует «забой свиней» – пережиток, оставшийся с колониальной службы в Индии, типа «розовый джин и поло». К тому же плата в МИ-5 в то время была такой небольшой, а многие ее высокопоставленные сотрудники, замученные слишком сильным зноем, независимо ни от чего были все же выходцами из состоятельных семей⁴².

Эти связи с Британской империей существовали не только у МИ-5, они также бросались в глаза и в остальных довоенных подразделениях британской разведки. На самом деле поразительное количество главных британских секретных агентов в те годы раньше служили в империи. Например, в SIS два самых влиятельных штабных офицера того времени были в прошлом офицерами полиции в Индии. Первым был Валентин Вивиан, известный друзьям как Ви-Ви, сын художника-портретиста времен королевы Виктории, который пришел на работу в SIS в 1925 г. после службы в индийской полиции и на базе IPI в

Константинополе. У Вивиана был стеклянный глаз, который он пытался скрыть, становясь под прямым углом к тем, с кем разговаривал. Филби, который был заинтересован в том, чтобы выставить своих бывших коллег в SIS как можно более некомпетентными, изобразил его в своих мемуарах, спонсируемых КГБ, человеком, боявшимся своих подчиненных в SIS, и язвительно описал его как сотрудника, «у которого давно прошли лучшие времена – если они у него когда-нибудь были». Подчиненным Вивиана в довоенном отделе SIS, занимавшимся контрразведкой (отдел V), был Феликс Коуджилл, сын миссионера, который служил личным помощником Петри в IV в Дели. Колониальное прошлое Коуджилла дало ему, как выразился один из его коллег в военное время, «желтоватое лицо и замкнутый усталый вид, которые он приобрел после долгих лет службы в Индии». Филби ядовито назвал его буйным и некомпетентным: «Его интеллектуальные таланты были скудны. Как офицеру разведки ему были свойственны отсутствие воображения, невнимательность к деталям и полнейшее незнание мира, в котором мы вели борьбу», но даже Филби признавал, что Коуджилл обладал «дьявольской работоспособностью», иногда трудясь ночами напролет и ломая курительные трубки в щепки об каменную пепельницу на письменном столе. Было так или не было, но его, безусловно, эффектно обошел Филби, добившись в годы войны продвижения по службе в SIS – с катастрофическими последствиями для британской разведки, как мы еще увидим⁴³.

Аналогичные связи с колониями существовали в GC&CS, первый директор которой, Алистер Деннистон, начал свою карьеру в Индии, где он успешно перехватывал и расшифровывал русские шифровки. Аналогичным образом отдел GC&CS, который в 1930-х гг. взломал шифр радиосообщений Коминтерна, возглавлял выдающийся майор индийской армии Джон Тилтман, который до возвращения в Лондон в 1929 г. руководил небольшим, но успешно работавшим подразделением по перехвату сообщений на северо-западе Индии. Существовали также связи с колониями и у особого отдела Скотленд-Ярда. Его довоенный руководитель Бэзил Томпсон сделал необычную карьеру в колониях: получив образование в Итоне и бросив Оксфорд, он поступил на службу в министерство по делам колоний и в возрасте двадцати восьми лет стал премьер-министром Тонга, где – как он ярко показал в своих мемуарах – его первыми настоящими друзьями стали каннибалы. Затем

он стал личным учителем кронпринца Сиама и начальником Дартмурской тюрьмы⁴⁴.

Офицеры разведывательных служб Великобритании привнесли в свои новые роли многие приемы, которым они научились во время работы в колониях. В GC&CS Тилтман ввел приемы дешифровки, впервые примененные в Индии. Особый отдел принял на вооружение метод снятия отпечатков пальцев, который стал основной формой расследований, проводимых полицией и службами безопасности в современном мире и который был изобретен в Индии. МИ-5 также использовала методы, разработанные в империи. Когда ее картотека была разрушена во время битвы за Англию летом 1940 г. – по существу, на ней был поставлен крест ввиду нагрузки, которую она испытывала в связи с явно неминуемым нацистским вторжением, – Петри посоветовал реформировать ее по схеме, которую он разработал для карточного каталога «революционеров и людей, подозреваемых в терроризме» в Индии⁴⁵.

Разведывательные службы других главных европейских держав имели схожее наследие прошлого как в плане личного состава служащих, так и методов работы. Некоторые влиятельные французские офицеры разведки времен Второй мировой войны начинали свою карьеру во французских колониях. Еще более зловеще выглядит то, что также существовали колониальные связи с тайной полицией и разведывательными службами у европейских кровавых «тоталитарных» режимов до 1945 г. Впервые это было установлено философом Ханной Арендт, которая в своей книге «Происхождение тоталитаризма» (1951) утверждала, что тоталитаризм XX в. уходил своими корнями в европейское колониальное правление в конце XIX в. Арендт считала, что та жестокость, с которой европейские державы обращались с населением колоний, как ярко описал в своем романе «Сердце тьмы» Джозеф Конрад, взяв за образец правление Бельгии в Конго, в первой половине XX в. вернулась туда, откуда пришла, в Европу. И хотя этот тезис Арендт сначала не принимался во внимание учеными, недавно он был пересмотрен, и теперь историки считают, что во многих аспектах он оказался правильным⁴⁶.

Советская тайная полиция НКВД – впоследствии переименованная в КГБ – применяла такие методы, как массовые аресты, изобретенные англичанами в Индии, французами в Алжире и русскими в своей

собственной империи. В Испании путч Франко в 1936 г. против демократического правительства был начат преимущественно бывшими генералами *Africanista* (специалистами по Африке. – *Пер.*), у которых, как отмечено в одном исследовании, был «колониальный» менталитет и которые приступили к «колониальной чистке», а именно узаконили репрессии рабочего класса, представители которого считались «почти не людьми». Эти колониальные связи с авторитарными режимами едва ли могут быть удивительными, если вспомнить, что характер европейского колониального правления учитывал развитие новых форм бюрократического господства над «низшими» расами, которые включали регистрацию всего населения, массовую депортацию и насильственное разделение народов. Все это было характерно для массовых убийств в Европе в XX в.: занесение в картотеку, контроль и массовая резня. Колонии также стали испытательным полигоном для новых форм ведения войны, которые свободно можно было применять против небольших народов, численность которых нельзя было восстановить. «Маленькие» колониальные войны Европы дали толчок к созданию или позволили впервые апробировать концентрационные лагеря, колючую проволоку и пулеметы – все это затем было завезено в Европу для использования в ней самой. Война, носившая характер геноцида, которую прусско-германская армия вела в немецкой колонии – Юго-Западной Африке (современная Намибия), была предвестницей политики истребления, которую проводили нацисты на Восточном фронте поколение спустя. Далеко не совпадение то, что именно в немецкой Юго-Западной Африке один из основателей нацистских псевдонаучных идей о «расовой гигиене» Юджин Фишер проводил свои первые исследовательские эксперименты, предположительно доказывающие «неполноценность» некоторых народов. Позднее Фишер проводил насильственную программу стерилизации в отношении расовых «дегенератов» в нацистской Германии, которая проложила путь и узаконила программы массовых убийств, – Фишер был учителем так называемого «ангела смерти» в Освенциме, Йозефа Менгеле⁴⁷.

В годы, предшествовавшие 1945 г., и в Великобритании, и в ряде других европейских имперских держав, как демократических, так и недемократических, существовал континуум между империей и «внутренними» разведывательными службами. Однако, как мы увидим

позже, в Великобритании во второй половине XX в. случилось именно обратное. За два десятилетия, прошедшие после 1945 г., разведывательные службы Великобритании отправили на работу в империю и страны Содружества целый ряд разведчиков. Новые сотрудники, пришедшие на работу в МИ-5, тогда проводили в среднем от четверти до половины своей карьеры на постах в колониях или странах Содружества. Именно такая катастрофа, как Вторая мировая война, навсегда изменила имперские обязанности британского тайного государства. По иронии судьбы, значимость колониальных обязанностей МИ-5 после 1945 г. вырастет именно тогда, когда власть Великобритании в своей империи начнет подходить к концу⁴⁸.

Глава 2

Стратегический обман: британская разведка, спецоперации и империя во Второй мировой войне

«Значит, ты был шпионом?»

«Не совсем... На самом деле я все еще был вором, а не большим патриотом и не великим героем. Они просто придали моим умениям официальный статус».

Майкл Ондатже. Английский пациент¹

Ближе к концу Второй мировой войны сэр Дэвид Петри – генеральный директор МИ-5 в военные годы – написал министру иностранных дел сэру Энтони Идену, в общих чертах обрисовав заметные успехи, которых добились во время войны МИ-5 и британская разведка вообще. Как объяснил Петри, успехи британских разведывательных служб в военное время не обязательно раскрывать широкой общественности, и лучше бы им оставаться под покровом секретности в обозримом будущем: «Полную историю, наверное, никогда нельзя будет рассказать, но если бы это и могло случиться, возможно, она смогла бы претендовать на признание правдой, главным образом по причине того, что она кажется более удивительной, чем вымысел». Во многом история об успехах британской разведки в военное время по-прежнему кажется более удивительной, чем вымысел, но, к счастью для нас, теперь ее можно рассказать. Попросту говоря, во время войны британские разведывательные службы добились беспрецедентных успехов: они больше узнали о своих врагах, чем любая держава когда-либо узнавала о другом государстве в истории войн. В конце войны Верховный главнокомандующий союзных войск в Европе генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр лично поблагодарил их за ту роль, которую они сыграли; а она, по его мнению, была «решающей» в приведении этого конфликта к успешному для союзников концу².

Британские разведывательные службы добились успехов в военное время как в самой Великобритании, так и во всей Британской империи и на оккупированных Британией территориях от пустынь Северной Африки до горных вершин Индии и душных от жары и влажности джунглей Малайи. Вторая мировая война была событием, которое произвело коренную ломку обязанностей британской разведки в отношении империи, причем МИ-5, SIS и GCHQ впервые серьезно участвовали в делах колоний. Однако прежде чем обратиться к подробностям операций британской разведки в военное время, необходимо понять их контекст. Только оценив, как разведслужбы действовали внутри страны из своей штаб-квартиры в Лондоне, можно понять, как они работали в далеких представительствах по всей империи.

Нацистская Немезида: провал разведки – успех разведки

Беспрецедентные успехи британской разведки во время Второй мировой войны тем более удивительны, если вспомнить, насколько слабо было коллективное положение МИ-5, SIS и GC&CS в 1939 г. Британское тайное государство начало войну, имея ничтожно малые разведывательные сведения о своих врагах – странах оси. GC&CS не удалось значительно продвинуться в прочтении немецких сообщений, представлявших собой настоящую головоломку. Ситуация была такой же безрадостной и у МИ-5, и у SIS: им настолько не хватало разведанных, что в 1939 г. они едва ли знали название германской военной разведки (абвер) и имя ее руководителя (адмирал Вильгельм Канарис). Официальный историк МИ-5 времен войны Джон «Джек» Карри, который до войны был контрразведчиком и поэтому мог судить, что в Британии знали в то время о нацистской разведке, написал, что МИ-5 вступила в войну в состоянии «неразберихи», которая часто доходила до «хаоса»: «В 1939 г. у нас не было достаточных знаний о немецких организациях, от которых секретная служба (МИ-5) должна была защищать либо в более широком смысле как от «пятой колонны», либо в более узком – в области военного шпионажа и чисто материального вредительства. Фактически у нас не было определенной информации о том, существовала ли какая-то организационная связь между германской секретной службой и сочувствующими нацистам в нашей стране, будь они англичанами или людьми других национальностей»³.

Такую же безрадостную картину нарисовал и один из главных штабных разведчиков МИ-5 во время войны Дик Уайт, который в дальнейшем возглавил и МИ-5, и SIS. Позднее он вспоминал, что МИ-5 начала войну «без какой-либо настоящей документации по задаче, с которой мы должны были справиться. У нас было весьма смутное представление о том, как работает система у немцев и каковы ее цели в военное время»⁴.

Во многом ответом на вопрос, почему британское секретное ведомство обладало столь скудной информацией о нацистской

Германии в начале войны, было то, что на протяжении большей части 1930-х гг. разведслужбы были на голодном финансовом пайке. В 1934 г. Комитет военных потребностей на Уайтхолле прогнозировал, что нацистская Германия будет «основным врагом» Великобритании и ее империи, но в последующие годы МИ-5 и SIS не сумели получить сколько-нибудь значительного увеличения финансирования или расширения штатов. Некоторые, вроде Джона Карри из МИ-5, – но таких голосов было меньшинство – с самого начала предупреждали, что британский разведывательный механизм нужно подготовить, чтобы он смог противостоять угрозе, исходящей от нацистской Германии. Начиная с 1934 г. Карри писал, что опасно просто отмахнуться от «Майн кампф», в которой Гитлер, по сути, обрисовал свой взгляд на мировое господство, как от писанины сумасшедшего – какой она конечно же и была, но была также и чем-то гораздо большим. Как утверждал Карри, проблема Великобритании (и остального мира) состояла в том, что этот сумасшедший теперь находился у власти, так что его резкие обличительные речи в «Майн кампф» следует воспринимать серьезно. Но голос Карри был голосом вопиющего в пустыне Уайтхолла, и ни МИ-5, ни SIS не удалось добиться существенного увеличения финансирования в довоенные годы. В то время как эти обе службы не сумели заставить свои предупреждения в отношении Гитлера звучать достаточно громко, чтобы быть услышанными, чиновники Уайтхолла и бухгалтеры старательно игнорировали эти предупреждения, которые они расценивали лишь как многолетний вопль о выделении разведслужбам большего бюджета – в конце концов, армии всегда просят больше танков. В 1939 г. недофинансирование SIS стало настолько вопиющим, что служба не могла позволить выдать своим агентам радиоприемники⁵.

Нехватка в МИ-5 достоверной информации о нацистской Германии ухудшалась разгулом оголтелой шпиономании, которая началась в Великобритании в начале войны точно так же, как это было в 1914 г. Во время так называемой «дутой» войны – периода после сентября 1939 г., когда война была объявлена, но настоящие военные действия еще не начались, штаб-квартиру МИ-5 в Лондоне бомбардировали истерические сообщения британской общественности о немецких «шпионах» и даже «подозрительных на вид» голубях, в результате которых в МИ-5 было сформировано подразделение ловчих соколов,

возглавляемое отставным командиром авиакрыла Королевских военно-воздушных сил, которые должны были выслеживать и «нейтрализовать» вражеских голубей. Усилия этого подразделения не увенчались успехом: все голуби, убитые соколами из МИ-5, оказались невинными английскими птицами – получается, вели огонь по своим⁶.

Гораздо серьезнее, чем в случае с неконтролируемыми голубями, нехватка разведанных о странах оси привела МИ-5 почти к полному коллапсу. В июле 1940 г. в разгар битвы за Англию и так называемого кризиса «пятой колонны» собственная бюрократия МИ-5 не выдержала, не справившись с проверкой массы сообщений о предполагаемых вражеских агентах и другой «подозрительной» деятельности, начиная от правдоподобных и кончая абсурдными. Такое множество сообщений о «вражеских шпионах» бомбардировало МИ-5, что ее главная канцелярия – ее оперативный центр, в котором в 1940 г. хранились два миллиона карточек и 170 тысяч личных досье, остановил свою работу, а затем рухнул. Хаос, который вызвали эти сообщения (только сообщения о «вражеских световых сигналах» образовали стопку высотой пять футов в офисе МИ-5), лишь усилили различные события на материке. В мае – июне 1940 г. Гитлер начал беспрецедентную «молниеносную войну» (*Blitzkrieg*) в Европе, которая привела к быстрой капитуляции одной за другой европейских стран от Нидерландов до Норвегии. Гитлеровской *Blitzkrieg* способствовала «пятая колонна» вредителей и шпионов, внедренных и сброшенных с парашютом в оккупированные страны. После разгрома своих армий голландцы сдались после всего пяти дней войны, бельгийцы – после семнадцати. В конце мая все экспедиционные войска Великобритании (BEF) были эвакуированы из Дюнкерка, и к середине июня самый крупный союзник Великобритании в Европе – Франция – постыдно капитулировала. Великобритания осталась одна в Европе воевать за свое выживание, имея лишь свою империю и страны Содружества в качестве поддержки. Объединенный комитет разведывательных служб (JCS) – высший руководящий орган британской разведки – уныло строил планы своей собственной эвакуации из Лондона и прикидывал, как ему выжить (спрятавшись в бункерах) после нацистского вторжения в Великобританию, которое казалось неизбежным. JCS не фантазировал: руководство Германии составило подробные планы вторжения в Великобританию (кодовое название – операция «Морской

лев»), в которые входили арест и, вероятно, казнь ряда офицеров из руководящего состава МИ-5 и SIS, имена которых сотрудники гестапо, вероятно, нашли в лондонских телефонных справочниках и справочнике «Кто есть кто»; во многих случаях, как это было с сэром Эриком Холт-Уилсоном, они помещали там свои домашние адреса⁷.

Ситуация для Великобритании была на самом деле даже хуже, чем можно предположить. Благодаря заключению в августе 1939 г. советско-нацистского пакта о ненападении Советский Союз и нацистская Германия выступали в войне союзниками. Часто забывают, что вторжение в Польшу в сентябре 1939 г., из-за которого Великобритания вступила в войну, было осуществлено совместно немецкими и советскими войсками. В течение того кошмарного периода между началом войны в сентябре 1939 г. и вторжением нацистской Германии в Россию в июне 1941 г. казалось, что Германия, Италия, Япония и Советский Союз будут действовать в шатком союзе и делить награбленное в мире между собой. Великобритания чуть не вступила в войну с Советским Союзом, когда Красная армия вторглась в Финляндию в ноябре 1939 г., и документы начальников штабов Великобритании показывают, что в апреле 1940 г. Королевские военно-воздушные силы планировали совершить опустошительную бомбардировку территории Советского Союза (операция под кодовым названием «Копье»)⁸.

В этих обстоятельствах, когда Великобритания осталась одна против нацистских и советских войск летом 1940 г., руководство МИ-5 пришло к выводу – ошибочному, как оказалось, – что в Великобритании работают широкомасштабные немецкие шпионские и диверсионные сети, как это было в Европе. Правда откроется позже, неизвестная в то время МИ-5: дешифровальщики в Блетчли-парке на самом деле выявили всех немецких агентов, действовавших в Великобритании. Не зная об этом, руководство МИ-5 в июне 1940 г. приняло одно из самых спорных решений из всех им когда-либо принятых и порекомендовало интернировать всех «враждебных иностранцев» в Великобритании. В общей сложности более 27 тысяч иностранцев были интернированы в Великобритании в годы войны по указанию МИ-5. В Великобритании, как это было и с интернированием в военное время американцев японского происхождения в Соединенных Штатах, это был прискорбный эпизод в истории гражданских свобод⁹.

Из-за нехватки достоверной информации о нацистской Германии британская разведка начала Вторую мировую войну, воюя наобум. Еще больше ухудшал ситуацию тот факт, что она испытывала хроническое недофинансирование: в 1939 г. МИ-5 располагала штатом общей численностью всего лишь тридцать шесть сотрудников. Символом неумелых действий британской разведки в первые дни войны стало катастрофическое происшествие, связанное с SIS в октябре 1939 г. вскоре после начала военных действий. Два офицера SIS, работавшие в Нидерландах, Ричард Стивенс и Сигизмунд Пейн Бест, попавшись на приманку, поехали в город Венло на голландско-немецкой границе под предлогом встречи с группой немецких офицеров, настроенных против Гитлера. На самом же деле группа «сопротивления» находилась под контролем гестапо. Двух офицеров SIS немедленно арестовали, вывезли с территории нейтральной Голландии через немецкую границу и заключили в тюрьму до конца войны. Необъяснимо, но они встретились со всеми своими агентами в Германии, которые были быстро арестованы и нейтрализованы (многие казнены) фашистскими властями. Благодаря одному роковому удару сеть британских агентов в Третьем рейхе прекратила свое существование¹⁰.

«Инцидент в Венло», по-видимому, отбросил длинную тень. И хотя в настоящее время в британских документах содержится мало информации, не похоже, чтобы после провала в Венло SIS оказывала помощь или спонсировала какие-то значительные группы сопротивления в Германии. Возможно, это было вызвано тревогой после случая в Венло или страхами, возникшими на Уайтхолле, того, что убийство Гитлера просто сделает его мучеником и выпустит новых демонов. Ни одно из покушений на жизнь Гитлера, совершенных во время войны немецкими офицерами (самое известное из которых – «заговор генералов» в июле 1944 г.), похоже, не было спонсировано ни SIS, ни какой-либо другой службой британской разведки. «Кабинетные» убийцы и «историки-критики» в настоящее время редко понимают истинное мужество, проявленное этими заговорщиками, но, даже признав это, что противоречит недавно вышедшему голливудскому фильму «Операция „Валькирия“», следует понимать, что в июле 1944 г. никто не собирался изгонять Гитлера и устанавливать демократическое правление в Германии. Это была попытка группы

немецких офицеров заменить Третий рейх недемократической военной диктатурой¹¹.

Одной из причин, по которым британская разведка обладала столь скудными разведданными о нацистской Германии в начале войны, была огромная трудность получения надежной информации о таком закрытом полицейском государстве, как Третий рейх. И по сей день понимание его властных структур является все еще одной из самых спорных и обширных тем в современной истории. Современные историки, вооруженные немецкими документами, которых не было у британской разведки в те времена, не могут прийти к согласию по таким основным вопросам, как кто в конечном счете руководил нацистской Германией и был ли Гитлер «сильным диктатором» или «слабым диктатором». Даже при этих условиях британская разведка в целом в довоенное время катастрофически не могла понять образ мыслей нацистского руководства. До войны было несколько офицеров, в частности Джон Карри и Дик Уайт из МИ-5, которые уловили истинный характер стратегической угрозы, которую представлял собой Третий рейх, но их попытки убедить в этом Уайтхолл ни к чему не привели. Оксфордский историк и сотрудник SIS, пришедший туда на работу в годы войны, Хью Тревор-Роупер был потрясен, обнаружив, что никто из его коллег не потрудился прочесть «священные тексты» тех, с кем они вели войну, такие как «Майн кампф». Хуже того, МИ-5 и SIS в довоенные годы отдавали приоритет деятельности Советского Союза и Коминтерна и почти совершенно пренебрегали растущей угрозой, исходившей от нацистской Германии. Это также означало, что они рассматривали нацистскую угрозу через призму Коминтерна и пришли к ошибочному заключению, что такие фашистские организации, как Британский союз фашистов (BUF) Освальда Мосли, схожим образом подчиняются Компартии Великобритании, которой руководили из Москвы. На самом деле чернорубашечники из BUF были выше всего британского и в противоположность тому, что думали о них в МИ-5, не желали подчиняться указаниям из Берлина или Рима так, как «интернациональная» Компартия Великобритании следовала указаниям из «центра» – Москвы. И все же невозможно точно узнать, как BUF отреагировал бы, если бы нацисты вторглись в Великобританию¹².

Поразительные провалы британских разведывательных служб до войны повели их в удивительных направлениях во время войны. К 1942 г. руководители разведки на Уайтхолле пришли в такое отчаяние, попытались понять склад ума нацистского руководства, что приняли на работу прорицателя, гадающего по воде, по прозвищу «Смоуки Джо» и голландского астролога Луи де Воля. Оба они утверждали, что могут предсказывать поведение Адольфа Гитлера по его знаку зодиака – Весам восходящим. И лишь после того, как Воль проработал несколько месяцев, в МИ-5 и SIS поняли, что он просто аферист¹³.

Одной из главных причин, по которым, несмотря на скудную информацию, имевшуюся у Великобритании на момент начала военных действий, ее разведка добилась таких феноменальных успехов в военное время, был Уинстон Черчилль, который, как подчеркнул ведущий историк разведки Кристофер Эндрю, более чем любой другой британский политический деятель до или после войны, был восторженным ее поклонником. Черчилль, вероятно, впервые заинтересовался деятельностью работников «плаща и кинжала», когда работал репортером на Англо-бурской войне с 1899 по 1900 г., но его интерес расцвел пышным цветом после того, как он стал министром внутренних дел в 1910 г. В качестве министра внутренних дел он помогал «опериться» Управлению секретных служб в начале его существования – в то время сэр Вернон Келл учился в Сэндхерсте (военное училище сухопутных войск, расположенное близ одноименной деревни в графстве Беркшир в Англии. – *Пер.*), – наделив его расширенными полномочиями в части перехвата писем (HOWs) и проведя в парламенте в 1911 г. пересмотренный Закон о государственной тайне, который упростил процедуру судебного преследования за шпионаж. Стойкая концентрация внимания Черчилля на разведке продолжалась и после того, как он в мае 1940 г. стал премьер-министром. Это был «самый тяжелый час» Великобритании, который при Черчилле стал ее самым счастливым часом. Будучи премьер-министром, он жадно поглощал донесения разведки и распорядился выделять гораздо больше финансов разведслужбам. При Черчилле Объединенный комитет разведслужб (ЛС), который был создан в 1936 г., добился признания, действуя в качестве модернизированного экспертного органа для всех британских разведывательных служб и еженедельно составляя краткие доклады для

Черчилля и его кабинета министров об угрозах национальной безопасности Великобритании – функции, которые существуют и по сей день. Отдельные разведывательные службы Великобритании начали сотрудничать друг с другом так, как никогда раньше, и превратились в британское разведывательное сообщество¹⁴.

Именно в области радиотехнической разведки (SIGINT) поддержка Черчиллем разведслужб принесла самые большие дивиденды. Беспрецедентные успехи британской разведки во время войны стали результатом в основном титанических усилий дешифровальщиков в GC&CS со штаб-квартирой в Блетчли-парке. Во время войны Блетчли-парк стал осуществлять руководство шпионской деятельностью в промышленном масштабе. В мае 1941 г. Черчилль получил совершенно секретный запрос из Блетчли-парка о выделении еще большего финансирования. Он был настолько возмущен, что потребовал «немедленных действий» и отдал указание своему помощнику по военным вопросам – генералу Гастингсу «Мопсу» Исмею дать GC&CS необходимые финансовые средства и доложить об исполнении. В декабре 1940 г. сотрудники в Блетчли-парке сумели с помощью польских дешифровщиков взломать первый из известных немецких кодов-головоломок. Имея ресурсы, которыми Черчилль теперь осыпал GC&CS, эта Правительственная школа кодов и шифров быстро разрасталась: к 1943 г. ее дешифровщики читали в среднем три тысячи немецких сообщений в день. Эти расшифровки получили кодовое название «Ультра», но также были известны как «разведывательные службы Оливера Стрейчи» (ISOS), названные так по имени высокопоставленного офицера GC&CS, но, как правило, они фигурировали как «самые секретные источники», или MSS. Расшифровки «Ультра» передавались SIS, которая официально руководила GC&CS во время войны, напрямую самому Черчиллю почти ежедневно. «Ультра» предоставляли такую точную и быструю «живую» разведывательную информацию, что некоторые немецкие сообщения с Восточного фронта или из пустынь Северной Африки обычно ложились на письменный стол Черчилля в Лондоне раньше, чем их получал Гитлер в Берлине. Дешифровщики из Блетчли-парка также «в реальном времени» получали ужасающие сообщения о массовом уничтожении евреев фашистами. Еще в 1941 г. перехваты незначительного количества немецких сообщений с Восточного фронта

показали всем в Блетчли-парке то, что мы, оглядываясь назад, можем назвать эволюцией «окончательного решения» еврейского вопроса нацистами – массового убийства европейских евреев и представителей других народов, считавшихся «недочеловеками». Существуют спорные доказательства того, что правительства Великобритании и США отказались обнародовать то, что обнаружили служащие Блетчли-парка о холокосте, потому что, сделав это, они поставили бы под угрозу тайну «Ультра». С имеющимися фактами невозможно утверждать, так все было или нет¹⁵.

Считается, что свыше 12 тысяч человек работали в Блетчли-парке, и их расшифровки «Ультра» сделали свой вклад в военные успехи союзных войск в ряде регионов. Командующему британскими войсками в Северной Африке в 1942 г. генералу сэру Бернарду Монтгомери был предоставлен поток высококлассных расшифровок «Ультра», которые раскрывали местонахождение его противника – африканского корпуса Эрвина Роммеля. Расшифровки, которые ручьем текли к Монтгомери, были такими точными, что после войны ЛС обеспокоился тем, что, когда дело дойдет до написания истории военных действий в Северной Африке, историки поймут, что Монтгомери заранее знал о передвижениях Роммеля, и смогут составить все кусочки мозаики вместе. Как оказалось, ЛС переоценил историков: секрет «Ультра» оставался тайной на протяжении многих лет после войны. Сейчас мы знаем, что эти расшифровки помогли 8-й армии Монтгомери одержать ее знаменитую победу летом 1942 г. в Эль-Аламейне, который когда-то был неизвестным портом на краю Египетской пустыни. Эта победа стала поворотным пунктом в войне союзников в Северной Африке. К маю 1943 г. «пустынные крысы» Монтгомери сбросили Африканский корпус Роммеля в море в Тунисе. Дешифровщики из Блетчли-парка также принесли прямую пользу союзникам в сражении в Северной Атлантике: они обнаруживали местонахождение германских субмарин и давали возможность адмиралтейству уводить караваны судов от опасности, сводя потери кораблей к приемлемому уровню, а также способствовали победам союзных войск в сражениях у мысов Матапан (март 1941) и Нордкап (декабрь 1943)¹⁶.

Расшифровки «Ультра» также сделали возможной теперь уже легендарную «вербовочную систему» МИ-5, благодаря которой

идентифицировали любого немецкого агента в Великобритании, и многие из них становились двойными агентами. И только когда в декабре 1940 г. «Ультра» включились в работу, МИ-5 смогла окончательно установить, работают ли еще в Великобритании какие-нибудь невыявленные немецкие шпионы, а также, что очень важно, верит ли высшее командование Германии той дезинформации, которую двойные агенты МИ-5 передают в Германию. Офицер МИ-5 Т.А. «Смола» Робертсон, который руководил в МИ-5 отделом В1а, занимавшимся двойными агентами, позже расскажет, как расшифровки «Ультра» дали МИ-5 возможность увидеть, пополняются ли досье ее врага именно той информацией, какой было нужно МИ-5. В нескольких случаях МИ-5 с гордостью следила, как ее дезинформация передавалась нацистскими разведывательными службами по всей Европе и за ее пределы. Значимость этих успехов была позднее подытожена сэром Джоном Мастерманом – руководителем комитета по дезинформации МИ-5 в военное время, который отметил, что в годы войны Великобритания «активно контролировала разведывательную систему Германии в своей стране»¹⁷.

Впоследствии Черчилль размышлял о ценности разведывательной информации, предоставленной сотрудниками Блетчли-парка, и секретности его деятельности, назвав его дешифровщиков «гусьями, которые откладывали золотые яйца, но не гоготали». Некоторые историки, включая И.Х. «Гарри» Хинсли, который был младшим сотрудником в Блетчли-парке и позднее стал редактором официальной истории британской разведки во Второй мировой войне, предположили, что информация, предоставляемая Блетчли-парком, была настолько ценной, что благодаря ей война сократилась на два года, и было спасено несчетное количество жизней с обеих сторон. Недавно в отношении этого утверждения было высказано сомнение; историки доказывали, что Вторая мировая война была на самом деле войной боевой техники, и, как только Советский Союз и Соединенные Штаты вступили в войну в июне и декабре 1941 г. соответственно, победа союзников была обеспечена. И хотя противоречащие действительности предположения типа «что, если» могут вызывать бесконечные дебаты, реальность была такова, что, если бы война в Европе не закончилась в мае 1945 г., союзники сбросили бы на Германию атомную бомбу, так как

изначально именно она была целью для тех бомб, которые упали на Японию в августе 1945 г.

Группа А: рождение британского стратегического обмана

Идея стратегического обмана, то есть предоставление ложной информации с целью ввести в заблуждение вражеских стратегов, наилучшим образом была использована союзными войсками в Европе, но изначально она возникла не там. Во время так называемой «странной» войны между началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. и битвой за Англию летом 1940 г. Ближний Восток был единственным театром военных действий, где британские войска воевали непосредственно с вооруженными силами стран оси, и именно там родилось новаторское использование разведывательной информации для решения военных вопросов. Прежде чем МИ-5 или SIS начали обдумывать мысль о стратегическом обмане, это сделало впервые небольшое разведывательное бюро при находящемся в Каире штабе главнокомандующего британскими войсками на Ближнем Востоке генерала Арчибальда Уэвелла. Уэвелл был один из самых образованных генералов в военной истории Великобритании, спокойный, эрудированный человек, который писал стихи в свободное время, хорошо знал историю Лоуренса Аравийского и ценил на войне разведку. Подразделение, которое он создал, было известно как «группа А», а человеком, которого он поставил его руководить, стал замечательный военный разведчик подполковник Дадли Кларк, автор ряда искусных обманых ходов. С точки зрения Кларка, можно было сделать больше, чем помешать вражеским разведслужбам добраться до своих секретов (контрразведка): секреты, полученные путем контрразведки, также можно использовать с целью введения в заблуждение вражеских стратегов (стратегический обман)¹⁸.

В 1940 г. Кларк завербовал молодого офицера Джаспера Маскелайна, который был родом из известной семьи иллюзионистов, чтобы тот помог ему построить в Египте целый ложный город из фанеры в трех милях от Александрийского порта. «Город», построенный группой Маскелайна, так называемой «артелью чародеев», выглядел с воздуха, очевидно, настолько реалистично – в нем было все до ложного маяка и зенитных батарей, – что он ввел в

зablуждение немецкие бомбардировщики, которые уничтожили его вместо реального города Александрии. Чтобы направить немецкие бомбардировщики по ложному следу, «артель чародеев» использовала несколько замысловатых зеркал, чтобы создать оптическую иллюзию над Суэцким каналом, чтобы скрыть предполагаемые цели в этом месте. Группа А также участвовала в операциях по введению противника в заблуждение перед стратегически ключевым вторым сражением при Эль-Аламейне на западе Египетской пустыни, которое происходило с октября по ноябрь 1942 г. Группа построила две тысячи ложных танков к югу от Эль-Аламейна, которые использовали убедительную пиротехнику; эти танки ввели Роммеля в заблуждение, заставив его думать, что главное наступление союзных войск под командованием Монтгомери начнется с юга, тогда как в реальности оно началось с севера. Маскелайн был заинтересован в том, чтобы преувеличить свои жульнические подвиги в написанной им после войны книге «Магия – совершенно секретно», потому что считал, что его действия во время войны остались непризнанными. Некоторые историки усомнились в его рассказах, но, по-видимому, они все же заслуживают большей веры, чем та, с которой к ним до этого относились. Авторы официальной истории британской разведки во Второй мировой войне, у которых был доступ к засекреченным документам, отмечают «многочисленные и ценные успехи» Маскелайна во введении врага в заблуждение на Ближнем Востоке. Благодаря хитростям группы А и «банды магов» немцы в Эль-Аламейне поверили в то, что британские войска на 40 % больше, чем они были на самом деле¹⁹.

В октябре 1941 г. Кларк поехал в Лондон, где он проинформировал военное министерство о своих идеях стратегической дезинформации, которые произвели в министерстве такое впечатление, что вскоре после этого было создано совершенно секретное бюро, известное как Лондонский отдел контроля (LCS). И хотя это название не фигурирует в большинстве историй, LCS был одним из самых важных, если не самым важным разведывательным агентством сил союзников во всей Второй мировой войне. У LCS были только неисполнительные полномочия – планирование, координация и надзор, – но это не означало, что его влияние было ограничено. По мнению М.Р.Д. Фута, уважаемого ныне покойного официального историка британского

диверсионного агентства времен войны – Управления специальных операций, LCS играл во время войны более важную роль, чем МИ-5, или SIS, или GC&CS. Возглавляемый с мая 1942 г. подполковником Дж. Х. Биваном, он был нацелен на «подготовку планов дезинформации в мировом масштабе, чтобы заставить врага истощать свои военные ресурсы». На деле руководство двойными агентами и другие дезинформационные уловки осуществлялись МИ-5 и другими разведслужбами, но именно LCS отвечал за координацию всех действий по дезинформации, поставляемой Германии и другим врагам Великобритании. Новаторство группы А в стратегическом обмане на Ближнем Востоке вдохновило LCS, который поднял его на новые высоты. Как гласит официальная история участия британской разведки во Второй мировой войне, маленький желудь, посаженный в пустынях Северной Африки Дадли Кларком, во время войны вырос в огромное дерево, которое простерло свои ветви на всю Европу и Британскую империю²⁰.

Первое значительное использование LCS стратегической дезинформации произошло во время операции «Факел», когда союзники высадились в Северной Африке в ноябре 1942 г. Во время подготовки к высадке один из лучших двойных агентов МИ-5, испанец по национальности Хуан Пужоль Гарсия (кодовое имя «Гарбо»), отправил письма своим немецким кураторам с дезинформацией о времени высадки. В одном из писем «Гарбо» содержалась информация, полученная от придуманного им агента, якобы действующего в Великобритании, о том, что корабли союзников отплыли из Шотландии и, очевидно, взяли курс на Северную Африку. И хотя письмо содержало точную информацию, МИ-5 намеренно задержало его, чтобы оно не дошло до адресата раньше, чем состоится реальная высадка. Этот план прекрасно сработал: немецкие кураторы «Гарбо» были благодарны ему за точную информацию, которая, к сожалению, дошла до них слишком поздно. Аналогичные ложные сведения о высадке в ходе операции «Факел» были переданы фашистской разведке двойным агентом с кодовым именем «Сыр» – итальянцем еврейского происхождения, который был завербован SIS еще до войны, а затем – абвером во Франции в 1940 г. и с той поры был английским двойным агентом. В феврале 1941 г. абвер отправил «Сыра» в Египет, где тот тайно работал под контролем регионального бюро МИ-5 SIME. Он вместе с

руководителями операции из МИ-5 придумал фиктивного агента, которого назвали «Пол Нискофф» – им на самом деле был английский связист, который передавал стратегически ложные материалы нацистской разведке. К осени 1942 г. «Сыр» почти ежедневно передавал сообщения от «Пола Нискоффа» и за период перед операцией «Факел» был на прямой связи со штабом Роммеля, поставляя ложную информацию о мобилизации британских войск на Ближнем Востоке. К концу войны «Сыр» и «Пол Нискофф» передали 432 сообщения в бюро абвера, находившееся в Каире, и расшифровки «Ультра» демонстрировали, что в абвере их считали достоверными. Успех стратегической дезинформации в ходе операции «Факел» был явным: генерал Альфред Йодль, ближайший военный советник Гитлера, начальник оперативного штаба немецкого главнокомандования (ОКВ), после войны сказал следователям союзников, что высадки союзников в Северной Африке стали «совершеннейшей неожиданностью»²¹.

Следующим важным случаем использования LCS стратегической дезинформации была операция «Мясной фарш» – вторжение войск союзников в Европу с Северной Африки и открытие второго фронта с целью ослабить натиск на советские вооруженные силы на Востоке. Операция «Мясной фарш» убедила высшее командование Германии в том, что вторжение союзников в Италию – «мягкое подбрюшье Европы», как выразился Черчилль, произойдет не на Сицилии, как на самом деле планировалось, а на Сардинии и в Греции. Операция «Мясной фарш», начавшаяся в начале 1943 г., была детищем офицера МИ-5 Чарльза Холмонделя и перешедшего в МИ-5 в годы войны блестящего офицера морской разведки Ювена Монтагю, которому помогал другой офицер морской разведки Ян Флеминг (будущий создатель Джеймса Бонда). Вместе они разработали знаменитую хитрость: бросить мертвое тело с борта корабля, при котором находились якобы совершенно секретные планы союзников вторжения на Сардинию. Дезинформаторы были настолько дотошны в своих приготовлениях, что создали вымышленного человека для мертвого тела – майора Мартина и даже вложили фотографию его вымышленной невесты (в реальности сотрудницы МИ-5) в его бумажник и корешок билета в лондонский кинотеатр на фильм, который показывали вечером за два дня до его «смерти». «Майор Мартин», который в действительности был найден в лондонском морге и был умершим

бездомным безо всяких родственников, достиг большего после своей смерти, чем, очевидно, при жизни. После того как его тело было найдено вблизи берегов Испании, Верховное главнокомандование Германии было введено в заблуждение документом в его портфеле, в котором были в общих чертах изложены планы союзников вторжения на Сардинию, и по личному приказу Гитлера туда были отведены войска, хотя любому ребенку, имеющему школьный атлас, было бы очевидно, что предполагаемым пунктом назначения союзников, находящихся на своей базе в Северной Африке, была Сицилия, а не Сардиния²².

Кульминацией дезинформационных кампаний Великобритании в военное время была операция «Сила духа», которая проложила путь переправе союзников через Ла-Манш в крепость-Европу в день Д – 6 июня 1944 г. Это было крупнейшее вторжение с моря в истории военно-морского флота. Готовясь ко дню Д, звезда МИ-5 двойной агент «Гарбо» и его куратор в МИ-5 Томас Харрис передали огромный объем ложной стратегической информации в Германию о несуществующих войсках союзников, размещенных в Великобритании. «Гарбо» помог сфабриковать целую мнимую армейскую группировку США – «Первую армейскую группировку Соединенных Штатов» (FUSAG), которая была не чем иным, как набором деревянных танков и надувных кораблей, но, как и фикции Дадли Кларка в Египетской пустыне до этого, с воздуха они выглядели настоящими. Самая важная дезинформация, которую «Гарбо» передал своим кураторам в Германии, было радиосообщение 5 июня 1944 г., которое убедило Верховное командование Германии в том, что основная высадка союзных сил произойдет не в Нормандии, а в районе Кале. Благодаря этой дезинформации ключевые танковые дивизии СС были отправлены в Кале, где они ожидали прибытия сил вторжения, которые так и не появились. Дезинформация «Гарбо», которая отвлекла силы фашистов и позволила союзникам создать ключевой плацдарм, без сомнения, спасла много жизней союзников. То, насколько руководство нацистской Германии ценило «Гарбо», демонстрирует тот факт, что Гитлер лично наградил его Железным крестом, и он стал единственным человеком, который получил и фашистский Железный крест, и медаль Британской империи²³.

Шпион против шпиона: любители против профессионалов

В послевоенные годы некоторые офицеры МИ-5, такие как Робертсон, подвергали критике обманные приемы Дадли Кларка и группы А в Египетской пустыне как «любительские». Группа А, безусловно, не была профессиональной разведывательной службой, как МИ-5 или SIS. Еще дело было в том, что Кларк был чрезвычайно эксцентричной личностью.

В 1943 г. произошел очень странный эпизод, когда он был арестован в Мадриде, одетый как женщина. Сначала он сказал испанским полицейским, что проводит исследование для репортажа о том, как люди реагируют на мужчин, одетых как женщины, а затем изменил свой рассказ и стал утверждать, что он нес одежду подруге, решил пошалить и надел ее. Но, как заметил один чиновник в посольстве Великобритании в Мадриде, это не объясняло, почему надетые на нем женские туфли и бюстгальтер подходили ему по размеру²⁴.

Несмотря на всю эксцентричность Кларка, было несправедливо со стороны Робертсона говорить, что он и группа А были «любителями». Источником напряженных отношений между МИ-5 и таких подразделений, как группа А, было то, что МИ-5 занималась контрразведкой ради нее самой – чтобы помешать врагу узнать секреты Великобритании – и расценивала стратегическую дезинформацию как крайнюю форму контрразведывательных операций, тогда как подразделения вроде группы А склонны были видеть в стратегической дезинформации конечную цель. Нежелание группы А считать конечной целью контрразведку, видимо, было причиной, по которой Робертсон преуменьшил ее заслуги²⁵.

Робертсон был одним из лучших кураторов шпионов в МИ-5 в первой половине XX в. Он был профессиональным разведчиком, который поступил на службу в начале 1930-х гг. и служил в Королевском Хайлендском полку британской армии – его склонность постоянно носить форму этого полка (узкие шотландские тартановые брюки) завоевала ему в МИ-5 милое прозвище «любимые штаны». Во

время войны он руководил в МИ-5 отделом В1а, который курировал всех двойных агентов общей сложностью 120 человек. Успех Робертсона был связан во многом с его приветливой манерой, благодаря которой даже самый несговорчивый вражеский агент чувствовал себя с ним легко. Тем не менее как разведчик-профессионал он, естественно, считал людей, которые смотрели на вещи иначе, чем он и МИ-5, особенно на использование стратегической дезинформации, новичками-выскачками²⁶.

Навешивая на группу А ярлык «любителей», Робертсон не увидел главного: МИ-5, как и остальные службы разведывательного сообщества Великобритании, на самом деле во многом своими успехами в военное время были обязаны притоку в ее ряды любителей-непрофессионалов. Выдающиеся, пусть даже и эксцентричные личности дали британской разведке в годы войны те изобретательность и творческий посыл, которых у нее до них не было. В их числе были энергичные интеллектуалы из главных университетов Великобритании, а Блетчли-парк, в частности, стал бастионом этой интеллектуальной элиты. Среди ее самых выдающихся новобранцев были блестящие математики Алан Тьюринг, Альфред «Дилли» Нокс и Гордон Уэлчман – все из Кембриджского университета. Две трети выпускников Королевского колледжа Кембриджского университета в тот или иной период во время войны работали в Блетчли-парке. Тьюринг, в сущности, отвечал за разработку совершенно новой системы электронно-механических машин для оказания помощи в расшифровке кода «Энигма» – по этой причине его справедливо прозвали отцом современной компьютерной науки. Среди людей, набранных на работу в SIS, были крупные оксфордские ученые, такие как историк Хью Тревор Роупер и философы Стюарт Хэмпшир и Джилберт Райл. Некоторые известные литературные деятели также вступили в ряды SIS в годы войны иногда с курьезными результатами: когда Малькольма Маггериджа и Грэма Грина учили в SIS пользоваться проявляющимися чернилами, – а в обучение входила инструкция, как получить сырье для чернил под кодовым названием «птичий помет» (BS), – их реакцией по вполне понятной причине было смущение. Среди авторитетных интеллектуалов, которые заняли свое место в МИ-5 во время войны, были Виктор Ротшильд из Кембриджа, который стал экспертом МИ-5 по диверсиям, и из Оксфорда – юрист-теоретик Х.Л.А. Харт и историк

Джон Мастерман. Блестящий ученый Мастерман, холостяк и один из лучших игроков в английский крикет, стал председателем «Комитета двадцать» МИ-5, который вел двойных агентов, курируемых МИ-5 во время войны. Вот типичный пример игры слов, которая была в ходу у сотрудников МИ-5 с академическим мышлением: «Комитет двадцать» был так назван из-за двойного креста (doublecross – перехитрить, обмануть – *англ.*) ХХ, который представляет собой римскую цифру двадцать²⁷.

Наряду с такой интеллектуальной мощью менее академические профессии также породили в военное время нескольких выдающихся офицеров для британской разведки. Один из лучших кураторов агентов Сирил Миллз вышел из малообещающей семьи: он был сыном известного владельца цирка Бертрама Миллза. Вероятно, самые лучшие рабочие отношения, которые развились во время войны между агентом и его разведчиком-руководителем, были отношения между «любителем» – сотрудником МИ-5 в военное время Томасом Харрисом и его двойным агентом «Гарбо». Харрис примкнул к МИ-5, имея за плечами малообещающий опыт работы лондонского антиквара. Его беглое владение испанским языком сделало его, само собой разумеется, куратором «Гарбо», и эти двое прекрасно работали вместе по созданию в высшей степени подробной, но совершенно выдуманной шпионской сети, состоявшей из двадцати восьми агентов в различных уголках Англии, которые на самом деле были «не чем иным, как плодом воображения». «Гарбо» приходилось использовать путеводитель, описывая места нахождения этих фиктивных агентов своим работодателям в Германии, потому что он мало ездил по Великобритании. Как позднее заметил Харрис, фантазия «Гарбо» была достойна Милтона²⁸.

Другой пользой от новобранцев-«любителей», вроде Харриса, для МИ-5 в военное время было то, что их меньше заботили карьера и пребывание в коридорах власти тайного государства, чем их коллег-профессионалов, а это означало, что они свободнее генерировали творческие идеи и меньше беспокоились, если эти идеи не срабатывали. При этом следует отметить, что их изобретательность и креативность заходили так далеко только во взаимодействии с агентами, а ведь наступает момент, когда нужно вести утомительный, но необходимый методический поиск. Один бывший сотрудник SIS,

который работал в тесном контакте с отделом В1а МИ-5, вспоминал, что в его повседневные обязанности входило выполнение таких скучных и утомительных заданий, как чтение мадридского телефонного справочника в обратном направлении, чтобы найти в нем имя агента по перехваченному телефонному номеру²⁹.

Британская разведывательная империя

Во время Второй мировой войны британские разведывательные службы сталкивались с теми же самыми угрозами, что и в Первой мировой войне. Разведслужбы стран оси пытались спровоцировать восстания и беспорядки по всей Британской империи точно так же, как это делали главные державы. Чтобы противостоять этим угрозам, британское секретное государство создало беспрецедентные разведывательные мощности. Вторая мировая война шла тогда, когда британская имперская разведка достигла зрелости и довоенные представления МИ-5 о себе как имперской разведывательной службе стали реальностью. Она увеличила количество офицеров (DSO), работавших в колониях и странах Содружества, с шести человек в начале войны до двадцати семи к ее концу, плюс двадцать один служащий секретариата, размещенный по всему земному шару от Тринидада до Адена и Куала-Лумпура. DSO поддерживали связь с отделом «Зарубежного контроля» в штаб-квартире МИ-5 в Лондоне, которым руководил полковник Бертрам Ид, используя надежные шифры, и под прикрытием адреса «убыл». Во время войны несколько старших офицеров МИ-5 совершали поездки на британские территории за границей с целью надзора и оказания помощи в реформировании местной службы безопасности. И Дик Уайт, и Робертсон ездили на Ближний Восток и рекомендовали Службе обеспечения безопасности на Ближнем Востоке (SIME) способы повышения эффективности своей работы, особенно в руководстве двойными агентами. МИ-5 также содержала глубоко засекреченные лаборатории на двух отдаленных территориях империи – на Бермудских островах и в Сингапуре, которыми руководили специально завербованные ученые – настоящие Джеймсы Бонды О-типа, которые занимались тем, что проверяли перехваченные письма на наличие в них проявляющихся чернил³⁰.

Наряду с расширением роли МИ-5 в империи война также произвела переворот в деятельности SIGINT на заморских британских территориях и привела к непосредственному вовлечению GC&CS в дела колоний и стран Содружества. Региональный центр GC&CS в Индии – так называемый «Экспериментальный радиоцентр» в Дели, получая массу вражеских сообщений, резко увеличил объем и качество

перехвата потока информации по радио, как только был расшифрован код «Энигма». GC&CS делала то же самое в других частях империи – в Гонконге, на Кипре, Мальте и на радиостанции Британских сухопутных войск в Сарафанде (Палестина), которая выступала в роли сборного пункта GC&CS на Ближнем Востоке. Такой же рост перехваченного трафика произошел и в невоенной организации, которая работала под руководством GC&CS в Гелиополе (Египет), и на станции SIGINT, функционировавшей под эгидой Королевских военно-воздушных сил для GC&CS в Ираке, оккупированном Великобританией и союзниками во время войны. Массовое расширение во время войны сферы деятельности GC&CS за рубежом привело к некоторым своеобразным результатам. Когда в Египте потребовалась высокая антенна для перехвата радиосообщений, рабочие Службы радиобезопасности (RSS), функционировавшей в составе МИ-5 и отвечавшей за перехват подпольных радиосообщений, посланных шпионам и шпионами – своему начальству, предложили поставить ее на вершину Великой пирамиды и тем самым сделать это чудо света самой большой приемной станцией на планете³¹.

Как и во время Первой мировой войны, во время Второй мировой войны враги Великобритании прибегали к стратегии сколачивания союзов с антиколониальными движениями, борющимися за независимость от Британской империи. И снова Ирландия стала очевидной мишенью Германии, чтобы спровоцировать там восстание против Великобритании, и абвер предпринял безуспешную попытку наладить связь с Ирландской республиканской армией (ИРА) – это был план под кодовым названием «Операция Катлин». ИРА в полной мере воспользовалась слабостью мер безопасности в Великобритании во время войны, проведя серию взрывов в 1939 г., в том числе на лондонском Хаммерсмитском мосту, что усилило опасения МИ-5 в отношении «пятой колонны», действующей в стране. В то время угрозы, исходившие от ИРА, не входили в сферу ответственности МИ-5, но падали непосредственно на плечи особого отдела Скотленд-Ярда, который изначально был создан в 1880-х гг. как «особый отдел для борьбы с фениями» (фении – члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. – *Пер.*). Непосредственно в предвоенные годы у МИ-5 имелась связь с полицией в Дублине и Белфасте, а также с военной разведкой (G2) в

Ирландском свободном государстве (или Эйре, как его стали называть после 1937 г.). Во время войны в МИ-5 было открыто отделение, занимавшееся Ирландией, под руководством Сесила Лиддела, брата начальника отдела В в МИ-5 Гая Лиддела. Однако по-настоящему заниматься деятельностью ИРА МИ-5 стала только во время войны в тех случаях, когда имелась ее явная связь с Германией. К счастью для МИ-5, все немецкие агенты, засланные в Ирландию с целью установления связи с ИРА, оказались впечатляюще неумелыми. Их либо опознавали другие агенты, уже находящиеся под опекой МИ-5, либо выслеживала ирландская полиция, либо выявляли расшифровки «Ультра», предоставляемые из Блетчли-парка. Один агент по имени Герман Гёртц был сброшен в Ирландию с парашютом летом 1940 г.; одет он был в полный комплект формы люфтваффе со всеми регалиями. Его радиопередатчик разбился при посадке; он чуть не утонул при переправе через реку Бойн, которая к тому же унесла пузырек невидимых чернил, которыми он должен был писать свои сообщения, и ему не удалось вступить в контакт с руководством ИРА. И хотя ирландская полиция выследила его не раньше ноября 1941 г., в то время, пока он оставался на свободе, его миссия полностью провалилась. После ареста он просидел в дублинской тюрьме до конца войны, а когда ему сказали, что его репатрируют в Германию, он совершил самоубийство в отделении дублинской полиции³².

Несостоятельность разведки стран оси

Легко романтизировать рассказ об успехах английской разведки во время войны и забыть главное: несмотря на все ее достижения в военное время, секретным службам страны повезло столкнуться с противниками, которые были, как правило, некомпетентны, а в некоторых случаях особенно. Неудачи разведывательных служб Германии в конечном счете являются следствием авторитарного характера самого Третьего рейха. Подобно разведслужбам всех однопартийных авторитарных режимов, им особенно хорошо удавался *сбор* разведанных: ведение подробных записей о своих врагах, наблюдений и использование страха перед доносом с целью заставить людей подчиниться. Они проводили в жизнь теории расового заговора нацистского руководства с безжалостным рвением, организуя «окончательное решение» с холодной бюрократической слаженностью. Они также провели несколько успешных операций против англичан: за печально известным инцидентом в Венло последовала шпионская операция «Цицерон», благодаря которой с 1943 по 1944 г. из посольства Великобритании в Стамбуле они получали секретную информацию. В Нидерландах они выявили и схватили группы сопротивления, которые работали на британскую секретную военную службу, и завербовали двойных агентов из их числа. Однако эти успехи были исключениями, а не правилом.

Подобно действиям советского НКВД тех времен, разведслужбы нацистов были поразительно слабы в *оценке* разведанных: их деятельность была в большей мере направлена на поддержку расовых заговоров руководства, чем на сбор важной информации. В фашистской *Sicherheitsdienst* (служба безопасности – SD), например, был целый отдел, занимавшийся изучением церковных записей с целью выявления еврейских и славянских предков; а SS – отличающиеся своей жестокостью элитные части Гитлера – тратили свои ресурсы на изучение странных вещей, вроде значения цилиндров (головных уборов) и готической остроконечной башенки в Итоне, запрещение губных гармошек в Ольстере и масонства³³.

Такой вид извращенной деятельности подчеркивал тот факт, что существовало несколько внутренних причин, которые мешали

объективному сбору разведывательной информации фашистскими служащими разведки: они часто боялись расправы над собой и членами своей семьи, если они пришлют «не тот» отчет, а это неизбежно порождало низкопоклонство в их среде, когда младшие по званию осторожны в озвучивании своей несогласной точки зрения. Исходя из некоторых фактов, можно предположить, что из-за страха признать неудачу перед своими начальниками некоторые офицеры абвера продолжали работать с агентами, даже когда подозревали, что они уже разоблачены. Руководитель абвера адмирал Вильгельм Канарис, известный своими антигитлеровскими настроениями, был казнен по обвинению в государственной измене в апреле 1945 г. по личному приказу фюрера. Однако в противоположность всем утверждениям нет доказательств того, что Канарис имел во время войны тайные контакты с SIS с целью ведения переговоров о мире³⁴.

Один из главных абверовских офицеров, проводивших операции против Великобритании и ее империи, доктор Николаус Риттер, который также проходил под кодовым именем «Кларк Гейбл» из-за, по его словам, сходства с этим голливудским актером, позднее бездоказательно утверждал, что ему было известно о раскрытии некоторых агентов, которых он послал в Англию, и он на самом деле играл с Великобританией в свою игру. К середине войны после ряда неудачных разведывательных операций карьера Риттера в абвере закончилась. Он перешел на другую должность – руководителя гражданской противовоздушной обороны Ганновера, где отвечал за координацию сил противовоздушной обороны перед разрушительным авианалетом на город силами союзников в октябре 1944 г., когда его способность делать предсказания его явно подвела. Поверив в то, что отвлекающий авианалет был главной атакой, Риттер отменил боевую готовность противовоздушной обороны. Ровно через шесть минут после того, как он отдал этот приказ, в небе появились 1500 бомбардировщиков союзников. Риттера немедленно отправили в отставку. Один из последних отчетов о нем, которые можно найти в МИ-5, датируется 1945 г. после его взятия в плен союзниками; в нем говорится, что он отвечает за подметание столовой в британском следовательском центре в оккупированной Германии, и при выполнении этих обязанностей у него есть один подчиненный – Курт Цайтлер – бывший начальник немецкого Генерального штаба³⁵.

Заговоры стран оси в Британской империи

Один из самых безрассудных заговоров, разработанных абвером за всю войну, – а их было много – имел место весной 1941 г., когда Эрнст Поль Факенгейм – еврей палестинского происхождения, бывший пленником в немецком концлагере, – был завербован и отправлен в Палестину с заданием: узнать все, что можно, о мерах, предпринимаемых Великобританией с целью помешать Роммелю захватить Суэцкий канал. Ничего удивительного, что Факенгейм сдался союзникам после того, как был сброшен в Палестину на парашюте. Немецкие разведывательные службы разрабатывали аналогичные непродуманные планы и для других регионов Ближнего Востока. Операция «Атлас» была спланирована абвером вместе с арабским протеже Гитлера – злобным антисемитом Великим муфтием Иерусалимским Хаджем Амином эль-Хусейни, который с 1940 г. был сослан в Берлин, поселен в великолепном дворце Бельвю, где стал выдавать себя за кого-то вроде Лоуренса Аравийского, и был известен как гость Гитлера в красной феске. Суть операции «Атлас» состояла в том, что в сентябре 1944 г. два боевика-араба и трое агентов абвера должны были быть сброшены с парашютами с «Хейнкеля-111» над Иерихоном с деньгами и десятью контейнерами с ядом с целью отравить колодцы в Тель-Авиве – это, очевидно, было извращенное эхо старой теории заговоров, согласно которой евреи несут ответственность за отравление колодцев в Европе. Агенты абвера затем должны были финансировать антибританские восстания в Палестине и соседних странах. И хотя абвер не знал об этом, но подробности этого задания стали известны союзникам благодаря расшифровкам «Ультра», полученным из Блетчли-парка, и его агенты были выслежены и арестованы. Один из агентов-арабов Али Хасан Саламех, известный как «Головорез», был ранен в перестрелке с палестинской полицией, но сумел скрыться, хромя на одну ногу, и вступил в борьбу в другое время: он повел жестокую войну против евреев в Палестине, а после 1948 г. – против израильтян. Сын Саламеха унаследовал непримиримый антисемитизм своего отца. Рожденный в 1940 г., он был известен как «Красный принц» и обрел дурную славу как командующий операциями палестинской террористической организации «Черный сентябрь»,

ответственной за массовое убийство израильских спортсменов и официальных лиц на Олимпийских играх 1972 г. в Мюнхене. Ничто лучше не иллюстрирует то, как вражда и ненависть могут перейти через поколения в современную историю Ближнего Востока³⁶.

Другой, такой же провальной фашистской шпионской сетью на Ближнем Востоке была так называемая организация «Пирамида» в Египте, которой руководил граф Ласло Алма-си – венгерский исследователь и живой прототип «английского пациента». В одноименном романе Майкла Ондатже и фильме Энтони Мингеллы Алмаса изображен привлекательным летчиком и героем. В реальности же он не был ни привлекательным, ни героем, а неудачливым нацистским разведчиком и, согласно его досье в МИ-5, «горбуном... убого одетым, с толстым висячим носом, сутулыми плечами и нервным тиком». В романе и фильме Алмаса умирает от разрыва сердца от передозировки морфия. На самом деле он умер от амебной дизентерии в 1951 г. После вербовки в нацистскую разведку, которая произошла в Париже в довоенные годы, Алмаса был отправлен в Египет, чтобы оттуда сообщать о передвижениях английских войск и кораблей. Свое задание он полностью провалил. В 1942 г. он должен был внедрить двух агентов в оккупированном Великобританией Египте, которые должны были с помощью радиопередатчика слать свои сообщения напрямую в штаб Роммеля на Ближнем Востоке. Для выполнения этого задания он завербовал египтянина Мохсена Фадля, который работал в египетском турбюро в Париже, и бывшего торговца хлопком по имени Ханс Эпплер, незаконнорожденного сына немки, вышедшей замуж за египетского судью. Оба оказались совершенно негодными шпионами и провалили задание.

В мае 1942 г. Алмаса начал операцию «Кондор» – грандиозную, но в конечном счете не увенчавшуюся успехом миссию по тайной переброске в Египет двух его агентов, которая представляла собой адское путешествие длиной около трех тысяч миль в двух угнанных американских грузовиках и двух «шевроле» из Ливии по Египетской пустыне. Первая попытка провалилась, так как транспортные средства застряли в зыбучих песках, а водители безнадежно заболели. Однако вторая была успешной. Высадив агентов в городе Асиут, Ал-маса вернулся в Ливию. Его агенты отправились в Каир, где они «ушли в подполье» в городском квартале красных фонарей и спустили три

тысячи фунтов стерлингов, которые он им дал, на дешевое шампанское, кабаре, проституток и ночные клубы. Они не дали никакой важной информации, но сумели завербовать одну из лучших египетских танцовщиц, исполнявших танец живота, которая в документах МИ-5 значится как «исполнительница *dance de ventre*» и которая устроила их на работу на экскурсионное судно, плавающее по Нилу, в коктейль-бар, где они и спрятали свои радиопередатчики. Их попытки выйти на сеанс радиосвязи со штабом Роммеля были безуспешны: неведомо для них подразделение абвера, с которым они должны были поддерживать связь, было захвачено в плен союзниками. В отчаянной попытке передать сообщения немцам они завербовали молодого офицера-связиста египетской армии по имени Анвар Садат – будущего президента Египта. На самом деле задание Алмасы с самого начала было обречено: Блетчли-парк и филиал МИ-5 – Служба обеспечения безопасности на Ближнем Востоке SIME неукоснительно следили за ним шаг за шагом. «Расшифровки «Ультра» установили, что Алмасы работает под кодовым именем «Салам» – анаграмма первых пяти букв его фамилии. После трех месяцев слежки за каждым движением этой шпионской сети SIME наконец решила покончить с ней, и в июле 1942 г. Алмасы и все его агенты, включая молодого Садата, были арестованы»³⁷.

Одним из самых непростых агентов-контрразведчиков-дезинформаторов, когда-либо существовавших в Британской империи в годы Второй мировой войны, был «Сильвер», которым умело руководили британская разведка и разведка союзников в Индии. «Сильвер», как явствует из документов IPI, которые в настоящее время хранятся в Британской библиотеке в Лондоне, был на самом деле афганцем по имени Бхагат Рам, который был правой рукой крупного индо-бенгальского вождя движения за национальное освобождение Субхаса Чандры Босе. Во время войны Рам, который также имел кодовое имя «Рамат-хан», фактически стал тройным агентом и работал в разное время на Германию, Советский Союз и Великобританию. И есть некоторые факты, которые позволяют предположить, что он также был связан и с китайской разведкой³⁸.

Рам был ярый индийский борец за национальное освобождение, настроенный против Великобритании и верный Индии и делу коммунизма. Когда в 1939 г. в Европе была объявлена война, он и Босе

примкнули к странам оси – нацистская Германия и Советский Союз начали войну в качестве союзников по условиям нацистско-советского пакта от 1938 г. Босе, который увидел в этой войне огромный шанс для Индии, принял участие в руководстве движением «Вон из Индии!», цель которого была – изгнать англичан из страны, и помог в создании Индийской национальной армии (ИНА), которая сотрудничала с японцами и насмерть сражалась с союзниками. Действительно, некоторые записи бирманского национального лидера времен Второй мировой войны Ба Моу, который также сотрудничал с японцами, демонстрируют сходство со многими догматами национал-социализма. По аналогии с «Еврейской бригадой», существовавшей в годы войны в британской армии, около 3 тысяч индийцев вступили в особую дивизию немецкой армии (вермахт), которая впоследствии была включена в состав пользовавшихся дурной славой войск СС. Видя угрозу «пятой колонны», британские власти в Дели арестовали и задержали ее предполагаемых вожаков. Босе был заключен в тюрьму в конце 1940 г., как и его главный соперник в партии Индийский национальный конгресс Джавахарлал Неру. Однако в январе 1941 г. Босе сбежал из тюрьмы в Калькутте в Афганистан, где и вступил в контакт с вооруженными силами Германии, включая абвер³⁹.

Судьба Босе и Рама изменилась с неожиданным нападением Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., которое носило кодовое название операция «Барбаросса». Гибельное решение Гитлера было результатом его желания создать империю рабов и «жизненное пространство (*Lebensraum*) на востоке для чистокровных германцев». Одним из результатов этого решения была мгновенная отмена прежних дипломатических союзов, а Советский Союз и Великобритания за одну ночь стали союзниками. В то время как Босе, прозванный в Индии «избранником судьбы», продолжал поддерживать нацистскую Германию, Рам стал еще более преданным коммунизму и Советскому Союзу, что заставило его примкнуть к новому союзнику Советского Союза – его давнему врагу Великобритании. Рам начал работать в качестве шпиона британской и советской разведок и стал одним из немногих двойных агентов, которых совместно использовали во время войны два государства. Он явился на базу абвера в Кабуле как современный Редьярд Киплинг или Лоуренс Аравийский и в октябре 1942 г. начал передавать им дезинформацию⁴⁰.

Как и в других уголках Британской империи, местные службы безопасности в Индии надеялись на то, что внутренние разведывательные службы Великобритании, особенно МИ-5, обеспечат им руководство в вопросах обращения с двойными агентами. В начале 1943 г. старший офицер МИ-5 Джон Мариотт, который был руководителем «Комитета двадцать», отправился в Индию с почетным званием майора (чтобы к нему «лучше отнеслись», чем к гражданскому лицу), чтобы помочь курировать двойных агентов, в частности Сильвера. Мариотт получил теплый прием в ИВ в Дели, но, как явствует из его отчетов МИ-5 в Лондон, ИВ не произвела на него хорошего впечатления. Между приступами дизентерии и муками от ужасной индийской жары – на некоторых страницах его отчетов есть следы, очевидно, его пота – он отметил, что в ИВ в общей сложности работают всего лишь пятьдесят сотрудников, размещенных в разных провинциях Индии. Имея всего лишь двенадцать сотрудников в своей штаб-квартире в Дели, ИВ, по словам Мариотта, имела «недобор служащих и была перегружена работой». Более того, не считая Сильвера, у нее не было никаких других значимых двойных агентов. Однако, как признавал Мариотт, отчасти проблема состояла в том, что ему часто было трудно понять нюансы дел в Индии – бывший лондонский адвокат, он, безусловно, имел мировоззрение англичанина из «ближних графств». Как он объяснил в одном своем отчете, посланном в МИ-5 в марте 1943 г.: «Я совершенно честно не могу вспомнить имя человека, чье досье я иногда читаю, и какое бы то ни было представление или даже способность вспомнить имя, появлявшееся на предыдущей странице, у меня в данное время отсутствуют – это выше моих сил. Названия географических пунктов – с этим еще хуже. Я не претендую на очень хорошие знания географии Западной Европы, так что можете себе представить, что я чувствую, когда читаю, что какой-то человек поехал из Монивы в Калеву, а оттуда – по дороге на Таму»⁴¹.

Несмотря на скудное финансирование ИВ в Дели, вместе с МИ-5 оно вело дело Сильвера – оно было названо так, возможно, потому, что одним из сотрудников ИРІ, работающих по нему в Лондоне, был г-н Сильвер – и удивительно успешно. Общий контроль осуществляло подразделение военной разведки, возглавляемое подполковником Питером Флемингом и приданное штабу главнокомандующего в Индии Уэвелла, который там так же высоко оценил разведку, как и раньше на

Ближнем Востоке. Но повседневное руководство действиями агента было возложено на Уильяма «Билла» Мэгана, который в то время был офицером британских сухопутных войск и придан IV. Он сыграет важную роль в борьбе МИ-5 с антиколониальными движениями и решении более широких вопросов деколонизации Великобритании в послевоенные годы. Мэган начал свою карьеру как офицер Индийской кавалерии и был описан своей будущей супруге до их женитьбы в Нью-Дели в 1940 г. как «кавалерийский офицер, который действительно прочитал одну книгу». С помощью Мэгана Рама успешно изобразил себя абверу в Кабуле главой абсолютно выдуманного «Всеиндийского революционного комитета», а Индию – страной, стоящей на грани распада из-за подрывной деятельности и пропаганды стран оси. В действительности же «Всеиндийский революционный комитет» был не более чем плодом воображения Рама и Мэгана, а радиосообщения, посылаемые в абвер каждую ночь, рождались у Мэгана и Рама в саду посольства Великобритании в Дели. Как явствует из последующего отчета в МИ-5, через Рама британская разведка установила «прямую связь» с Берлином. Дезинформация, поставляемая Рамом, в которой существование Индии близилось к концу, убедило Верховное командование Германии не перебрасывать еще больше военных дивизий в Индию. Так же по радио Рама установил контакт с японской разведкой в Бирме. Документы, захваченные после войны, показали, что благодаря отчасти дезинформации, предоставленной Рамом, японские военные решили, что войска союзников в Юго-Восточной Азии составляют пятьдесят две дивизии, что было на целых 72 % больше, чем в реальности. Субхас Чандра Босе погиб в авиакатастрофе в августе 1945 г., так и не узнав, что Рама тайно работал на британскую и советскую разведки. Но в мемуарах, опубликованных после его смерти, он ошибочно называл Рама своим верным товарищем, «который тайно передавал сообщения товарищам в Индии», работая против Великобритании⁴².

Подразделение 136: Управление спецопераций

В то же самое время, когда британские разведывательные службы вели двойных агентов вроде Сильвера в Индии, ее спецподразделения тоже активно расстраивали заговоры стран оси в ее империи. Британские территории на Ближнем Востоке, особенно Египет, занимают такое же важное место в истории тайной войны Великобритании, как и стратегическая дезинформация. Как и в вопросе современной стратегической дезинформации, Ближний Восток был местом рождения британских спецподразделений. Дадли Кларк – отец-основатель стратегической дезинформации – также был одним из основателей современных британских войск особого назначения. В 1940 г. он способствовал созданию автономного и высококомобильного нового подразделения, которое он назвал «коммандос», и в июле 1941 г. он стоял у истоков возникновения одного из самых известных из всех подразделений спецназначения – парашютно-десантных частей особого назначения (SAS), которые были созданы в Египте полковником Дэвидом Стирлингом, находящимся в подчинении главнокомандующего войсками Великобритании на Ближнем Востоке генерала Клода Ошенлека, но Кларк предоставил ценную информацию для нового полка: он объяснил его руководству пользу стратегического обмана, как он это сделал для LCS, и даже помог придумать его эмблему с изображением дамкловла меча, которая сохранилась у него и по сей день. Во время войны SAS успешно использовали группы людей на джипах, известные как «группы дальнего радиуса действия в пустыне», для совершения постоянных нападений на немецкие вооруженные силы, а после войны они сыграли важную роль в подавлении антиколониальных восстаний, или «чрезвычайных ситуациях», как их называли, в разных уголках земного шара.

Наряду с «коммандос» и SAS Управление спецопераций (SOE) проводило диверсионные операции против стран оси в различных уголках Британской империи. SOE обычно ассоциируется с Европой, но на самом деле оно охватывало своей деятельностью всю империю (и Ближний Восток, и Африку, и Дальний Восток), которая словно сошла со страниц приключенческих рассказов из журнала «Бойз Оун Пейпер». Строго говоря, по крайней мере в британских традициях это

была вообще не разведывательная служба, а полувоенная организация, созданная в июле 1940 г. с целью ведения войны предположительно «нового» типа против стран оси – очевидно, уроки партизанской войны, которая существовала со времен Лоуренса Аравийского, были забыты Комитетом начальников штабов в Лондоне. SOE продолжила с того места, где остановился Лоуренс. Его целью было, говоря словами Черчилля, «поджечь Европу». Его штаб-квартиру в Электра-Хаус на Бейкер-стрит – откуда и пошло прозвище его служащих «нерегулярная армия с Бейкер-стрит» – можно было определить по неприметной латунной табличке на двери, которая просто гласила: «Межведомственное исследовательское бюро». Оттуда SOE организовывало полувоенные и диверсионные операции на оккупированных врагом территориях в Европе и за ее пределами, а также налаживала сеть связи в этих странах и организовывая пути эвакуации из них. В общей сложности во время войны в этих операциях были задействованы, вероятно, около десяти тысяч мужчин и три тысячи женщин по всему земному шару⁴³.

Первое время операциями SOE на Дальнем Востоке руководили из Сингапура, но с наступлением японцев в конце 1941 г. – начале 1942 г. его штаб-квартира перебралась в Индию, где стала известна как «Индийская миссия». Начиная с середины 1942 г. общий контроль за его операциями в Малайе и Бирме был передан новой штаб-квартире на Цейлоне, где SOE стала работать под прикрытием подразделения 136. Подразделение 136 в годы войны возглавлял Колин Макензи, бывший офицер Шотландского гвардейского полка с острым как бритва интеллектом (он был студентом у Джона Мейнарда Кейнеса в Кембридже), который во время Первой мировой войны получил серьезное ранение. Операции подразделения 136 на Дальнем Востоке, проводившиеся в защиту широких интересов Великобритании в этом регионе, совершенно изменились из-за быстрого продвижения японских войск по британским территориям. Гонконг капитулировал на Рождество 1941 г., Малайя и Бирма – в начале 1942 г., а за этим 15 февраля последовала гибельная сдача города Сингапура. Капитуляция Сингапура по праву заняла свое место среди самых тяжелых поражений в современной военной истории Великобритании, и сейчас мы понимаем, что это был результат крупного провала британской разведки. И хотя это миф, будто огромные орудия, защищавшие город,

были направлены не в ту сторону, когда японцы повели наступление, британским вооруженным силам были поставлены не те боеприпасы, а также были предоставлены скудные разведданные от МИ-5 или SIS, предупреждающие о том, когда и с какой стороны появятся японские войска. Фактически, они неожиданно пришли по суше через густые малайские джунгли, а не приплыли по морю, как ожидалось.

Непосредственно перед войной операции SIS на Дальнем Востоке были сосредоточены на одном офицере Гарри Степ-тоу. Независимо от того, насколько хорошим разведчиком мог быть Гарри Стептоу – а многие обозреватели пошли по стопам Кима Филби, считая его совершенно некомпетентным, «почти душевнобольным», который сам погубил себя, – задача по сбору разведывательной информации об империалистической Японии была явно больше, чем ресурсы, которые выделила на ее выполнение SIS. Как только японская армия захватила Малайю и Сингапур, последовала массовая эвакуация подразделения 136 и другого обслуживающего персонала из города; причем некоторые офицеры подразделения 136 добрались до безопасного места после ужасного пешего марша из Малайи в Сиам (Таиланд). Другие сотрудники подразделения 136, такие как Джон Дэвис и Ричард Брум, бежали из Сингапура по личному приказу Макензи на небольшом судне, шедшем из Малайи на Цейлон, куда они прибыли после кошмарного морского путешествия длиной 32 дня, имея на борту лишь крошечные запасы пищи и питьевой воды. Еще меньшее количество людей, включая подполковника Фредди Спенсера Чапмена из подразделения 136 и капитана (известен как майор) Луи Кована из SIS, остались в Малайе, чтобы в одиночку вести войну, находясь в гуще джунглей, где они страдали от малярии и часто были близки к истощению, пока ждали прибытия продовольствия, подкрепления и восстановления нарушенной связи со штаб-квартирой подразделения 135 на Цейлоне. Только около сорока человек из оставшихся сотрудников британской разведки в Малайе избежали смерти или японского плена⁴⁴.

Помощь в конечном счете пришла, когда в мае 1943 г. Джон Дэвис тайно переправил в Малайю на подводной лодке группу китайских агентов. После этого он эффектно проплыл зигзагом в подводной лодке по Индийскому океану и высадился в Малаккском проливе в августе 1943 г. Вскоре к нему присоединился Ричард Брум, и вместе они

попытались разыскать каких-нибудь уцелевших сотрудников подразделения. В конце концов, в Рождество 1943 г., они обнаружили Чапмена, который обучал малайских партизан в джунглях. 31 декабря в Блантане Дэвис подписал соглашение (написанное на листе бумаге, вырванном из ученической тетради) от имени Верховного главнокомандующего союзными войсками в Юго-Восточной Азии лорда Луи Маунтбаттена, с командиром партизан, сражающихся с японцами в Малайе, – так называемой «Малайской народной антияпонской армией», – коммунистом по имени Чин Пен. Дэвис получил полномочия от Маунтбаттена «помогать и укреплять» партизанские войска в Малайе, и подразделение 136 снабжало их оружием, продовольствием и деньгами, а в обмен на это партизаны Чин Пена раздували трудовые споры против японских оккупантов и саботировали японские морские перевозки⁴⁵.

Подразделение 136 снабжало бойцов Чин Пена большим количеством боевой техники, или «игрушками», если использовать жаргон начальника снабжения операций (Q-Ops) подразделения 136, который за это отвечал. Это «оружие небольшой разрушительной силы», как оно было названо в одном отчете МИ-5, включало китайские поделки из камня со скрытыми внутри их полостями для взрывчатки; балийские статуэтки, сделанные из взрывчатых веществ, выглядевшие так, будто сделаны из дерева, песчаника или фарфора; жестянки с керосином, замаскированные под соевый соус; боеприпасы, спрятанные в пачках сигарет; автоматы и радиопередатчики. Несмотря на все усилия Q-Ops сделать такие «игрушки» безопасными, риск неизбежно был. Один связной Управления спецопераций Дэвид Смайли был ранен (в Европе, не на Ближнем Востоке), когда портфель, полный взрывчатки, преждевременно взорвался. Во многом в ответ на трудности переноски по малайским джунглям громоздких радиопередатчиков (W/T) весом до 400 фунтов к 1942 г. SOE разработало более легкие переносные модели, которые получили кодовые названия V! и VI, – но и имея вес 50 фунтов, они были все же тяжелыми, их нельзя было легко уместить в чемодане. Королевские ВВС также сбрасывали партизанам в джунглях продовольствие и боеприпасы⁴⁶.

Наряду со своими полувоенными операциями SOE, включая подразделение 136, участвовало в тайной политической деятельности в

империи. Известно, что оно отвечало за распределение финансовых средств с целью подкупа политических группировок на Ближнем Востоке, чтобы они оказывали поддержку военным усилиям Великобритании; то же самое происходило, по-видимому, и на Дальнем Востоке. Операции подразделения 136 расширяли свою географию так быстро, что к 1943 г. оно насчитывало в общей сложности 680 человек на Цейлоне, во всей Юго-Восточной Азии Индийская миссия разместила 450 агентов, а к 15 августа 1945 г. в Малайе активно действовали 308 сотрудников SOE, пять групп поддержки гуркхов и 46 радиопередатчиков – по любым оценкам, существенное количество. В ходе войны подразделение 136 придумало более сложные стратегии. К 1944 г., когда заново была установлена радиосвязь со штаб-квартирой на Цейлоне, подразделение 136 разработало совместно с малайскими партизанами план операции под кодовым названием «Молния», которой являлось вторжение союзных войск и захват Малайи и Сингапура. Однако события опередили этот план: война закончилась тем, что на Японию в августе 1945 г. были сброшены атомные бомбы, прежде чем успели осуществить операцию «Молния»⁴⁷.

За прошедшие годы много чернил было потрачено на анализ успехов и неудач SOE как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Есть один способ оценить эффективность его деятельности – рассмотреть цели, которые оно перед собой ставило. Начиная с 1943 г. целями подразделения 136 было установить посредством подводных лодок связь между Цейлоном и Малайей, чтобы создать в Малайе разведывательную систему, наладить контакты, поддерживать партизан и найти кого-то из своих выживших сотрудников. Учитывая эти цели, будет справедливым сказать, что успех, безусловно, был. Однако в других аспектах своей деятельности подразделение 136 потерпело неудачу. На деле оно так и не сумело сыграть свою диверсионную роль в Малайе, как было задумано, что было в конечном счете главной целью SOE. Вместо этого оно в большей степени превратилось в разведывательное агентство, чем планировалось изначально, и тем самым, безусловно, наступило на ногу SIS. Неудивительно, что в результате началась яростная борьба за сферу деятельности; причем SIS считала SOE случайной организацией, в которой полно ковбоев⁴⁸.

Вторжение SOE в сферу деятельности SIS на Дальнем Востоке поднимает очевидный вопрос: а не было бы лучше объединить усилия

по сбору разведывательной информации и проведению тайных операций в одной-единственной организации, как это произошло с Управлением стратегических служб США (OSS), а позднее с ЦРУ, которое во многих отношениях было его преемником? Британская традиция избегала этого: одно агентство, выдвигался такой довод, не сможет и собирать объективную информацию, и осуществлять действия, на ней основанные. Но, учитывая яростное возмущение некоторых офицеров SOE и SIS, вполне вероятно, что деятельность британской разведки в годы войны на Дальнем Востоке была бы более эффективной, если бы они официально объединились в одну службу⁴⁹.

Путаница по поводу того, что повлекли за собой действия подразделения 136 на Дальнем Востоке, является частью более широкой картины, связанной с неудачами SOE во время войны. Критики подчеркивают, что, будучи далекими от выполнения задачи по «поджиганию Европы», как ее поставил Черчилль, его операции в Европе на самом деле едва ли раздули хоть какой-то тлеющий огонь. Несомненно, у него были заметные неудачи, самая печально известная из которых была операция в Нидерландах, где начиная с 1942 г. абвер полностью сорвал его деятельность: захватил двух его главных агентов и использовал их поразительно неэффективные радиошифры для одурачивания SOE, руководство которого полагало, что управление по-прежнему занимается оперативной работой, и продолжало снабжать их информацией и прочими вещами. Это была знаменитая «Английская игра» абвера (*Englandspiel*). Однако следует помнить, что то, что абвер делал с SOE в Нидерландах на протяжении полутора лет, – в конечном счете в 1944 г. в SOE поняли, что его тамошние агенты провалились, – англичане проделывали с немцами на протяжении шести лет благодаря системе дезинформации⁵⁰.

Более того, были случаи, когда операции SOE приносили союзникам значительные успехи. Его диверсия на заводе по производству тяжелой воды в Верморке (Норвегия), вероятно, помешала попытке фашистской Германии создать атомную бомбу. Его партизанские действия в Монбельяре в оккупированной Франции показали, как небольшая группа людей может уничтожить пулеметное гнездо, когда не помогла серия бомбардировок. Наконец, и, вероятно, это более важно, чем что-либо еще из его достижений, как отметил М.Р.Д. Фут, SOE вернуло чувство самоуважения странам Европы и

Дальнего Востока, обычные армии которых были полностью побеждены армиями стран оси. Многие его агенты, засланные на оккупированные территории для оказания помощи группам сопротивления, проявили поразительную храбрость. Командующий авиакрылом Форрест Фредерик Эдвард Йео-Томас (кодовое имя «Белый кролик») установил связь с французским Сопротивлением и сумел избежать фашистского плена. Другие, вроде Виолетты Шабо, не дожили до того, чтобы рассказать свою историю, не выдержав допросов и пыток, и были казнены. В общей сложности SOE отправило 55 женщин-агентов в оккупированную Европу, 13 из которых были либо убиты в бою, либо казнены⁵¹.

Британская разведка и «выдача заключенных» в военное время

Во время Второй мировой войны британская разведка расширила свои имперские полномочия так, как никогда раньше. МИ-5 отправила больше офицеров в британские колонии и страны Содружества, чем когда-либо раньше, а GC&CS радикально увеличила свои возможности, «всасывая» вражеский трафик из своих региональных станций по сбору информации, расположенных по всей империи. Тем временем SOE вооружало партизан, воюющих против стран оси. Однако есть одна глава в повести о действиях британской имперской разведки в военное время, которая, очевидно, настолько связана с государственной тайной, что лишь недавно была раскрыта. У нее есть несколько удивительных параллелей с сомнительными приемами в деятельности разведывательных и служб безопасности в настоящее время.

Как составная часть контрразведывательной деятельности во время Второй мировой войны в практику британской разведки входили такие совершенно секретные действия, как задержание, допрос и перевозка вражеских шпионов из одной части Британской империи в другую. Временами это очень походило на финансируемое государством похищение людей и напоминало процесс «чрезвычайной выдачи заключенных», который применяло правительство США в так называемой «войне с террором» ближе уже к нашему времени. После декабря 1940 г. дешифровщики «Ультра» раскрыли ряд немецких шпионов, действующих в Британской империи и странах Содружества. В первые шесть месяцев 1942 г. в различных британских колониях были выявлены (но не арестованы) шесть шпионов высокого ранга, а в июне 1942 г. один из них, работавший в Момбасе в Кении, был задержан местной полицией. Его арест вызвал спор внутри МИ-5 о том, что делать с ним и другими такими шпионами. В МИ-5 хотели, чтобы их и других агентов, возможно работающих в различных уголках империи, допросили и, если возможно, сделали двойными агентами, что было бы составной частью системы дезинформации. Однако офицеры МИ-5 из отдела В1а, ответственные за контрразведку, не хотели, чтобы этих людей допрашивали в далеких уголках империи, где

нельзя было гарантировать применения эффективных методов. Более того, в МИ-5 опасались, что если установленных шпионов будут допрашивать на местах, то колониальным властям, которым не всегда можно было доверять, пришлось бы раскрыть самый оберегаемый секрет времен войны – существование «Ультра». Следователи постоянно использовали информацию, полученную из сообщений «Ультра», чтобы заставить вражеских агентов думать, что британская разведка знает все об их заданиях. Вместо этого в МИ-5 хотели, чтобы этих агентов привозили на их засекреченную следственную базу – лагерь 020, расположенный в бывшем сумасшедшем доме Летчмир-Хаус в Хэм-Коммон – южном пригороде Лондона.

Лагерь 020, который получил свое название, вероятно, от «Комитета ХХ», ответственного за надзор за системой дезинформации, был неподконтролен никакому правительственному департаменту, за исключением МИ-5, и находился вне юридического надзора. Его цель состояла в том, чтобы изолировать и «ломать» вражеских шпионов, которых держали там без суда в некоторых случаях годами с намерением сделать из них двойных агентов. Из-за того что задержанные не принимали участия в боевых действиях, международные правила в отношении обращения с военнопленными на лагерь 020 не распространялись. В нем также не проводились инспекции Красного Креста, так как он не значился в его списке. Короче говоря, его пленники были помещены в юридический вакуум.

Вопрос, на который МИ-5 должна была ответить, был таков: законны ли задержание иностранных граждан и их транспортировка с зарубежных британских территорий для допросов в Великобританию. Один из руководителей отдела В Дик Уайт так выразил эту проблему, обращаясь к юрисконсульту МИ-5 Тоби Пильчеру (будущий судья Высокого суда): «...мы окажемся в особенно тяжелом положении, если будет установлено, что юридический механизм задержания вражеского агента в колонии и последующая транспортировка его в Объединенное Королевство являются с юридической точки зрения неправомерными. Я боюсь, что это тот случай, когда мы не можем оставить вопрос открытым, так как если задержание вражеского шпиона, привезенного сюда, будет подвергнуто испытанию «хабеас корпус» [юридический процесс, когда заключенный может потребовать, чтобы он предстал перед судом], то, по всей вероятности, это будет момент, когда он уже

будет находиться в лагере 020. Последующая огласка, сопровождающая процедуру «хабеас корпус», будет чрезвычайно вредна для лагеря 020 и может поставить под угрозу само наше положение по отношению к нему»⁵².

При драконовском положении «Об обороне», принятом в Великобритании после внезапного начала войны, для подавляющего большинства задержанных было невозможно начать процедуру «хабеас корпус» против властей, ответственных за их арест, которые неизменно представляла МИ-5, действовавшая под прикрытием военного министерства. При этом по крайней мере в одном случае арестованный все же потребовал, чтобы над ним состоялся суд, хотя – и это неудивительно, с учетом того, насколько широки были полномочия британского государства в области задержания по положению «Об обороне», – его дело в конечном счете не имело благоприятного исхода⁵³.

Есть также некоторые факты, которые дают возможность предположить, что что-то большее происходило за кулисами знаменитого судебного дела 1942 г. «Ливерсидж против Андерсона», которое фигурирует в решении, принятом палатой лордов. Это дело попало в анналы истории юриспруденции как неудача в истории гражданских свобод и главенства закона в Великобритании, когда судебная власть спасовала перед властью исполнительной. Речь идет о получившем гражданство Великобритании поляке по рождению Джеке Перлцвейге, который фигурировал под именем Ливерсидж и был задержан в 1940 г. согласно пункту 18б положения «Об обороне» от 1939 г. Это положение позволяло министру внутренних дел (сэр Джон Андерсону) арестовывать людей, которые были родом из враждебной Великобритании страны, если были «разумные основания» подозревать их в участии в действиях, противоречащих обороне королевства. Проще говоря, г-н Ливерсидж попросил суд рассмотреть свидетельства, которые имелись против него у министра внутренних дел, и решить, являются ли они «разумными основаниями» для его ареста без суда, который, по его словам, был ошибочным. Вердикт большинства лордов-судей – которые слушали это дело в пристройке к палате лордов, потому что сама она была разбомблена во время ночного авианалета, – гласил, что во время чрезвычайного положения в стране суды не обладают полномочиями подвергать сомнению, являются ли

имеющиеся у министра внутренних дел факты против того или иного человека «разумными основаниями» для его ареста или нет. Вероятно, «разумные основания» для ареста Ливерсиджа были на самом деле почерпнуты из неблагоприятной для него информации, предоставленной МИ-5. Дело «Ливерсидж против Андерсона», по-видимому, на самом деле было о том, как разведывательную информацию можно было представить суду, что было непросто, если не невозможно, потому что британское правительство лишь неявно признавало существование МИ-5. Использование разведывательной информации в качестве свидетельства – это то затруднение, которое суды в Англии и западном мире вообще все еще пытаются преодолеть и по сей день.

У МИ-5 возникала существенная проблема, когда дело доходило до ареста и перевозки вражеских агентов с зарубежных территорий в Великобританию. По любопытному упущению в колониальном законодательстве, принятом парламентом в начале войны, «Колониальном порядке» 12 (5)а не существовало аналога пункту 18б положения «Об обороне», что означало, что закон позволял подданным других государств, арестованных в британских колониях, воспользоваться процедурой «хабеас корпус». Это вызвало суровое предостережение от юрисконсульта МИ-5 Тоби Пильчера, который утверждал, что, по его мнению, при существующем законодательстве «нежелательно и, вероятно, незаконно снимать подданного другого государства с корабля и арестовывать его в колонии». Вслед за встречей на высоком уровне в июне 1942 г. между Диком Уайтом, Пильчером и юрисконсультом министерства по делам колоний было решено, что единственный способ решить эту проблему – ввести специальный пункт в положение «Об обороне», который «дает разрешение губернатору колонии снять подозрительного иностранца, прибывшего в колонию, с корабля или самолета и задержать его вплоть до вывоза из колонии». Вскоре МИ-5 и министерство по делам колоний сформулировали письменное дополнение или предписание, которое могли быстро подписать губернаторы колоний. Это предписание позволяло им арестовывать иностранцев из вражеских стран на британской территории и передавать их Великобритании для допросов. Именно так все и происходило в течение лет, оставшихся до окончания

войны, что подтверждает аксиому: законы молчат во время войн (*silent leges inter arma*)⁵⁴.

Готовность МИ-5 задерживать и перевозить – по сути похищать – людей, несмотря на изначальное отсутствие юридических полномочий делать это, тем более поразительна, если подумать об авторитетных юристах, которые состояли у нее в штате во время войны. Одним из офицеров отдела В, участвовавших в арестах и перевозке вражеских агентов в лагерь 020, был Х.Л.А. (Герберт) Харт – оксфордский юрист-теоретик, который впоследствии стал одним из самых выдающихся философов права второй половины XX в. С одной стороны, удивительно, что идеи «естественного права» и «справедливости» не помешали юристам, работавшим в МИ-5 – за время войны немалое их количество пришло туда на работу из Общества юристов, – поддерживать такие с юридической точки зрения сомнительные действия, как арест без суда. С другой стороны, это не так уж и удивительно, как может показаться. Х.Л.А. Харт больше всего известен своими идеями о юридическом позитивизме, который, грубо говоря, утверждает, что между юридической силой закона и этикой или моралью не обязательно должна быть внутренняя связь и что законы составляют живые люди. Поэтому сущность юридического позитивизма состоит в том, что законы весьма гибки⁵⁵.

Нельзя не прийти к выводу о том, что в военное время юристы МИ-5 (и в ее юридическом отделе, и в отделе контрразведки) были готовы закрывать глаза на существенные этические и нравственные проблемы, связанные с арестом и транспортировкой вражеских агентов, до тех пор пока существовало формальное «специальное» законодательство, действующее в чрезвычайной ситуации, и исполнялись все другие юридические тонкости. Эта узкая сосредоточенность на формальной стороне дела, а не на сути характерна и широко распространена среди некоторых юристов как в наши дни, так и, очевидно, в те времена. Более того, известно, что, прежде чем принять «специальное» законодательство для чрезвычайной ситуации, ни Х.Л.А. Харт, ни юрисконсульты МИ-5, включая нескольких будущих судей Высокого суда, ни юрисконсульты министерств по делам колоний или иностранных дел не нашли никакого юридического оправдания аресту и транспортировке иностранных граждан без должной процедуры – что поразительно,

учитывая ссылки на «чрезвычайную выдачу заключенных» в настоящее время, потому что она якобы затрагивает те же самые вопросы, но закон, требующий должной процедуры, не отличается в наши дни от того закона, который существовал в годы Второй мировой войны.

Невозможно сказать наверняка, сколько вражеских агентов были перевезены во время войны из британских колоний в лагерь 020 для допросов. По крайней мере двадцать три таких агента фигурируют в рассекреченных документах МИ-5, хотя их истинное количество может быть значительно больше. Как бы то ни было, многие такие дела были чрезвычайно драматичными, в то время как другие граничили с фарсом. В одном из самых важных дел фигурировал гражданин Аргентины немецкого происхождения Осмар Гельмут, который работал в консульстве Аргентины в Барселоне и в сентябре 1943 г. был раскрыт как курьер между официально нейтральным правительством Аргентины и Третьим рейхом. Работая под дипломатическим прикрытием, Гельмут должен был ездить в Германию и встречаться с главой СС Генрихом Гиммлером и, возможно, даже Гитлером и покупать оружие и технику для Аргентины, которой с июня 1943 г. правила военная хунта, возглавляемая генералом Педро Пабло Рамиресом. Задание Гельмута, связанное с выходом на такой высокий уровень, делало посмешище из утверждений генерала Рамиреса, что правительство Аргентины сохраняет в войне нейтралитет.

Предупреждение о миссии Гельмута в нацистской Германии пришло от руководителя бюро SIS в Буэнос-Айресе, который передал эту информацию в штаб-квартиру SIS – Бродвей-билдингз в Лондоне, где ее принял не кто иной, как Ким Филби, который тогда работал в иберийском отделении 5-го отдела (контрразведка), размещавшемся в Сент-Олбанс за пределами Лондона. Филби передал эту информацию в МИ-5 – как, вероятно, и своим хозяевам в КГБ. SIS и МИ-5 совместно разработали подробный план ареста Гельмута и его переброски в Великобританию, к осуществлению которого приступили в следующем месяце – октябре 1943 г., когда Гельмут отплыл из Южной Америки в Испанию. Как только корабль, на котором он плыл, коснулся британской земли (транзитом) на острове Тринидад в Вест-Индии, тамошний офицер по вопросам обороны и безопасности от МИ-5 организовал его арест силами местной полиции. На это была дана санкция на самом высшем уровне британским губернатором острова,

который подписал ордер на арест Гельмута согласно недавно вступившему в силу «специальному» закону – хотя на самом деле это было явным нарушением права Гельмута на дипломатическую неприкосновенность. Его посадили в ожидавший его британский гидросамолет, который доставил его на Бермудские острова, а оттуда на борту крейсера Королевских ВМС «Аякс» он в начале ноября был перевезен в Англию.

После его появления в лагере 020 следователи МИ-5 приступили к работе с ним и быстро его «раскололи». Он раскрыл чрезвычайно «взрывоопасную» дипломатическую информацию, предъявив письма, написанные невидимыми чернилами, в которых были названы имена высокопоставленных фашистских разведчиков, таких как Зигфрид (или Зигмунд) Бекер – глава миссии службы безопасности в Аргентине, и говорилось, что министр обороны Аргентины – будущий президент страны Хуан Перон – вовлечен в сделку с фашистами по купле-продаже оружия. Гельмут также признался, что частью его задания в Германии было вступить в контакт с известным руководителем фашистской разведки Вальтером Шелленбергом, возглавлявшим отдел внешней разведки СС, а позднее 6-й отдел (внешняя разведка) Главного управления имперской безопасности (РСХА). Со шрамами на щеках, полученными на дуэли, перстнем на пальце, в котором был спрятан цианистый калий, сидящий за письменным столом в своем берлинском кабинете, в котором были установлены пулеметы, способные изрешетить помещение пулями при нажатии кнопки, Шелленберг являл собой стереотипный образ законченного злодея⁵⁶.

Информация, полученная следователями МИ-5 на допросах Гельмута в лагере 020, представляла собой такую огромную дипломатическую важность, что правительство Великобритании приняло решение сделать ее достоянием гласности и разоблачить двуличие правительства Аргентины. Это вызвало сенсацию, и генерал Рамирес был вынужден публично отречься от Гельмута. Как отмечается в послевоенной истории лагеря 020, дело Гельмута заставило Аргентину порвать дипломатические отношения с Третьим рейхом и помогло ускорить падение правительства Рамиреса. Оно также имело последствия в самой фашистской Германии: Гиммлер обвинил начальника абвера Канариса в создании хаоса, которое оно вызвало, и потребовал его отставки.

Другие агенты стран оси тоже были арестованы, когда сошли на сушу в Тринидаде, и перевезены в лагерь 020. Это произошло с немецким шпионом Хуаном Лекубе – бывшим футболистом, владельцем борзых и бывшим гражданским служащим Испании, а также Леопольдом Хиршем, который был арестован на борту корабля «Мыс Горн» в гавани Тринидада после выявления его личности, когда его имя в открытую было названо в немецкой телеграмме, перехваченной дешифровщиками из Блетчли-парка. Дело Гаштао де Фрейташ Феррас – это поразительный пример того, как арест шпиона в море спас жизни союзников. Де Фрейташ был радистом на португальском рыболовецком судне и был завербован абвером с целью передачи морской разведывательной информации под прикрытием, которое давала ему его работа на судне нейтральной Португалии. Однако пока его корабль был в пути из Ньюфаундленда в Лиссабон в октябре 1942 г., он был арестован и перевезен сначала в Гибралтар, а затем в лагерь 020. На момент его ареста в открытом море его корабль шел по пятам за караваном судов, принимавших участие в операции «Факел» – британско-американской высадке в Северной Африке. Де Фрейташ был допрошен в лагере 020, признался и был задержан на все время, которое продолжалась война. Если бы его не похитили, то почти наверняка он увидел бы, как суда вторжения участвуют в операции «Факел», и сообщил бы об этом по радио, что имело бы губительные последствия для союзников. Его арест, видимо, спас операцию по вторжению в Северную Африку⁵⁷.

Наверное, самым необычным делом в годы войны, связанным с выдачей преступника, было дело Альфредо Манна – итальянского шпиона, работавшего на нейтральной территории португальской Южной Африки (современный Мозамбик). Манна был одним из агентов, поддерживавшим связь с итальянским консулом Умберто Кампини в Лоренсу-Маркиш (в настоящее время город Мапуту), заданием которого было сообщать об отправлении кораблей союзников с берегов Южной Африки. Неясно, как британская разведка раскрыла Манна: возможно, благодаря расшифровке «Ультра» или в результате доброй старой детективной работы местного представителя SIS, находившегося в Лоренсу-Маркише, журналиста Малькольма Маггериджа. Тем не менее к началу 1943 г. МИ-5 и SIS, видя, что он далеко не так верен своим итальянским хозяевам, решили сделать из

Манна своего двойного агента. Маггеридж работал в тесном контакте с местной командой SOE, придумывая детальный план «в лучших традициях Голливуда», как он написал позже, с целью арестовать Манну и переправить его в Великобританию для допроса. Если верить Маггериджу, праведному католику и будущему биографу матери Терезы, план, в сущности, состоял в том, чтобы похитить его. Зная, что слабостью Манны являются женщины, Маггеридж нанял стриптизершу из казино по имени Анна Леви, чтобы та заманила его к границе британской территории в Свазиленде. Как гласит история лагеря 020: «Там он был схвачен и связан британскими агентами, которые заткнули ему рот кляпом, позаботившись оставить его по нужную сторону от границы». Манна был быстро арестован местной полицией и через Южную Африку перевезен в Великобританию. Так итальянский шпион, заманенный стриптизершей к границе и перетащенный через нее английскими агентами, попал на допрос к следователям в лагерь 020. И хотя допрос Манны в лагере 020 не привел к его превращению в двойного агента, он все же дал ценную информацию о разведывательной деятельности стран оси в Южной Африке, особенно в части наблюдения за судами⁵⁸.

Одной из причин, по которой в МИ-5 приняли решение доставлять шпионов стран оси в лагерь 020 на допросы, было желание избежать раскрытия секрета «Ультра». Также в МИ-5 хотели, чтобы допросы происходили самым эффективным образом, что для МИ-5 означало без применения физического насилия. В противоположность тому, что мы можем предполагать, и в противоположность своему зловещему, на первый взгляд, виду в лагере 020 не разрешалось применять физическое насилие во время допросов. Это подтверждают документы того времени, такие как дневник Гая Лиддела – начальника отдела В МИ-5 в годы войны, который тот писал, не имея намерения когда-либо опубликовать его, а также последующие свидетельства агентов стран оси, которые содержались в этом лагере и у которых не было причин лгать о том, как с ними там обращались. Офицер МИ-5, который руководил лагерем 020, подполковник Робин Стивенс проводил строгую политику неприменения физического насилия, или мер воздействия «третьей степени», в своем учреждении. Стивенс «Оловянный Глаз» – был прозван так из-за своего монокля с толстым стеклом – считал, что целью допроса должно стать получение от агента

всей возможной информации, а не просто быстрых ответов на конкретные вопросы. Единственным способом сделать это, полагал он, было умение воздерживаться от применения физического насилия. «Насилие запрещено, – утверждал он в написанной им после войны для внутреннего использования истории лагеря 020 под заголовком «Дайджест Хэм», получившей такое название по месту расположения лагеря в местечке Хэм-Коммон, – так как оно не только заставляет давать тот ответ, который вы хотите услышать, но и понижает уровень информации». В другом послевоенном отчете он написал: «Никогда не бейте человека. Во-первых, это проявление трусости. Во-вторых, это неразумно. Пленник будет лгать, чтобы избежать дальнейшего наказания, и все, что он после этого скажет, будет основано на ложных допущениях. Поэтому из-за глупости расследование потеряет свою ценность»⁵⁹.

Но ничто из сказанного выше не должно производить впечатление, будто лагерь 020 был местом с мягким режимом.

Его тактика по «расколу» агентов включала все мыслимые уловки, которые Стивенс называл «психологическим давлением»: вновь прибывших пленников лишали одежды, унижали и дезориентировали; их терроризировали ряды лающих собак, заключали в маленькие одиночные камеры, угрожали военным трибуналом и казнью. В их камерах были установлены микрофоны для прослушивания их разговоров; к ним в камеру подсылали охранников, переодетых в пленников (известных как «подсадные утки»), чтобы разговорить их; печатали фальшивые газеты, чтобы заставить их думать, будто их друзья и семьи на родине погибли; использовали расшифровки «Ультра», чтобы убедить их в том, что все подробности их заданий уже раскрыты. Стивенс отмечал, что у каждого человека есть цена и каждого человека можно «сломать», – это просто вопрос применения правильного психологического давления.

Способ, с помощью которого «сломали» Осмара Гельмута, поучителен. Как только он был доставлен в лагерь 020 в ноябре 1943 г., его препроводили в помещение, где он предстал перед несколькими высокопоставленными английскими офицерами, которые сидели за столом, и все это выглядело как военный трибунал. Затем на него обрушился шквал окриков от «коменданта» (Стивенса), который сказал ему, что правительство Аргентины и его кураторы в Германии бросили

его, и теперь его казнят как шпиона. В качестве последнего аргумента комендант добавил, что он от всей души ненавидит всех шпионов. Тут закончился спектакль «злой полицейский», и теперь в работу могли включиться «добрые полицейские». Гельмута отвели в другую комнату, где другие офицеры разговаривали с ним спокойно, говорили, что понимают трудность положения, в котором он оказался, и что они хотят помочь ему. На то, чтобы «сломать» Гельмута, не ушло много времени⁶⁰.

Правило Стивенса, запрещающее применение физического воздействия, тем более удивительно, что летом 1940 г. следователи лагеря 020 безнадежно допрашивали вражеских шпионов в разгар вторжения, которое, без сомнения, было величайшей угрозой национальной безопасности Великобритании в XX в. Многие приемы, которые они использовали, такие как лишение сна и унижение, в наши дни, согласно международному закону, входят в категорию «пытки». Но Стивенс проводил четкое различие между «физическим давлением» и «психологическим давлением». Следует подчеркнуть, что он не признавал меры физического воздействия «третьей степени» не потому, что в глубине души был гуманистом, – 14 немецких шпионов, содержащихся в лагере 020, были казнены, и позднее Стивенс заявил, что лучше бы их было больше. Он отвергал их скорее потому, что, по его мнению, они заставляли человека давать недостоверную информацию. Стивенс был одним из самых успешных следователей союзных сил в годы войны. Его допросы в лагере 020 сыграли существенную роль в системе перевербовки и дали около 12 двойных агентов, которыми руководили кураторы из МИ-5 во время войны (из 120 человек в общей сложности). Они также способствовали составлению уникальной картотеки по немецким разведслужбам⁶¹.

И хотя в те времена не было термина «выдача заключенных», процедура, разработанная британской разведкой во время Второй мировой войны, напоминает недавно введенную правительством США политику «чрезвычайной выдачи заключенных», которая, по утверждению ее сторонников, является необходимой тактикой в «войне с террором». Однако между ними существует фундаментальная разница. Во время Второй мировой войны шпионов Германии и стран оси доставляли в Великобританию с британских территорий за рубежом именно для того, чтобы обеспечить их эффективный допрос,

что в лагере 020 означало любой метод, за исключением физического насилия. Являясь резкой противоположностью этому, политика «чрезвычайной выдачи заключенных», введенная после 11 сентября 2001 г., означает совершенно обратное: правительство США и их союзники намеренно отправляют подозреваемых в третьи страны, где не защищены права человека и где их могут, как утверждают, подвергать пыткам, чтобы получить разведывательную информацию. За этой политикой «чрезвычайной выдачи заключенных» стоит предположение, что пытка может дать информацию. С учетом опыта МИ-5 во время Второй мировой войны и наблюдений ее самого успешного следователя Стивенса кажется сомнительным, что это так. Неизбежным выводом является изречение Уильяма Питта-младшего: «Необходимость – это повод для любого посягательства на свободу человека».

Союзники и враги: Великобритания и СССР

Если самые крупные успехи британской разведки в годы войны были достигнуты в борьбе с ее врагами – странами оси, то ее самый крупный провал состоял в недостаточном наблюдении за своим союзником – Советским Союзом. Разведслужбы Великобритании – МИ-5, SIS и GC&CS – не были слепы и видели советскую угрозу во время войны даже после июня 1941 г., когда эти две страны и стали союзниками. Еще в 1942 г. заядлый курильщик Гай Лиддел – начальник отдела В МИ-5 в годы войны – мрачно записал в своем дневнике, который он диктовал своему секретарю в конце каждого рабочего дня: «Нет сомнений в том, что русские гораздо лучше разбираются в деле шпионажа, чем любая страна в мире. Я абсолютно уверен, что у них с этим все в порядке, а нам следует более активно наводить об этом справки. Они станут для нас огромным источником проблем, когда война закончится»⁶².

Проблема британского разведывательного сообщества состояла в том, что сбор сведений о союзнике был чрезвычайно щепетильным делом. В своем дневнике Лиддел отметил в 1943 г., что если МИ-5 все же попытается изучать советскую угрозу – а необходимость этого он ощущал все сильнее, – но будет разоблачена, то тогда поднимется «ужасный скандал». Как только Советский Союз вступил в войну в июне 1941 г., министерство иностранных дел наложило запрет на все операции по сбору информации о нем. Несомненно, союзники не шпионят за союзниками – честное, но совершенно наивное предположение, когда оно касалось Советского Союза. Теперь мы знаем из советских архивов, что Москва выделяла столько же средств на сбор разведанных о своих союзниках в военное время – Великобритании и США, сколько и о своих врагах – странах оси⁶³.

Несмотря на то что руки у британских разведслужб в плане шпионства за Москвой после июня 1941 г. были крепко связаны министерством иностранных дел, они пытались изобрести способы обойти этот запрет. GC&CS придумало свой оригинальный способ получения информации, используя перехваченные немецкие сообщения, которые касались Советского Союза. МИ-5 также предприняла меры и продолжала изучать советскую угрозу, открыв

новый отдел Ф, который занимался расследованиями «подрывной деятельности» коммунизма и Советского Союза. Отдел Ф возглавил Роджер Холлис, пришедший на работу в МИ-5 в военное время из табачной фирмы на Дальнем Востоке, который покинул Оксфорд до получения диплома, – Ивлин Во назвал его «хорошим оксфордским выпивохой». Как мы увидим, Холлис станет генеральным директором МИ-5 и будет ложно обвинен в том, что он советский шпион. На самом деле он, возможно, более чем кто-либо другой в британском разведывательном сообществе серьезно относился и пытался изучать советскую разведывательную деятельность во время войны, утверждая, что этот леопард не поменял свою окраску. Не советское посольство в Лондоне, которое теперь было запретным плодом, главным приоритетом отдела Ф под руководством Холлиса было наблюдение за Компартией Великобритании. Этого не было достаточно, чтобы засечь шпионскую деятельность Советского Союза, так как советские шпионы умели дистанцироваться от легальных коммунистических организаций, но с учетом ограничений, наложенных на отдел Ф, это был единственный легальный путь, который оставался для него открытым. Одна из личных побед Холлиса произошла в 1942 г., когда он организовал установку прослушивающей аппаратуры в штаб-квартире Британской компартии на Кинг-стрит в Лондоне. Этими прослушивающими микрофонами, носившими кодовые названия «стол» или «спецсредства» в документах МИ-5, почти наверняка были телефонные трубки, модифицированные таким образом, чтобы всегда быть включенными и улавливать окружающие разговоры. Как мы увидим, они дадут МИ-5 ключевую информацию в послевоенные годы о различных антиколониальных лидерах «освободительных» движений, которые поддерживали связь с Компартией Великобритании⁶⁴.

Ближе к концу войны SIS также начала сосредоточиваться на советской угрозе. В 1944 г. в ней появился новый отдел 9, конкретная задача которого состояла в «сборе и интерпретации информации, касающейся советской и коммунистической шпионской и подрывной деятельности во всех уголках мира за пределами британской территории». К сожалению, первым начальником отдела 9 был не кто иной, как проникший в его ряды советский агент высокого уровня Ким Филби. Филби был, вероятно, самым удачливым из пяти так называемых кембриджских шпионов (ими были Гай Берджесс, Дональд

Маклин, Энтони Блант и Джон Кернкросс), которые были завербованы советской разведкой перед войной, а затем во время войны они пробрались на должности с допуском к государственным секретам, включая разведслужбы, выдавая себя за заслуживающих доверия людей, – четверо из пяти учились в Тринити-колледже Кембриджского университета. На самом деле из-за того, что до войны очень немногие офицеры МИ-5 и SIS имели университетские дипломы – у большинства из них была военная биография и зачастую опыт службы в колониях, – ситуация складывалась так, что в начале войны в советской разведке было больше выходцев из британских университетов, которые на нее работали, чем в собственных разведслужбах Великобритании. Помимо респектабельного прошлого, другой причиной, по которой Филби и другие члены «кембриджской пятерки» сумели проникнуть в сердце Британии в военные годы, было то, что тогда проверки биографии в МИ-5 были совершенно неадекватными: в их основе лежал процесс под названием «выявление нежелательных связей», который означал, что в МИ-5 полагались на информацию, которая имелаась у нее в картотеке. МИ-5 не проводила никаких своих собственных проверок происхождения, биографий, окружения, связей. Этот процесс упускал тот простой факт, что агенты могли сделать себя невидимыми для МИ-5, намеренно держась подальше от организаций, членство в которых могло привести к попаданию их имен в ее картотеку, что и сделали эти пять кембриджских шпионов⁶⁵.

Рассказ о том, как Филби получил назначение на должность начальника отдела 9, представляет собой, если говорить вкратце, обман и уловки. Искусно перехитрив своих соперников, особенно своего непосредственного начальника Феликса Коуджилла, и столкнув друг с другом две группировки в SIS, он сделал себя самым очевидным кандидатом на эту должность. Как позднее говорил один из коллег Филби в SIS в военное время Роберт Сесил о его назначении, «история разведки содержит мало, если они вообще есть, сопоставимых достижений». Находясь на должности начальника отдела 9, Филби имел возможность сообщать Москве о всех самых важных усилиях Великобритании по противодействию советской разведке в послевоенные годы. В последующие годы он стал на Уайтхолле ведущим экспертом по советской разведке. Перед окончательным разоблачением в начале 1950-х гг. его кандидатура даже

рассматривалась в качестве будущего руководителя SIS – последствия этого для западной разведки в годы холодной войны едва ли можно себе представить. Послевоенные дневники Гая Лиддела из МИ-5, рассекреченные лишь в октябре 2012 г., показывают, что он старался свыкнуться с изменой Берджесса и Маклина, и подозрение пало на Филби, которому он доверял. Филби справедливо был назван величайшим разведчиком в истории⁶⁶.

Сканирование горизонта

По мере того как британская разведывательная машина времен войны начала переориентироваться на советскую угрозу, был один регион, который давал больше информации, чем какой-либо другой, о методах работы советской разведки. Начиная с 1940 г. два государства – Ирак и Персия (Иран) – были оккупированы совместно британскими и советскими войсками, что привело к исключительно тесному сотрудничеству между двумя разведывательными службами союзников. Столица Ирана Тегеран была также местом проведения в ноябре 1943 г. известной встречи «Большой тройки» – Черчилля, Рузвельта и Сталина, которая символизировала – по крайней мере, внешне – совместную работу союзников. Однако, как позднее утверждал Черчилль, именно в Тегеране он впервые понял, как невелико Британское государство: «По одну сторону от меня сидел великий русский медведь с протянутыми лапами, а по другую сторону – великий американский бизон; и между ними был бедный маленький английский ослик...»⁶⁷

С конца 1944 г. англичане сотрудничали с советской разведкой в руководстве двойным агентом под кодовым именем «Кисс» – одним из двух двойных агентов, которым занимались британская и советская разведки вместе в годы войны; а другим был «Сильвер». Агентом «Кисс», иранцем по национальности, завербованным абвером в довоенном Гамбурге, руководили из межведомственного британского разведывательного центра в Багдаде – Объединенного разведывательного центра в Ираке – СИСИ. Под руководством своих британских и советских кураторов он передавал в абвер по радио ложную информацию о перемещениях британских и советских войск в Ираке и Иране. Однако реальная значимость дела «Кисса», как показывает досье, хранящееся в МИ-5, состояла в той близости, которую оно обеспечивало британским официальным лицам к их советским партнерам, позволяя им изучать их методы в непосредственном соприкосновении – что и русские, без сомнения, тоже делали в отношении англичан. Офицеры по вопросам обороны и безопасности МИ-5 в Тегеране и Багдаде пользовались возможностью собрать как можно больше информации о численности советских сотрудников – особенно их интересовали имена и биографии

разведчиков – и передавали ее в отдел Ф в Лондон. Офицер по вопросам обороны и безопасности МИ-5 в Тегеране Алан Роджер в одном из своих отчетов в декабре 1944 г. объяснил, что, хотя сбор информации о советской разведке не является частью его официального задания – министерство иностранных дел Великобритании по-прежнему запрещало это, – он тем не менее полагает, что однажды это может оказаться полезным. Он оказался прав в большей степени, чем мог предполагать. Работа с «Киссом» закончилась в марте 1945 г., очевидно, из-за острого взаимного недоверия между советскими и британскими официальными лицами – это было предостережение о событиях, которые последуют за началом холодной войны⁶⁸.

Оккупированные Иран и Ирак стали первыми индикаторами того, какие проблемы будут неоднократно вставать перед Великобританией в послевоенные годы, по мере того как отношения между западными странами и «большим медведем» на Востоке стали ухудшаться. К концу войны начальник СИС в Багдаде отправил в Лондон ряд строгих предупреждений о последствиях слишком быстрого выхода Великобритании из Ирака и Ирана по окончании военных действий. Он предсказывал, что если она сделает это, то обе страны вскоре наводнят советские разведчики, которые будут стремиться превратить их в государства – сателлиты СССР. Как мы еще увидим, этот страх будет сильно влиять на реакцию Лондона на колониальные «освободительные» движения в послевоенные годы, когда началась холодная война⁶⁹.

По мере приближения конца войны в Европе МИ-5 и SIS начали всерьез задумываться о проблеме, которую представлял собой Советский Союз. В декабре 1944 г. сэр Дэвид Петри отметил, что на протяжении долгого времени «он был сторонником той точки зрения, что важность роли отдела Ф будет оценена после войны». По окончании военных действий в Европе в мае 1945 г., когда Петри уже готовился оставить свой пост генерального директора МИ-5, он выпустил длинный меморандум «о будущем порядке», в котором он предсказал – пессимистично, но точно, – что одна форма тоталитаризма в Европе сменит другую. В августе 1945 г. он провел встречу с руководителем SIS сэром Стюартом Мензисом на тему шифров, которые коммунисты использовали в своей тайной работе, – о чем Филби в SIS, безусловно, должен был быть проинформирован, – и 5

сентября 1945 г. он, Холлис и другие офицеры из отдела Ф подробно обсудили «утечку информации через членов Коммунистической партии». Их совещание было более важным, чем Петри или Холлис могли подумать. В тот же самый день, но позднее шифровальщик, работавший в советском посольстве в Оттаве, Игорь Гузенко переметнулся на Запад, принеся с собой тревожные и волнующие доказательства советской разведывательной работы в годы войны. Они подтвердили самые худшие опасения Великобритании. Началась холодная война. Однако прежде чем МИ-5 смогла должным образом справиться с новой ситуацией, ей сначала пришлось заняться другой, более неотложной угрозой – международным терроризмом⁷⁰.

Глава 3

«Явно виден сигнал опасности»: МИ-5, британский мандат в Палестине и сионистский терроризм

Чтобы подрыв взрывного устройства оказал какое-то влияние на общественное мнение, он должен выйти за рамки намерения мстить или терроризма. Он должен быть безоговорочно разрушительным.

Джозеф Конрад. Секретный агент¹

Я всегда ясно говорил, что самый лучший метод обращения с террористами – это их ликвидация.

Генерал сэра Алан Каннингем, верховный комиссар в Палестине и Трансиордании²

Несмотря на все свои успехи в военное время, британское тайное государство вышло из Второй мировой войны, не заняв сильного положения. В отчетах «высокого стола» британского разведывательного сообщества – Объединенного центра разведывательных служб (ЛС) – откровенно говорилось, что у него мало разведанных на своего «нового» врага – Советский Союз. Непосредственно послевоенные отчеты ЛС скрывают столько же, сколько и сообщают. И хотя кажется невероятным, оглядываясь назад, что в период между декабрем 1944 г. и мартом 1946 г. – это именно тот промежуток времени, когда, как нам кажется, ЛС должен был сосредоточиться на вновь возникающей советской угрозе, – ЛС хранил полное молчание в отношении Советского Союза. В целом отчеты ЛС этого периода, однако, все же проливают свет на истоки конфликта, который будет формировать всю вторую половину XX в. – истоки холодной войны. Теперь мы можем увидеть, что непосредственно в послевоенный период, во время

перехода от мировой войны к холодной, ЛС был сравнительно оптимистично настроен в отношении будущих отношений Великобритании с Москвой. Безусловно, он не предполагал, что между Великобританией или ее союзниками разразится война с Советским Союзом³.

Однако к 1946 г. доклады ЛС, которые циркулировали среди высокопоставленных военных Великобритании, небольшого круга членов кабинета министров и высших гражданских чиновников, начали приобретать гораздо более пессимистичную окраску и придерживаться более жесткого подхода; в них стали появляться предупреждения о том, что война с Советским Союзом может разразиться в результате ряда взаимных просчетов между правительствами западных стран и Москвой. Это подкрепляет результаты самых недавних исследований истоков холодной войны, которые проводили такие историки, как Джон Льюис Гэддис, и бывшие разведчики, такие как Гордон Баррасс. Эти исследования наводят на мысль, что она началась, по сути, из-за противоречивых сигналов, которые подавали Запад и Восток, и ряда взаимных ошибочных интерпретаций⁴.

Победить в войне, проиграть мир

Основная проблема ЛС состояла в том, что в период между 1944 и 1946 гг. у него отсутствовала разведывательная информация о Советском Союзе от SIS, GCHQ (новое название, которое получила GC&CS, – Правительственная школа кодов и шифров в Блетчли-парке после 1945 г.) и МИ-5 или их аналогов в разведке США. И это совсем неудивительно, учитывая то, как трудно было собрать какую-либо объективную информацию о Советском Союзе. Как и в случае с Третьим рейхом, британская и американская разведки обнаружили, что практически невозможно проникнуть за завесу жесткого полицейского присутствия и слежки в Советском Союзе, управляемом как полицейское государство, а Лондон и Вашингтон – что практически невозможно понять образ мыслей послевоенного советского руководства. Черчилль был близок к истине, когда в октябре 1939 г. сделал знаменитую ремарку в отношении Советского Союза, что он «загадка, окутанная тайной, внутри головоломки». В конце войны внутренний историк МИ-5 Джон Карри пожаловался, что положение, в котором оказалась МИ-5 по отношению к Советскому Союзу в 1945 г., точно такое же, в каком она была по отношению к фашистской Германии в 1939 г.: она столкнулась с абсолютным дефицитом разведанных. В реальности ситуация была даже еще хуже, чем предполагали Карри и МИ-5. Находясь на своей должности начальника 9-го отдела SIS, занимавшегося разведкой против СССР, Ким Филби почти наверняка помогал готовить некоторые послевоенные документы ЛС о советской угрозе. Через кембриджских шпионов и других удачно внедренных агентов на Западе Советский Союз имел возможность получать самые большие государственные секреты Великобритании и других правительств западных стран в послевоенные годы⁵.

Одним из приоритетов британской и союзной разведок в 1945 г. была ликвидация разведывательных сетей стран оси. С приближением конца войны поток достоверных сообщений говорил о том, что фашистское руководство строит маниакальные планы подняться вновь, если Германия будет разгромлена. Эти планы были сосредоточены на гитлеровской так называемой организации «Вервольф», через которую офицеры СС собирались развернуть партизанскую войну против

победивших союзников. Тем временем служба безопасности Германии (*Sicherheitsdienst*), очевидно, планировала рассредоточить по всей Европе и миру «спящих» агентов, которые должны были способствовать созданию Четвертого рейха на обломках Третьего «тысячелетнего» рейха. Первые тревожные сообщения на эту тему поступили в МИ-5 в марте 1945 г., когда в союзной Франции была захвачена и допрошена группа из четырех немецких агентов-диверсантов. В захваченной немцами американской «Летающей крепости» В-17 их доставили глубоко за линию фронта во Франции, где их сбросили с парашютами, снабдив инструкциями и всем необходимым для организации диверсионной сети. Агенты обнаружили, что их коллеги-диверсанты снабжены ядами, но «не обычными ампулами с синильной кислотой, которыми снабжали шпионов в последние месяцы для того, чтобы они могли совершить самоубийство после ареста». Вместо этого они планировали убивать офицеров союзников ядами, незаметно впрыснутыми в товары повседневного спроса – колбасы, шоколад, «Нескафе», шнапс, виски и аспирин «Байер». Они также были обучены оставлять мышьяк и кислоты на книгах, письменных столах и дверных ручках⁶.

Тревога возросла, когда штаб Верховного командования союзными экспедиционными войсками (SHAEF) выявил диверсионные заговоры с применением такого секретного оружия, как ядовитые зажигалки, которые могли убивать курильщика; пряжка ремня с серебряной свастикой, в которой был скрыт двустольный пистолет калибра 8 мм; и боевые «микробы», которые должны были прятать агентессы в своих пудреницах. В SHAEF также были доставлены какие-то таинственные пилюли и коричневые капсулы, которые должны были испускать смертельные испарения, будучи помещенными в пепельницу, подогреваемую пеплом от сигареты. Эти вещи были отправлены в МИ-5 в Лондон, где их исследовали эксперт по борьбе с диверсиями лорд Ротшильд и научный работник МИ-5 – профессор Х.В.А. Брискоу из Имперского колледжа науки, техники и медицины (Лондон). И хотя в SHAEF были скептически настроены в отношении некоторых диверсионных планов, в заключение одного из его докладов в марте 1945 г. под заголовком «Методы работы немецких террористов» было сказано, что личному составу вооруженных сил союзников следует

запретить есть любую немецкую еду и курить немецкие сигареты «под страхом сурового наказания»⁷.

Однако вопреки всем предупреждениям и оценкам, сделанным в Лондоне и Вашингтоне, фашистская угроза – и угроза от империалистической Японии – рассеялась гораздо быстрее, чем предсказывали. Как оказалось, ни фашистская Германия, ни японская тайная полиция (*Kempeitai*) не организовали никакой эффективной подпольной сети после победы союзников. Тем не менее британская разведка выделила значительные ресурсы на отслеживание и захват нацистских военных преступников, пустившихся в бег. Оксфордский историк, а в войну офицер SIS Хью Тревор Роупер был послан руководством в Берлин, чтобы сделать подробный доклад о последних днях Гитлера и попытках фашистского руководства страны совершить побег. Его доклад стал в конечном счете бестселлером «Последние дни Гитлера». Например, одна из ключевых фигур в «окончательном решении» еврейского вопроса Эрнст Кальтенбруннер был схвачен в Австрии переодетым в охотника, а затем тайно перевезен в Великобританию. И хотя на сегодняшний день это не признано в исторических отчетах, допрос Кальтенбруннера сотрудниками МИ-5 в лагере 020 сыграл важную роль в его дальнейшем судебном преследовании и казни в Нюрнберге. Аналогичным образом пользовавшийся дурной славой начальник СС и нацистский вдохновитель массовых убийств в Европе Генрих Гиммлер был схвачен союзниками при попытке перейти немецкую границу, изменив внешность. Но Гиммлер совершил самоубийство, находясь в плену у англичан: до суда он раскусил капсулу с цианидом, спрятанную в зубе⁸.

Политическая ситуация в послевоенной Великобритании не создавала благоприятной атмосферы для ее секретных служб. Новое лейбористское правительство Клементы Эттли, избранное в июле 1945 г., дало предвыборное обещание держать их на коротком поводке. Лейбористская партия имела непростые отношения с британскими разведслужбами еще со времен скандального «дела Зиновьева» в 1924 г., которое привело к падению первого лейбористского правительства Великобритании под руководством Рэмси Макдональда. Это дело было связано с письмом, которое, предположительно, было послано одним из руководителей Советского государства Григорием Зиновьевым Британской компартии, в котором Москва просила

английских коммунистов распространить революцию на Великобританию и ее колонии. Правительство Макдональда заподозрило, что письмо было фальшивкой, состряпанной консервативными элементами в британской разведке, но Консервативная партия ухватилась за этот скандал и впутала в него Лейбористскую партию. В настоящее время известно, что письмо действительно было подделкой, но оно не было составлено МИ-5 или какой-либо другой разведывательной службой Великобритании, а было делом рук борющихся с большевиками представителей Белого движения, возможно в одной из Прибалтийских стран⁹.

Тем временем прощальным выстрелом Черчилля до ухода с поста премьер-министра в 1945 г. было его предупреждение о том, что «социалистическое» правительство в Великобритании неизбежно приведет к созданию «гестапо» и «полицейского государства». Чтобы пресечь такое развитие событий по предсказанию Черчилля в зародыше, когда в 1946 г. генеральный директор МИ-5 в годы войны сэр Дэвид Петри ушел в отставку, Эттли попытался удержать МИ-5 под своим контролем как можно в большей степени, выбрав в преемники Петри бывшего полицейского сэра Перси Силитоу. Многие в МИ-5, вероятно, не без причины считали назначение Эттли чужака как вотум недоверия. Дело было в том, что МИ-5 вышла из войны, оцененная не по своим победам, вроде системы двойных агентов, оставшейся засекреченной, а по клаустрофобным мерам безопасности в военные годы, включая временное урезание гражданских свобод и печально известное массовое интернирование в Великобритании¹⁰.

Для британских разведывательных служб, как и для многих других департаментов Уайтхолла, переход от войны к миру был связан с быстрым расслаблением в работе. Как и после Первой мировой войны, в период после 1945 г. в Великобритании был введен режим строгой экономии, когда финансирование разведывательных служб было урезано, их чрезвычайные полномочия военного времени были у них отняты, а численность их сотрудников радикально сократилась. Многие блестящие непрофессионалы, которые вступили в ряды разведки во время войны, вернулись к своим довоенным занятиям. Численность сотрудников МИ-5 была сокращена с 350 офицеров в пору ее расцвета в 1943 г. до 100 человек в 1946 г. Ее документы показывают, что служба была вынуждена покупать более дешевые чернила и бумагу, а ее

офицеры получили указание печатать свои доклады на обеих сторонах листа бумаги, чтобы сэкономить деньги. Плюс ко всему этому МИ-5 вскоре стала терять силу духа и способность к действию. Офицер, который в годы войны искусно руководил двойными агентами, Робертсон пришел в такое уныние от службы в послевоенные годы, что в 1947 г. досрочно ушел в отставку, начал выращивать овец в Глостершире и практически не рассказывал о своих тайных подвигах во время войны. На Уайтхолле всерьез обсуждали – как и после Первой мировой войны – упразднение МИ-5 вообще. К несчастью для МИ-5, в послевоенные годы она столкнулась с худшей из всех возможных комбинаций обстоятельств – сокращением финансирования, но повышением ответственности. После войны Великобритания контролировала больше территорий, чем в любой другой момент ее истории, и из-за того, что МИ-5 отвечала за безопасность на всех территориях Великобритании, то она получила беспрецедентные обязанности в своих заморских владениях¹¹.

День «Д» для терроризма

Если британское разведывательное сообщество оказалось в затруднительной ситуации в послевоенный период (сокращенное финансирование, большие обязанности, непростые отношения с лейбористским правительством и скудная информация о своем новом советском враге), то перед МИ-5 встала еще более близкая угроза. Недавно рассекреченные разведывательные документы показывают, что в конце войны главным приоритетом МИ-5 была угроза терроризма, исходившая с Ближнего Востока, особенно от двух главных еврейских (или сионистских) террористических группировок, действовавших по мандату Палестины, которая оказалась под контролем Великобритании в 1921 г. Эти группировки носили названия Иргун Цвай Леуми («Национальная военная организация» или коротко: Иргун) и Лехи (на иврите «Борцы за свободу Израиля»), которую англичане также называли «бандой Штерна» по имени ее вождя-основателя Авраама Штерна. Члены группировки Иргун и «банды Штерна» считали, что политика Великобритании в Палестине в послевоенные годы, препятствующая созданию независимого еврейского государства, узаконивает применение насилия в отношении британцев.

Когда Вторая мировая война близилась к концу, МИ-5 стала получать поток разведывательных донесений, предупреждающих о том, что Иргун и «банда Штерна» не просто планируют акты насилия по мандату Палестины, а собираются устраивать нападения на территории самой Великобритании. В апреле 1945 г. срочное сообщение из SIME содержало предупреждение о том, что Победа в Европе (День Победы, V-day) будет Д-днем (днем начала операций) для еврейских террористов на Ближнем Востоке. Затем весной и летом 1946 г. одновременно с острой эскалацией насилия в отношении англичан в Палестине МИ-5 получила достоверные донесения из SIME о том, что Иргун и «банда Штерна» планируют отправить пять террористических «ячеек» в Лондон «работать, как IRA».

Пользуясь их собственными выражениями, террористы намеревались «бить собаку в ее собственной конуре». Донесения SIME были сформированы на основе допроса схваченных боевиков Иргун и «банды Штерна», местных агентов полиции в Палестине и благодаря

связям с официальными сионистскими политическими группировками вроде «Еврейского агентства». В них утверждалось, что среди объектов для убийства значатся министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин, которого считали главным препятствием к созданию еврейского государства на Ближнем Востоке, и сам премьер-министр. До своего ухода в отставку с поста генерального директора МИ-5 сэр Дэвид Петри предупреждал, что всплеск насилия против англичан в Палестине, планируемое расширение операций Иргун и «банды Штерна» и перенос их на территорию Великобритании означают, что «явно виден сигнал опасности». Новый генеральный директор МИ-5 сэр Перси Силлитоу был настолько встревожен, что в августе 1946 г. лично проинформировал премьер-министра о сложившейся ситуации, предупредив его, что кампанию политических убийств в Великобритании нужно рассматривать как реальную возможность и что его собственное имя, по имеющимся данным, находится в списке объектов нападения «банды Штерна»¹².

Список «достижений» Иргун и «банды Штерна» во время войны гарантировал, что МИ-5 серьезно отнеслась к этим предупреждениям. В ноябре 1944 г. «банда Штерна» убила британского статс-секретаря на Ближнем Востоке лорда Мойна, когда он возвращался на арендуемую виллу после официального ланча в Каире. Мойн, наследник династии Гиннесс, был состоятельным человеком со связями, и его убийство вызвало бурную реакцию у Черчилля. Глава страны в годы войны поддерживал сионистов и с начала 1900-х гг. знал сионистского политического лидера Хаима Вейцмана (который позднее станет первым президентом Израиля), когда сам он был членом парламента, а Вейцман – преподавателем в Манчестерском университете, но, несмотря на свое личное возмущение гангстерами из «банды Штерна», он призывал к выдержке. Однако за убийством Мойна последовала эскалация насилия в Палестине: после инцидентов против англичан боевики Иргун и «банды Штерна» подверглись кровавой расправе. В середине июня 1946 г. после нападений боевиков Иргун на пять поездов и десять из одиннадцати мостов, соединяющих Палестину с соседними государствами, у Лондона кончилось терпение. Британские вооруженные силы провели массовые аресты по всей Палестине (операция под кодовым названием «Агата»), которые достигли своей кульминации 29 июня – дня, известного как «черный шаббат», потому

что это была суббота, когда были арестованы свыше 2700 руководителей и рядовых членов сионистского движения, а также членов еврейской подпольной военной организации (Хагана) и их ударных отрядов (Палмах). Ни один из лидеров Иргун или «банды Штерна» не попался во время этой облавы, и в результате аресты только подтолкнули их к более жестоким ответным действиям. 22 июля боевики Иргун нанесли сокрушительный удар (операция под названием «Птенец») в сердце британской власти в Палестине, взорвав бомбу в гостинице «Царь Давид» в Иерусалиме, в которой размещалось официальное британское руководство по мандату в Палестине и которая служила штаб-квартирой британской армии в Палестине и всех разведывательных служб, работавших там¹³.

Взрыв был спланирован руководителем Иргун Менахемом Бегинем, который позднее стал шестым премьер-министром Израиля и лауреатом Нобелевской премии мира совместно с президентом Египта Анваром Садатом. Утром 22 июля шесть молодых бойцов Иргун вошли в гостиницу, переодетые арабами, неся молочные бидоны, набитые пятьюстами фунтами взрывчатки. В 12:37 они взорвались, снеся юго-западный фасад здания, отчего произошло обрушение нескольких этажей гостиницы, приведшее к смерти 91 человека, включая английских гражданских лиц, арабов и евреев – некоторые из них были изувечены до неузнаваемости, – и 45 человек получили ранения. Позже Бегин утверждал, что он предупреждал о взрыве, но его предупреждения были проигнорированы британскими властями: перед взрывом молодая представительница Иргун по имени Адина Хай-Ниссан сделала три телефонных звонка на коммутатор гостиницы, а также во французское консульство и газету «Палестина пост». Но на самом деле – и ее боссы-террористы прекрасно это знали – организация Иргун делала так много предупреждений, что британская полиция их уже не рассматривала всерьез, и взрыв прогремел через пятнадцать минут после прозвучавшего предупреждения, оставив мало времени на эвакуацию¹⁴.

Главный секретарь Палестинского мандата сэр Джон Шоу, который едва не погиб при взрыве и ушел затем работать в МИ-5, твердо стоял на том, что не получал предупреждения о взрыве, – частным порядком он записал в досье МИ-5, что рассматривал возможность предъявить иск Бегину за клевету в его книге «Бунт» (1951), в которой он

утверждал, что Шоу не обратил внимания на их предупреждение. Шоу наглядно описал члену парламента лейбористу Ричарду Кроссману, как он потерял во время взрыва почти сотню своих «лучших офицеров и старых друзей», а непосредственно после него помогал откапывать истерзанные тела из-под обломков и побывал на тринадцати похоронах всего за три дня. Взрыв был таким мощным, что тело генерального почтмейстера было выброшено из гостиницы через улицу на здание, где размещалась Молодежная христианская организация, со стен которого его останки пришлось буквально соскребать. У одного служащего отеля лицо было почти полностью разрезано надвое осколками летевшего стекла. На одной фотографии, сделанной на месте трагедии, можно увидеть машинистку, сидящую на груди обломков с отрубленными пальцами, все еще лежащими на клавиатуре пишущей машинки. В послевоенных дневниках Гая Лиддела говорится, что после взрыва Шоу срочно улетел в Лондон, где он проинформировал ЛС: «Он [Шоу] был явно сильно потрясен произошедшим с ним недавно. Главной идеей его выступления, [адресованного] ЛС, была его убежденность в том, что палестинские арабы не пойдут на компромисс. Он был уверен, что нам повезло, что похороны арабов – жертв теракта в гостинице «Царь Давид» – прошли без серьезных инцидентов. Он считал вполне вероятным, что, хотя арабы знают, что в уличном бою с евреями они не могут надеяться на победу, они могут в любой момент совершить какой-нибудь акт насилия, который приведет к тому, что обстановка «вспыхнет». Это может даже привести к Священной войне».

По количеству жертв взрыв в гостинице «Царь Давид» был одним из самых зверских террористических актов, от которых пострадали англичане в XX в. Это также был прямой удар по британской разведке и ее работе по борьбе с терроризмом: и у МИ-5, и у SIS в этой гостинице были свои офисы¹⁵.

Вслед за этим взрывом Иргун и «банда Штерна» провели серию операций за пределами Палестины, как и предупреждали донесения, поступавшие в МИ-5. В конце октября 1946 г. ячейка Иргун, действовавшая в Италии, взорвала посольство Великобритании в Риме, а в конце 1946 г. – начале 1947 г. провела ряд диверсий на британских военных транспортных маршрутах в оккупированной Германии. В марте 1947 г. боевик Иргун оставил бомбу в Колониальном клубе у

Сент-Мартин-Лейн в центре Лондона, которая, взорвавшись, выбила в клубе окна и двери и ранила нескольких человек. В следующем месяце женщина, состоявшая в Иргун, оставила огромную бомбу, состоявшую из двадцати четырех брикетов взрывчатки, в министерстве по делам колоний в Лондоне. Бомба не взорвалась, потому что сломался ее таймер. Начальник особого отдела Леонард Берт подсчитал, что если бы она взорвалась, то это повлекло бы за собой количество жертв, сопоставимое со взрывом в гостинице «Царь Давид», – но на этот раз в центре Уайтхолла. Приблизительно в это же время несколько выдающихся английских политиков и общественных деятелей, связанных с Палестиной, получили угрозы для жизни от «банды Штерна», которые пришли на их домашние адреса и в офисы. Наконец, в июне 1947 г. «банда Штерна» начала кампанию рассылки взрывчатки в письмах – в общей сложности таких бомб была двадцать одна, – адресованных всем выдающимся членам кабинета министров. Две серии таких бомб были отправлены из подпольной ячейки в Италии. Некоторые бомбы из первой серии дошли до адресатов, но не привели к несчастным случаям. Сэра Стаффорда Криппса спасла сообразительность его секретаря, который настороженно отнесся к пакету, внутри которого что-то шипело, и положил его в ведро с водой. Заместитель главы Консервативной партии сэр Энтони Иден носил с собой бомбу в письме целый день в своем портфеле, думая, что это циркуляр Уайтхолла, с прочтением которого можно подождать до вечера, и понял, что это такое, лишь когда получил от полиции предупреждение о запланированном акте такого рода, основанное на информации, предоставленной МИ-5. Генерал Ивлин Баркер – бывший командующий британскими сухопутными войсками в Палестине – спасся, потому что его жена почувствовала странный запах – пороха, – когда открывала утреннюю почту, и вызвала полицию. Ни одна из бомб второй серии не дошла до своих адресатов, но специалисты по баллистике в министерстве внутренних дел установили, что все они несли в себе смертельный заряд¹⁶.

Участие МИ-5 в борьбе с сионистским терроризмом предлагает шокирующую новую интерпретацию истории начала холодной войны. На всем протяжении холодной войны приоритет разведывательных служб Великобритании и других западных держав лежал в сфере контрразведки, но, как теперь можно увидеть, в ключевом переходном

периоде от мировой войны к холодной войне МИ-5 заботило в первую очередь противодействие терроризму. Эта тайная глава в истории холодной войны и конца Британской империи стала явной лишь недавно после рассекречивания документов МИ-5, которое также открыло удивительную новую главу в истории современного международного терроризма. Большинство исследований по этой теме наводят на мысль, что серьезный террор начался в июле 1968 г. с угона самолета израильских авиалиний «Эль Аль» палестинскими террористами. Фактически, как можно судить по документам МИ-5, он начался более чем на двадцать лет раньше. В годы, последовавшие за 1945 г., возглавляемые евреями террористические группы в Палестине намеренно стремились сделать свой конфликт с англичанами международным. Инфильтрацию и радикализацию связанного с терроризмом меньшинства с Ближнего Востока – столь распространенные среди террористических групп в наше время – Великобритания пережила полвека назад¹⁷.

Британский мандат в Палестине

Великобритания стала ненадежным покровителем сионизма, когда получила мандатные полномочия в Палестине от Лиги Наций в 1921 г. Доктрина сионизма – политического движения, стремившегося создать еврейское национальное государство в Палестине, была в значительной степени взята из произведений Теодора Херцла, в частности его книги *Der Ju-denstaat* (1896). Однако именно известная (и судьбоносная) декларация, разработанная министром иностранных дел Великобритании Артуром Джеймсом Бальфуrom в ноябре 1917 г., определила британскую политику в Палестине на следующие двадцать лет. Декларация Бальфура давала сионистским группам моральное – и они доказывали, что еще и законное, – право селиться в Палестине. Будучи опубликованной в тот же самый день, когда произошел большевистский государственный переворот в Санкт-Петербурге, декларация должна была стать вдохновляющей идеей для союзников, чем-то вроде рождественского подарка для осажденных войск и правительств, и способствовать получению в дальнейшем поддержки Великобритании в России и Соединенных Штатах. Декларация гласила, что Великобритания ставит своей целью создание «государства для еврейского народа» в Палестине, и далее: «С отчетливым пониманием того, что ничего не должно быть сделано такого, что может нанести ущерб гражданским и религиозным правам нееврейских общин в Палестине». Бальфур был человеком глубокого ума, который в молодости опубликовал книгу в защиту философского сомнения. К сожалению, его декларация оставляла множество сомнений, не давая объяснения того, каков будет характер еврейского государства в Палестине, что привело к рождению анекдота о том, что Палестина – дважды Земля обетованная¹⁸.

Несмотря на ясную формулировку, которую британское правительство дало в декларации Бальфура, своего намерения создать «национальное государство для еврейского народа», оно было впоследствии истолковано многими сионистами как обещание создать *еврейское* государство, а не государство *для евреев*. Писатель-сионист Израэл Зангвилл назвал Палестину «страной без народа для народа без страны»; это определение явно не учитывало тот факт, что арабы и

христиане жили там поколениями. На момент опубликования декларации Бальфура еврейская община в Палестине (ишув) насчитывала 85 тысяч человек, а арабское население – 750 тысяч человек, но за последующие годы иммиграция евреев постоянно росла, так что к 1946 г. еврейское население составляло в общей сложности 600 тысяч человек. Приток еврейских иммигрантов в Палестину вскоре вызвал ответные волнения среди арабов. В 1933 г. сирийский ваххабитский проповедник Изз ад-Дин аль-Кассам начал партизанские действия против евреев и британской полиции в Палестине – его память и по сей день чтут группы палестинских самоубийц-подрывников, которые помнят о нем как о вожде первой палестинской вооруженной националистической группировки.

Главным образом в ответ на увеличившийся поток еврейской иммиграции в 1936 г. вспыхнуло крупное восстание арабов, которое длилось до 1939 г. Так называемое арабское восстание было подавлено только благодаря жестким ответным мерам британских военных и полиции, которые при поддержке Королевских ВВС вели с арабскими вооруженными силами ожесточенные бои. Британские военные и палестинская полиция проводили жестокие допросы арабских мятежников – эта практика стала известна как *duffing up*, по имени одного особенно жестокого офицера полиции Дугласа Даффа, который до службы в палестинской полиции был одним из «чернорыжих» в Ирландии (английские карательные отряды в Ирландии после Первой мировой войны, подавлявшие восстание шинфейнеров в 1921 г.; получили название по цвету своей формы. – *Пер.*). Британские вооруженные силы также сотрудничали с организацией Хагана, которая возникла в 1921 г. в ответ на насилие, которому подвергались евреи в Палестине. Применяя военную доктрину «лучший вид обороны – нападение», британский военачальник капитан (впоследствии генерал-майор) Орд Вингейт, христианские убеждения которого сделали его естественным сторонником сионистов, организовал «ночные отряды особого назначения», в которые входили добровольцы из Хаганы и английские добровольцы, а также такие легендарные будущие военачальники Израиля, как Моше Даян. Позже Вингейт прославится тем, что создаст отряды «чиндитов» – специальные десантные группы, обученные проникать в глубь территории противника, которые

действовали на оккупированных японцами территориях на Дальнем Востоке во время Второй мировой войны¹⁹.

Правительство Великобритании в целом поддерживало позицию арабов в Палестине, несмотря на насилие, которому подвергались там англичане во время арабского восстания. Причина этого состояла в том, что начальники штабов в Лондоне – а их позиция была окрашена ностальгическими воспоминаниями о Лоуренсе Аравийском – опасались делать что-либо, что могло дестабилизировать Палестину, которая являлась ключевой базой для охраны Восточного Средиземноморья, воротами Суэцкого канала и жизненно важной артерией, связывающей с Индией. Арабское восстание показало Лондону, что между евреями и арабами начнется разгул насилия, если не ограничить въезд евреев в Палестину. Чиновники в министерстве обороны и министерстве по делам колоний также были обеспокоены, не станет ли это провокацией для 60 миллионов мусульман, проживающих в Индии. В результате в 1939 г. правительство Великобритании опубликовало «Белый доклад», согласно которому «число еврейских иммигрантов в Палестину ограничивалось 75 тысячами человек в течение последующих пяти лет, что означало квоту в 1250 иммигрантов в месяц»²⁰.

Когда в Европе разразилась война, большинство еврейского населения Палестины были настроены резко против «Белого доклада», но тем не менее поддержали Великобританию в войне. Лидер сионистов Давид Бен-Гурион сказал, что евреи должны сражаться на войне, как будто не было «Белого доклада», и бороться с «Белым докладом», как будто нет войны. Британская армия быстро нашла новобранцев для спецподразделения, которое в ней создавалось, – Еврейской бригады, ставшей аналогом нацистской дивизии СС из мусульман, которая воевала на Балканах. Однако вскоре обстановка осложнилась. В 1941 г. в Хагане был создан особый отряд командос Пальмах, одной из целей которого было воевать со всеми, включая англичан, кто выступал против увеличившейся иммиграции евреев в Палестину. Именно во время боевой операции Пальмаха Моше Даян потерял глаз. Более того, для меньшинства так называемых сионистов-ревизионистов даже «сопротивления», которое оказывал «Пальмах», было недостаточно. Ревизионистами их называли потому, что они ставили себе цель – пересмотреть идеи сионизма. Они были

фанатиками правого толка, черпая вдохновение в экстремистских произведениях польского сиониста Владимира Жаботинского. Их убеждения резко контрастировали с «левыми» настроениями большинства еврейского населения, которое придерживалось в целом социалистических идей, окрашенных марксизмом, – это отражает тот факт, что в Израиле до 1970-х гг. ни разу не было избрано «правое» правительство. Ревизионисты обходились без традиционной еврейской доктрины «сдержанности» (*havlagah*), отвергали стремление большинства сионистов, почерпнутые из произведений Херцла 1880-х гг., и считали, что нужно бороться за создание независимого и преимущественно еврейского государства в Палестине (*eretz Israel*) по обоим берегам реки Иордан. Краеугольным камнем ревизионистского сионизма было убеждение в том, что надежды Хаганы на оборону недостаточно с учетом военной угрозы и необходимы наступательные действия; что англичан следует заставить выполнять свои обещания защищать и оборонять еврейское население; что ни англичане, ни евреи никогда не сумеют умиротворить арабов политическими уступками или подкупом в виде экономического развития и что следует возвести «железную стену», чтобы разделить два народа Палестины.

Основными бойцами ревизионистов были Иргун и «банда Штерна». Организация Иргун возникла в 1931 г. в противовес политике «умеренности», проводимой Хаганой, и сначала ее возглавлял Давид Рациель, а после 1944 г. – Менахем Бегин, будущий премьер-министр Израиля. Одной из причин, по которой Бегин был выбран в лидеры Иргун, состояла в том, что он был «невидим» для британской разведки и палестинской полиции. После побега из родной Польши, чтобы спастись от оккупировавших страну фашистов, он был арестован советским НКВД и отправлен в лагерь, из которого он бежал, по видимому, не без помощи советской разведки в Палестину. В Иргун правильно рассудили: из-за своей биографии Бегин не окажется в поле зрения британской разведки в военное время. Под руководством Бегина Иргун специализировалась на подрывах зданий и другой инфраструктуры и к 1945 г., по оценкам британской разведки, насчитывала от 5 до 6 тысяч членов – это цифры преувеличены, наверное, в три раза ввиду трудности проникновения в Иргун для шпионов.

«Банда Штерна» была меньшей по численности и более экстремистской группой, чем Иргун, от которой она откололась в 1940 г., потому что Иргун была слишком «умеренной». Ее возглавил Авраам Штерн – поэт-романтик, бывший философ и бандит, которого англичане в конце концов прикончили в 1942 г. Обстоятельства смерти Штерна противоречивы. Все выглядело так, что палестинский полицейский Джеффри Мортон застрелил его, безоружного, когда тот не был в наручниках, очевидно при попытке выскочить из окна. После чего в руководство «банды Штерна» вошел будущий седьмой премьер-министр Израиля Ицхак Шамир, который спланировал убийство лорда Мойна и взял себе псевдоним «Майкл» в честь Майкла Коллинза – члена ирландской политической партии Шинн Фейн. «Банда Штерна» специализировалась на политических убийствах, и к 1943 г., по разным оценкам, в ней состояло от 300 до 500 человек – это опять-таки раздутая цифра, но приблизительно столько же боевиков в то время насчитывала ИРА (Ирландская республиканская армия)²¹.

После убийства «бандой Штерна» лорда Мойна в 1944 г. Хагана помогала англичанам выслеживать членов банды – этот период известен как «сезон охоты», или *Sezon*. Сионистские политические лидеры изначально надеялись, что победа на выборах в Великобритании в 1945 г. Лейбористской партии, которая традиционно поддерживала дело сионизма, поможет ослабить ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину. Однако их надежды были вскоре разбиты. Новый министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин пришел на эту должность с репутацией несгибаемого профсоюзного переговорщика, который ранее был сторонником создания еврейского государства, но за несколько дней, придя к власти, изменил свои взгляды и стал врагом номер один для сионистов-ревизионистов, считавших его главным препятствием для *eretz Israel*. Политика Бевина в отношении Палестины была следствием не его тайного антисемитизма – такое утверждение можно часто услышать, – а его убеждения в том, что между евреями и арабами начнется гражданская война, если в Палестину разрешить неограниченный въезд евреев. При этом он часто демонстрировал поразительную бестактность, шутя, что правительство США поддерживает массовую иммиграцию в Палестину, «потому что не хочет, чтобы в Нью-Йорке было слишком много евреев». А когда из-за отключения

электроэнергии один раунд англо-еврейских переговоров в 1947 г. в буквальном смысле погрузился во тьму, он тяжеломерно пошутил, что «свечи не нужны, потому что есть израильтяне»²².

Холокост изменил политику Великобритании в Палестине. Когда подробности фашистских массовых убийств в Европе появились в мировых средствах массовой информации после 1945 г., стало неприемлемым в глазах всего мира, чтобы Британия мешала въезду еврейских беженцев в Палестину. Новый американский президент Гарри Трумэн неоднократно требовал, чтобы правительство Великобритании позволило ста тысячам еврейских беженцев немедленно въехать в Палестину, хотя его требование не было поддержано Госдепартаментом США, который рекомендовал контролировать иммиграцию евреев в Палестину. Несмотря на оказываемое давление, правительство Великобритании отказалось значительно повысить квоту для еврейских иммигрантов. Увидев, что их надежды на рост еврейской иммиграции не оправдались, все сионистские боевики в Палестине – Хагана, Иргун и «банда Штерна» – в конце 1945 г. объединились в Еврейское или Объединенное движение сопротивления, чтобы бороться с англичанами.

На этом этапе англичане столкнулись с, казалось бы, безнадежно непримиримой ситуацией. К концу войны некоторые британские официальные лица уже пессимистично предсказывали, что Великобритания не сумеет совершить невозможное – решить проблему Палестинского треугольника между ними, евреями и арабами. В 1945 г. особый уполномоченный в Палестине сэр Дуглас Харрис сказал, что Великобритания занимается бесполезным делом. Вскоре после этого министр финансов Хью Далтон пожаловался Клементу Эттли, что нельзя строить прочную базу на осином гнезде²³.

Перед 1948 г. несколько ведущих политиков будущего Государства Израиль участвовали в борьбе с англичанами. Менахем Бегин, один из столпов израильской политики, был объявлен англичанами террористом, равно как и другой будущий премьер-министр Израиля Ицхак Шамир и по крайней мере один будущий судья Верховного суда (Меир Шамгар) и будущий министр юстиции (Шамуэль Тамир). Сам Авраам Штерн был впоследствии увековечен на израильской почтовой марке, а в наше время израильский городок Штерн является местом проживания ряда представителей ведущей политической и

интеллектуальной элиты. Все это ведет к тому, что хочется спросить: законно ли называть этих борцов террористами? После создания в мае 1948 г. Государства Израиль подавляющее большинство тех, кто боролся с англичанами, отказались признать, что они были террористами, называя себя вместо этого «борцами за свободу». Но суть дела в том, что в то время боевики из «банды Штерна» открыто признавались в применении тактики терроризма. Считается, что «банда Штерна» – одна из последних группировок в мире, которая называла себя террористической организацией. Некоторые из ее членов использовали термин «терроризм» как почетный знак, очевидно, для того, чтобы идеализировать насилие. Лживые мифы по-прежнему утверждают, что члены Иргун и «банды Штерна» были «солдатами» и «борцами за свободу высочайшего нравственного уровня». Не далее как в июле 2006 г. группа израильтян «правых» взглядов, включая Бенджамина Нетаньяху, присутствовала на поминальной церемонии, организованной «Центром наследия Менахема Бегина», по поводу 60-й годовщины взрыва в гостинице «Царь Давид», который они упорно называют акцией «борьбы за свободу». Мемориальная доска в память об этом взрыве вызвала официальную реакцию британского посла в Тель-Авиве, который настаивал на том, что оскорбительно праздновать годовщину террористического акта. На самом деле Иргун и «банда Штерна» выбирали в качестве объектов нападения и убивали невинных гражданских лиц. Жертвы более половины из сорока двух политических убийств, совершенных «бандой Штерна» и Иргун, были евреями, которые были «коллорабационистами» и сотрудничали с англичанами.

То, насколько Иргун и «банда Штерна» были незаконными формированиями, видно по тому факту, что после того как в мае 1948 г. начало свое существование Государство Израиль, новому израильскому правительству пришлось заниматься исходившими от них угрозами. Когда Давид Бен-Гурион стал первым премьер-министром Израиля, твердая позиция, которую он всегда занимал в отношении «банды Штерна» и Иргун, привела к некоторой драматической конфронтации. В июне 1948 г. он приказал еврейским войскам стрелять по кораблю, стоявшему на якоре недалеко от Тель-Авива, под названием «Альталена» (таков был старый литературный псевдоним Владимира Жаботинского), на котором находились сочувствующие евреям и

оружие для Иргун. В этот момент хрупкое молодое израильское государство было близко к гражданской войне, как никогда еще за всю свою историю. У этого эпизода есть отголоски и более близкие к нашему времени. В 1995 г. премьер Израиля Ицхак Рабин был убит ультрасионистским экстремистом «в отместку» за то, что он предложил вывести израильские войска из сектора Газа, а также за то, что находился среди тех солдат, которые обстреливали «Альталену» в 1948 г.²⁴

МИ-5 и противодействие терроризму

В послевоенные годы в МИ-5 не было специального отдела, который занимался бы противодействием терроризму, но она занималась этим под лозунгом «борьбы с подрывной деятельностью», за что отвечал отдел Ф. Офицерами отдела Ф, больше всех обеспокоенными деятельностью сионистов, были Алекс Келлар и его помощник Джеймс Робертсон. Келлар был шотландцем с броской внешностью и дипломами юриста, полученными в Эдинбургском и Колумбийском университетах. Вероятно, он вдохновил Джона Ле Карре, который изобразил «человека в кремовых манжетах» в своем первом романе «Звонок покойнику» (1961) и которого в 1966 г. сыграл в фильме под названием «Смертельно опасное дело» Макс Адриан в шелковом халате с драконами с пурпурным платком в кармашке и розой в петлице. Во время войны Келлар был начальником SIME и часто ездил из Лондона в различные бюро МИ-5 на Ближнем Востоке. Позднее, находясь на Дальнем Востоке, Келлар отправил в штаб-квартиру МИ-5 запросы на «тропический комплект», включив в него «два пляжных костюма и один полотняный сайгонский костюм, белые рубашки из хлопковой ткани и смокинги из «акульей кожи». Гомосексуальная ориентация Келлара была широко известна в МИ-5 – удивительный факт с учетом того, что в те времена гомосексуальные связи были в Великобритании незаконны и считались на Уайтхолле потенциальным источником шантажа. Там также, очевидно, осталась не замечена гомосексуальная ориентация кембриджского шпиона Энтони Бланта. Несмотря на его иногда легкомысленный внешний вид – он любил носить пурпурные носки, – в ходе своей 35-летней карьеры в МИ-5 Келлар находился на переднем крае в последние дни Британской империи и холодной войны, выступая в роли бродячего посредника по улаживанию конфликтов в череде чрезвычайных ситуаций, которые происходили во владениях Великобритании по всему земному шару²⁵.

И хотя у Келлара были тайные дела на самом высоком уровне с колониальными администрациями по всей империи, посреднические сделки с национальными лидерами за закрытыми дверями, когда они готовились получить независимость, до сих пор в официальных рассекреченных документах Великобритании практически нет и следов

его деятельности. В одном сборнике очерков об охране порядка в империи и деколонизации Великобритании под редакцией историка Дэвида Андерсона, опубликованном в 1992 г., отмечалось, что «темная личность» по имени Келлар находилась в одной из британских колоний накануне получения ею независимости, но в остальном до сих пор его карьера окутана тайной. Подобно многим ведущим английским разведчикам, он не обсуждал публично свою секретную работу после ухода в отставку. По окончании своей длинной карьеры в МИ-5 он ушел на тихую должность – и этого следовало ожидать – в Британское управление по туризму²⁶.

МИ-5 поддерживало свое присутствие на Ближнем Востоке через SIME, которая к 1946 г. насчитывала уже 26 офицеров по вопросам обороны и безопасности, работающих от Гибралтара до Багдада, включая главные палестинские города – Иерусалим, Тель-Авив, Яффу, Хайфу, Газу и Наблус. В своих донесениях о сионистах, которые, как они думали, никогда не будут рассекречены и прочтены посторонними людьми, некоторые офицеры МИ-5 проявляли некоторый умеренный антисемитизм, который в то время заразил большую часть британских правящих классов. Несмотря на некоторые комментарии сотрудников, которые в настоящее время были бы расценены как политически неприемлемые, МИ-5 в целом всегда стремилась четко разделить деятельность подавляющего большинства евреев и сионистов от крошечного меньшинства, которое представляло собой угрозу безопасности Великобритании, как подчеркнул новый генеральный директор МИ-5 Перси Силлитоу в закрытой лекции для сотрудников Лондонского особого отдела в марте 1948 г.: «Разумеется, МИ-5 не волнуется деятельностью евреев как таковой. И МИ-5 не тратит время на изучение деятельности сионистов в целом, за исключением тех случаев, когда она явно носит подрывной характер или наносит ущерб планам обороны Британской империи. В сионизме как системе политических взглядов нет ничего незаконного. Он попадает в поле нашего интереса только тогда, когда деятельность его экстремистски настроенных приверженцев, безусловно, является тайной, подрывной или незаконной и, следовательно, представляет угрозу безопасности империи и этой страны»²⁷.

Более подробно Силлитоу разъяснил общий подход МИ-5 к угрозам государственной безопасности в своих более поздних

мемуарах, вспомнив, что, когда он пришел на эту службу: «Среди всего, что особенно привлекло мое внимание, было то, что работа МИ-5 не связана с политикой, и не следует думать или предполагать, что политика тех, кто стремится подорвать могущество нашего государства или его институты, оказывает влияние на деятельность МИ-5 по созданию помех их усилиям. Следует помнить, что функция МИ-5 чисто оборонительная; на нее возложена лишь функция выявления деятельности, подрывающей безопасность этой страны; вероисповедание, политические убеждения или национальность тех, кто занимается такой деятельностью, не имеют значения»²⁸.

МИ-5 использовала скорее термин «сионистский терроризм», нежели «еврейский терроризм», потому что ее расследования не делали своей целью евреев, а были шире по охвату и включали неевреев – сторонников «ревизионистского» терроризма, в том числе и торговцев оружием, и его перевозчиков. При этом документы МИ-5 демонстрируют, что с самого начала своего расследования она признавала, насколько деликатным должен быть ее сбор информации о сионистском экстремизме. Например, одним из объектов ее изучения был известный еврейский писатель, сочувствующий сионистам, Артур Кёстлер – и если бы об этом стало известно широкой общественности, то поставило бы МИ-5, да и вообще британское правительство в чрезвычайно неловкое положение. Как явствует из досье Кёстлера в МИ-5, причиной, по которой он стал объектом изучения, стало то, что у него были очень хорошие связи в сионистских кругах Лондона, Европы и Палестины; в МИ-5 надеялись, что его связи помогут обнаружить тайных агентов Иргун и «банды Штерна». Кёстлер, безусловно, прекрасно понимал цели Иргун и «банды Штерна». Его роман «Воры в ночи» (1946) прекрасно показал, как еврейскую молодежь можно привлечь на сторону радикальных насильственных действий по вопросу Палестины. Его вымышленный главный герой Джозеф бросает тихую жизнь в мире университетской науки и обращается к насилию, потому что считает, что национальное государство пацифистов не может выстоять. МИ-5 также изучало неутомимого гуманиста и сторонника сионизма Джоэля Брандта. Брандт работал в антифашистских движениях Сопротивления по всей Европе и в 1942 г. стал посредником в провалившейся сделке «грузовики за жизнь», по условиям которой нацисты могли освобождать евреев в обмен на

грузовики. Однако, как показывает его досье в МИ-5, он также был связан с нелегальной миграцией евреев из Европы в Палестину, и, по утверждению МИ-5, какова бы ни была гуманистическая основа его действий, они содействовали безопасности в Палестине. И все же неизбежно, тайно наводя справки о Брандте, МИ-5 делала объектом своего расследования героического участника антифашистского Сопротивления и хорошо известного борца за права человека²⁹.

На фоне нарастающего насилия в Палестине в 1946 г. и особенно после взрывов в гостинице «Царь Давид» в Иерусалиме и посольстве Великобритании в Риме МИ-5 получила от SIME несколько донесений, предупреждающих, что Иргун и «банда Штерна» планируют перенести свои операции в самую Великобританию. Перси Силлитоу упомянул эти тревожные донесения в своей лекции сотрудникам особого отдела в Скотленд-Ярде в сентябре того же года: «Донесения о том, что IRGUN ZVAI LEUMI или «банда Штерна» могут покушаться на жизнь какого-нибудь выдающегося британского деятеля за пределами Ближнего Востока, действительно приходят все чаще с начала этого года и достигли кульминации несколько дней назад, когда пришло сообщение, что в случае вынесения смертного приговора 18 членам «банды Штерна», которые в настоящее время находятся под арестом в Палестине [за проведение взрыва в гостинице «Царь Давид»], Иргун и «банда Штерна» намереваются совместно организовать в Лондоне показательные ячейки... Если такие планы расширения деятельности за границей Иргун или «банда Штерна» осуществят, перед нами может встать реальная опасность убийств или диверсий в важных учреждениях в этой стране, в частности в Лондоне»³⁰.

В декабре 1946 г. в МИ-5 пришло донесение от ее офицера по вопросам обороны и безопасности в Иерусалиме: «Сообщают, что группа агентов IZL [Иргун] находится в настоящее время в Англии. Их численность от восьми до десяти человек, и они родом не только из Палестины, но и из Америки и Европы»³¹.

Проблема МИ-5 в Лондоне и местных сил безопасности в Палестине состояла в том, что было чрезвычайно трудно выявить и противостоять и Иргун, и «банде Штерна». Обе группировки имели вертикальную организацию ячеек, члены которых не были знакомы с участниками других ячеек и исключительная лояльность которых означала, что проникнуть в организацию было почти невозможно. Как

отметил Алекс Келлар в одном из донесений в МИ-5, «эти террористы – твердые орешки, и их далеко не легко заставить говорить». Ситуацию еще больше усложняло то, что они часто пользовались вымышленными фамилиями и меняли внешность. Для изменения внешности женщины-агентессы пользовались красками для волос или париками, а мужчины переодевались женщинами, чтобы ускользнуть от патрулей сил безопасности³².

Менахем Бегин, чья ненависть к англичанам была непримиримой, путешествовал под разными вымышленными именами, и после взрыва в гостинице «Царь Давид» он сумел ускользнуть от палестинской полиции, пообещавшей премию в две тысячи фунтов стерлингов за его голову, благодаря нескольким ловким переодеваниям. В ноябре 1946 г. палестинская полиция отправила тревожное донесение о том, что он может инкогнито ехать в Великобританию. В начале 1947 г. эта тревога достигла крайней степени, когда SIS отправила МИ-5 сообщение с предупреждением о том, что Бегин, как полагают, сделал себе пластическую операцию по изменению внешности, хотя, как гласило прозаичное заключение в его конце, «описания его нового лица у нас нет». Эта история вскоре просочилась в прессу, и в «Ньюс кроникл» появился заголовок «В Палестине охотятся за новым лицом», под которым далее саркастически отмечалось, что, хотя Бегин, возможно, и изменил свою внешность, вполне «вероятно, что плоскостопие и плохие зубы остались». Как оказалось, сообщения о пластической операции Бегина были неточными: они были вызваны путаницей в Управлении уголовных расследований Палестины при сравнении его фотопортретов. На самом деле Бегин не покидал Палестину, а отрастил бороду и замаскировался под раввина, прячась от полиции в тайной каморке в доме одного из своих друзей в Иерусалиме. Когда он согласился дать тайное интервью Артуру Кёстлеру, то оно проходило в затемненной комнате: Кёстлер тщетно пытался бороться с этим, сильно затягиваясь сигаретами в надежде на то, что испускаемый ими слабый свет позволит ему мельком увидеть внешность Бегина³³.

Ситуацию для МИ-5 еще больше усугублял тот факт, что члены Иргун и «банды Штерна», как известно, служили во время войны в вооруженных силах Великобритании. По иронии судьбы, некоторых из них обучали сотрудники Управления спецопераций и SIS, когда те проходили службу в элитном десантном подразделении Пальмах

еврейской военизированной организации Хагана. Подобно бывшим членам ряда других партизанских групп, которых англичане вооружали во время войны, вроде коммунистических отрядов в Малайе, Иргун и «банда Штерна» использовали свою подготовку для организации взрывов и ведения других полувоенных действий против своих бывших учителей. Донесения, ложившиеся на письменные столы руководства МИ-5 на протяжении лета 1946 г., предупреждали, что боевики Иргун и «банды Штерна», вполне вероятно, все еще служат в рядах британской армии и планируют использовать это как прикрытие для поездок в Великобританию. Таким образом, перед МИ-5 встала реальная возможность того, что террористы могут приехать в Великобританию в форме британских военнослужащих³⁴.

Антитеррористические меры МИ-5

Когда такие пугающие донесения стали приходить в ее лондонскую штаб-квартиру, МИ-5 разработала ряд мер для предотвращения распространения сионистского терроризма с Палестины на Великобританию. О них мало что известно, судя по документам, которые раньше были всеобщим достоянием, но, как мы можем теперь судить по собственным документам МИ-5, зачастую они были весьма продуманными. Передним краем ее антитеррористической обороны было то, что называлось «безопасность персонала», куда входили проверки биографических данных и тщательное изучение заявлений о выдаче визы для въезда в Великобританию. По рекомендации МИ-5, при поступлении заявлений о выдаче визы, поданных гражданами еврейской национальности с Ближнего Востока, в МИ-5 немедленно поступал телефонный звонок, и начиналась проверка по ее картотеке, прежде чем заявителям разрешался въезд. МИ-5 также провела ряд контрольных проверок приблизительно 7 тысяч евреев, служивших в рядах британских вооруженных сил, что привело к выявлению 40 человек, подозреваемых в сочувствии экстремистам, из которых 25 были уволены из вооруженных сил, а 15 – отправлены служить на Ближний Восток, где они представляли минимальную угрозу безопасности. Меры безопасности, принятые МИ-5, также включали усиленный контроль в портах и других пунктах въезда в Соединенное Королевство, в каждый из которых был отправлен составленный МИ-5 «Алфавитный указатель террористов», а Скотленд-Ярд, по рекомендации МИ-5, постепенно брал под свою защиту все больше ведущих политических и общественных деятелей и увеличил охрану Букингемского дворца. В октябре 1947 г. высокопоставленный офицер Управления уголовных расследований Палестины майор Джон О'Салливан поехал в Лондон и привез в МИ-5 микроплёнку, на которой были изображены люди, подозреваемые в терроризме; они тоже были добавлены в «Алфавитный указатель». Некоторые из этих фотоснимков являются в настоящее время нескрываемой гордостью бывших членов Иргун и «банды Штерна»³⁵.

Одновременно с принятием этих мер «безопасности персонала», предназначенных для того, чтобы препятствовать въезду террористов и

сочувствующих им людей в Великобританию, МИ-5 начала интенсивное наблюдение за экстремистскими сионистскими политическими группировками и отдельными людьми, которые в ней уже находились. Делая это, в МИ-5 предполагали, что агенты Иргун или «банды Штерна», которым удалось получить разрешение на въезд в Великобританию, в тот или иной момент вступят в контакт с этими организациями или лицами, и поэтому тщательное изучение их деятельности могло дать важную информацию для их отслеживания. В МИ-5 также полагали, что агенты могут вступить в контакт с отдельными представителями еврейской общины в Великобритании. Эти предположения оказались верными.

Чтобы собирать информацию о сионистских группах и отдельных лицах в Великобритании, МИ-5 использовала полный репертуар следственных методов, имевшихся в ее распоряжении. Главным в ведении следствия были ордера министерства внутренних дел (HOW), которые позволяли перехватывать корреспонденцию и телефонные разговоры. В послевоенные годы МИ-5 использовала HOW в отношении всех главных сионистских организаций в Великобритании – Еврейского агентства Палестины, Еврейского легиона, Еврейско-арабского легиона, Федерации еврейских трудящихся и Объединенной сионистской ревизионистской молодежной организации. Последняя вызывала у МИ-5 особенно большую тревогу. Некоторые ее члены выступали в местных еврейских клубах в Северном Лондоне с зажигательными речами против англичан, смешивая религию и политику. Другим источником беспокойства было лондонское ревизионистское печатное издание «Еврейская борьба», которое часто перепечатывало экстремистскую пропаганду Иргун в Палестине, называя англичан «нацистами» и вставая на сторону применения насилия. В МИ-5 опасались, что «Еврейская борьба» станет вербовочной платформой для будущих террористов в Великобритании. В декабре 1946 г. Алекс Келлар и юрисконсульт МИ-5 Бернارد Хилл встретились с главным прокурором и решили, что, хотя и нет достаточных доказательств для предъявления судебного иска, они официально предупредят редакцию «Еврейской борьбы» о том, что, если они будут продолжать публиковать материалы Иргун, их издание будет закрыто. Похоже, вскоре после этого «Еврейская борьба» перестала издаваться. МИ-5 могла с полным основанием утверждать,

что способствовала закрытию издания, которое разжигало ненависть и подпитывало терроризм в Великобритании³⁶.

Одной из экстремистских сионистских организаций, которая вызывала у МИ-5 наибольшую озабоченность, была молодежная группа в Стоук-Ньюингтон в Северном Лондоне, связанная с Объединенным сионистским ревизионистским молодежным движением и известная на иврите как Бетар. МИ-5 получила от министерства внутренних дел ордер на расследование деятельности ее штаб-квартиры, которое выявило ряд посетителей, занимающихся нелегальной покупкой оружия, а также показало, что Бетар – нечто гораздо большее, чем образовательная организация, на звание которой она претендовала. В то время как у нее по закону действительно имелся образовательный статус и ее члены получали знания по истории, географии и языкам Ближнего Востока, они также становились объектами пропаганды Иргун и «банды Штерна» и в некоторых случаях даже обучались рукопашному бою. Как отмечалось в донесении одного агента, Бетар на самом деле занималась ни много ни мало, а идеологической обработкой еврейской молодежи, промыванием ей мозгов, нацеливая ее на борьбу за создание суверенного еврейского государства в Палестине. В другом донесении утверждалось, что у этой группы есть поразительное сходство как по общему характеру, так и структуре с гитлерюгенд³⁷.

Эта аналогия не была такой нелепой, как могло показаться на первый взгляд. Недавние исследования показали, что некоторые первые вожди Иргун и «банды Штерна» находились под сильным влиянием недемократической идеологии – как фашистской, так и коммунистической – в Восточной Европе, откуда многие из них были родом. Идеология молодежных групп Бетар в Великобритании и Польше родилась в экстремистском правительстве Йозефа Пилсудского, существовавшего в Польше между двумя мировыми войнами, которое стремилось создать этнически чистое польское государство. Известно, что группы Бетар в Польше брали себе за образец молодежное фашистское движение Балилла в Италии, члены которых носили красно-коричневую форму, а не черные рубашки, как в Италии. Журналист Аба Ачимейр, опаленный опытом большевистской революции, вел на иврите колонку под названием «Из записной книжки фашиста». «Нам нужен Муссолини», – утверждал он, хотя и принял бы

что-нибудь вроде Шинн Фейн/ИРА. Перед войной некоторые немецкие сионисты-«ревизионисты» открыто называли себя «еврейскими черными рубашками» и ставили своей целью создание «еврейского фашистского» государства в Палестине. Во время войны «банда Штерна» даже стремилась к союзничеству со странами оси. В конце 1940 г., когда Великобритания отстаивала свое существование в битве за Англию, она предложила нацистам сотрудничать, наивно полагая, что Великобритания, а не гитлеровская Германия – главный враг еврейского народа. Когда итальянские и немецкие вооруженные силы продвигались по Египту и победа стран оси казалась уже в кармане, Штерн сделал такое же предложение Муссолини. Эти предложения ни к чему не привели, но они показывают, до какой степени Штерн ненавидел Великобританию³⁸.

В МИ-5 также оказались правы относительно идеологической обработки в Бетар. Одна из членов «банды Штерна» Геула Кохен, которая впоследствии стала членом парламента Израиля (кнессета), написала в своих воспоминаниях, что она впервые встала на сторону насилия (которое, по ее словам, является злом), будучи еще молодой женщиной в рядах Бетар в Палестине. И хотя Бетар в Великобритании не была закрыта, как рекомендовала МИ-5, ее члены находились под плотным наблюдением³⁹.

В начале 1947 г. МИ-5 раскрыла в Северном Лондоне группу, которая, по ее мнению, «планировала террористические вылазки в этой стране». Руководителями этой группы были не имевший гражданства директор компании российского происхождения Джоэл (Лео) Белла и его пособник Гарри Исаак Прессман – подданный Великобритании тоже российского происхождения, который управлял фирмой по производству химикатов в Стоук-Ньюингтон. МИ-5 выявила их благодаря прослушиванию телефонных разговоров и перехвату корреспонденции на основании ордера министерства внутренних дел в отношении Объединенной сионистской ревизионистской молодежной организации. По совету МИ-5 в июле 1947 г. особый отдел провел обыск на квартире Прессмана в Северном Лондоне, и в его запертом гараже были обнаружены террористическая литература, двадцать четыре ручные гранаты и двадцать четыре взрывателя. Несмотря на крепкие доказательства против него, МИ-5 не удалось возбудить судебное дело против Прессмана. Главная проблема была в том, что

МИ-5 получила информацию благодаря ордеру МВД, а это так же, как и в наши дни, – и нам это прекрасно знакомо – означало, что она не может быть принята в качестве доказательства в английском суде. Прессман утверждал, что снял этот гараж для неизвестного третьего лица и ничего не знал о найденном в нем оружии. В конечном счете ни Белла, ни Прессман не были преданы суду, но одному члену их группы Эрику Принцу пригрозили депортацией в Россию, и МИ-5 вместе с особым отделом держала их деятельность под плотным наблюдением⁴⁰.

Наблюдение МИ-5 за экстремистскими ревизионистскими организациями в Великобритании выявило, что некоторые их члены преувеличивали свою собственную значимость и способность проводить теракты. Однако, как отмечено во внутренних докладах МИ-5, самая большая угроза могла исходить не обязательно от ревизионистского мейнстрима, а от отдельных бунтарей, косвенно с ним связанных. Как предположил Алекс Келлар, проблема состояла в том, что «всегда существует возможность того, что какой-нибудь непредсказуемый акт насилия может быть совершен одним из их членов с горячей головой»⁴¹.

«Непредсказуемый акт насилия» и произошел. В августе 1948 г., после того как Великобритания фактически вышла из мандата по Палестине, двадцатитрехлетний еврей-бакалейщик из Олдгейта (Восточный Лондон) по имени Монте Харрис, сочувствующий Иргун и связанный с Еврейским легионом, взял на себя осуществление террористического акта в Великобритании – подрыв английских грузовиков и танков, возвращавшихся из Палестины. МИ-5, по-видимому, впервые узнала имя Харриса, когда оно появилось на посылке со взрывчатыми веществами, замаскированными под продукты питания, которая была послана из Соединенных Штатов сторонникам Иргун в Великобритании. В августе 1948 г. после трех недель интенсивной слежки, во время которой в какой-то момент сотрудникам Скотленд-Ярда пришлось переодеваться в специальную спортивную одежду, «ведя» Харриса на теннисный матч, особый отдел Скотленд-Ярда провел обыск в его запертом магазине в Олдгейте, в ходе которого были найдены двенадцать капсулей, сорок восемь футов бикфордова шнура, две дюжины детонаторов и достаточное количество ингредиентов для изготовления термитных зажигательных взрывчатых боеприпасов. По мнению руководства особого отдела, в Англии

началась бы «волна поджогов и диверсий», если бы Харриса не схватили. В октябре 1948 г. в Лондонском центральном уголовном суде он был приговорен к семи годам тюремного заключения, которое, как надеялся судья, послужит средством устрашения для желающих совершить террористические акты в будущем и сторонников политического насилия в Великобритании. Харрис вышел на свободу рано, в 1950 г., и сразу же переехал в Израиль. Но оказалось, что там против него возбуждено уголовное дело за прошлые «подвиги», и он в конечном счете осел в Ирландии⁴².

Опасные связи

В ходе своей антитеррористической деятельности МИ-5 получала ценную разведывательную информацию от других разведывательных служб Великобритании, а также местной полиции и агентств безопасности в Палестине. Она тесно сотрудничала с SIS, которая во время войны и непосредственно в послевоенные годы руководила региональным бюро на Ближнем Востоке, работавшим под прикрытием как Межведомственное управление связи (ISLD). МИ-5 также поддерживала связь со службой радиотехнической разведки (SIGINT) и GC&CS, которые – хотя документальных свидетельств мало – по-видимому, давали ей ценную разведывательную информацию для борьбы с терроризмом. С 1923 г. у сухопутных войск Великобритании была станция перехвата в Сарафанде (Палестина), и в 1944 г. директор GC&CS воздал должное «тесной связи GC&CS и Сарафанда». Ближневосточный отдел МИ-5 счел, что перехваченные SIGINT в годы войны сообщения сионистов оказали «существенную помощь», и, судя по документам МИ-5, в послевоенные годы GCHQ (Центр правительственной связи) – переименованная GC&CS – успешно расшифровывал большинство основных сионистских дипломатических сообщений, получивших кодовые названия – источники «Сливки», «Туман» и «Люттик». Также кажется вероятным, что GCHQ предоставлял разведывательную информацию о местонахождении радиопередатчиков Иргун и «банды Штерна». Одна из подпольных радиосток «банды Штерна» Геула Кохен позже описывала, как палестинская полиция застала ее врасплох и арестовала, когда она передавала сообщения. Ее местонахождение было раскрыто, вероятно, благодаря информации, предоставленной GCHQ, которая позволила засечь ее по сеансам связи, – этот процесс известен как пеленгация (D/F на разведывательном жаргоне)⁴³.

Другим главным источником разведывательной информации МИ-5 по борьбе с терроризмом в послевоенные годы были умеренные еврейские и сионистские группы, как в Палестине, так и в Великобритании. Она наладила тесные связи с организацией, официально несущей ответственность за представление пожеланий сионистов британскому правительству, – Еврейским агентством. На

самом деле политика МИ-6 в отношении Еврейского агентства была двойственной: МИ-5 сотрудничала с ним, но в то же время держала его под неусыпным наблюдением, ведя контроль телефонных разговоров и корреспонденции его Лондонской штаб-квартиры даже тогда, когда связывалась с его сотрудниками. Причина этого была в том, что, хотя МИ-5 и доверяла сотрудникам безопасности Агентства, она подозревала, что в его штат вообще могут входить сторонники Иргун и «банды Штерна». Готовность Агентства предоставлять англичанам разведанные на Иргун и «банду Штерна» показывает, до какой степени деятельность этих групп не поддерживало большинство еврейского населения Палестины – и этому, следует отметить, нет аналогий в современном арабском и исламистском терроризме. Взрыв в гостинице «Царь Давид» положил конец координированному еврейскому сопротивлению между Хаганой, Иргун и «бандой Штерна». Операция по осуществлению взрыва Иргун не была одобрена Хаганой, и поэтому после 1946 г. она передавала МИ-5 информацию об Иргун и «банде Штерна» и помогала английским сотрудникам службы безопасности выслеживать их⁴⁴.

В самой Палестине бывший депутат парламента от Консервативной партии, а теперь офицер по вопросам обороны и безопасности МИ-5 Генри Ханлоук, работавший в Иерусалиме в послевоенные годы, поддерживал тесную связь с сотрудниками Еврейского агентства и получал от них ценную разведывательную информацию, например, о людях, подозреваемых в террористической деятельности, которые нелегально въезжали или выезжали из Палестины. Одним из сотрудников Агентства, от которого получали разведывательную информацию для борьбы с терроризмом и МИ-5, и SIS, был Реувен Зислани, который работал в отделе внешней разведки Агентства. После 1948 г. Зислани поменял свою фамилию на Шилоах и стал первым начальником израильской службы внешней разведки – МОССАДа⁴⁵.

В своих попытках установить контакты с сотрудниками Еврейского агентства в Великобритании МИ-5 сначала предложила использовать одного из своих давних агентов с кодовым именем У-35: это был «Клоп» Устинов, отец драматурга сэра Питера Устинова, однако после некоторых размышлений было принято решение использовать других людей в качестве посредников или связных для

контактов с Агентством. Первый неофициальный контакт состоялся через одного из офицеров МИ-5 Энтони Симкинса, который позднее стал одним из соавторов Ф.Г. Хинсли при написании официальной истории британской разведки во Второй мировой войне. Затем был налажен постоянный канал связи через неназванного человека из британской военной разведки с кодовым именем «Скорпион». И хотя рассекреченная документация в настоящее время еще не полна, кажется вероятным, что представителем Еврейского агентства, который встречался со связным МИ-5 в Лондоне, был Тедди Коллек – впоследствии знаменитый мэр Иерусалима, который во время войны стал заместителем начальника отдела разведки Еврейского агентства. С января 1945 по май 1946 г. Коллек был старшим офицером внешней разведки Агентства в Иерусалиме и поддерживал регулярную связь с офицером по вопросам обороны и безопасности МИ-5 в Палестине Генри Ханлоуком и SIME, которым он передавал сведения о «планируемой террористической деятельности». Известно, что Коллек предоставлял МИ-5 разведывательные сведения о террористах в Палестине: например, в августе 1945 г. он раскрыл местонахождение секретного тренировочного лагеря боевиков Иргун неподалеку от Биньямины и сказал сотруднику МИ-5, что было бы «здорово совершить налет на это место». Предоставленная им информация привела к аресту двадцати семи боевиков Иргун, включая отца человека, который станет одним из членов кабинета министров Израиля⁴⁶.

Некоторые встречи, имевшие место в марте 1947 г. между сотрудником Еврейского агентства – возможно, Коллеком – и связным МИ-5 «Скорпионом», происходили в лучших ресторанах Лондона. Во время одной встречи подали обильный ужин из «устриц, утки и *petit pot de creme au chocolat*», а во время другой фигурировали джин и «роскошный ростбиф с кровью». Во время этих встреч была передана информация о боевиках Иргун и «банды Штерна», подозреваемых в намерении покинуть Палестину, имена которых МИ-5 внесла в «списки наблюдения», имеющиеся в портах и аэропортах. Несмотря на ценность этой информации, один из офицеров МИ-5 не мог не отметить, что у него начинали течь слюнки, когда он читал донесения «Скорпиона». В конце концов, это было время, когда в Англии царил строгая экономия, и хлеб продавали по карточкам⁴⁷.

«Человек-динамит»

Несмотря на все свои антитеррористические усилия, МИ-5 не удалось выявить нескольких агентов Иргун и «банды Штерна» в Великобритании. Ячейка «банды Штерна», изначально поставившая себе в качестве цели Великобританию, находилась во Франции. Ее возглавлял Яков Элиав, который родился в России, приехал в Палестину в 1917 г. и вступил в «банду Штерна» в 1935 г. По его собственным словам, Элиав «изобрел бомбу-письмо» и позже стал известен как «человек-динамит» по причине своего умения обращаться со взрывчатыми веществами. Именно он нес ответственность за рассылку серий писем со взрывчаткой из Италии членам кабинета министров Великобритании и другим деятелям, тесно связанным с Палестиной. Позднее Элиав будет отрицать, что он когда-либо был террористом, и после создания в 1948 г. Израиля будет применять свои знания о взрывчатых веществах в Силах обороны Израиля и высоко поднимется по карьерной лестнице в одном из их антитеррористических подразделений. В процессе карьерного роста он проявлял удивительную неспособность понять, что те подпольные группы, которым он навешивал ярлык террористических организаций, вроде Организации освобождения Палестины, считали себя борцами за свободу, каким считал себя и он до 1948 г.⁴⁸

В Париже в 1946 г., работая под псевдонимом «Яшка», Элиав завербовал двоих агентов для контрабанды взрывчатки в Великобританию. Первый из них, Жак Мартински, бывший участник французского Сопротивления, потерявший в войне ногу, придумал замечательную хитрость для контрабанды взрывчатки в Великобританию – спрятать гелигнит в его искусственной ноге. Однако когда 6 марта 1947 г. он попытался попасть в лондонский аэропорт, его отправили назад на основании того, что у него нет веских причин для въезда в Великобританию. Так как этот план сорвался, Элиав придумал другой. Он использовал другого своего агента, Роберта Мисрахи – студента Сорбонны и протеже Жана Поля Сартра, для контрабандного провоза взрывчатки в Великобританию в специальном пальто, в котором динамит был спрятан в подкладных плечах и других местах. Мисрахи проскользнул через британскую таможенную весной 1947 г., и

похоже, что МИ-5 так и не обнаружила его присутствие в стране. Именно Мисрахи оставил бомбу, которая взорвалась в Колониальном клубе 8 марта, и, возможно, он доставил взрывчатку для огромной бомбы, оставленной в министерстве по делам колоний 17 апреля 1947 г.⁴⁹

Бомба, заложенная в министерстве по делам колоний, которая не взорвалась из-за неисправности таймера, была пиком террористической операции, проведенной юной девушкой – агентессой Иргун Бетти Кнаут. Она была дочерью хорошо известного в Париже еврейского писателя Давида Кнаута – пылкая сионистка-«ревизионистка» и ученица Владимира Жаботинского – отца-основателя «ревизионистского» сионизма. Элиав выбрал и завербовал ее для своей главной операции в Великобритании, правильно угадав, что женщины с меньшей вероятностью, чем мужчины, привлекут к себе внимание и подвергнутся обыску на британской границе. Кнаут успешно проскользнула через английскую таможню 14 или 15 апреля 1947 г. и начала следить за своей целью из маленького гостиничного номера, который она сняла в Паддингтоне. Рано утром 17 апреля она освободила номер в гостинице и покинула ее, одетая в нарядный костюм и дорогое пальто. Она пошла на вокзал Виктория, где и оставила свои вещи в камере хранения. Ее план состоял в том, чтобы уехать из страны сразу же после того, как она оставит бомбу в нужном месте. Затем она отправилась к министерству по делам колоний на Уайтхолле, где, как и планировалось, она вежливо спросила охранника в приемной, нельзя ли ей воспользоваться туалетом. Сначала он отказал ей, но она его уговорила и прошла в туалет этажом ниже, где и оставила бомбу, состоявшую из двадцати четырех брикетов взрывчатки, обернутых в газеты «Ивнинг стандарт» и «Дейли телеграф». Затем она спокойно вышла из здания, по дороге вежливо поблагодарив охранника, и скрылась в уличной толпе. Она направилась прямо на вокзал Виктория, села в поезд, шедший на южное побережье, а там – на паром в Бельгию, на котором встретила с другим агентом, Яковом Элиасом, как и было условлено⁵⁰.

Бомбу в министерстве по делам колоний нашла уборщица, что привело к охоте на преступника по всей Европе. Для начала, похоже, ни у особого отдела, ни у МИ-5, ни у SIS не было никаких сколько-нибудь существенных ниточек. Но фортуна к ним переменялась 2 июня 1947 г.,

когда бельгийская полиция, получившая предупреждение от МИ-5, задержала Кнаут и Элиаса за подозрительное поведение на пограничном пункте проверки при попытке попасть из Бельгии во Францию. При обыске их вещей были обнаружены конверты, адресованные ряду британских чиновников, включая сэра Джона Шоу, а также детонаторы, батарейки и дистанционный взрыватель. Начальник особого отдела командер Леонард Берт отправился в Бельгию и послал в Лондон отпечатки пальцев Кнаут, где быстро установили их тождество с отпечатками, оставленными на бомбе в министерстве по делам колоний. Когда ее арестовали в Лондоне, на Кнаут был все тот же дорогой костюм, а в руках у нее была заметная сумочка, и все это подходило под описание молодой женщины, которая оставила бомбу в Лондоне. Отпечатки пальцев «Элиаса» установили его тождество с Яковом Левштейном – хорошо известным в Палестине боевиком, который был приговорен к пожизненному заключению в 1942 г., но бежал. Бельгийские власти в тесном сотрудничестве с МИ-5 и особым отделом Скотленд-Ярда приговорили Кнаут к одному году тюремного заключения, а Элиаса – к восьми месяцам. Позже на пресс-конференции в Тель-Авиве Кнаут выразила сожаление, что не смогла выполнить свою миссию по рассылке писем со взрывчаткой, которые у нее имелись⁵¹.

Другим агентом Элиава был Яков Герути, задачей которого в 1947 г. было использовать свою учебу в Лондонском университете как прикрытие для открытия в Великобритании «второго фронта». Как и в случае с Бетти Кнаут, Элиас обеспечил Герути материально-техническую поддержку и дал имена людей, сочувствующих их движению в Лондоне. И по-видимому, МИ-5 не выявила его как агента «банды Штерна» на протяжении его пребывания в Великобритании с октября 1947 г. по май 1948 г. Герути, который впоследствии стал в Израиле юристом и активистом правого толка, подробно описывает на иврите в своих недавно опубликованных воспоминаниях, как он вербовал в Великобритании еврейских сторонников в свою «ячейку». Он действовал, находясь в маленькой полуподвальной квартирке, расположенной в районе, где говорили на идиш, в Уайтчепеле (Восточный Лондон). Он получал финансирование от богатого еврея из Северного Лондона, имя которого он не раскрывает, но который, по имеющимся данным, потерял много родственников во время холокоста

и был фанатичным ревизионистом, державшим у себя в приемной бюст Жаботинского.

Путь, которым прошел Герути, прежде чем встретился со своим богатым спонсором, был замысловатым: через посредника он поместил пароль на выбранной странице информационного бюллетеня «Хамас», выпускаемого «бандой Штерна», который оба они затем произнесли друг другу: «Таким образом мы уменьшили риск привлечения внимания секретных агентов и тех, кто работал на британскую тайную полицию». Странники «банды Штерна» в Нью-Йорке снабжали Герути и его ячейку взрывчаткой, которую в одном случае провезли контрабандой в Великобританию внутри транзисторных приемников. В мае 1948 г., когда Британия выходила из Палестины, Герути доставил смертоносную бомбу в виде книги в дом под Бирмингемом, где жил с семьей бывший офицер войск особого назначения майор Рой Фарран, который участвовал в полувоенной тайной операции англичан в Палестине, где в 1947 г. был признан невиновным в убийстве молодого члена «банды Штерна», что было спорно. Бомбу, спрятанную в томике Шекспира, открыл брат Фаррана Рекс, абсолютно не связанный с Палестиной, – он был убит взрывом, который оказался таким мощным, что мелочь, лежавшая в карманах жертвы, оказалась в саду около дома, хотя – и это невероятно – домашняя кошка, которая тоже находилась в комнате, каким-то образом уцелела. Впоследствии Герути почти не проявил раскаяния, заметив, что убийство «было досадной неудачей, нам нужен был убийца, а не его брат». Пытаясь скрыться от возможных дальнейших нападений «банды Штерна», Рой Фарран переехал в Канаду, где надеялся прожить спокойную анонимную жизнь. Однако его старые враги вскоре обнаружили его место жительства. Каждый год до конца своей жизни он получал рождественскую открытку от «банды Штерна»⁵².

Есть веские основания предполагать, что помимо Герути в Великобритании действовали и другие нераскрытые боевики «банды Штерна». Бывший член банды описал, как начиная с 1946 г. он руководил «спящей» ячейкой на территории Великобритании, которая должна была быть задействована в случае, если создание Государства Израиль в 1948 г. пойдет в тупик. У его ячейки были инструкции от руководства в Палестине совершить ряд убийств высокопоставленных деятелей, таких как министр иностранных дел Эрнст Бевин, а также

осуществить взрывы на электро- и водопроводных сетях. Руководителями этой и других ячеек были евреи из Палестины, но оперативниками, непосредственно осуществлявшими теракты, должны были стать британские подданные еврейского происхождения, которые не были связаны с экстремистскими сионистскими группами, которые насторожили бы полицию и МИ-5. Они были «чистыми шкурами», если использовать антитеррористическую терминологию. Этот бывший член «банды Штерна» утверждал, что некоторые члены его ячейки впоследствии сделали успешную карьеру в Великобритании, и к ним не было принято никаких мер. Это наводит на мысль, что они оставались нераскрытыми, если только МИ-5 не играла в «долгую игру», оставляя их на своих местах, но следя за ними как можно дольше, чтобы собрать на них разведанные, что вполне возможно⁵³.

В добавление к «спящим» ячейкам есть некоторые факты, говорящие о том, что одна необнаруженная ячейка «банды Штерна» на самом деле планировала убить Бевина, как опасалась МИ-5, в обстоятельствах, словно сошедших со страниц романа Фредерика Форсайта «День Шакала». По крайней мере двое бывших членов «банды Штерна», действовавших в Лондоне, сказали, что они подошли вплотную к убийству Бевина, но были отозваны в последний момент своим руководством в Палестине в мае 1948 г., когда Британия начала выходить из мандата. Их первый план состоял в том, чтобы просто застрелить Бевина по дороге на работу, когда тот ехал «в большой черной машине, заметной издали, безо всякого сопровождения». Когда им это не удалось, они спланировали оставить взрывчатку по пути его следования. Один из агентов даже утверждал, что оставил бомбу, замаскированную под книгу, под сиденьем Бевина в палате общин, когда изображал из себя туриста, но она не взорвалась. Подтверждения этого рассказа ни в каком другом источнике нет, и по зрелом размышлении кажется, что некоторые так называемые заговоры против Бевина – иллюзорные, а предполагаемые убийцы впоследствии просто приукрашивали свою роль. Однако в обоих рассказах бывших агентов «банды Штерна» содержатся факты, которые можно подтвердить, такие как ограбление бандой банка «Барклайс» в Иерусалиме в 1947 г., и поэтому их нельзя совершенно не принимать в расчет. На самом деле у Иргун и «банды Штерна» почти наверняка

были нераскрытые агенты в Великобритании, которые замыслили террористические акты в сердце империи⁵⁴.

Международные спонсоры терроризма

По мере усиления угрозы терроризма в МИ-5 стали испытывать все больше беспокойства в отношении помощи Иргун и «банды Штерна» со стороны зарубежных групп и даже стран. МИ-5 не потребовалось проводить большую разыскную работу, чтобы обнаружить, что две группы получают техническую поддержку от ИРА. МИ-5 было известно, что один лидер ИРА, еврей по национальности, Роберт Брискоу, который также был депутатом парламента Ирландии, сионистом-ревизионистом и будущим мэром Дублина, оказывал поддержку Иргун, и в своих мемуарах он вспоминал, что помогал им как мог. Брискоу, который, по его собственным словам, «вел бы дела и с Гитлером, если бы это было на благо Ирландии», до войны несколько раз совершал поездки в Великобританию, где встречался с представителями Иргун. В своих воспоминаниях он написал, что назначил себя «профессором подрывных действий против Англии» и помогал Иргун построить свою организацию «по принципам ИРА». Для укрепления сотрудничества разведывательных ведомств по линии ИРА – Иргун – «банда Штерна» в октябре 1947 г.

МИ-5 отправила в Дублин одного своего офицера и офицера палестинской полиции майора Дж. О'Салливана, временно находившегося в Лондоне, с целью провести инструктаж по сионистскому терроризму. Они связались с ирландским Управлением уголовных расследований, которое вело слежку за Брискоу и передавало полученную информацию МИ-5⁵⁵.

Бывший главный раввин Ирландии Ицхак Герцог также открыто поддерживал и ирландско-республиканский, и сионистский терроризм. После эмиграции в Палестину в 1936 г. Герцог поднялся до, вероятно, самой высокой должности в мире еврейской религии: он стал главным раввином Палестины. Офицер по вопросам обороны и безопасности МИ-5 в Палестине и палестинская полиция, очевидно, пристально следили за деятельностью раввина Герцога. Инкапсулируя трения, существовавшие между умеренными и экстремистами как в Палестине, так и в Ирландии, один из сыновей Герцога, Хаим, осуждал тайный сговор своего отца с террористами. Хаим Герцог служил в британской военной разведке в день высадки союзных войск в Нормандии, затем

участвовал в создании израильской разведывательной службы и в конечном счете стал президентом Израиля⁵⁶.

Позиция, которую заняло правительство США по Палестине и особенно по положению американцев еврейского происхождения, иногда мешало МИ-5 добиваться сотрудничества от американских властей по вопросам сионистского терроризма. На 22-м Сионистском конгрессе, проходившем в 1943 г., Хаим Вайцман подверг критике американских сионистов за поддержку «сопротивления» в Тель-Авиве из комфортного и безопасного Нью-Йорка. Растущее чувство враждебности, которое многие еврей-американцы испытывали к Великобритании после войны, с успехом изобразил Бен Хект в своей пьесе «Рождение флага», которая шла на Бродвее в сентябре 1946 г. Пьеса была злобно-антибританской, в ней играли самые известные актеры, включая Пола Муни и молодого Марлона Брандо. Позднее Хект написал открытое «Письмо террористам Палестины», опубликованное в «Нью-Йорк таймс», в котором он заявлял: «Всякий раз, когда вы взрываете английский склад оружия, или английскую тюрьму, или железную дорогу, или грабите английский банк, или обращаете свое оружие и бомбы против английских предателей и оккупантов вашей родины, американские евреи устраивают в своей душе небольшой праздник»⁵⁷.

Недвусмысленная поддержка американской администрацией сионистских устремлений была одним из главных факторов, которые привели правительство Великобритании в феврале 1947 г. к решению передать вопрос о Палестине в ведение ООН. В частности, МИ-5 было известно, что некоторые экстремистские сионистские группы в США, такие как Группа Бергсона и Еврейский комитет за освобождение Палестины, предоставляют финансовую и материально-техническую поддержку Иргун и «банде Штерна» (взрывчатку и боеприпасы иногда посылали в Великобританию в продуктовых посылках). МИ-5 установила полезные рабочие отношения с американской военной разведкой (G-2) в оккупированных зонах Европы по вопросам скрытой миграции евреев в Палестину и сионистского терроризма, но в целом отношения между английской и американской разведками по вопросам сионизма были непростыми. В марте 1948 г. в Объединенном центре разведывательных служб (JCS) отметили, что, хотя там и не верят в существование значительной доли сионистов внутри недавно

созданного ЦРУ, доклады ЛС по Палестине неизбежно будут вызывать споры в Вашингтоне, и их следует передавать только директору ЦРУ лично. В ЛС также порекомендовали, чтобы другие доклады британской разведки по вопросам, связанным с сионизмом, подвергались цензуре, прежде чем будут переданы американским властям. Тем временем в ходе операции «Золото», проводимой разведкой американских ВМС, шел перехват сообщений контрабандистов – торговцев оружием, но его результатами американцы с англичанами не делились, и Вашингтон не принял к ним никаких мер⁵⁸.

Один из немногих способов получить сотрудничество ФБР по вопросам, связанным с сионизмом, состоял в том, чтобы подчеркивать связи многих выдающихся сионистских деятелей с коммунизмом и Советским Союзом. В МИ-5 полагали, что несколько членов Иргун и «банды Штерна» попали в Палестину с помощью советской разведки. Менахем Бегин и Натан Фридман-Еллин – главарь «банды Штерна» были польского происхождения, и в МИ-5 справедливо подозревали, что Советы помогли им «спастись» в Палестине во время войны. Некоторые сионистские лидеры были за сотрудничество с Советским Союзом, включая начальника безопасности Еврейского агентства в Палестине Моше Снеха, который был в курсе – если не принимал активное участие в осуществлении – взрыва гостиницы «Царь Давид». Подозрения МИ-5 подтвердило последующее расследование, которое показывает, что в некоторых случаях «банда Штерна» обращалась к Москве за помощью⁵⁹.

Это делает участие Кима Филби в расследованиях SIS случаев сионистского терроризма еще более интересным. Положение Филби на посту начальника отдела 9 в SIS – у Советов это контрразведка – позволяло ему проявлять законный интерес к Ближнему Востоку, который он также, вероятно, унаследовал от своего отца – известного арабиста Гарри Сен-Джона Филби. Во время войны Сен-Джон Филби безуспешно пытался заключить сделку по разделу Палестины – это был так называемый «план Филби». Тайные планы Кима Филби в расследованиях SIS сионистских замыслов трудно определить. 9 июля 1946 г. SIS распространили на Уайтхолле отчет, в котором говорилось, что Иргун планирует предпринять «кровавую акцию» в отношении дипломатической миссии Великобритании в Бейруте. Почти наверняка

это было неточное предупреждение о взрыве гостиницы «Царь Давид», который произошел двумя неделями позже. Именно Филби распространил этот отчет. Однако у Филби было меньше мотивов саботировать расследования британских спецслужб в отношении сионистских террористов, чем в других областях. Без сомнения, он втайне приветствовал бы террористическую кампанию, развернувшуюся в рамках британского мандата в Палестине, как подрывающую Британскую империю, но, когда в послевоенные годы он работал по делам сионистов для SIS – ну и для КГБ, – политика Советского Союза в отношении Палестины еще не сложилась. Москва изначально поддерживала создание Государства Израиль в надежде на то, что это будет шип в бок «империалистического» Запада. И Советский Союз был первой страной в мире, который признал Израиль, когда он был создан в мае 1948 г. Но Сталин просчитался: за последующие годы Израиль построил особые отношения с США, а не с Советским Союзом, и в последние годы жизни перед смертью в 1953 г. Сталин был поглощен теориями антисемитского заговора.

К этому времени Филби уже не работал по сионистским делам для SIS, а значит, не работал и на КГБ. При отсутствии материалов из все еще закрытых архивов КГБ точная роль Филби в сионистских делах должна оставаться темой для размышлений. Тем не менее Москве, безусловно, было бы интересно через него узнать, что Лондон подозревал Советы в причастности к сионистскому терроризму⁶⁰.

«Нелегальная» иммиграция евреев

Наряду с антитеррористическими операциями в Великобритании в послевоенные годы ее разведывательные службы также давали оценку и противодействовали «нелегальной» иммиграции евреев в Палестину. Фактически МИ-5 и SIS способствовали формированию ответа британского правительства на эту иммиграцию. В 1939 г. была введена система квот, которая ограничивала число еврейских иммигрантов в Палестину до 7500 человек в год. Иммиграцию сверх этого количества британское правительство называло «нелегальной». Тогда, как и теперь, «нелегальная иммиграция» была термином, полным разногласий; и между политиками-сионистами и британским правительством бушевали о ней яростные споры. Роль МИ-5 состояла в том, чтобы не оспаривать нравственный и законный аспекты иммиграции евреев в Палестину, а предоставлять для Уайтхолла объективные оценки ее последствий для безопасности. Несмотря на попытки МИ-5 сформулировать хладнокровные и объективные суждения, насущных гуманитарных аспектов этой проблемы было не избежать – если читать современные отчеты, то дела обстоят по-прежнему. Донесения, приходившие в МИ-5 от SIME, подробно описывали отчаянное положение еврейских беженцев, приезжавших в Палестину, многие из которых пережили холокост. Попытки Великобритании помешать въезду этих беженцев в Палестину приводили к ужасным случаям. Один из самых известных таких случаев произошел в июле 1947 г., когда переоборудованный паром «Президент Варфилд», переименованный в «Исход 1947», который вез еврейских беженцев в Палестину из Франции, был взят на abordаж Королевским ВМФ. Этому яростно сопротивлялись как пассажиры, так и команда, что привело к трем жертвам. Затем британские власти зачем-то пересадили пассажиров на три корабля и отправили многих из них назад в британскую зону оккупации в Германии. Когда они в конечном итоге прибыли в порт Гамбурга, некоторые были настолько слабы, что их пришлось нести на берег. Еврейское агентство быстро увидело, как можно в пропагандистских целях воспользоваться инцидентом с «Исходом», который вскоре стал символом всеобщей борьбы за

иммиграцию евреев в Палестину (*Aliyah Bet*): мировая пресса приклеила к этому судну ярлык «плавающий Освенцим»⁶¹.

При составлении оценок «нелегальной» иммиграции евреев в Палестину МИ-5 работала в тесном сотрудничестве с британскими и зарубежными правительственными организациями, включая палестинскую полицию и власти союзников в оккупированных зонах Европы. В сентябре 1946 г. МИ-5 отправила офицера связи в Европу с целью произвести впечатление на местных сотрудников службы безопасности и полицейских, сообщив им о последствиях для безопасности Великобритании, которыми чревата скрытая миграция еврейских беженцев из Европы в Палестину. МИ-5 доказывала, что, пока еврейская миграция из Европы в Палестину остается неконтролируемой и нелегальной, будет существовать риск несчастных случаев или даже смертельных исходов. В 1940 г. произошел ужасающий случай, когда элитный отряд Хаганы Пальмах попытался вывести из строя французский лайнер «Патриа», который вез еврейских беженцев в Палестину, но которых англичане хотели депортировать на Маврикий. Однако они использовали слишком много взрывчатки, в результате чего корабль затонул за пятнадцать минут вместе с 250 пассажирами.

Основываясь на информации, предоставленной властями союзников в Европе, в августе 1946 г. МИ-5 подсчитала, что по всей Европе разбросаны около 350 тысяч еврейских беженцев в качестве «перемещенных лиц» (DP). Многие из тех, кто выжил во время фашистской оккупации и впоследствии столкнулся с насаждением Советским Союзом коммунизма в Восточной Европе, желали отправиться в Палестину. МИ-5 выяснила, что, в то время как «нелегальная» иммиграция организовывалась главным образом через разведывательный отдел Хаганы (*Mossad le Aliyah Bet*), агентства союзников по оказанию помощи пострадавшим, такие как Агентство по оказанию гуманитарной помощи и восстановлению при Организации Объединенных Наций, оказывали ей пассивную поддержку, если не активную помощь⁶².

Общий прогноз МИ-5 сводился к тому, что массовая иммиграция евреев в Палестину почти наверняка вызовет гражданскую войну между евреями и арабами, угроза которой возникала во время Арабского восстания в 1930-х гг. Данные радиотехнической разведки,

предоставленные GCHQ, выявили резкое противодействие в соседних арабских государствах, особенно Египте, нарастающей иммиграции евреев в Палестину, а также то, что эти государства были готовы применить силу, чтобы помешать ей. Главной стратегией, разработанной британскими властями с целью предотвратить «нелегальную» иммиграцию, был перехват кораблей с беженцами. На Кипре были организованы центры временного содержания для размещения перехваченных беженцев, которые затем получали разрешение на въезд в Палестину по квоте. Однако это была другая катастрофа в области связей с общественностью для британского правительства, критики которого обвиняли его в организации «концлагерей по типу фашистских». Англичане также депортировали несколько боевиков Иргун и «банды Штерна» в лагеря временного содержания в Эритрее, что опять вызвало заявления, будто они ничуть не лучше фашистов. Такая критика иногда исходила с неожиданной стороны, в частности от заместителя министра по делам колоний Траффорда Смита, который для себя делал в отчаянии заметки: «Очевидная истина, на которую мы столь плотно закрываем глаза, состоит в том, что в этой чрезвычайной ситуации с лагерями временного содержания мы вынимаем страницу из книги нацистов и повторяем знакомую ошибку, что цель оправдывает средства (особенно когда средства служат текущей целесообразности). Мы полны решимости покончить с терроризмом, а раз мы не можем найти лучшие средства, мы принимаем меры, которые по сути своей ошибочны, а так как их последствия очевидны всему миру, то они подвергают нас законной и неоспоримой критике»⁶³.

Вместо того чтобы применять плохо продуманные и приводящие к обратным результатам меры по депортации и задержанию еврейских беженцев, МИ-5 порекомендовала кабинету министров и начальникам штабов сосредоточить усилия на предотвращении «нелегальной» иммиграции на корню. С помощью SIS МИ-5 выявила ряд южноамериканских и греческих судовых компаний, которые фрахтовали суда для еврейских беженцев, и министерство иностранных дел смогло оказать давление на правительства этих стран с целью помешать компаниям, зарегистрированным в этих странах, заниматься такой практикой. Летом 1947 г. ЛС, который изучил вопрос нелегальной иммиграции в ряде случаев в 1946 и 1947 гг., пришел к выводу, что

меры по предотвращению иммиграции на корню оказались действенными. Общий успех британских контрмер был отмечен в докладе МИ-5, в котором говорилось, что к 1948 г. «только один из около тридцати кораблей, которые перевозили нелегальных иммигрантов, достиг пункта своего назначения»⁶⁴.

Пока МИ-5 делала прогнозы и принимала участие в оборонительных мероприятиях по противодействию неограниченной миграции евреев в Палестину, другие разведывательные службы Великобритании пытались активно влиять на сокращение потока мигрантов. Вскоре после конца войны в 1945 г. Управление по планированию дезинформаций (LCS), получившее новое название «Комитет Холлиса», разработало планы по заданию неправильного направления движения кораблям, везущим еврейских беженцев в Палестину. По-видимому, эти планы не привели к большим успехам, но вскоре SIS уже занималась планированием более продуманных – и жестоких – операций. В феврале 1947 г. она осуществила операцию «прямого действия», получившую подходящее название «Препятствие». Была набрана небольшая команда, состоявшая главным образом из бывших служащих Управления спецопераций, которые должны были прикреплять магнитные взрывные устройства к судам, перевозившим беженцев, и выводить их из строя еще до отплытия. Летом 1947 г. такая команда заминировала пять кораблей в итальянских портах, предварительно проверив, что на борту никого нет. Тем не менее, если бы операция «Препятствие» стала бы достоянием гласности, тот факт, что агенты SOE минируют суда с людьми, пережившими холокост, имел бы катастрофические последствия для правительства Великобритании. На самом деле SIS планировала заминировать «Исход 1947», но в последний момент возникли препятствия. Некоторые офицеры SIS позднее говорили, что, если бы им разрешили осуществить «прямую акцию» на «Исходе 1947», правительство было бы избавлено от затруднительного положения в результате последовавшего инцидента⁶⁵.

Операция «Препятствие» на этом не закончилась. Когда некоторые мины были обнаружены, SIS свалила все сначала на выдуманную группу арабских оппозиционеров под названием «Защитники арабской Палестины», а затем на советское правительство. В ее распоряжении оказались пишущие машинки, которыми пользовались диссидентские

арабские группировки и советские власти, и она их использовала, чтобы напечатать письма, впутывающие в это дело и тех и других, которые затем были осторожно «запущены» на Уайтхолл. Следующее ухищрение SIS состояло в том, чтобы создать видимость, будто британское правительство использует поток еврейских беженцев с целью вывезти своих собственных агентов из Европы, надеясь тем самым заставить Советы перекрыть поток мигрантов в Палестину. SIS попыталась таким образом обмануть не только еврейских беженцев, арабские оппозиционные группировки и советское правительство, но и само правительство Великобритании. Короче, напустила много туману⁶⁶.

Политика Великобритании по ограничению иммиграции евреев в Палестину – и открытой, и нелегальной – была окружена разногласиями и негодованием. Однако это было симптомом гораздо более глубокой проблемы, которая подрывала власть Великобритании в Палестине: Великобритания столкнулась с разнообразными противоречивыми требованиями в отношении будущего своего мандата, которые выдвигали евреи, арабы и мировое общественное мнение вообще. В начале 1946 г. был назначен Англо-американский комитет по изучению этого вопроса с целью урегулировать ситуацию в Палестине, но, несмотря на все усилия его членов, которые в апреле 1946 г. порекомендовали найти такой компромисс, чтобы ни евреи не главенствовали над арабами в Палестине, ни арабы – над евреями, заключение комитета не было принято ни теми ни другими. К сентябрю 1947 г. Объединенный центр разведывательных служб в Лондоне уже рисовал для правительства Великобритании мрачную картину будущего мандата, делая вывод, что любое решение окажется неприемлемым либо для евреев, либо для арабов. Великобритания оказалась в ситуации, которая быстро становилась неуправляемой. В 1947 г. в Палестине находилось 100 тысяч солдат – одна десятая личного состава всех вооруженных сил Британской империи, и эту финансовую ношу Лондон не мог себе позволить⁶⁷.

МИ-5 достигла значительно большего успеха в борьбе с сионистским терроризмом в Великобритании, чем английские военные или полиция – в самой Палестине. В Палестине Британия проиграла войну, которую вела разведка. Такие исследователи, как Брюс Хоффман и Дэвид Чартерс, показали, что, несмотря на непомерное военное

присутствие Великобритании в Палестине, когда на каждом углу, согласно мандату, стоял полицейский, ее вооруженные силы были не способны сохранять там мир. У британских военных в Палестине был перевес сил 20: 1 над своими врагами, который был значительно выше, чем в других ситуациях по подавлению восстаний (в Малайе соотношение было 5: 1), но тем не менее это не принесло им успеха в Палестине, как в Малайе. В значительной степени это произошло потому, что английская армия в Палестине полагалась на устаревшую тактику по подавлению восстаний. В то время усилия армии – которые все еще называют «поддержанием порядка в империи» – едва ли вообще опирались на какую-то доктрину, а ее тактика включала боевое построение в колонну, сметающее все, и вовлечение в бой врага, а также установление оцепления и проведение обысков. Такая тактика была эффективной во время Арабского восстания перед Второй мировой войной, но это восстание происходило преимущественно в сельской местности при поддержке большинства населения, среди которого войска мятежников воевали в отчетливо различимых боевых порядках. Это было диаметрально противоположно той борьбе, которую в послевоенные годы вели Иргун и «банда Штерна»: это был главным образом «городской» бунт, и их боевики не вступали в открытые боевые действия с английскими войсками, часто маскировались и смешивались с толпой. В отличие от довоенного Арабского восстания мятежные действия Иргун и «банды Штерна» не поддерживались большинством местного населения.

Ответ от начальников штабов Великобритании поступил в мае 1945 г., когда война в Европе закончилась, и заключался он в отправке в Палестину 6-й воздушно-десантной дивизии, но применение ею устаревшей тактики имело катастрофические последствия. Коллективные наказания, комендантский час, оцепления, обыски и военное положение были эффективны во время Арабского восстания, которое было массовым бунтом, но в послевоенные годы (военное положение было объявлено в Тель-Авиве и еврейской части Иерусалима в марте 1947 г.) они вызвали ненужные трудности и лишь восстановили против себя еврейское население – именно тех людей, которых англичане должны были обеспечивать разведданными. Антитеррористическая политика Великобритании в Палестине таким образом быстро привела к обратным результатам⁶⁸.

Главной причиной провала разведки в Палестине была потрясающая неспособность координировать свои действия. Существовало несметное число организаций, собиравших разведывательную информацию в рамках мандата, от МИ-5, SIS и GCHQ до палестинской полиции и ее Управления уголовных расследований, а также разведывательного управления самой британской армии. Такое большое количество ведомств, пытающихся собирать разведданные, приводило к получению лишь малого количества стоящей информации; к тому же они не спешили делиться ею друг с другом. Ни одному из них, по-видимому, не удалось проникнуть ни в Иргун, ни в «банду Штерна» и внедрить туда своих агентов. С одной стороны, причиной этого была плотно контролируемая «ячеечная» структура этих двух групп, а с другой – это было вызвано низким уровнем подготовки и вербовки со стороны английских агентств. Ни палестинская полиция, ни МИ-5, ни любое другое английское разведывательное агентство не приложило никаких существенных усилий к тому, чтобы завербовать людей, говорящих на иврите. Единственного полицейского, которому удалось проникнуть в «банду Штерна», ее члены выявили и казнили в 1944 г. После этого Иргун и «банда Штерна» взяли курс на выявление и уничтожение офицеров, занимающихся борьбой с терроризмом, в палестинском Управлении уголовных расследований, МИ-5 и SIS. Пятеро агентов, взятых на работу МИ-5 из числа местных, погибли в гостинице «Царь Давид», а в сентябре 1946 г. налетчики из «банды Штерна» убили офицера SIS, работавшего в Палестине, майора Дорана, бросив гранату ему на балкон. Годами позже Менахем Бегин мог на законных основаниях тайно торжествовать, потому что он победил в «столкновении умов» с англичанами в Палестине⁶⁹.

Так как уровень оперативной разведки был низок, британские вооруженные силы все больше прибегали к насилию. Некоторые офицеры во время допросов подвергали взятых в плен членов Иргун и «банды Штерна» физическим и психологическим пыткам. Но нет подтвержденных данных о том, что Морис Олдфилд – будущий начальник SIS, который в то время работал в британской военной (армейской) разведке, «охотно говорил об их избиениях и макании людей головой в ведро с водой» – картина, которая, безусловно, не соответствует характеру Олдфилда (каким он фигурирует в

многочисленных документах) как спокойного, воздержанного человека, ученого-медиевиста, который увереннее себя чувствовал в оксфордской библиотеке, чем на войне, где много стреляют. Возможно, он был прототипом знаменитого героя романа Джона Ле Карре Джорджа Смайли. В то время как некоторые меры «третьей степени», которые английские служащие применяли к пленным членам Иргун и «банды Штерна», возможно, были результатом плохой подготовки, мстостью за нападения на коллег или простой мстительностью, в действиях Великобритании по борьбе с терроризмом в Палестине крылась в гораздо большей степени структурная и системная проблема, которая порождала неконтролируемое насилие. Ею были действия английских тайных полувоенных формирований.

В феврале 1947 г. бригадир Бернард Фергюссон, старший офицер полиции в Палестине, который служил вместе с генералом Ордом Вингейтом в тылу врага в Бирме, создал новый тип военизированного подразделения для борьбы с Иргун и «бандой Штерна» на их собственных условиях. Это подразделение состояло в основном из бывших служащих парашютно-десантных войск особого назначения и Управления спецопераций. Их тактика состояла в том, чтобы выдавать себя за членов Иргун или «банды Штерна», собирать на них информацию, а потом их арестовывать и уничтожать. Это подразделение называло свои операции «Q-патрулирование» по названию, которое давали замаскированным торговым судам, топившим в годы Первой мировой войны немецкие подводные лодки. Во главе одной из таких тайных групп стоял майор Рой Фарран, отбравший людей «с еврейской внешностью», которые после нескольких недель, проведенных на солнце, становились смуглыми и могли сойти за членов террористических организаций⁷⁰.

Многие операции тайного подразделения Фаррана остаются неясными. Однако в мае 1947 г. он оказался замешанным в убийство шестнадцатилетнего еврея – приверженца «банды Штерна» Александра Рубовица, который был увезен на такси, и больше его никто не видел. Было много косвенных улик в пользу участия в этом Фаррана – на месте действия была найдена его шляпа, – и впоследствии он даже подписал признание в том, что совершил это преступление. Несмотря на имевшиеся против него улики, местный суд оправдал его по всем пунктам. Когда приговор был оглашен, в Палестине поднялся

справедливый гнев. Члены «банды Штерна» поклялись выследить Фаррана и убить его. В конце концов они послали ему домой в Англию бомбу в письме, от взрыва которой погиб его брат. Для британской администрации в Палестине этот случай был катастрофой для связей с общественностью. Неудивительно, что многие люди поверили, что тут имеет место укрывательство. Недавно проведенное расследование пришло к такому же выводу. Безусловно, от этого дела за версту несло укрывательством, но на самом деле существовал узкий вопрос права, давший основания для оправдания Фаррана: признание, которое он подписал, не было подкреплено клятвой, и было неясно, под каким давлением он подписал его; тело Рубовица так и не было найдено, что затрудняло – если это вообще было возможно – доказательство того, что он был убит. Однако такие нюансы произвели мало впечатления на еврейскую общину в Палестине. Приговор подлил масла в огонь их недовольства британской администрацией⁷¹.

Дело Рубовица имело последствия, которые выходили за рамки личной трагедии, связанной с убийством еврейского юноши в Палестине и убийством в отместку брата Фаррана в Англии. Такие виды полувоенных операций, в которых участвовал Фарран, на деле были катализаторами эскалации насилия. Военизированные отряды вроде его подразделения были верным средством накликать беду – междоусобицу, нападения с целью мести и не относящиеся к делу убийства бунтовщиков и подозреваемых в связях с ними, с которыми почти наверняка можно было бы справиться с помощью обычных военных операций или в суде. Как мы увидим, британские вооруженные силы использовали аналогичные «псевдобанды» и «группы захвата» для ведения «грязных» войн на закате империи в ряде других чрезвычайных ситуаций – в Малайе, Кении и на Кипре. Сторонники таких военизированных подразделений утверждают, что это был главный способ борьбы с бунтовщиками, но на самом деле, находясь вне централизованного контроля, они обладали неограниченными возможностями жестоко обращаться с заключенными и осуществлять внесудебное «правосудие». Тайные подразделения привели к разгулу неконтролируемого насилия⁷².

Терроризм был одной из причин, по которой британское правительство в 1947 г. решило отказаться от контроля над Палестиной – хотя это была не единственная причина, как впоследствии

утверждали некоторые члены Иргун и «банды Штерна». Неприятный урок, который извлекли другие, более поздние агрессивные группировки из истории Палестины, состоял в том, что терроризм может заставить правительства изменить свою политику. Общественное мнение в Великобритании по отношению к мандату было подорвано такими событиями, как жестокое убийство из мести боевиками Иргун двух английских сержантов Клиффа Мартина и Мервина Пейса неподалеку от Натании в июле 1947 г. Их тела, найденные висящими на дереве в эвкалиптовой роще, были заминированы, и еще один солдат получил тяжелое ранение, когда их снимали. Гнев англичан в связи с казнью двух сержантов вскоре вышел из-под контроля: из бронированного полицейского автомобиля была брошена граната в полное посетителей кафе в Тель-Авиве, убившая четырех евреев. Другая бронированная полицейская машина врезалась в еврейскую похоронную процессию; и полицейские открыли огонь по переполненному людьми автобусу и ряду такси.

Так Палестина попала в порочный круг насилия и ответов на насилие: когда британские солдаты били евреев, Иргун захватывала английских должностных лиц и платила им тем же. Когда британские солдаты сталкивались с минами-ловушками и придорожными минами, взрываемыми при помощи электронных устройств, они эвакуировали гражданское население, из-за чего подвергались насмешкам за трусость. Некоторые британские официальные лица поняли, что пора уходить из Палестины, когда обнаружили, что их враждебность по отношению к террористам-сионистам начинает распространяться на евреев вообще – точно так же, как позже многие израильтяне будут подозревать в терроризме всех арабов. Как заметил один колониальный чиновник Айвен Ллойд Филлипс: «Пора мне уезжать из Палестины. Я никогда не сочувствовал стремлениям сионистов, но теперь у меня быстро нарастают анти-еврейские настроения в моем подходе к этой трудной проблеме, и я смотрю на события с растущей (и это реальное чувство) личной антипатией»⁷³.

В феврале 1947 г. правительство Великобритании решило передать вопрос о Палестине в ООН, и 14 мая 1948 г. Великобритания официально начала выход из мандата. На пресс – конференции в последний день пребывания ее у власти главе британской администрации сэру Генри Гёрни был задан вопрос: «А кому вы

оставите ключи от своего кабинета?» – на который он ответил: «Никому. Я оставлю их под ковриком у двери». И хотя этот рассказ, вероятно, сомнительный, он прекрасно иллюстрирует позорное бегство Великобритании из Палестины. Последний верховный комиссар в Палестине сэр Алан Каннигем совершил недостойный поступок в обстановке нарастающего насилия, уехав из Иерусалима в бронированном «роллс-ройсе» «Даймлер» с пуленепробиваемыми стеклами толщиной один дюйм, который изначально был собран для короля Георга VI во времена бомбежек Лондона⁷⁴.

Даже когда английские официальные лица уезжали из страны, становились явью самые худшие опасения МИ-5 в отношении безопасности в Палестине: ускоренная неограниченной иммиграцией евреев, между евреями и арабами началась открытая война. Арабо-израильская война 1948 г., известная израильтянам как Война за независимость, а арабам – как *al-Nakbah*, катастрофа, привела к огромному потоку беженцев. Как сказал Менахем Бегин: «Британские чиновники предсказывали, что после их ухода начнется война между арабами и евреями. Они угадали». Арабские боевики увечили тела евреев, демонстрируя пригоршни отрубленных пальцев, и провозили обезглавленные тела по Священному городу. В деревне Дейр-Яссин 9 апреля 1948 г. Иргун и «банда Штерна» убили более 250 арабов – гражданских лиц. Даже первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион говорил об «этнической чистке». К концу 1948 г. ООН проголосовала за разделение Палестины. В результате Израиль при сильной поддержке правительства США стал еврейским государством, а не просто родиной для евреев. Последствия этого преследуют палестинцев до сегодняшнего дня. В общей сложности около 750 тысяч арабов бежали или были изгнаны из нового Государства Израиль⁷⁵.

В противовес ожиданиям, деятельность Иргун и «банды Штерна» против англичан не прекратилась, когда те официально ушли из Палестины. Бомба «банды Штерна», предназначенная Рою Фаррану в Англии и убившая его ни в чем не повинного брата, взорвалась в начале мая 1948 г., когда Великобритания готовилась выйти из мандата. В октябре того же года МИ-5 получила надежные разведданные о том, что вслед за убийством представителя ООН в Палестине графа Фольке Бернадота «банда Штерна» планирует послать группы боевиков в Париж с целью убийства членов Генеральной Ассамблеи ООН,

которые, по их мнению, «продались» за минималистские сионистские устремления. В 1952 г. Менахем Бегин стал участником заговора с целью убийства первого послевоенного канцлера Западной Германии Конрада Аденауэра с помощью бомбы-книги из-за вопроса о репарациях Германии за военные преступления нацистов. В конечном счете Израилю было предоставлено иметь дело с Иргун и «бандой Штерна». После 1948 г. Израильское государство унаследовало много проблем в области безопасности, с которыми еще раньше сталкивались англичане, и приняло на вооружение многие из тех методов ее обеспечения, которые те разработали в Палестине. Некоторые положения английского «чрезвычайного законодательства» остались без изменений в израильских сводах законов, и на них часто ссылались как на основу для уничтожения израильянами собственности, коллективных наказаний и конфискации земель в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан⁷⁶.

Глава 4

Ответный удар империи: секретные службы Великобритании и имперская безопасность в начале холодной войны

Путь к победе революции на Западе лежит через революционный союз с освободительными движениями колоний и зависимых территорий против империализма.

Иосиф Сталин¹

Деколонизация Великобритании, в отличие от ее главного соперника Франции, началась тогда, когда пришло время организованно выходить из империи. Одной из самых важных особенностей того, как правительство Великобритании готовилось (и смягчило) к окончанию колониального правления, была разведка. В годы, непосредственно последовавшие за 1945 г., когда отношения Запада с Советским Союзом стали ухудшаться, секретные службы Великобритании, особенно МИ-5, приступили к масштабному проекту по реформированию системы безопасности британских колоний, которая должна была отвечать потребностям нарастающей холодной войны. В течение последующих двух десятилетий офицеры МИ-5 помогали реформировать службы безопасности на местах, обучали служащих колониальных разведок и назначали офицеров связи по вопросам безопасности (SLO) в каждой крупной британской колонии и на зависимой территории, которые получили независимость в послевоенные годы. Без существенных исключений этих офицеров SLO новые национальные правительства просили оставаться в своих странах после обретения ими независимости, и те поддерживали тесную связь с новыми правительствами. В нескольких случаях вопросы разведки на самом деле формировали политику деколонизации.

Для того чтобы оценить связь между эскалацией холодной войны, с одной стороны, и закатом Британской империи – с другой, важно понимать, насколько поворотными были 1947 и 1948 гг. для геополитических стратегических соображений. Эти два года стали свидетелями быстрого развития борьбы в рамках холодной войны между Западом и Советским Союзом, а также первого существенного поражения имперской власти Великобритании, когда ее империя в Азии развалилась. В 1947 г. произошел срыв встречи западных и советского министров иностранных дел в Москве – событие, которое явно показало холод в отношениях между Москвой и Западом. В тот же год Великобритания приняла решение производить свое собственное ядерное оружие («с кровавым Юнион Джеком, развевающимся над ним»), как громогласно заявил министр иностранных дел Эрнест Бевин); Сталин принял решение создать новый Коммунистический Интернационал – Коминформ, который должен был заменить Коминтерн, формально распущенный во время войны; США развили доктрину сдерживания мирового коммунизма, если нужно – силой, впервые провозглашенную послом США в Москве Джорджем Кеннаном и впоследствии проведенную в жизнь в виде двойной политики Вашингтона сдерживания и восстановления послевоенной Европы – доктрины Трумэна и плана Маршалла. В 1948 г. произошел захват власти коммунистами в Чехословакии, знаменитая переброска по воздуху английских, французских и американских вооруженных сил к заблокированному Советами городу Берлину и принятие договоров о коллективной безопасности в Европе и Советском Союзе, которые разделили мир на два вооруженных лагеря, которым придали законную силу Варшавский договор и Североатлантический союз (НАТО).

В то же самое время в 1947 и 1948 гг. произошло существенное понижение положения Великобритании как имперской державы, когда она потеряла жемчужину своей имперской короны – Индию, Бирму и Цейлон. Это в сочетании с решением уйти из Палестины было беспрецедентным: до этого никогда еще не происходило делегирования власти целому подконтиненту. Британия лишилась трех четвертей всех подданных своей империи с утратой своего господства в Индии, которое произошло в полночь с 14 на 15 августа 1947 г. «одним росчерком пера в мгновение ока», как выразился представитель Индийской политической разведки в Лондоне (PI). Черчилль назвал

неорганизованную эвакуацию Великобритании из Индии операцией «Бегство».

И хотя есть искушение видеть в независимости Индии провозглашение «конца Британской империи», это было бы неточным: в то время даже самые агрессивные антиколониальные движения, например в колониях вроде Золотого Берега (нынешняя Гана), вели кампанию не за полную независимость от Великобритании, а за «самоуправление», которое означало больший контроль над своими внутренними делами. Важно оценить, что правительство Великобритании никогда не формулировало общего плана, как ослабить контроль над своими колониями: это была не заранее спланированная политика, проводимая как неизбежное движение к концу империи и обретению Великобританией статуса малой державы. Вместо этого за два десятилетия после 1945 г. министерство по делам колоний Великобритании – особенно при двух великих «ликвидаторах империи» Иане Маклеоде и Дункане Сандисе – и сами колониальные правительства дали прагматичный ответ на события, которые часто были совершенно за пределами их власти. Будучи далекой от процесса, тщательно разработанного на Уайтхолле и в столицах британских колоний, деколонизация на самом деле являла собой кризис управления для британских чиновников. Тайные агентства Великобритании могли обеспечить политиков, попадающих в один антиколониальный кризис за другим, ценной информацией о ситуациях, с которыми они сталкивались.

Один момент более чем какой-либо другой влиял на дискуссии, проходившие на Уайтхолле по этим важным событиям: страх того, что если Великобритания слишком быстро уйдет из своих колоний, создастся вакуум власти, который быстро займет Советский Союз. Правительства Великобритании и других западных стран опасались, что по мере углубления холодной войны Советский Союз будет оказывать влияние на те страны, которые стали обретать независимость от Великобритании, и красный цвет колоний на картах имперской Великобритании сменится на красный коммунистический цвет. Этот страх усилился, когда в 1949 г. коммунисты победили в Китае, а в 1950 г. разразилась корейская война. Эти опасения были ясно сформулированы летом 1946 г. Объединенным комитетом начальников штабов Великобритании, когда они обсуждали неизбежный отказ от

власти в Индии. После этого он стал периодически повторяющейся темой².

С момента свершения большевистской революции 1917 г. Советский Союз представлял собой стратегическую угрозу для Британской империи. Как мы уже видели, Ленин назвал империализм высшей формой капитализма. Поэтому было логичным, что коммунисты будут пытаться уничтожить колониальную власть Великобритании – одно из самых явных проявлений западного «капитализма» и «империализма». А Сталин провозгласил, что путь Советского Союза к победе на Западе состоит в подрыве и критике колониального правления. Ленин и Сталин считали колонии мягким подбрюшьем империализма, доступной мишенью и идеальной основой для экспорта всемирной пролетарской революции.

Страхи Великобритании, без сомнения, усиливало прошлое представителей ее разведывательных служб, которые, как мы уже упоминали в главе 1, состояли в основном из офицеров, начавших свою карьеру в империи, особенно в Индии, где понятия Большой Игры XIX в. с Россией умирали тяжело. Фактически холодная война с Советским Союзом у Великобритании началась в десятилетия, последовавшие за 1917 г. Рассматриваемая под этим углом зрения послевоенная борьба Великобритании с Советской Россией была частью гораздо более длительного конфликта в XX в., который был прерван Второй мировой войной. Во многих отношениях холодная война стала возвратом к довоенным проблемам Великобритании. После 1945 г. перед правительством Великобритании и ее союзниками встал задача бороться с «новыми» формами подрывной деятельности Советского Союза, укрепляя уязвимые остатки старого колониализма. Серьезные стратегические опасения в отношении угрозы, которую представлял собой для Великобритании Советский Союз, подтвердились в 1939 г., когда один из высокопоставленных представителей НКВД (КГБ) в Европе Уолтер Кривицкий переметнулся на Запад. На ряде совершенно секретных встреч с представителями МИ-5 и SIS в Лондоне в начале 1940 г. Кривицкий объяснил, что тщательно спланированная политика Москвы состоит в том, чтобы поддерживать антиколониальные «освободительные» движения в Британской империи, и что КГБ, если пользоваться его терминологией, принимал «действенные меры» к освобождению колониальных народов

от оков имперского правления Запада. И в таком контексте, в условиях эскалации холодной войны, разведывательные службы Великобритании играли главную роль при ее выходе из своих колониальных владений: по сравнению с любыми другими государственными департаментами они имели больше возможностей оценить угрозу, которую представлял собой коммунизм в колониях, стремившихся к независимости от Великобритании³.

Шпионские скандалы: в Великобритании начинается холодная война

В самой Великобритании начало холодной войны проявилось в серии шпионских скандалов. Эти скандалы, в ходе которых были разоблачены советские шпионы в самом сердце британского разведывательного истеблишмента, оказали серьезное воздействие на меры безопасности, принятые в стране и по всей ее империи. Как мы уже видели во второй главе, событием, которое положило начало холодной войне, было бегство советского шифровальщика Игоря Гузенко в Канаду в сентябре 1945 г. Предоставленная им информация раскрыла, что английский ученый-атомщик доктор Алан Нанн Мэй, работавший над Манхэттенским проектом – совершенно засекреченным проектом союзников во время войны, цель которого состояла в создании первого в мире атомного оружия в Лос-Аламосе (Нью-Мексико), работал на советскую разведку. Это разоблачение упало как бомба на правительства западных стран и их разведывательные службы, в частности МИ-5, которая отвечала за проверку благонадежности Нанна Мэя во время войны⁴.

Вслед за информацией о Нанне Мэе МИ-5 начала в отношении его интенсивное расследование, в ходе которого в один прекрасный день в октябре 1945 г. офицеры службы поджидали его, когда он придет на назначенную встречу у Британского музея со своим советским куратором. Однако Нанн Мэй так и не появился, почти наверняка благодаря Киму Филби, который знал о слежке МИ-5 благодаря своему положению в 9-м отделе SIS и предупредил его, чтобы тот не ходил на эту встречу. Ухватившись за последнюю надежду, МИ-5 в феврале 1950 г. подключила к работе своего мастера по проведению допросов и «ловца шпионов» Уильяма «Джима» Скардона – бывшего офицера особого отдела и специалиста-почерковеда, который обладал удивительной способностью заставлять говорить даже самых упорствующих субъектов. Его тактика в отношении Нанна Мэя представляла собой сочетание дружеского отношения к ученому, завоевания его доверия и блефа: он говорил ему, что улики против него масса, что ему следует «во всем сознаться» и признать свою вину. На

самом же деле – и Скардон знал это – без признания Нанна Мэя у МИ-5 не было достаточно фактов для его судебного преследования. 20 февраля 1946 г. Нанн Мэй полностью признался в своей работе на советскую разведку. Позже он был предан суду и приговорен к десяти годам тюремного заключения за нарушение закона «О государственной тайне» от 1921 г.⁵

Но еще худшее ожидало британскую разведку впереди. Ближе к концу войны американские военные дешифровщики (при помощи коллег из Правительственной школы кодов и шифров) начали расшифровывать некоторые советские сообщения высокого уровня, которые шли из Северной Америки в Москву и обратно (американское и английское правительства дали им кодовое название «Венона»). Расшифровки «Веноны», которые в общей сложности составили около трех тысяч советских дипломатических сообщений, раскрыли шокирующую степень проникновения советской разведки по обеим сторонам Атлантики. Они выявили, что свыше двухсот американцев работали на советскую разведку в годы войны и после нее, и в каждом департаменте администрации Франклина Рузвельта в военные годы действовали советские шпионы. «Венона» была, вероятно, самым крупным источником информации для правительств западных стран о советской шпионской сети за все годы холодной войны – таким засекреченным, что о его существовании стало известно широкой общественности лишь в 1995 г. после распада Советского Союза. Личность некоторых советских шпионов, упоминаемых в «Веноне», так и не была установлена никогда⁶.

В Соединенных Штатах информацию, предоставленную «Веноной», иногда использовали весьма сомнительным образом, как в пресловутом деле ФБР против Юлиуса и Этель Розенберг, которые были осуждены и казнены за работу на советскую разведку в 1953 г. И хотя ФБР не могло обнаружить это в то время, большая часть его информации против Розенбергов была получена из расшифровок «Веноны», которые предоставили убедительные доказательства их шпионской деятельности, – но это не оправдывает их казнь на электрическом стуле в тюрьме Синг-Синг. Некоторые свидетели сообщали, что Этель Розенберг умерла лишь после повторных электрошоков, в результате которых от ее головы пошел дым⁷.

Один из самых значимых советских шпионов, раскрытых благодаря «Веноне», носил кодовое имя «Чарльз». Его личность была установлена в сентябре 1949 г.: он работал над Манхэттенским проектом. Точно так же, как и Алан Нанн Мэй, своим советским кураторам он передавал чрезвычайно важную информацию о том, как построить атомную бомбу, включая «полные технические чертежи» и расчеты. Благодаря тщательному сбору косвенных доказательств в отношении агента «Чарльза» из расшифровок «Веноны» МИ-5 установила его личность: им был немецкий эмигрант, ученый доктор Клаус Фукс, который в Манхэттенском проекте занимался теоретическими расчетами, имевшими отношение к расщеплению ядра атома и «методу внутреннего взрыва», применяемого в плутониевой бомбе. К несчастью для МИ-5, во время войны она выдала ему свидетельство об отсутствии каких-либо заболеваний, провела в отношении его проверку и подтвердила его надежность, прежде чем он получил доступ к британскому атомному проекту, носившему кодовое название «Сплавы для пусковой установки», а затем и более серьезному Манхэттенскому проекту. Документы МИ-5 того времени демонстрируют, что некоторые офицеры, отвечавшие за проверку Фукса в отделе С МИ-5, скептически относились к его лояльности, но факты, имевшиеся в его деле и свидетельствовавшие против него, были отрывочными – свидетельство неполноценности процедуры «выявления нежелательных связей» в плане его работы на советскую разведку. Что еще хуже, после войны МИ-5 снова подтвердила надежность Фукса для совершенно секретной работы на этот раз в британском ядерном исследовательском центре в Харвелле (Оксфордшир), где он и работал, когда был разоблачен благодаря расшифровкам «Веноны». И хотя будет, наверное, преувеличением называть Фукса «человеком, который дал Советскому Союзу бомбу», как это сделал руководитель ФБР Дж. Эдгар Гувер и некоторые представители британской прессы, когда это дело стало достоянием гласности, без сомнения, советские ученые-атомщики во многом использовали предоставленную им техническую информацию главным образом для того, чтобы подтвердить свои собственные исследования⁸.

Проблема МИ-5 состояла в том, что она не могла представить расшифровки «Веноны» в качестве доказательства против Фукса в суде. Как и в настоящее время, перехваченные радиотехнической разведкой

материалы не допускались в качестве доказательства в английских судах, а это означало, что МИ-5 должна была либо поймать Фукса с поличным, либо получить от него признание. Отдел В МИ-5 начал в отношении его интенсивное расследование, которое не обнаружило ничего, кроме возможной любовной связи с женой другого ведущего ученого в Харвелле Герберта Скиннера и того факта, что Фукс плохо управлял автомобилем. Причина, по которой МИ-5 не удалось получить каких-либо доказательств его шпионской деятельности, состояла в том, как позднее признался Фукс, что к этому времени он перестал уже работать на советскую разведку. Отчаяние МИ-5 росло, и в декабре 1949 г. она снова решила подключить к работе своего специалиста по допросам Джима Скардона. Он умело расположил к себе Фукса в нескольких неофициальных беседах в Харвелле, которые иногда проходили за обедом в близлежащих пабах. В ходе этих бесед он ловко заставил Фукса признать свою вину. Скардон заставил Фукса поверить, что если тот признается, то по-прежнему останется преподавать в университете, хотя и знал, что это невозможно⁹.

Фукс подписал полное признание 24 января 1950 г. «под значительным моральным давлением» и был предан суду за нарушение закона «О государственной тайне» от 1921 г. На слушании дела при закрытых дверях в Центральном уголовном суде Олд-Бейли, которое заняло всего полтора часа, судья лорд Годдард приговорил его к максимально возможному сроку заключения – четырнадцати годам. Атмосферу паранойи, которая окружала дело Фукса в Великобритании, передал фильм, снятый в то время братьями Баултинг, «Семь дней до полудня» (1950), в котором фигурировал офицер особого отдела, приблизительно срисованный со Скардона, который лихорадочно пытался выследить обезумевшего ученого-атомщика. Фукс был выпущен из тюрьмы за хорошее поведение в 1959 г. и переехал в Восточную Германию, где получил орден «За заслуги перед Отечеством» и продолжал свои ядерные исследования вплоть до своей смерти в 1988 г.¹⁰

Дело Фукса не было последним делом, которое раскрыло недостатки британской разведки. В конце 1940-х гг. расшифровки «Веноны» обнаружили советского агента под кодовым именем «Гомер», действовавшего в высших эшелонах правительства Великобритании. В ходе тщательного отсева, основанного на подробностях, почерпнутых

из расшифровок «Веноны», в апреле 1951 г. МИ-5 в конечном счете вычислила «Гомера», который оказался Дональдом Маклином – высокопоставленным выпускником Кембриджа, работавшим в министерстве иностранных дел. Это был первый шаг, который в конце концов привел к разоблачению группы из пяти «кембриджских шпионов», проникших в секретные службы Великобритании в годы войны. Год 1951 стал *annus horribilis* (ужасный год. – *Лат.*) для британской разведки, в течение которого Уайтхолл узнал о самых тяжелых случаях проникновения советской разведки в Великобританию за весь XX в. В мае того года Маклин и его коллега – кембриджский агент Гай Берджесс переметнулись на сторону Советского Союза, оставив позади себя разрушительный след и улики, указывающие на их коллег-шпионов. Подозрение вскоре пало на их близкого друга из Кембриджа Энтони Бланта, который во время войны служил в МИ-5, какое-то время будучи заместителем начальника отдела В в МИ-5 Гая Лиддела, в дневнике которого часто фигурирует Блант, который «забегает и выбегает» из его кабинета, получая, без сомнения, информацию, которую затем он передавал своим советским кураторам.

Блант представлял собой английский истеблишмент в миниатюре: выпускник Тринити-колледжа Кембриджского университета, блестящий историк, директор Института искусств Куртольда в Лондоне и оценщик королевских картин. С 1951 г. МИ-5 вела в отношении его длительное расследование, но он отказался признаваться, что означало: у МИ-5 снова нет достаточных доказательств, чтобы преследовать его в судебном порядке. В 1963 г. подозрения МИ-5 в отношении Бланта подтвердил американский коммунист Майкл Стрейт, который знал его в годы учебы в Тринити-колледже, и на следующий год Блант – тогда сэр Энтони – признал свою вину. Его освободили от судебного преследования в обмен на сотрудничество с МИ-5 и участие в ее дальнейших контрразведывательных расследованиях. Более десяти лет спустя журналист Эндрю Бойл публично разоблачил его как советского шпиона в своей книге «Атмосфера измены» (1979) – факт, который впоследствии подтвердила Маргарет Тэтчер в палате общин, после чего Блант был лишен всех своих наград. В воспоминаниях, вышедших в свет в июле 2009 г. – через 26 лет после его смерти, Блант назвал свою шпионскую деятельность в пользу Советского Союза «величайшей

ошибкой» своей жизни и написал, что после своего разоблачения он несколько раз подумывал о самоубийстве¹¹.

Вслед за изменой Берджесса и Маклина подозрение вскоре пало на их близкого друга по Кембриджу Кима Филби. В то время Филби был руководителем базы SIS в Вашингтоне (округ Колумбия) и отвечал за связь с ЦРУ, считаясь внутри SIS будущим начальником службы. Филби был немедленно отозван в Лондон и допрошен SIS и МИ-5, но, зная, что он не может быть предан суду без признания вины, отказался его делать. Он также использовал физический недостаток своей речи – заикание, чтобы сбить темп допросов и выбить из колеи допрашивавших его людей, среди которых был юрисконсульт МИ-5 Хеленус «Выбивальщик» Мильмо – барристер, получивший свое прозвище благодаря способности «выбивать» признание у тех, кого подвергал перекрестному допросу. Филби ушел в отставку из SIS в 1951 г. и избрал себе карьеру журналиста на Ближнем Востоке, занимаясь написанием статей для журнала «Экономист» и газеты «Обсервер», хотя возможно, что он продолжал неофициально работать на свою службу. В конце концов в 1963 г. из Бейрута он переметнулся в Советский Союз, оставив позади себя след разрушений и подозрений.

Личность недостающего «пятого члена» кембриджской шпионской сети смущала и временами мучила британскую разведку более трех десятилетий после измены Берджесса и Маклина. В 1987 г. в так называемом «деле ловца шпионов» группа теоретиков подрывных заговоров под руководством бывшего офицера МИ-5 изменника Питера Райта и журналиста Чепмана Пинчера обвинила – среди прочих – генерального директора МИ-5 Роджера Холлиса в том, что он и есть недостающий «пятый человек». Однако нет никаких доказательств в поддержку этого утверждения в советских архивах, по оценке двух перебежчиков на Запад из КГБ Олега Гордиевского и Василия Митрохина или в архивах, которые видели перебежчики из советской военной разведки (ГРУ). Личность пятого кембриджского агента была раскрыта в 1990 г. Гордиевским: им был Джон Кернкросс – еще один выпускник Тринити-колледжа, завербованный КГБ в 1930-х гг. Кернкросс поступил на работу в министерство иностранных дел перед войной, а во время ее он работал в SIS и Блетчли-парке. Оттуда он передал большой объем совершенно секретной информации Советскому Союзу, включая секрет «Ультра» и самый большой

военный секрет союзников – Манхэттенский проект. Кернкросс, наименее известный из кембриджских шпионов, на самом деле был одним из самых вредоносных агентов в советской шпионской сети¹².

«Особые отношения»

Эти впечатляющие шпионские скандалы оказали глубокое влияние на международную политику и привели не только к охлаждению отношений между правительствами западных стран и Советским Союзом, но и серьезно ухудшили отношения между самими западными странами, особенно между Лондоном и Вашингтоном. Разоблачение кембриджских шпионов было минусом в истории британской разведки, и 1950-е гг. стали периодом, известным в SIS как «припадок белой горячки». Так называемые особые отношения между правительствами Великобритании и США, означавшие беспрецедентное совместное использование разведывательной информации в мирное время, натянулись до предела прочности.

Одной из областей самого тесного сотрудничества между Лондоном и Вашингтоном была радиотехническая разведка. После создания в 1952 г. в правительстве США агентства по ведению радиотехнической разведки – Агентства национальной безопасности (АНБ) – агентство по ведению радиотехнической разведки Великобритании – Центр правительственной связи (ЦПС), в который была переименована после 1945 г. Правительственная школа кодов и шифров, получило от него значительное финансирование. Тесное сотрудничество между АНБ и ЦПС наладилось будто бы отчасти потому, что для АНБ было незаконным перехватывать сообщения американских граждан и бизнес-сообщения, но для ЦПС таких запретов не существовало. Это означало, что АНБ могло получать перехваченные американские сообщения от ЦПС, не нарушая американский закон. АНБ построило свои собственные станции радиоперехвата в Великобритании, например в Чиксендсе (Бедфордшир), и к началу 1950-х гг. все британские и американские разведывательные службы начали обмениваться офицерами связи. Некоторые бывшие офицеры ЦПС вспоминали, что в годы холодной войны (и, очевидно, по сей день) в штаб-квартире АНБ в Мэриленде (Вирджиния) существовал особый отдел, в котором работали сотрудники ЦПС – это что-то уникальное в сотрудничестве разведок западных союзников в годы холодной войны, – и над дверью этого отдела даже красовалась королевская эмблема – кусочек

Великобритании в сердце американской разведки. Отношения разведок Вашингтона и Лондона укреплял тот факт, что многие ведущие американские разведчики начинали свою карьеру, служа в годы войны в Управлении стратегических служб (УСС) и о своих британских коллегах тех времен отзывались с долей почтения. Сотрудник УСС в Лондоне по связям с британской разведкой Эрнест Кьюнео позже откровенно заметил: «Англичане научили нас всему, что мы знаем, но не всему, что *они* знали». Несмотря на необычно тесное сотрудничество, развившееся между Лондоном и Вашингтоном за годы, последовавшие после 1945 г., когда началась холодная война, отношения между разведками двух столиц начинались с гораздо менее тесных или особых, чем их изображали впоследствии пропагандисты. Что важно: в 1946 г. первый постоянный офицер МИ-5 связи по вопросам безопасности, посланный в Вашингтон, Ричард «Чертополох» Систлтвейт и его преемник Джеффри Паттерсон не имели неограниченного доступа к ФБР, как их коллеги на аналогичной работе – к МИ-5 в Лондоне¹³.

Идея особых отношений появилась в 1950-х гг., что важно, благодаря Черчиллю после его избрания премьер-министром в октябре 1951 г., в основном для того, чтобы заделать трещины, образовавшиеся в отношениях между Вашингтоном и Лондоном непосредственно в послевоенные годы. Черчилль же и развил это понятие, чтобы укрепить позицию Великобритании в мире, которая к середине 1950-х гг. начала ослабевать. Так как в послевоенные годы Лондон и Вашингтон не были близкими партнерами, то связь между их разведками оказалась почти полностью разорванной. Вслед за переходом на сторону Запада Гузенко в сентябре 1945 г. и последовавшим за этим открытием, что Алан Нанн Мэй вовлечен в шпионскую работу, Соединенные Штаты предприняли решительный шаг, приняв в 1946 г. закон Макмахона, который запрещал любому департаменту американского правительства делиться разведанными по созданию ядерного оружия с любой иностранной державой. Закон Макмахона вызвал панику на Уайтхолле, и администрация США недвусмысленно объяснила представителям британской разведки, что не будет делиться этой информацией до тех пор, пока Великобритания не повысит уровень безопасности в своих самых секретных департаментах. Правительство Великобритании

приступило к тщательной проверке всего аппарата безопасности, вся ответственность за которую легла на плечи сотрудников МИ-5¹⁴.

В мае 1947 г. как непосредственный результат давления со стороны Вашингтона премьер-министр Клемент Эттли учредил совершенно секретный «комитет по подрывной деятельности», известный как GEN-183, названный так по обозначению секретариата кабинета министров. Этот комитет, в который входили избранные члены кабинета министров, высокопоставленные гражданские служащие и новый генеральный директор МИ-5 сэр Перси Силлитоу, должен был решать вопросы, связанные с проникновением людей, ведущих подрывную деятельность, в секретные департаменты британского правительства. В этом комитете всегда речь шла о «людях, ведущих подрывную деятельность», хотя его внимание было на самом деле сконцентрировано исключительно на коммунистах, а не на людях, занимающихся подрывной деятельностью вообще. Один из главных вопросов, который должен был решить этот комитет, состоял в том, следует ли вводить «проверку на благонадежность» (что означало всестороннее изучение того или иного человека) в общую проверку при приеме на работу в секретных департаментах, как рекомендовал Вашингтон. В противоположность тому, что мы можем предположить, главной силой, противодействовавшей введению проверки на благонадежность, была МИ-5, а не сам комитет: лейбористское правительство Эттли проявило себя большим «ястребом» в отношении расширенных проверок в интересах безопасности, чем МИ-5. Таким образом, создалась любопытная ситуация, когда социалистическое лейбористское правительство, традиционно враждебно относившееся к идее «полицейского государства», выступало в защиту повышенного и навязчивого наблюдения за гражданами, в то время как секретная служба была против него.

Причина сопротивления введению проверки на благонадежность со стороны МИ-5 была сугубо практической: у нее не было ресурсов для ее проведения. Как сказал Силлитоу комитету GEN-183, в совершенном мире МИ-5 будет первой, кто порекомендует ввести проверку на благонадежность для всех кандидатов на правительственные должности, связанные с государственными секретами, как самый эффективный способ охраны этих секретов. Однако реальность такова, что штаты МИ-5 столь малочисленны, а

финансирование столь скудное (в 1947 г. у нее было менее ста служащих), что если ей будет предписано заниматься проверками на благонадежность, то все другие расследования просто останутся и служба превратится не более чем в проверяющий орган.

В результате сопротивления МИ-5 комитет GEN-183 принял решение, что единственный выход из положения – делать упор на выявление нежелательных связей при проверках и надеяться, что архивов МИ-5 окажется достаточно, чтобы засечь советских шпионов. В послевоенные годы картотека МИ-5 содержала 250 тысяч карточек людей, имевших связи с коммунистами, – это означало, что у нее была информация, имевшая отношение к деятельности коммунистов, приблизительно на одного человека из каждых двухсот среди жителей Великобритании. Члены комитета надеялись, что сеть МИ-5 будет заброшена с достаточным охватом, чтобы поймать советских шпионов.

Вся архитектура безопасности на Уайтхолле была снова тщательно проверена после разоблачения Клауса Фукса в 1949 г. и кембриджской шпионской сети в 1951 г., что привело к неприятному открытию: «выявления нежелательных связей» недостаточно. В результате еще большего давления со стороны Вашингтона вслед за этими скандалами Эттли, а затем новое правительство Черчилля наконец приняли решение ввести проверку на благонадежность и обеспечили МИ-5 дополнительными сотрудниками для ее проведения. После этого использование проверок на благонадежность так сильно расширилось, что за три десятилетия после их начала целых 68 тысяч гражданских служащих прошли проверку на благонадежность. Как показал политический комментатор и историк Питер Хеннесси, успех комитета GEN-183 состоял в том, что, несмотря на огромное политическое давление, которое он испытывал временами, он никогда не прибегал к слишком резким ответным действиям, как в США при сенаторе Джозефе Маккарти. Вместо того чтобы предавать гласности имена и позорить людей, подозреваемых в коммунистических взглядах, в правительственных департаментах, МИ-5 и комитет просто тихо убирали их из тех мест, где они представляли собой опасность, и ставили на должности, не связанные с государственной тайной, в правительственном аппарате.

Введение проверки на благонадежность имело далеко идущие последствия, которые постоянно меняли характер работы на Уайтхолле.

Новые строгие проверки МИ-5 означали, что должности на гражданской службе уже было невозможно давать кандидатам на них просто потому, что они из «правильного» общественного круга. Кембриджские шпионы разрушили миф о том, что джентльмены, получившие образование в лучших школах и университетах, не могут быть предателями. Начиная с 1950-х гг. все претенденты на должности, связанные с государственной тайной в правительстве Великобритании, независимо от их происхождения должны были пройти все те же проверки на благонадежность¹⁵.

Особые отношения между разведками Лондона и Вашингтона имели значительные последствия для принятия мер по внутренней безопасности не только в Великобритании, но и во всей ее империи. Британская колониальная империя ставила Лондон в чрезвычайно неловкое положение перед ее ближайшим союзником США. Ей отчаянно нужно было сохранить поддержку Соединенных Штатов – по финансовым и военным причинам, а также для проведения ядерных исследований, – но в то же время в департаментах Уайтхолла остро воспринимали публичную критику «колониализма» со стороны американцев. Главный принцип «Атлантической хартии», подписанной Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 г., определившей их цели во Второй мировой войне, состоял в том, что США не будут поддерживать Британскую империю или другие формы колониального правления после войны. Послевоенное экономическое урегулирование, при котором Вашингтон, по сути, выплатил долги Великобритании, сделанные в годы войны, путем крупных займов, составивших 3,75 млрд долларов, означало, что правительство США может в значительной степени определять судьбу Британской империи. И хотя Черчилль, как известно, в своей речи в Мэншн-Хаус (официальная резиденция лорд-мэра лондонского Сити. – *Пер.*) в ноябре 1942 г. утверждал, что он не стал первым министром короля, чтобы возглавить ликвидацию Британской империи, на самом деле, подписавшись на американские займы, он стал не только архитектором победы Великобритании в войне, но и в значительной степени причиной заката ее империи. Правительство Великобритании удачно заложило свою империю; проблема была в том, что в послевоенный период его кредиторы в Вашингтоне потребовали заключить контракт нового рода¹⁶.

Колониальная безопасность: передний край холодной войны

Именно особые в части разведки отношения между Лондоном и Вашингтоном определяли безопасность британских колоний в начале холодной войны. Давление со стороны Вашингтона подтолкнуло Лондон к пересмотру и совершенствованию системы безопасности в самой Великобритании и проведению серьезной реформы системы колониальной безопасности по всей империи. В МИ-5 быстро оценили, что колониальная безопасность будет играть существенную роль и станет передним краем холодной войны. Сэр Перси Силлитоу в своих мемуарах вспоминал, что переметнувшийся в Канаду в сентябре 1945 г. Игорь Гузенко побудил МИ-5 взглянуть на вопрос подрывной деятельности Советского Союза в Британской империи: «Разоблачение шпионской группы в Канаде, которое непосредственно предшествовало моему назначению, заставило департамент [МИ-5] отчетливее, чем раньше, осознать возможность утечек в системе безопасности стран Содружества, с которыми у нас общие секреты. И мы все больше стали понимать, что среди народов, находящихся под властью Великобритании, постепенно созревающих в политическом отношении и ошупью идущих к самоуправлению, смутьяны и мятежники (недовольные) – а также люди, которые искренне считали, что Великобритания проводит в отношении их деспотическую политику, – где только возможно подстрекаемые коммунистами, начали поднимать восстания и устраивать беспорядки»¹⁷.

За пять лет, прошедших после 1946 г., Силлитоу совершил двенадцать основательных поездок на заморские территории Великобритании, поддерживая связь и оказывая помощь в реформировании разведки в таких далеких странах, как Канада, Палестина, Египет, Кения, Родезия, Южная Африка, Сингапур, Гонконг, Малайя, Австралия и Новая Зеландия. Эти поездки сделали его одним из самых часто путешествующих руководителей государственного департамента Великобритании того времени. И хотя они были довольно впечатляющими для того времени, они тем не менее иногда были курьезными. Тот факт, что Силлитоу до работы в МИ-5 делал

достаточно публичную карьеру полицейского, означал, что он был хорошо известен английской прессе, и, следовательно, его назначение главой МИ-5 было секретом Полишинеля на Флит-стрит и сделало его, как ни парадоксально, широко известным руководителем секретной службы, о которой не заявляют во всеуслышание. Несколько раз, уезжая за рубеж, он пытался избежать внимания прессы, надевая солнечные очки, хотя, как позднее он вспоминал, такие попытки, вероятно, скорее привлекали к нему внимание, чем отвлекали.

Поездки Силлитоу стали прецедентом, которому следовали один за другим после него руководители МИ-5, особенно сэр Роджер Холлис (генеральный директор МИ-5 с 1956 по 1965 г.) и сэр Мартин Фернивал-Джонс (генеральный директор МИ-5 с 1965 по 1972 г.). На самом деле, будучи генеральным директором в то время, когда в Великобритании быстро нарастал процесс деколонизации, Холлис больше был обеспокоен безопасностью империи и стран Содружества, чем в самой Великобритании¹⁸.

В 1948 г. в лондонской штаб-квартире МИ-5 открылся новый департамент по решению проблем колоний. В январе 1950 г. Силлитоу привел сэра Джона Шоу – своего давнего коллегу по работе в колониях, чтобы тот возглавил этот «зарубежный» отдел, или отдел OS. Шоу служил в Западной Африке в 1920-х гг., был главным секретарем правительства Палестины, где он чудом избежал гибели при взрыве бомбы в гостинице «Царь Давид»; затем он стал губернатором Тринидада. В качестве главы отдела OS он осуществил ряд продолжительных поездок по Ближнему и Дальнему Востоку и Африке. Благодаря своему росту шесть футов и пять дюймов и частым поездкам за рубеж в МИ-5 он получил прозвище «летающий карандаш». В число других офицеров, работавших в отделе OS, входили Алекс Келлар и Джеймс Робертсон, которые сыграли выдающуюся роль в борьбе с сионистским терроризмом. В 1953 г. обязанности, возложенные на отдел OS, перешли к другому отделу МИ-5 – отделу E под руководством Билла Мэгана¹⁹.

Архивы британской разведки демонстрируют, что в начале холодной войны в Лондоне доминировали связанные между собой страхи в отношении колониальной безопасности. Один из них был связан, как казалось, с вполне реальной угрозой третьей мировой войны. После того как в августе 1949 г. Москва успешно осуществила

взрыв своей первой атомной бомбы – чего не сумели предсказать ни английская, ни американская разведки, – и Советский Союз, и западные державы оказались в положении, когда могли начать друг против друга ядерный Армагеддон. Страх ядерной катастрофы пронизывал все прогнозы Объединенного центра разведывательных служб (JCS) того времени, многие из которых, по сути, стали планами Судного дня, предсказывая катастрофические людские потери и уничтожение необходимой инфраструктуры в главных городах Великобритании и империи. Некоторые самые страшные отчеты JCS имели отношение к взрыву «грязных» атомных бомб или «оружию массового уничтожения» – этот термин был использован в одном отчете. Планирование ядерного Армагеддона также имело явно колониальную повестку дня. Британское разведывательное сообщество рассудило: если такая война разразится, то Великобритания или то, что от нее останется, должна будет полагаться на поддержку империи и стран Содружества, как она делала во время двух предыдущих мировых войн, и ей не нужно будет бояться советской «пятой колонны» в этих странах. Это требовало создания местных служб безопасности, достаточно надежных, чтобы предотвратить советское вторжение в те государства, которые стремились к независимости от Великобритании²⁰.

Другой страх, преобладавший в коридорах Уайтхолла, имел отношение к циркуляции разведывательной информации, в частности американской, в империи и странах Содружества – правительства некоторых из них JCS считал опасно «ненадежными». Существовала часть империи, которая больше, чем любая другая ее часть, вызывала тревогу на Уайтхолле в отношении утечки разведывательной информации в начале холодной войны; ею было самое крупное имперское владение Великобритании – Индия²¹.

Британская разведка и передача власти в Индии

Передача Британией власти в Индии – жемчужине ее имперской короны – это рассказ о вопиюще плохом управлении. И хотя история о том, как и почему Великобритания потеряла власть в своей азиатской империи и вступила в последний период своего владычества в Индии, сложна, и одна из главных причин этого состоит в том, что ближе к концу Второй мировой войны стало ясно, что администрация Великобритании бессильна остановить волну индийского национально-освободительного движения, и поэтому она уже потеряла контроль над своей азиатской империей. Духовный вождь Индии Махатма Ганди назвал послевоенное обещание Великобритании гарантировать Индии независимость «датированным более поздним числом чеком, выписанным отсутствующим банком». Это проявилось в конце войны, когда под сильным давлением со стороны индийских политиков-националистов британская администрация решила не преследовать в судебном порядке тех предателей, которые вступили в Индийскую национальную армию, воевавшую с японцами против англичан во время войны, и уже находились в английских тюрьмах. После окончания войны межобщинные столкновения между 255 млн индуистов и проживающими в Индии 92 млн мусульман набрали кровавые обороты и вышли из-под контроля, особенно после того, как лидер Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги Мухаммад Али Джинна призвал провести «день боевых действий» 16 августа 1946 г. Самые ужасные зверства между индуистами и мусульманами произошли в Бихаре (Восточная Индия), где в 1946 г. были убиты приблизительно 7 тысяч мусульман, а местные британские военные власти начали операцию, получившую подходящее название «Гризли», которая заключалась в уборке разлагающихся тел с улиц²².

Вслед за решительной победой на выборах партии Индийский национальный конгресс в марте 1946 г., ставшей главной политической силой в Индии, лейбористское правительство Клементы Эттли послало в Индию представительную делегацию для обсуждения конституционных шагов к независимости, в которую входили: сэр

Стаффорд Криппс («Стиффорд Краппс», как прозвал его Черчилль), первый лорд Адмиралтейства А.В. Александер (известен тем, что пел и играл на рояле) и пожилой министр по делам Индии лорд Петик-Лоуренс («Патетический Лоуренс»). Так как члены делегации страдали от приступов диареи, то не сумели добиться сколько-нибудь значительных результатов. В какой-то момент переговоры «споткнулись», потому что Ганди соблюдал день молчания.

После того как эта миссия зашла в тупик, в последний месяц 1946 г. кабинет министров Эттли в Лондоне принял важное решение уступить власть в Индии. Протоколы заседаний кабинета министров отличаются лаконичностью, свойственной Эттли. В них перечислены всего лишь пять ключевых пунктов – причин ухода Великобритании из Индии, в том числе и то, что Великобритания не может поддерживать там свое военное присутствие ввиду обязательств в других странах, таких как Палестина, даже если бы и хотела сделать это. К декабрю 1946 г. во всем аппарате государственной гражданской службы Индии насчитывалось всего лишь 608 европейцев. Эттли также признал, что всемирное общественное мнение было против того, чтобы Великобритания оставалась в Индии. Изначальный график выхода был назначен на июнь 1948 г., и его должен был выполнять новый вице-король лорд Луис Маунтбеттен. Однако всего за четыре с половиной месяца он завершил передачу власти, и английскому господству в Индии пришел конец. Оглядываясь назад, нетрудно понять, что Маунтбеттену следовало придерживаться первоначального графика выхода, составленного Эттли, и перестроить индийскую армию, чтобы она смогла поддерживать порядок в Пенджабе, ставшем пограничным регионом, за который началась жестокая борьба между Индией и Пакистаном. В таких условиях ускоренный уход Великобритании из Индии и разделение полуострова Индостан на государства Индию, Восточный и Западный Пакистан превратились в процесс, сопровождающийся обильным кровопролитием, этническими чистками, перемещением масс населения и межобщинной резней зачастую садистского характера.

Несмотря на хаос, окружавший передачу Великобританией власти Индии в 1947 г., кровопролитие и гражданскую войну, последовавшие за разделом, правительство Великобритании тем не менее сумело поддерживать относительно тесные дипломатические отношения с

обоими новыми правительствами – индийским и пакистанским. Оба государства остались в Содружестве, из которого слово «британское» было вежливо опущено, после того как их правительства выдвинули свой протест. Одной из причин, по которым британскому и индийскому правительствам удалось поддерживать лучшие отношения, чем многие ожидали, были близкие личные отношения между четой Маунтбеттен и первым премьер-министром независимой Индии Неру – некоторые предполагают, что отношения между Неру и супругой Маунтбеттена были даже еще ближе. Актом, символизировавшим продолжение отношений между двумя странами после обретения Индией независимости, стала просьба нового правительства к Маунтбеттену остаться после 1947 г. в качестве первого «генерал-губернатора» страны. Структура государственной службы, существовавшая в Британской Индии, также была во многом сохранена в независимой Индии.

И хотя в то время это не стало достоянием гласности и было вымарано из книг по истории, был еще один способ, с помощью которого Великобритания поддерживала тесные отношения с независимым правительством Индии: посредством разведывательных связей. Сведения о деятельности МИ-5, SIS и ЦПС показательны отсутствуют в двенадцатом томе серии документов «Передача власти в Индии», хотя это произошло, возможно, потому, что данная публикация была официально санкционирована правительством; ее авторы имели доступ к архивам разведки и знали о разведке в последние дни Британской Индии больше, чем могли рассказать в печати.

Некоторые британские официальные лица позднее делали мимоходом замечания, которые намекали на роль разведки в том, что Британской Индии пришел конец. Ученый и журналист Г.В. Ходсон, который лично был знаком с тем, как работала британская администрация в Индии во время Второй мировой войны, написал в своей знаменитой книге «Великий раздел» о завершении ее работы: «Форма правления, вроде той, которая существовала в Индии, больше зависит от тайной разведки, нежели от народной поддержки и национального патриотизма». Недавно ставшие доступными архивы МИ-5, IPI и JCS показывают, что Ходсон был прав. Британская разведка сыграла решающую, но скрытую роль в передаче власти Британией в

Индии и отношениях Лондона с новым индийским правительством после нее²³.

Первая серьезная дискуссия о будущем разведки в Индии состоялась ближе к концу Второй мировой войны после провала миссии под руководством Стаффорда Криппса по развитию конституции на полуострове. В декабре 1944 г. начальник военной разведки Великобритании майор Френсис Дэвидсон и руководитель разведывательного бюро в Дели сэр Деннис Пилдитч начали задавать вопрос о разведывательных связях с индийскими властями: будет ли Великобритания выходить из Индии. На совещании с МИ-5 они пришли к заключению, что ИРІ и разведывательное бюро в Дели придется расформировать. Они заявили, что будет невозможно органам британского правительства быть подотчетными индийским министрам²⁴.

В апреле 1945 г., когда война в Европе близилась к концу и начало формироваться национальное правительство Индии, разведывательное бюро в Дели и ИРІ снова обратились на Уайтхолл с настоятельной просьбой поднять вопрос о будущем разведки в Индии. Они утверждали, что ее следует держать подальше от индийских министров как можно дольше, но признавали, что скрыть от них существование разведывательного бюро в Дели все равно не удастся²⁵.

Настоящий прорыв в решении этого вопроса произошел накануне обретения Индией независимости, когда высокопоставленные разведчики Великобритании провели ряд ключевых встреч на Уайтхолле, чтобы разработать отношения разведки с новым правительством. Самые важные встречи прошли 24–25 апреля 1946 г. вслед за обсуждением кабинетом министров вопроса о передаче власти в Индии, но за этими встречами произошли другие – в ноябре, после введения временного правления в Индии. На апрельских встречах присутствовали руководители британской разведки, связанной с Индией: генеральный директор МИ-5 (сэр Дэвид Петри) и один из старших офицеров МИ-5 (Дик Уайт), руководитель SIS (сэр Стюарт Мензис, бывший глава «Итонских Биглей»), а также руководители ИРІ (сэр Филип Викери) и разведывательного бюро в Дели (Норман Смит, находившийся в Лондоне в командировке), и высокопоставленное лицо из министерства по делам Индии (Д.Т. Монтис). На заседании был сделан вывод, что ИРІ и разведывательное бюро в Дели смогут

существовать столько, сколько во главе их будут стоять «европейцы». Как только на руководящий пост хотя бы одной из этих организаций будет назначен индеец, их придется закрыть. Им будет невозможно, предсказывали руководители британской разведки, эффективно функционировать как британским разведывательным службам, если ими будут руководить индийцы, верные своему правительству²⁶.

На этих встречах было также решено, что, готовясь к уходу Великобритании из Индии, разведывательное бюро в Дели должно будет уничтожить все имеющиеся у него документы, содержащие важную правительственную информацию. Именно это и было сделано. Разведывательное бюро приступило к уничтожению и удалению секретной информации из «компрометирующих» досье на национальных лидеров, становящихся членами правительства, а также из документов, имеющих отношение к сети агентов и информаторов, которые держали их под наблюдением до этого. Один офицер ЦПС, работавший в Дели, Алан Стрипп позже вспоминал, что он стал ответственным «за сожжение»: груды документов днем и ночью жгли на центральной площади Ред-Форта перед передачей власти. В сентябре 1946 г. предпоследний генерал-губернатор Индии лорд Уэвелл даже пошутил в разговоре с Неру, что по его указанию разведывательное бюро в Дели уничтожило все «компрометирующие документы» на него и других лидеров конгресса – над чем оба они посмеялись. Проблемы, которые вставали перед британской разведкой в Индии до 1947 г. в отношении совместного использования разведанных и уничтожения документов, содержащих важную правительственную информацию, не раз еще повторялись в последующие десятилетия, когда Великобритания уступала власть в других колониях и на других территориях²⁷.

Дневниковые записи заместителя генерального директора МИ-5 Гая Лиддела показывают, что вопрос установления крепких связей британской разведки с независимым Индийским государством был предметом частого обсуждения среди руководителей британской разведки весной 1947 г. Апрель этого года стал переломным моментом в истории британской разведки, когда Великобритания ускорила темпы своего выхода из страны, а глава разведывательного бюро в Дели Норман Смит, бывший комиссар полиции в Бомбее, ушел в отставку и уехал в Англию. Тогда руководители британской разведки в Лондоне

приняли революционное решение о том, что впервые должность руководителя разведывательного бюро будет передана индийцу. Человеком, выбранным на эту должность временным правительством Неру, был Т.Г. Сандживи Пилай, 49-летний старший районный полицейский офицер из Мадраса. Сандживи выбрали, по-видимому, потому, что он был лояльным и не имел отношения ни к аппарату гражданской службы, ни разведывательному бюро. Как и у многих других национальных вождей в других британских колониях, шрамы, оставшиеся у Неру от различных тюремных сроков – в общей сложности семь лет, – сделали его очень подозрительным ко всему, что связано с британской полицией. Для Неру слова «полиция» и «разведка» были синонимами. В конце концов, полицейский надзор ни для кого не был секретом в Британской Индии. Как объяснил Неру в своей книге «Открытие Индии», которую он написал в тюрьме в 1944 г. и которая станет выдающимся трактатом для вождей антиколониального движения по всему миру: «За последнюю четверть века или даже больше я не написал ни одного письма, которое было отправлено в Индии либо индийцу, либо на иностранный адрес, и при этом не понимал бы, что оно будет прочтено и, возможно, скопировано каким-нибудь цензором из секретной службы. Я говорил по телефону и помнил, что мой разговор, скорее всего, прослушивается»²⁸.

Неру не ошибался. Во время пребывания у власти в Индии временного правительства до обретения ею полной независимости человек, который эффективно работал на посту министра внутренних дел, Сардр Патель взял на себя повседневный контроль вопросов, имеющих отношение к разведке, и проявил к ним гораздо менее эмоциональный и более прагматичный подход, чем Неру. Как и Неру, Патель понимал, что разведывательное бюро, вероятно, составило досье на него и большинство лидеров Конгресса. Однако в отличие от Неру он не позволял этому влиять на его мнение о решающей роли, которую будет играть разведка для молодого Индийского государства. С 1930-х гг. разведывательное бюро в Дели и аналогичное ему ведомство в Лондоне – IPI, равно как и МИ-5, собирали досье на многих лидеров Конгресса и Мусульманской Лиги, включая Мотилала Неру и его сына Джавахарлала и Махатму Ганди – их часто называют Отцом, Сыном и Святым Духом Индии. Это происходило не потому, что разведслужбы рассматривали Конгресс и Мусульманскую Лигу как «подрывные»

организации, – они были законными и легальными политическими организациями, – а потому, что некоторые их члены были известны своими тесными связями с коммунистами или подозревались в них²⁹.

Удивительный поворот истории последних дней британского владычества в Индии состоял в том, что в противоположность всем предсказаниям английской разведки в конечном итоге не возникла необходимость распускать ни разведывательное бюро, ни IPI, когда руководство ими перешло к индийцу Сандживи и индийскому министру Пателю. Не испытывая никаких подозрений в отношении разведки, Патель на самом деле с воодушевлением верил в деятельность разведывательного бюро, особенно в его противостоянии коммунизму. В ноябре 1946 г. перед своим отъездом из Индии глава разведывательного бюро (РБ) в Дели Норман Смит встретился с Пателем и проинформировал его о функциях РБ. Эта встреча имела необыкновенный успех: Патель не только разрешил РБ существовать, но и, что удивительно, санкционировал продолжение слежки за экстремистскими элементами внутри своей собственной партии Индийский конгресс. Как явствует из отчета Смита, Патель был непреклонен в том, что РБ должно «прекратить собирать информацию о традиционной деятельности Конгресса и Мусульманской Лиги», но вместе с тем он разрешил ему продолжать следить за «экстремистскими организациями». Пателя особенно интересовала Социалистическая партия Конгресса, многие члены которой симпатизировали коммунистам. Позиция Пателя, который был на шаг от нарушения закона в отношении Конгресса и Мусульманской Лиги, не ускользнула от РБ: как отметил Смит, Социалистическая партия Конгресса была, в конце концов, «организацией Конгресса и должна была подчиняться его дисциплине». В заключение своего отчета об этой встрече с Пателем Смит написал: «...можно ожидать, что они [Патель и временное правительство Индии] захотят, по крайней мере, вести такое же пристальное наблюдение за движениями, способными подорвать власть Конгресса / Мусульманской Лиги, какое вели предыдущие официальные правительства за движениями, которые, как предполагалось, могут подорвать власть Британии»³⁰.

Трудно представить себе более четкое выражение *Realpolitik*. Причиной, по которой Патель оказался столь сговорчивым, когда речь зашла о продолжении слежки за некоторыми из коллег-политиков

(«присмотре» за своими собственными сторонниками, как было написано в одном из отчетов IPI), был его страх перед коммунизмом. Говоря словами другого отчета IPI, Патель был «ярким антикоммунистом». Его страхи имели под собой веские основания. Коммунизм был чудовищем, которое больше всего угрожало молодому Индийскому государству в годы непосредственно после 1947 г. Британская Индия не за одну ночь превратилась во влиятельное Индийское государство. Коммунистические мятежи вспыхивали в Бенгалии в 1947 г., а после передачи власти – в соседней Бирме: бирманское правительство было вынуждено начать ожесточенную партизанскую войну с мятежниками-коммунистами, на которую с тревогой взирал Конгресс в Нью-Дели. Его страхи усугубились дальнейшими событиями: распространение коммунизма в Китае, экспансия Советского Союза в Западной Европе – захват Чехословакии в 1948 г. Советские архивы подтверждают, что после 1947 г. КГБ принимал «энергичные меры» к тому, чтобы снискать расположение ряда политиков Конгресса и других индийских лидеров³¹.

Присущее Неру недоверие к британской полиции не помешало его правительству под руководством Пателя вести переговоры о тесной связи с британской разведкой. В марте 1947 г., накануне обретения независимости, заместитель генерального директора МИ-5 Гай Лиддел поехал в Индию и получил согласие от правительства Неру на то, чтобы офицер МИ-5 оставался в Нью-Дели после окончания правления Великобритании. В полночь с 14 на 15 августа 1947 г. Индия добилась «свидания с судьбой», и Неру гордо объявил получившему независимость народу, что, пока мир спал, Индия проснулась, и родилось самое большое демократическое государство в мире. Однако за всеми публичными дипломатическими мероприятиями, связанными с рождением нового государства, МИ-5 под шумок продолжала руководить офицерами связи по вопросам разведки в Нью-Дели, которые упорно работали за закрытыми дверями над тем, чтобы построить тесные отношения со службой безопасности и разведкой Индии. Первый офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности в Нью-Дели Кеннет Бурн нашел близких союзников в лице Пателя и Сандживи, как и его преемник Билл Уорен, который до этого двадцать два года прослужил в индийской полиции. Сандживи продолжил как руководитель возрожденного разведывательного бюро в Дели (DIB),

которое сохранило название своего предшественника при британском владычестве – есть подозрение, что оно было названо в его честь. И хотя это не было очевидно в то время, сделка, заключенная МИ-5 в целях сохранения офицера связи по вопросам безопасности в Нью-Дели после обретения страной независимости, установила важный прецедент. В каждой крупной британской колонии или на зависимой территории продолжительное присутствие офицера связи по вопросам безопасности стало значительной, хотя и обычно неафишируемой частью передачи власти Великобританией. Индия, которая, как мы уже видели, была родиной значительной части британской разведки, также была испытательным полигоном поведения британских секретных служб при приближении конца Британской империи³².

Почти на протяжении четверти века после получения Индией независимости отношения между МИ-5 и ее индийским аналогом – DIB были ближе, чем отношения между любыми другими департаментами британского и индийского правительств. Офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности в Нью-Дели в 1948 г. Эрик Китчен докладывал, что руководитель DIB Сандживи «не упускает возможности подчеркнуть, как он ценит наши отношения на профессиональном и личном уровнях». В тот же год Сандживи был послан правительством Неру в Лондон для «обстоятельных переговоров» с МИ-5 о «методах проведения чистки государственной службы от подозрительных элементов и мероприятиях по обеспечению безопасности вообще». В июле 1950 г. Неру заменил Сандживи на посту руководителя DIB Б.Н. Муллик, который ранее был заместителем Сандживи, а до этого – полицейским в округе Саран, в котором в 1946 г. произошли некоторые из самых жестоких межобщинных столкновений. В течение последующих четырнадцати лет Муллик был начальником DIB и стал одним из самых надежных советников Неру. Однако резко отрицательное отношение Неру ко всему, что связано с британской полицией, поставило Муллика в затруднительное положение, и, чтобы успокоить страхи своего господина, он намеренно ограждал Неру от подробностей связи DIB с британской разведкой. В своих воспоминаниях Муллик отмечал, что Неру был «лишь приблизительно осведомлен о том, как и в каких рамках функционирует разведка», и тонко заметил, что DIB обратилось к «дружескому государству» для

обучения ведению внешней разведки. Архивы МИ-5 говорят о том, что «дружеским государством» была Великобритания.

Подобно своему предшественнику на посту главы DIB Сандживи Муллик был восторженным сторонником поддержания связей с МИ-5. Он представлял Индию на Конференции по безопасности стран Содружества, которая проводилась в Лондоне в 1953 г., а отношения, которые он наладил с офицером связи по вопросам безопасности в Нью-Дели Уолтером Беллом, были такими близкими, что он приглашал Белла посетить отдаленные посты DIB, а также его штаб-квартиру. Поразительно, что офицер связи по вопросам безопасности МИ-5 в Нью-Дели, в отличие от своих коллег, работавших в других местах за рубежом, вел свои дела тайно, скрывая свою личность и используя вымышленное имя, и его публично не признавали ни английское, ни индийское правительства. Как объяснялось в одном отчете министерства по делам колоний, это делалось по личной просьбе Муллика и «по политическим причинам» – ими были, без сомнения, глубокие подозрения Неру в отношении британской полиции, а также все более беспокойные англо-индийские дипломатические отношения в 1950-х гг.³³

Разрешение, которого добилась МИ-5 от правительства Неру, – сохранить офицера связи по вопросам безопасности в Нью-Дели после обретения Индией независимости – имело для британской разведки последствия, которые простирались далеко за пределы Индии. За период, последовавший сразу за получением Индией независимости, SIS открыла бюро в Нью-Дели; то же самое сделала и МИ-5. Это противоречило действующему соглашению, заключенному между двумя службами в 1931 г. (рассмотренному в 1-й главе), согласно которому SIS ограничивала свою деятельность не принадлежавшими Великобритании территориями, тогда как МИ-5 отвечала за безопасность во всех британских колониях и странах Содружества. В свете растущей активности SIS в Индии и, по ощущениям МИ-5, вторжения SIS в ее юрисдикцию в марте 1948 г. новый высокий комиссар Великобритании сэра Арчибалда Най, с которым в МИ-5 был проведен инструктаж, прежде чем он вступил в свою должность, передал этот вопрос на рассмотрение в Лондон. В результате премьер-министр издал так называемую «директиву Эттли» – устную, но не письменную, – согласно которой SIS не могла проводить тайные

операции в странах Содружества. Директива Эттли определила программу действий МИ-5 и SIS на территориях колоний на следующие два десятилетия – период деколонизации Великобритании. И лишь в 1960-х гг. МИ-5 передала SIS инициативу в Индии и других странах Содружества. Некоторые офицеры SIS критиковали директиву Эттли как подрывающую способность их службы собирать разведывательную информацию в этих странах, когда она в конечном счете переняла ответственность за них от МИ-5.

Тем временем в Лондоне вскоре после получения Индией независимости МИ-5 стала единственным каналом, по которому Великобритания могла передавать индийским властям разведывательную информацию по вопросам безопасности. В августе 1947 г. была официально распущена Индийская политическая разведка (ИПР), и ее обязанности перешли к отделу OS МИ-5 – естественный шаг, учитывая, насколько близки были эти две службы. Около 7200 досье и 106 000 карточек были переданы Индийской политической разведкой в Центральную картотеку МИ-5, и несколько офицеров ИПР также перешли в МИ-5, включая ее последнего руководителя сэра Филиппа Викери³⁴.

Особым источником беспокойства для МИ-5 и DIB, который был как заноза в англо-индийских отношениях в начале холодной войны, являлся В.Н. Кришна Менон – главный смутьян левого крыла партии Индийский национальный конгресс. Менон был одним из ближайших доверенных лиц Неру, будучи первым высоким комиссаром Индии в Лондоне после обретения ею независимости, а позднее стал министром иностранных дел и представителем Индии в Организации Объединенных Наций. МИ-5 и DIB объединяло глубокое недоверие к Менону, которого Гарольд Макмиллан назвал «гладким и фальшивым». В МИ-5 хорошо знали Менона: до получения Индией независимости он провел большую часть своей карьеры в Лондоне, где работал барристером, и в 1932 г. помогал создавать Индийскую Лигу – неофициальный рупор партии Индийский национальный конгресс в Великобритании, а позднее также стал советником Лейбористской партии в Сент-Панкрасе. За его деятельностью в Лондоне в 1930-х гг. пристально следили и ИПР, и МИ-5. В 1929 г. в МИ-5 на него было заведено досье, а из-за подозрений в том, что он поддерживает связи с Коммунистической партией Великобритании, в декабре 1933 г. был

получен ордер министерства внутренних дел на перехват его корреспонденции. В заявлении на получение такого ордера он был назван «важным деятелем индийского революционного движения», и последующие расследования МИ-5 быстро подтвердили, что он вращается в «коммунистических кругах» – во время войны он был изгнан из Лейбористской партии из-за своих связей с коммунистами. Задолго до обретения Индией независимости МИ-5 таким образом составила подробную картину деятельности Менона, заполнив информацией несколько толстых папок³⁵.

Назначение Менона высоким комиссаром Индии в Лондоне сразу же после получения Индией независимости вызвало в МИ-5 сильное беспокойство. И хотя там немедленно перестали навешивать на него ярлык явного коммуниста, по оценке МИ-5, его политическая деятельность была «розовой» с «сильным уклоном влево». Однако большую тревогу, чем политика Менона, вызывала политика тех людей, с которыми он общался, и некоторая его другая деятельность. Расследования МИ-5 выявили его любовную связь с женщиной, известной своими симпатиями к коммунистам; его проблему с наркотиками; коррупционным путем полученные контракты, включая выгодные сделки купли-продажи оружия, для индийских компаний; и тот факт, что он пользовался своим служебным положением в личных целях. В МИ-5 отметили, что его банковский счет и банковские счета Индийской Лиги были так переплетены, что вряд ли какая-нибудь проверка смогла бы их распутать. Заместитель генерального директора МИ-5 Гай Лиддел выразил свое мнение о длительном пребывании Менона на посту высокого комиссара в Лондоне:

«Какими бы ни были его политические убеждения, а они, по-видимому, склоняются сильно влево, Менон явно бесчестный, аморальный человек, приспособленец и интриган...Является или нет пребывание Менона на посту высокого комиссара меньшим из двух зол, отношения между ним и мисс Таннард [его любовницей], которая является по меньшей мере сочувствующей ему, представляются очень важными. Пока эти отношения продолжаются, разумно предположить, что все интересное, что Менон узнает, будет передано через нее Коммунистической партии.

На мой взгляд, если бы это было возможно, было бы гораздо лучше сократить наши потери и избавиться от Менона. Я сомневаюсь,

что он может рассказать Коммунистической партии больше, чем им уже известно. Пока он остается в своей должности, безопасное положение по отношению к Индии, будь то передача документов или посещение индийцами курсов, остается плохим. Присутствие Менона здесь по-настоящему портит всю ситуацию»³⁶.

Как только Менон был назначен высоким комиссаром, МИ-5 предупредила Объединенный комитет разведывательных служб (JCS) о том, что его положение представляет серьезный риск для безопасности Великобритании. На экстренном заседании JCS в августе 1947 г., которое не было зафиксировано в официальном протоколе, генеральный директор МИ-5 (Силлитой) и его заместитель (Лиддел) предупредили, что Менон – «первоклассный интриган с аморальным прошлым», который, возможно, будет передавать информацию своим сторонникам из числа коммунистов в Лондоне, от которых она, вероятнее всего, попадет в Москву. МИ-5 выявила по крайней мере двенадцать сочувствующих коммунистам и их попутчиков из числа служащих Индиа-Хаус (здание, в котором с 1947 г. помещается дипломатическое представительство Республики Индия, возглавляемое высоким комиссаром; ранее там находилось министерство по делам Индии. – *Пер.*) в Лондоне и предостерегла JCS, что с учетом этих и других связей Менона с коммунистами невозможно защищать информацию, совместно используемую с представительством Индии, как это неизбежно придется делать британскому правительству после 1947 г.³⁷

В результате давления, оказанного МИ-5, в JCS согласились с тем, что правительственную информацию, передаваемую представительству Индии, следует тщательно отбирать, а английских министров, с которыми встречался Менон, придется предупредить о его связях. Чтобы обойти его, МИ-5 начала выступать в роли канала для безопасной передачи информации через DIB в Индии напрямую правительству Индии. В DIB разделяли озабоченность МИ-5 в отношении Менона: Муллик отказался назначить офицера связи по вопросам безопасности от DIB в Индиа-Хаус, пока там работал Менон, боясь, что важная информация, имеющая отношение к государственной тайне, через него попадет в руки английских коммунистов³⁸.

И хотя МИ-5 и, очевидно, DIB в Индии не полностью оценили это, долгое пребывание Менона в Лондоне во многом сделало его

англичанином. К тому моменту, когда в 1947 г. он стал высоким комиссаром в Лондоне, единственным языком, на котором он говорил, был английский; он почти забыл свой родной язык – хинди, а также предпочитал английскую еду и твидовые костюмы острой приправе карри и традиционной индийской одежде. Однако страхи МИ-5 в отношении прокоммунистических и просоветских симпатий Меннона не были воображаемыми. По крайней мере однажды в его дальнейшей политической карьере в Индии КГБ оплачивал его расходы на избирательную кампанию³⁹.

В 1955 г. занялась заря новой эры в советско-индийских отношениях и, следовательно, в отношениях Запада с Индией. Неру и советский премьер Никита Хрущев обменялись государственными визитами, и на следующий год Неру выступил с открытой критикой западного «империализма» во время Суэцкого кризиса – события, которое он осудил как акт «неприкрытой агрессии», хотя и не подверг критике жестокое подавление Советским Союзом восстания в Венгрии в том же году. Неру также восхищался достижениями Советского Союза в науке и технике, особенно в ядерных исследованиях. Тем временем КГБ развернул необычайно активную деятельность в Индии, в которой присутствие советской разведки стало более представительным, чем в любой другой развивающейся стране мира. Индия при Индире Ганди – дочери и преемнице Неру – также стала, очевидно, ареной «активных мероприятий» КГБ в большей степени, чем в любой другой точке мира. Результатом близости Индии к Советскому Союзу во время холодной войны стала массовая перестановка западных приоритетов. Вообще говоря, правительство США поддерживало Пакистан, чтобы тот выступал в роли стратегического заслона от советского влияния в Индии.

Несмотря на холодок между западными правительствами и Индией, отношения между МИ-5 и DIB оставались удивительно тесными. По просьбе Муллика в 1957 г. МИ-5 прислала офицера для обучения сотрудников DIB. Офицер связи по вопросам безопасности от МИ-5 в Нью-Дели Джон Аллен отметил, что «когда дуют столь неблагоприятные ветры» между Индией и Великобританией, если Неру поймет, насколько тесны связи между их разведками, он, вероятно, их оборвет. Хорошие рабочие отношения, которые наладили один за другим офицеры связи по вопросам безопасности с DIB, давали

Британии ключевую информацию в те времена, когда Советский Союз посредством тайных мероприятий КГБ пытался построить особые отношения с Индией. После своего визита в Индию в 1958 г. генеральный директор МИ-5 сэр Роджер Холлис заметил, что взгляды Муллика на коммунизм на самом деле ближе к взглядам МИ-5, а не взглядам членов правительства его страны⁴⁰.

В общем, Великобритании и ее западным союзникам не удалось помешать Индии тяготеть к Советскому Союзу в холодной войне. Однако ситуация для высокопоставленных политиков Великобритании и правительств западных стран в целом могла бы быть значительно хуже, если бы британская разведка, в частности МИ-5, не поддерживала с успехом такие тесные отношения с разведывательными службами Индии. Офицеры связи МИ-5 в Нью-Дели обеспечивали британскому представительству в Индии ценный, публично непризнаваемый канал обратной связи с департаментами правительства Индии, которого официально не было у британского правительства. В 1965 г., через год после смерти Неру, британский высокий комиссар в Нью-Дели Джон Фриман написал в Лондон МИ-5 о том, как высоко он ценит роль офицера связи по вопросам безопасности МИ-5: «Он обеспечивает связь, на которую не оказывают влияние изменения в англо-индийских отношениях». Фактически Фриман оценил работу офицера связи по вопросам безопасности так высоко, что, когда в том же году сокращения бюджета на Уайтхолле стали представлять угрозу закрытия этой должности, он сообщил МИ-5, что готов найти дополнительную работу в представительстве, чтобы оставить этого человека в штате. Офицер связи по вопросам безопасности МИ-5 в Дели продолжал работать по крайней мере до 1967 г., действуя под прикрытием как один из секретарей высокого комиссара. Первая женщина – генеральный директор МИ-5 Стелла Римингтон пришла на работу в МИ-5 в 1967 г., работая в британском представительстве высокого комиссара в Дели. Позднее она вспоминала, что офицер связи по вопросам безопасности, который ее завербовал, «больше всего был известен своими воскресными обедами с приправой карри, которые обычно длились до позднего вечера, и ездой по Дели в шикарном «ягуаре»⁴¹.

Такими же крепкими, как и разведывательные связи, установленные Лондоном с Дели после 1947 г., были связи британской

разведки с другими независимыми государствами, которые появились на месте бывшей империи Великобритании в Индии. В Пакистане, в отличие от Индии, МИ-5 не стала назначать офицера связи по вопросам безопасности сразу же после раздела и обретения независимости, а открыла свое бюро через несколько лет. В противоположность тому, что можно было бы ожидать, именно пакистанское правительство обратилось с просьбой к МИ-5 назначить в Пакистан офицера связи по вопросам безопасности, а не наоборот. В апреле 1951 г. первый премьер-министр Пакистана Лиакат Али Хан лично написал премьер-министру Эттли и попросил, чтобы английский офицер безопасности постоянно работал в Карачи. По-видимому, отчасти за этой просьбой стояло индийско-пакистанское соперничество, так как Хан написал Эттли, что ему известно о том, что у Великобритании уже есть офицер связи по вопросам безопасности в Дели. В том же году МИ-5 должным образом назначила в Карачи офицера связи по вопросам безопасности, и эта должность существовала по крайней мере до 1965 г. Руководитель разведывательного бюро в Пакистане Саид Казим Раза присутствовал на Конференции служб безопасности стран Содружества, которая проходила в Лондоне в 1951 г.⁴²

И хотя было необычно – если не уникально – то, что просьба об установлении связей между разведками исходит из бывшей колонии, как это случилось в Пакистане, дух сотрудничества в области разведки между Великобританией и ее бывшими колониями таким не был. За два десятилетия, прошедшие после обретения Индией независимости, ряд «новых» государств, вошедших в Содружество, проявили удивительное желание поддерживать связь с британской разведкой, придавая ей большую важность и, очевидно, считая предметом гордости иметь офицера по связи с МИ-5, работающего в их стране, что должно было свидетельствовать о том, что они сидят за «высоким столом» международной политики. МИ-5 установила такие же связи, как в Индии и Пакистане, со службами безопасности Цейлона, который в феврале 1948 г. получил независимость от Великобритании путем мирной передачи власти: не было сделано ни одного выстрела и не пролито ни капли крови. Связи, установившиеся между МИ-5 и службой безопасности Цейлона – Департаментом общественной безопасности в 1955 г. по рекомендации МИ-5, поразительны: в конце

1950-х гг. четверть всех офицеров, работавших в его «секции безопасности», были постоянными сотрудниками МИ-5⁴³.

Реформа разведки в центре

Наряду с налаживанием тесных связей с разведслужбами в империи и странах Содружества, разведслужбы Великобритании, и особенно МИ-5, помогали проведению реструктуризации центрального правительственного механизма управления в Лондоне, чтобы он мог справляться с антиколониальными «чрезвычайными ситуациями». Фактически разведслужбы играли ключевую роль в том, как Уайтхолл реагировал на антиколониальные движения в империи в послевоенные годы. Прежде всего, нужно было обеспечить министерство по делам колоний в Лондоне, по его собственному выражению, системой «раннего оповещения» о беспорядках. Атмосфера международной политики в конце 1940-х гг. была такова, что казалось, будто коммунизм продвигается вперед в различных уголках империи, так что Уайтхоллу необходимо было получать как можно более раннее предупреждение о том, когда могут произойти восстания, спонсируемые, скорее всего, Москвой.

Как мы увидим в последующих главах, за коммунистическим мятежом в Малайе в 1948 г. последовали гражданские волнения с предполагаемым участием Советов на Золотом Берегу в Западной Африке. В 1949 г. после продолжительной гражданской войны, в которой национальные силы потерпели в конечном счете поражение на материке, к власти в Китае пришел революционер-коммунист Мао Цзэдун. А в июне 1950 г. разразилась корейская война между двумя соперничающими лагерями, поддерживаемыми Соединенными Штатами и Китаем. Британским политикам нужно было как можно больше информации о том, что выглядело как новый мировой порядок при активизации коммунистических сил. Недавно ставшие доступными для публики архивы министерства по делам колоний показывают, что начиная с конца 1940-х гг. между МИ-5 и министерством по делам колоний началась переписка, в которой обсуждались эти тревожные события. В ходе этой переписки МИ-5 убедительно объясняла таким руководителям государственной службы, как Эндрю Коэн – помощник заместителя министра по делам колоний, занимавшийся вопросами, связанными с Африкой, что они придают слишком большую значимость «политической разведке» (имеются в виду

дипломатические отчеты) в ущерб реальной разведке (имеются в виду шпионаж, подрывная деятельность и диверсии). В 1948 г. МИ-5 убедила министра по делам колоний Артура Крича Джонса заново обдумать всю систему отчетности колониальной разведки и ввести новый порядок, согласно которому губернаторы каждой из сорока двух зависимых от Британии территорий в империи должны посылать в Лондон доклады (отчеты), делая упор именно на обеспечение безопасности. Более того, отчасти в ответ на рекомендации МИ-5 в 1948 г. министерство по делам колоний впервые было принято в полноправные члены Объединенного комитета разведывательных служб в Лондоне, после чего представитель министерства получил возможность ставить перед ИС задачи по оценке конкретных угроз⁴⁴.

В качестве попытки помочь в модернизации разведки в колониях и дать министерству по делам колоний возможность получать раннее оповещение о восстаниях и коммунистических заговорах в империи в июне 1954 г. МИ-5 посадила в министерство по делам колоний постоянного советника по вопросам безопасности (SIA). Офицером, избранным на эту новую должность, стал Алекс Макдональд – ветеран индийской полиции, который мог похвастаться службой в Департаменте уголовного розыска в Бомбее, «хорошим знанием на рабочем уровне хинди и маратхи» и службой под началом генерал-майора Джеральда Темплера в Малайе. Роль Макдональда стала еще важнее в апреле 1955 г., когда Темплер, только что подавивший восстание в Малайе (об этом будет рассказано в следующей главе), опубликовал свой знаменитый доклад о безопасности в колониях, в котором предложил набор реформ. И хотя не следует преувеличивать влияние доклада Темплера, так как некоторые его рекомендации так и не были приняты, он все же оказал определенное влияние, озадачив умы на Уайтхолле. Темплер рекомендовал, чтобы администрации колоний придавали большее значение вопросам разведки, если хотят эффективно справляться с будущими восстаниями: «В то время как в мире военных «разведка» – чрезвычайно специфическая область сама по себе, в колониальной и других гражданских службах ее, естественно, склонны рассматривать всего лишь как один аспект политических «знаний», которые пронизывают весь процесс управления.

Этот аспект также не считается очень важным: в «разведке» часто видят узкую, связанную с государственной тайной функцию полиции. Администрация склонна не вникать в механизм сбора разведывательной информации и ее оценки, ее не интересует отношение этой информации к безопасности в самом широком смысле слова. В результате, на мой взгляд, обеспечение безопасности стало считаться чем-то вроде острой приправы, которую добавляет в тушеное мясо с овощами сверхштатный и, возможно, ненужный повар секретариата вместо того, чтобы заниматься квалифицированным планированием и умелой подачей на стол своего собственного блюда»⁴⁵.

Одной из принятых рекомендаций Темплера было ввести в министерство по делам колоний еще двух советников по вопросам безопасности МИ-5 для оказания помощи Макдональду. По рекомендации Темплера в 1955 г. в министерстве по делам колоний был образован свой собственный секретный «Отдел по обеспечению безопасности» (ISD), документы которого были опубликованы лишь в 2008 г. Они показывают, что ISD занимался вопросами безопасности и разведки на каждой крупной территории Великобритании и поддерживал тесные связи со всеми британскими секретными службами – МИ-5, SIS, ЦПС. Его возглавляли опытный колониальный чиновник Дункан Уотсон и С.Дж. Дж. Т. (Джексон) Бартон – ветеран министерства по делам колоний, который помимо прочих назначений служил районным комиссаром в Восточной Африке. Как мы увидим, Джексон Бартон на самом деле уже поддерживал тесную связь с МИ-5 с конца 1940-х гг. по вопросам, относившимся к деятельности коммунистов в африканских колониях⁴⁶.

Миссионеры разведки

Бегство на Запад Гузенко в сочетании с беспокойством, которое испытывали в МИ-5 в отношении индийского представительства в Лондоне, вскоре заставило ее пересмотреть весь процесс того, как Великобритания делится разведывательной информацией с колониями и странами Содружества. Чем больше в МИ-5 рассматривали безопасность колоний после 1947 г., тем меньше им нравилось то, что они видели. В феврале 1948 г. генеральный директор МИ-5 Перси Силлитоу предупредил ЛС, что уровень безопасности в некоторых «новых» странах, вошедших в Содружество, главным образом в Индии и Пакистане, настолько низкий, что «практически отсутствует», – это было потрясающее утверждение с учетом того, насколько слабыми были внутренние меры безопасности в самой Великобритании в то время, как мы уже видели. Силлитоу сказал, что в правительстве Индии «утечки идут во всех направлениях». Для ответа на эту угрозу МИ-5 порекомендовала ЛС ввести классификационную систему градации информации, чтобы ограничить возможность передачи важной правительственной информации ненадежным государствам. Объединенный центр разведывательных служб принял и внедрил классификационную систему информации МИ-5, разделив страны на три категории – А, В и С⁴⁷.

Категория А означала самый высокий и надежный уровень безопасности. В нее сначала входили Соединенные Штаты Америки и страны «старого доминиона» (читай: с белым/европейским населением) – Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Родезия и Южная Африка. Великобритания свободно делилась совершенно секретной и секретной информацией со странами категории А, хотя мы увидим, что отношения между Лондоном и Южной Африкой и Родезией позже значительно осложнятся.

Разведывательные сведения, которые Великобритания отсылала в страны категории В, включая Францию, были конфиденциальными и «подчищенными», но все же классифицировались как совершенно секретные. Сначала Индия и Пакистан попали в категорию В не из-за того, что их уровень безопасности был высоким – далеко нет, – а потому, что для Великобритании в холодной войне для стратегических

целей было необходимо иметь возможность делиться с ними секретной информацией. Начиная с 1949 г. Великобритания имела базы в Пакистане, с которых она могла совершать авианалеты на Советский Союз. В Объединенном центре разведывательных служб подчеркивали, что Индия и Пакистан ни при каких обстоятельствах не должны знать, что получают подправленную информацию, – задача, выполнять которую стало все труднее после 1952 г., когда правительства обеих стран послали своих делегатов на Конференцию по безопасности стран Содружества в Лондоне. Тем временем страны, отнесенные к самой низшей категории С, такие как Бирма, вообще не получали секретную информацию от Великобритании.

Через год после первого отчета ЛС, в 1949 г., вся классификационная система была перестроена, и на этот раз лишь Соединенные Штаты и Канада оказались вместе с Великобританией в категории А. Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка попали в более низкую категорию В. Индия, Пакистан и Цейлон получили самый низкий статус – категорию С, потому что в ЛС поняли, что, какова бы ни была их значимость в эскалации холодной войны, стандарты безопасности в них такие низкие, что им нельзя было доверять совершенно секретную информацию⁴⁸.

Реальной побудительной силой, стоявшей за реформой МИ-5 в сфере совместного использования информации, было принятие правительством США Закона Макмахона, который не разрешал властям США проводить совместные ядерные исследования с какой-либо иностранной державой. Вашингтон оказывал на Лондон колоссальное давление, чтобы тот принимал меры безопасности по защите американской информации, передаваемой колониальным и другим правительствам, как явствует из ключевых докладов ЛС в 1948 и 1949 гг., в которых была разработана британская классификационная система для раскрытия информации. В них говорится, что никакая информация, полученная от США, не может быть передана странам вроде Индии и Пакистана без особого разрешения из Вашингтона. Озабоченность американского правительства возможной опасностью, грозящей разведывательной информации в Британской империи и странах Содружества, была, по-видимому, таким же пунктиком в «особых отношениях» в начале холодной войны, как и нежелание американских политиков поддерживать Британскую империю и

«колониализм». Для охраны своих собственных секретов и успокоения сомнений США Великобритания вышла из империи в 1950-х и 1960-х гг., тщательно фильтруя информацию, как это было в Индии⁴⁹.

Наряду с ограниченным предоставлением информации «ненадежным» государствам британские секретные службы начали более созидательный процесс перестройки всей системы безопасности в колониях и странах Содружества. К концу Второй мировой войны, как уже было отмечено, у МИ-5 было уже 27 офицеров по вопросам обороны и безопасности в различных странах. В конце 1940-х гг. вслед за прецедентом, установленным в Индии, МИ-5 начала заменять своих офицеров по вопросам обороны и безопасности на офицеров связи по вопросам безопасности. Главное различие между этими двумя должностями состояло в том, что офицеры по вопросам обороны и безопасности были приданы британскому военному гарнизону, тогда как офицеры связи по вопросам безопасности действовали под гражданским прикрытием, обычно работая в канцелярии британских колониальных губернаторов или – в странах Содружества – в британских постоянных дипломатических миссиях в этих странах. К началу 1950-х гг. в штате МИ-5 в общей сложности насчитывалось 840 человек, включая почти 30 офицеров связи по вопросам безопасности в разных странах земного шара от Вест-Индии до Дальнего Востока. На пике послевоенной деколонизации у Великобритании было 42 офицера связи по вопросам безопасности за границей⁵⁰.

Назначение офицеров связи по вопросам безопасности в каждую крупную английскую колонию или на зависимую территорию за два десятилетия после 1945 г. даже более удивительно, если рассмотреть связи между британской разведкой и империей до этого. Как мы видели в первой главе, существовало значительное воздействие со стороны империи на британские разведывательные службы в первой половине XX в.: многие ее высокопоставленные офицеры начинали свою карьеру на колониальной службе. После 1945 г. произошло совершенно противоположное: назначение офицеров МИ-5 в различные уголки Британской империи в течение двух десятилетий после войны, когда Великобритания начала выход из империи, было тем способом, которым «империя наносила ответный удар».

До недавнего времени деятельность офицеров связи МИ-5 по вопросам безопасности в империи и странах Содружества в начале

холодной войны оставляла небольшую рябь в огромном море официальных английских документов. До публикации архивов МИ-5 за последние несколько лет было невозможно найти что-либо, за исключением нескольких скудных ссылок на «почтовое отделение ячейка 500, Лондон» (секретный адрес МИ-5), или, возможно, изредка встретить слово «выбыл» (шифрованный адрес, который использовали офицеры связи по вопросам безопасности в британских колониях). И даже если удавалось наткнуться на эти зыбкие, поверхностные ссылки, реальная переписка между МИ-5 и колониальными правительствами была неизменно скрыта. Используя недавно ставшие доступными архивы МИ-5 и министерства по делам колоний, мы, по крайней мере, можем увидеть, что офицеры связи по вопросам безопасности играли значительную роль в истории и британской деколонизации, и холодной войны, эффективно работая в качестве миссионеров-разведчиков в колониях по мере их приближения к обретению независимости⁵¹.

Обязанности офицеров связи по вопросам безопасности были многочисленны и разнообразны, но в первую очередь они предоставляли колониальной администрации базовые сведения об активистах антиколониального движения, боровшихся за независимость. Зачастую эти сведения о национальных лидерах, ждущих своего часа, были решающими для колониальной администрации при подготовке к передаче власти. Секрет успеха деятельности офицеров связи по вопросам безопасности состоял в том, что они имели возможность передавать информацию колониальным правительствам на самом высоком уровне, пользуясь личными встречами с губернаторами колоний, местными начальниками полиции и другими высокопоставленными гражданскими и военными официальными лицами. Среди их функций была обязанность обеспечивать надежный канал связи, используя шифровальные аппараты, между штаб-квартирой МИ-5 в Лондоне и колониальной администрацией – часто напрямую с самими губернаторами колоний (можно представить себе, как информация передается вполголоса на тайных встречах в официальных резиденциях губернаторов). Как любили с гордостью подчеркивать в МИ-5, офицеры связи по вопросам безопасности давали колониальным правительствам доступ к всемирному океану разведывательной информации, полученной не только из источников МИ-5 в Великобритании, но и от ее региональных

центров на Ближнем Востоке (SIME) и Дальнем Востоке (SIFE). В то же время офицеры связи по вопросам безопасности предоставляли колониальным правительствам прямой канал связи с Лондоном – путь, который, как часто жаловалось министерство по делам колоний, обходил его собственные средства связи.

Другой обязанностью офицеров связи по вопросам безопасности было осуществление «мер безопасности персонала», которые включали утомительные и важные проверки заявлений на получение въездных и выездных виз, а также «физических мер безопасности», таких как проведение обысков в правительственных зданиях на предмет обнаружения прослушивающих устройств. В начале 1950-х гг. страх того, что советская разведка прослушивает правительственные учреждения Великобритании и других западных стран, был вполне обоснован. В январе 1952 г. советский «жучок» был обнаружен в посольстве США в Лондоне: он находился в деревянном макете Большой Печати Соединенных Штатов, который был подарен советским посланником в Великобритании американскому послу. «Жучок» был обнаружен, когда вдруг услышали, что голос посла, находившегося в одной комнате посольства, передается полностью в другую комнату. Это привело к распространению страха перед прослушиванием во всех правительственных департаментах Великобритании как в самой стране, так и в зарубежных колониях. Расследование инцидента с «жучком» в американском посольстве, проведенное главным научным специалистом министерства обороны сэром Фредериком Брандреттом, выявило, что источником его питания были радиоволны ближнего радиуса действия, которым, как явствовало из заключения, могло эффективно противостоять люминесцентное освещение. Вероятно, будет излишним говорить, что это является причиной того, что в департаментах британского правительства и по сей день так много неприятного люминесцентного освещения⁵².

Большое значение, которое министерство по делам колоний придавало офицерам связи МИ-5 по вопросам безопасности, ясно выражено в секретном циркуляре, который Алан Леннокс-Бойд – министр по делам колоний с 1954 по 1959 г. разослал всем губернаторам колоний в апреле 1956 г.: «Роль службы безопасности [МИ-5] на территориях колоний состоит в том, чтобы оказывать помощь и давать рекомендации, что и подразумевает само название

должности офицера связи по вопросам безопасности; ответственность за разведывательную работу всецело лежит на местной разведывательной организации. Офицер связи по вопросам безопасности является, однако, связующим звеном с широкой сетью обеспечения безопасности, ресурсы которой имеются в распоряжении колониальных территорий и вносят большой вклад в реализацию требований, предъявляемых к разведке в колониях... Существует тесная связь между министерством по делам колоний и службой безопасности в Лондоне, и совершенно необходимо, чтобы она существовала и на местах. Также следует иметь в виду, что там, где территории стремятся к самоуправлению, обычная модель отношений между странами Содружества в сфере обеспечения безопасности представляет собой связь на профессиональной основе между службой безопасности Соединенного Королевства и службой безопасности заинтересованной страны, осуществляемую посредством офицера связи по вопросам безопасности, приданного службой безопасности представительству Соединенного Королевства в этой стране. Правительство Ее Величества придает большое значение установлению и поддержанию этих отношений в бывших колониях, которые обретают статус страны, входящей в Содружество.»⁵³

Формирование разведывательной культуры стран Содружества

Наряду с назначением офицеров связи по вопросам безопасности в колонии и страны Содружества, МИ-5 также построила и план обучения полицейских сил колоний. Такие программы обучения появились в конце 1940-х гг., но быстро распространились вслед за докладом Темплера о безопасности в колониях в апреле 1955 г. В этом докладе, который был полностью рассекречен лишь в 2011 г., говорилось, что с 1950 г. МИ-5 обучила лишь 290 офицеров колониальной полиции за границей и 140 – на курсах в Великобритании – цифры, которые, по мнению Темплера, были «каплей в море того, что нужно сделать». По рекомендации Темплера, МИ-5 радикально расширила свои программы обучения полицейских в колониях, и в каждую крупную британскую колонию и на каждую ее зависимую территорию по всему миру приезжали офицеры, чтобы помогать в обучении разведывательному делу.

Контроль за этой огромной, но тайной программой осуществлял Алекс Макдональд – первый советник по вопросам безопасности от МИ-5, прикомандированный к министерству по делам колоний, который между 1954 и 1957 гг. совершил ошеломляющее количество – 57 – поездок в двадцать семь различных колоний Великобритании за границей. Его программы помогли обучить новое поколение офицеров безопасности. Между 1954 и 1958 гг. МИ-5 помогла обучить в среднем 250 офицеров полиции и сотрудников безопасности в колониях в год, и эта цифра взлетела до 367 человек в 1959 г. Начиная с июня 1956 г. МИ-5 также организовала учебные курсы для старших колониальных чиновников в своей штаб-квартире в Леконфилд-Хаус в Лондоне – до этого они просто посещали курсы, которые проводила в Великобритании полиция. Новобранцам читали лекции об «угрозе» (советской разведки и китайско-советского коммунизма), «методах расследования» (перехват, слежка, перебежчики, агенты и допрос) и «документации» (ведение точного учета). Первый курс закончился беседой с генеральным директором МИ-5 Роджером Холлисом, визитом министра по делам колоний Алана Леннокса-Бойда и, как гласит список

мероприятий, увенчался вечером «коктейльной вечеринкой МИ-5», на которой гости ходили с накладными носами и усами⁵⁴.

Наряду с этими программами МИ-5 также провела ряд конференций по безопасности стран Содружества в Лондоне. Первая такая конференция, проведенная в сентябре 1948 г., была организована на самом высоком правительственном уровне, когда премьер-министр Клемент Эттли лично написал премьер-министрам «старых доминионов» с самоуправлением – Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Родезии и Южной Африки – с просьбой о том, чтобы главы управлений безопасности их стран сопровождали их на предстоящей встрече премьер-министров в Лондоне. На последовавшей конференции обсуждалось, как следует обезопасить совместное использование разведывательной информации между странами-участницами и усилить процедуру проверки на предмет выявления коммунистов в правительственных организациях⁵⁵.

Эта первая конференция имела такой успех, что за ней в мае 1951 г. последовала вторая, на которой присутствовали делегаты из Индии (Т.Г. Сандживи Пиллай), Пакистана (Саид Казим Раза) и Цейлона, что послужило сильным раздражителем для правительства апартеида Южной Африки, которое отвергло идею дележки разведанными с «азиатами» и пригрозило бойкотировать конференцию: Южная Африка не посылала своих представителей на такие конференции после того, как в 1961 г. вышла из Содружества. Факты говорят о том, что конференции по безопасности стран Содружества проходили каждые два года после 1952 г. и, вероятно, продолжают проводиться и по настоящее время⁵⁶.

Курсы, которые проводила МИ-5 по обучению представителей колоний разведывательному делу как в Лондоне, так и странах Содружества, имели главный принцип: существует основополагающая разница между осуществлением полицейских функций и разведывательной работой, и оба этих направления требуют совершенно разных взглядов на офицеров. На курсах подчеркивалось, что их в то время как осуществление полицейских функций связано с обеспечением правопорядка и *реальным* судебным преследованием, разведывательная работа включает выявление *потенциальных* угроз. В МИ-5 подчеркивали этот принцип (что существует различие между полицейской и разведывательной работой) в своих реформах системы

безопасности на просторах империи и в странах Содружества во время холодной войны.

Результаты обучающих программ МИ-5 были основательными. Во-первых, как заметил историк империи Филипп Мерфи, они способствовали формированию «разведывательной культуры», которая была успешно перенесена на полицию и службы безопасности во всех уголках империи и странах Содружества. В то время как ключевым компонентом этой культуры было отделение осуществления полицейских функций от разведки, как именно это достигалось, зависело от местных условий каждой страны. В тех странах, в которых была единая полиция, как в Канаде, в МИ-5 полагали, что вопросами разведки может заниматься специальное подразделение в рамках регулярной полиции, действующее в составе Департамента уголовного розыска (CID), но на практике – совершенно отдельно от него. В других государствах, таких как Австралия, где по всей стране действовали различные силы федеральной полиции, МИ-5 советовала создать совершенно новое отдельное агентство, посвященное обеспечению безопасности, которое могло бы действовать на государственном уровне и координировать вопросы, связанные с разведкой, среди всех региональных полицейских подразделений. Придерживаясь такой политики, МИ-5 на самом деле экспортировала собственно британскую модель обеспечения безопасности: одной из причин, по которой она, МИ-5, была создана в 1909 г. как отдельная секретная служба, действующая на государственном уровне, был страх на Уайтхолле, что региональные полицейские силы Великобритании и специальные подразделения работают несогласованно⁵⁷.

Канада и Австралия

Канада и Австралия явственно демонстрируют способы воздействия британского разведывательного сообщества на безопасность стран Содружества в начале холодной войны. В Канаде до того, как к ней переметнулся Игорь Гузенко, вопросами разведки занимался CID Канадской королевской конной полиции (RCMP). После измены Гузенко МИ-5 посоветовала RCMP, как создать более эффективную разведывательную организацию. Ее рекомендация состояла в том, что в RCMP следует создать отдельное особое подразделение в рамках CID для решения вопросов разведки. Это было сделано в 1950 г., хотя в 1956 г. это особое подразделение было переименовано в Управление по безопасности и разведке, или I Управление, а впоследствии – в Службу безопасности RCMP. В 1984 г. канадский парламент принял закон о создании разведывательной службы Канады, которая во многих отношениях была прямой наследницей реформ МИ-5 в области разведки в Канаде в начале холодной войны⁵⁸.

GCHQ оказал аналогичное влияние на канадскую радиотехническую разведку, которую в послевоенные годы возглавил подполковник Эдвард Дрейк, бывший, что неудивительно, канадцем. С конца 1946 г. он (это более удивительно) имел своим заместителем *британца* – специалиста по взламыванию шифров и знатока русских систем кодирования Джеффри Стивенса. Вскоре после этого премьер-министр Канады Макензи Кинг санкционировал создание небольшого агентства по радиотехнической разведке – подразделения связи Национального научно-исследовательского совета (CBNRC). И хотя у него был небольшой штат – около сотни человек, ряд его старших сотрудников был откомандирован из GCHQ. На самом деле среди них было столько сотрудников GCHQ, что местным сотрудникам подсказали обратить внимание на то, что CBNRC означает «отдел связи – канадцам места нет»⁵⁹.

Британское разведывательное сообщество наблюдало за аналогичными реформами в Австралии. МИ-5 возглавила проведение реформ системы безопасности в этой стране в 1948 г., когда расшифровки «Веноны» выявили советскую шпионскую сеть,

функционировавшую в правительстве Австралии в Канберре. Проведенные в режиме реального времени контрразведывательные расследования с помощью расшифровок «Веноны» выявили лишь ретроспективную информацию о советских агентах. В свете разоблачений «Веноны» американское правительство наложило запрет на всю информацию, отправляемую в Австралию, до тех пор, пока в этой стране не ужесточится режим безопасности. Ответственность за это ужесточение легла на плечи МИ-5, и в сентябре 1948 г. сэр Перси Силлитоу и Роджер Холлис отправились в Австралию в сопровождении старшего офицера из отдела В МИ-5 Роберта Хемблис-Скейлза. Понимая, что будет невозможно заручиться сотрудничеством с австралийским правительством, не раскрывая источника, из которого стало известно о советской шпионской сети, Силлитоу в обстановке строжайшей секретности проинформировал премьер-министра Австралии Бена Чивли и министров обороны (Джона Дедмана) и иностранных дел (Х.В. «Берта» Эватта) о тайне «Веноны». После этого, получив полную поддержку австралийского правительства, делегация МИ-5 приступила к работе в тесном контакте с местным полицейским следствием, которое в конечном итоге привело к успешному привлечению к суду советских шпионов, проникших в министерство иностранных дел. Они также подтолкнули власти Австралии к масштабной реконструкции системы безопасности и разведки в стране.

По совету МИ-5 австралийское правительство создало совершенно новое разведывательное управление, которое ввиду того, что Австралия имела региональную полицию, как и Великобритания, было построено по образу и подобию МИ-5. С первых обсуждений, которые проходили между австралийским правительством и недавно назначенным офицером связи МИ-5 по вопросам безопасности в Австралии Кортни Янгом, который участвовал в войне в качестве одного из дальневосточных экспертов МИ-5, было решено, что новая служба безопасности будет поддерживать самые тесные отношения с МИ-5: в какой-то момент во время дискуссий министр иностранных дел даже назвал предполагаемое управление «частью МИ-5». Холлис вернулся в Австралию в 1949 г., чтобы помочь составить устав нового ведомства – Австралийской организации обеспечения безопасности (ASIO), основанной в марте этого же года и существующей до настоящего времени⁶⁰.

В 1952 г. SIS сыграла аналогичную ведущую роль в создании первой зарубежной разведывательной службы Австралии в мирное время – Австралийской секретной разведывательной службы (ASIS). Связи между двумя службами были такими тесными, что в 1950-х гг. офицеры ASIS называли SIS в Лондоне не иначе, как штаб-квартирой. Для контроля за этими двумя новыми службами – ASIO и ASIS правительство Австралии создало также ведомство, наподобие британского Объединенного центра разведывательных служб (JIC)⁶¹.

Один из самых значительных первых успехов пришел к ASIO с бегством на сторону противника руководителя бюро советской разведки (КГБ) в Канберре Владимира Петрова в апреле 1954 г. Впервые Петров появился в поле зрения МИ-5 в 1950 г., когда ее офицер связи по вопросам безопасности в Австралии запросил о нем информацию, так как Петрова должны были назначить секретарем советского посольства в Канберре. Единственное, что было известно о нем в МИ-5 и SIS, – что ранее он был секретарем советского посольства в Стокгольме. В конце 1953 г. источник, близкий к Петрову в Канберре, сообщил в ASIO о том, что тот обдумывает возможность невозвращения на родину. И хотя этот источник не назван в документах МИ-5, почти наверняка им был Михаил Белогурский – польский врач и музыкант и по совместительству агент ASIO, который «обрабатывал» Петрова почти два года: угощал его дорогими винами и изысканными блюдами и возил к проституткам в район Кингс-Кросс в Сиднее. В обмен на гарантию политического убежища и защиту 3 апреля 1954 г. Петров дезертировал. Как позднее он сказал своим кураторам в ASIO, причиной послужило то, что ему понравилось жить в Австралии и он не хотел возвращаться в Советский Союз. И хотя он не назвал четко этот мотив причиной своей измены, это случилось, вероятно, потому, что он был назначен в Австралию печально известным руководителем советской разведки Лаврентием Берией, который в результате чистки был смещен со своего поста и казнен советским руководством в июне 1953 г. Петров, возможно, боялся, что в нем увидят «человека Берии», если он возвратится в Москву, где его, как и Берию, вполне могли «убрать»⁶².

Петров не сказал жене Евдокии о своих планах, очевидно предпочитая, чтобы она присоединилась к нему после того, как он окажется под надежной защитой Австралии. Однако 19 апреля, по-

видимому полагая, что ее муж уже мертв, двое крепких вооруженных советских молодцов запихнули мадам Петрову в аэропорте Сиднея в самолет английских авиалиний, направлявшийся в Цюрих. В аэропорте собралась толпа численностью около тысячи человек, которые бушевали, кричали и свистели, пытаясь помешать им. Некоторые из присутствовавших при этом утверждали, что слышали, как она говорила: «Я не хочу улетать. Спасите меня», когда ее вели на борт самолета. Во время полета капитан самолета отправил радиogramму о том, что мадам Петрова, по-видимому, боится своих русских сопровождающих. Когда самолет приземлился в аэропорту Дарвина для дозаправки, с ней встретился представитель администрации Северной Территории (штат Австралии со столицей в г. Дарвине. – *Пер.*) господин Р. Лейдин, который спросил ее, не желает ли она искать защиты у правительства Австралии. Другие австралийские официальные лица в это время беседовали с двумя крепкими советскими ребятами, чтобы отвлечь их от разговора Лейдина с мадам Петровой. Однако когда они увидели, что женщина разговаривает с австралийским чиновником, попытались прошмыгнуть мимо полицейских, стоявших между ними, причем один из русских полез в карман, как оказалось, за оружием. Полицейский немедленно остановил его и, обнаружив заряженный пистолет в его внутреннем кармане, разоружил. У другого русского нашли оружие в кобуре под пиджаком. Последовал скандал, так как полиция предупредила этих двоих, что провозить оружие в самолете противозаконно. Все это дало мадам Петровой время позвонить по телефону своему мужу, который, как она теперь поняла, был жив. После этого она официально попросила у властей Австралии политического убежища, которое ей и было предоставлено. Позже она соединилась со своим мужем, и они жили в Австралии под вымышленными именами до конца своих дней⁶³.

Петровы дали сотрудникам ASIО важную информацию о советской разведке. Оказалось, что мадам Петрова была далеко не просто консулом в советском посольстве в Канберре, как полагали в МИ-5 и ASIО, а на самом деле шифровальщицей, как и ее муж во время и после Второй мировой войны. И хотя МИ-5 и SIS это было неизвестно, его должность в советском посольстве в Стокгольме была прикрытием для реальной должности шифровальщика. Он не смог захватить с собой словарь кодов и шифров, когда переметнулся на

сторону противника, как хотел, но смог дать ASIО «важную информацию о людях и кодовых именах на период с 1945 по 1948 г. Он также захватил с собой документы вроде инструкций из Москвы на будущий год и – что представляло особый интерес для британской разведки – информацию о кембриджских шпионах Берджессе и Маклине, которые, как выяснилось, жили в русском городе Куйбышеве. Владимир Петров был больше чем шифровальщик в Канберре – на самом деле он занимался выявлением и работой с потенциальными советскими агентами в этом городе. По иронии судьбы, его обязанности как главы советского разведывательного пункта в Канберре также включали предотвращение побегов советских агентов на Запад.

У ASIО ушли годы на то, чтобы отследить всю информацию по советским шпионам в Австралии, предоставленную Владимиром Петровым. Последствия бегства на Запад мужа и жены вышли далеко за рамки контрразведки и имели драматические политические последствия. Премьер-министр Австралии Роберт Мензис начал открытое официальное расследование советского шпионажа в Австралии, объяснив членам палаты представителей, что в него вовлечены граждане страны, как это было в случае со шпионской группой Гузенко в Канаде. После того как на Запад переметнулась чета Петровых, правительства Австралии и СССР разорвали дипломатические отношения – советское правительство выдворило посольство Австралии из Москвы, а советское посольство было отозвано из Канберры. Две страны не возобновляли дипломатических отношений до марта 1959 г.⁶⁴

Организацией бегства на Запад четы Петровых изначально занималась ASIО, а МИ-5 (и в меньшей степени SIS) играла поддерживающую роль. При этом из архивов МИ-5 явствует, что сотрудники ASIО спрашивали совета у МИ-5 перед тем, как сделать каждый серьезный шаг. Однако благодаря радиотехнической разведке произошло самое выдающееся событие в совместной работе англо-австралийских спецслужб. В 1947 г. правительство Австралии создало войска радиотехнической обороны (DSB) со штаб-квартирой в Мельбурне. Удивительно, но их первый начальник был не австралиец, несмотря на наличие четырех австралийских кандидатов на этот пост, а британский офицер из Центра правительственной связи (ЦПС) Тедди Поулден. DSB вскоре стала подобием Центра правительственной связи.

Поулден в апреле 1947 г. встал во главе этой службы, штат которой насчитывал около двухсот человек, и поставил на двадцать самых высоких должностей сотрудников, командированных от ЦПС. Он поддерживал связь с ЦПС через свой личный особый шифр, который гарантировал, к радости Вашингтона, безопасный обмен радиотехнической информацией между правительствами Австралии и Великобритании⁶⁵.

Назначение британского офицера на должность руководителя первой в мирное время австралийской службы радиотехнической разведки демонстрирует то влияние, которые имели британские разведывательные службы на службы безопасности стран Содружества в начале холодной войны. Защита стратегической безопасности и разведывательной информации в Австралии стала даже более важной задачей для правительства Великобритании после испытания первого ядерного оружия Великобританией на пустынных островах Монте-Белло вдали от побережья Австралии в 1952 г., а впоследствии – первого испытания водородной бомбы на острове Рождества в 1957 г. – оба этих события сопровождались всевозможными уловками для их прикрытия, чтобы о них не узнал Советский Союз⁶⁶.

Радиотехническая разведка: величайший секрет процесса деколонизации Великобритании

История деколонизации Великобритании в настоящее время в общих чертах находится в том же положении, в каком находилась история Второй мировой войны до раскрытия секрета «Ультра». Проще говоря, пока значение радиотехнической разведки, которая сыграла ключевую роль в том, как британские правительства справлялись с выходом страны из империи, не раскрыто полностью, существует недостающее измерение в нашем понимании того периода. Мы уже видели, как расшифровки «Веноны» привели в 1948 г. к масштабным реформам системы безопасности в странах Содружества вроде Австралии. Однако роль британской радиотехнической разведки гораздо больше. Центр правительственной связи стоял во главе обширной системы, отвечавшей за перехват сообщений колоний и стран Содружества. Его усилиям содействовал простой факт: правительства многих этих государств доверяли шифровальным машинам свои сообщения, как раньше это делала Германия, и британские дешифровщики могли перехватывать и читать их точно так же, как и поток информации Германии. Это было одной из причин, по которой британское правительство раньше не раскрывало секрет «Ультра»: в Объединенном комитете разведывательных служб знали, что, если правительства стран Содружества обнаружат, что Великобритания успешно расшифровала код «Энигма» военных времен, они поймут, что оно, вероятно, имеет возможность по-прежнему делать это. Деятельность ЦПС по перехвату сообщений облегчал тот факт, что Великобритания отвечала за производство шифровочных кодов, известных как одноразовые шифровальные блокноты, которые теоретически невозможно расшифровать; их использовали многие правительства колоний и стран Содружества для «безопасности» информационного потока. Так как ключи к этим блокнотам были у ЦПС, то информационный поток колоний и стран Содружества, в которых они использовались, был на самом деле для него открытой книгой.

Сам объем информации, читаемый Центром правительственной связи, вызвал проблемы. Их суммировал сэр Уильям Дженкинс, который до конца 1947 г. работал заместителем начальника разведывательного бюро в Дели, но после этого был переведен в новый департамент Уайтхолла – министерство по делам Содружества (CRO), которое было создано в 1947 г. вместо бывшего министерства по делам доминионов. С 1 марта 1948 г. Дженкинс стал начальником нового совершенно секретного отдела в CRO, который отвечал за прием, распространение и перекодирование всей информации, имеющей отношение к «новым» странам, вступающим в Содружество, чтобы обеспечивать департаменты Уайтхолла регулярными, «животрепещущими» отчетами. Этот отдел поддерживал тесную связь со всеми британскими секретными службами и получал потоки «сырой» информации от МИ-5, SIS и ЦПС. Дженкинс придавал особое значение информации, получаемой от ЦПС, которую он (как и другие департаменты) получал в папках, известных как «синие пакеты», из-за их отличительных синих обложек. На самом деле отдел Дженкинса был завален большим количеством необработанной радиотехнической информации от ЦПС, и он жаловался, что не может обработать и проиндексировать ее всю, не говоря уже о том, чтобы проанализировать ее и составить по ней оперативную сводку для потребителей. Как он объяснял:

«В связи с усилиями радиотехнической разведки, которые были приложены к тому, чтобы повысить степень безопасности этих отчетов, есть понимание того, что те, кто составляет отчеты этой категории, довольны тем, что нет оснований для беспокойства. В связи с отчетами радиотехнической разведки и SIS есть один аспект, который является неудовлетворительным, особенно в отношении человека, который составляет большую часть ценного разведывательного материала. Дело в том, что до сих пор «запись» представляла собой практически подтверждение получения информации и ее отбор для распространения. Ясно, что если ценная информация не должна потеряться, то необходимо индексирование листов и карточек, что должно осуществляться обученным персоналом»⁶⁷.

Коллеги Дженкинса лаконично отмечали, что он «перегружен работой». Сам он считал, что на тот момент ЦПС предоставлял ту информацию, «которая, как они думают и надеются, будет скорее

представлять интерес, нежели, как им известно, будет ценной». Для того чтобы сделать лавину радиотехнической информации более контролируемой, он предложил изменить стиль работы, и его отдел должен был сообщать в ЦПС то, «что он хочет». Он констатировал, что недавняя конференция в Индии, созванная сторонниками национально-освободительного движения Индонезии, которую некоторые рассматривали как схему запуска чрезвычайной ситуации в Малайе, была хорошим примером события, о котором следует сигнализировать Центру правительственной связи.

Британская радиотехническая разведка в империи и странах Содружества строилась на основе договора, известного как договор UKUSA, который сначала был подписан между правительствами Великобритании и США в марте 1946 г. Этот договор был не единственным документом, как всегда считали историки, а одним из ряда соглашений, в который были внесены исправления в 1948 г., а затем периодически в начале 1950-х гг. Этот договор дал зашифрованное название тесному сотрудничеству радиотехнической разведки, установленному между британским и американским правительствами во время войны и оформленному предыдущим договором, известное как BRUSA. Договор UKUSA стал точкой опоры «особых отношений» разведок Лондона и Вашингтона в холодной войне. Текст первого договора UKUSA, который был рассекречен лишь в 2010 г., так как считалось, что в нем содержится слишком много информации, связанной с государственной тайной, чтобы делать ее достоянием гласности раньше, дает ясное понимание заметной роли Британской империи и стран Содружества в заключении договора между этими двумя правительствами. Учреждение ЦПС, известное как Лондонская коллегия радиотехнической разведки, представлявшее британское правительство на переговорах, отчаянно торговалось за то, чтобы Великобритания отвечала за сбор информации средствами радиотехнической разведки во всей Британской империи, а США должны были отвечать за все другие страны. Однако английская делегация заявила, что, хотя страны, получающие статус «доминиона», явно уже не будут составной частью империи, их не следует считать «третьей стороной», которая вследствие этого находится за пределами охвата радиотехнической ее разведки. Подтекстом переговоров по договору UKUSA была маячившая впереди передача власти в Индии⁶⁸.

Оставив за собой право собирать средствами радиотехнической разведки информацию в колониях, получающих статус доминионов, правительство Великобритании гарантировало своей разведке положение в послевоенном мире и возможность проникать дальше, чем позволяет ее влияние, несмотря на убывающее могущество в мире. Когда Индия и Пакистан обрели независимость в 1947 г., обе этих страны получили, по выражению авторов договора UKUSA, «статус доминионов», хотя вскоре он был переименован в «статус страны Содружества», чтобы эти слова звучали не слишком старомодно и покровительственно. По договору UKUSA ЦПС сохранял за собой право собирать разведывательную информацию в Индии средствами радиотехнической разведки. Договор UKUSA означал, что Британия и ее бывшие колонии были слишком важными, чтобы их игнорировал Вашингтон. Главную роль в составлении договора для британского правительства сыграл Ф.Х. «Гарри» Хинсли, который тогда был молодым дешифровщиком, работавшим в Блетчли-парке. Позднее он напишет официальную историю британской разведки во Второй мировой войне⁶⁹.

Так как ЦПС обеспечил себе право собирать разведывательную информацию средствами радиотехнической разведки в странах, вступающих в Содружество, после этого постоянной темой в «особых отношениях» между Лондоном и Вашингтоном стал вопрос о том, что правительству США нужны остатки Британской империи для сбора разведывательной информации, несмотря на долгую историю США как антиколониальной страны. Недвижимое имущество Великобритании в колониях по всему миру и сделка, зафиксированная в договоре UKUSA и дающая право ЦПС собирать разведывательную информацию радиотехническими средствами в колониях и вновь вступивших в Содружество странах, гарантировали Великобритании особый статус в глазах вашингтонских властей, даже когда ее имперская власть и влияние ее военной «жесткой силы» пошли на убыль. В 1950-х и 1960-х гг., еще в доспутниковую эру, когда огромное количество сообщений передавалось на большое расстояние по радиоволнам высокой частоты, остатки Британской империи сыграли важную роль, предоставляя наземные станции для сбора этих сигналов. Фактически, чтобы собирать информацию радиотехническими средствами, как мы сейчас видим, Вашингтон унаследовал от Великобритании и финансировал ее

продолжительное присутствие в некоторых ее бывших колониях в форме станций радиотехнической разведки и разведывательных агентств, созданных по образцу МИ-5, еще долго после обретения ими независимости. Это подтверждает тезис, выдвинутый двумя влиятельными историками Британской империи Роджером Луисом и Рональдом Робинсоном в статье от 1994 г.: когда Вашингтон унаследовал некоторые части разрушающейся Британской империи во время холодной войны, это был, в сущности, «империализм деколонизации». Великобритания при поддержке США неофициально сохраняла империю в годы холодной войны даже после ее официального развала. На основе договора UKUSA аванпосты Великобритании в империи таким образом стали важными как для Вашингтона в целях сбора разведывательной информации радиотехническими средствами, так и для самого правительства Великобритании⁷⁰.

Договор UKUSA был пересмотрен в 1948 г. и в начале 1950-х гг. для включения в него Канады, Австралии и Новой Зеландии, которые поделили мир на различные области радиотехнической разведки, охваченные наблюдательными постами каждой подписавшей договор стороны, под руководством Вашингтона и Лондона. Когда в послевоенные годы официальная Британская империя начала распадаться, Лондон прилагал колоссальные усилия к заключению стратегических договоров, санкционирующих долгосрочное присутствие Великобритании (и, следовательно, США) в недавно добившихся независимости странах. Старые имперские базы Великобритании, рассеянные по всему земному шару от Кипра до Сингапура, стали местом размещения центров по сбору разведывательной информации средствами радиотехнической разведки. В 1950-х гг. Кипр фактически стал огромным лагерем для сбора Великобританией разведывательной информации радиотехническими средствами: по всему небольшому острову появились антенны, причем многие из них благодаря прямой финансовой помощи нового управления радиотехнической разведки правительства США – Агентства национальной безопасности (АНБ). В декабре 1963 г., когда премьер-министр сэра Алек Дуглас-Хоум спросил, действительно ли Великобритании необходимо сохранять базы на Кипре, министр обороны Питер Торникрофт ответил выразительное «да», заявив, что

остров «вмещает самые важные станции радиотехнической разведки и является базой, с которой производятся особые разведывательные полеты». В некоторых случаях, как мы увидим, Великобритания была готова начать ожесточенные грязные войны против таких же ожесточенных восстаний, чтобы обеспечить свои «жизненные интересы» в последние дни империи в годы холодной войны.

Британская Гвиана

История колонии – Британской Гвианы, расположенной на северном побережье Южной Америки, показывает, насколько запутанными могли быть международные отношения во время холодной войны. Широко известно, что сильное давление со стороны Соединенных Штатов Америки, пропитанное историей их антиколониализма, было одной из главных причин того, что англичане были вынуждены постепенно отказаться от колониальных владений по всему миру после 1945 г. Однако иногда антиколониальная позиция правительства США напрямую вступала в конфликт с его же требованиями во время холодной войны. Когда такое случалось, Вашингтон мог становиться даже еще большим колонизатором, чем Великобритания.

Нигде это не было так отчетливо видно, как в небольшом, но имеющем важное геополитическое значение государстве – Британской Гвиане, которое с конца 1940-х гг. добивалось самоуправления и в конечном счете независимости от Великобритании. Отношение Вашингтона к этой колонии стало более напряженным с приходом к власти на Кубе Фиделя Кастро в 1959 г. и разразившимся в октябре 1962 г. Кубинским ракетным кризисом, когда мир подошел к ядерному Армагеддону ближе, чем когда-либо.

Что касается правительства США, то главной проблемой Британской Гвианы был ее выдающийся борец с колониализмом доктор Чедди Джаган – стоматолог, получивший образование в США, выходец из семьи индийцев, работавших на сахарных плантациях. Джагана вдохновили антиколониальные сочинения Неру, и он вместе со своей женой-американкой Джанет открыто придерживался марксистских взглядов. Политика Джагана явно привлекала индийскую общину в Гвиане, которая составляла половину населения колонии. Но в Госдепе США боялись, что, если Джаган будет избран во властные структуры, его Народная прогрессивная партия (НПП) «разрушит» колонию и создаст марксистско-коммунистический береговой плацдарм на «заднем дворе» Америки. Великобритания со своей стороны не делала секрета из своего желания как можно скорее уйти из Гвианы, которая перестала представлять для нее стратегический интерес.

Страхи Вашингтона проснулись, когда в апреле 1953 г. Джаган стремительно вошел во власть, добившись ошеломляющей победы в первых в истории колонии всеобщих выборах на высший государственный пост в стране и выиграв в восемнадцати из двадцати четырех избирательных округах. И хотя Джаган победил на выборах, его победа должна была быть утверждена Лондоном. После чего США пошли на все, чтобы заставить Великобританию отложить планируемый ею уход из этой колонии и передачу власти Джагану. Фактически, наверное, во многом благодаря давлению со стороны Вашингтона английский губернатор сэра Альфред Сэведж сделал удивительный шаг – отверг результаты всеобщих выборов и отказался уступить власть Джагану. Эта радикальная мера была одобрена на самом высоком уровне в Лондоне самим Черчиллем, который 27 сентября 1953 г. санкционировал операцию «Виндзор» – высадку английских войск в Британской Гвиане 9 октября, которая сопровождалась отставкой правительства Джагана и отсрочкой принятия новой конституции колонии, в которую впервые было включено всеобщее избирательное право. Побыв на посту премьер-министра всего 133 дня, Чедди Джаган был выдворен из своего кабинета, а губернатору сэру Альфреду Сэведжу были даны чрезвычайные полномочия, которые продлились еще три года⁷¹.

Правительство Черчилля оправдало смещение Джагана, заявив, что «интриги коммунистов и их сторонников» в правительстве НПП угрожали превратить Британскую Гвиану в «государство, управляемое коммунистами». Лондон и Вашингтон изображали Джагана как самого настоящего коммуниста. Оливер Литтлтон – министр по делам колоний с октября 1951 по июль 1954 г. – позже утверждал в своих воспоминаниях, что он решил отменить избрание Джагана и объявить чрезвычайную ситуацию после получения докладов от британских разведывательных служб о том, что вскоре начнутся бунты и кровопролитие, а построенная в основном из дерева столица колонии Джорджтаун будет сожжена. Первая реакция Литтлтона на избрание Джагана была сдержанная. Он сделал вывод, что электорат в Британской Гвиане сказал свое слово, а в манифесте Джагана не содержится ничего более экстремального, чем в манифесте оппозиции в Великобритании. Однако в тот же месяц Черчилль написал Литтлтону, дав волю своему гневу по поводу избрания Джагана, и настаивал, что

Великобритании «следует, безусловно, получить американскую помощь и сделать все возможное, чтобы сломать коммунистам зубы в Британской Гвиане». Он сухо добавил, что американцы, возможно, «пошлют туда сенатора Маккарти». К сентябрю отношение Литлттона к выборам Джагана изменилось на полностью противоположное тому, что было в мае, и он проинформировал кабинет министров, что Джаган – опасный коммунист. Что-то явно заставило его полностью изменить свою точку зрения.

Роль МИ-5 в этом удивительном деле прояснилась только в конце 2011 г. после публикации ее огромного досье на Джагана – в общей сложности более двадцати томов. В них нет ничего, что указывало бы на то, что МИ-5 «подкармливала» страхи Лондона и Вашингтона в отношении коммунистических взглядов Джагана. Напротив, в 1951 г. офицер связи по вопросам безопасности МИ-5 в Тринидаде, в сферу ответственности которого входила и Британская Гвиана, доложил, что «нет никаких доказательств того, что Народную прогрессивную партию контролирует или руководит ею какая-либо коммунистическая организация, находящаяся за пределами колонии». Архивы МИ-5 показывают, что Джаган впервые привлек к себе внимание секретной службы в мае 1947 г., когда посольство Великобритании в Вашингтоне запросило информацию о нем после донесения из «чрезвычайно конфиденциального источника», в котором говорилось, что Джаган в предыдущем году писал в советское посольство в Вашингтоне. У МИ-5 и SIS не было «следов» Джагана в их документах в то время. Однако интенсивное наблюдение МИ-5 за членами Британской коммунистической партии выявило, что начиная с 1948 г. Джаган поддерживал связь со штаб-квартирой компартии в Лондоне, которую посетила его жена Джанет во время поездки в Великобританию после победы НПП на выборах 1953 г. Во время предыдущего приезда Чедди Джагана в Великобританию в июле 1951 г. МИ-5 запросила у министерства внутренних дел ордер на перехват его корреспонденции. Общий смысл досье МИ-5 на Джагана состоит в том, что, хотя он и был, безусловно, марксистом, а его жена, как известно, в юности была членом молодежной организации Компартии США в своем родном Чикаго, кроме этого было мало фактов, говорящих о какой-либо политической принадлежности к коммунистической организации. Если только МИ-5 не предоставила правительству Черчилля свою оценку

Джагана, которая радикально отличалась от всего содержащегося в ее собственных документах, маловероятно, что оно поддержало бы предлог для отмены результатов выборов в Британской Гвиане, который состоял в том, что Джаган был коммунистом. Более того, учитывая свою достаточно оптимистичную оценку других лидеров антиколониального движения вроде Кваме Нкрумы и Джомо Кеньятты, о которых будет рассказано в шестой главе, кажется маловероятным, что МИ-5 сделала бы вывод, будто Джаган – убежденный коммунист. В реальности, как мы видим сейчас, Джаган был прежде всего борцом за независимость своей родины, хотя и говорившим на языке марксизма.

По-видимому, в 1953 г. на самом деле произошло следующее: министерство по делам колоний просто использовало «коммунизм» как предлог, чтобы отменить избрание Джагана. Настоящей причиной тревоги Лондона, вероятнее всего, были обширные минеральные богатства, скрытые в недрах этой колонии, – огромные залежи алюминия и бокситов, и в начале 1950-х гг. она обеспечивала около двух третей бокситов, импортируемых в США. С точки зрения Лондона и Вашингтона, Британская Гвиана была слишком ценной, чтобы отдавать ее марксисту вроде Джагана, главным обещанием которого на выборах была национализация минеральных ресурсов колонии и перераспределение ее богатств. Решив изобразить Джагана коммунистом, Лондон и Вашингтон, видимо, выбрали ту версию фактов, которая наилучшим образом подходила к их потребностям – классическая несостоятельность разведки.

Эту точку зрения поддерживают архивы, в настоящее время находящиеся в Оксфорде, которые показывают, что за оценкой коммунистических взглядов Джагана министерство по делам колоний обратилось к одному из своих экспертов У.Х. Ингрэмсу. Ингрэмс сделал большую карьеру, служа в различных английских колониях в Африке с 1920-х гг. В июле 1953 г., через два месяца после победы Джагана на выборах, он совершил поездку в Вест-Индию и Британскую Гвиану. В последовавшем за поездкой отчете министерству по делам колоний он нарисовал довольно безрадостную картину, назвав в нем Джагана убежденным коммунистом, и даже порекомендовал, что «друзья» (то есть SIS) должны вмешаться и начать в колонии информационную кампанию против Советского Союза. Мы не знаем, какие последствия повлекли за собой предложения Ингрэмса, но они, вероятно,

прозвучали как музыка для ушей ястребов в министерстве по делам колоний, которые уже не доверяли Джагану. Наверняка не является совпадением то, что приблизительно в это время именно Ингремс громче всех заявлял о том, что Джомо Кеньятта – коммунист, а восстание мау-мау в Кении – коммунистический мятеж, как мы увидим в шестой главе. Как явствует из одной памятной записки МИ-5 для внутреннего употребления, Ингремс и группа его коллег в министерстве по делам колоний видели коммуниста «за каждым кустом крыжовника в каждой колонии»⁷².

Силы чрезвычайного реагирования оставались в Британской Гвиане до августа 1957 г., когда Джаган возвратился на свою должность после того, как НПП одержала еще одну победу на выборах, став лидером в стране на этот раз по новой конституции. По мере того как Джаган все крепче держал власть в своих руках, правительства Великобритании и США начали обдумывать план тайной операции для дестабилизации его правления. В октябре 1961 г. Джаган снова одержал явную победу на всеобщих выборах и стал премьер-министром Британской Гвианы, но Лондон по-прежнему отказывался называть его премьер-министром по надуманным причинам. Однако теперь стало ясно и Лондону, и Вашингтону, что если тайная операция не даст нужный им результат, то Джаган будет руководителем независимой Гвианы.

При обычном ходе событий разведывательные данные МИ-5 о прошлом и настоящем Джагана сыграли бы решающую роль в передаче власти в колонии, как это было в других колониях. Но в Британской Гвиане МИ-5 была оттеснена на второй план. В отличие от большинства других проблемных уголков империи в этой колонии никогда не было постоянно работающего в ней офицера связи по вопросам безопасности. Вместо этого офицер связи по вопросам безопасности в Тринидаде приезжал сюда приблизительно раз в месяц между 1960 и 1963 гг. По иронии судьбы, жена Джагана Джанет была назначена министром внутренних дел, а это означало, что в ее обязанности входило поддерживать контакт с офицером связи по вопросам безопасности в Тринидаде. Эти двое – шпион и человек, за которым шпионят, несколько раз встречались во время визитов офицера связи по вопросам безопасности в колонию, и он предоставлял ей чрезвычайно тщательно выверенные доклады.

О чем офицер связи по вопросам безопасности МИ-5 не информировал Джанет Джаган, так это о том, что величайшая угроза для Британской Гвианы исходит на самом деле от главного союзника Великобритании – Соединенных Штатов Америки. Фактически после октября 1961 г. британское правительство дало Вашингтону свободу действий для осуществления тайной деятельности в этой колонии. Как отмечал историк империи Ричард Дрейтон, правительство США получило большую свободу действий для оказания влияния на политику Британской Гвианы, чем в любой другой британской колонии. Государственный департамент и ЦРУ провели ряд секретных операций с целью дестабилизировать режим Джагана. Сюда входили фальсификация результатов выборов, подкуп профсоюзов, организация в феврале 1962 г. забастовок и восстаний и даже, по-видимому, планирование серии взрывов. Их главной целью было усилить позицию главного политического противника Джагана – чернокожего «антикоммуниста», юриста Форбса Бернхэма – лидера Народного национального конгресса (ННК). Человек умеренных взглядов, одаренный оратор, выпускник Лондонской школы экономики и истовый приверженец методизма, который тем не менее имел вкус к быстрым машинам и красивым женщинам, Бернхэм явно был человеком Вашингтона⁷³.

Вскоре после победы на выборах в 1961 г. Джаган нанес визит президенту США Джону Кеннеди в Белый дом, чтобы получить поддержку США для обретения Британской Гвианой независимости. Чедди Джаган вполне может быть марксистом, сказал после его визита Кеннеди, «но Соединенные Штаты не возражают, потому что этот выбор был сделан в ходе честных выборов, которые он выиграл». В частной же беседе Кеннеди сказал прямо противоположное. Вашингтон боялся, что Джаган превратит Британскую Гвиану в еще одну Кубу, официальный визит в которую он совершил в 1960 г., как, впрочем, и в Советский Союз и Китай. На следующий год, как обнаружили в МИ-5, он также попросил помощи у Коммунистической партии Великобритании. После унижительной неудачи государственного переворота с целью свержения Кастро при поддержке ЦРУ (фиаско в заливе Свиней в апреле 1961 г.) Кеннеди был полон решимости не допустить повторения этого с Джаганом. Госсекретарь США Дин Раск написал министру иностранных дел Великобритании лорду Хоуму в

феврале 1962 г.: «Должен вам сказать, что пришел к выводу о том, что мы не можем мириться с независимой Британской Гвианой под руководством Джагана». Премьер-министр Гарольд Макмиллан сказал Хоуму, что письмо Раска было «чистым макиавеллизмом», демонстрирующим «определенную степень цинизма», которую он счел удивительной ввиду того, что госсекретарь «не был ни ирландцем, ни политиком, ни миллионером». В своем дневнике Макмиллан резюмировал ситуацию в Британской Гвиане, отметив, что американцы «готовы нападать на нас как на колонизаторов, когда это им это удобно», но «они первыми поднимают крик, когда «деколонизация» происходит в неудобной близости от них». Хоум резко ответил Раску: «Вы пишете, что не можете «мириться с независимой Британской Гвианой под руководством Джагана» и что «Джагану не следует позволять снова прийти к власти». Как, по вашему мнению, это можно осуществить в условиях демократии? И даже если нашлось бы такое средство, все это почти наверняка было бы прозрачно...»⁷⁴

Однако вскоре Макмиллан и Хоум уступили давлению США. В августе 1962 г. Кеннеди санкционировал проведение тайной операции ЦРУ стоимостью 2 млн долларов с целью убрать Джагана из власти до того, как Британская Гвиана станет независимой. Ни в одной другой британской колонии Соединенным Штатам не позволялось еще проводить тайные операции. В октябре 1962 г. – месяце, когда произошел Кубинский ракетный кризис, министр по делам колоний Дункан Сандис согласился с тем, что ЦРУ следует позволить начать переговоры с Форбсом Бернхэмом, и его партия – ННК – в должный момент получила финансирование от США. Результаты тайной операции США, включавшей ошеломляющее количество заговоров и уловок, стали ощущаться в 1963 г. В апреле того же года Конгресс профсоюзов Британской Гвианы при поддержке США спровоцировал всеобщую забастовку, которая продлилась десять недель и нанесла стране большой ущерб. Это была самая долгая всеобщая забастовка, которая проходила где-либо в мире до этого. Тайная операция США также стала причиной начала забастовок и бунтов в Джорджтауне, в ходе которых погибло, возможно, около двухсот человек. В июле 1963 г. Макмиллан снова подвел итог ситуации, уловив иронию Вашингтонской политики: «Мы не дадим Британской Гвиане «независимость», чтобы она стала еще одной Кубой, только на

материке. Однако довольно забавно заставлять американцев снова и снова повторять их страстный призыв к нам не отступать от политики «колониализма» и «империализма» любой ценой»⁷⁵.

Хотя правительство Макмиллана согласилось на тайную операцию США в Британской Гвиане, в период 1961–1964 гг. некоторые британские официальные лица тем не менее стали все больше возмущаться попытками США подорвать демократический процесс в этой стране. В феврале 1962 г. «посредник, занимающийся устройством сомнительных дел» президента Кеннеди, – гарвардский историк Артур Шлезингер-младший – провел напряженную встречу с Ианом Маклеодом – министром по делам колоний с октября 1959 г. по октябрь 1961 г., который сказал ему, что не согласен с американской оценкой Джагана как коммуниста. Маклеод предупредил Шлезингера, что «невозможно низложить демократически избранную партию», забыв при этом, что именно это и проделали Черчилль и министерство по делам колоний в Британской Гвиане в 1953 г. И хотя это нельзя окончательно доказать, кажется весьма вероятным, что умеренная оценка Маклеодом Джагана принадлежала МИ-5.

Также стоит отметить, что тайная деятельность США в Британской Гвиане не исходила исключительно от ЦРУ, как можно было бы предположить. Документы из личного архива президента Кеннеди показывают, что именно Государственный департамент, а не ЦРУ, занимался направлением финансирования через американские профсоюзы в Британский конгресс тред-юнионов для Британской Гвианы⁷⁶.

Со своей стороны МИ-5 была активно против тайной операции, или «специальной политической операции» (СПО), в Британской Гвиане. В апреле 1961 г., за семь месяцев до избрания Джагана премьер-министром, офицер связи по вопросам безопасности в Тринидаде предостерег, что СПО вряд ли повлияет на исход предстоящих выборов, а «результаты ее неудачи будут, вероятно, катастрофическими». Самое сильное сопротивление применению СПО против любого колониального правительства или правительства страны Содружества оказал Алекс Келлар – начальник зарубежного департамента МИ-5 – отдела Е:

«Несмотря на политическое давление и треволения, которые возникают между странами Содружества, есть факторы, которые

продолжают связывать его отдельных членов и делают Содружество все еще могущественной силой, с которой следует считаться в мировых делах. Среди этих факторов нет более важного, чем комплекс безопасности стран Содружества, в котором секретная служба и ее офицеры связи по вопросам безопасности играют главную и влиятельную роль. Наши офицеры связи по вопросам безопасности играют ведущую роль, в частности, потому, что, какой бы личный вклад они ни сделали в этой области как отдельно взятые люди, все ведут себя с абсолютной честностью и, делая это, добились и сохранили веру, доверие и уважение к местным официальным лицам – административным и полицейским, – что очень важно. Это тем более важно в отношении новых стран Содружества, которые, обретая свою независимость, легко могут озлобиться на нас, если выявят наше участие или хотя бы заподозрят нас в ведении какой-то деятельности за их спинами.

Эта опасность становится все более реальной, так как давление... по поводу проведения тайных операций на этих получивших независимость территориях нарастает с неизбежным, как сейчас кажется, участием офицера связи по вопросам безопасности и последующим искажением его положения.

...Я согласен с тем, что есть не поддающиеся воздействию члены нашего Содружества, которые в полной мере испытывают наше терпение, но Соединенное Королевство с его зрелостью, политическим опытом и центральным положением несет особую ответственность за проявление терпения»⁷⁷.

Несмотря на тайную поддержку США Форбса Бернхэма, он не смог обойти Джагана на голосовании. Но в декабре 1964 г. администрация США сумела добиться того, что президент Кеннеди назвал «хорошим результатом»: хотя НПП Джагана набрала самый высокий процент голосов, НК Бернхэма сумел сформировать коалиционное правительство, и Бернхэм стал премьер-министром. В мае 1966 г. Британская Гвиана (переименованная в Гайану) получила независимость, а Бернхэм стал ее первым премьер-министром.

Всеми возможными способами американское и британское правительства добились своей цели – помешали преданному марксисту взять власть. По иронии судьбы, они создали монстра. Протеже Вашингтона Бернхэм хорошо учился у своих американских хозяев:

втихомолку изменил электоральный процесс и фальсифицировал выборы после 1964 г. Он продолжал противоправно и некомпетентно управлять Гайаной более двадцати лет, разрушая экономику страны и попустительствуя враждебным отношениям между ее афро-карибской и индийской общинами. История Гайаны – прекрасная иллюстрация теории «отдачи», разработанной американским ученым-политологом Чалмерсом Джонсоном, которая состоит в том, что попытки США и Великобритании утвердиться в различных уголках мира и влиять на политику местных властей неизменно имеет непредусмотренные и разрушающие последствия⁷⁸.

Глава 5

Война в джунглях: британская разведка и чрезвычайное положение в Малайзии

*Дорогой Литтлтон,
Малайя.
Во-первых, у нас должен быть план.
Во-вторых, у нас должен быть человек.
Когда у нас будут и план, и человек, мы
достигнем цели; не иначе.
Искренне Ваш,
Монтгомери (ФМ)*

*Оливер Литтлтон. Воспоминания лорда
Чэндоса¹*

*«Остерегайся вулкана...»
«Какого вулкана?»*

*Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в
Стране чудес²*

После японской оккупации во время Второй мировой войны Великобритания снова оккупировала Малайю – свою стратегически важную колонию в Юго-Восточной Азии, которой она владела с XVIII в. и безуспешно пыталась принести в нее единство. Англичане господствовали в Малайе, но не управляли ею главным образом потому, что это был ни с чем не сравнимый тип колонии, являвшийся настоящим плавильным котлом культур. Две трети Малайского полуострова, который отделяет Южно-Китайское море от Бенгальского залива, представляют собой густые, насыщенные парами джунгли, и, хотя столицей страны был Куала-Лумпур, значительная автономия была передана девяти малайским штатам, каждый из которых был протекторатом, управляемым своим собственным султаном. Официально британское владычество сосредоточивалось на двух

«колониях у проливов», или колониях британской короны, – Пенанге и Малакке, а также Сингапуре. Великобритания пыталась создать единство автономных штатов Малайи путем образования «Малайского союза». Однако существованию этого союза яростно сопротивлялось большинство этнических малайцев, а особенно основная движущая сила послевоенного национально-освободительного движения – Объединенная малайская национальная организация (OMNO). Она с возмущением относилась к уступкам немалайским этническим группам в Союзе, которые в 1948 г. заставили Великобританию заменить Союз на «Малайскую федерацию» – создание федераций стало излюбленной и по большей части безнадежной тактикой со стороны Уайтхолла по объединению и управлению как единым целым колониями, которые часто были совершенно разными. Малайская федерация не сильно отличалась от Союза, который ей предшествовал. В ней было заново утверждено привилегированное положение малайцев в колониальном обществе, а также укреплена независимая власть султанов³.

Одной из основных проблем Великобритании в Малайе было то, что ее политика была разделена по этническому, расовому и религиозному направлениям. Перепись населения, проведенная в 1947 г., выявила, что население Малайи составляет около 5 млн человек, приблизительно половина – этнические малайцы и преимущественно мусульмане; около 38 % – этнические китайцы, две трети которых родились на материке в Китае, и это самая большая китайская община в мире за пределами Китая; оставшиеся 12 % – индийцы, исповедовавшие самые разные религии. Главным проводником коммунизма в Малайе была ее Коммунистическая партия (МКП), в которой в 1947 г. насчитывалось около 11 800 членов, огромное большинство которых (95 %) было этническими китайцами. Это означало, что для многих британских чиновников в Малайе слова «китаец» и «коммунист» были синонимами, что было вполне оправданно. Англичане никогда как следует не понимали китайскую общину в Малайе и, следовательно, их коммунистические взгляды. Люди, говорившие на китайском языке, были редкостью в британской администрации: за полтора года чрезвычайной ситуации в стране лишь 23 из 256 малайских государственных служащих сдавали экзамены по китайскому языку. Полиция колонии тоже состояла преимущественно из малайцев – в 1946 г. лишь 5 % ее сотрудников были этническими

китайцами. Это неизбежно вызывало недопонимание и трения между двумя этническими общинами. К середине 1948 г. у англичан в Малайе было приблизительно 12 тысяч полицейских для контроля за всей колонией, многие из которых были чрезвычайно бедно экипированы. Некоторые районные подразделения полиции полагались на такое устаревшее оружие, как винтовки Ли-Энфилда 1917 г. Но вознаграждение за управление Малайским полуостровом с его богатыми каучуковыми плантациями и оловянными рудниками было слишком большим, чтобы Лондон от него отказался. Малайя имела жизненно важное значение для стран Британского Содружества как регион обмена валюты – «территория фунта стерлинга»: в 1948 г. долларовые поступления от Малайи были больше, чем от всего промышленного производства Великобритании, в то время как ее производство каучука составляло около половины всего каучукового импорта в Соединенные Штаты, а экспорт олова – почти весь импорт США. «Чрезвычайное положение» в Малайе, объявленное Великобританией, было «маленькой колониальной войной», как в стародавние времена, или карательными мерами по подавлению восстаний, которые велись для того, чтобы контролировать производство каучука и олова. Но в то же время это был открытый вооруженный конфликт со стратегическими целями – сдержать распространение коммунизма в период холодной войны.

Фиаско британской разведки в Малайе

Начало чрезвычайного положения в Малайе, или «восстание коммунистов», как его иногда называли, в июне 1948 г. символизировало несостоятельность британской разведки в Лондоне и британской администрации в Малайе. 14 июня местная малайская служба безопасности (MSS) составила отчет, который позднее стал широко известным как признак ее некомпетентности. Отчет уверял своих читателей в том, что не существует «непосредственной угрозы внутренней безопасности в Малайе», хотя в нем и признавалось, что «положение постоянно меняется и является потенциально опасным». Через два дня после убийства двух европейцев – управляющих именьями и их помощника на каучуковых плантациях в районе Перак губернатор колонии объявил чрезвычайное положение, и Великобритания начала действия, которые обернулись двенадцатилетней войной приблизительно против 8 тысяч коммунистов-партизан в джунглях Малайи. «Небольшая, но дорогостоящая проблема» Великобритании в Малайе, как Уинстон Черчилль назвал меры по подавлению повстанческого движения в этой стране, стали самым долгим чрезвычайным положением в колонии, с которым столкнулась Великобритания в послевоенные годы и которое продлилось с июня 1948 по 1960 г. Чрезвычайное положение в Малайе вскоре превратилось в настоящую войну: около трех тысяч британцев погибли там в ходе военных действий. Этот конфликт унес жизни и тысяч партизан, или «бандитов», как их сначала называли англичане, а также, вероятно, несколько тысяч невинных людей, не принимавших участия в боевых действиях⁵.

Многие из тех, кто изучал промахи современных разведывательных служб от Перл-Харбор до 11 сентября 2001 г., пытались объяснить их либо недостаточным сбором разведанных, либо плохим их анализом, либо сочетанием того и другого. В Малайе, как мы видим, был недостаток и того и другого. На самом деле перед началом восстания малайская разведка едва соответствовала своему названию. Ее составными частями, по крайней мере теоретически, были MSS и Малайский особый отдел, но они не поддерживали друг с другом эффективную связь. MSS возглавлял Джон Дэлли, смелый,

несколько эксцентричный человек, который воевал в годы войны вместе с коммунистами в малайских джунглях против японцев, будучи командиром партизанского отряда сопротивления под названием «Дэлфорс». После войны его эксцентричность выражалась в его удивительной способности восстанавливать против себя своих коллег. Его раздражающая личность, очевидно, была главной причиной, которая помешала ему стать одним из членов Объединенного разведывательного комитета на Дальнем Востоке (JICFE) – наивысшей британской инстанции по оценке разведывательной информации в Юго-Восточной Азии, которая после войны размещалась в Сингапуре. Официальное объяснение, данное JICFE по исключению Дэлли, состояло в том, что MSS носит слишком «местнический» характер и сосредоточена на Малайе. На самом деле хорошая доля «местничества», вероятно, была именно тем, что было нужно JICFE. С какой стороны на это ни смотри, а когда глава местной разведывательной службы не входит в JICFE, усилия Великобритании по оценке разведывательной информации в этом регионе неизбежно должны были стать недостаточными и несогласованными. Что еще хуже, при Дэлли MSS составляла разведывательные донесения, которые были полны противоречий, что не давало читателям ясной картины существующих угроз. Один из коллег Дэлли заметил, что тот сидел на стольких заборах, что удивительно, как его еще не разрезали занозы⁶.

Организация MSS, определенная в 1939 г., не способствовала сбору разведывательной информации или ее оценке. Ее директор Дэлли сидел в Сингапуре, а его заместитель – в Куала-Лумпуре. Что еще хуже, финансы, которые имела MSS в своем распоряжении, были очень малы с учетом масштаба ее задач. После начала чрезвычайного положения Дэлли попытался ответить на критику, жалуюсь на то, что в его службе «отчаянная нехватка личного состава». И он не ошибался. В 1946 г. в ее штате состояли всего четыре офицера-европейца, которым он мог предложить лишь жалкое жалованье. Работавшему в MSS переводчику платили даже меньше, чем переводчику в китайском секретариате, что делало работу в службе непривлекательной. В результате, как отмечал Дэлли, когда было объявлено чрезвычайное положение, «стали расти груды непереуевденных документов, потому что в рабочем дне не было достаточного количества часов, чтобы эти немногие верные и преданные мужчины и женщины могли закончить свою работу». Тем

временем в 1948 г. в особом отделе малайской полиции CID работали всего двенадцать служащих, которые тоже были поделены между Сингапуром и Куала-Лумпуром – едва ли удовлетворительная ситуация для эффективных согласованных действий разведки⁷.

И хотя легко высмеивать недостатки MSS под руководством Дэлли, следует помнить о трудностях сбора разведывательной информации в Малайе. Имея незначительные финансы, MSS должна была работать в стране, в которой не было единого языка, а вместо него были в ходу несколько диалектов, а иконографическая письменность насчитывала приблизительно 10 тысяч символов. Как позднее выразился один из офицеров МИ-5, работавший в Сингапуре: «Нетрудно представить себе, какой кошмар представляют собой толкование, перевод и регистрация документов в контрразведывательной работе». Неудачи MSS до 1948 г. также следует отнести на счет исключительных трудностей, с которыми она столкнулась, когда пыталась собирать информацию о коммунистах в послевоенные годы. Многие эти трудности тянулись со времен войны. Захват Сингапура японцами в феврале 1942 г., названный Черчиллем самым тяжелым поражением в истории войн Великобритании, был унижительным провалом для британской разведки. Ни одна из секретных служб Великобритании – МИ-5, SIS, ЦПС – не предупредила о наземном вторжении японцев, а британские вооруженные силы были настолько не готовы к нему, что для защиты Сингапура не оказалось ни одного танка. Широко распространенное мнение, что орудия колониальных войск были повернуты не в ту сторону – жерлами к морю, – это более поздний миф, но правдой остается то, что у них было совершенно недостаточно снарядов для отражения наземного вторжения. В частности, SIS в предвоенные годы выделяла скудные средства на сбор информации об угрозе со стороны империалистической Японии, а ее работа на Дальнем Востоке представляла собой спектакль одного актера – одного-единственного офицера Гарри Стептоу, находившегося в Сингапуре. И хотя Стептоу был, вероятно, более эффективным сотрудником, чем изображали его очернители, вроде Филби, он не дал британской администрации в Сингапуре сколько-нибудь значительное предупреждение о японском вторжении⁸.

Одним из результатов японской оккупации Малайи была утрата всех важных досье, собранных Малайским особым отделом и MSS по

коммунистам. Японская секретная служба Кемпейтай использовала эти документы для совершения зверских расправ над местным населением, особенно коммунистами. Офицеры по вопросам обороны и безопасности МИ-5 в Сингапуре и Гонконге были интернированы японцами, хотя, к счастью для них, остальные служащие британской разведки, их настоящие личности и работа остались нераскрытыми. Если бы японцы установили их личности, то, вероятно, при допросах, которые, без сомнения, были бы жестокими, они могли бы выдать большие секреты, такие как система дезинформации МИ-5, и последствия этого были бы катастрофическими для разведок союзников.

MSS и Малайский особый отдел также пережили колоссальный спад в работе с коммунизмом, потому что потеряли своего лучшего агента в Коммунистической партии Малайзии. Дело Лой Тека, или Лай Тека, или «мистера Райта», – одно из самых необычных во всей истории разведки, настоящая история о человеке «плаща и кинжала». В течение своей шпионской карьеры Лой Тек был тройным агентом, работавшим в разное время на французскую, японскую и британскую разведывательные службы. По сей день отсутствие документальных данных не дает возможности сделать о нем какие-либо определенные выводы. Однако в общих чертах эта история известна. Известно, что Лой Тек был вьетнамцем или наполовину китайцем – наполовину вьетнамцем, сыном владельца магазина велосипедов, который в конце 1920-х гг. вступил в Коммунистическую партию в Индокитае (это французские колониальные территории, включавшие современный Вьетнам, Лаос и Таиланд). Он был завербован в шпионы французской службой безопасности Surete, которая в какой-то момент в начале 1930-х гг. передала его англичанам в Сингапуре и Куала-Лумпуре. В 1934 г. Малайский особый отдел внедрил его как своего агента в Коммунистическую партию Малайзии.

Лой Тек стал более успешным агентом, чем могли себе представить его первые британские кураторы. Путем постепенных арестов его непосредственных руководителей англичане подстроили ему быстрый рост карьеры в рядах компартии. Резкий скачок вверх в его карьере произошел в 1938 г., когда он был назначен генеральным секретарем компартии. Благодаря его положению не будет преувеличением сказать, что до войны англичане с успехом управляли

Коммунистической партией Малайзии. Информация, поставляемая Лой Теком, дополненная педантично перехватываемой корреспонденцией, позволила англичанам с уверенностью утверждать, что они нейтрализовали Коминтерн на Дальнем Востоке. Информация Лой Тека привела в 1931 г. к аресту и тюремному заключению в Гонконге лидера вьетнамских коммунистов Хо Ши Мина⁹.

После капитуляции Сингапура, как мы уже видели, британское подразделение 136 обеспечило материально-техническую поддержку и обучение состоявшей преимущественно из коммунистов Антияпонской армии народов Малайи (МРАЈА).

Связным между МРАЈА и подразделением 136 был китаец – высокопоставленный член Коммунистической партии Малайзии, носивший псевдоним Чин Пен. Один из его коллег в подразделении 136 позднее назвал его «самым надежным партизаном, которому доверяет Великобритания». В награду за свои подвиги в военное время через пять месяцев после окончания военных действий Чин Пен получил орден Британской империи из рук Верховного главнокомандующего союзными войсками в Юго-Восточной Азии лорда Луиса Маунтбеттена на ступенях муниципалитета Сингапура. Англичане даже устроили ему проживание в роскошном отеле Сингапура «Раффлз», где размещалась колониальная администрация Юго-Восточной Азии. Можно представить себе, как Чин Пен потягивает в «Раффлз» сингапурский слинг (напиток из рома, джина и т. п., смешанных с водой, подслащенный и ароматизированный. – *Пер.*), где этот коктейль и был изобретен. Однако послевоенный «медовый месяц» между англичанами и Чин Пенем продлился недолго. Фотографии, которые были сделаны на параде Победы в Сингапуре, когда он получал свой орден Британской империи, вскоре начали использовать для преследования членов Коммунистической партии Малайи. Во многом так же, как и Иргун в Палестине, члены которой в военное время прошли обучение у инструкторов Управления спецопераций и SIS, вскоре после войны Чин Пен обратился против своих бывших союзников. Как и многих малайских коммунистов, его возмущала смена одной формы имперского правления (японской) другой (британской). Более того, в послевоенные годы Чин Пен и другие высокопоставленные функционеры Малайской компартии (МКП) начали подозревать о тайной деятельности ее руководителя Лой Тека¹⁰.

В военное время разведывательные уловки Лой Тека наслаивались одна на другую. Известно, что помимо работы на англичан он сотрудничал с японцами и, по-видимому, руководил массовыми убийствами японцами членов Центрального комитета МКП в пещерах Бату в сентябре 1942 г. – это был очень удобный способ устранить большинство своих противников внутри партии. Однако его истинная преданность, без сомнения, проявилась в том, что только один офицер из подразделения 136 был предан и потерян для работы из-за него: по-видимому, он не внял предупреждениям Лой Тека, что за ним охотятся японцы. Возможно, перехваченные радиосообщения (SIGINT) тоже продемонстрировали его лояльность англичанам, хотя в настоящее время отсутствие документов не дает этому подтверждения.

Подозрения членов МКП в отношении Лой Тека становились все сильнее, особенно в отношении его сомнительных дел с японцами. И хотя точная последовательность событий остается туманной, похоже, что в начале 1947 г. он начал опасаться, что ловушка над ним захлопнется, и в марте того же года он исчез, прихватив с собой 130 тысяч долларов из партийной кассы. Он продолжал скрываться в Сингапуре до августа 1947 г., откуда он отправился в Гонконг, а оттуда в Сиам (Таиланд). Факты наводят на мысль, что в какой-то момент в конце 1947 г. он был ликвидирован в Сиаме группой китайских боевиков. Участие британской разведки в побеге Лой Тека из Малайи остается недостающей деталью этой таинственной драмы. Учитывая его лояльность в годы войны и тот факт, что он бежал в Сингапур, а затем Гонконг, кажется вероятным, что именно англичане организовали его бегство. После исчезновения Лой Тека его заместитель Чин Пен был назначен новым Генеральным секретарем Компартии Малайи, который попытался перегруппировать ее ряды, потрясенный, как и все остальные, предательством их бывшего лидера¹¹.

Имея такой чрезвычайно ценный источник, как Лой Тек, англичане становились самодовольными, когда речь заходила о сборе информации о МКП, и не считали необходимым вербовать других шпионов. Проблема состояла в том, что, когда свет на верху лестницы погас, наступила кромешная тьма. Тогда эта плачевная ситуация встала перед малайским особым отделом и MSS непосредственно перед тем, как в июне 1948 г. началось восстание. Утратив все свои важные досье

военных времен на Компартию (они были захвачены японцами), они теперь лишились и своего главного агента в ней.

Наряду с этой незавидной ситуацией в отношении *сбора* разведывательной информации были также и внутренние проблемы, которые снижали точность ее *оценки*. В послевоенные годы MSS под руководством Дэлли была сосредоточена на национально-освободительном движении в Индонезии и Малайе, а не на растущей коммунистической угрозе в Малайе. Она также пыталась заниматься столь многими вопросами безопасности и выпускала так много подробных отчетов, что их читатели оставались в неведении относительно истинных угроз. Впоследствии Дэлли утверждал, что он четко предупреждал об опасности, исходящей от Коммунистической партии Малайи, на встрече высокого уровня в июне 1947 г. под председательством генерального комиссара по Юго-Восточной Азии Малькольма Макдональда. Проблема, как явствует из протокола этой встречи, была в том, что Дэлли дудел в клаксон так много раз, что это стало бессмысленно. В MSS кричали «Волк!» слишком много раз¹².

Из существующих разведывательных оценок чрезвычайного положения ясно, что в то время никто в британском разведывательном сообществе ни в Малайе, ни на Уайтхолле не понимал толком характер этого восстания. Вспышка насилия в июне 1948 г. застала секретные службы Великобритании врасплох. Испытывая недостаток сколько-нибудь надежной информации, MSS под руководством Дэлли выпустила суровый отчет о том, что «коммунистическими организациями» в колонии проводится «организованная кампания убийств». В действительности же все было совершенно иначе. Восстание в Малайе было не организованным заговором, спланированным Чин Пенем и Компартией Малайи, как подозревала британская разведка, а спонтанным бунтом крестьян «снизу» против иностранного владычества и империализма с целью подорвать британское производство в колонии. В конечном счете причина того, что MSS столь явно не сумела предсказать этот бунт, состояла в том, что на самом деле никакого заговора до 1948 г. не существовало. В реальности руководство КПМ было так же удивлено внезапным взрывом насилия, как и британцы. Последующий арест некоторых партийных кадров, включая заместителя Чин Пена Юнг Куо, показал, насколько не подготовлена была партия к восстанию¹³.

По иронии судьбы именно сама колониальная администрация стала причиной восстания. Объявив 18 июня 1948 г. чрезвычайное положение, она дала Чин Пену и КПМ объединяющую идею, *casus belli* (повод для объявления войны. – *Лат.*), которую они беспощадно эксплуатировали. Британские колониальные власти повторяли эту же ошибку и в последующие годы, объявляя чрезвычайное положение в одной колонии за другой. В каждом случае запускался автоматически реализующийся – обреченный на провал – цикл, в котором объявление чрезвычайного положения давало объединяющий лозунг для восставших и тем самым создавало согласованные восстания, которых в противном случае не случилось бы.

Чин Пен ухватился за возможность, которую ему предоставил стихийный бунт, и превратил его во всеобщее восстание. В первый же день чрезвычайного положения он ускользнул из когтей англичан, перепрыгнув через стену, и скрылся в джунглях, где возглавил борьбу, которая продлилась двенадцать лет. Вскоре он собрал под свои знамена около трех тысяч бывших партизан, воевавших с японцами (МРАЈА). Влажный воздух джунглей не уничтожил запасы оружия и боеприпасов, которые они оставили там в 1945 г., как надеялись англичане. Однако они воевали с англичанами с той же жестокостью, с которой ранее воевали с японцами. Их восстание было войной не против англичан так таковых, а против «империализма». Оно было прежде всего войной за «национальное освобождение». Создание Чин Пенем в феврале 1949 г. Малайской народной освободительной армии (MPLA) должно было символизировать национально-освободительную борьбу трех главных этнических групп Малайи – малайцев, китайцев и индийцев. Новобранцев MPLA брала среди городских жителей и сквоттеров, живших на границе джунглей, что указывает на то, что восстание подпитывалось массовой политизацией ранее лишенных гражданских прав групп населения – женщин, крестьян и рабочих, которые объединились, чтобы воевать с британским «империализмом», как раньше они воевали с японцами¹⁴.

Разведка – ахиллесова пята Великобритании в Малайе

Все правительственные департаменты Великобритании, имевшие отношение к Малайе, – как гражданские, так и военные, как на Уайтхолле, так и в самой колонии, – явно медлили применять то, чему они должны были бы научиться из предыдущих кампаний по подавлению восстаний. И хотя недавний опыт Великобритании в Палестине дал ей четкий урок, как не надо подавлять восстание, власти в Малайе не придали ему никакого значения, что очень удивительно, учитывая то, что около пятисот бывших палестинских полицейских были переведены в Малайю после ухода Великобритании из Палестины в мае 1948 г. В их число входил и Николь де Грей – бывший комиссар полиции в Палестине.

На начальных этапах чрезвычайного положения к МИ-5 обратились за консультацией. Она попыталась – в основном тщетно – реформировать способы сбора разведывательной информации в этой колонии. Генеральный директор МИ-5 сэр Перси Силлитоу посетил Малайю, где его заметили местные журналисты, – хотя впоследствии историки почти совершенно не отразили роль МИ-5 в этой чрезвычайной ситуации. Начало общения Силлитоу и Дэлли было неудачным: Дэлли обвинил главу МИ-5 в том, что тот как был, так и остался уличным постовым полицейским из Глазго. Силлитоу остро воспринял это оскорбление, и почти исключительно по его рекомендации MSS под руководством Дэлли была расформирована, и ее сменил особый отдел малайской полиции CID, хотя по любым прикидкам MSS была настолько некомпетентна, что заслуживала того, чтобы ее закрыли¹⁵.

Особый отдел поддерживал тесную связь с региональными офицерами МИ-5 по вопросам безопасности в Куала-Лумпуре и Сингапуре, которые, в свою очередь, были подотчетны британскому межведомственному агентству на Дальнем Востоке – Службе обеспечения безопасности на Дальнем Востоке (SIFE). Хартия об основании SIFE в августе 1946 г., лишь недавно ставшая доступной в архиве, демонстрирует, что она была создана по образу и подобию

Службы обеспечения безопасности на Ближнем Востоке (SIME). Как и ее служба-сестрица, SIFE была не исполнительной, а чисто консультативной организацией, отвечающей не за сбор разведывательной информации (шпионаж), а за ее оценку и распространение. И хотя с технической стороны это была межведомственная служба, главная роль в ней отводилась МИ-5. В период своего расцвета ей были подотчетны более шестидесяти офицеров, большая часть которых была командирована из МИ-5. Все региональные офицеры связи МИ-5 по вопросам безопасности на Дальнем Востоке от Нью-Дели до Гонконга были подотчетны канцелярии генерального комиссара по Юго-Восточной Азии Малькольма

Макдональда, расположенной в Китайском доме, Феникс-Парк, Сингапур, который «Таймс» назвала «тропической копией Уайтхолла», как и региональные бюро SIS по всей Азии. SIFE несла ответственность за оценку разведывательной информации, полученной как из британских колоний, так и стран Содружества (через МИ-5), а также зарубежных стран (через SIS).

Первым руководителем SIFE был С.Е. Диксон, которого в 1947 г. сменил опытный и уважаемый офицер МИ-5 Малькольм Джонсон – ветеран индийской полиции, который семнадцать лет прослужил в разведывательном бюро в Дели. Джонсон погиб в авиакатастрофе вскоре после вступления в должность, и за ним на ней побывала череда офицеров МИ-5. После своего визита в Малайю Силлитоу воспользовался случаем назначить нового руководителя SIFE. Он выбрал эксцентричного сотрудника МИ-5 Алекса Келлара – бывшего руководителя SIME, который был одним из основных сотрудников МИ-5, занимавшихся сионистским терроризмом. Силлитоу предупредил его, чтобы тот не слишком «надрывался на службе», дабы не случилось еще одного нервного срыва, который у него произошел, когда тот работал в SIME. Он надеялся, что теперь, когда у руля стоит Келлар, а Дэлли нет, успехи британской разведки в сборе разведывательной информации вскоре будут заметнее. Его надежды были безосновательны: потребовалось три года, чтобы работа наладилась должным образом¹⁶.

Реформы, к которым МИ-5 подталкивала в Малайе после объявления в стране чрезвычайного положения, были шагом в

правильном направлении, но их было недостаточно, чтобы отвечать требованиям, предъявляемым к разведывательной информации, необходимой для подавления восстания. Малькольм Макдональд высказался особенно язвительно об уровне разведки, которая перед ним предстала. Макдональд, бывший министр по делам колоний и сын бывшего премьер-министра Рэмси Макдональда, был сведущ в делах разведки: он был высоким комиссаром Великобритании в Канаде, когда разразился скандал с Гузенко. Он также председательствовал на ежегодных заседаниях ЛС на Дальнем Востоке.

Конфликты отдельных людей внутри малайской администрации были источником многих проблем в колонии, и они продолжали влиять на усилия Великобритании по сбору разведывательной информации и обеспечению безопасности в стране даже после ухода Дэлли. Макдональд интуитивно недолго любил Алекса Келлара из МИ-5, что мешало их эффективному сотрудничеству. Была предпринята попытка изменить ситуацию к лучшему, и Келлара на его руководящем посту SIFE сменил другой офицер МИ-5, Джон Мортон – ветеран индийской полиции. В то время как назначение Мортоня способствовало налаживанию отношений между SIFE и Макдональдом, между новым высоким комиссаром Великобритании в Малайе, назначенным в сентябре 1948 г., сэром Генри «Джимми» Гурни (до этого главный секретарь правительства Палестины) и новым комиссаром полиции Николем де Греем (до этого комиссар полиции в Палестине) возникли язвительные споры и началась подковерная борьба. Отношения между этими двумя людьми были такими плохими, что к 1950 г. они едва раскланивались друг с другом. Гурни был хушавым пятидесятилетним мужчиной и обладал своеобразным стилем (даже когда он находился в Палестине, он был автором регулярных публикаций в сатирическом журнале «Панч»); Грей же был гораздо более серьезным человеком, прибывшим в Малайю с группой бывших офицеров палестинской полиции.

Министр по делам колоний Артур Крич Джонс изначально полагал, что палестинский элемент будет хорошей идеей в Малайе, но это оказалось большой ошибкой. Многие бывшие палестинские служащие сильно огрубели, получив там жизненный опыт. Они совершенно не знали местные условия в Малайе и в ряде случаев стали источником неприятностей, продемонстрировав жесткое,

деспотическое поведение. На начальных этапах конфликта британские средства пропаганды прилагали немалые усилия для того, чтобы скрыть неприятные «палестинские» инциденты.

В уже существующую смесь пагубных личных конфликтов внес свою лепту человек, занимавший неопределенную должность директора разведки в Малайе, сэр Уильям Дженкинс, который утвердился в роли соперника комиссара полиции Грея. Дженкинс был переведен из разведывательного бюро в Дели и позднее, как мы уже видели, возглавил новый совершенно секретный разведывательный департамент в министерстве по делам Содружества. Отчасти в результате соперничества Гурни, Грея и Дженкинса разведка в Малайе представляла собой полную неразбериху. Фактически в апреле 1950 г. талантливый главнокомандующий военными операциями в Малайе генерал сэр Гарольд Бриггс, который разработал важный план действий в обстановке чрезвычайного положения, известный как план Бриггса, посетовал, что разведка – ахиллесова пята всех усилий Великобритании по подавлению восстания в Малайе, в то время как она должна была бы быть в первых рядах нападающих¹⁷.

Если опыт Великобритании в Палестине что-то и показал, так это то, что для ведения эффективных действий по подавлению восстания необходимы скоординированные усилия разведки. Однако британские власти в Малайе не выучили этот урок, который мог бы сэкономить им время, деньги и людские ресурсы. На начальных этапах чрезвычайного положения администрация уделяла незначительное внимание вопросам разведки, не провела модернизацию и перестройку деятельности ее подразделений в дополнение к самым основным реформам, предложенным МИ-5. Вместо этого она отдавала предпочтение нападениям на врага в джунглях с участием сил специального назначения. Сразу же после объявления чрезвычайного положения британская администрация создала новую секретную группу «Хорек», которая включала шесть подразделений, состоявших в основном из служащих старого подразделения 136, многие из которых были демобилизованы лишь недавно. Подразделение 136 было официально расформировано лишь в 1946 г., так что, когда Дженкинс в июне 1948 г. предложил создать для Малайи «спецподразделение», было очевидно, откуда можно набрать для него людей. Талантливые вербовщики прочесали клуб для бойцов сил особого назначения в лондонском

Найтсбридже, где собирались многие старослужащие подразделения 136, чтобы рассказать за барной стойкой свои военные истории. Вербовка в группу «Хорек» проходила в основном устно и по рекомендательным письмам. Некоторые из них были курьезными, вроде письма, в котором была предложена кандидатура двадцатисемилетнего ветерана подразделения 136, участвовавшего в боевых действиях в Сиаме, который «только что провалил свои выпускные экзамены в Обществе юристов» и который, как подчеркнул его вербовщик, вероятно, ищет другое приключение. Именно это он и получил. Группа «Хорек» нападала на тренировочные лагеря повстанцев глубоко в джунглях и совершала налеты с целью отрезать им пути снабжения. Ей был на пользу опыт старослужащих из подразделения 136 вроде Ричарда Брума и Джона Дэвиса, которые были консультантами нового отряда и обучали его офицеров способам проникновения в Компартию Малайи путем внедрения агентов в ее ряды¹⁸.

Создание группы «Хорек» из остатков подразделения 136, многие офицеры которого лишь недавно были демобилизованы, проходило аналогично созданию партизанских отрядов Чин Пена, подавляющее большинство которых воевали с подразделением 136 во время войны. Несмотря на огромную сумму (350 американских долларов), которую британская администрация после 1945 г. предлагала партизанам за то, чтобы они вышли из джунглей и демобилизовались, некоторые из них так и не сложили оружие ни буквально, ни психологически. Во многих отношениях война в Малайе на самом деле не прекратилась в сентябре 1945 г. Коммунистическая партия Малайи мобилизовалась против англичан после того, как прекратила воевать с японцами, а группа «Хорек» была набрана из бывших служащих Подразделения 136. В результате после июня 1948 г. существовали две группировки сил особого назначения, настроенные воевать друг с другом в джунглях Малайи, которые проходили обучение под руководством Управления спецопераций. Один служащий британских сил особого назначения майор «Бешеный» Майк Кэлверт («Бешеный» – потому что храбрый), ветеран боевых операций в Индии, вспоминал забавный момент, когда попал в партизанскую засаду: «...мы с моим водителем ехали на хорошей скорости по дороге, когда из густых кустов чуть впереди нас поднялся шквал пулеметного огня. Мы резко остановились и бросились

в придорожную канаву. Впервые более чем за пять лет я оказался под вражеским огнем. И тут рядом со мной в канаву упала ручная граната. Я подумал, что это конец. Я схватил гранату, надеясь успеть выбросить ее, прежде чем она взорвется, и тут заметил, что чека из нее не выдернута. К ней был прикреплен кусочек бумаги, на которой было нацарапано: «Как поживаете, мистер Кэлверт?» Это могло означать только одно. Кто-то, кого я знал когда-то и, возможно, обучал в давние времена в Гонконге или Бирме, теперь находится по ту сторону баррикад и воюет за коммунистов»¹⁹.

Отряд «Хорек» действовал не так успешно, как надеялись англичане. Он просуществовал около года, когда вражда между ним и обычными вооруженными силами в Малайе, которые были возмущены вторжением «частной» армии в их сферу компетенции, привела к его роспуску. Однако к 1952 г. операции сил спецназначения снова вышли на первый план в Малайе – появились парашютно-десантные части особого назначения (SAS). Несмотря на свои успехи во время войны, в 1945 г. SAS были расформированы. Но под нарастающим давлением обязательств Великобритании за ее пределами вкупе с сокращением бюджета на родине, которое мешало расширению обычных вооруженных сил, в 1947 г. SAS были реформированы в территориальный и добровольческий полк, известный как 21-й полк SAS («Артисты»). Это был как бы запасной полк, готовый отправиться, куда и когда нужно. Позднее генерал Темплер будет придавать большое значение SAS в Малайе²⁰.

Когда в Малайе впервые началось применение силы, было удивительно, что британские военные власти не извлекли уроков из ситуации с Палестиной, но еще удивительнее было то, что они пренебрегали еще и собственным военным опытом армии Великобритании, полученным в джунглях Малайи и Бирмы, который был изложен в инструкции для военнослужащих, известной как «Книга джунглей». Но британские вооруженные силы в основном игнорировали ее на начальных этапах чрезвычайного положения, в результате чего они были вынуждены заново «проходить» те боевые уроки, которые не были выучены. Что еще хуже, особый отдел и другие службы безопасности в Малайе не имели даже достоверной фотографии своего нового врага – Чин Пена. Как позднее объяснил лидер КПМ, его фотография для полицейского досье была сделана в тот

момент, когда он страдал от приступа малярии, у него было сильно распухшее лицо, и на ней он не был похож на самого себя. Поэтому английские патрули службы безопасности прочесывали сельскую местность, разыскивая призрак. На то, в каком замешательстве они были в отношении своих новых врагов, указывает тот факт, что они не могли даже решить, как их называть. Сначала они называли партизан Чин Пена бандитами, потом террористами, а после 1952 г. остановились на «коммунистах-террористах» (кратко – КТ) – название, которое способствовало усилению мандата чрезвычайного положения во время холодной войны для скептиков в США и ООН, которые выступали против всего, что носило привкус «старого колониализма»²¹.

Золото Москвы

Начало чрезвычайного положения произвело «информационную панику» в Малайе, во многом подобную той, которую британские колониальные власти часто переживали в прошлом в Индии. Разведывательная информация, полученная с помощью радиотехнических средств Центром правительственной связи и носившая, как и в годы войны, название «самые секретные источники», давала некоторые сведения о партизанских отрядах, почерпнутые из их перехваченных радиосообщений. Силы безопасности тоже по крупицам собирали информацию, проводя допросы захваченных в плен мятежников. Однако ничто не давало сколько-нибудь значимой информации. Испытывая отсутствие информации о том, как планируется и организуется «кампания насилия», британские власти убедили себя и пытались убедить других в том, что в этом нужно винить внешние силы. Так как им нужен был козел отпущения, все основные составляющие британской разведки в Малайе – особый отдел, МИ-5, SIFE и JCFE – стали одержимы идеей, что восстание организовано коммунистами из-за границы²².

Чрезвычайное положение в Малайе, безусловно, носило все признаки сталинского заговора, осуществляемого Коммунистическим информационным бюро, которое под руководством Андрея Жданова преследовало цель «освободить» колонии от ига империализма. Другим подходящим виновником был маячивший призрак коммунистического Китая. В конце концов, как уже было отмечено, около двух третей китайцев в Малайе родились в Китае, и огромное большинство членов КПМ тоже были этническими китайцами. Было естественно, как убеждали отчеты британской разведки, что партизаны-коммунисты в Малайе должны получать указания либо из Советского Союза, либо из Китая. Такие оценки, несомненно, помогали правительству Великобритании, когда оно убеждало Вашингтон и ООН, что оно ведет не колониальную войну прошлых времен, а полезную борьбу в рамках холодной войны. В 1950 г. министерство по делам колоний опубликовало экспертную оценку Британской империи, которая должна была утихомирить критику США и ООН по поводу «колониализма». Согласно этой оценке, Коммунистическая партия Малайи была

«участницей Кремлевской всемирной войны против западных держав». Некоторые британские официальные лица утверждали, что восстание финансируется золотом Москвы, а Малькольм Макдональд был убежден, что за партизанами Чин Пена кроется китайский коммунизм²³.

Несмотря на то что Великобритания упирала на мандат холодной войны, выданный ей на этот конфликт, отношения между британской разведкой и появившимся в 1947 г. ЦРУ не были близкими, когда дело дошло до Малайи. К 1948 г. ЦРУ открыло свои бюро в Сингапуре и Гонконге, но, как было отмечено в одном из отчетов МИ-5 в том году, что из одного, что из другого информации поступало мало. В МИ-5 жаловались, что поток информации движется лишь в одном направлении, а бюро ЦРУ в Сингапуре функционирует почти исключительно как «почтовый ящик». Вероятно, это происходило из-за нервозности ЦРУ в отношении сотрудничества с другими разведывательными агентствами, даже английскими, а не из-за стратегической значимости борьбы Великобритании в Малайе. В докладе ЦРУ, составленном в ноябре 1949 г. и содержащем оценку ситуации в Малайе, была прямо признана ее стратегическая важность. Доклад начинался словами: «Малайя представляет важность для США главным образом потому, что это самый крупный в мире производитель каучука и олова»²⁴.

Что касается британской разведки, явной уликой, которая оказалась неподвластной коммунистам, поднявшим восстание в Малайе, стала совместная конференция Всемирной федерации демократической молодежи и Международного союза студентов (оба контролировались Москвой), которая прошла в Калькутте в феврале 1948 г. Именно здесь якобы Москва дала инструкции малайским коммунистам начать восстание. Информация, полученная в то время МИ-5 и повторенная после этого много раз, гласила, что руководитель Коммунистической партии Австралии Лоренс Шарки передал эти инструкции Чин Пену и КПКМ во время его остановки в Сингапуре на обратном пути в Австралию в марте 1948 г. Однако, согласно недавно опубликованному отчету о восстании, составленному Чин Пенем, а также советским архивам, все было иначе. В то время как Чин Пен и КПКМ были осведомлены о «внешнем» влиянии и с восхищением наблюдали за успехами коммунистов в Китае, они не получали

инструкций из-за границы начать партизанские действия, и советская разведка не давала им никаких конкретных указаний²⁵.

Британская разведка была настолько заиклена на выявлении внешнего коммунистического влияния, что так и не поняла по-настоящему характер этого восстания в Малайе, которое на самом деле было во многом стихийным и подпитывалось силами из небольших городов и деревень, которые мобилизовала КПМ. В то время как Чин Пен и его товарищи по партии, безусловно, знали о существовании подпольной советской организации – Коминформе, главной причиной их подготовки вооруженного восстания был тот факт, что главный инструмент КПМ – Всемалайскую федерацию профсоюзов британская администрация собиралась объявить вне закона и запретить. Разразившееся восстание было вызвано социальным кризисом в Малайе между различными этническими общинами – как городскими, так и сельскими, и явилось результатом оппортунизма. Организованные преступные группы особенно успешно раздували пламя недовольства колониальным строем ради своих собственных целей. В 1947 г. в Управлении уголовных расследований Малайи подсчитали, что в колонии существовали до 20 тысяч китайских «троек», 2 тысячи из которых, по его оценкам, вели активную преступную жизнь. Восстание в Малайе стало бунтом всех, кто был недоволен существующим положением дел, – от коммунистов до организованных преступных групп²⁶.

Человек, у которого был план

Год 1951-й оказался неудачным для Великобритании в плане подавления восстания в Малайе. Английским официальным лицам было ясно, что они проигрывают эту войну.

Устав от своих бюрократических баталий с Греем, в октябре того же года Дженкинс ушел в отставку с поста директора разведслужбы. Более того, талантливый начальник военных операций сэр Гарольд Бриггс был смертельно болен раком и ушел в отставку в ноябре; он умер на Кипре через год с небольшим. В добавление к этим потерям высокий комиссар сэр Генри Гурни попал в партизанскую засаду и был убит. Гурни был легкой мишенью, так как обычно ездил по колонии в штабной машине с развевающимся государственным флагом Великобритании. 7 октября автомобиль его сопровождения сломался, но Гурни принял решение ехать дальше. Когда его машина огибала гору Фрэзерс в Паханге, партизаны нанесли по ней удар. Жена сэра Генри и личный секретарь нашли себе укрытие, а сам он предпринял попытку добраться до насыпи у края дороги, где и был расстрелян в упор, что походило на казнь. Были пойманы более тридцати партизан, которые участвовали в этой засаде, но лишь пять из них в конечном счете оказались в тюрьме²⁷.

Если коротко, то ситуация для англичан в 1951 г. была хуже некуда. Но именно в этот момент она начала меняться. Настоящим поворотным пунктом стало назначение генерала (позднее фельдмаршала) сэра Джеральда Темплера на пост высокого комиссара в Малайе в январе 1952 г. Чтобы он имел возможность осуществить свою миссию, Черчилль дал Темплеру больше власти, чем имел какой-либо британский военачальник со времен Оливера Кромвеля три века назад. Темплер был энергичным, серьезным военным, бывшим начальником военной разведки и протеже Монтгомери военного времени, который заработал себе репутацию благодаря одному из своих хобби – умению ввязываться в конфликты, а также благодаря тому, что уволил мэра города Кельна в оккупированной Германии – Конрада Аденауэра, который позднее стал первым канцлером Западной Германии. Это спорный вопрос – до какой степени он участвовал в разработке новых стратегий в Малайе и воплощал в жизнь существующие, но его

присутствие в колонии, безусловно, возымело эффект «зарядного устройства» для тамошних британских вооруженных сил, как было написано в одном из отчетов МИ-5. «Малайский тигр» проводил в исполнение план Бриггса железной рукой. Прибыв в Куала-Лумпур в апреле 1952 г., он приехал из аэропорта на машине, изрешеченной пулями, – это на ней попал в засаду Гурни²⁸.

Бывший начальник военной разведки Темплер хорошо знал свое дело, когда доходило до вопросов разведки. С начала своей службы в Малайе он поставил разведку на передний край боевых операций. Вскоре после своего прибытия он сказал журналисту Гарри Миллеру из «Стрейтс таймс»: «В чрезвычайном положении победит наша разведывательная система – наш особый отдел». Одной из его самых первых и важных реформ разведки было прекращение внутренней бюрократической борьбы между различными службами. Он убрал комиссара полиции Грея и поставил на его место сметливого офицера из лондонского особого отдела Артура Янга, которого мы встретим еще и в Кении. Он также перестроил всю структуру разведки в колонии, распорядившись, что начиная с настоящего момента одна-единственная служба – особый отдел – будет нести ответственность за проведение разведывательных операций в стране, и дал ей значительно больше финансовых средств. В 1948 г. в особом отделе было всего 12 офицеров и 44 инспектора, но в одном лишь 1952 г. число инспекторов и лейтенантов полиции выросло со 114 до 195, а в следующем году – до 297 человек. Среди них теперь было гораздо больше служащих, говоривших на китайском языке²⁹.

Для контроля над проведением этих реформ Темплер назначил нового начальника разведки, который сидел в его штабе – Оперативном управлении – на самом высшем уровне и имел прямой доступ к самому Темплеру. Первым избранником Темплера на эту должность был сотрудник МИ-5 Дик Уайт, который, как и Силлитоу когда-то, приехал лично осмотреть Малайю, но Уайт отказался там работать, вероятно, потому, что имел виды на должность генерального директора МИ-5. Вместо него Темплер выбрал по рекомендации другого офицера МИ-5, Джека Мортонна, который тогда был руководителем SIFE. Мортон стал одним из ближайших советников Темплера, проводил с ним большинство вечеров – часто за стаканом джина с тоником. Как это было и с визитом Силлитоу в эту колонию, просто поразительно, что,

хотя имя Мортон и его должность были достоянием гласности, историки не заметили ту роль, которую сыграла МИ-5 в чрезвычайном положении в Малайе³⁰.

При Темплере и Мортоне в Малайе была создана скоординированная разведывательная система. Даже Чин Пен признал, что «успехи вражеской разведки при Темплере стали заметнее». Задача, стоявшая перед Темплером и Мортонем, заключалась в том, чтобы получать оперативную информацию, полезную для британских вооруженных сил, воюющих с повстанцами в джунглях. Министр по делам колоний Оливер Литтлтон осознал ценность этого, когда совершил поездку в эту колонию в конце 1951 г.: «Важность разведки в малайской войне нельзя переоценить. Каждая полицейская операция в значительной мере является задачей разведки, а малайская кампания по сути своей является полицейской операцией. В стране, покрытой густыми джунглями, где легко скрыться и вступить в контакт с врагом нельзя без секретной информации, жизненно необходимо получать разведывательную информацию о коммунистах без их ведома. Поэтому разведывательная информация должна быть, так сказать, «животрепещущей», а также «выболтанной» или «мертвой»³¹.

Темплер приказал, чтобы больше сил было направлено на сбор «животрепещущей» информации, получаемой в первую очередь от живых шпионов и посредством радиотехнической разведки, но он также признавал и постоянную необходимость получения «мертвой» информации из таких источников, как захваченные документы или военнопленные, которые давали ценные сведения общего характера, обычно не имевшие большого практического значения.

Без сомнения, самой важной реформой, проведенной Темплером и Мортонем, было то, что лишь один особый отдел стал отвечать за сбор «живой» информации. Это положило конец годам неразберихи и дублирования обязанностей, что мешало успехам британской разведки в Малайе. По словам Мортоня, после 1952 г. особый отдел стал «острием разведывательной машины» и «национальной организацией по обеспечению безопасности и разведки» этой колонии. Мортону оказывал помощь Объединенный разведывательный штаб, который охватывал, как подразумевает его название, все три вида вооруженных сил, полицию и гражданские организации. После введения этих реформ офицеры военной разведки были приданы особому отделу и стали

нести ответственность за предоставление оперативной разведывательной информации силам безопасности. Эта тесная координация усилий по сбору разведанных изменила реакцию англичан на чрезвычайное положение в Малайе, превратив его в самую успешную операцию по подавлению восстаний современности. Темплер также рекомендовал создать, как он их назвал, «карательные отряды» – подразделения быстрого реагирования, которые находились бы в распоряжении особого отдела, занимались бы выслеживанием и уничтожением восставших, пользуясь полученными разведанными.

Новым начальником особого отдела был назначен кадровый офицер особого отдела в Малайе Гай Мэдок, который был правой рукой Мортон и контролировал проведение реформ. До этого Мэдок возглавлял «коммунистическую» секцию особого отдела, а в свободное время был увлеченным орнитологом, а также автором книги о птицах Малайи, которую он начал писать на украденной бумаге во время тюремного заключения у японцев в Сингапуре во время войны³².

Для оказания помощи в осуществлении контроля над проведением реформ Мортон в 1952 г. привлек к работе талантливого австралийского офицера разведки, получившего кембриджский диплом антрополога, ветерана подразделения 136 в Малайе Ричарда Нана – подходящая фамилия для шпиона (none – никто. – *Пер.*). Нан помогал руководить особым подразделением парашютно-десантных частей особого назначения – подразделением малайских разведчиков, состоявшим из местных кадров, включая гуркхов, даякских и ибан-ских следопытов. Малайские разведчики активно участвовали в деятельности карательных отрядов, о создании которых говорил Темплер. Их так называемые «особые операции» получали значительную материально-техническую поддержку со стороны Темплера, который продолжал традиции военных операций подразделения 136.

Темплер прекрасно знал ценность партизанской войны, так как шесть месяцев руководил Управлением спецопераций по приглашению его начальника – генерал-майора Колина Габбинса после получения им ранения в апреле 1943 г. в Италии (прямо перед ним из грузовика выпал огромный рояль). При общем руководстве Темплера и повседневном руководстве Нана малайские разведчики и 21-й парашютно-десантный полк использовали все более дерзкую тактику для нахождения и уничтожения восставших. Одной из самых больших трудностей, с

которыми сталкивался 21-й парашютно-десантный полк, осуществлявший глубокое проникновение на территорию противника, были время и силы, потраченные на то, чтобы попасть на основной театр боевых действий. Вертолеты стали регулярно использовать для переброски войск лишь в 1953 г. Под руководством Майка Кэлверта 21-й парашютнодесантный полк разработал тактику, которая стала известна как «прыжки по деревьям», когда бойцов сбрасывали на парашютах непосредственно в джунгли в надежде на то, что их густые деревья удержат парашютные купола, а люди смогут благополучно спуститься на землю. Подразделения парашютно-десантных войск, действовавшие в Малайе, также поддерживали тесную связь с британскими секретными службами, которые обеспечивали их специальной экипировкой, в том числе небольшими радиоприемниками, бесшумными пистолетами, радиотелефонами – первыми портативными рациями.

Темплер также дал указание создать небольшую группу спецназначения, которые должны были выследить и, если возможно, уничтожить врага колониальной администрации № 1 – самого Чин Пена. Этой группой, созданной в феврале 1953 г., руководили из маленькой комнатки в штаб-квартире Темплера в Куала-Лумпуре при поддержке Мортон. Задача выследить и убить Чин Пена получила кодовое название «Операция «Польза», но через шесть месяцев ввиду недостатка информации для продолжения работы эта тема была закрыта. В настоящее время, почти шестьдесят лет спустя, Чин Пен по-прежнему жив, доказывая, насколько неуловимым врагом он был для англичан в джунглях Малайи³³.

Малайя занимает важное место в истории британских войск особого назначения. Именно там сформировались парашютно-десантные части особого назначения в послевоенном мире. В 1952 г. был сформирован полноценный полк, известный как 22-й парашютно-десантный полк особого назначения, который начинался с малайских разведчиков. За последующие с краха империи десятилетия правительства Великобритании, сменявшиеся одно за другим, испытывали все большую нужду в парашютно-десантных частях особого назначения как остающихся в тени отрядах для борьбы с восстаниями. Их функции с самых первых дней существования в Малайе и до нашего времени остались в основном все теми же: они

специализируются на диверсиях, засадах, поддержании тайной связи и сборе разведывательной информации. Одним из самых значительных успехов парашютно-десантных частей особого назначения в Малайе была операция «Термит» в июле 1954 г. – самая крупная операция объединенных вооруженных сил Великобритании на том этапе чрезвычайного положения. Ее целью были два лагеря коммунистов в долинах Кинта и Райя к востоку от города Ипоха – столицы штата Перак, который был одним из контролируемых коммунистами штатов в Малайе. Более 50 самолетов («Линкольны», «Хорнетты» и «Валетты») и вертолетов, 200 парашютистов-десантников и наземные силы из Западного Йоркширского полка и 6-го полка гуркхов были введены в действие, чтобы начать согласованную атаку. Две волны бомбардировщиков «Линкольн», которые сбрасывали 1000-фунтовые бомбы, совершили налеты на базы коммунистов с интервалом в тридцать секунд. Как только бомбардировка закончилась, «Валетты» сбросили два отряда из 22-го парашютно-десантного полка. Операция завершилась успехом: было убито значительное количество коммунистов. Но десантники тоже понесли потери, в основном во время спуска на парашютах на деревья.

Джек Мортон ушел в отставку с поста начальника разведки в Малайе в 1954 г. и стал служить советником МИ-5 по вопросам разведки и безопасности при министерстве по делам колоний, а потом перешел работать в отдел МИ-5, занимавшийся «внешними делами» – отдел Е, и закончил свою карьеру в Северной Ирландии. Гай Мэдок оставался начальником особого отдела до обретения Малайей независимости в 1957 г. и был приглашен на службу новым правительством в качестве «заместителя директора по вопросам безопасности и разведки» в канцелярию премьер-министра, где и проработал до 1959 г. Мортон на посту начальника разведки в Малайе сменил его давний коллега Ричард Нан, который оставался на этой должности до тех пор, пока Малайя не получила независимость. В начале 1960-х гг. Нан стал особым советником по ведению боевых действий в джунглях в вооруженных силах США и отвечал за составление планов борьбы с подрывной деятельностью во Вьетнаме и Лаосе³⁴.

Подавление восстания

Некоторые историки, вроде Энтони Шорта, утверждают, что именно Темплер сломал хребет восстанию в Малайе, тогда как другие, вроде Карла Хэка, предполагают, что удача повернулась лицом к англичанам еще до его приезда в Малайю, при его предшественнике сэре Гарольде Бриггсе. Бриггс стал в 1950 г. руководителем военных операций в Малайе и разработчиком самой действенной стратегии по подавлению восстания в колонии. Факты указывают на то, что так называемый план Бриггса создавал партизанским отрядам коммунистов существенные проблемы еще до прибытия Темплера. Это признавал и сам Чин Пен, который позже объяснил, что так называемые октябрьские «директивы» партии 1951 г. означали, что уже тогда партия встала перед «проблемой выживания» и была вынуждена изменить свою тактику партизанской войны.

Краеугольным камнем плана Бриггса, который жестко проводил в жизнь Темплер после своего прибытия, была масштабная система контроля над населением, задержаний и переселений людей – эту стратегию англичане будут повторять при подавлении последующих восстаний, особенно в Кении. В Малайе около 10 % населения, то есть свыше 500 тысяч человек, были насильно переселены в другие районы британскими войсками. Как позднее отметил Джек Мортон в лекции, которую читал для сотрудников МИ-5, программа переселения была «социальным экспериментом, не имевшим аналогов в истории британской колониальной администрации». Ее цель состояла в том, чтобы отделить скрывающихся в джунглях мятежников от остального населения и особенно разрушить связь (которая называлась Минь Юань) между городским населением и боевиками в джунглях. Британские военные подозревали (и это было отчасти оправдано), что так называемое сквоттерское население, жившее на краю джунглей, – а это были преимущественно малайские китайцы – оказывало материально-техническую поддержку боевикам в джунглях. Поэтому английские вооруженные силы предприняли решительные меры к переселению всех этих людей в новые дома в 480 «новых деревнях», которые, по сути, были лагерями для задержанных, охраняемыми полицейскими с собаками, ярко освещаемыми по ночам и

окруженными высокими заборами из колючей проволоки. Чтобы осуществить физическое и психологическое разделение «новых деревень», охранники ввели строгий комендантский час и проверки личности при въезде в деревню и выезде из нее; людей обыскивали, а их передвижения фиксировали.

Говорили, что при въезде в «новые деревни» женщин заставляли раздеваться и грубо с ними обращались. В добавление к насильственному переселению сквоттеров в «новые деревни» англичане также депортировали около 12 тысяч людей из Малайи, главным образом в Китай, большинство из которых были выдворены из страны между 1948 и 1952 гг.³⁵

Не будет преувеличением сказать, что во время чрезвычайного положения Малайя благополучно превратилась в полицейское государство. Ряд постановлений о чрезвычайном положении дал колониальной администрации и ее силам безопасности широкие полномочия, которые часто приводили к деспотическим формам «правосудия». Постановления о чрезвычайном положении, которым Великобритания дала волю в Малайе и использовала в последующих аналогичных ситуациях в других колониях, брали свое начало в постановлении от 1939 г. «О чрезвычайных полномочиях королевского указа-в-совете», которое разрешало колониальной администрации как дочерней законодательной власти приводить в исполнение постановления о чрезвычайном положении как и когда нужно. В 1939 г. источником самого «королевского указа-в-совете», вероятно, были действия британской имперской полиции в Индии в XIX в. и Ирландии в 1920-х гг. Постановления о чрезвычайном положении, которые применяли англичане, также имеют близкое сходство с практикой предыдущих европейских колониальных «маленьких войн» в конце XIX – начале XX в.

Одним из самых важных моментов, который следует принять во внимание, когда мы говорим о постановлении о чрезвычайном положении, которому дали волю в Малайе, было то, что, как и в последующих восстаниях в британских колониях, гражданская администрация продолжала функционировать и после объявления чрезвычайного положения; военное положение во всей колонии не объявлялось. С учетом этого постановление о чрезвычайном положении давало англичанам в Малайе широкие карательные

полномочия, которые были близки к военному положению. Среди прочих положений постановления статьи 17С и 17D означали, что любой человек, у которого нашли оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества и который не имеет разрешения их иметь, может быть повешен; а люди, схваченные за коммунистическую пропаганду, могли получить десять лет тюрьмы. Это постановление также требовало, что все жители колонии должны быть зарегистрированы, сфотографированы и у них должны быть взяты отпечатки пальцев; люди постоянно должны были иметь при себе удостоверение личности – признак полицейского государства. Эти статьи также разрешали переселять и высылать людей, вводить комендантский час и смертную казнь, держать в тюрьме без суда; при этом администрация прибегала к избитому старому аргументу, дескать, временное прекращение действия предписания *habeas corpus* (о передаче арестованного в суд в соответствии с Законом о неприкосновенности личности. – *Пер.*) необходимо для того, чтобы предотвратить запугивание свидетелей. К маю 1950 г. 7644 человека были задержаны службами безопасности по постановлению о чрезвычайном положении, а еще 3076 человек были арестованы по коллективному ордеру. К середине января 1952 г. колониальная администрация подписала в общей сложности 26 741 ордер на арест. Эти цифры, однако, рассказывают только часть истории. Как признал сотрудник МИ-5 Мортон, перед его назначением политика массовых арестов была тем инструментом, который во многих случаях приводил к обратным результатам: «Количество арестованных составляло 10 730 человек, и трагедия была в том, что по неведению или, прежде всего, из-за отсутствия полноценной информации многие из этих арестованных были невиновны, но теперь превратились в озлобленных коммунистов»³⁶.

Еще больше ухудшало ситуацию то, что некоторые службы безопасности злоупотребляли теми широкими полномочиями, которые имелись в их распоряжении. Были случаи, когда полиция подкладывала людям в почтовые ящики литературу коммунистического содержания, а через пять минут врываются подразделения особого отдела и находят «изобличающие» доказательства. Драконовское постановление о чрезвычайном положении в сочетании со злоупотреблениями этими полномочиями со стороны некоторых работников службы безопасности ставят борьбу Великобритании с партизанами в Малайе на одну доску с

печально известными кампаниями, которые вели другие европейские государства накануне краха своих империй, такими как война французов в Алжире и голландцев в Индонезии. Как недавно заметили два ведущих историка Кристофер Бейли и Тимоти Харпер, действия Великобритании по подавлению восстания в Малайе имеют неприглядный вид, если на них внимательно посмотреть³⁷.

Первый пример жестокости, с которой Темплер исполнял постановление о чрезвычайном положении, имел место всего спустя месяц после его приезда в колонию в марте 1952 г. в Танджонг-Малим – небольшом городке в тридцати милях к северу от Куала-Лумпура. Партизаны отрезали городу водоснабжение, затем устроили засаду на команду, посланную восстановить его, и убили двенадцать человек, а еще пять ранили. После этой засады Темплер приехал в этот город и назначил его жителям коллективное наказание: он лишил людей продовольствия и ввел комендантский час на двадцать четыре часа в сутки, который должен был продлиться до тех пор, пока виновные не будут повешены. Он сказал жителям города, что их долг сообщать властям о тех, кто ушел в партизаны, и приказал поставить запечатанные ящики, чтобы в них можно было анонимно положить записки с именами мятежников – это привело к двадцати четырем арестам. Тактика Темплера – использовать анонимные анкеты, чтобы поощрять китайских крестьян раскрывать информацию о партизанах, была впоследствии успешно скопирована на всей территории колонии (эта операция получила кодовое название «Почтовый ящик»).

Главной проблемой, с которой столкнулись британские вооруженные силы в Малайе, была неуловимость партизанских отрядов Чин Пена, которые редко рисковали воевать в открытую. Вместо того чтобы вступить в бой со своими врагами обычным способом, силы безопасности и особый отдел переключили свое внимание на проникновение в курьерскую систему Минь Юань, что буквально переводится как «организация». В Минь Юань входили сквоттеры, жившие на краю джунглей, которые стали чем-то вроде дороги жизни или пуповины для «бандитов» в джунглях. Они передавали сообщения между партизанскими отрядами и оказывали им материально-техническую и снабженческую помощь. Бриггс понял, что мятежники получают помощь – продукты питания, разведывательную информацию и припасы у местного населения, так что, чтобы победить их, нужно

атаковать и перекрыть им пути снабжения. Однако проникнуть в Минь Юань было для особого отдела нелегко, потому что методы, которые использовали члены этой организации, были, по словам Мортон, «почти защищены от дураков». Бриггс придумал способ, как заставить партизан обнаружить себя с тем, чтобы на них можно было напасть: лишить их продуктов питания. Британские вооруженные силы ввели в «новых деревнях» строгую систему нормирования продовольствия, так что у действующих членов Минь Юань не оставалось лишней еды, которую можно было бы контрабандой переправить мятежникам в джунгли. Никто не мог купить продуктов без удостоверения личности, а поварам в «новых деревнях» были даны указания готовить еду, которая быстро портится во влажном воздухе джунглей. Эти методы имели поразительный успех. Чем жестче становился продуктовый контроль, тем больше партизаны были вынуждены выходить из джунглей в поисках еды, давая возможность силам безопасности нападать на них и либо захватывать их в плен, либо убивать.

Особый отдел также проник в Минь Юань и завербовал нескольких ее членов в двойные агенты. Часть наиболее ценной разведывательной информации, полученной англичанами за время чрезвычайной ситуации, поступила от этих двойных агентов или «сдавшегося вражеского персонала» (SEP). Они были обычно курьерами Минь Юаня, которых завербовали сотрудники особого отдела и отправили назад в джунгли для вступления в контакт с партизанами, которых они снабжали. Происхождение такого способа использования SEP неясно. И хотя похожую тактику британские войска особого назначения использовали в Палестине, в так называемых «Q-патрулях» в Малайе SEP использовали как двойных агентов независимо ни от чего, хотя и с оглядкой на практику, принятую в Палестине, и традицию военных лет Управления спецопераций в самой Малайе. Независимо от точного происхождения такой практики в особом отделе очень ценили SEP, а их деятельность была окружена такой секретностью, что английским официальным лицам было запрещено даже упоминать об их существовании по телефону или радио из боязни перехвата разговоров.

Некоторые подробности того, как сотрудники особого отдела превращали курьеров Минь Юаня и других SEP в двойных агентов, остаются загадкой, но основные элементы этой истории можно собрать

воедино. Обычно метод состоял в том, что посредством интенсивного наблюдения в «новых деревнях» и анонимных анкет сотрудники особого отдела выявляли людей, подозреваемых в том, что они являются оперативниками Минь Юаня, и при случае собирали компрометирующий материал в отношении их деятельности, включая фотографии, перехваченные сообщения или документы. Обычно после этого один из офицеров особого азиатского отдела начинал переговоры с подозреваемым и выкладывал ему или ей компрометирующий материал. Затем подозреваемых отвозили в центр допросов объединенных служб, где к делу приступали следователи, чтобы «расколоть» и «обратить» их. Пока шел допрос, обыскивали их вещи и исследовали на предмет наличия в них сообщений, передаваемых между отрядами мятежников. Некоторые обнаруженные сообщения были написаны крошечными китайскими иероглифами на рисовой бумаге, скручены и положены в маленькие контейнеры, которые были тоньше спички, и спрятаны в продуктах домашнего обихода вроде детской присыпки. Небольшая группа специально обученных сотрудников особого отдела затем аккуратно раскрывала крошечные сообщения, фотографировала их и клала на прежнее место таким образом, как они лежали прежде. Результаты этих перехватов, известные как источник «Подвеска», передавались британским силам безопасности, находящимся в полевых условиях. Путем вербовки курьеров и перехвата сообщений особый отдел таким способом обнаружил ряд очень важных «директив», которые Чин Пен издал для своих бойцов.

После того как двойных агентов отпускали на свободу, за ними обычно устанавливали слежку в джунглях особые подразделения, состоящие из следопытов – гуркхов или малайцев, которые выявляли местонахождение партизанских отрядов. Некоторые самые замысловатые способы выслеживания мятежников предоставляла SIGINT. Когда особый отдел отпускал на свободу двойных агентов, которые уходили в джунгли, им иногда давали радиоприемники, специально настроенные на передачу пеленгационных (D\F) сигналов. Используя эти сигналы, силы безопасности могли устанавливать точное местонахождение восставших, которых затем брали в плен или убивали отряды службы безопасности, или по ним наносились массированные бомбовые удары силами авиации³⁸.

Методы, которые службы безопасности использовали для того, чтобы «расколоть» и завербовать SEP, были жестокими. Перед приездом в Малайю Мортон в колонии не было специального места для проведения допросов, лишь полицейские участки. По рекомендации МИ-5 в апреле 1949 г. был создан специализированный центр особого отдела для проведения допросов недалеко от Куала-Лумпура по образцу центра МИ-5 времен войны – лагеря 020. У него имелся даже свой аэродром, так что пленных можно было доставить на самолете и быстро допросить. Следователи в новом центре использовали многие из тех приемов, которые МИ-5 разработала в лагере 020: он был напичкан микрофонами, а в камерах сидели «наседки» (подсадные агенты), чтобы «разговорить» пленников. Заключенные часто были дезориентированы, так как их лишали сна по 72 часа кряду, им угрожали, их унижали. Многим предлагали огромные суммы денег за работу на англичан – 12 тысяч малайских долларов, что было приблизительно равно десятилетнему заработку на каучуковой плантации. При Темпле за голову Чин Пена была объявлена ошеломляющая награда – 240 тысяч американских долларов, и двойным агентам были обещаны огромные денежные вознаграждения за каждого бунтовщика, схваченного или убитого благодаря информации, которую они предоставят. Двойным агентам, которые давали информацию, особый отдел предоставлял защиту – переселял их в другие регионы под новыми именами.

Помимо обещания этих значительных вознаграждений, следователи особого отдела убеждали SEP в том, что у них есть единственный выход – сотрудничать с ними. В случае отказа следователи угрожали им казнью или даже обещали еще более тяжкую участь (казнь была, по крайней мере, быстрой смертью) – грозились отпустить на свободу при компрометирующих обстоятельствах. Было хорошо известно, что КПМ жестоко мстила тем, кто был заподозрен в предательстве, зачастую заставляя их копать самим себе могилы в джунглях перед тем, как перерезать им горло. Другой тактикой особого отдела для вербовки SEP был шантаж, который обычно состоял в угрозе убить членов семьи³⁹.

Были случаи, когда английские следователи пытали арестованных в Малайе, но нет доказательств того, что пытки, либо как они понимались в то время, либо как определяются в современном

международном праве, были там узаконены. Невозможно прийти ни к какому обобщенному заключению о том, как и почему имели место пытки. Вероятно, было столько же причин, по которым заключенных подвергали пыткам в этой колонии, сколько и следователей. Также, по-видимому, существовала «серая зона» между действиями, официально санкционированными и допускаемыми неофициально. Эта пагубная смесь зачастую сочеталась с плохой подготовкой следователей.

Однако кое-что ясно из исторических документов. В Малайе, как и во время чрезвычайного положения в других колониях, существовали два вида допросов: допросы на линии фронта, которые часто проводились силами тех подразделений, которые отслеживали путь двойных агентов в глубь джунглей; и допросы, которые проводились позже обычно следователями особого отдела или армейскими следователями. Первый вид допросов имел цель получить быстрые – буквально под огнем – ответы на конкретные вопросы. Часто войсковые и полицейские следователи, которые допрашивали мятежников на переднем крае, не были обучены методам допроса. Допросы второго вида, наоборот, проводили следователи из разведки, которые ставили себе задачу получить широкую картину того, что реально знает пленный, чтобы собрать стратегическую информацию о планах КПКМ. МИ-5 самым непосредственным образом руководила этими допросами.

Памятуя об уроках, полученных в лагере 020 во время Второй мировой войны, МИ-5 признавала, что применение физического насилия или мер «третьей степени» будет напрасным при попытке завербовать двойных агентов в Малайе. С одной стороны, она признавала, что центр допросов «не может функционировать как благотворительная организация. Это место, где нужно поддерживать жесткую дисциплину». С другой стороны, старшие офицеры МИ-5 в Лондоне вместе с Муртоном в Малайе делали акцент на том, что любая попытка завербовать агента при помощи пыток неизбежно даст обратную реакцию: агент будет просто возмущен действиями своих следователей и не захочет работать с ними. Рекомендации по проведению допросов в Малайе и при подавлении восстаний в других колониях в те времена решительно отвергали применение физического насилия: «Одних только нравственных соображений должно быть достаточно, чтобы запретить его. К тому же цель допроса – извлечь достоверную информацию, тогда как выпитанные признания, скорее

всего, будут ненадежны». В инструкциях для проведения допросов в Малайе говорилось, что особая осторожность требуется при проведении допроса арестованных женщин: «Абсолютно ошибочное действие, когда следователь угрожает снять с женщины одежду и выставить ее голой». Более поздние рекомендации, которые были составлены МИ-5 в 1961 г. и развивали начатое наставление, гласили: «Физическое насилие или психологическая пытка, помимо нравственных и юридических соображений, недальновидность. Это все равно что намеренно испортить мотор машины, которая нужна для дальнейшей поездки. Под пыткой заговорит любой, но вы можете получить признание, которое будет сделано, чтобы предотвратить пытку, но оно не будет правдивым – разведывательные данные, полученные подобным образом, обычно бесполезны»⁴⁰.

Некоторые следователи в Малайе, по-видимому, принимали во внимание совет МИ-5 или же самостоятельно пришли к аналогичному заключению. В 1950 г. офицер командного состава 22-го парашютно-десантного полка Майкл Кэлверт буквально выгнал с работы одного полицейского, когда тот сказал ему, что пытка – наилучший способ получить информацию от заключенного. Инструкции, выпущенные для всех английских вооруженных сил, также недвусмысленно запрещали применять физическое насилие во время допросов: «С пленными следует обращаться так, как того требует Женевская конвенция, во все времена. Допросы с применением пыток или жестокое обращение с пленными не разрешаются ни при каких обстоятельствах. Весьма сомнительно, чтобы такие методы приносили плоды, так как арестованный может сказать то, что, как ему кажется, хочет услышать допрашивающий, соответствует или не соответствует это действительности. Акты насилия или злоба лишь возбуждают в пленном враждебное чувство. Более того, такой подход на самом деле равнозначен признанию в несостоятельности. Основная цель следователя – добиться добровольного сотрудничества арестованного, так как только тогда следователь с большей вероятностью получит полную, надежную и точную военную информацию. Этого сотрудничества и уважения можно добиться сочетанием твердости, понимания и сочувствия»⁴¹.

Несмотря на эти рекомендации, МИ-5 не сумела донести их основную идею до всех сил безопасности, действующих в колонии.

Особенно для тех, кто воевал на переднем крае. Там рекомендации из лекций МИ-5 по этическим вопросам, более подходящим для легких семинаров по психологии, легко забывались. В результате некоторые следователи прибегали к пыткам. Бывали случаи, особенно во время проведения программ по переселению, но также и во время полицейских допросов, когда задержанных избивали, вырывали им ногти. Особый отдел в Малайе мог быть жестоким. Даже Мортон, который в своей корреспонденции выглядит человеком мягким, вспоминал случаи, когда «пришлось пожертвовать несколькими двойными агентами, чтобы можно было провести операцию силами безопасности с целью облегчить давление партизан в определенных районах»: «Помню, как в одном районе ряд успешных операций привел к широкомасштабному расследованию коммунистами деятельности местной партийной организации. К сожалению, агент особого отдела был среди тех, кого они ликвидировали в ходе последовавшей чистки. Его заставили копать самому себе могилу, а затем двое сильных мужчин медленно задушили его насмерть. Однако было утешительно знать, что другие его товарищи, не ставшие агентами, тоже были казнены. Коммунисты не рисковали»⁴².

В 1951 г. во время суда над австралийцем – владельцем плантации каучука, которого обвиняли в связях с мятежниками, появились свидетельства того, что малайская полиция прибегала к таким методам, как «угрозы револьвером, удары ногами и кулаками и жестокие избиения ротанговой палкой и втыкание иглы под ногти». Когда британские следователи применяли «гестаповские» методы в Малайе, то это происходило в основном на линии фронта часто во время допросов в стиле «возмездия» с целью «наказать» пленников, в отличие от допросов с целью получить информацию, которые проводили главным образом следователи особого отдела. Справедливости ради следует сказать, что МИ-5 не воплотила в жизнь полученные уроки по ведению эффективных допросов в Малайе. Однако в равной степени справедливо будет заметить, что при незначительном количестве офицеров МИ-5 в Малайе и большой численности сил безопасности – гражданских и военных, – действующих в этой колонии, неудивительно, что МИ-5 не удалось обучить всех их своим «хорошим методам». Тем не менее она изо всех сил стремилась научить местных офицеров особого отдела лучшим методам ведения допросов SEP: как

нужно их «раскалывать» и превращать в двойных агентов. Мортон и Гай Мэдок создали Центр сбора подробной разведывательной информации объединенных разведывательных служб (CSDIC) и школу для обучения служащих особого отдела Малайи неподалеку от Куала-Лумпура, расположенную в местности, покрытой буйной растительностью, где паслись коровы и слоны. Эта школа выполняла функции разведывательной школы, где офицеры особого отдела читали лекции по истории КППМ и Минь Юаня, обучали тому, как нужно внедрять в них агентов. А офицеры МИ-5 рассказывали о «науке разведывательной работы». К июню 1954 г. МИ-5 и SIS совместно разработали «обучающую библию» для сотрудников служб безопасности в Юго-Восточной Азии. Ее составил офицер МИ-5, прикомандированный к SIFE, по фамилии Сатклифф и влиятельный офицер SIS, работавший в то время в Сингапуре, Морис Олдфилд, который позднее поднимется по карьерной лестнице и возглавит SIS. За один 1953 г. Сатклифф провел одиннадцать обучающих курсов для сотрудников службы безопасности в Малайе, Сингапуре, Бирме, Индии и Индонезии. Он пытался привить своим слушателям взгляды МИ-5 на то, как лучше всего руководить двойными агентами, особенно на тщетность применения физического насилия. Не является совпадением то, что у британской разведки появились успехи в Малайе, когда, по выражению одного высокопоставленного полицейского чина в 1954 г., стало меньше «избиений». В мае 1956 г. был проведен еще ряд обучающих курсов для офицеров особого отдела Малайи в Кучинге – на этот раз офицером МИ-5 по имени Р.Дж. И. Элиотт⁴³.

Укрепить дисциплину во время допросов, особенно тех, которые проводили на передовой, куда были стянуты подразделения из всех вооруженных сил Великобритании, равно как и из ряда государств Содружества, – это было легче сказать, чем сделать. На самом деле это было трудно, даже когда у М5 был сравнительно прямой контроль над следователями. Известно, например, что МИ-5 совершенно не сумела внедрить свои инструкции по ведению допросов в межведомственном центре задержания и допросов, который существовал в послевоенные годы в оккупированной Германии под началом не кого иного, как подполковника Робина Стивенса («Оловянный Глаз»), который так успешно руководил в годы войны лагерем 020, по большей части благодаря введенному им строгому правилу – не применять насилие. В

отличие от лагеря 020 центр задержания в Германии, расположенный в тихом и живописном курортном городке Бад-Ненндорф, был укомплектован дознавателями из военных и гражданских служб союзников, многие из которых были чрезвычайно плохо обучены. В результате отсутствия дисциплины зимой 1946 г. в этом центре разразился ужасающий скандал из-за применения пыток, от которых погибли двое заключенных, а несколько других сделали попытки совершить самоубийство. Один немецкий заключенный, подвергнутый такому бесчеловечному обращению со стороны британских дознавателей, попытался совершить самоубийство, проглотив ложку, а когда его привезли в госпиталь, ему пришлось ампутировать четыре пальца на ногах, которые он отморозил, находясь в ледяной камере. И хотя военно-полевой суд снял со Стивенса личную ответственность за смерть заключенных и дурное обращение с ними, этот скандал был поразительным примером неспособности МИ-5 заставить выполнять свои собственные инструкции по ведению допросов. На самом деле уроки, извлеченные из опыта МИ-5 во время войны, были подтверждены бесчисленными примерами из истории, которые показывают, что применение физического насилия дает недостоверную информацию⁴⁴.

Отчасти причиной того, что МИ-5 не удалось добиться исполнения инструкций по проведению допросов в Малайе, в результате чего имели место допросы с применением насилия, была слабая дисциплина среди дознавателей. Даже когда этот вопрос дошел до особого отдела в Малайе, над которым у МИ-5 был самый непосредственный контроль, он не смог оградить каждый допрос от насилия, – что уж говорить о тех допросах, которые проводили другие подразделения сил безопасности. Некоторые следователи прибегали к «третьей степени» воздействия просто из-за садистских наклонностей или мстительности, а на других, возможно, оказывало влияние их окружение. Спустя годы два печально известных эксперимента, проведенные американскими психологами Стэнли Милгрэмом и Филиппом Зимбардо, продемонстрируют, что «обычные» люди могут поддаться влиянию и начать применять насилие, когда считают, что это делать «правильно», и могут прибегать к исключительно жестким мерам воздействия на арестованных.

Однако были и более глубокие, системные причины применения пыток в Малайе. Одной из основных проблем было то, что, несмотря на

введение с 1940-х гг. международного закона о правах человека в Женевскую Конвенцию и другие соглашения, в то время правительство Великобритании не придерживалось единого стандарта проведения допросов в своей империи. Точки зрения различных департаментов Великобритании, военных и колониальных администраций на то, как следует допрашивать людей, арестованных во время проведения операций по подавлению восстаний, очень сильно отличались друг от друга. Официальные инструкции британской армии, например, строго запрещали применение мер физического принуждения, однако ее подразделения, находившиеся в полевых условиях, по-видимому, относились к ним как к необязательным для исполнения. В результате такого отсутствия единообразия в Малайе – и во время чрезвычайного положения в других колониях – британские и местные служащие сил безопасности были готовы к злоупотреблению властью.

Нежелание Великобритании стандартизировать практику проведения допросов длилось довольно долгое время. Душераздирающее свидетельство применения пыток было представлено в 1960 г. государственным служащим, который вспоминал свою подготовку в разведывательном подразделении, которую он получал в 1949 г.: «Мой взвод помимо всего прочего обучали тому, как нужно допрашивать пленных. Нам говорили, что в определенных случаях, вероятно, будет необходимо применять к ним различные виды физических пыток. Пытки, которые нам описывали, имели то преимущество, что не оставляли видимых следов, которые могли бы заметить представители Международного Красного Креста, и включали избивание пленного, тело которого обернуто мокрым одеялом, вливание в него воды и прижатие к раскаленной плитке. Наш инструктор – сержант разведывательного корпуса говорил нам, что видел, как такие пытки применяли к японским пленным в Бирме. С тех пор мне и другие военнослужащие говорили, что такие методы рекомендуют уже года три, и есть все причины полагать, что этому по-прежнему обучают и в настоящее время».

В 1970-х гг. правительство Великобритании вплотную подошло к освобождению от ответственности за применение пыток, когда Объединенный центр разведслужб в Лондоне, который обычно брал на себя роль доброго дядюшки, согласился на применение «пяти методов» проведения допросов в Северной Ирландии, включая помещение

человека в неудобное положение и лишение сна. «Пять методов» были отменены лишь после возмущения общественности и выигранного дела против правительства Великобритании в Европейском суде по правам человека⁴⁵.

Особый отдел в Малайе достиг больших высот в искусстве проникновения в ряды партизан. Из таких агентов самыми успешными были те, которые были завербованы без применения мер физического воздействия на допросах. Один такой случай был раскрыт летом 1953 г., когда Чин Пену, который, «с трудом пробираясь через самые густые джунгли в мире, добрался до Грика в Северной Малайе у границы с Таиландом, чтобы создать там свой новый штаб», сказали, что среди его людей, вероятно, есть предатель. Он вспомнил, что в прошлом году «проведению запланированных партизанских операций англичане помешали еще до того, как они были начаты. Враги обнаружили и захватили запасы оружия, боеприпасов и продовольствия. Главные партийные руководители были преданы и арестованы». Предатель, которым был секретарь местной партийной организации, был вскоре выявлен, а в кармане его рубашки был найден чек британского правительства на 50 тысяч долларов. Неясно, что с ним стало, хотя скорее всего он был казнен. В конце 1954 г. Чин Пен был вынужден перенести свой штаб еще глубже в джунгли, через тайскую границу.

Один двойной агент особого отдела Т.С. Самбантха Муртхи, который «сдался» англичанам в 1955 г. в районе Клуанг, наводненном коммунистами, в Джахоре, принес такую важную информацию о вооруженных силах коммунистов, что позже был награжден медалью Георгия на секретной церемонии, проведенной в Королевском дворце в Куала-Лумпуре⁴⁶.

Темплер поделил Малайю на зоны на основе районов, в которых коммунисты проявляли значительную активность («черные» зоны), некоторую активность («серые» зоны) и где никакой такой активности они не проявляли («белые» зоны). Успех его стратегии показывает тот факт, что ни одна «белая» зона не превратилась в «черную». Некоторые дискуссии, проходившие в то время на Уайтхолле, смысл которых подхватили впоследствии историки, наводили на мысль о том, что имело место постоянное движение от «черных» зон к «белым», по сути движение к миру и цивилизации. Однако это не дает верное

представление о жестоком и деспотичном характере власти Великобритании в Малайе при чрезвычайной ситуации. В реальности стратегия Темплера делала жизнь в «черных» зонах такой тяжелой для местного населения, чтобы люди никогда не захотели вернуться к ней и выдавали бы партизан из-за коллективного наказания, которое они должны были за них нести. «Черные» зоны были местом деятельности карательных отрядов, в то время как проживание в «белой» зоне имело значительные преимущества для ее жителей: в них не действовал комендантский час, ситуация с продовольствием не была такой острой, уровень нормальной жизни во многом был восстановлен. Так что в таком случае это была история не столько об организованном движении к «цивилизации», сколько о соучастии, явившемся следствием суровых мер, которым было подвергнуто местное население.

Термин «малоинтенсивная война» не оценивает должным образом чрезвычайно ожесточенные боевые действия в Малайе, которые на самом деле были совсем другой войной. Документы из секретного колониального архива, хранящиеся в Хэнслоуп-Парке, показывают, что персонал служб безопасности Великобритании эффективно применял стрельбу на поражение в Малайе. Ежемесячные доклады, выпускаемые начальником разведки о «подрывной деятельности», указывают на то, что «уничтожение террористов» было широко обсуждаемой темой. Один доклад, написанный в мае 1957 г., демонстрирует, что «успех» измерялся количеством убитых повстанцев: «Общее число убитых террористов в этом месяце чуть больше, чем в апреле, но среднее количество – 1 коммунист-террорист в день – все же чуть ниже, чем 32 человека в месяц в течение первых пяти месяцев этого года. (Ежемесячная средняя цифра за весь 1956 г. составляла 39 убитых.) Воодушевляющим было уничтожение девяти коммунистов-руководителей, трое из которых были ранга Государственного комитета. Большинство коммунистов-руководителей – это люди с опытом проведения подрывной деятельности еще до введения чрезвычайного положения и, таким образом, являются теми самыми людьми, которых согласно существующей политике КПМ, направленной на сохранение сил, следует сохранять для новой политической кампании по проведению диверсионной работы, которая является главной целью партии».

В общей сложности британские вооруженные силы убили в Малайе 6697 бандитов, или «коммунистов-террористов» (не все они воевали), при этом погибли 1865 бойцов сил безопасности и полицейских и 2473 гражданских лица. Однако эти цифры не дают должную оценку дезорганизации общественной жизни и беспорядков, которые сопровождали боевые действия и были вызваны главным образом арестами, задержаниями и вынужденным переселением в так называемые «новые деревни». Трудно измерить общественную травму, которую причиняла такая политика, но она была явно острая. Помимо насильственного переселения силы безопасности на земле Малайи, как известно, творили зверства, давали волю произволу, убивая одних и щадя других. Убитым мятежникам отрубали головы, руки, очевидно, по той причине, что карательным отрядам в джунглях было «слишком обременительно» тащить целые тела в штаб для снятия отпечатков пальцев. В некоторых случаях обезглавливание, предположительно, совершали ибанские «охотники за головами», хотя это вряд ли объясняет фотографии, на которых британские солдаты позируют с отрубленными вражескими головами как трофеями. Справедливо будет сказать, что эти варварские действия совершались ввиду характера войны в Малайе, которая была жестокой и доводила людей до озверения. Однако неизменно непосредственная причина зверств была та же самая, что и в Палестине: существовал порочный круг насилия, в котором действия сил безопасности, акции в ответ на эти действия, а затем репрессии сменяли друг друга. К этой пагубной смеси, как и в Палестине, добавлялось применение подразделений особого назначения, которые часто действовали далеко за линией фронта в тылу врага, отрезанные от линий коммуникаций, центрального командования и контроля, и создавали ситуации для обострения насилия и репрессий⁴⁷.

Один из самых печально известных инцидентов произошел вскоре после чрезвычайной ситуации 11–12 декабря 1948 г. Группа солдат из 2-го батальона Шотландского гвардейского полка убила 25 работников каучуковой плантации в Батанг-Кали, Селангор, при весьма сомнительных обстоятельствах. Солдаты утверждали, что эти люди были «бандитами», но были убиты подозрительно быстро после засады, в которой погиб один из их однополчан. Многие тогда назвали этот инцидент убийством из мести, хладнокровным зверством.

Странно, но правительство Великобритании приняло решение не проводить общественное расследование. Генеральный прокурор Малайи сэр Стаффорд Достер-Саттон провел расследование, но по сей день его результаты не опубликованы. Военнослужащие Шотландского гвардейского полка настойчиво отрицали, что действовали незаконно, хотя эти убийства так и не получили должного объяснения. Этот эпизод наводит на мысль об официальном укрывательстве, что, по-видимому, подтвердили последующие независимые расследования. Правительство Великобритании начало расследование этого дела в 1970 г., в котором принимала участие группа следователей из Скотленд-Ярда под руководством Фрэнка Уильямса – детектива, сыгравшего ключевую роль в расследовании Большого ограбления поезда (ограбление почтового поезда в графстве Бакингемшир в 1963 г., когда было похищено более двух миллионов фунтов стерлингов. – *Пер.*). Это расследование было отложено пришедшим к власти правительством консерваторов, якобы ввиду отсутствия улик. В том же году газета «Пипл» привела слова одного из солдат, фигурировавшего в этом инциденте, который сказал: «Как только мы начали стрелять, мы словно обезумели... Помню, что вода стала красной от их крови». Полиция Малайзии провела расследование в 1990-х гг., результаты которого получили Иан Уорд и Норма Мирафлор – авторы книги «Убийство и обман в Батанг-Кали». В 1992 г. ВВС сняла документальный фильм «Хладнокровно», в котором единственный доживший до этого времени солдат Шотландского гвардейского полка, участвовавший в инциденте, отвечал на вопросы и утверждал, что у них был приказ на массовое убийство, который потом стали замалчивать⁴⁸.

Инцидент в Батанг-Кали снова оказался в центре внимания средств массовой информации в мае 2011 г., когда адвокаты, представляющие семьи жертв, начали судебный процесс с целью заставить правительство Великобритании обнародовать все документы об этом массовом убийстве, которые имеются в его распоряжении. В сентябре 2012 г. Высокий суд в Лондоне постановил, что правительство должно начать расследование инцидента в Батанг-Кали, и на момент написания этой книги правительство Великобритании по-прежнему отказывается признавать, что у него есть какие-то документы, имеющие отношение к этой резне. Удивительно, что таких документов нет среди «утраченных» документов министерства по делам колоний, которые до недавнего

времени размещались в совершенно секретном здании британского правительства в Хэнслоу-Парке в Бакингемшире. Учитывая то, что правительству потребовался такой долгий срок, чтобы признать пребывание «утерянных» документов в Хэнслоу-Парке, его утверждение, что оно не располагает никакими документами об инциденте в Батанг-Кали, вызывает скептицизм. В 1949 г. тогдашний высокий комиссар сэр Генри Гурни признал, что армия Великобритании нарушает закон в Малайе «почти каждый день». Нападение в Батанг-Кали кажется поразительно похожим на массовое убийство вооруженными силами США людей в Ми-Лае во Вьетнаме в 1968 г. Чин Пен, вероятно, был прав, когда назвал это «умышленным массовым убийством». Один британский полицейский, который прибыл на место бойни вскоре после нее и сфотографировал его, был уверен, что люди, тела которых он увидел, были не террористами, а невинными гражданскими лицами – работниками каучуковой плантации⁴⁹.

Жестокая кампания Великобритании по подавлению восстания в Малайе в конечном счете увенчалась успехом, если успех заключается исключительно в том, чтобы уничтожить врага с помощью широкомасштабного вторжения в колонию вооруженных сил. На пике своего существования Малайская народно-освободительная армия насчитывала около семи тысяч бойцов, тогда как у англичан было три батальона, 10 тысяч полицейских, шесть батальонов гуркхов и два полка малайцев, что давало им численное превосходство над партизанами приблизительно 5: 1. Наземные операции англичане проводили при поддержке авиации, в которой к 1950 г. имелись бомбардировщики «Линкольн», размещенные в Малайе и способные сбрасывать тяжелые 10 000-фунтовые бомбы. Пилоты ВВС позднее вспоминали, что смотрели, как их бомбы падают в густые джунгли, выжигая деревья и уничтожая все на своем пути. Общая стоимость боевых операций в Малайе была огромна для послевоенного правительства Великобритании, которое, по сути, было банкротом и зависело от займов США. К концу 1948 г. оно тратило в день 300 тысяч долларов на ведение войны в Малайе, а к концу 1951 г. стоимость содержания и управления войсками взлетела вверх и достигла 48,5 миллиона фунтов стерлингов. Возмещение этих колоссальных расходов обеспечивал бум в каучуковой и оловянной отраслях промышленности,

случайно возникший из-за длившейся в то время корейской войны. Война, таким образом, оплачивала расходы на другую войну, а один военно-индустриальный комплекс кормил другой⁵⁰.

Тихий англичанин

Насилие и стрельба были не единственным, на чем сосредоточивалась британская кампания по подавлению восстания в Малайе. Она сопровождалась новаторской кампанией по завоеванию «сердец и умов» (хотя такое название появилось позже) с целью привлечь на свою сторону местное население. Сам Темплер сказал, что сама стрельба на войне составляет около 25 % сражения, а 75 % – умение убедить людей оказывать им поддержку. За колючей проволокой заборов «новых деревень» британские власти пытались перестроить и изменить жизнь тех, кого они в них переселили, построив там спортзалы, медпункты и учредив деревенские советы, а в 1954 г. они впервые провели демократические выборы на уровне местного совета. Эти проекты сопровождались масштабным строительством дорог и электрификацией, что «привело к появлению инфраструктуры, которой могли похвастаться лишь немногие азиатские страны». Выражаясь словами одного видного историка британской деколонизации Ум. Роджера Луиса, результатом стал один из самых амбициозных проектов государственного строительства в послевоенную эпоху⁵¹.

Вместе в «реабилитационными» программами в «новых деревнях» британские власти также проводили кампании по завоеванию «сердец и умов» на всей Малайе. Эта совершенно секретная пропагандистская кампания координировалась опытным журналистом Би-би-си, а позднее – ее генеральным директором Хью Карлтоном Грином, который с сентября 1950 г. возглавлял Службу информации о чрезвычайном положении. Карлтон Грин поднаторел в пропагандистской работе, во время войны поддерживая связь между Би-би-си и организацией, занимавшейся в Великобритании в годы войны «черной пропагандой», – Штабом политической войны. Он был единокровным братом известного романиста Грэма Грина – одного из лучших авторов шпионских романов всех времен, который в годы войны работал на SIS и навестил его в Малайе в 1951 г. Роман Грина «Тихий американец» (1955) о попытках американцев и французов остановить развитие коммунизма в Индокитае был навеян во многом тем, что он увидел во время своей поездки в Малайю. В этом романе Грин точно предсказал, что Америка столкнется во многом с такими же проблемами и

партизанской тактикой коммунистов в Юго-Восточной Азии, с которыми уже столкнулись французы и англичане – точно так же, как он предсказал приход к власти Фиделя Кастро на Кубе в своем романе «Наш человек в Гаване» (1958).

В Малайе Хью Карлтон Грин был таким же «тихим англичанином», каким был «тихий американец» Олден Пайл – герой романа Грэма Грина. Как руководитель Службы информации о чрезвычайном положении он поддерживал тесную связь со всеми английскими секретными службами и курировал масштабное проведение психологической войны («пси-война») в колонии. Вскоре после своего приезда в Малайю он понял, какую большую работу еще предстоит проделать. На допросах сдавшихся мятежников выявлялось, что мало кто из них видел хоть какие-нибудь материалы, относящиеся к правительственной пропаганде. Согласно более позднему отчету, Карлтон Грин вспоминал, что придумал пропаганду, которая была нацелена на содействие победе в чрезвычайном положении тремя способами: путем усиления психологической войны против мятежников, поддержки морального состояния местного населения, побуждения их снабжать полицию информацией о мятежниках⁵².

При Карлтоне Грине Служба информации о чрезвычайном положении работала в тесном контакте с британской организацией, которая в годы холодной войны занималась тайной пропагандой, – Департаментом изучения информации (IRD), одним из самых засекреченных британских агентств за всю историю холодной войны. IRD был создан в январе 1948 г. при содействии министерства иностранных дел с целью руководить ведением и распространением антисоветской пропаганды в Великобритании, ее империи и во всем остальном мире. К началу 1950-х гг. он стал одним из самых крупных департаментов министерства иностранных дел. Кристофер Уорнер, должность которого официально называлась «помощник заместителя министра по информационной деятельности», но который на самом деле руководил IRD, объяснял: «Наша цель – просвещать тех, кто не имеет представления о том, насколько неприятно жить в странах, где у власти стоят коммунисты». Для ее достижения IRD нанял на работу известных писателей, включая Джорджа Оруэлла, чьи знаменитые романы «Скотный двор», «1984», содержащие критику коммунизма, отчасти финансировались IRD, и Артура Кёстлера, который в своих

нападках на коммунизм при финансовой поддержке IRD называл его «неудачей Господа Бога»⁵³.

Иногда IRD приходилось прилагать усилия, чтобы связать антиколониальные восстания с холодной войной (как, например, на Кипре, где, как мы увидим, партизанские силы возглавлял почти фашист, а не коммунист). Все иначе было в Малайе, где коммунисты-партизаны Чин Пена давали богатый материал. К 1949 г. у IRD было уже Региональное информационное бюро, находившееся в Феникс-Парке в Сингапуре и работавшее под руководством Джона Рейнера. IRD и Служба информации о чрезвычайном положении бомбардировали деревни и джунгли массивной пропагандой. BBC установили на трех самолетах «Дакота» и двух «Остерах» громкоговорители и отправляли их в полет над джунглями колонии с целью вещания для мятежников: им обещали награды и хорошее обращение, если они сдадутся. Схожее содержание было у текстов листовок (некоторые из них были написаны сдавшимися в плен партизанами), в которых обычно обещались хорошее обращение со стороны англичан, награды за информацию и иногда были напечатаны фотографии мертвых или взятых в плен мятежников с целью деморализовать других восставших. В 1953 г. в колонии были распространены около 93 млн листовок, из которых 54 млн были сброшены с самолетов. В 1956 г. самолет BBC с вещательной аппаратурой на борту сделал две тысячи вылетов в Малайе и сбросил потрясающее количество листовок – 100 млн. Передвижные киноустановки, число которых при Карлтоне Грине выросло с 23 до 53 единиц, вдалбливали в головы в основном неграмотной аудитории то, что хотела донести до нее британская администрация. Успех пропагандистских усилий Великобритании можно увидеть в том, что общее количество партизан, сдавшихся в плен, выросло с 74 человек за последние восемь месяцев 1950 г. до 136 в 1957 г. Многие из сдавшихся в плен признавали, что сделали это благодаря британской пропаганде; а при некоторых из сдавшихся находили пропагандистские листовки⁵⁴.

Наравне с пропагандой, направленной против своих врагов и известной как «белая» или «серая» пропаганда, британские чиновники в Малайе также использовали так называемую «черную» пропаганду. Эта пропаганда была более скрытая и предназначена для того, чтобы заставить врага думать, что информация, которую он получил, исходит

из его собственных рядов. Впервые «черную» пропаганду использовал Дадли Кларк в Египте во время Второй мировой войны, а затем, как мы уже видели, ее взяла на вооружение Лондонская станция контроля (LCS). То, как эти операции по дезинформации раскручивались в послевоенные годы под руководством Комитета Холлиса, показывает, что война на самом деле не прекратилась в Юго-Восточной Азии после 1945 г. Для английских руководителей операциями по дезинформации начало холодной войны и чрезвычайного положения в Малайе означало продолжение военных действий, а не что-то новое в своей основе.

С началом корейской войны в июне 1950 г. Комитет Холлиса был переименован в Совет перспективного планирования (название в стиле Грэма Грина), которым руководил бывший офицер МИ-5 Джон Дрю при содействии министерства обороны, возникшего в 1946 г. из военного министерства Великобритании. К 1950 г. Совет перспективного планирования имел офицеров – специалистов по дезинформации в штабах вооруженных сил Великобритании в Куала-Лумпуре и Сингапуре. И, как показывают документы, ставшие доступными лишь в 2011 г., их весьма засекреченные миссии включали тщательно продуманное применение маскировки для сокрытия местонахождения сил безопасности, а также ведение радиопередач для обмана сил мятежников в отношении дислокации их товарищей по оружию. В 1950 г. из 90-й авиагруппы британских ВВС был отправлен в Малайю бомбардировщик «Ланкастер» с электронной аппаратурой для ведения разведки, который выслеживал и вносил путаницу в радиосвязь партизан, выявлял их местонахождение для наземных вооруженных сил⁵⁵.

Британская разведка и независимость Малайи

Одновременно с предоставлением «животрепещущей», применимой на практике разведывательной информации силам безопасности британские разведывательные службы также играли жизненно важную, но в основном нераскрытую роль в разработке конституции Малайи, которая проложила путь к обретению колонией независимости в августе 1957 г. В мае 1954 г., сразу же после того, как из Малайи уехал Темплер, его преемник на посту высокого комиссара Дональд Макгилливри провел выборы. Политиком, победившим на этих выборах, стал Тунку Абдул Рахман – с 1951 г. лидер Объединенной малайской национальной организации (ОМНО), который в последующие годы станет ведущей силой малайской политики. Тунку, или, как его еще называли, «принц», был малайским аристократом из Кедаха, и в министерстве по делам колоний сочли, что с ним можно работать. Он был человек умеренных взглядов, усвоивший культурные ценности и нормы Запада: он изучал юриспруденцию в Кембридже и был барристером в Лондоне, где приобрел репутацию плейбоя, тратя больше времени на гонки на машинах, чем на изучение права или работу по специальности, что отчасти объясняет его троичный кембриджский диплом. В 1954 г. Тунку создал новую партию «Альянс», которая впервые в Малайе поставила себе цель – создать партию, не разделенную по расовым, этническим и религиозным признакам, а партию политического согласия. Эта партия попыталась уравновесить права всех основных групп малайского общества (малайцев, китайцев, индийцев) и установить равное гражданство для всех, но в то же время сохранить особые привилегии, которые требовали для себя малайцы как самая большая этническая группа. Критики Тунку утверждали, что он всего лишь английская марионетка; ему не хватало шрамов борца за свободу или тюремного срока в биографии, которыми могли похвастаться другие деятели, боровшиеся против колониализма. Однако в реальности он был поистине политик консенсуса⁵⁶.

Рост рядов партии «Альянс» после 1954 г., которая провозгласила своим лозунгом единство и независимость, оттеснил Коммунистическую партию Малайи на второй план. В 1955 г. Джон

Дэвис, бывший полицейский и ветеран подразделения 135 Управления спецопераций, воевавший плечом к плечу с Чин Пенем во время войны, был послан в джунгли для встречи со своим бывшим союзником, чтобы попытаться договориться о прекращении огня. Дэвис приветствовал Чин Пена на назначенной встрече, проходившей на поляне, расчищенной в джунглях, словами «Давно не виделись», сказанными на кантонском диалекте китайского языка, а затем отправился вместе с ним на переговоры через границу с Таиландом, хотя эти первые переговоры не увенчались успехом.

На протяжении 1955 г. в Малайе усиливались требования дать стране самоуправление и независимость (*Merdeka*). На выборах в июле партия «Альянс» завоевала сокрушительную победу, получив 51 из 52 мест в парламенте в Куала-Лумпуре, и в следующем месяце министерство по делам колоний уступило власть, когда официально признало Тунку «первым министром» Малайи, возвестило о самоуправлении и признало его премьер-министром, ожидающим подтверждения своих полномочий.

Как и в Индии и Палестине, передача власти Малайской федерации произошла не по заранее разработанному плану. В реальности министерство по делам колоний и его министр Алан Леннокс-Бойд были вынуждены отреагировать на события, которые были им неподвластны. Тем не менее, когда Британская империя в Юго-Восточной Азии начала распадаться, министерство по делам колоний сумело оптимальным образом использовать создавшееся для него неприятное положение. Начиная с августа 1955 г. министерство делало уступки в Малайе на том основании, что передача власти необходима для сохранения доброй воли Тунку и народа Малайи, тогда как промедление может вызвать возмущение и подхлестнет радикальные группы.

Британская администрация в Малайе со страхом наблюдала за выходом французов из Индокитая, а голландцев – из соседней Индонезии, которая восстала в 1947 г., в основном в ответ на давление США, оказанное с целью избежать крена влево этой колонии. И в Индокитае, и в Индонезии отношения между новыми национальными правительствами и бывшими колониальными администрациями были омрачены годами кровопролития. В то же время Великобритания – а за ее спиной Соединенные Штаты – понимала, что преждевременный

отказ от власти в Малайе вызовет тот вакуум власти, который может позволить силам Чин Пена перегруппироваться и снова восстать или войти в страну советским или китайским коммунистам и взять власть в свои руки. Та же самая логика, которая заставила голландцев уйти из Индонезии, требовала, чтобы Великобритания оставалась в Малайе до тех пор, пока уход из нее не будет безопасным – не раньше и не позже. Для стратегических целей холодной войны перед Великобританией стояла задача обеспечить правительство Тунку достаточными инструментами, чтобы оно смогло противостоять коммунистическому вызову после обретения независимости.

В период «совместного правления» Британии и правительства Тунку – этот период известен историкам, исследующим конец Британской империи, как «двоевластие» – британское правительство сохраняло контроль над обороной и безопасностью Малайи. В феврале 1956 г. министерство по делам колоний передало ответственность за них местным малайским министрам – главная уступка власти, которая, как надеялся и верно предсказал министр по делам колоний Леннокс-Бойд, поможет сохранить добрую волю правительства Тунку во время обсуждения вопроса о предоставлении Малайе независимости, состоявшегося в Лондоне в Ланкастер-Хаус (правительственное здание в Лондоне, используемое для проведения официальных приемов, конференций глав государств и правительств стран Содружества, построено в 1825 г. – *Пер.*). За кулисами всех дипломатических переговоров, имевших отношение к независимости Малайи, упорно трудились секретные агентства Великобритании, пытаясь снискать и сохранить расположение нового правительства Малайи точно так же, как они это делали в Индии за десять лет до этого. Они вели и направляли ключевые дискуссии по вопросам обороны и безопасности и поддерживали тесные, но неафишируемые отношения с правительством Малайи после обретения страной независимости в 1957 г.

В июле 1956 г. руководитель SIFE – офицер МИ-5, не названный по имени в рассекреченных архивах, встретился с Тунку и заключил решающий договор между ним и правительством Великобритании. Тунку согласился следовать модели, предложенной МИ-5 для обеспечения безопасности, которая была для Малайи той же самой, что и для других частей Британской империи: обеспечение безопасности

должно быть полностью отделено от охраны общественного порядка. Тунку согласился на предложения МИ-5 и оставил в системе разведки и полиции все так, как было, когда особый отдел отвечал за сбор разведывательной информации для обеспечения безопасности, но действовал отдельно от полицейского Управления уголовных расследований. Тунку сказал, что хочет провести быструю «малайязацию» регулярных полицейских сил и гораздо более медленную «малайязацию» особого отдела, причем чтобы после получения страной независимости в нем сохранились бы сотрудники МИ-5 и лондонского особого отдела, покинувшие родину. В течение последующих месяцев были обговорены дальнейшие детали в ходе переговоров между министром по делам колоний Ленноксом-Бойдом, высоким комиссаром Великобритании в Малайе Макгилливри и Тунку.

Потенциальным камнем преткновения на этих переговорах – он выявился в документах лишь в 2011 г. – оказалась деятельность британского барристера и члена Компартии Нила Лоусона – королевского адвоката, который выступал в роли юридического советника правителя Малайских штатов, особенно по вопросам конституции. МИ-5 беспокоили связи Лоусона с Коммунистической партией Великобритании, с которой, как выяснилось благодаря перехваченной корреспонденции и слежке за ее штаб-квартирой, Лоусон продолжал поддерживать тайную связь, несмотря на публичное дистанцирование от нее. В МИ-5 считали, что Лоусон представлял собой серьезный риск «гладкой» передачи власти в Малайе, и предложили, чтобы малайские правители были проинформированы о его членстве в компартии. Однако министр по делам колоний предпочел не афишировать этот момент, рассудив, что это может поставить под угрозу переговоры.

Они планомерно продвигались вперед, особенно по самым деликатным вопросам – вопросам безопасности и разведки. Была достигнута договоренность о том, что МИ-5 назначит постоянного офицера связи по вопросам безопасности в новом правительстве Малайи. Этот офицер прибыл в Куала-Лумпур в апреле 1956 г. и при поддержке Тунку продолжил служить в британском представительстве высокого комиссара после обретения Малайской федерацией независимости в августе 1957 г. Он наладил такие тесные отношения с Тунку в преддверии получения страной независимости, что ему были

доверены шифры к замкам сейфов Тунку. После обретения независимости еще двое офицеров МИ-5 были откомандированы к правительству Малайи для оказания помощи в обучении нового поколения сотрудников службы на местах. Офицер связи по вопросам безопасности от МИ-5 продолжал работать в Куала-Лумпуре по крайней мере до 1968 г., а возможно, даже еще дольше⁵⁷.

Офицер связи по вопросам безопасности работал в тесном контакте с местным Особым отделом и делился разведывательной информацией с новым правительством Тунку. Однако ясно, что, как и в Индии, МИ-5 осторожно «управляла» разведывательными данными, которые она передавала малайским официальным лицам и министрам, а офицер связи по вопросам безопасности придерживал засекреченную информацию, называемую в отчетах как «только для глаз Соединенного Королевства». Малайское правительство, без сомнения, переняло эту практику и «фильтровало» поток своей собственной информации, которая поступала к офицеру связи по вопросам безопасности. Даже среди ближайших союзников, как говорится в старой поговорке, бытующей в разведке, не бывает дружеской секретной службы – только секретная служба дружеской страны. Несмотря на неизбежную сдержанность с обеих сторон, как и хотел Тунку, особый отдел оставался более «европеизированным», чем кадровая полиция – Управление уголовных расследований, и, хотя в настоящее время есть мало тому подтверждений, кажется вероятным, что особый отдел продолжал следить за экстремистскими группировками в правительстве Тунку, как было до этого в Индии⁵⁸.

Архивы, найденные в Хэнслоу-Парке, показывают, что во время подготовительного этапа к обретению Малайей независимости, как и до этого в Индии, британские чиновники намеренно уничтожили «засекреченные» документы, зачастую имевшие отношение к разведке. В июле 1956 г., накануне превращения Малайи в независимое государство, младший колониальный чиновник в Куала-Лумпуре по имени У.Дж. Уоттс написал в канцелярию губернатора в Кингз-Хаус:

«...сейфовое хранилище здесь сильно переполнено, и секретарь в канцелярии иностранных дел попросил меня посмотреть, нельзя ли избавиться от некоторых из более давних документов. Часть из них появилась, очевидно, в то время, когда заместитель высокого комиссара занимал Каркоса-Хаус, и, вероятно, они имеют дубликаты в Кингз-

Хаус. Если это так, не согласитесь ли вы на то, чтобы они были уничтожены. Список с пометкой А прилагается.

Большое количество документов представляют собой циркуляры, телеграммы в министерство по делам колоний и полученные от него депеши и т. д. Я прилагаю список под литерой В. Думаю, что эти документы, вероятно, имеют копии либо в вашей канцелярии, либо в секретариате правительства. Мы предлагаем запаковать их в тюки и отправить в министерство по делам колоний.

В список С входят документы из нескольких пачек старых досье из Кингз-Хаус. Я просмотрел их, и мне показалось, что в некоторых из них содержится кое-что, представляющее интерес для историков – на тот случай, если кто-то пишет историю чрезвычайного положения в Малайе или биографию предыдущего высокого комиссара. Остальные следовало бы изучить подробно, но у меня не было времени сделать это. Не согласитесь ли вы на то, чтобы избавиться от них, как предложено в отношении отдельных дел, указанных в списке?»

Таким образом, по-видимому, документы в Малайе были уничтожены даже без согласования с вышестоящими чиновниками.

Одной из причин, по которой МИ-5 аккуратно «распоряжалась» – манипулировала – разведывательной информацией, когда родилось новое государство Малайя, было то, что, как и в Индии, многие ее ведущие политики сами раньше были объектами разработки МИ-5 и особого отдела в Малайе. Известно, что оба этих ведомства вели досье на самого Тунку, хотя на момент написания этой книги его досье в МИ-5 было рассекречено. Тем не менее на то, какого рода информация имелась у МИ-5 на Тунку, указывает ее многотомное досье на Энтони Брука – племянника последнего «Белого Раджи», который правил Сараваком (Британским Борнео), Вайнера Брука, который в 1946 г. передал эту территорию Великобритании. Объяснением этой передачи, которая положила конец «власти Бруков» в Сараваке, которым управляла частная династия, была растущая коммунистическая угроза в этом княжестве. Но, что было весьма удобно для Вайнера, она произошла в обмен на приличную пенсию. Вайнер был довольно эксцентричным человеком, который в биографическом справочнике «Кто есть кто» написал о себе, что «провел несколько экспедиций в глубь страны, чтобы наказать охотников за головами» и что он знает, «как надо управлять аборигенами»; а его супруга Сильвия – леди Брук

назвала себя «королевой охотников за головами» – это ссылка на традицию, бытовавшую среди ибанцев Саравака, – отрезать головы своим жертвам. После удивительной передачи этой территории Вайнером Энтони Брук как прямой наследник стал выдавать себя за главного «противника уступки власти» на этой территории. И хотя он был абсолютным англичанином: получил образование в Тринити-колледже Кембриджа, – когда речь зашла о «его» династии в Сараваке, он проявил себя как ярый националист⁵⁹.

Все усложнилось, когда в декабре 1949 г. был убит британский губернатор Саравака Дункан Стюарт. Подозрения сразу же пали на Энтони Брука. Это пробудило в МИ-5 интерес к нему и желание «узнать о любых других заговорах, которые могут вынашивать он и его сторонники». МИ-5 открыла на Брука досье в январе 1950 г. и начала тщательно изучать его деятельность в Лондоне, базу его правительства в изгнании. Перехват МИ-5 корреспонденции Брука, осуществляемый по полученному в министерстве внутренних дел ордеру, был настолько эффективным, что в октябре 1950 г. ее сотрудники могли сказать министерству по делам колоний, когда и где он потерял свой бумажник. Несмотря на подозрения МИ-5, Брук на самом деле не был замешан в убийстве Стюарта, которое совершил одиночка, протестовавший против передачи власти Великобритании. Стюарт получил удар ножом во время поездки в Сибу, когда он инспектировал почетную гвардию констеблей Саравака, от молодого малайца, не согласного с уступкой Саравака Великобритании, и вскоре умер. Даже после того, как характер смерти Стюарта стал ясен, МИ-5 утверждала, что, если Брук и не несет, возможно, прямой ответственности за это убийство, он все же был «косвенно ответственным» за него как человек, ставший во главе борьбы против передачи Саравака Великобритании. И хотя МИ-5 сначала видела в Бруке не более чем «досадную помеху», в ходе своего расследования стала считать его уже серьезным риском для безопасности, лидером незаконной «антибритан-ской» деятельности в этом регионе. Маловероятно, что Брук когда-либо представлял собой угрозу, которую видели в нем в МИ-5, хотя он и создал движение сопротивления передаче власти Великобритании с номинальным главой. Главным образом по рекомендации МИ-5 в конце 1950 г. ему было отказано во въезде в Саравак, и ему пришлось сделать соседний Сингапур опорным пунктом своей деятельности. В конечном счете он

официально отказался от своего династического титула. После обретения Малайей независимости офицер связи по вопросам безопасности в Куала-Лумпуре поделился тщательно выверенной информацией на Брука с правительством Тунку. Он не сообщил Тунку о том, что у МИ-5 также имелось досье и на него самого, хотя Тунку, вероятно, догадывался о том, что оно есть⁶⁰.

Роль, которую исполняли МИ-5 и другие секретные агентства Великобритании при передаче власти в Малайе, была частью более широкого сценария, согласно которому британское правительство сохраняло свои интересы и установило тесные связи с правительством новой страны, которая после получения независимости осталась в Содружестве. Эти связи, скрепленные договорами в области обороны и экономики, обеспечивали «жизненные интересы» Великобритании в Юго-Восточной Азии на протяжении всей холодной войны. Великобритания заключила с правительством Малайи ряд договоров в области обороны, которые, например, давали право прохода морским судам через Малаккский пролив, важный для обороны стран Содружества. Она также договорилась, что будет оказывать помощь Малайе в обеспечении внутренней и внешней безопасности после получения ею независимости в обмен на то, что правительство Малайи останется в зоне фунта стерлинга, и согласилась хранить ее золотой запас в Лондоне. Правительства обеих стран соблюдали это соглашение каждое со своей стороны, и к 1965 г. около 65 % всех капиталов в стране были британскими. Тем временем вооруженные силы Великобритании и стран Содружества продолжали помогать новому правительству воевать с партизанами-коммунистами, и конец чрезвычайного положения был объявлен наконец в 1960 г., через три года после обретения страной независимости⁶¹.

В Сингапуре все происходило аналогично. Укрепленный город-государство, название которого на санскрите означает «город льва», был «коронной колонией» (то есть британской колонией, не имевшей самоуправления. – *Пер.*), отделенной от других имперских владений Великобритании на Малайском полуострове. С начала 1950-х гг. в Сингапуре начали расти требования полного самоуправления и независимости. Комитет начальников штабов Великобритании, однако, был резко против любой уступки власти без гарантий стратегических интересов Великобритании, которые они считали жизненно важными

для оборонных обязательств перед странами Содружества – Австралией, Новой Зеландией, Фиджи и Гонконгом. В Сингапуре были размещены около 10 тысяч британских солдат, и в этом регионе для них не было подходящего альтернативного места базирования. В одном отчете недавно созданного Департамента разведки и безопасности министерства по делам колоний (ISD) от августа 1956 г. стратегическая позиция Великобритании была резюмирована без обиняков: «Мы хотим поддерживать на более или менее постоянной основе определенные оборонные интересы и сохранить военные базы в Сингапуре», что, согласно другому отчету, означало, что Великобритания будет «настаивать на жестком соглашении по определенным аспектам разведки и безопасности», прежде чем городу-государству будет гарантирована полная независимость⁶².

Как и в Малайе, МИ-5 сыграла значительную, но тайную роль в дискуссиях о будущем Сингапура, ведя переговоры с последовательно сменявшимися друг друга первыми министрами – сначала Дэвидом Маршаллом, а затем Лим Ю Хоком с целью гарантировать и сохранить британские стратегические разведывательные интересы в Сингапуре. Маршалл был выдающимся еврейско-иракским юристом, который, несмотря на все свои ораторские способности, не сумел в 1955 г. добиться от Великобритании соглашения о передаче власти и введении самоуправления в «коронной колонии». В результате на посту первого министра его сменил Лим – популярный политик-китаец из Сингапура. С 1955 г. Великобритания начала уступать отдельные полномочия Сингапуру, главным образом с целью сохранить благосклонность правительства Сингапура и отчасти потому, что хотела избежать нарастания недовольства, которое уже угрожало коммунистическим переворотом в городе, полуторамилионное население которого на три четверти состояло из этнических китайцев.

В сентябре – октябре 1956 г. на высшем уровне прошел ряд встреч между губернатором Сингапура сэром Джоном Блэком, первым министром Лимом и офицером связи по вопросам обороны и безопасности от МИ-5, имя которого в документах не названо. Результатом этих дискуссий стало соглашение о том, что офицер связи останется в Сингапуре после обретения им независимости, будет иметь доступ к самому главному министру и министру внутренней безопасности и входить в недавно созданный Совет по внутренней

безопасности, заседающий в Доме правительства в Сингапуре. Лим, который был непоколебимым антикоммунистом, заверил, что «британские офицеры и ведомства будут иметь самый полный доступ к разведывательной информации из источников в Сингапуре». В то же время между Лимом и Леннокс-Бойдом был заключен совершенно секретный договор, согласно которому во время переходного периода, когда Великобритания будет разделять власть с сингапурскими министрами, Лиму будет позволено арестовать ряд «подрывных элементов» в Сингапуре. Сейчас ясно, что эта сделка, получившая одобрение кабинета министров в Лондоне, была нацелена не на людей, действительно занимавшихся подрывной деятельностью в Сингапуре, а на политических противников Лима. Как мы еще увидим, эта тенденция новых национальных правительств использовать аппарат служб безопасности, переданный им англичанами, в своих собственных целях, была тревожным наследием, оставленным Великобританией в ряде ее бывших колоний⁶³.

Сингапур добился полного внутреннего самоуправления в 1959 г. Ли Куан Ю стал его первым премьер-министром. И, как Малайя, Сингапур остался в Содружестве. Однако в отличие от Малайи британское правительство сохранило контроль над вопросами обороны и внешней политики – внутреннее самоуправление не включало контроль над внешней политикой. Сингапур оставался верным союзником Великобритании и Запада на протяжении всей холодной войны и находился под защитой коалиции, состоявшей из вооруженных сил Великобритании, стран Содружества и США. Этот город-государство присоединился к Малайской Федерации в 1963 г., но вышел из нее в 1965 г. и с тех пор стал полностью независимым городом-республикой. Как и в Малайе, британская разведка установила тесные отношения с властями Сингапура еще до получения им полной независимости, которые продолжились и после 1965 г. В середине 1960-х гг. Ли Куан Ю, который более трех десятков лет был премьер-министром Сингапура, поблагодарил МИ-5 за работу, проделанную ее офицером связи по вопросам безопасности Кристофером Гербертом – старым колониальным кадром. Выпускник Тринити-колледжа в Дублине с дипломом отличника в экспериментальной науке, Герберт поступил на государственную службу в Индии в 1936 г., а в 1950 г. был взят на работу в МИ-5 и стал советником по вопросам безопасности в

министерстве по делам колоний в 1955 г. Став офицером связи по вопросам безопасности в Сингапуре в начале 1960-х гг., Герберт принял на себя всю ответственность МИ-5 за этот участок работы, когда должность главы SIFE была упразднена, и ее последний руководитель Майкл Серпелл ушел в отставку в октябре 1962 г.⁶⁴

Сингапур справедливо считают – вместе с Гонконгом – одной из главных шпионских столиц Дальнего Востока во времена холодной войны. Объединенный центр разведслужб Дальнего Востока и SIFE продолжал находиться там после обретения им внутреннего самоуправления в 1959 г., а Центр правительственной связи аналогично сохранял свое существенное присутствие в городе-республике на протяжении 1960-х гг. и даже позже вместе со своими прослушивающими постами и антеннами, торчавшими на ряде британских сооружений. SIS также стала играть все более важную роль в Сингапуре по мере его движения к независимости. У SIS имелось бюро в Сингапуре с 1930-х гг., и с приходом сюда независимости она взяла на себя все обязанности МИ-5 в этом регионе. По крайней мере один начальник SIS сэр Дик Уайт – единственный человек, который когда-либо возглавлял одновременно и МИ-5, и SIS, посетил Сингапур в 1956 г. Однако история о том, как SIS в конечном счете взяла на себя все обязанности британской разведки в Сингапуре, к сожалению, лежит за пределами темы этой книги, так как в настоящее время просто нет достаточного количества документов, чтобы ее рассказать⁶⁵.

Большая часть истории британцев в Малайе – явно история успеха. Традиционные толкования чрезвычайного положения в Малайе наводят на мысль, что между 1948 и 1957 гг. Великобритания сохраняла экономически важную часть своей империи, разгромила коммунистов-повстанцев, изолировала колонию от коммунистических режимов извне и успешно ввела единое политическое и экономическое правление, построила впечатляющую инфраструктуру и сильную государственную систему на Малайском полуострове. В отличие от результатов войны США во Вьетнаме Малайя была, если использовать аналогию президента Эйзенхауэра, костяшкой домино, которая осталась стоять. В Малайе англичане боялись – как позднее будут бояться американцы во Вьетнаме – того, что если одна страна падет под натиском коммунизма, то и другие страны этого региона последуют за ней, как костяшки домино. Как мы уже видели, британская разведка сыграла важную роль

в развитии успешной стратегии по подавлению восстания в Малайе, которая опиралась как на военные операции, так и на кампании по завоеванию «сердец и умов» местных жителей и которую можно считать полезной моделью для тактики подавления восстаний в наше время. Ответные действия англичан на чрезвычайное положение в Малайе были явно успешными по своим непосредственным целям: устранить коммунистическую угрозу в Малайе и оттеснить коммунистов от власти в этой колонии.

В 1963 г. Малайская федерация успешно превратилась в Малайзию – государство, расширившееся за счет территорий британского Северного Борнео (Сабах), Саравака и Сингапура, создание которого привело к жесткой конфронтации с правительством Индонезии. Президент Индонезии Сукарно считал, что образование этой федерации было попыткой заново установить колониальное правление, и решил попытаться захватить пробританское государство в Борнео – Бруней. Британия, выполняя свои договоры об обороне с Малазийской федерацией, оказала ей помощь в отражении нападения Индонезии. Попытка Сукарно организовать в Брунее восстание была подавлена гуркхами, которых англичане на самолетах перебросили из Сингапура, но военные действия вскоре распространились на материковую часть Малайзии. SIGINT сыграла важную роль в успехе боевых операций. Силы стран Содружества, объединявшие войска Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, получили поддержку в виде расшифрованных сообщений, полученных Центром правительственной связи, которые раскрыли намерения Сукарно и местонахождение боевиков в джунглях⁶⁶.

Это были некоторые из успехов, которых добились секретные службы Великобритании при передаче власти в Малайе. Однако спорный вопрос остается: действительно ли роль правительства Великобритании в рождении современной Малайзии так велика, как говорится в большинстве историй этого периода? В реальности чрезвычайное положение в Малайе оставило и мрачное наследие. Правда то, что благодаря во многом рекомендациям МИ-5 разведка в Малайе была отделена от функций полиции, и тем самым отменилась необходимость создавать тайную полицию после обретения страной независимости в 1957 г. Однако суверенное правительство Малайи унаследовало и сохранило ряд чрезвычайно авторитарных

инструментов власти, которые ввели англичане во время чрезвычайного положения, такие как задержание без суда. Закон Малайи о подстрекательстве к бунту (от 1960) давал ему обширные полномочия против любого человека, на которого оно навесило ярлык «мятежник». Современная Малайзия была, по выражению Макмиллана, «свадьбой из-за беременности невесты». Она представляла собой совокупность государств, слабо связанных между собой, рожденных на фоне войны, оккупации и чрезвычайного положения, и сохраняла ряд жестких процедур из области безопасности, изобретенных в то время. Некоторые доказывали, что по-настоящему независимость в Малайе будет неполной до тех пор, пока эти полномочия не будут отменены, а более либеральные формы правления не будут установлены⁶⁷.

Глава 6

Британская разведка и закат Британской империи в Африке

*«Он опасен, он безумен...»
«Разве вы думали бы так, если бы к нам вторгся
оккупант с континента?»*

Питер Абрахамс. Венок Майклу Удомо¹

*Единственный хороший мау-мау – очень, очень
мертвый.*

Уильям Болдвин. Облава на мау-мау²

Великобритания поддерживала торговые связи в Западной Африке сотни лет, но лишь в XIX веке она, как и другие европейские державы, создала там свои колонии. Во время так называемой «драки за Африку», которая началась в 1880-х гг., конкуренция между основными европейскими колониальными державами заставила их претендовать на обширные территории на Черном континенте. То, что высокомерно называлось «бремя белого человека», означало, что белые люди несли «цивилизацию» и «образование» предположительно на нецивилизованные и безграмотные просторы Африки.

Вторая мировая война изменила характер власти Великобритании в ее западноафриканских колониях, главным образом на Золотом Берегу и в Нигерии – самой густонаселенной колонии во всей Африке. Во время войны большое количество африканских новобранцев воевало за Великобританию и союзников, и тысячи из них отдали свои жизни во имя свободы и демократии на территории от джунглей Бирмы до пляжей Северной Франции. Когда выжившие африканцы вернулись на родину, многими из них двигало сильное антиколониальное чувство, и они были готовы воевать за свободу и демократию в своих собственных странах. И хотя некоторые историки ставят под вопрос то, до какой степени послевоенный антиколониализм уходит своими корнями в

опыт, полученный во время Второй мировой войны, не может быть сомнений в том, что зрелище «цивилизованных» европейских народов, убивающих друг друга, заставило многих африканских новобранцев задать себе вопрос: а что на самом деле имелось в виду под европейской «цивилизацией»? Когда африканские солдаты возвратились в свои страны, Великобритания, как и другие европейские колониальные державы, оказалась перед огромной неодолимой силой – антиколониальным патриотизмом³.

Золотой Берег

В феврале 1948 г. столица Золотого Берега Аккра стала местом бурных гражданских беспорядков, в ходе которых протестующие требовали от британской колониальной администрации «самоуправления сейчас». В результате бунтов погибли 29 человек и 237 получили ранения – цифры, которые, возможно, были малы по индийским, не говоря уже об индонезийских, стандартам, но все же встревожили британские власти. Так как эти беспорядки случились одновременно с началом чрезвычайного положения в Малайе, многим наблюдателям на Уайтхолле (и в Вашингтоне) показалось, что в обоих случаях за вспышками насилия стоит призрак коммунизма. Еще до этих бунтов Великобритания была вынуждена обратиться с вопросом об увеличении политического представительства африканцев на Золотом Берегу. В 1946 г. так называемая Конституция Бернса поддержала поэтапный подход к проведению конституциональной реформы в колонии с созданием Исполнительного совета (что-то вроде кабинета министров), в котором со временем африканцы должны были получить ограниченное представительство. Беспорядки заставили британское правительство снова взглянуть на конституционную реформу в колонии. Из-за них колониальная администрация на Золотом Берегу и министерство по делам колоний в Лондоне создали две важные комиссии, выводы которых были ошеломляющими.

Первой комиссией была так называемая комиссия Уотсона, названная так в честь ее председателя Айкена Уотсона – удалившегося от дел судьи с «левыми» взглядами, который подверг сомнению то, что поэтапный подход, предлагаемый Конституцией Бернса, это правильный путь движения вперед. Вместо этого Уотсон пришел к заключению, что африканцев нужно вводить в местное правительство гораздо быстрее. Это было ключевым событием в истории британского колониального правления в Африке и для стремления африканцев к национальной независимости вообще. Заключительный доклад комиссии Уотсона был поразительно прогрессивным документом, который намеренно вышел за границы короткой сводки: ведущие историки британской деколонизации Ричард Ратбоун и Рональд Хайэм назвали его «одним из самых важных документов конца империи». За

первой последовала вторая комиссия, возглавляемая судьей Кусси, которая тоже была новаторской, во-первых, потому, что состояла исключительно из африканцев (хотя и умеренных), а во-вторых, из-за своих выводов. В октябре 1949 г. комиссия Кусси выступила в защиту значительных конституциональных реформ, придя к заключению, что в колонии необходимо создать более представительную форму правления для африканцев⁴.

Важно не считать комиссии Уотсона и Кусси сторонницами полной независимости Золотого Берега: слово «независимость» ни разу не появляется в отчетах ни одной комиссии. Показательно также и то, что в докладе министерства по делам колоний за 1950 г. предсказано, что потребуются «десятилетия» на то, чтобы такие колонии, как Нигерия, обрели независимость от Великобритании, а Золотой Берег даже не был упомянут в этом прогнозе. Тем не менее комиссии Уотсона и Кусси представляют собой существенный сдвиг на пути к самоуправлению в Золотом Береге.

Заключения обеих комиссий нашли желанную аудиторию в Лондоне в лице Эндрю Коэна – одного из самых талантливых чиновников министерства по делам колоний. Коэн сделал себе имя благодаря так называемой депеше о «местном управлении» в феврале 1947 г., которая обычно ассоциируется с госсекретарем Артуром Кричем Джонсом и носит название «депеша Крича Джонса», в которой местным губернаторам колоний было рекомендовано инициировать, где возможно, эффективное местное представительное управление и сделать эту деятельность приоритетной. Впоследствии он стал главным защитником передачи власти в бывших британских колониях умеренным, благожелательно настроенным национальным правительствам. В мае 1947 г. он участвовал в подготовке важного доклада, известного как «доклад Кейна – Коэна», который занял главное место в политике лейбористского правительства Великобритании в Африке. В нем рекомендовалось способствовать тому, чтобы колонии, когда и где это возможно, получили возможность развиваться и двигаться к самоуправлению в решении местных вопросов, хотя в нем был сделан ошибочный вывод о том, что даже на самой развитой территории – Золотом Берегу – это вряд ли может произойти «менее чем через поколение». И хотя это не было признано историками, Коэн и другие чиновники министерства по делам колоний

поддерживали тесную связь с секретными службами Великобритании, которые поставляли ему информацию и помогали формировать взгляды на антиколониальные движения на Золотом Берегу и в других колониях. По словам отступника – бывшего сотрудника МИ-5 Питера Райта, вскоре после смерти Коэна в 1968 г. он стал подозревать умершего в том, что тот был, возможно, связан со шпионажем на Советы. Однако в поддержку этой точки зрения нет никаких свидетельств в широком доступе.

Вскоре после восстаний на Золотом Берегу в феврале 1948 г. в колонию был назначен новый губернатор сэр Чарльз Арден-Кларк, который был англичанином до мозга костей: сыном священнослужителя, бывшим армейским офицером и любителем собак. Он также был специалистом по Африке, долго служил в колониях (совсем недавно – в королевстве Саравак) и придерживался умеренных взглядов. Опыт работы Ардена-Кларка на Дальнем Востоке, где он был свидетелем бурного распространения коммунизма, сформировал его последующую реакцию на стремление к национальной независимости и коммунизм в Западной Африке. На Золотом Берегу он установит тесные личные связи с доктором Кваме Нкрумой – руководителем Народной партии конвента, который стал первым главой независимой Ганы, которой стал Золотой Берег после 1957 г.

Нкрума более чем кто-либо другой возглавлял послевоенное национально-освободительное движение на Золотом Берегу. Он был сыном ювелира и благодаря упорному труду получил в 1935 г. стипендию на учебу в Соединенных Штатах. На свою учебу в Университете Линкольна в Пенсильвании он зарабатывал так же, трудясь в свободное время мойщиком посуды, посыльным, делал мыло и продавал рыбу. Он проповедовал в церквях для чернокожих в Нью-Йорке и иногда спал в подземном переходе за неимением другого места для сна. В конце войны он перебрался в Лондон и в ноябре 1945 г. вместе со многими другими политиками, придерживавшимися антиколониальных взглядов, присутствовал на Панамериканском конгрессе, который проводился в Манчестере. В Лондоне в разные времена он значился в списках учащихся лондонского Юниверсити-колледжа и лондонской Школы экономики, где недолгое время учился под руководством философа А.Дж. Эйера. Однако большую часть своего времени он проводил, общаясь с группой студентов и

интеллектуалов из Африки и Западной Индии левого толка, включая приверженца марксизма-ленинизма Джорджа Пэдмора и его товарища из Тринидада С.Л.Р. Джеймса – одного из лучших авторов, писавших о крикете, не говоря уже о его исторических трудах по марксизму.

В конце 1947 г. Нкрума возвратился на Золотой Берег, где вскоре сделал себе карьеру в партии Объединенный конвент Золотого Берега (UGCC), которую возглавлял либеральный юрист Джозеф Данакуа. Нкрума сам определил свою миссию – «выбросить европейцев из Африки». Ему быстро надоело в UGCC, и он создал свою собственную партию – Народную партию конвента (CPP), которая с лозунгом «Самоуправление – сейчас» станет самым громким голосом, требующим проведения конституционной реформы и развития Золотого Берега⁵.

Получив образование в США и Великобритании, Нкрума в достаточной мере впитал идеи Запада, и на его представления о колониальной эмансипации сильное влияние оказали события в Индии, особенно теории Ганди о пассивном сопротивлении, и антиколониальный труд Неру «Открытие Индии». Как это было со многими национальными лидерами в британских колониях до и после него, его «подрывная деятельность» вскоре засадила его в тюрьму. Фактически, подобно Неру в Индии, который был его вдохновителем, Нкрума заработал себе свой мандат борца за национальную независимость, отбывая срок в британской тюрьме. В январе 1950 г. колониальная администрация арестовала его за организацию нелегальных забастовок и подстрекательство к бунту, которые CPP назвала «позитивными действиями». Он был приговорен к трем годам тюремного заключения, но из своей камеры в тюрьме Сент-Джеймс в Аккре он тайно вынес эдикты, часть которых была написана на туалетной бумаге, для своих сторонников.

На всеобщих выборах, проведенных в феврале 1951 г., когда Нкрума был еще в тюрьме, CPP добила сокрушительной победы, получив 34 из 38 имевшихся мест в парламенте. В этот момент Арден-Кларк принял важное решение – освободить Нкруму из тюрьмы и работать вместе с ним, чтобы «направлять в нужное русло, а не перекрывать» растущее стремление к национальной независимости на Золотом Берегу, как он выразился в министерстве по делам колоний, используя «эстафетную палочку, а не пули». Нкрума «возглавил дело

управления» на Золотом Берегу, и с февраля 1952 г. его стали официально называть премьер-министром. Год спустя, в феврале 1953 г., Золотой Берег получил внутреннюю независимость, то есть получил возможность решать самостоятельно свои внутренние проблемы – беспрецедентный шаг для африканской колонии, – хотя колониальная администрация сохранила контроль над обороной и иностранными делами. Нкрума добился победы на следующих выборах в июне 1954 г., получив 72 из 102 мест в парламенте и 55 % голосов избирателей. Золотой Берег, или уже Гана, как его стали называть, получил полную независимость от Великобритании в 1957 г. и остался в Содружестве⁶.

По мере продвижения Золотого Берега к самоуправлению МИ-5 играла важную роль в реформировании методов безопасности и ведения разведки в этой колонии. Как мы уже видели в предыдущих главах, 1948 г. был поворотным для безопасности Британской империи в контексте усиления холодной войны между Востоком и Западом. После первых бунтов в Аккре и объявления чрезвычайного положения в Малайе четыре месяца спустя министерство по делам колоний отдало распоряжение провести проверку всех полицейских подразделений в колонии. В циркуляре, разосланном всем губернаторам и комиссарам полиции на всей территории империи в августе 1948 г., министр по делам колоний Артур Крич Джонс предупреждал: «На мой взгляд, чрезвычайно важно принять все возможные меры к тому, чтобы предотвратить аналогичные события на других колониальных территориях, а есть немало доказательств того, что источники, инспирировавшие восстание в Малайе (имеющие косвенное отношение к бунтам на Золотом Берегу), ищут такие возможности в других местах»⁷.

Вскоре после вспышек недовольства на Золотом Берегу руководитель МИ-5 Алекс Келлар отправился в эту колонию (под вымышленным именем). Некоторые историки отмечали, что «темная личность» по имени Келлар появилась там в феврале 1948 г. и имела какое-то отношение к безопасности, но узнать что-то большее о его деятельности было невозможно. Фактически, во время своей поездки на Золотой Берег в 1948 г. Келлар помогал в проведении реформ и перестройке всей системы безопасности и разведки в колонии, приводя ее в соответствие с нуждами холодной войны. Как и во время

проведения реформ в других колониях, он рекомендовал, чтобы в этой колонии было различие между полицией и разведкой. Тот факт, что в этой колонии имелась одна единая полиция, означал, по мнению МИ-5, что существующий особый отдел достаточно оснащен, чтобы вести сбор разведывательной информации, и нет необходимости создавать новую службу безопасности по модели МИ-5. После этого в особом отделе на Золотом Берегу было сформировано разведывательное подразделение, отделенное от Управления уголовных расследований регулярной полиции этой колонии. Келлар также посоветовал существенно увеличить число офицеров особого отдела и создать систему регистрации разведывательных документов в противовес полицейской системе регистрации правоохранительных документов. И снова его предложения были претворены в жизнь⁸.

Для осуществления контроля над этими реформами Келлар порекомендовал, чтобы МИ-5 назначила офицера, постоянно находящегося на Золотом Берегу. У МИ-5 был там офицер по вопросам обороны и безопасности во время Второй мировой войны, который руководил межведомственным «Западноафриканским разведывательным центром», но в конце войны его должность была упразднена. В 1948 г. МИ-5 ввела на Золотом Берегу новую должность – должность офицера связи по вопросам безопасности, который имел прямой доступ к колониальной администрации на самом высоком уровне, включая самого губернатора, начальника полиции, министра по делам колоний и представителей вооруженных сил в колонии. Офицер связи по вопросам безопасности также был ответственным за новый «Центральный комитет безопасности», который периодически обеспечивал губернатора разведывательными сводками. Как и на всей территории империи и стран Содружества, сотрудники МИ-5 на Золотом Берегу предоставляли двухсторонний безопасный канал связи между Лондоном и местной администрацией. Первым офицером связи по вопросам безопасности на Золотом Берегу был не кто иной, как Робин Стивенс «Оловянный Глаз» – специалист по ведению допросов в лагере 020 в годы Второй мировой войны⁹.

Стивенс и его преемники на посту офицера связи по вопросам безопасности посещали большинство политических митингов Нкрумы и докладывали о развитии политических событий в МИ-5 и министерство по делам колоний в Лондоне. В июне 1949 г. после

посещения одного из митингов Народной партии конвента Стивенс точно предсказал, что эта партия выиграет всеобщие выборы, когда они будут назначены. Несмотря на эту точную оценку, когда мы читаем отчеты офицеров связи по вопросам безопасности с Золотого Берега, становится ясно, что они никогда по-настоящему не понимали характер племенных объединений в колонии. Они не могли, например, даже правильно написать имя Нкрумы. С учетом всего сказанного из дискуссий МИ-5 с другими департаментами Уайтхолла также становится ясно, что в МИ-5 не считали, что задача ее офицеров связи по вопросам безопасности на Золотом Берегу – «понимать» племенные объединения путем сбора информации и этнографического изучения их колониального прошлого. Они должны были сосредоточиться на выявлении и оценке угрозы коммунизма на пути движения Золотого Берега к самоуправлению в начале холодной войны. Реформы, которые инициировала МИ-5 на Золотом Берегу и других британских территориях в Африке, были резюмированы в последующем докладе разведки министерству по делам колоний: «Вслед за беспорядками на Золотом Берегу [в феврале 1948 г.] начальник зарубежного отдела МИ-5 [Келлар] недавно посетил три из четырех западноафриканских территорий. В результате его поездки в штаб-квартиру в Аккре был назначен офицер связи по вопросам безопасности для координации действий разведки в этом регионе... Генеральный директор МИ-5 в прошлом году посетил Восточную Африку и провел собрание всех сотрудников служб безопасности на восточноафриканских территориях с целью перестроить деятельность служб. В Восточной Африке (Найроби) есть офицер связи по вопросам безопасности, и сотрудник МИ-5 вскоре вылетит в Солсбери [Родезия], где он будет выполнять обязанности офицера связи по вопросам безопасности для центральноафриканских территорий и осуществлять согласованные действия с властями Союза [Южной Африки]»¹⁰.

Как уже признали многие историки, плавной передачи власти на Золотом Берегу могло бы и не произойти без тесных личных связей сэра Чарльза Ардена-Кларка с Кваме Нкрумой. Как позднее вспоминал Арден-Кларк, Нкрума был единственной реальной надеждой на стабильность, которая была у Великобритании в этой колонии («единственная собака в конуре»), так что во многих отношениях им приходилось друг с другом ладить. За сердечными личными

отношениями, установившимися между ними, однако, таился поток разведывательной информации высокого уровня, которую МИ-5 предоставляла Ардену-Кларку в отношении Нкрумы и которая помогла сформировать реакцию министерства по делам колоний и британского правительства на него.

Нкрума впервые привлек к себе внимание британской разведки, когда после войны жил в Лондоне. Его имя было передано МИ-5 от ФБР, которое выявило его участие в деятельности нескольких всеафриканских групп «активистов» в Соединенных Штатах, когда он там учился. Сам Нкрума не был непосредственным объектом расследований МИ-5 на тот момент, но несколько групп антиколониальной направленности, с которыми он общался в Лондоне, находились под плотным наблюдением, и его имя появилось в поле зрения МИ-5 через них¹¹.

Важно оценить, что МИ-5 не контролировала деятельность антиколониальных группировок в Великобритании просто потому, что они выступали на стороне «колониальной эмансипации», или «национального освобождения», или «за независимость». Как неоднократно говорилось во внутренних отчетах МИ-5, это были законные политические стремления, хотя они и были полны опасностей для Великобритании во время холодной войны. МИ-5 следила за такими группами скорее потому, что у них имелись (или были подозрения, что имеются) налаженные связи с коммунистами. Как мы уже видели, Коммунистическая партия Великобритании тоже находилась под плотным наблюдением: МИ-5 прослушивала телефоны ее офисов, перехватывала ее письменные сообщения и устанавливала «специальную аппаратуру» («жучки») в ее штаб-квартире. Эти жучки-микрофоны давали массу дипломатической информации о Нкруме и других лидерах антиколониального движения в послевоенные годы.

Одной из особых функций нового «иностранный отдела» (отдела OS) МИ-5, созданного в 1948 г. и руководимого сэром Джоном Шоу, было наблюдение и изучение африканских студентов, живущих в Соединенном Королевстве, и выявление их возможных связей с коммунистами. В послевоенные годы такие подданные колоний, как Нкрума, имели право въезжать в Великобританию без ограничений, и одним из последствий этого был сильный рост количества иммигрантов из империи и стран Содружества, многие из которых приезжали сюда с

надеждой на лучшую жизнь. В 1950 г. общее число иммигрантов в Великобритании составляло около 25 тысяч человек, но к 1955 г. это количество увеличилось до 43 тысяч. В 1953 г. из одной только Вест-Индии сюда прибыли 2 тысячи иммигрантов, а за один 1955 г. – в общей сложности около 27 тысяч иммигрантов. Не будет преувеличением сказать, что в послевоенные годы империя «вернулась» в Великобританию, постоянно изменяя состав английского общества. Эта тенденция продолжалась до 1962 г., когда с принятием сомнительного Закона об иммиграции из стран Содружества были введены ограничения на иммиграцию из империи и стран Содружества¹².

В то время, когда Нкрума временно жил в Великобритании, непосредственно в послевоенные годы иммигранты из колоний в Лондоне и других крупных английских городах оказывались в иностранном и зачастую недружественном окружении и поэтому были склонны устанавливать тесные отношения внутри своих общин. Это было прекрасно продемонстрировано южноафриканским писателем Питером Абрахамсом в романе «Венок Майклу Удомо» (1956), который взял за основу для него жизнь Нкрумы в Англии. В романе и Нкрума (Удомо), и первый руководитель независимой Кении Джомо Кеньятта (Мхенди) выступают как вымышленные образы самих себя¹³.

Группы проживавших в Великобритании подданных колоний, тесно связанных между собой, находились под пристальным наблюдением со стороны МИ-5, которая изучала удивительно разнообразный спектр антиколониальных групп и их отдельных представителей, например Международное африканское бюро, созданное в Лондоне известным активистом из Тринидада и борцом за panaфриканизм Джорджем Пэдмором – самопровозглашенным марксистом-революционером, который ранее был кем-то вроде бунтаря из университетского городка в Соединенных Штатах. МИ-5 и особый отдел также контролировали деятельность Panaфриканского конгресса, который состоялся в Манчестере в 1945 г., на котором присутствовали Нкрума и несколько других будущих лидеров независимых африканских государств, а особый отдел откомандировал туда своих сотрудников под прикрытием. МИ-5 также изучала деятельность Западноафриканского национального секретариата (WANS) – группы сторонников движения за независимость, состоявшей из

западноафриканских студентов, учившихся в Лондоне, которую в 1945 г. создали Нкрума и его сподвижники вроде Банколе Авунор-Реннера. Позднее Нкрума вспоминал в своих мемуарах, что офис WANS на Грейс-Инн-Роуд «вероятно, был самым оживленным уголком таких размеров во всем Лондоне»: «Он редко пустовал, потому что как только разнеслись вести о его местонахождении, он стал местом встречи всех африканских и индийских студентов и их друзей. Именно там мы обычно собирались, чтобы обсудить наши планы, высказать свои мнения и обиды»¹⁴.

Без ведома Нкрумы и его коллег по WANS МИ-5 перехватывала их корреспонденцию и прослушивала телефоны их офисов¹⁵.

И хотя Нкрума сам не был объектом интереса МИ-5, офицеры МИ-5 и сотрудники ее канцелярии тщательно фиксировали и документировали любую информацию об их деятельности, поступавшую к ним от службы наружного наблюдения за членами Компартии Великобритании или панафриканских групп типа WANS. Это больше чем что-либо другое демонстрирует основную разницу между органами правопорядка и разведывательной службой: МИ-5 завела досье на Нкруму и других участников антиколониального движения, проживавших в Великобритании, в качестве превентивной и профилактической меры, основываясь на обрывках информации – в случае Нкрумы это были наводка от ФБР, отчет наружного наблюдения особого отдела на Панафриканском конгрессе в Манчестере в ноябре 1945 г. и перехваченный телефонный звонок Нкрумы в штаб-квартиру Компартии в Лондоне. Нкрума не совершил никакого преступления, и у МИ-5 не было никакого намерения возбуждать против него уголовное дело, тем не менее досье на него было заведено.

И хотя у МИ-5 не было исполнительных полномочий и она полагалась на то, что другие департаменты будут выполнять ее рекомендации, что мешало ей проводить в жизнь свою собственную политику и тем самым превратиться в тайную полицию, характер превентивных расследований МИ-5 в отношении деятелей антиколониального движения вроде Нкрумы тем не менее удивителен и вызывает тревогу с точки зрения гражданских свобод. И к этому вопросу мы еще вернемся. Результатом упреждающих следственных мероприятий в отношении политической деятельности Нкрумы в Англии стало то, что, когда в 1947 г. он решил вернуться на Золотой

Берег, у МИ-5 было подробное досье на него и его сподвижников. Основательное разведывательное досье станет решающим для колониальных властей в Аккре и Лондоне по мере продвижения Золотого Берега на пути к самоуправлению и в конечном счете независимости.

Слежка за политической деятельностью Нкрумы в Англии была такой интенсивной, что благодаря перехваченному телефонному звонку в штаб-квартиру Коммунистической партии в ноябре 1947 г. сотрудники МИ-5 сумели проинформировать портовые власти в Англии и на Золотом Берегу, когда он должен отплыть из Англии. В своих мемуарах Нкрума упоминал о проблемах, с которыми он столкнулся, покидая Ливерпуль, но в то время он не понимал, что они были вызваны вмешательством МИ-5: «В Ливерпуле я неожиданно столкнулся с трудностями с властями в доках, так как без моего ведома полиция [МИ-5] собрала целое досье о моей политической деятельности в Лондоне. Их не радовало мое присутствие на митингах Компартии. В конце концов, после долгих расспросов, мне нехотя поставили штамп в паспорте и разрешили взойти на борт судна. У меня было чувство, что, хотя они и были рады увидеть мою спину, их немного беспокоило то, чем я собираюсь заниматься на Золотом Берегу. Я мог бы сказать им тогда чем, но они бы меня не поняли»¹⁶.

На первый взгляд Нкрума и многие из его близких соратников были носителями опасных левых взглядов, которые были марксистскими, если не откровенно коммунистическими. Руководители новой партии Нкрумы на Золотом Берегу – Народной партии конвента (СРР) называли себя «товарищами», и впоследствии он посвятил свои мемуары убитому первому премьер-министру Конго Патрису Лумумбе, которого в Вашингтоне подозревали в том, что он придерживается коммунистических взглядов. Когда в марте 1948 г. Нкрума был арестован, среди его вещей были найдены неподписанный членский билет Компартии Великобритании и записка о чем-то, что называлось «кружок», целью которого было создание в Западной Африке Союза африканских социалистических республик. Не имея информации об этом «кружке» ни от источников в Москве, ни от разведки США, в МИ-5 допустили, что они о нем еще не слышали, но сочли, что он мог иметь «внешнее» (советское) руководство¹⁷.

Чтобы ухудшить еще больше уже и так тревожную картину, ближайший идеологический соратник Нкрумы в Лондоне Джордж Пэдмор открыто придерживался марксистских взглядов и был членом Коммунистической партии Франции в 1920-х гг., обратившись к коммунизму главным образом потому, что надеялся, что это поможет освободить его родной Тринидад от британского «империализма». Начиная с конца 1940-х гг. МИ-5 перехватывала письма и прослушивала телефонные разговоры, которые Пэдмор вел в своем доме в Хэмпстеде, Северный Лондон, и выявила, что он был в центре группы амбициозных и очень талантливых деятелей из Вест-Индии и Африки, часть которых находилась в прямом контакте с «колониальной секцией» Компартии Великобритании. Этой секцией руководил еще один выходец из Вест-Индии Питер Блэкман – бывший священник, который отказался от религии ради веры в коммунизм¹⁸.

Так как у Нкрумы были такие соратники, многие чиновники в министерстве по делам колоний и на самом Золотом Берегу считали его отъявленным коммунистом, а его СРР – марионеткой, которой управляет Москва. Главный историк периода конца британского владычества в Западной Африке Ричард Ратбоун заметил, что в конце 1940-х гг. на Уайтхолле существовала «святая вера» в то, что Нкрума – коммунист, и, следовательно, если Золотой Берег получит независимость, то станет советским государством. Вот один пример того, до какой степени эта вера формировала позицию Великобритании: в 1950 г. исследовательский отдел Комитета по делам империи при кабинете министров отметил, что Нкрума поддерживает связь с коммунистами в Лондоне, и назвал одного из этих людей, оставшегося безымянным (возможно, это был Пэдмор), «обученным Москвой коммунистом»¹⁹.

Эти точки зрения просачивались вовне и заполнили сообщения британских СМИ о Нкруме. В октябре 1950 г. в «Дейли телеграф» была опубликована статья, озаглавленная «Красная тень над Золотым Берегом», в которой утверждалось, что деятельность СРР Нкрумы координировалась из Москвы с «использованием косячков из самых глухих уголков Африки». Окружение Нкрумы, состоявшее из социалистов-марксистов, доводило Уайтхолл – и Вашингтон – чуть ли не до истерики. Короче говоря, большинству колониальных чиновников казалось вполне вероятным, что на Золотом Берегу к власти идет

коммунист, и стратегические последствия этого будут катастрофическими для безопасности империи Великобритании в период эскалации холодной войны²⁰.

Главный вопрос, на который нужен был ответ колониальным чиновникам в Лондоне и на Золотом Берегу, равно как и их союзникам, особенно Соединенным Штатам, был: действительно ли Нкрума – коммунист. Ввиду обладания тайными источниками, к которым не имел доступа ни один департамент британского правительства, ответ на этот ключевой вопрос должна была дать МИ-5. Удивительно, но, учитывая то, как много имелось косвенных доказательств того, что Нкрума был коммунистом, до 1957 г. МИ-5 и остальные разведывательные ведомства Великобритании постоянно умаляли коммунистическую угрозу, которую представляли лидер Золотого Берега и его «товарищи».

По ряду причин это полная противоположность тому, что мы могли бы ожидать. Цель разведывательных служб, очевидно, состоит в том, чтобы оценивать угрозы национальной безопасности, и кажется логичным, что они должны были бы быть сильно заинтересованы в том, чтобы повышать восприятие таких угроз, сгущая краски в своих доклазах, цинично говоря, – чтобы получить больше ресурсов: армии, разумеется, всегда будут требовать больше танков. Однако реальность такова, что если какая-то разведывательная служба выполняет свою работу как надо, то, как выразился бывший начальник Объединенного центра разведслужб сэр Перси Крэдок, одна из ее главных обязанностей – сообщать правительству то, что оно не хочет слышать. Именно это и сделала МИ-5, когда Нкрума стал постепенно набирать силу на Золотом Берегу. На самом деле оценки Нкрумы МИ-5 и многих других лидеров антиколониального движения в британских колониях в Африке возымели на Уайтхолле успокаивающее действие.

Решающие доказательства, которые МИ-5 получила по поводу политической приверженности Нкрумы, дала интенсивная слежка за членами Британской компартии: «жучки», установленные в ее штаб-квартире, выявили, что в конце 1940-х гг. партийное руководство стало все больше разочаровываться в коммунистических полномочиях своих африканских протеже, вроде Нкрумы. К 1952 г. руководители Компартии Великобритании регулярно жаловались на то, что Нкрума – «впустую потраченное время». Эта информация в сочетании с перехватом корреспонденции Нкрумы предоставила МИ-5 возможность

дать более трезвую и тонкую оценку политической приверженности Нкрумы, чем другие правительственные департаменты, и убедительно спорить с принятой на Уайтхолле точкой зрения на «коммунистические убеждения» Нкрумы²¹.

На протяжении двух лет до ареста Нкрумы на Золотом Берегу в марте 1948 г. МИ-5 снабжала министерство по делам колоний отчетами о деятельности WANS. Когда Нкрума стал более влиятельной фигурой, особенно после победы CPP на всеобщих выборах в 1951 г., министерство по делам колоний поставило перед МИ-5 задачу – дать общую оценку его политических взглядов и политической принадлежности. Всю имевшуюся у себя информацию МИ-5 собрала в досье и отправила в министерство по делам колоний и другие избранные департаменты Уайтхолла, а также через нового офицера связи по вопросам безопасности на Золотом Берегу Робина Стивенса – самому губернатору. Досье недвусмысленно разъясняло, что, хотя Нкрума и придерживался социалистических и марксистских взглядов, нет никаких доказательств того, что он коммунист. Его доминирующая цель – обретение Золотым Берегом независимости, и, так как политический контроль из Лондона вызывал у него недовольство, маловероятно, что он когда-нибудь будет готов получать инструкции из Москвы: «Его интерес к коммунизму, вполне возможно, вызван лишь его желанием обеспечить себе помощь для достижения собственных целей в Западной Африке... И хотя Нкрума, без сомнения, стремится к национальной независимости своей страны, его цели, возможно, окрашены желанием сделать личную карьеру»²².

МИ-5 также уверила министерство по делам колоний в том, что даже общение Нкрумы с такими людьми, как Джордж Пэдмор, несет меньшую угрозу, чем кажется на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении, отрапортовало подразделение OS, коммунистические убеждения Пэдмора далеки от традиционных. Он действительно был членом Коммунистической партии в 1920-х гг., но к началу 1930-х разочаровался в политике Москвы по отношению к движениям за колониальную независимость, и в 1934 г. он был исключен из Компартии Франции, после чего стал с точки зрения Москвы «еретиком» – троцкистом, которая осудила его как «бывшего человека». МИ-5 подчеркнула, что угроза, которую представлял собой Пэдмор, таким образом, гораздо меньше, чем казалась на первый взгляд. В ее

«памятной записке о личности» Нкрумы, которую в МИ-5 составили для министерства по делам колоний и губернатора сэра Чарльза Ардена-Кларка на Золотом Берегу, говорилось: «Будет неразумно основывать какое-либо определенное заключение о развитии Нкрумы как политика, борющегося за национальную независимость, на начальных этапах его карьеры. Он, безусловно, получил хорошую подготовку в азах марксизма и моральную поддержку со стороны Коммунистической партии Великобритании во время своего движения к власти. Однако он политически незрел, и есть указания на его индивидуализм, который может в конечном итоге перевесить его коммунистическую подготовку... Источник «Стол» [«жучки» в штаб-квартире Компартии Великобритании] дает информацию о том, что руководство Коммунистической партии Великобритании уже не уверено в том, что их протееже останется верен им. Источник «Сундук» [перехваченная корреспонденция Нкрумаха] уверяет нас, что их страхи вполне оправданны, так как СРР в своих заявлениях, сделанных со времени вступления во власть, взяла курс, прямо противоположный независимому «троцкистскому» курсу Джорджа Пэдмора в Соединенном Королевстве»²³.

Таким образом, возникла необычная ситуация: МИ-5 провела упреждающие расследования в отношении уроженцев колоний, временно проживавших в Великобритании, которые не совершили никаких преступлений, что не может не тревожить с точки зрения соблюдения гражданских свобод, но тот факт, что МИ-5 получила такие подробные профилактические сведения в отношении таких людей, как Нкрума и Пэдмор, означал, что она может успокоить страхи в отношении их коммунистических взглядов. Интенсивные профилактические расследования привели, что нелогично, к уменьшению предполагаемой угрозы. «Успокаивающие» оценки МИ-5 нашли восприимчивую аудиторию в определенных кругах министерства по делам колоний. Один его служащий по имени Джексон Бартон, который в 1930-х гг. служил районным комиссаром в Восточной Африке, а в 1954 г. возглавит новый департамент разведки и безопасности министерства по делам колоний, использовал информацию МИ-5, чтобы успокоить своих воинствующих коллег и смягчить их паникерские теории о «красных коммунистических» взглядах Нкрумы. К 1951 г. в министерстве по делам колоний благодаря

информации, предоставленной МИ-5, пришли к заключению, что Нкрума – человек умеренных взглядов, хоть и слегка марксист²⁴.

Как и в Лондоне, оценка Нкрумы, сделанная МИ-5, сыграла важную роль на самом Золотом Берегу. После выборов в феврале 1951 г., в которых СРР завоевала подавляющее большинство голосов, Арден-Кларк был убежден, что Нкрума – человек умеренных взглядов, с которым он может работать. Уже было отмечено, что Арден-Кларк был прагматиком, который мало обращал внимания на ссылки на экстремизм Нкрумы. Невозможно узнать, то ли оценки МИ-5 изменили мнение Ардена-Кларка о Нкруме, то ли она просто подтвердила его ход мыслей. Подобно другим губернаторам колоний, он был чрезвычайно осторожен в отношении вопросов разведки и, похоже, никогда не доверял эту тему бумаге: в его личных документах нет ничего ни о МИ-5, ни о делах, имевших отношение к разведке, которые в настоящее время хранятся в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета. Но нет сомнений в том, что он приветствовал бы представленные МИ-5 посредством прослушивания штаб-квартиры Компартии Великобритании доказательства того, что Нкрума выбыл из партии.

Из архивов МИ-5 теперь становится ясно, насколько тесные связи существовали между ней и губернатором. В канун 1952 года, когда Нкрума был на грани обретения власти, беспрецедентной для местного политика в любой британской африканской колонии, Арден-Кларк бодрствовал до двух часов ночи, беседуя по телефону с начальником отдела OS МИ-5 сэром Джоном Шоу в Лондоне. Среди других тем они обсуждали Нкруму и революционные конституционные изменения, которые происходили на Золотом Берегу. На следующий день – первый день нового, 1952 г. – Шоу записал в досье Нкрумы, что если Арден-Кларк и Нкрума смогут поладить, то есть причина для «тихого оптимизма» в отношении передачи власти без эксцессов²⁵.

Шоу не ошибся. Историки справедливо назвали Арден-Кларка человеком, который занимал один из самых важных политических постов в послевоенной Африке. Передача власти на Золотом Берегу – переход от самоуправления к независимости – была поворотным пунктом в истории современной Африки, возвещавшим эпоху национально-освободительных движений в колониях европейских держав по всему континенту. Это было бы немислимо без чрезвычайно

тесных рабочих отношений, которые установил Арден-Кларк с Нкрумой. На одной из их первых встреч, состоявшихся после того, как он освободил Нкруму из тюрьмы в 1951 г., Ардену-Кларку пришло в голову подарить ему собаку по имени Топси, любовные похождения которой с той поры стали темой дружеских бесед между двумя мужчинами. Арден-Кларк играл с Нкрумой в игру, ставки в которой были высоки, но он рассудил, что, если он не будет с ним сотрудничать, это может привести к тому, что тот займет еще более радикальную позицию; и, если он не будет действовать быстро и не удовлетворит его конституциональные притязания, впоследствии требования Нкрумы могут стать еще более экстремальными. Как написал Арден-Кларк в министерство по делам колоний в конце 1951 г., если он сделает уступки Нкруме, «есть, по крайней мере, шанс упорядоченного движения путем совершения последовательных успешных шагов». Переговорами Ардена-Кларка с Нкрумой также двигало прагматичное осознание того, что для интересов Великобритании невелика разница, будет ли Золотой Берег колонией или самоуправляющимся государством в рамках Содружества. Как уверил Нкрума Ардена-Кларка в феврале 1952 г., когда он официально стал премьер-министром, все политические партии на Золотом Берегу желали самоуправления в рамках Содружества, а не вне его²⁶.

Страхи в отношении принадлежности Нкрумы к Компартии и особенно в отношении таких его соратников, как Пэдмор, продолжали существовать по мере того, как Золотой Берег продвигался к самоуправлению и в конечном счете независимости в качестве Ганы. Министерство по делам колоний попросило МИ-5 дать оценку Нкрумы на двух важных конституциональных этапах – в феврале 1952 г., когда Нкрума стал премьер-министром и начал предлагать существенные изменения в конституцию колонии – введение внутреннего самоуправления; и в мае 1953 г., когда он стал проталкивать эти конституциональные изменения через парламент колонии. Министерство по делам колоний с глубокой подозрительностью относилось к влиянию Пэдмора на Нкруму, особенно когда обнаружило, что Нкрума периодически спрашивает у Пэдмора совета в отношении конституциональных реформ. Однако МИ-5 снова выступила против утверждения, что общение Нкрумы с Пэдмором носит угрожающий характер. Перехваченные в марте 1952 г. сообщения

были более обнадеживающими, показав намерение Нкрумы следовать по конституционному пути. Оценка МИ-5 была сформулирована одним из штабных офицеров отдела OS Гербертом Лофтус-Брауном в письме в министерство по делам колоний в июле 1952 г.: «...Пэдмор всегда был политическим доктринером. Его влияние на Нкруму было самым сильным в то время, когда Нкрума, нахватавшись марксизма от своих знакомых в коммунистической среде в Англии, создавал Народную партию конвента на марксистской идеологической основе. Подобно многим другим политикам, которые пришли из оппозиции в правительство, Нкрума, возможно, оказался сбитым со своего идеологического курса под влиянием политики партии и испытывает все возрастающую трудность в поиске способа примирить свои предвзятые теории с тактическими маневрами, необходимыми, чтобы остаться на своей должности»²⁷.

Лофтус-Браун повторил эти аргументы в другом письме в министерство по делам колоний в июне 1953 г., когда перехваченная корреспонденция снова продемонстрировала, что Нкрума просил совета у Пэдмора: «Не пытаюсь вложить слишком многое в случайные сообщения SWIFT [перехват корреспонденции], мы не можем выходить за рамки вывода, к которому мы уже пришли: Нкрума будет добиваться выполнения своего требования самоуправления конституционными методами по крайней мере еще какое-то время, и в то время как он, возможно, будет слушать советы Пэдмора в отношении политической стратегии, он тем не менее может остаться глухим к любым побуждениям применить революционную тактику»²⁸.

В начале 1950-х гг. информация МИ-5 об африканских лидерах национально-освободительного движения вроде Нкрумы позволила предположить, что, как скажет позднее Гарольд Макмиллан, «ветер перемен, дующий на этом континенте», не станет таким разрушительным, как опасались. Успокаивая тревоги министерства по делам колоний в отношении связей Нкрумы с международным коммунистическим движением, МИ-5 способствовала оформлению реакции британского правительства на быстрые конституциональные изменения на Золотом Берегу. Ее оценки были, судя по советским архивам, поразительно точными. В реальности КГБ, в отличие от Компартии Великобритании, так мало интересовался африканскими

странами, расположенными южнее Сахары, что до 1960 г. в нем не был даже создан отдел, специализировавшийся по этому региону²⁹.

Умеренные оценки МИ-5 в отношении Нкрумы, однако, все же поднимают важный вопрос: что произошло бы, если бы она составила о нем неблагоприятный отчет, подогревающий страхи в отношении его коммунистических воззрений? И хотя на такие вопросы типа «если бы да кабы» невозможно дать ответ, тем не менее, как мы видели на примере Британской Гвианы в четвертой главе, министерство по делам колоний и его западные союзники, особенно Вашингтон, могли отменить конституцию, а демократически избранным лидерам помешать прийти к власти, если существовали опасения, что они коммунисты. Но на Золотом Берегу такие радикальные меры были не нужны. Удивительно, что прогнозы относительно Нкрумы, сделанные в то время ЦРУ, без сомнения, в сотрудничестве с британскими секретными службами, приводили к аналогичным выводам. В одной своей оценке, сделанной в январе 1951 г., ЦРУ пришло к заключению, что Нкрума – не коммунист, а, скорее, «борец за национальное освобождение и оппортунист, использующий поддержку коммунистов для достижения своих собственных целей»³⁰.

В 1953 г. заместитель Генерального директора МИ-5 Роджер Холлис представил на рассмотрение Объединенного комитета разведывательных служб, Объединенного комитета начальников штабов и высших эшелонов власти на Уайтхолле, включая отдельных министров, общую оценку коммунистического движения на британских территориях в Африке, включая Золотой Берег. Как и в предыдущих оценках Нкрумы МИ-5, Холлис писал, что угроза незначительна. Ни на одной британской территории в Африке не существует ни одной организованной коммунистической партии. МИ-5 повторила свой прогноз на ближайшие годы, подчеркнув, что коммунистическое движение в Африке «было не уничтожено, но обезврежено»³¹.

В феврале 1956 г. вооруженный «непаникерскими» оценками Нкрумы, сделанными сотрудниками МИ-5, новый департамент разведки и безопасности (ISD) министерства по делам колоний блокировал пропагандистские усилия департамента информационных исследований (IRD) министерства иностранных дел, который пытался изобразить Нкруму советской марионеткой. Начальник ISD Джаксон Бартон сделал комментарий к докладу министерства иностранных дел о

новом «наступлении Советов» в Африке: «Мы ответили [министерству иностранных дел], что пока еще не получали сообщений из африканских колоний, доказывающих, что происходит что-либо подобное, и мы говорили на встречах, что хотели бы видеть доказательства... Год или два тому назад у нас были большие проблемы с этим департаментом министерства иностранных дел [IRD], который видел коммунистов буквально за каждым кустом, и доклад, отправленный сейчас нам, является еще одним примером паникерских настроений. (На самом деле я рассматриваю его как опасную фальшивку.) Я не думаю, что мы должны успокоиться в отношении коммунистического движения в какой-либо колонии, но дело в том, что, если уж на то пошло, в течение 1955 г. оно проявлялось гораздо реже, чем когда-либо за последние пять лет»³².

Главной опорой против коммунизма на Золотом Берегу и важным фактором плавной передачи власти в этой колонии были рабочие отношения Ардена-Кларка с Нкрумой. Они были такими тесными, что Арден-Кларк даже помогал Нкруме в борьбе с конкурирующей политической партией – Движением за национальное освобождение (NLA), которое опиралось на народ ашанти, проживавший на севере колонии. С помощью Ардена-Кларка Нкрума сумел ответить на вызовы NLA на выборах, которые проводились в июне 1954 г., доказав тем самым национальную законность CPP в глазах электората.

Однако, несмотря на явную доброжелательность и даже дружбу между двумя мужчинами, в отношениях губернатора с будущим премьер-министром страны присутствовало вероломство. Недавно опубликованные архивы МИ-5 показывают, что Арден-Кларк допускал крайне сомнительные способы сбора информации в колонии вплоть до обретения ею независимости. Несмотря на данные им лично уверения Нкруме в 1952 г. в том, что особый отдел Золотого Берега больше не собирает на него досье, на самом деле его сотрудники продолжали читать корреспонденцию Нкрумы и прослушивать его телефон. Это делалось вопреки рекомендации МИ-5, где считали, что это слишком рискованно – «игра не стоит свеч», как выразился сэр Джон Шоу. В отделе OS заметили, что перехват почты Нкрумы «осуществлялся неофициально особым отделом вопреки письменным предписаниям губернатора, который получает результат в форме, которую он не обязан признавать как плоды неповиновения своим распоряжениям»³³.

В то же самое время, когда особый отдел продолжал вести перехват корреспонденции Нкрумы, британские секретные службы разработали способ тщательного «управления разведывательной информацией» на Золотом Берегу в период, когда страна двигалась в сторону обретения независимости. Переломный момент наступил в 1952 г., когда Нкрума и другие местные политики были избраны на властные должности в администрации колонии. Вскоре после этого МИ-5 и другие секретные службы Великобритании уже не могли не делиться информацией с Нкрумой и членами его кабинета. Чтобы не возбуждать его подозрений и при этом не разглашать слишком секретную информацию, начиная с 1952 г. Арден-Кларк начал передавать Нкруме весьма подчищенные доклады секретных служб, как это делалось в Индии до получения ею независимости.

Одним из министров Нкрумы, который оказался головной болью для всей колониальной администрации и МИ-5, был Коджо Ботсио, правая рука и доверенное лицо Нкрумы еще со времен их студенчества в Англии. Ботсио получил хорошее образование – Оксфордский диплом и был руководителем Союза студентов Западной Африки. В 1947 г. он стал первым генеральным секретарем СРР, а после избрания Нкрумы премьер-министром в 1952 г. – членом кабинета министров. Проблема колониальной администрации состояла в том, что Ботсио придерживался крайних марксистских взглядов, которые, возможно, были на грани коммунистических: в 1954 г. особый отдел в Аккре перехватил большое количество адресованной ему коммунистической литературы. Эту тревожную ситуацию усложнял тот факт, что как государственный министр Золотого Берега с 1954 г. Ботсио стал законным получателем докладов разведслужб.

В ноябре 1955 г. правительство колонии создало новый Комитет обороны, в члены которого входили предсказуемые ключевые фигуры в правительстве страны – Арден-Кларк, Нкрума, представители вооруженных сил, офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности и комиссар полиции – а также Ботсио. Сотрудник МИ-5 Билл Мэган отметил в досье, заведенном на Ботсио в МИ-5, что «мы должны либо заткнуть его, либо оставить в покое», а затем добавил: «Ясно, что мы должны заткнуть его». В свете положения Ботсио в правительстве Золотого Берега офицер связи по вопросам безопасности в Аккре передавал в Комитет обороны только тщательно подчищенные и

проверенные доклады по вопросам разведки. Но, как явствует из документов МИ-5, до обретения этой колонией независимости ее офицер связи по вопросам безопасности и особый отдел на Золотом Берегу продолжали следить за деятельностью Ботсио, насколько это было возможно «в сложившихся условиях». Этот тщательный двухсторонний процесс «управления разведывательной информацией», включая и обмен ею с национальными лидерами, и продолжающееся изучение их деятельности до самого последнего момента до обретения страной независимости, шел по образцу, который МИ-5 уже ввела в Индии; и он повторялся в других британских колониях по всему миру, когда те подходили к обретению независимости³⁴.

Одним из величайших вызовов, с которым столкнулся особый отдел Золотого Берега перед передачей власти в 1957 г., были быстрый набор в его ряды и обучение местных африканских офицеров – процесс, который в Особом отделе называли «африканизация». После избрания Нкрумы премьер-министром в 1952 г. успехи в развитии конституции были столь быстрыми, что, как можно сейчас увидеть, оглядываясь на прошлое, ни МИ-5, ни новый департамент разведки и безопасности министерства по делам колоний не предприняли адекватных шагов по подготовке особого отдела к переходу на режим работы в условиях независимости страны. Начиная с мая 1956 г., накануне обретения этой колонией независимости, МИ-5 отправила на Золотой Берег офицера-инструктора в добавление к уже работавшему там офицеру связи по вопросам безопасности. После этого офицеры особого отдела проходили программы обучения МИ-5 как в колонии, так и в штаб-квартире МИ-5 в Лондоне, аналогичные тем, которые мы обсуждали в предыдущих главах. Это обучение, однако, происходило уже после введения независимости. Приток местных африканских новобранцев в особый отдел в сочетании с отъездом европейских офицеров после обретения колонией независимости не давал возможности особому отделу качественно обучать новобранцев или проверять их лояльность. В 1958 г. в полиции Ганы работали два офицера-африканца и 120 европейцев; к 1960 г. эта пропорция почти превратилась в свою противоположность.

Обучающие программы МИ-5 на Золотом Берегу были в основном успешными в плане достижения ближайших целей: они препятствовали проникновению коммунистов в особый отдел колонии и

способствовали созданию из него агентства, способного устоять при переходе страны к независимости. Однако они были гораздо менее успешными в плане долгосрочной цели, которая состояла в том, чтобы особый отдел сохранил свое политически нейтральное положение после передачи власти. Они не помешали поношениям в его адрес со стороны Нкрумы после обретения страной независимости, когда, как мы увидим, он начал страдать манией величия и стал более деспотичным. Перед передачей Великобританией власти национальному правительству произошло быстрое сворачивание обучающих разведывательных программ. Это явствует из того факта, что в документах МИ-5 и министерства по делам колоний того периода почти полностью отсутствует обсуждение вопроса, может ли Нкрума использовать особый отдел и аппарат разведки в своих собственных целях. В октябре 1955 г. советники МИ-5 по вопросам безопасности, откомандированные в министерство по делам колоний, предостерегли, что Нкрума может использовать особый отдел в качестве политического оружия после обретения страной независимости – МИ-5 была так же озабочена этим и в других колониях империи, когда те подходили к такому этапу – но это, по-видимому, было единственное предупреждение, к которому остались глухи и Уайтхолл, и Аккра. Не обеспечив достаточную подготовку новобранцев особого отдела, особенно местных африканцев, и не внушив им, какой должна быть независимая и далекая от политики работа разведслужбы, МИ-5 и министерство по делам колоний невольно оказали поддержку авторитарному режиму Нкрумы после 1957 г.³⁵

Радиотехническая разведка Великобритании – Центр правительственной связи также был задействован в «управлении разведывательной информацией» на Золотом Берегу. И опять-таки это был, по сути, двойственный процесс: ЦПС и делился с правительством Нкрумы разведывательной информацией, и продолжал шпионить за ним. Попросту говоря, ЦПС «помогал» правительству Нкрумы, ожидающему своего часа, ввести надежные коды и шифры для своих средств связи. В сентябре 1956 г. Лондонское агентство коммуникационной безопасности – дочерняя ветвь ЦПС и его прикрытие в глазах общественности – установило связь с МИ-5 и его офицером связи по вопросам безопасности в Аккре Р.Дж. С. (Джоном) Томсоном с целью обсудить способы защиты надежности шифров Ганы

после обретения ею независимости. Самым надежным способом для этого, по мнению ЦПС, было использование членами правительства Нкрумы «одноразовых шифровальных блокнотов» в специальных шифровальных машинах «Тайпекс», которые, по крайней мере в теории, было невозможно взломать, так как они постоянно меняли наборы кодов, используемые только один раз. Но в ЦПС отметили, что одноразовые шифровальные блокноты трудны и дорогостоящи в изготовлении, а на Золотом Берегу не было достаточно ресурсов для этого. Поэтому в ЦПС предложили, чтобы Томсон поинтересовался у членов кабинета министров Нкрумы, ждущих своего часа, готовы ли они принять одноразовые шифровальные блокноты, произведенные в Великобритании. Ни в ЦПС, ни в МИ-5 особенно не надеялись на то, что те согласятся на такое предложение, потому что будет ясно, что, если британские чиновники будут обладателями ключей к этим одноразовым шифрам, они явно будут иметь возможность и читать сообщения из Ганы.

В декабре 1956 г. Томсон деликатно поднял этот вопрос в разговоре с Нкрумой, в котором он подольстился к нему, подчеркнув, что для его нового правительства будет важно иметь одноразовые шифровальные блокноты, чтобы правительство Великобритании могло наладить с ним надежную связь и чтобы Гана могла без риска связываться со своими собственными посольствами по всему миру. В этом случае стратегия Томсона, который подталкивал Нкруму к тому, чтобы «стать членом клуба» и совместно с Великобританией пользоваться разведывательной информацией, отлично сработала. К удивлению МИ-5 и ЦПС, Нкрума и члены его кабинета министров согласились на это предложение. Томсон написал в МИ-5 в Лондон: «Их [членов кабинета министров Нкрумы] это, по-видимому, не сильно заинтересовало, и казалось, что они удовлетворены тем, что эта система полностью и надежно защищает их средства связи. Вопрос о получении одноразовых шифровальных блокнотов из Соединенного Королевства не поднимался [ими], так что мы исходим из того, что такие блокноты будут поступать из Лондонского агентства коммуникационной безопасности»³⁶.

И хотя в настоящее время мы не располагаем подтверждающими документами, нет сомнений в том, что, изготовив одноразовые шифровальные блокноты и снабдив их ключами, ЦПС после 1957 г.

действительно имела возможность перехватывать и читать сообщения правительства Ганы.

Как и в случае с Индией в 1947 г., рассказ о том, как МИ-5 налаживала и поддерживала контакты с правительством Нкрумы после обретения Ганой независимости, является игнорируемой, но чрезвычайно важной главой и в истории деколонизации Британии в Западной Африке, и в истории холодной войны вообще. В сентябре 1956 г. офицер связи по вопросам безопасности в Аккре Джон Томсон официально представился Нкруме как офицер МИ-5 и проинформировал его о преимуществах поддержания связи с МИ-5, чтобы быть в курсе подрывной деятельности, которую, как подозревал Нкрума, спонсирует новый президент Египта Гамаль Абдель Насер. Нкрума согласился с тем, что Томсону следует позволить остаться в Гане после того, как она обретет независимость в марте 1957 г., и тот продолжил служить там до 1960 г., а вернулся на родину в 1962 г. В справочнике «Кто есть кто» и официальных депешах министерства иностранных дел Томсон фигурирует как первый советник представительства высокого комиссара Великобритании в Гане с 1955 по 1960 г. (увлечения: «пение, садоводство»), но, разумеется, нигде не значится, что официальная должность была прикрытием для его работы в МИ-5. Во время пребывания на посту офицера связи по вопросам безопасности в Аккре он был одним из самых важных каналов между правительствами Великобритании и Ганы. По личной просьбе Нкрумы он согласился продлить свое пребывание в Гане с ноября 1959 г. до января 1960 г., и Нкрума за это даже послал благодарственное письмо МИ-5 в Лондон. Министр внутренних дел Ганы Эшфорд Эммануэль Инксума сказал, что в идеале они бы хотели, чтобы Томсон остался «навсегда». Служба Томсона на посту офицера связи по вопросам безопасности была в равной степени оценена и британским представительством высокого комиссара в Аккре. В 1963 г. высокий комиссар Великобритании в Гане сэр Артур Снеллинг написал в министерство иностранных дел, что «связь Томсона с его коллегами-профессионалами давала не только непосредственно разведывательную информацию, но и зачастую политические дивиденды». Сам Томсон разделял точку зрения одного чиновника министерства по делам колоний, который сказал о Нкруме, что «мы превратили коммуниста,

окончившего Лондонскую школу экономики, в прогрессивного социалиста»³⁷.

Через год после обретения страной независимости офицеры службы безопасности Ганы участвовали в одной из конференций по вопросам безопасности стран Содружества, которая проходила в Лондоне, и, очевидно, продолжали это делать и в последующие годы, к огромному недовольству правительства апартеида Южной Африки. Однако проблема для МИ-5, и в частности Томсона, по вопросу обмена разведывательной информацией с Ганой была в росте коррумпированности и нетерпимости Нкрумы. Даже еще до получения страной независимости у МИ-5 и SIS имелись надежные доказательства того, что он замешан в контрабанде алмазов из Западной Африки в Европу, что, как они опасались, давало ему возможность покупать политическое покровительство стран восточного блока.

Расследованию, которое проводила МИ-5 в отношении контрабанды алмазов Нкрумой, помогала всемирно известная алмазная фирма «Де Бирс», в которой был свой собственный отдел по борьбе с незаконной торговлей алмазами. В 1955 г. этим отделом руководил не кто иной, как сэр Перси Силлитоу, и он был укомплектован рядом бывших сотрудников МИ-5 и SIS. Уйдя из МИ-5 в 1952 г., Силлитоу ненадолго открыл магазин сладостей в Истбурне, но затем нашел гораздо лучшее применение своим силам, когда поступил на работу в «Де Бирс». Его карьера там была настолько успешной, что он даже получил эпизодическую роль в романе Яна Флеминга «Бриллианты вечны» (1956) и был одним из немногих героев из реальной жизни, которые когда-либо появлялись в романах о Джеймсе Бонде. МИ-5 передала свои доказательства участия Нкрумы в контрабанде алмазов сэру Чарльзу Ардену-Кларку, но, к всеобщему облегчению, к 1956 г. оказалось, что избранный премьер-министр больше не занимается этой незаконной торговлей. Но гораздо худшее настало после обретения Ганой независимости³⁸.

Если бы не точные непаникерские донесения МИ-5 о предполагаемых коммунистических взглядах Нкрумы и не связь, которую МИ-5 удалось наладить с правительством, ожидающим вступления во власть, переход власти на Золотом Берегу, вероятно, был бы значительно более бурным. При этом МИ-5 совершенно не удалось предвидеть темпы изменений в Гане после 1960 г. – года, когда Нкрума

стал первым в этой стране президентом, – и особенно политический «крен влево» Нкрумы. С независимостью к Нкруме пришла свобода – свобода совершать ошибки. В начале 1960-х гг. он стал объектом постоянных заговоров КГБ, целью которых было показать, что ЦРУ ведет работу для свержения его правительства. В реальности именно КГБ, а не ЦРУ стремился подорвать власть Нкрумы. Архивные документы КГБ, которые видел советский перебежчик Василий Митрохин, показывают, что вслед за провалившейся попыткой покушения на Нкруму, совершенной местными диссидентами, он стал жертвой фальсификаций КГБ, и его все больше охватывала паранойя в отношении западного влияния в его стране, в которой его власть становилась все более и более тиранической. Он развалил экономику Ганы, которая опиралась на производство бананов, и жаждал все большей власти, претворяя в жизнь свою собственную форму социализма, которую называл «нкруманизмом». В частной обстановке он даже сравнивал себя с Иисусом Христом. Его недавно созданная Служба национальной безопасности (NSS) раздулась от новобранцев из КГБ и сотрудников служб безопасности стран восточного блока и стала тем средством, с помощью которого он яростно искоренял инакомыслие. NSS выступала главным образом как служба личной охраны президента, имела обширную сеть агентов и информаторов и подчинялась исключительно ему одному³⁹.

«Активные действия» КГБ в Гане усилились до такой степени, что британский высокий комиссар в начале 1960-х гг. сэра Артура Снеллинг не ошибался, когда называл страну «главным полем боя холодной войны». Начальник особого отдела в Гане Дж. К. Харли был убежден, что Нкрума превращает страну в государство – сателлит Советского Союза, и 24 февраля 1966 г. спровоцировал против него успешный государственный переворот. На следующий день Снеллинг, который уже находился в министерстве по делам Содружества в Лондоне, позвонил генеральному директору МИ-5 сэру Мартину Фернивел-Джонсу и попросил его срочно отправить Томсона в Гану для оценки ситуации. Томсон прибыл в Аккру 28 февраля, а 2 марта после получения от него благоприятного отчета о Совете национального освобождения, который появился после свержения Нкрумы, британское правительство официально признало новый режим. Этот эпизод фиксирует решающую, хоть и тайную, роль, которую сыграла МИ-5 в

налаживании отношений с постколониальными правительствами. Это также был единственный случай, когда офицер МИ-5 получил поручение от британского правительства установить первый контакт с новым правительством, которое захватило власть путем государственного переворота⁴⁰.

Нигерия

Секретные службы Великобритании участвовали в процессе деколонизации Нигерии аналогично тому, как они это делали на Золотом Берегу. Нигерия была самой большой и многонаселенной британской колонией в Африке – фактически после передачи власти в Индии в 1947 г. она была самой густонаселенной колонией во всей Британской империи. Имея население свыше 30 млн человек в 1950 г., Нигерия была домом для одной трети всего населения Британской империи. С учетом своего географического положения Нигерия исторически была перевалочным пунктом для товаров, перевозимых из Европы в Южную Африку. Это продолжалось и после 1945 г., но помимо того, что Нигерия была перевалочным пунктом для товаров и военной техники, она также стала центром коммуникаций стран Содружества – естественным пересылочным пространством для радиосигналов из Великобритании в южные части континента. Она играла важную стратегическую роль среди стран Содружества для Великобритании, не говоря уже о ее богатых нефтяных и других природных ресурсах.

Однако в послевоенные годы колония Нигерия представляла собой чуть больше, чем географическое название. Она состояла из трех отдельных, в значительной степени автономных регионов, которые были жестко разделены по религиозному и этническому признакам – в стране население разговаривало более чем на 250 наречиях, и каждый регион пытался минимизировать влияние на себя других регионов. Северный регион был преимущественно мусульманским и населен народом фулани; Восточный регион населен в основном народом ибо (или игбо); Западный регион – народом йоруба. К 1950 г. у МИ-5 в Нигерии был офицер связи по вопросам безопасности, но с учетом размеров колонии перед ним – по-видимому, все офицеры связи по вопросам безопасности в то время были мужчинами – встала почти невыполнимая задача – попытаться повлиять на местные вопросы безопасности и разведки сколько-нибудь значительным образом. В 1953 г. особый отдел в Нигерии насчитывал в своем штате всего 5 (белых) офицеров и 50 африканцев других рангов, которые должны были охватить территорию площадью 360 квадратных миль. В

Северном регионе был всего лишь один офицер особого отдела и 24 человека других рангов на территории, которая была больше, чем вся Франция⁴¹.

Несмотря на скудные ресурсы, которые МИ-5 и особый отдел в Нигерии имели в своем распоряжении и которые казались еще более ничтожными из-за масштаба ответственности, они сумели обеспечивать колониальную администрацию некоторой ценной информацией. МИ-5 получила чрезвычайно важную разведывательную информацию о биографии главного политика, борющегося с колониализмом, Бенджамина Ннамди Азикиве, который в октябре 1950 г. станет первым президентом независимой Нигерии. Азикиве, или «доктор Зик», был из народа ибо, в прошлом – разносторонний спортсмен с международной известностью, «могучий как бык», который в 1945 г. был генеральным секретарем Национального совета Нигерии. В министерстве по делам колоний полагали, что он в достаточной степени впитал западную культуру и ценности – он получил образование в Соединенных Штатах в университетах Хауарда и Линкольна, – чтобы быть политиком умеренных взглядов, с которым можно работать. МИ-5 составляла о нем совершенно не паникерские отчеты. Как и в случае Нкрумы, интенсивное наблюдение за членами Коммунистической партии Великобритании в сочетании с перехватом корреспонденции, имевшей хождение между Западной Африкой и Великобританией, выявило, что, хотя Зик и придерживался марксистских взглядов, он явно не был коммунистом. После двух его визитов в Великобританию в качестве руководителя panaфриканских делегаций в 1947 и 1947 гг. МИ-5 составила на него досье и передала его в министерство по делам колоний. В нем говорилось: «Он не коммунист, но готов принять помощь от коммунистов, когда посчитает это нужным для своих собственных интересов». В 1950 г. первый офицер связи по вопросам безопасности в Нигерии М.Т.Е. Клейтон передал аналогичные отчеты губернатору колонии сэру Джону Макферсону. Особый отдел в Нигерии держал Зика и его партию – Национальный конгресс Нигерии и Камеруна – под плотным наблюдением. По словам Джона О’Салливана – бывшего сотрудника Управления уголовных расследований в Палестине, который был откомандирован в особый отдел Северного региона, а позднее стал помощником комиссара полиции Нигерии, – особый отдел получил ценную информацию о неистовых подпольных

сторонниках Зика («зикистах»), забирая документы во время домашних обысков и отправляя полицейских в штатском на политические митинги⁴².

Самый серьезный вызов, с которым столкнулись МИ-5 и особый отдел Нигерии, – это необходимость реагировать на быстрые темпы изменения конституции в колонии с начала 1950-х гг. Скорость, с которой власть должна была перейти к Нигерии, была источником горячих споров между министром по делам колоний Оливером Литтелтоном и губернатором колонии Макферсоном в начале 1950-х гг. Макферсон считал, что для Нигерии будет слишком рискованно следовать по пути Золотого Берега и выбрать «премьер-министра», утверждая, что колония с ее чрезвычайно автономными провинциями должна развиваться конституционально более медленными темпами, чтобы у нее было достаточно времени на создание централизованной администрации. Литтелтон, напротив, под влиянием событий на Золотом Берегу считал, что передачу власти в Нигерии следует ускорить: лучше действовать быстро и сохранить к себе хорошее отношение, чем тянуть с этим и, возможно, вызвать к себе неприязнь.

Точка зрения Литтелтона на то, что децентрализация – единственный путь предотвратить распад колонии, возобладала. В октябре 1954 г. в Нигерии была введена новая конституция, которая признавала автономию различных регионов страны и их администрации, включая полицию и особые отделы. Визит в страну молодой королевы Елизаветы II в начале 1956 г. помог наладить связи между Нигерией и странами Содружества. Восточному региону было гарантировано внутреннее самоуправление в 1957 г., и вслед за решением кабинета министров в Лондоне в октябре 1958 г. Северный регион также получил внутреннее самоуправление весной 1959 г. Полную независимость от Великобритании Нигерия получила в октябре 1960 г. под руководством Зика и осталась в Содружестве. Новая конституция признавала права меньшинств в каждом из трех регионов, сделав Нигерию первой африканской страной, в которой конституция реализует все основные права человека, что станет почти обязательным для колоний, которые в последующие годы будут обретать независимость от Великобритании⁴³.

Для МИ-5 и особого отдела в Нигерии быстрые темпы конституциональных изменений означали, что нужно готовиться к

получению ею независимости. Начиная с 1954 г. у МИ-5 появился в Лагосе офицер-инструктор в дополнение к офицеру связи по вопросам безопасности, который вел обучающие курсы по безопасности в соответствии с задачами, которые уже обсуждались ранее. Эти обучающие курсы были, по мнению Джона О'Салливана, такими успешными, что «после них особый отдел превратился в профессиональную и компетентную организацию, занимающуюся вопросами безопасности и разведки». Однако лишь в 1959 г., накануне обретения страной независимости, особый отдел в Нигерии был официально отделен от регулярной полиции (Управления уголовных расследований) и стал разведывательным ведомством.

Одной из самых трудных задач для МИ-5 было способствовать быстрой «нигеризации» рядов особого отдела в годы, предшествовавшие полной независимости страны. Обеспечение надежности личного состава канцелярии особого отдела было особой заботой, потому что его служащие имели доступ к чрезвычайно важным документам, включая «секретную информацию, утечка которой могла очень серьезно повлиять на Соединенное Королевство, страны Содружества, федеральную или региональную безопасность». В канцелярии работали почти исключительно женщины, как и в канцелярии МИ-5 в Лондоне, но они в Нигерии были выходцами из различных религиозных и племенных общин. Как отмечали в МИ-5, это означало, что они могли быть восприимчивы к местному политическому давлению. Пытаясь справиться с этим, МИ-5 и старшие офицеры особого отдела разработали систему интенсивного «наставничества»: шести женам экспатриантов – офицеров особого отдела было поручено обучить новобранцев; они бдительно присматривали за ними, чтобы не пропустить какой-нибудь признак нелояльности⁴⁴.

За годы до обретения страной независимости МИ-5 и колониальная администрация Нигерии постепенно начали «управлять разведывательной информацией», делясь в большой степени «подчищенной» и проверенной информацией с Зиком и другими wybranными на местах министрами, как это было на Золотом Берегу. Одним из самых важных источников информации, которым особый отдел поделился с Зиком, была радиотехническая разведка. Начиная с 1956 г. чрезвычайно секретная «Служба радиомониторинга» работала в

специальном «техническом подразделении» в рамках особого отдела в Нигерии, для которой на 800 фунтов стерлингов было закуплено оборудование, обслуживание которого стоило тысячу фунтов стерлингов в год – значительные суммы денег в то время. Служба круглосуточно дежурила, чтобы выявлять нелегальные радиопередачи из Нигерии в другие уголки Западной Африки, часть которых имела отношение к коммунизму и оппозиции к Зикю. Особый отдел делился сводками этой службы с Зиком, который находил их «чрезвычайно информативными».

Однако в то же самое время особый отдел продолжал шпионить за Зиком даже после того, как он был избран главой Нигерии, ожидающим вступления в должность. Последний британский губернатор в этой колонии сэр Джеймс Робертсон свободно использовал грязные приемы в преддверии обретения страной независимости. Известно, что информация, передаваемая Зиком в процессе общения, перехватывалась, и, хотя архивы МИ-5 – по крайней мере те, что в настоящее время рассекречены, – молчат на этот счет, принимая во внимание то, что мы видели на Золотом Берегу, где особый отдел перехватывал почту Нкрумы и передавал ее губернатору, кажется возможным, что особый отдел в Нигерии делал то же самое. Также имеются некоторые неубедительные факты в пользу того, что старшие колониальные чиновники Великобритании замешаны в фальсификации результатов выборов, чтобы обеспечить Зикю победу. Принимая во внимание то, что министерство по делам колоний пошло на все, чтобы обеспечить «хорошие результаты на выборах» в колонии Британская Гвиана в начале 1950-х гг., не кажется невероятным то, что оно прибегло к аналогичным мерам и в Нигерии⁴⁵.

Как и на Золотом Берегу, и в других колониях, МИ-5 получила согласие правительства Зика, ожидающего своих полномочий, на то, чтобы ее офицер связи по вопросам безопасности оставался в Лагосе после обретения Нигерией независимости в октябре 1960 г. Офицер связи по вопросам безопасности продолжал играть важную роль в последующие годы, когда в череде государственных переворотов и контрпереворотов одно правительство сменяло другое. К 1966 г. офицер связи по вопросам безопасности в Лагосе пользовался таким доверием, что получил один из двадцати секретных телефонных номеров, выделенных высокопоставленным нигерийским чиновникам. В июле того года во время государственного переворота, который привел к

власти генерала Якубу Говона, высокий комиссар Великобритании сказал представителю МИ-5, что их офицер связи по вопросам безопасности является тем жизненно важным каналом, по которому идет информация о каждодневных событиях благодаря его контактам с нигерийской полицией. И хотя в настоящее время нет каких-либо документальных подтверждений этого, кажется вероятным, что офицер связи по вопросам безопасности продолжал играть такую же важную роль в Нигерии и после этого, пока его обязанности в конечном счете (дата в документах не указывается) не легли на плечи SIS⁴⁶.

Кения

Британский колониальный режим в Кении обычно изображается как благотворный и необходимый, несущий культуру и цивилизацию народу, у которого, как предполагается, ничего этого не было. Во многом этот широко распространенный образ взят из классических воспоминаний Карен Бликсен «Прощай, Африка», опубликованных в 1937 г. в период наивысшего расцвета британского правления в этой восточноафриканской колонии. За основу в этой книге взяты события из жизни Бликсен, которая управляла фермой, расположенной у подножия гор Нгонг, заросших буйной растительностью, – это место было популярно у европейских поселенцев, которые строили здесь усадьбы и разбивали плантации; это была мечта охотника: слоны, зебры и жирафы здесь свободно бродили вокруг. Бликсен представляет Кению как некую колониальную Утопию: здесь не только плодородная земля, приятные для жизни и живописные окрестности, но и расовая гармония, где колонисты-поселенцы счастливо живут и по-отечески относятся к своим работникам-кенийцам⁴⁷.

Реальность была далека от картинок, нарисованных Бликсен. В 1950-х гг. Великобритания с немалой жестокостью подавила восстание кенийцев, которое, по-видимому, угрожало власти англичан в колонии. В ходе так называемого восстания мау-мау, которое вспыхнуло в октябре 1952 г. и официально закончилось в 1956 г., хотя на самом деле продолжалось и дольше, британские вооруженные силы убили ни много ни мало 20 тысяч африканцев. По контрасту с этой цифрой, лишь 32 колониста-поселенца расстались с жизнью – меньше, чем число людей, погибших в автокатастрофах лишь в Найроби за тот же период. Более того, насилие не ограничилось вооруженным конфликтом. Подсчитано, что за четыре года, когда продолжалось восстание, англичане посадили в тюрьму ошеломляющее количество местных африканцев – 80 тысяч человек – по причине их предполагаемой связи с мау-мау. Это больше, чем было задержано в ходе подавления любого другого восстания в послевоенные годы от Палестины до Малайи. Людей держали за заборами из колючей проволоки в различных лагерях на территории колонии, которые были известны как

«трубопровод», где их подвергали жестокому процессу «реабилитации», как эвфемистически выражались англичане⁴⁸.

Основанием для содержания людей в лагерях «трубопровода» была теория, что арестованных мау-мау можно изменить путем принудительного труда и жестоких избиений. В недавнем исследовании, проведенном гарвардским историком Каролиной Элкинс, основанном на результатах более чем десятилетнего расследования, британские лагеря для арестованных в Кении сравниваются с советской системой ГУЛАГ. И хотя исследование Элкинс не безупречно – ее использование статистических фактов часто маловразумительно, и она не придает значения фактам насилия одних групп этнических африканцев над другими, – главная ее мысль обоснована: война англичан в Кении была чрезвычайно «грязной» и жестокой. Полиция, войска и «верноподданные» отряды местной самообороны кикую подвергали целые деревни коллективным наказаниям, практически полностью пренебрегая человеческой жизнью. В более тщательном, чем у Элкинс, недавнем исследовании оксфордский историк Дэвид Андерсон отметил, что власти в Кении прибегали к смертной казни через повешение чаще, чем когда-либо в истории британского колониального режима. Несмотря на противоположные мнения, грязная война Великобритании в Кении не выглядит непохожей на печально известные войны, имевшие место на закате империй других европейских держав, например Франции в Алжире⁴⁹.

Как было сказано в предисловии к этой книге, в 2011 г. министерство иностранных дел «обнаружило» полторы тысячи рассекреченных досье на бойцов мау-мау, хранившихся почти в трехстах ящиках, которые стояли на полках секретного объекта в Хэнслоу-Парке (эти полки тянулись более чем на сто погонных футов). Эта книга основана на информации, извлеченной из первого транша этих секретных документов, которые были преданы гласности в апреле 2012 г. И хотя, к сожалению, документы из архива Хэнслоу-Парка, имеющие отношение к жестокому обращению сотрудников британской службы безопасности с бойцами мау-мау, не были опубликованы на момент написания этой книги, их видели Высокий суд, свидетели и эксперты по делу мау-мау, включая историков Дэвида Андерсона, Каролину Элкинс и Хью Беннетта. Некоторые из их находок встречаются в судебных отчетах по этому делу. Сохранившиеся

документы, которые видели судьи и эксперты, содержат подробные описания того, как людей, подозреваемых в том, что они являются мятежниками мау-мау, избивали до смерти, сжигали живьем, кастрировали и годами держали в наручниках. Из этих документов также явствует, что высокопоставленные британские чиновники знали гораздо больше о жестоком обращении с кенийцами, чем они сами предпочитали показывать и чем предполагали историки. В июне 1957 г. Эрик Гриффитс-Джонс, генеральный прокурор британской администрации в Кении, написал губернатору сэру Эвелину Бэрингу, подробно изложив способы, с помощью которых режим жестокого обращения в лагерях для арестованных в Кении едва уловимо менялся. Начиная с настоящего момента, писал Гриффитс-Джонс, чтобы жестокое обращение оставалось законным, мятежников мау-мау следует бить в основном по верхней части туловища – «не следует бить по уязвимым частям тела, особенно селезенке, печени или почкам», – и еще важно, чтобы «те, кто осуществляет насилие... оставались собранными, уравновешенными и бесстрастными». И как будто ему пришла запоздалая мысль, генеральный прокурор напомнил губернатору о необходимости соблюдать полнейшую секретность. «Если мы собираемся грешить, – написал он, – мы должны грешить потихоньку»⁵⁰.

Солнечное место для темных личностей

Британские поселенцы начали перебираться в Кению в последнем десятилетии XIX в., привлеченные плодородностью земель этой страны – колоссальным потенциалом для развития сельского хозяйства. Большое количество поселенцев разбивали кофейные и чайные плантации в центральных горных районах страны, которые вскоре получили прозвище «белое нагорье». После использования этой страны в качестве военной базы во время Первой мировой войны многие молодые британские офицеры из высшего общества остались в колонии, и большая часть местного населения – по большей части из племени кикую (произносится «гикую») – лишилась земли по вине белых плантаторов. Англичане оформили 999-летнюю аренду на полученные ими земли, позволив тридцати поколениям белых поселенцев владеть этой землей. Отчужденные от землевладения кикую стали арендаторами на плантациях, находящихся во владении европейцев, а в обмен за свой труд получили клочок земли для ведения хозяйства⁵¹.

Англичане ввели ряд суровых правил, чтобы обеспечить себе подчинение кикую, – налог на хижину, запреты на выращивание кофе и постоянно уменьшающиеся заработки для работников-африканцев. Однако при всех несправедливостях имели место и случаи благожелательного колониального управления того рода, как описывала Карен Бликсен. Не нужно далеко заглядывать в историю Кении, чтобы найти примеры того, как британские миссионеры выполняли тяжелый труд, занимаясь образованием детей, у которых до этого не было официального школьного обучения. При этом некоторые печально известные европейские поселенцы в этой колонии, такие как семья Делавер, жили в огромных поместьях, попивая алкоголь, предаваясь разврату, расизм которых превосходил даже самые красочные описания плантаторов, которые можно найти в рассказах Сомерсета Моэма. Генерал «Бобби» Эрскин, который принял на себя командование военными операциями в Кении в 1952 г., дал выход своей ярости, направленной на европейских поселенцев в колонии, в письме к своей жене, написав, что Кения – это «солнечное место для темных личностей» и что он «ненавидит их всех со всеми потрохами»⁵².

К 1940-м гг. 30 тысяч европейских фермеров владели 12 тысячами квадратных миль лучших земель в колонии. В противоположность этому около миллиона так называемых сквоттеров из племени кикую – самого большого, образованного и, вероятно, больше всего впитавшего западную культуру племени – владели всего лишь двумя тысячами квадратных миль земель. Это означало, что 0,07 % населения страны владело приблизительно пятой частью лучших земель колонии. Все возрастающие «земельный голод» и «земельные посягательства» в 1930—1940-х гг. вызвали горячее возмущение среди основных племен колонии – кикую, эмбу и меру, часть которых воевали за Великобританию во Второй мировой войне. Это возмущение было не новым: своими корнями оно уходило в начало 1900-х гг., когда англичане покупали в колонии земли, а кикую по ошибке (хотя это вполне понятно) решили, что это все лишь договоры аренды. Вслед за «покупкой» поселенцы, разумеется, отказались вернуть землю, которую они обрабатывали, прилагая огромный труд, но которую кикую считали своей собственностью. Нарастание «земельного голода» и отчуждение кикую от своей собственной территории привело к росту нищеты, голода и огромной экономической пропасти между коренным и пришлым населением. Из этого родились сильные антиколониальные настроения, которые вскоре привели к восстанию против власти британцев.

Восстание мау-мау

Несмотря на то что вспышка беспорядков в Кении в октябре 1952 г. была неувидительна, учитывая вопиющую несправедливость во владении землей, она была и неожиданной, и недооцененной англичанами. Как об этом написал Грэм Грин, это выглядело так, будто «Дживс (олицетворение идеального слуги – по фамилии безупречного и умного камердинера в комических романах П.Г. Вудхауса. – *Пер.*) ушел в джунгли» – верные слуги стали превращаться в партизан. Сначала британские власти оставили этот бунт без внимания, отнесясь к нему как к незначительным беспорядкам, не требующим серьезных мер. В глазах англичан местные кенийские племена не обладали военными способностями, чтобы начать серьезный конфликт, но если что-нибудь значительное случилось бы, то это можно было бы легко подавить превосходящими военными силами Великобритании. По сравнению с опасностью, которую представляло для империи чрезвычайное положение в Малайе, восстание в Кении казалось пустяком, местными разногласиями с участием малоразвитых народов. Даже капитан Фрэнк Китсон, который позднее сыграет важную роль в разгроме восстания, а еще позже станет одним из самых влиятельных создателей послевоенной доктрины Великобритании по борьбе с восстаниями, отмахнулся от действий мятежных мау-мау как от «нелепых выходок расшалившихся школьников»⁵³.

Это было более чем далеко от правды: восстание мау-мау вскоре превратилось в войну, которая называлась по-другому. 9 октября 1952 г. преданный приверженец британцев из племени кикую – главный старейшина Варухиу – был застрелен насмерть – событие, которое, видимо, подстегнуло более массовое насилие в колонии. 20 октября, когда насилие в колонии нарастало, британский губернатор сэра Ивлин Бэринг объявил в стране чрезвычайное положение. Это объявление было сделано ввиду чрезвычайных полномочий по «королевскому указу-в-совете» от 1939 г. Как о составной части чрезвычайного положения губернатор также объявил о введении чрезвычайного законодательства, также разработанного в 1939 г., которое (как и в Малайе) означало широкие полномочия проводить аресты и задерживать подозрительных лиц. Приблизительно с марта 1953 г.

в Кении начали строить лагеря для людей, арестованных по указу о чрезвычайных полномочиях. Это чрезвычайное положение оставалось в своде законов Кении до 12 января 1960 г.⁵⁴

Даже когда восстание мау-мау охватило чуть ли не всю Кению, британская разведка, как и сама тамошняя колониальная администрация, совершенно неправильно его поняла. Это, наверное, совсем не удивительно с учетом того, что для большинства наблюдателей в то время, как и для историков сейчас, было невозможно установить точные причины восстания. Несмотря на литры чернил, потраченные на изучение этого восстания, историки по-прежнему расходятся во мнениях относительно того, что такое мау-мау. Само это название окружено путаницей, так как слова «мау» нет ни в языке кикую, ни в суахили. Кто-то предположил, что это может быть анаграммой от «ума-ума», что означает «убирайтесь». Другие полагают, что это слово на самом деле было придумано англичанами, чтобы дискредитировать мотивы народного движения и лишить его легитимности на международной арене. Пропагандистские истерические отчеты того времени влияют на восприятие восстания даже по сей день. Главным моментом рассказов прессы о мау-мау были, без сомнения, церемонии принятия присяги, которые проходили в гуще джунглей и, предположительно, включали всякие варварства и прелюбодеяния такого рода, что, как нам говорят, цивилизованный разум европейцев едва ли может их себе вообразить. Конечно, в опубликованных отчетах, предупреждавших об этом своих читателей, затем предлагались описания этих варварств в зловещих и мельчайших подробностях. Примером является многократно переиздававшийся в то время роман «Кое-что ценное», от которого кровь стынет в жилах, основанный на впечатлениях автора от поездок на сафари в Кению. Том Асквит – муниципальный чиновник, работавший в Найроби, утверждал, что церемония произнесения клятвы верности «представляла собой все зло в мау-мау». В докладах, направленных в военное ведомство в Лондон, содержались «признания» тех, кто давал такие клятвы, а в них – описания актов прелюбодеяний, от которых волосы вставали дыбом, хотя неясно, при каких обстоятельствах были получены такие «признания». Британские чиновники в Лондоне и Найроби убеждали себя в том, что, будучи совершенно незаконным

политическим движением, движение мау-мау было варварским и диким⁵⁵.

Такие рассказы привели к путанице в отношении характера восстания. Его по-разному называли – и национальноосвободительным движением, и религиозным культом, и коммунистическим заговором. Колониальная администрация была настолько сбита с толку, что даже привлекла психолога – доктора Дж. С. Карротерса к изучению этого феномена. Ученый пришел к выводу, что это движение – результат массовой истерии или помешательства. Для некоторых экспертов того времени мау-мау было делом рук чуть ли не Антихриста, и тогдашний министр по делам колоний Оливер Литтелтон сравнивал его предполагаемого лидера Джомо Кеньятту, который позже станет первым руководителем независимой Кении, с самим Люцифером. В своих мемуарах Литтелтон вспоминал, что, когда он читал отчеты о мау-мау и Кеньятте, со страниц, лежавших на его письменном столе, перед его глазами проступали дьявольские рога. Некоторые европейские поселенцы предпочитали видеть в этом восстании просто атавизм, первобытное варварство, «воплъ из болота», как выразилась одна из них – писатель Элспет Хаксли. Другой выдающийся кенийский поселенец – министр без портфеля в колониальной администрации Майкл Бланделл описывал мау-мау как «низких тварей из леса» с «их бессмысленным колдовским бормотанием на своем племенном языке». Такие толкования усиливали (укрепляли) главную идею, которая лежала в основе колониального режима Британии в Кении: что эта колония и Африка в целом получали пользу от «цивилизационной миссии» Великобритании.

Несмотря на попытки изобразить мау-мау как сплоченное восстание с сильным вождем, движимое единой целью, на самом деле все было не так: это восстание было многогранным, сложным движением со множеством узкоместнических тайных планов, которое проходило много этапов и оказывало разное влияние на различные части Кении. Мау-мау было парадоксальным, чрезвычайно сложным событием, которое невозможно было свести к простым или упрощенным объяснениям. Для разных людей оно означало разные вещи. Как объяснил один из самых выдающихся исследователей истории Кении Джон Лонсдейл, существовало много разных мау-мау в представлении людей. И хотя дать точное определение почти

невозможно, по цели мау-мау было антиколониальной борьбой, зачастую направленной против европейских поселенцев. Вскоре после объявления чрезвычайного положения несколько английских поселенцев были убиты – часто с помощью мачете. Начавшаяся в первый день нового, 1953 г., казалось, это была кампания по уничтожению белых поселенцев мятежниками мау-мау. Члены британской семьи по фамилии Раск были убиты в собственном доме, а их тела изувечены. Появились страшные фотографии с изображением тела зарезанного господина Раска; миссис Раск удалось сделать несколько выстрелов в нападавших, но их шестилетний сын был насмерть зарублен в детской. Рассказы о смертях поселенцев глубоко взволновали читателей в Великобритании: многие поселенцы, как и Раски, были убиты на своих фермах, в ночных сорочках, на глазах у собственных детей, в ванне, даже на площадке для игры в гольф⁵⁶.

И хотя невозможно сделать один общий вывод о мотивах и программе действий восстания мау-мау, его статистика тем не менее конкретна: было убито гораздо больше черных африканцев, чем европейцев. Как уже говорилось, погибли всего 32 европейца, а среди личного состава британских полков и полиции, проходившего службу в Кении во время восстания, потери составили менее 200 человек. И по контрасту, более 1800 гражданских лиц были убиты партизанами мау-мау, а еще больше – исчезли без следа. Официальная английская статистика утверждает, что число убитых мятежников мау-мау (в противовес числу гражданских лиц) составляло 13 500 человек, хотя цифра, обычно называемая историками, ближе к 20 000 человек. Приблизительно 90 % убитых мау-мау были из племени кикую. Однако эти цифры в полной мере не отражают весь масштаб насилия, развязанного в Кении. Местное население платило ужасную цену за это восстание, включая неизмеримую общественную дезорганизацию. Английские войска в конечном счете подавили восстание мау-мау, запустив процесс массовых задержаний и депортаций посредством сети лагерей для заключенных, через которую принудительно прошло колоссальное количество людей – более миллиона. По скромной оценке, один из четырех мужчин из племени кикую в тот или иной момент чрезвычайного положения находился в жестоких условиях лагеря или тюрьмы. Многие из задержанных женщин были изнасилованы. Согласно постановлению о чрезвычайном положении,

власти могли конфисковать собственность тех, кого подозревали в участии в восстании мау-мау. Документы из секретного архива министерства иностранных дел и дел стран Содружества из Хэнслоу-Парка говорят о том, что британские чиновники часто не называли причин для назначения коллективных наказаний, конфискации собственности, земли и товаров⁵⁷.

Следует подчеркнуть, что не все умершие погибли от рук английских военных. Восстание мау-мау было не просто нападением на ненавистную колониальную систему. С участием набранных на местах «верноподданных» членов отрядов местной самообороны кикую – коалиции племенной полиции и частных армий, санкционированных колониальной администрацией, – и других африканцев с умеренными взглядами, которые сотрудничали с англичанами, восстание вплотную приблизилось к гражданской войне, которая велась между этническими группами этой колонии. Грэм Грин, который в 1948 г. положил в основу своего романа «Суть дела» свой опыт работы в SIS в Западной Африке в годы Второй мировой войны, заметил, что это восстание было, прежде всего, частной войной. Англичане, бойцы мау-мау и кикую – все они в разной степени несли ответственность за кровопролитие и жестокости. Отряды местной самообороны кикую убили больше бойцов мау-мау, чем любое другое военное формирование. Некоторые африканцы-кикую использовали свою принадлежность к отрядам самообороны, чтобы свести старые счеты в земельных спорах, или мстили за своих друзей, убитых бойцами мау-мау. Даже Джомо Кеньятта, которого администрация колонии ошибочно обвинила в том, что он возглавил восстание, получал угрозы от партизан мау-мау⁵⁸.

То, что англичане называли мау-мау, таким образом, было не просто антиколониальной борьбой. Оно выросло из внутренней фракционности и разногласий среди народа кикую, а также из оппозиции британскому режиму. Это было не единичное движение, рожденное из первобытной кровожадности, а совокупность различных и не связанных друг с другом людей, организаций и идей. Это была борьба вокруг класса, но не классовая борьба, по крайней мере с точки зрения марксизма. Попросту говоря, мау-мау было подпитано чередой давних обид и недовольства – как воображаемых, так и реальных, выразителями которых стали два поколения кикую против британской колониальной администрации. Ключевым моментом этих обид и

недовольства был «земельный голод», и по мере его усиления бойцы мау-мау раскручивали маховик насилия в Кении⁵⁹.

МИ-5 и мау-мау

МИ-5 настойчиво добивалась проведения жизненно необходимой реформы аппарата разведки и безопасности в Кении с конца Второй мировой войны. В 1947 г. начальник разведывательной службы на Ближнем Востоке Билл Мэган отправился в Найроби для обсуждения ряда вопросов с губернатором сэром Филиппом Митчеллом. Не стоит удивляться тому, что первые предложения МИ-5 ничем не увенчались: Митчелл объяснил Мэгану, что те немногие дополнительные финансовые средства, которые он сможет собрать, нужны ему на здравоохранение и образование, а не на охрану общественного порядка или разведку. Позицию Митчелла можно было понять, но, оглядываясь назад, мы можем увидеть, что она была близорукой. Как и в Малайе, реформы аппарата разведки в Кении не начались до тех пор, пока не стало слишком поздно. У МИ-5 в Найроби к 1948 г. появился офицер связи по вопросам безопасности, но оказалось, что колониальная администрация мало внимания обращала на отчеты, которые он ей предоставлял. Ввиду такого пренебрежения разведкой, когда в октябре 1952 г. вспыхнуло восстание мау-мау, всего через шесть месяцев после того, как Кваме Нкрума стал премьер-министром Золотого Берега, силы безопасности в Кении были так же безнадежно не готовы к нему, как и служба безопасности Малайи в начале чрезвычайного положения. Как и в Малайе, начало восстания в Кении стало впечатляющим провалом разведки для Великобритании⁶⁰.

Вскоре после объявления Бэрингом чрезвычайного положения 20 октября 1952 г. генеральный директор МИ-5 сэр Перси Силлитоу написал в министерство по делам колоний и предложил помощь МИ-5. Заместитель министра по делам колоний Томас Ллойд вежливо отклонил предложение, ответив, что им нужен лишь «хороший человек из какого-нибудь особого отдела». Начальник иностранного отдела МИ-5 сэр Джон Шоу заметил, что, по его мнению, предложение Ллойда окажется «бесполезным»: «Рано или поздно – слишком поздно – у нас попросят помощи». Эта просьба пришла гораздо раньше, чем ожидал Шоу. Через месяц после объявления чрезвычайного положения 20 октября 1952 г. по личной просьбе Бэринга Силлитоу и один из его заместителей Алекс Макдональд вылетели в Найроби, где к ним

присоединился Алекс Келлар, который прибыл с Ближнего Востока. «Итак, – заметил Шоу Ллойд, – МИ-5 играет против мау-мау»⁶¹.

Делегация прибыла в пятницу и разработала рекомендации для проведения реформы разведки в Кении в следующий вторник, которые были приняты Бэрингом в то же утро. Рекомендации следовали обычной модели реформы имперской службы разведки: разведка должна быть отделена от охраны правопорядка, а с учетом того, что в Кении имелась единая полиция, а не региональная, то ее следует передать в руки исключительно особого отдела. Силлитоу также рекомендовал, чтобы особый отдел в Кении ввел специальный реестр для разведывательных документов, чтобы для него было найдено больше новобранцев и чтобы его деятельность охватывала всю колонию, а не ограничивалась главными городами – Найроби и Момбасой, как было раньше. Руководство Кении приняло рекомендации Силлитоу полностью и даже по совету МИ-5 учредило новый Комитет по разведке в Кении (КИС), в который входили губернатор, офицер связи по вопросам безопасности, начальник полиции, представители вооруженных сил и «начальник разведки» – должность, на которую был взят Джон Прендергаст, ранее служивший в особых отделах в Палестине и на Золотом Берегу, а также в зоне канала в Египте⁶².

Как и другие разведывательные сообщества на местах, КИС был предназначен для того, чтобы придавать обтекаемую форму отчетам из провинций и передавать их в высшие эшелоны администрации Кении, откуда в случае необходимости их могли передать в Объединенный центр разведывательных служб в Лондон. Чтобы помочь присматривать за проведением этих реформ, Силлитоу согласился, чтобы к администрации в Кении был прикомандирован офицер МИ-5 Алекс Макдональд, который до 1947 г. служил в индийской полиции. Как мы уже видели, проведя почти два года в Кении, Макдональд стал первым советником МИ-5 по вопросам безопасности (SIA) в министерстве по делам колоний в Лондоне и ездил в различные колонии империи с целью оказания помощи в реформировании их разведывательных служб. В Кении его работа состояла в том, чтобы «организовывать деятельность всех разведывательных служб, работающих в колонии, и содействовать сотрудничеству с особыми отделами на прилегающих территориях». Его первой задачей было реорганизовать особый отдел,

который, по его оценке, «чрезмерно загружен работой, погряз в бумагах и размещен в помещениях, в которых невозможно находиться с точки зрения безопасности или нормальных условий работы». Далее он продолжил: «Офицеры почти не обучены. Не хватает оборудования, а средства на разведку выделяются мизерные»⁶³.

Во время чрезвычайного положения особый отдел в Кении преследовал призрак притаившихся повсюду мятежников мау-мау. Эта паранойя распространилась и на МИ-5, всем служащим которой в Кении были выданы пистолеты после учебных стрельб по мишеням. Офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности Роберт Бродбент даже спал с револьвером под подушкой. Его страхи не были необоснованными: без его ведома в его кухне мятежники мау-мау прятали оружие. Тайник Бродбент обнаружил лишь во время приема гостей в своем доме, когда официант уронил поднос с напитками, а он после этого вошел в кухню и обнаружил там партизан мау-мау, которые пришли, чтобы забрать оружие⁶⁴.

Реформы Макдональда и Силлитоу были проведены так быстро, что к 1955 г. Макдональд рекомендовал, чтобы была упразднена его собственная должность. Он написал в головной офис МИ-5 в Лондоне, что «особый отдел крепнет с каждым днем, и в настоящее время у нас есть несколько отличных действующих источников. Я не боюсь оставлять этого крепкого младенца: он вполне может сам позаботиться о себе». Как сказал один офицер особого отдела в Кении Т.У. Дженкинс, реформы Макдональда «колоссально помогли» особому отделу, или, как позднее выразился Майкл Бланделл, Макдональд почти единолично создал «первоклассный» особый отдел в Кении. Несмотря на реформы, которые Силлитоу и Макдональд подстегивали в Кении, «на земле» все оказалось по-другому. В 1954 г., через два года после начала восстания мау-мау, особый отдел в Кении по-прежнему оставался недоукомплектованным сотрудниками: в нем работали три офицера-европейца, один офицер-азиат и горстка рядовых сотрудников – и все в Найроби. В докладе сэра Джеральда Темплера об уровне безопасности в колониях по всему миру в 1955 г. прямо говорилось: «Вполне возможно, что, если бы наша разведка была лучше, мы, вероятно, обошлись бы без чрезвычайного положения в Кении». И только в 1955 г. в Кении последовали рекомендациям МИ-5, учтя урок, полученный в Малайе, и назначили одного начальника разведки,

который подчинялся непосредственно командующему боевыми действиями⁶⁵.

Меры Великобритании по подавлению восстания в Кении

Усилия Великобритании по подавлению восстания в Кении в конечном счете увенчались успехом, если – как и в Малайе – успех измеряется в чисто военных терминах, главным образом благодаря широкому развертыванию вооруженных сил из метрополии. К 1956 г. мятеж был эффективно подавлен, хотя чрезвычайное положение оставалось в силе до начала 1960 г. В ходе подавления восстания в колонии была развернута целая пехотная дивизия вместе с пятью английскими батальонами и пятью батальонами кенийских африканских стрелков (КАР), а также бронированными автомобилями, артиллерией и эскадрильями тяжелых бомбардировщиков Королевских ВВС. В добавление к этому ряды отрядов местной самообороны разрослись до 70 тысяч новобранцев, из которых около 50 тысяч человек были из народа кикую. Ряды полицейского резерва Кении (KPR), который был создан в 1948 г., также быстро пополнялись. КPR обладал определенной степенью самостоятельности на протяжении всего восстания, а некоторые его офицеры приобрели дурную славу, действуя как члены «комитета бдительности». Часть его новобранцев была из Южной Африки и Южной Родезии, придерживалась взглядов о превосходстве белой расы и использовала КPR для достижения личных расовых целей – кровной мести. При таком огромном количестве резервистов и регулярных войск и английским военным, и колониальным властям было трудно поддерживать дисциплину. Случаи обстрела «своих» не были редкостью: в одном британском полку умудрились убить своего собственного полковника⁶⁶.

Как и Темплер в Малайе, человек, который возглавил вооруженные силы Великобритании в Кении, генерал сэр Джордж Эрскин, получил чрезвычайные полномочия и даже письменное распоряжение от Уинстона Черчилля, разрешающее ему вводить военное положение в колонии в случае необходимости. Говорят, что он всюду носил с собой это распоряжение в сложенном виде в футляре для очков, чтобы оно всегда было под рукой на случай, если ситуация выйдет из-под контроля. И хотя он не воспользовался им, Закон о чрезвычайном

положении с успехом превратил колонию в полицейское государство, как это было в Палестине и Малайе. Как и в Малайе, Закон о чрезвычайном положении, который разрешал вводить комендантский час, принудительную регистрацию, применять аресты без суда, коллективные наказания, в том числе телесные, и даже смертную казнь, был тупым инструментом, который бил и по друзьям, и по врагам. За время восстания более тысячи боевиков мау-мау были приговорены к повешению за убийства, что, как показал историк Дэвид Андерсон, больше, чем в любой другой момент истории Британской империи. 200 человек, не имевших отношения к мау-мау, были отправлены на виселицу за тот же период⁶⁷.

Поразительно то, что власти Кении не извлекли больше уроков из антиколониальных восстаний прошлого и того времени, особенно в Малайе. Несмотря на перевод британских служащих из Палестины и Малайи, в Кении, по-видимому, не оценили важность «завоевания умов и сердец» наряду с ведением активных боевых действий. Типичным представителем военной и гражданской разведки, который впитал все уроки предыдущих восстаний, был Ричард Кэтлинг (позднее – сэр Ричард). Он тринадцать лет отслужил в Управлении уголовных расследований в Палестине в 1935–1948 гг., затем работал в Малайе под началом Темплера и приехал в Кению в 1954 г., где был комиссаром полиции до 1963 г. Позже Кэтлинг заметил, что почти вся его карьера прошла в условиях чрезвычайного положения. Несмотря на существование группы офицеров вроде Кэтлинга, которые имели опыт работы по подавлению восстаний, вместо того чтобы учиться на прошлом, английские войска в Кении в основном пытались изобрести колесо – печальная тенденция, которая повторялась военными при подавлении восстаний ближе к нашему времени. Алекс Макдональд – первый советник в Министерстве по делам колоний по вопросам разведки и безопасности и создатель особого отдела в Кении – позднее зафиксировал неспособность Министерства по делам колоний применить уроки предыдущих восстаний в Кении:

«Полагаю, в прошлом нам не удалось должным образом использовать предыдущий опыт. Когда в Кении было объявлено чрезвычайное положение, тогдашнее правительство решало проблемы арестов, пропаганды, реабилитации и т. д. так, будто эти проблемы были новыми и неизвестными явлениями. На Кипре, в свою очередь,

было сделано во многом то же самое, и я не думаю, что это была ошибка того и другого правительства. Просто опыт, полученный в Малайе, нигде не был суммирован в форме, доступной для прочтения. Кипр, в свою очередь, пострадал от отсутствия сколько-нибудь систематического сопоставления опыта, полученного в Кении.

...Что на самом деле мне бы хотелось увидеть, так это кристаллизацию опыта, полученного в Малайе, Кении и на Кипре, по таким вопросам, как организация разведки, информационный механизм, интернирование и реабилитация. Я считаю, что именно в таком виде работы мы сильно отстаем по сравнению с Вооруженными силами. Они всегда анализируют свой опыт и перерабатывают его для использования в будущем в схожих ситуациях. Мы позволяем похоронить наш опыт в лежащих в бездействии папках и как в первый раз принимаемся решать проблемы, которые должны быть для нас старыми и знакомыми. Да, министерство по делам колоний может сравнить предыдущий опыт, но у нас редко есть полная история и далеко не в доступной форме»⁶⁸.

Кампания Великобритании по подавлению восстания в Кении началась с операции «Джок Скотт» («Шотландец Джек») 20 октября 1952 г. – в день объявления чрезвычайного положения, – в ходе которой были арестованы 180 предполагаемых руководителей движения мау-мау. Шестеро из них, которые позднее стали известны как «капенгурская шестерка», включая Джомо Кеньятту, предстали перед судом, где им было предъявлено обвинение в участии в движении мау-мау и заговоре с целью совершения убийства. Все они были осуждены и получили тюремные сроки. Считалось, что операция «Джок Скотт» обезглавит восстание, прекратит насилие и быстро покончит с чрезвычайным положением. Однако было предположение, что жестокая тактика этой операции может послужить лишь еще большему восстановлению против себя народа кикую, что приведет их в ряды мау-мау. После операции «Джок Скотт» мятежники из разрозненных групп превратились в настоящую партизанскую армию. Объявление о введении чрезвычайного положения само по себе создало настоящую чрезвычайную ситуацию. Партизанская армия насчитывала около 15 тысяч кенийцев, главным образом из народа кикую, но также и из народов эмбу и меру и небольшого количества представителей племен камба и масаи. Этот сценарий не сильно отличался от малайского,

только кенийские повстанцы нашли себе убежище в Абердерах – горном районе, поросшем густыми лесами в центральной части колонии, недалеко от горы Кения.

Переломным моментом для британской кампании по подавлению восстания в Кении стала операция «Наковальня» в апреле 1954 г., в ходе которой военные под командованием Эрскина пошли на чрезвычайный шаг – окружили, арестовали и переправили в другое место все неработающее население кикую в Найроби. Это была крайняя мера: британские военные зашли дальше, чем когда-либо прежде. Операция «Наковальня» была результатом знакомой цепочки событий: слабая разведка с самого начала восстания привела к тому, что военные и колониальные власти стали предпринимать все более экстремальные шаги. Основными принципами, лежавшими в основе этой операции, были насилие и подавление. Взяв на вооружение схожую тактику, использованную в Тель-Авиве перед Второй мировой войной, Эрскин ввел в столицу 25-тысячное войско для обеспечения безопасности, пытаясь очистить город от мау-мау одним внезапным смертельным махом. Эта операция нанесла сокрушительный удар по восстанию. Около 45 тысяч мужчин, женщин и детей были насильно вывезены из Найроби часто с применением насилия. Около 16 500 человек были размещены в центрах за пределами Найроби в ходе операции «Наковальня», и по всей колонии были проведены другие операции. Этот прием массовой депортации не был в Кении уникальным: как мы уже видели, британские власти прибегали к аналогичной тактике в Малайе. Однако при всей схожести масштаб арестов и вынужденного переселения в Кении был беспрецедентным для любого чрезвычайного положения в колониях Великобритании – настолько беспрецедентным, что поразил даже очерстевших душой и много повидавших чиновников. Когда в 1954 г. в Кению прибыл Ричард Кэтлинг, он был потрясен масштабом арестов, отметив, что в Палестине были арестованы приблизительно 500 активистов Иргун и «банды» Штерна, в Малайе – 1200 человек по сравнению с около 78 000 арестованных в Кении. К концу 1952 г. – всего через три месяца после начала восстания – под арестом содержалось свыше 18 000 кенийцев в 176 лагерях по всей стране⁶⁹.

После операции «Наковальня» колониальный режим ввел три новшества в процесс задержания: фильтрацию, расселение людей по

деревням и подрыв морального духа, которые все вместе усиливали систематическое жестокое обращение с арестованными. Филтрация представляла собой процесс, в ходе которого арестованных допрашивали с целью получить оперативную информацию и оценить степень их приверженности идеям мау-мау. Расселение людей по деревням представляло собой процесс насильного переселения в резервации для кикую (районы Кимабу, Форт-Холл, Ньери и Эмбу). К концу 1955 г. в общей сложности 1 050 899 африканцев из народа кикую были вывезены из своих разрозненных ферм и насильно поселены в одной из 804 деревень, состоящих из 230 тысяч хижин. Как и в Малайе, в таких деревнях свобода передвижения была сильно ограничена: они были окружены заборами из колючей проволоки, траншеями с кольями и находились под круглосуточной охраной. Жителей деревни заставляли трудиться на общественных работах, и, говорят, женщины здесь часто подвергались насилию и другому жестокому обращению. Утверждалось – но это окончательно не доказано, что прием под названием «подрыв морального духа» Бэринг и министерство по делам колоний применяли намеренно, чтобы сделать лагерную систему более жестокой со временем. Этот прием был придуман в лагере Гатигирири в декабре 1956 г. Джоном Коэном – начальником пяти лагерей на равнине Мвеа, которые стали известны как лагеря Мвеа. Этот прием состоял в том, чтобы изолировать небольшое количество арестованных от большой группы и с применением силы с участием признавшихся арестантов вытягивать из людей согласие на сотрудничество. В марте 1957 г. этот прием был отработан в лагерях Мвеа, и о нем было сообщено в министерство по делам колоний. Министр по делам колоний одобрил его вместе с применением «силы принуждения» – тщательно сформулированный словесный оборот, который отличал для колониальной администрации «карательную силу», хотя в реальности разница между ними была незначительна. Говорят, что прием «подрыв морального духа» привел к убийству 11 заключенных в лагере Хола в марте 1959 г. (об этом будет рассказано ниже)⁷⁰.

С учетом размаха арестов в Кении неудивительно, что пенитенциарную лагерную систему, введенную англичанами, сравнивают с советским ГУЛАГом. И хотя масштаб арестов в Кении шокирует, тем не менее будет ошибкой приравнивать их к советской

системе, которая держала за решеткой два с половиной миллиона людей. И хотя важно признать зверства и жестокое обращение англичан с кенийцами, нельзя сравнивать эти две совершенно разные пенитенциарные системы⁷¹.

Разведка, допросы и пытки в Кении

Трудно, если не невозможно с учетом неполноты имеющейся в доступе документации, прийти к каким-то общим заключениям в отношении британской практики допросов и применения в Кении пыток. Безусловно, случалось, что некоторые представители служб безопасности в Кении пытали задержанных во время допросов. Об этом говорится в совершенно секретном письме, которое генерал Эрскин написал главе военного министерства в декабре 1953 г.:

«Нет сомнений в том, что ранее, то есть с октября 1952 г. до июня этого года было много случаев беспорядочной стрельбы со стороны армии и полиции. Я совершенно уверен, что заключенных избивали, чтобы получить информацию. От избиений до пыток небольшой шаг, и я сейчас уверен, хотя мне понадобилось некоторое время, чтобы понять это, что пытки применялись во многих полицейских участках. Я не думаю, что кадровые полицейские участвовали в этом, хотя некоторые из них – вполне возможно. Настоящие хлопоты доставлял кенийский поселенец, одетый в форму KPR, или Кенийского полка...

Использовавшийся в начале кампании метод развертывания небольших армейских подразделений, действовавших в тесном контакте с полицией и администрацией, привел к тому, что армия вышла из-под контроля старших офицеров. Возможно, в тот период такое использование армии было необходимо, но оно привело к плохим результатам.

Вам следует знать о «фильтрационных командах». Они подчиняются администрации, и их цель – выявить среди африканцев бойцов мау-мау и степень их приверженности этим идеям. Некоторые представители этих «фильтрационных команд» применяли пытки.»⁷²

Подкрепляющие доказательства того, что британские силы безопасности применяли пытки в Кении, содержатся в документах современных этим событиям церковных миссионеров. В феврале 1953 г. один британский миссионер в Кении получал «постоянный поток сообщений о жестокостях полицейских, военных и отрядов местной самообороны». Доказательства применения пыток также фигурировали в приговорах кенийских судов того времени, которые, как и письмо Эрскина, показывают, что насильственные методы

применялись силами безопасности в процессе фильтрации. Из апелляций по уголовным делам 988 и 989 от 1954 г. явствует, что речь идет о двух обвиняемых, которых неоднократно подвергали пыткам в фильтрационном лагере в 1954 г. Решение суда заканчивалось так: «Однако мы не можем закончить это решение суда, не обратив еще раз внимание на действия так называемых «фильтрационных команд»... Из этого дела и других дел, которые оказались у нас на рассмотрении, явствует, что, возможно, это была обычная практика, когда человека арестовывали по обвинению в терроризме или по подозрению в участии в таком преступлении, чтобы полиция взяла его под стражу и передала в руки одной из таких команд, где – если все рассказанное правда – он подвергался процессу «обработки» с целью получения от него информации. Судя по всему, функция «фильтрационной команды» состояла в том, чтобы отсеять хороших кикую от плохих. Но если это была ее единственная функция, то в рассматриваемом деле не могло быть никаких причин отправлять подателя апелляции к такой команде, так как он был арестован во время реального совершения преступления, влекущего за собой смертную казнь. Какие юридические полномочия по задержанию имеют такие команды или по чьему приказу они действуют, мы не знаем. Полномочия задерживать подозреваемых, которые дает Регламент чрезвычайного положения № 3, не могут быть осуществлены в этом случае, и право полицейского офицера оставлять под стражей в ожидании суда, не позволяет передавать задержанного в какое-то иное заточение. Нам, безусловно, стало ясно из отказа от ответственности за последствия, сделанного господину Бруксу за государственное обвинение и ответчика, что Генеральный прокурор не несет никакой ответственности за фильтрационные команды, и есть указания на то, что они неподконтрольны полиции, а подчиняются чиновникам администрации. Но какая бы власть ни несла за них ответственность, трудно поверить, что эти команды могли продолжать применять методы противозаконного насилия без ведома или при попустительстве властей. Такие методы являются отрицанием власти закона, защищать который – долг судов, и, когда в суды приходят дела, в которых утверждается, что заключенные подвергались противозаконному преступному насилию, долг судов – настаивать на проведении самого

полного расследования с целью подтверждения этих фактов или их опровержения»⁷³.

Во-вторых, в уголовном деле № 240 от 1954 г. (Корона против Миуру и др., 10 декабря 1954 г.) исполняющий обязанности судьи Крэм сказал:

«Глядя на факты этого дела, можно сделать вывод, что существует система постов охраны, в которых есть свои начальники, и центры ведения допросов и тюрьмы, в которые помещаются подданные королевы, будь они невинны или виновны, вооруженными людьми безо всякого ордера; этих людей задерживают и, по-видимому, пытаются до тех пор, пока они не признаются в предполагаемых преступлениях, а затем их ведут на суд на основании исключительно их признания. Пора, чтобы суд объявил такую систему конституционно незаконной, которой следует положить конец; жертв следует выпустить из этих застенков, а их начальников и надзирателей, установивших там произвол, обуздать и сделать им предостережение»⁷⁴.

Однако, как и относительно Малайи, ошибкой будет делать обобщения на тему британцев, пытающих людей в Кении. Когда мы рассматриваем вопрос о жестоком обращении с заключенными в Кении, следует помнить о том, что в этой стране не было единой службы безопасности и единого стандарта ведения допросов при чрезвычайном положении. Существовало огромное расхождение между рекомендациями Уайтхолла по ведению допросов, написанными кабинетными «солдатами» за тысячи миль от мест боевых действий, и реальными допросами, которые происходили на месте событий. Традиционно считается, что в Кении регулярная британская армия стояла в стороне и предоставляла полиции, отрядам местной самообороны и колонистам из Кенийского полка проводить допросы. Обычно полагают, что это происходило потому, что, в отличие от британских солдат, они говорили на языке кикую. Однако секретные архивы, открытые в Хэнслоу-Парке, наводят на мысль, что британская армия, вероятно, принимала большее участие в проведении допросов, чем казалось раньше. Это один из главных пунктов разногласий в деле мау-мау, которое рассматривалось в Высоком суде в Лондоне в 2012 г. Документы, представленные в суд, также демонстрируют, что офицеры особого отдела и военной разведки британской армии, возможно, были

в большей степени вовлечены в процесс «фильтрационных» допросов, чем раньше думали историки⁷⁵.

С начала чрезвычайного положения до октября 1956 г., когда проходили аресты бойцов мау-мау, их классифицировали как «белых», «серых» или «черных». Затем система классификации изменилась, и стали использовать буквы (например, Z, Y, YY или XR) и цифры (например, Z1 и Z2). Гражданские и военные служащие принимали участие в проведении фильтрационных допросов, которые проходили в различных местах, включая официальные и неофициальные центры, полицейские участки, лагеря для заключенных и опорные пункты отрядов местной обороны. Находясь в системе «Трубопровода», заключенные должны были трудиться. Тех, кто отказывался, отправляли в спецлагерь для заключенных, где их заставляли трудиться⁷⁶.

В реальности в Кении существовало большое количество гражданских и военных организаций, занимавшихся проведением допросов, и у каждой из них были свои приоритеты и методы. Несмотря на проблемы, обязательно возникающие при попытке сделать об этом какие-либо выводы, тем не менее можно увидеть, что, как и в Малайе, существовало решающее различие между разными видами допросов в Кении: некоторые из них имели цель наказать и «перевоспитать» подозреваемых членов мау-мау – эти часто сопровождалась крайними формами насилия; некоторые проводились на «передовой», а другие – позже, после перевозки захваченного мятежника в центр для задержанных. Последние с большей вероятностью проводились обученными офицерами особого отдела и имели цель – вытянуть оперативную стратегическую информацию. Здесь, по-видимому, применялось меньше физического насилия по той простой причине, что, как мы уже видели, профессиональные следователи понимали, что физическое насилие не даст достоверной информации или лояльных агентов⁷⁷.

В январе 1954 г. силы безопасности захватили в плен одного из главных военачальников мау-мау генерала Варухиу Итоте, известного как «генерал Китай». Опытный офицер особого отдела в Кении Иан Хендерсон подверг Итоте почти 68-часовому допросу, во время которого он искусно выудил у него ранее неизвестную стратегическую информацию о формированиях мау-мау, их расположении и

вооружении в районе горы Кения. Что самое важное, Итоте рассказал, что вооруженные силы мау-мау разделены на региональные соединения и отряды. Это было важно, потому что, как отметил комиссар полиции Кении Ричард Кэтлинг, пытаться оценить количество мау-мау – все равно что «смотреть в хрустальный шар и пытаться увидеть что-то, имеющее смысл, чтобы на этой основе оценить число, звания и должности». Хендерсон сумел добиться ответов от Итоте, сыграв на том, что он считал его уязвимыми местами. Итоте был серьезно ранен во время захвата в плен и на протяжении всего допроса думал, что умрет. Хендерсон сыграл на его хвастливости, высмеивал и «подкалывал» его, будто он совсем незначительная фигура для мау-мау. Делая это, он сумел заставить Итоте выдать ему местонахождение многочисленных отрядов мау-мау. Нет никаких свидетельств того, что Хендерсон применял физическое насилие во время допроса Итоте. И хотя это нельзя подтвердить окончательно без документов, кажется вероятным, что тактика его допроса была взята из обучающих программ МИ-5 в Кении, которые, в свою очередь, возникли из опыта и уроков Второй мировой войны. Известно, что офицер связи по вопросам безопасности в Найроби, имя которого не называется в рассекреченных на настоящий момент документах, и Алекс Макдональд – офицер МИ-5, прикомандированный к администрации Кении, проводили курсы обучения сотрудников особого отдела в Кении на тему методов ведения допросов. Один бывший офицер особого отдела в Кении подтвердил, что МИ-5 в то время играла руководящую роль в проведении допросов особым отделом⁷⁸.

Одним из самых важных источников оперативных разведанных для властей Кении были двойные агенты. Капитан (позднее генерал) Фрэнк Китсон – офицер британской военной разведки, прикомандированный к особому отделу в округе Киамбу, – разработал новаторский метод борьбы с мау-мау с помощью, как он называл их, «групп противодействия», или «псевдогрупп». Успех пришел к Китсону и особому отделу, когда в 1953 г. они обнаружили, по-видимому благодаря разведке, что у мятежников мау-мау нет единого координационного центра и что они разделены на региональные соединения и отряды. Набор в «группы противодействия», члены которых должны были выступать в роли двойных агентов, был во многом похож на использование «Q-патрулей» в Палестине и

«сдавшихся вражеских военнослужащих» в Малайе, хотя опять-таки странно, оглядываясь назад, видеть, что британские войска в Кении не извлекли больше уроков из Палестины и Малайи. Вместо этого они выдвигали «новые» идеи о противодействии восставшим, например, как лучше всего работать с двойными агентами – а ведь это был уже хорошо протоптанный путь.

Китсон, который позже стал создателем британской доктрины по подавлению восстаний и какое-то время провел в Северной Ирландии, где он применял уроки, извлеченные из британских кампаний периода конца империи по подавлению восстаний, написал о своем опыте работы в Кении, что сведения о членах банд мау-мау они обычно получали от информаторов. Британские военные утверждали, что такие информаторы не могут прийти в суд в качестве свидетелей из страха перед расправой, так что администрация приняла сомнительное решение о необходимости приостановить юридический процесс и habeas corpus – этот аргумент продолжает всплывать на поверхность снова и снова при чрезвычайном положении в государствах до сегодняшнего дня. Когда личности членов бандформирований устанавливали, особый отдел начинал за ними интенсивную слежку, собирал на них компромат и предъявлял его им. Если они были успешно «обработаны», то их отправляли назад к мау-мау как членов «группы противодействия», и после этого они становились источником потока важной информации для военных властей, что приводило к тому, что боевиков мау-мау арестовывали и убивали. К концу кампании по подавлению восстания от трех до четырех сотен сдавшихся мятежников мау-мау были членами «групп противодействия». Их личные данные тщательно скрываются по сей день: в просторечии их называют перебежчиками. Как заметил Китсон, успех «групп противодействия» виден в том, что, однажды переметнувшись на другую сторону, ни один из них не перебежал потом назад в свои старые отряды мау-мау. Более того, он заметил, что даже тогда, когда «группы противодействия» не давали информацию о точном местонахождении отрядов мау-мау, которые имели возможность скрыться от патрулей службы безопасности, их сведения тем не менее заставляли отряды мятежников постоянно убегать от них⁷⁹.

При вербовке в «группы противодействия» Китсон полагался не только на физическое воздействие, а, скорее, на психологическое

давление, как это делал Хендерсон при допросе Итоте. Арестованным часто угрожали освобождением из-под стражи при подозрительных обстоятельствах, а они знали о мести, которую обрушивают на головы предателей банды мау-мау. Также предлагали денежное вознаграждение. По словам Китсона, не существовало единого метода для вербовки агента: фактически их было столько, сколько бойцов «групп противодействия». Однако, как вспоминал Китсон, одним из самых успешных методов был метод тщательного сбора информации посредством информаторов или слежки, которая аккуратно накапливалась в реестрах особого отдела. Когда арестованным предъявляли подробное досье, они часто думали, что следователь уже все знает о них. Именно этот метод МИ-5 использовала столь успешно в лагере 020; его, как мы помним, Стивенс «Оловянный Глаз» называл «психологическим давлением». После предъявления арестованным сведений об их предположительных тайных связях с отрядами мау-мау их можно было сломать и превратить в двойных агентов как членов «групп противодействия».

Все вышесказанное не предполагает, что офицеры особого отдела в Кении часто не были чрезмерно жестоки при ведении допросов. В некоторых регионах колонии особый отдел сравнивали с нацистами и даже прозвали его «кенийским СС» из-за некоторых методов третьей степени ведения допросов, которые они применяли. Кенийская полиция использовала такие методы: на голову арестованного надевали ведро и начинали по нему бить металлическим инструментом; заставляли заключенного «засунуть голову между коленей, завести руки под колени и держать себя за уши, оставаясь в таком положении до тех пор, пока он не сдастся». Один офицер из резерва кенийской полиции пытался запугать и заставить арестованного сообщить ему о местонахождении отряда мау-мау таким способом: он стрелял поверх его головы и угрожал тем, что «следующая пуля полетит тебе в череп». Отчасти причина применения таких методов состояла в отсутствии централизованного контроля и со стороны Найроби, и со стороны Лондона. С учетом множества новобранцев в полиции и вооруженных силах в колонии, многие из которых завели свой собственный стиль ведения допросов и вели свои собственные местные вендетты, центральным властям было трудно – если вообще возможно – поддерживать дисциплину.

Но это лишь половина объяснения. Кажется, что некоторые английские солдаты прекрасно знали, что с пленниками, которых они передавали кенийской полиции, отрядам местной самообороны и Кенийскому полку, скорее всего, будут жестоко обращаться. С их стороны явно видно равнодушие к насилию, которому подвергаются пленные. Один из немногих – если не единственный – американский новобранец в вооруженных силах Великобритании при чрезвычайном положении в Кении Уильям Болдуин вспоминал, что во время допроса одного подозреваемого мау-мау следователь особого отдела временно вышел из комнаты, а когда вернулся, то обнаружил, что в его отсутствие его помощник из числа кикую из отряда местной самообороны убил пленника. Очевидно, офицер особого отдела остался к этому поступку равнодушен⁸⁰.

Более того, в вооруженном конфликте были такие аспекты, которые повышали вероятность жестокого обращения с пленными в Кении. И хотя это было полезно для достижения немедленных результатов, система «групп противодействия» создала атмосферу, в которой жестокое обращение было в порядке вещей. Как и в Палестине и Малайе, эти завербованные агенты действовали под глубоким прикрытием, отрезанные от системы соподчинения и регулярных вооруженных сил, в чрезвычайно стрессовой ситуации и постоянно меняющихся обстоятельствах, зачастую в глубине джунглей. Необходимость получить быстрые ответы на вопросы о вражеских силах создавала благодатную почву для профессиональных преступлений и зверств, а отсутствие гарантий со стороны администрации, чтобы карательные меры были направлены только на тех, кто действительно участвовал в движении мау-мау, приводило к огромному числу незаконных задержаний.

Самая главная причина применения в Кении пыток к арестованным состояла в том, что механизмы, разработанные англичанами для подавления восстания, позволяли это. На самом деле они наделяли их законным статусом. Система «трубопровода» и метод подрыва морального духа были предназначены для того, чтобы перевоспитать пленных силой; физическое насилие или жестокое обращение с арестованными явно были частью этого. Пытки, по-видимому, были особенно распространены в фильтрационных командах, будучи узаконенными британскими властями как передний

край борьбы с восставшими. Частью системы «фильтрации» было использование информаторов, которых с закрытыми лицами ставили перед шеренгой подозреваемых мау-мау, из которых эти информаторы выбирали тех, кто был участником этого движения. Система таких информаторов наделяла законным статусом кровную месть. Обвиняемые в преступлениях бойцы мау-мау не могли увидеть лицо своих обвинителей – что главное в любой системе правосудия, заслуживающей свое название.

Другой причиной того, почему жестокое обращение правоохранительных органов имело место в Кении, было то, что администрация, особенно сам губернатор Бэринг, отказывалась дать полиции в колонии такое же законное положение, какое она занимала в Великобритании. Далеко не независимые от правительства, как полицейские в Великобритании, полицейские в Кении были инструментами колониальной администрации и часто выполняли грязную работу. Когда в 1953 г. сэр Артур Янг прибыл в Кению в качестве нового комиссара полиции после службы на аналогичном посту в Малайе, он пришел в смятение, обнаружив, насколько широко распространено жестокое обращение с подозреваемыми бойцами мау-мау, содержащимися под стражей в полиции, особенно со стороны представителей местной самообороны, которые запросто избивали заключенных, зачастую движимые личной кровной мстью. В результате Янг вместе с генеральным прокурором в Кении Джоном Вхьяттом попытался создать справедливую и честную полицию в колонии. Они предложили реформировать существующую систему и дать полицейским в Кении статус констеблей согласно английскому общему праву, что позволило бы им действовать независимо. Янг доказывал, что борьба с «терроризмом» с помощью террора приводит к обратным результатам и в конечном счете отдалит местное население. Бэринг выступал против предложенных Янгом реформ, утверждая, что они «не подходят» для Кении и чрезвычайного положения. Это привело к отставке Янга в 1954 г. и его публичной критике кенийской администрации. И только после подробного обмена мнениями с министром по делам колоний Аланом Ленноксом-Бойдом была достигнута договоренность о формулировке его заявления об уходе в отставку. В конце в ней говорилось, что «применение норм права ставилось под угрозу деятельностью отрядов местной самообороны,

полномочия которых давали им возможность злоупотреблять своим положением из-за отсутствия дисциплины». В личном общении Янг был настроен более критично: он называл Кению «полицейским государством», и, оглядываясь назад, мы можем увидеть, что он был прав. В Кении было налицо вырождение независимой полицейской работы, что, в свою очередь, мешало эффективному надзору и контролю и вело к массовым должностным преступлениям и злоупотреблениям властью⁸¹.

МИ-5 и дипломатическая информация по Кеньятте

МИ-5 обеспечивала министерство по делам колоний и колониальную администрацию в Кении дипломатической информацией высокого уровня по Джомо Кеньятте, как это было и в случае Кваме Нкрумы на Золотом Берегу. Кеньятта – первый руководитель независимой Кении – был и остается, вероятно, самым неправильно понятым национальным лидером в истории Британской Африки. Он возбуждал гораздо более сильные страхи в колониальной администрации Кении и в Лондоне, чем Нкрума когда-либо. В начале восстания мау-мау в 1952 г. колониальная администрация быстро изобразила его создателем хаоса и бесспорным лидером мау-мау, и такая точка зрения распространилась среди большинства британских чиновников. Даже после его освобождения из тюрьмы в 1960 г. – он попал туда по сфабрикованному обвинению в «руководстве» мау-мау – губернатор Кении Патрик Ренисон продолжал настаивать на том, что Кеньятта возглавляет мау-мау и ведет их «во мрак и смерть». Для многих в Кении и Лондоне если мау-мау было проявлением зла, то Кеньятта был его олицетворением⁸².

Один выдающийся историк Кении Брюс Берман предположил, что, если бы британская разведка знала больше о политических убеждениях Кеньятты, «можно было бы избежать сильных подозрений и враждебности, с которыми к нему относились англичане». На самом деле это наблюдение, сделанное еще до недавнего рассекречивания документов МИ-5, во многом упускает главное. В реальности британская разведка сумела успокоить в какой-то мере страхи, которыми был окружен Кеньятта в Лондоне, особенно в отношении его коммунистических убеждений⁸³.

И хотя карьеры Нкрумы и Кеньятты закончились по-разному, два этих человека попали в поле зрения британской разведки аналогичными путями. Подобно Нкруме Кеньятта оказался на прицеле у МИ-5, когда приехал в Англию. Родившись в крестьянской семье и воспитанный шотландскими миссионерами, Кеньятта впервые приехал в Англию в 1929 г. как руководитель Центрального союза кикую (КСА),

чтобы учиться, как многие другие лидеры антиколониального движения в послевоенные годы, в Лондонской школе экономики. КСА была главной влиятельной группой, борющейся за земельную реформу в Кении, и Кеньятта был также редактором его журнала «Муигвитания», что означает на языке кикую «понимание». За его деятельностью в Лондоне наблюдал в Лондоне особый отдел, который собрал на него «большое досье». В 1930 г. в отдел пришло сообщение, что он, по-видимому, вступил в Коммунистическую партию Великобритании, и глава английских коммунистов Робин Пейдж Арно назвал его «будущим революционным вождем Кении». МИ-5 завела на Кеньятту досье три месяца спустя, получив от SIS рапорт, что он собирается ехать в Гамбург, чтобы принять участие в «негритянской конференции»⁸⁴.

Без ведома британской разведки после поездки в Германию Кеньятта тогда отправился в Москву, чтобы учиться в Университете трудящихся Востока, который он посещал под псевдонимом Джеймс Джокен. В МИ-5 узнали о пребывании Кеньятты в Москве вскоре после его возвращения в Великобританию в конце 1933 г. от информатора особого отдела, который сообщил, что Кеньятта получил «указания» стать агентом Коминтерна. Генеральный директор МИ-5 сэр Вернон Келл лично передал эту информацию в министерство по делам колоний и комиссару полиции в Найроби. На протяжении семи месяцев МИ-5 перехватывала письма Кеньятты, который теперь жил на Кембридж-стрит в Лондоне, но эта мера не принесла такого успеха, на который рассчитывали: в довоенном Лондоне доставка писем была такой быстрой, что два раза Кеньятта жаловался на почте на то, что, как ему кажется, его почту вскрывали, потому что он получал ее с задержкой, — сомнительно, чтобы в наше время возникли подозрения на таком основании. Чтобы успокоить его подозрения, МИ-5 временно прекратила перлюстрацию его корреспонденции в июле 1934 г.⁸⁵

МИ-5 продолжала собирать любую информацию о Кеньятте, который теперь учился в Лондонской школе экономики у известного антрополога Бронислава Малиновского. В 1936 г. начальник особого отдела в Кении посетил МИ-5 в Лондоне и доложил: «Кенийские власти относятся к этому человеку [Кеньятте] с немалым недоверием и считают, что это человек такого сорта, дела которого хорошо вознаградят некоторое к нему внимание». Как только разразилась

Вторая мировая война, по распоряжению кенийской администрации МИ-5 снова начала активную слежку за Кеньяттой, получив ордер на перехват его корреспонденции и прослушивание телефона. Штабным офицером, ответственным за работу с Кеньяттой во время войны, был Роджер Холлис, который в то время руководил отделом, занимавшимся «подрывной деятельностью», – отделом F.

К 1940 г. Кеньятта переехал в Западный Сассекс. Его политические связи, по-видимому, ослабевали, и МИ-5 убедилась, что всякие подозрения в связях с коммунистами можно смело отвести в сторону. В годы войны интенсивная слежка со стороны МИ-5 за Компартией Великобритании, особенно с помощью микрофонов, которые сотрудники отдела Холлиса установили в штаб-квартире партии, выявила, что отношения Кеньятты с британскими коммунистами охлаждаются. В МИ-5 настолько расслабились в отношении политической деятельности Кеньятты, что в сентябре 1943 г. позволили ему читать лекции английским военнослужащим на тему Африки. В сентябре 1944 г. генеральный директор МИ-5 сэр Дэвид Петри отправил обобщающий отчет о Кеньятте начальнику разведки и безопасности (DIS) в Найроби. Петри писал, что МИ-5 поместила Кеньятту под длительное наблюдение в начале войны, но это не принесло сколько-нибудь интересной разведывательной информации: «КЕНЬЯТТА продолжает жить в «Хайovere», община Хис, Сторрингтон, Сассекс, в доме, котором проживают несколько человек, придерживающихся экстремистских левых взглядов или сочувствующих троцкистам, но он не привлекает к себе внимания ничем и вряд ли, я полагаю, может принимать активное участие в политике»⁸⁶.

О.Дж. Мейсон, который позже станет первым офицером связи по вопросам безопасности в Восточной Африке, вторил этой точке зрения, когда сообщал в министерство по делам колоний о речи, с которой выступил Кеньятта на Всеафриканском конгрессе, проводившемся в Манчестере в 1945 г.: «За последние несколько лет Кеньятта, по-видимому, вел довольно тихую и далекую от политики жизнь, а раньше был известен как антибританский пропагандист. Считается, что одно время он был коммунистом, но теперь он вроде бы поссорился с партией»⁸⁷.

Несмотря на отчеты МИ-5, когда в 1946 г. Кеньятта возвратился в Кению после войны, его долгое проживание в Англии, и особенно поездка, которую он совершил в Советский Союз в 1932 г., стали предметом большой полемики и подозрений в Лондоне и Найроби. После объявления в Кении чрезвычайного положения в октябре 1952 г. колониальная администрация заявила, что во время его учебы в Москве его подвергли идеологической обработке, внушив ему коммунистические идеи, что он тайный шпион Москвы и что восстание мау-мау – это коммунистический заговор. Ведомство тайной пропаганды Великобритании – IRD не нужно было уговаривать изобразить Кеньятту коммунистом. Изображение Кеньятты коммунистом, а движения мау-мау – коммунистическим заговором было на самом деле мудрым шагом со стороны Лондона, чтобы получить поддержку Америки своих операций в Кении. Это была не колониальная война, как утверждали британские официальные лица в Вашингтоне, а доблестные достижения во время холодной войны, почти как в Малайе. Проблема была в том, что, в отличие от Малайи, не было существенных доказательств того, что Кеньятта или мау-мау имели какое-то отношение к коммунистическому движению.

Вскоре после объявления чрезвычайного положения 20 октября 1952 г. министерство по делам колоний поставило перед МИ-5 задачу – дать оценку коммунистических полномочий Кеньятты и участия коммунистов в восстании мау-мау. Благодаря своему упреждающему расследованию в отношении Кеньятты и его сподвижников в Англии начиная с 1930-х гг. у МИ-5 имелись объемные досье, из которых можно было почерпнуть информацию. 10 ноября 1952 г. было созвано совещание руководящих сотрудников отдела OS МИ-5 и представителей министерства по делам колоний, включая двух колониальных чиновников с большим стажем Джаксона Бартона и У.Х. Ингрэмса. После совещания Герберт Лофтус-Браун из отдела OS записал: «Я очень хочу как можно скорее задокументировать наши основные точки зрения на расовые беспорядки в Кении для Министерства по делам колоний, чтобы оно не делало представлений правительству Кении, которые идут вразрез с информацией, имеющейся в наших досье»⁸⁸.

Как это было с Нкрумой, интенсивная слежка МИ-5 за Компартией Великобритании дала ей уникальную возможность высказать свое

мнение о связях Кеньятты с коммунистами и о том, что лидеры Компартии Великобритании думают о мау-мау. 22 ноября МИ-5 отправила в министерство по делам колоний следующее письмо: «... Мы не увидели ничего, что навело бы на мысль о вторжении коммунистов в деятельность мау-мау. Руководствуясь своими собственными теориями, международное коммунистическое движение должно поддерживать любую колониальную группу, которую можно подогнать под категорию «национально-освободительное движение», но во время нынешнего чрезвычайного положения в Кении признаки вмешательства или поддержки со стороны коммунистов можно найти лишь в их пропаганде, и даже она кажется не очень хорошо информированной. Почти нет сомнений в том, что этот Кеньятта сам озабочен исключительно продвижением дела племени кикую, а интересовался он делами Советского Союза и международными коммунистическими организациями за рубежом лишь до тех пор, пока коммунисты готовы оказывать ему помощь»⁸⁹.

Успокаивающая оценка МИ-5 в отношении Кеньятты, как и оценка Нкрумы, была совершенно правильной. Документы из бывших советских архивов, ставшие доступными лишь недавно, показывают, что во время его пребывания в Москве в январе 1932 г. КГБ действительно пытался завербовать Кеньятту, но подобно многим другим лидерам антиколониальных движений, которые посещали Москву в 1930-х гг., его больше ужасало, нежели вдохновляло пребывание там. В 1951 г. отчет офицера связи МИ-5 по вопросам безопасности в Южной Родезии Боба де Кехена показал, что Кеньятта испытал разочарование от пребывания в Москве почти двадцатью годами раньше. Одному источнику в полиции Южной Африки Кеньятта рассказывал о случаях расизма, свидетелями которых он стал, находясь в Советском Союзе: он был свидетелем, как Альберта Нзулу – первого генерального секретаря Компартии Южной Африки выводили с митинга в Москве двое офицеров ОГПУ, и, очевидно, больше никто не видел его живым. Когда Кеньятта был в Москве, один из членов политбюро обвинил его в том, что он представитель «мелкой буржуазии», на что Кеньятта якобы ответил: «Мне не нравится слово «мелкий». Почему вы не скажете, что я крупный буржуй?» Он покинул Советский Союз не переубежденным, не изменившим своим взглядам и уж точно не коммунистом. Напротив, Кеньятте нравилась его жизнь в

Англии, и к тому времени, когда он покинул ее в 1946 г., он стал чем-то вроде англофила. В Лондоне он вел богемный образ жизни, пил буквально горячий нубийский джин, был статистом в фильме Александра Корды 1935 г. «Сэндерс с реки». Великобритания была тем местом, где изменилась жизнь Кеньятты; она дала ему первоклассное образование и любовь жены-англичанки. Он не мог этого забыть⁹⁰.

МИ-5 использовала информацию, полученную о Кеньятте, чтобы сформировать реакцию Великобритании на восстание мау-мау. Некоторые колониальные чиновники, особенно Джексон Бартон, использовали эту информацию, чтобы помешать попыткам своих воинствующих коллег в Министерстве по делам колоний представить Кеньятту коммунистом, а само восстание – коммунистическим заговором. Споры между Ингрэмсом, который продолжал утверждать, что Кеньятта – коммунист, и Бартоном, который опирался на информацию МИ-5, были накаленными и до сих пор представляют собой потрясающе интересное чтение. В конечном счете МИ-5 и Бартон сумели успокоить страхи в Лондоне о коммунистических взглядах Кеньятты. Им удалось, например, заблокировать попытку пропагандистов из IRD утверждать, что восстание мау-мау – это часть международного заговора, организованного Москвой, и что Кеньятта – агент Москвы. Сэр Джон Шоу, руководивший отделом OS, написал 23 декабря 1953 г. в министерство иностранных дел в недвусмысленных выражениях: «Я не видел ничего, что дало бы мне повод предположить, что восстание мау-мау каким-то образом связано с коммунистами или его следует рассматривать как кампанию коммунистов по «колониальному освобождению»... Тем африканским политикам, которые борются за национальную независимость, получив ранее некоторое представление о коммунизме, характерно то, что, когда они возвращаются на свою родину, они адаптируют то, чему они научились, к потребностям местной ситуации; сохраняя, возможно, какие-то марксистские взгляды, они ни в каком смысле не могут считаться коммунистами, так как они не придерживаются политики Партии. Они озабочены своими собственными «национально-освободительными» амбициями и не являются проводниками стратегии международного коммунизма. Следовательно, их деятельность следует рассматривать на фоне местной политической ситуации. Нет никаких указаний на то, что

Джомо Кеньятта или другие вожди мау-мау являются исключениями из этого правила»⁹¹.

Чтобы собрать как можно больше информации о политических взглядах Кеньятты, МИ-5 изучила его близкое окружение в Англии. В некоторых случаях это привело ее к совершению действий, которые с точки зрения гражданских свобод были по меньшей мере сомнительными. Одним из ближайших друзей Кеньятты в Лондоне был Питер Коинандж – сын вождя кикую, связанного с мау-мау. Как только в Кении было объявлено чрезвычайное положение, МИ-5 согласилась на просьбу колониальной администрации поместить Коинанджа под наблюдение, получив ордер министерства внутренних дел на его домашний адрес. Из перехваченной корреспонденции стало известно, что Коинандж был пылким сторонником Конгресса народов против империализма (СОРАИ) – объединения левого толка, целью которого была борьба за колониальное освобождение. МИ-5 была не склонна начинать расследование деятельности самого Конгресса, не в последнюю очередь потому, что среди его сторонников были несколько членов парламента от Лейбористской партии, в том числе Барбара Касл и Феннер Брокуэй.

Однако в конце октября 1952 г. под сильным давлением со стороны Министерства по делам колоний МИ-5 неохотно согласилась взять под наблюдение штаб-квартиру СОРАИ, хотя ясно дала понять, что, если это когда-нибудь раскроется, министерство по делам колоний будет нести за это ответственность наравне с МИ-5. Как в МИ-5 написали в министерство по делам колоний: «Это является не только защитой наших источников, о которых мы беспокоимся. Мы разделяем с вами ответственность за изучение деятельности организации, методы работы которой открыты и законны и среди приверженцев которой много членов парламента, из-за влияния, которое оказывает ее деятельность на состояние дел, представляющих интерес с точки зрения безопасности». Через несколько недель действия ордера Министерства внутренних дел МИ-5 доложила в министерство по делам колоний, что он не дал ничего, что представляло бы интерес с точки зрения безопасности, и поэтому его действие будет прекращено. Однако ясно, что в своем расследовании в отношении СОРАИ МИ-5 действовала на грани нарушения закона с точки зрения того, что позволительно разведывательной службе в свободной демократической стране. На

самом деле, судя по некоторым примечаниям в досье Коинанджа, находившемся в МИ-5, у нее были досье даже на Касл и Брокуэя – тревожный факт с точки зрения конституционности, учитывая неприкосновенность, которой обладали члены палаты общин по британской конституции⁹².

По иронии судьбы, эти сомнительные расследования позволили МИ-5 с долей уверенности сделать вывод о том, что Кеньятта не является идеологически преданным коммунистом, а свою поездку в Москву он совершил скорее из любопытства, нежели по убеждению. В то время как МИ-5 успешно утихомиривала страхи в Лондоне насчет Кеньятты, меньший успех ей сопутствовал в Найроби, где колониальная администрация продолжала слепо верить в то, что он возглавляет восстание мау-мау, что он коммунист и агент Москвы. После объявления в Кении чрезвычайного положения офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности в Найроби С.Р. Мейджор ошибочно полагал, что Кеньятта помогал организовывать некоторые инциденты мау-мау еще до октября 1953 г., после чего события стали нарастать как снежный ком – эффект, который он был бессилён предотвратить. На самом деле Кеньятта никогда не имел никакого отношения к движению мау-мау.

Однако Мейджор был прав, когда прямо сообщил МИ-5 в Лондон, что решение колониальной администрации отдать Кеньятту под суд мотивировано политической целесообразностью и необходимостью найти виновного, чтобы умиротворить европейцев, поселившихся в колонии, – Мейджор был резко против этого. Теперь мы знаем, насколько низко пала колониальная администрация, чтобы Кеньятта был признан виновным: она так отчаянно хотела установить его вину, что даже не постеснялась утверждать, что его изучение антропологии в свое время в Лондоне позволило ему заниматься колдовством и черной магией мау-мау. Свидетели короны на его суде были подкуплены и выступили с дикими сфабрикованными обвинениями. В апреле 1953 г. Кеньятта был признан виновным в «членстве и руководстве» движением мау-мау и оставался в тюрьме до 1959 г., после чего содержался в Лодваре – безводной местности на севере колонии. Когда в 1960 г. был опубликован доклад Корфилда – официальное заключение по движению мау-мау, – в нем все так же утверждалось, что Кеньятта – коммунист и руководитель восстания мау-мау. В реальности

колониальная администрация перепутала *символ* восстания с его *лидером*⁹³.

При чрезвычайном положении в Кении усилия МИ-5 были сфокусированы на обеспечении оперативной информацией вооруженных сил. Однако когда в ведении активных боевых действий наступил перелом, особенно после операции «Наковальня» в 1954 г., МИ-5 и особый отдел в Кении снабжали администрацию все нарастающим количеством дипломатической и политической информации. Губернатор Бэринг отметил в 1956 г., что офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности в Кении тесно связан с администрацией, так что информация текла в обоих направлениях между Лондоном и Найроби.

Несмотря на протесты европейских поселенцев в колонии, в 1957 г. в Кении была введена так называемая «конституция Литтелтона», которая давала большее политическое представительство местному населению, как и в Нигерии несколькими годами раньше. Это впервые привело к избранию чернокожего африканца министром в Законодательный совет Кении. Этим африканцем был Том Мбойя – талантливый, блестящий политик с оксфордским образованием с «белого нагорья». Его избрание заставило МИ-5 и особый отдел задуматься о совместном использовании информации с местными политиками, многие из которых сами были объектами разработок МИ-5 и особого отдела.

Как это было в других колониях, двигавшихся к внутреннему самоуправлению и в конечном счете независимости, таких как Индия и Золотой Берег, особый отдел в Кении уничтожил компрометирующие документы, которые у него имелись на национальных лидеров, особенно документы, имевшие отношение к информаторам и шпионам. Один британский чиновник записал в августе 1963 г., накануне обретения Кенией независимости, что проблема особого отдела в Кении состояла в том, что «на него взвалили наследие недоверия». Для его преодоления он начал делиться информацией с министрами в правительстве, ожидающими вступления в должность, – по крайней мере, внешне. Новый свет на этот процесс проливают документы департамента разведки и безопасности Министерства по делам колоний, а также личные бумаги начальника разведки в Кении Мервина Мэнби. Когда в Кении начались конституционные подвижки, МИ-5 и

особый отдел в Кении разработали систему, согласно которой «чистая» информация, то есть проверенная информация, «чрезвычайно тенденциозно освещающая угрозы безопасности и вопросы закона и порядка», передавалась министрам из числа африканцев, вроде Мбойи. Это называлось «материалы наследия». Однако эти документы раскрывают, что, несмотря на жест доброй воли, начальник разведки в Кении сохранил небольшую группу офицеров-европейцев из особого отдела, которые продолжали следить за деятельностью давних врагов колониальной администрации, даже если теперь они оказались избранными в Законодательный совет. Члены этой группы докладывали о своих находках Начальнику разведки и самому губернатору «непосредственно, но тайно» и всегда устно, никак не письменно⁹⁴.

Недавно опубликованные документы из секретного архива в Хэнслоу-Парке показывают, что колониальная администрация разделила шифровальные коды на две категории: в одну входили «надежные» коды, которые передавали независимому правительству Кении, а в другую – «ненадежные» коды, которые хранил под строжайшим секретом губернатор колонии. Как и до этого в Индии, передача власти в Кении представляла собой процесс тщательного просеивания разведывательной информации и манипуляций со стороны англичан. Архив Хэнслоу-Парка также подтверждает более подробно, чем раньше было известно, что в последние дни британского владычества в Кении колониальные чиновники получили указание отделить документы, которые должны были остаться после получения страной независимости, – это были, как указано выше, «папки наследия», содержащие «чистую» информацию, от тех документов, которые должны были быть отобраны для уничтожения или отправки в Великобританию, потому что в них была «грязная» информация – разведывательные донесения и имена агентов. В Кении, да и, по-видимому, в других колониях ненадежные «грязные» документы были известны как папки с грифом «Осторожно» и были помечены буквой W (watch), подавая тем самым сигнал читающему их человеку о том, что их не нужно показывать неевропейцам. Меры предосторожности, введенные для того, чтобы помешать наследникам этих документов когда-либо обнаружить существование папок с грифом «Осторожно», были поразительными. Чиновники «прочесали» архивные папки, хранившиеся в канцеляриях колониальных учреждений в Найроби, и

убрали из них все следы документов с грифом «Осторожно». Когда нужно было убрать одну папку с грифом «Осторожно» из группы папок «наследия», колониальные чиновники имели указание создать папку-двойник, ее модель, которую нужно было вставить на место прежней. Это была манипуляция информацией в поразительном масштабе⁹⁵.

До сих пор ведется некоторая полемика относительно точной связи между движением мау-мау и решением Великобритании передать власть в Кении. В историях, написанных национальными авторами, (вполне предсказуемо) утверждается, что восстание мау-мау было войной за «национальное освобождение», которая в конечном счете привела к независимости Кении. Напротив, другие истории доказывают, что оно, возможно, на самом деле отсрочило передачу власти в колонии. Как бы то ни было, переломный момент для британского владычества в Кении наступил в марте 1959 г. после печально известного инцидента в отдаленном лагере для заключенных мау-мау в Холе, в котором 11 заключенных были забиты насмерть тюремщиками. Заключенных в Холе заставляли «исправляться» путем принудительного труда. Жестокий лагерный режим гарантировал, что даже самые сопротивляющиеся пленники «исправятся» и забудут свои мерзкие обычаи мау-мау. Попытки администрации объяснить смерть 11 человек дизентерией и недоеданием привели к шумным нападениям на британское правительство, как обычно, со стороны критиков левого толка, таких как Касл и Брокуэй. Более удивительна была жесткая критика со стороны рядовых членов правительства из партии консерваторов, таких как Инок Пауэлл, который в июле 1959 г. выступил с острыми, но красноречивыми нападениями в палате общин на британскую политику в Кении. Вот как незабываемо выразился Пауэлл: «Мы не можем сказать: «В Африке будут африканские стандарты, в Азии – азиатские и, наверное, британские стандарты здесь, у нас». У нас нет такого выбора. Мы должны быть последовательными везде. Все правительство, все влияние одного человека на другого покоится на мнении. Что мы можем сделать в Африке, где мы все еще правим и где мы уже не правим, зависит от учитываемого мнения о том, как действует эта страна и как действуют англичане. Мы не можем, мы не смеем именно в Африке падать ниже наших собственных высочайших стандартов при принятии ответственности»⁹⁶.

После инцидента в Холе в своей знаменитой речи в стиле «ветра перемен» Гарольд Макмиллан, выступивший с ней в Кейптауне 3 февраля 1960 г., возвестил начало новой политики Великобритании в Африке. Макмиллан утверждал, что ветер африканского национально-освободительного движения дует столь сильно, что его нельзя остановить. Он сказал, что перед Великобританией и всеми правительствами западноевропейских стран стоит задача направлять грузовик национализма в Африке, избегая угрозы, исходящей от советского и китайского коммунизма. И хотя эта речь широко признана поворотным пунктом в истории конца Британской империи, часто забывается ее основная идея, связанная с холодной войной, хотя она абсолютно ясна: «Ветер перемен дует на этом континенте, и нравится нам это или нет, этот рост национального самосознания есть факт. Мы все должны признать этот факт, и наша национальная политика должна принимать это в расчет... Как мне видится, величайший вопрос второй половины двадцатого века состоит в том, качнутся обретшие свободу народы Азии и Африки к Востоку или к Западу. Будут ли они затянуты в коммунистический лагерь? Или же великие эксперименты в области самоуправления, которые в настоящее время проводятся в Азии и Африке, особенно в странах Содружества, окажутся столь успешным и убедительным примером, что маятник качнется в сторону свободы, порядка и справедливости?»⁹⁷

В то время, безусловно, казалось, что ветер перемен уносит вдаль европейские колонии в Африке, распад которых выступил в роли как бы пророческого зеркала для Великобритании на тему, как не надо выходить из империи. Насильственный развал Бельгийского Конго в 1960 г., приведший к огромному потоку беженцев, жертвы которого бежали в британские колонии в Восточной Африке, включая Кению, подчеркнул необходимость для Великобритании и других колониальных держав найти быстрый и плавный выход из Африки. Несколько лет спустя, в 1964 г., в серьезной статье, опубликованной в еженедельном журнале «Спектейтор», министр по делам колоний Иан Маклеод объяснил, что одной из главных причин, побудивших его принять решение об ускорении процесса выхода Великобритании из своих колоний в Африке, было зрелище жестокого конца бельгийского правления в Конго⁹⁸.

Первые выборы лидера национальной партии были проведены в Кении в марте 1957 г., но они привели в тупик: в них не было явного победителя, как и в ходе вторых выборов в марте 1959 г. Однако в январе 1960 г. правительство Великобритании согласилось провести в Лондоне важные переговоры на тему будущего Конго. Переговоры, состоявшиеся в то время, когда Кеньятта все еще находился в Лодваре, проходили в роскошных интерьерах Ланкастер-Хаус (правительственное здание в Лондоне, используемое для проведения официальных приемов и др. – *Пер.*), «достоинство и великолепие» которого должны были оказать «сильное и полезное» влияние на колониальные делегации. В ходе переговоров в Ланкастер-Хаус правительство Макмиллана пообещало власть африканскому большинству в Кении.

Однако между различными политическими группировками, которые, как было характерно для Кении, различались по этническому признаку, быстро возникло соперничество. Самые сильные разногласия были между умеренным Африканским демократическим союзом Кении (KADU) и более радикальным Африканским национальным союзом Кении (KANU), который был создан вскоре после этих переговоров под руководством самого крупного политического соперника Кеньятты и будущего заместителя президента независимой Кении Оджинга Одингга – политика из народа луо, а не кикую. Под подстрекательским руководством Одингга бескомпромиссная программа KANU призывала к конфискации всех поместий и имущества поселенцев, прекращению иностранных инвестиций и национализации промышленности. Ситуация осложнилась с появлением новых политических партий, таких как группа Новая Кения, возглавляемая Майклом Бланделлом, который пытался организовать политическую жизнь в Кении по национальному, а не этническому признаку в надежде на то, что это защитит около 30 тысяч европейских поселенцев.

Однако KANU был гораздо более популярной партией, и в феврале 1961 г. он завоевал убедительную победу на всеобщих выборах. Тем не менее партия, девизом которой был «Uhuru na Kenyatta» («Свобода и Кеньятта»), отказалась принимать участие в формировании правительства, пока Кеньятта не окажется на свободе. В августе 1961 г. Кеньятта был наконец освобожден из заключения и совсем не был похож на свою собственную тень и немощного старого алкоголика, как,

без сомнения, надеялся его соперник Одинга, а на самом деле казался сильнее, чем когда-либо, – то же самое будет с Нельсоном Манделой более тридцати лет спустя в Южной Африке. Кеньятта воспользовался своей свободой, чтобы перехитрить таких соперников, как Одинга, и дистанцироваться от радикальной программы KANU⁹⁹.

В конце 1962 г. Кении было даровано полное внутреннее самоуправление, а в октябре 1963 г. Кеньятта возглавил делегацию KANU на другом раунде переговоров в Ланкастер-Хаус, которые подготовили почву для полной независимости Кении. Как зафиксировано в документах, эти переговоры постоянно наталкивались на разные трудности из-за антагонистических требований KANU (здесь ключевую роль играли Том Мбойя и группа Новая Кения Майкла Бланделла. Но совершенно не принималось во внимание то, что во время обоих раундов переговоров в Ланкастер-Хаус в 1962 и 1963 гг. МИ-5 прослушивала разговоры кенийской делегации. Записи подслушанных разговоров оказались чрезвычайно полезными для британских чиновников на переговорах с различными кенийскими делегатами, а информация, которую они давали, очень ценилась министрами по делам колоний во время двух раундов переговоров Ианом Маклеодом и Дунканом Сандисом. Как бывший министр обороны, Сандис был весьма сведущ в темном искусстве шпионажа и понимал преимущества, которые мог дать сбор разведывательной информации. Он стал жадным читателем записей прослушанных МИ-5 разговоров, которые велись кенийскими делегациями во время переговоров, особенно членами KANU. На самом деле он так широко ими пользовался, что после одного случая, когда он неосторожно привел цитату из дискуссии, которую при закрытых дверях вели члены KANU, МИ-5 пришлось ограничить число записей разговоров, которые ему передавались для ознакомления¹⁰⁰.

В большинстве своем члены делегаций подозревали, что «секретная служба» прослушивает их разговоры. Когда лидер Родезии Иан Смит посетил Лондон в 1965 г., он настоял на том, чтобы его наиболее секретные разговоры с членами его делегации проходили в женских туалетах Ланкастер-Хаус, будучи убежденным, что в этом месте британская разведка не осмелится поставить микрофоны. Почти наверняка он ошибался¹⁰¹.

Использование «спецсредств» (микрофонов) в Ланкастер-Хаус впервые стало достоянием гласности благодаря предательским откровениям офицера МИ-5 Питера Райта в его книге «Охотник за шпионами», опубликованной в 1987 г., что делает еще более удивительным тот факт, что последующие историки не обнаружили их использование раньше. И хотя большая часть книги Райта заражена теориями заговора (в частности, его утверждение, что генеральный директор МИ-5 сэр Роджер Холлис был на самом деле советским шпионом), те части его книги, в которых рассказывается о технических возможностях МИ-5, более достоверны: Райт работал в техническом отделе МИ-5 и отвечал за установку микрофонов и другие тайные мероприятия и поэтому знал, о чем он говорит. Не так давно использование британской разведкой микрофонов во время переговоров, предварявших независимость стран Африки, было упомянуто в романе Джона Ле Карре «Песнь признания» (2006).

На самом деле, когда МИ-5 установила микрофоны в Ланкастер-Хаус в начале 1960-х гг., Роджер Холлис переживал на тот счет, что его служба, возможно, вышла за рамки закона. А ведь она должна была изучать угрозы национальной безопасности Великобритании, как неофициально говорилось в так называемой «Директиве Максвелла Файфа» от 1952 г., которая делала МИ-5 подотчетной министру внутренних дел. Холлис выразил свою озабоченность министру внутренних дел Р.А. Батлеру, объяснив ему, что африканские делегаты практически не представляют собой угрозы национальной безопасности Великобритании. Батлер ответил, что с учетом важности темы обсуждения – англичане надеялись, что переговоры позволят Великобритании сохранить свои «жизненные интересы» в Восточной Африке, – МИ-5 было полезно прослушивать разговоры делегаций, и он дал на это свою санкцию¹⁰².

МИ-5 и независимое правительство Кении

Один из самых удивительных рассекреченных разведывательных документов за всю историю конца Британской империи касается личного участия Кеньятты в делах МИ-5. После его освобождения из заключения в августе 1961 г. репутация Кеньятты прошла необычную трансформацию в глазах англичан. Если раньше его считали воплощением зла, то вскоре после освобождения он стал верным «старинной Джомо», «мудрецом» и «миротворцем». Кеньятта не затаил злобы на англичан, как сделали бы многие: его публичными лозунгами были – «Вместе» и «Простить и забыть». После избрания премьер-министром Кении в 1963 г. и президентом в 1964 г. его способность сотрудничать, прощать и забывать часто была удивительной. Когда Бэринг показал Кеньятте стол в Доме правительства, сидя за которым он подписал ордер на его арест, Кеньятта сказал, что он сделал бы то же самое.

«Вдохновитель мау-мау», как ошибочно называл Бэринг Кеньятту, на самом деле оказался великодушным человеком. Когда в декабре 1963 г. Кения получила полную независимость, он обратился к оставшимся европейским поселенцам и убедил их остаться. В прочувственной речи, транслировавшейся по радио, он прямо сказал поселенцам: «Многие из вас такие же кенийцы, как и я сам» – и пообещал оставить в прошлом зверства, которые имели место за годы чрезвычайного положения: «Пусть это будет день, в который все мы примем на себя обязательство стереть из памяти всю ненависть и все трудности тех лет, которые теперь принадлежат истории. Давайте договоримся, что мы никогда не будем ссылаться на прошлое». Большинство европейцев приняли во внимание его совет и продолжали заниматься в Кении сельским хозяйством годами. Даже то, как одевался Кеньятта, символизировало примирение, которое было достигнуто между Великобританией и Кенией, – его часто видели щеголяющим в галстуке Лондонской школы экономики и держащим в руке мухобойку из львиного хвоста, характерную для народа кикую. Под руководством Кеньятты Кения осталась в Содружестве после получения независимости в декабре 1963 г. и оставалась в западном лагере на протяжении всей холодной войны¹⁰³.

В отличие от многих бывших африканских колоний других европейских держав Кения оставалась под властью гражданского правительства с самого обретения независимости – несмотря на то что, как показали гражданские беспорядки, возникшие в 2008 г., этническая напряженность никуда не делась. Разведка играла решающую, но до настоящего времени не раскрытую роль в продолжавшихся дружеских отношениях между Великобританией и Кенией. Совместное использование информации между правительствами двух стран шло по тому же образцу, что и в Индии, Малайе и на Золотом Берегу до этого. Как и в этих странах, когда стало ясно, что Кеньятта будет руководителем независимой Кении, он и другие члены его кабинета министров, ожидающие вступления в должность, получили доступ к тщательно выверенным разведывательным донесениям.

Затем был сделан главный шаг, последовавший за избранием Кеньятты премьер-министром Кении в августе 1963 г.: он был официально представлен губернатором Патриком Ренисоном проживающему в Найроби офицеру связи МИ-5 по вопросам безопасности Уолтеру Беллу, который ранее служил на аналогичной должности в Дели после обретения Индией независимости. Согласно более позднему отчету, Кеньятта и Белл отлично поладили – Белл жил по соседству с дочерью Кеньятты в Найроби. Без сомнения, отчасти благодаря согласию, установившемуся между этими двумя людьми, Кеньятта попросил Белла остаться в своей должности после получения Кенией независимости. После чего Белл попал в справочник «Кто есть кто» как «советник британского представительства высокого комиссара в Найроби» и «консультант правительства Кении». Белл и последующие офицеры связи МИ-5 по вопросам безопасности в Найроби передавали в особый отдел в Кении разведывательную информацию о контактах между кенийскими политиками и Компартией Великобритании¹⁰⁴.

Но не только благодаря своим офицерам связи по вопросам безопасности МИ-5 налаживала и поддерживала тесные отношения с органами безопасности и разведки в независимой Кении. В недавно рассекреченных документах департамента разведки и безопасности Министерства по делам колоний сохранилась расшифровка разговора, который велся на чрезвычайно конфиденциальной встрече Кеньятты с самим генеральным директором МИ-5. В августе 1963 г., когда он

находился в Лондоне для ведения переговоров в Ланкастер-Хаус, Кеньятта и его консервативный генеральный прокурор Чарльз Нджоджо нанесли визит в штаб-квартиру МИ-5 в Леконфилд-Хаус на Керзон-стрит, очевидно по просьбе Кеньятты. В ходе этой встречи кенийский лидер, ожидающий вступления в должность, объяснил, что он уже знает представителя МИ-5 в Найроби Уолтера Белла, что они прекрасно ладят и что он с нетерпением ожидает, когда начнет работать в тесном контакте с ним и МИ-5 в будущем. Кеньятта попросил генерального директора МИ-5 об оказании помощи в обучении сотрудников особого отдела в Кении после получения ею независимости. Нджоджо тоже заинтересовался моделью, которую рекомендовала МИ-5 (разделение разведки и полиции). Один весьма компетентный наблюдатель по имени Ричард Кэтлинг вспоминал: «Нам повезло, что там был тогда африканский генеральный прокурор [Нджоджо], который был опытным и искушенным юристом и понимал неуместность и опасность попыток политиков вмешиваться или оказывать влияние на деятельность правоохранительных органов при выполнении своих обязанностей».

Встреча между Кеньяттой и генеральным директором в штаб-квартире МИ-5 прекрасно иллюстрирует тесные связи – зачастую на личном уровне, – которые МИ-5 удалось установить с колониальными государствами, получившими независимость от Великобритании. Однако поистине необычный поворот в этом рассказе состоит в том, что генеральным директором МИ-5, с которым встречался Кеньятта, был не кто иной, как сэр Роджер Холлис, служивший младшим штабным офицером и занимавшийся изучением Кеньятты, когда тот жил в Англии во время Второй мировой войны. Двадцать лет спустя эти двое наконец встретились лицом к лицу: Кеньятта – как руководитель Кении, ожидающий вступления в должность, а Холлис – как генеральный директор МИ-5. По вполне понятным причинам Холлис не стал сообщать Кеньятте, что раньше читал его корреспонденцию¹⁰⁵.

Вскоре после обретения Кенией независимости Кеньятта начал использовать аппарат службы безопасности и разведки, оставленный англичанами, особенно особый отдел, для наблюдения за деятельностью своих политических соперников. Главной его целью был Оджинга Одинга – бывший лидер KANU – партии Кеньятты и первый вице-президент независимой Кении. Было известно, что Одинга

придерживается крайних марксистских взглядов и имеет крепкие связи с Китаем и Советским Союзом: в июле 1962 г. особый отдел в Кении выявил, что Одингга получил около 90 тысяч фунтов стерлингов наличными, почти наверняка от стран восточного блока. Советское правительство давало стипендии студентам из Кении на учебу в странах восточного блока, и в конце переговоров в Ланкастер-Хаус в 1963 г. особый отдел в Кении установил личности 159 таких студентов, одним из которых был сын Одингги Райла, который сам впоследствии стал ведущим политиком в Кении (на момент написания этой книги он является премьер-министром страны). В апреле 1965 г. генеральный прокурор Чарльз Нджоджо сообщил высокому комиссару Великобритании Малькольму Макдональду о донесениях о том, что Одингга планирует государственный переворот, и попросил, чтобы в случае необходимости в ситуацию вмешались британские войска. Государственный переворот так и не произошел, но, когда сотрудники особого отдела проводили обыски в офисах Одингги, они нашли несколько ящиков с пулеметами и гранатами. В 1966 г. Одингга был смещен с поста вице-президента, и он вышел из партии KANU, чтобы создать свою собственную партию – Союз народа Кении (КПУ). Наряду с получением информации о своих политических соперниках Кеньятта также использовал новый разведывательный аппарат, оставленный англичанами, чтобы препятствовать вторжениям сомалийцев в Северо-Восточной провинции Кении¹⁰⁶.

Как Кеньятта и обещал в 1963 г., новое правительство Кении продолжило работать в тесном сотрудничестве с британской разведкой после обретения страной независимости. На самом деле эти узы были такими близкими, что в 1967 г. главой новой службы национальной безопасности Кении, подотчетным непосредственно самому президенту, был офицер МИ-5, а впоследствии SIS. Разведывательные связи наряду с официальными военными договорами, торговыми соглашениями и экономическими узами были теми рычагами, с помощью которых Великобритании удалось сохранить свои «жизненные интересы» в Кении во время холодной войны¹⁰⁷.

Вскоре после обретения Кенией независимости МИ-5 и SIS стало все больше беспокоить проникновение в страну не только СССР и Китая, которое было предсказуемым, но и разведывательных служб союзников Великобритании в холодной войне, особенно ЦРУ и

МОССАДа. Архивы Министерства по делам колоний свидетельствуют о все возрастающей тревоге Великобритании в отношении деятельности ЦРУ в Кении в середине 1960-х гг. Серьезная головная боль у МИ-5 появилась в 1965 г., когда на Уайтхолле серьезно урезали ее бюджет, так как на следующий год нужно было сэкономить 100 тысяч фунтов стерлингов на «тайном голосовании» (секретная парламентская процедура финансирования разведслужб). Холлис предупредил, что урезание бюджета МИ-5 будет иметь катастрофические последствия и приведет к закрытию некоторых вакансий офицеров связи по вопросам безопасности за границей. В письме секретарю кабинета министров Бурку Тренду в ноябре 1965 г. он написал, что если это произойдет, то и израильяне, и Советы вскоре начнут предлагать обучать офицеров безопасности в таких бывших британских колониях, как Кения. В результате Великобритания утратит свое влияние в странах Содружества, чего она не может себе позволить ввиду холодной войны¹⁰⁸.

В конце концов, главным образом благодаря выступлениям Холлиса на Уайтхолле, финансирование МИ-5 не было сильно сокращено. Она сумела найти 30 тысяч фунтов стерлингов, сбереженных в своем бюджете, и в результате ей пришлось закрыть вакансии офицера связи по вопросам безопасности лишь в Сьерра-Леоне и Пакистане. Одним из поразительных нюансов письма Холлиса Тренду является тот факт, что он поставил Израиль на первое место перед Советским Союзом в качестве угрозы британскому влиянию в ее бывших колониях в Африке. Он не был паникером: израильские разведслужбы действительно пытались обхаживать лидеров новых независимых стран Африки – они поддерживали полковника Иди Амина, который раньше служил в Королевском африканском стрелковом полку и воевал против движения мау-мау во время своего восхождения к власти в Уганде. Один из ближайших советников Кеньятты после обретения страной независимости – министр сельского хозяйства Брюс Маккензи, бывший летчик-истребитель из Южной Африки с усами, похожими на руль велосипеда, считался агентом SIS (что вполне могло быть). Недавние исследования показали, что он также был одним из давних и влиятельных агентов МОССАДа (кодовое имя «Герцог») во всей Африке. Как мы уже видели, это было далеко не редкостью: деятельность западных разведслужб в годы холодной войны

часто шла вразрез с политическими союзами с самыми неожиданными последствиями¹⁰⁹.

Южная Африка

Одними из самых сложных взаимоотношений британской разведки в годы холодной войны оказались отношения с правительством Южной Африки. МИ-5 поддерживала отношения с южноафриканской полицией со времен Первой мировой войны, но они становились все более натянутыми, так как память о Бурской войне не стерлась из памяти Претории. До выборов в 1948 г. правительства сторонников превосходства белой расы Дэниэла Франсуа Малана – основателя апартеида Южная Африка почти полностью полагалась на британскую разведку. После 1945 г., как и в других колониях, с началом холодной войны британская разведка напрямую участвовала в реформировании службы безопасности в Южной Африке. Но по мере того как правительство апартеида укреплялось, британским секретным службам, особенно МИ-5, приходилось противостоять его усилиям развивать свою собственную разведывательную службу. Они делали это, беспокоясь о том, что такая служба может быть использована во внутренних политических целях, которые к концу 1940-х гг. означали эксплуатацию чернокожих африканцев¹¹⁰.

В 1946 г. Алекс Келлар отправился в Южную Африку, где последовал обычному сценарию МИ-5 в отношении безопасности и разведки на британских территориях и порекомендовал, чтобы созданная служба безопасности была отделена от Управления уголовных расследований полиции. Келлар посоветовал реорганизовать особый отдел в Южной Африке, чтобы он «мог эффективно решать проблемы контрразведки, бороться с коммунизмом и обеспечивать оборонную безопасность». Правительство Южной Африки последовало этим рекомендациям до буквы, и сотрудники особого отдела южноафриканской полиции (SAP) получили от МИ-5 подготовку в области борьбы с подрывной деятельностью¹¹¹.

Реформы и рекомендации МИ-5 оказали значительное воздействие на разведывательный аппарат Южной Африки, который она применяла в последующие годы. Одна из рекомендаций, которой последовало правительство, состояла в том, чтобы начальник особого отдела также стал де-факто главным советником правительства по вопросам безопасности и разведки. Как мы можем увидеть, оглядываясь назад,

среди неудачных последствий этого было сосредоточение большой власти в руках одного человека¹¹².

В 1948 г. ситуация в Южной Африке совершенно изменилась из-за избрания «белого» расистского правительства Малана и последующего развития политики апартеида. Это создавало бесчисленные проблемы для связи британской разведки с этой страной. В тот же год генеральный директор МИ-5 сэр Перси Силлитоу – ветеран южноафриканской полиции – посетил страну, но вопреки желанию правительства Южной Африки отказался оставить в Претории офицера связи по вопросам безопасности, имея в виду, что ближайший офицер связи находился более чем за тысячу миль в Солсбери, Северная Родезия. Как он объяснил в декабре 1949 г.: «Ненадлежащее использование национальной службы безопасности вполне может включать и ее применение против парламентской оппозиции и членов британского сообщества, не симпатизирующих политической программе националистов. Она непременно будет использована для подавления чернокожего населения. При таких обстоятельствах роль, которую сыграл Генеральный директор в организации службы безопасности любого вида в Союзе (особенно если она будет отделена от полиции), может поэтому сделать его объектом критики за то, что он помогал бурским националистам в осуществлении их экстремистской политической программы, активно содействуя созданию там гестапо»¹¹³.

Через несколько лет после Второй мировой войны слово «гестапо» несло особенно веское значение.

Несмотря на нежелание МИ-5 иметь какое-либо отношение к укреплению политики апартеида в Южной Африке, она все же продолжала передавать информацию о международном коммунистическом движении полиции Южной Африки. В некоторых случаях она не имела возможности контролировать то, как использовалась такая информация SAP, которая применяла ее для преследования своих политических врагов. Так было в случае с преподобным Майклом Скоттом – противником апартеида. В начале 1950-х гг. МИ-5 передала информацию о связях Скотта с Компартией Великобритании в SAP при строгом условии, что она останется конфиденциальной. Однако SAP быстро нарушила это соглашение и использовала эту информацию для того, чтобы публично очернить

Скотта и оправдать его высылку из Южной Африки. После этого в политику МИ-5 в отношении обмена информацией с SAP были внесены поправки, которые ограничивали поток секретной информации между правительствами двух стран. Во внутриведомственном циркуляре МИ-5 говорилось: «Необходимо понимать, что, как только мы передали секретную информацию правительству Южной Африки, мы уже не можем как-то ограничить ее использование в политических целях, а также не можем ожидать, что они согласятся с нашим толкованием осмотрительности»¹¹⁴.

В июле 1956 г. недавно созданный комитет кабинета министров по противодействию подрывной деятельности на колониальных территориях отметил, что «трудно обмениваться информацией с властями Южной Африки на тему рисков безопасности, так как южноафриканское определение коммуниста зачастую трактуется необычно широко, а принятые меры – неприемлемо радикальны». Офицеры разведки Южной Африки присутствовали на конференции по вопросам безопасности стран Содружества в Лондоне в 1948 г. без особого желания из-за включения делегатов из Азии – и в следующей конференции, которая проводилась в 1952 г. Однако в 1950-х гг. секретные службы Великобритании получали все меньше возможности влиять на политизацию операций по «безопасности» в Южной Африке, катастрофическими последствиями чего была кровавая резня в Шарпевилле в марте 1960 г.

Страхи Силлитоу в отношении создания расистского гестапо в Южной Африке, к сожалению, оправдались, и в 1961 г. она в одностороннем порядке вышла из Содружества в значительной степени в ответ на жесткую критику своего расистского режима власти. В этот момент связь МИ-5 с правительством Южной Африки благополучно прервалась, хотя к 1961 г. в Претории у нее уже был ее офицер связи по вопросам безопасности. Этот факт не остался незамеченным Джомо Кеньяттой, когда в октябре 1961 г. у него состоялась конфиденциальная встреча с генеральным директором МИ-5 Роджером Холлисом в штаб-квартире МИ-5 в Лондоне, во время которой он заметил на стене кабинета Холлиса карту с красными булавками, указывающими на места нахождения офицеров связи МИ-5 по вопросам безопасности по всему миру. Видя, что Кеньятта разволновался, увидев булавку там, где находилась на карте Претория, Холлис подчеркнул, что тамошний

офицер связи по вопросам безопасности отвечает только за связь с так называемыми Территориями высокого представительства Великобритании (Басуто, Бечуана и Свазиленд), а не с самой Южной Африкой¹¹⁵.

После выхода Южной Африки из Содружества связь разведки Великобритании с правительством страны перешла к SIS. Но этот переход не произошел вдруг. Примечательно то, что МИ-5, по-видимому, продолжала предоставлять правительству Южной Африки некоторые услуги по проверке благонадежности людей до конца 1970-х гг. И хотя в настоящее время в широком доступе есть очень мало документальных свидетельств о деятельности SIS в связи с Южной Африкой, существует убеждение, что эта разведслужба поддерживала эффективный, тайный и спорный канал связи между Великобританией и правительством апартеида. Известно, что разведывательные службы Южной Африки, особенно управление внешней разведки – Бюро госбезопасности (BOSS), снабжали премьер-министра от Лейбористской партии Гарольда Уилсона параноидальными теориями заговора в середине 1970-х гг. в отношении деятельности британской разведки и ее союзников. Как явствует из официальной истории МИ-5, написанной Кристофером Эндрю, так называемый «заговор против Уилсона» был не более чем фантазией премьер-министра, который убедил себя в том, что разведывательные службы по всему миру пытаются дестабилизировать его власть.

Фантазии Уилсона достигли апогея в 1975 г., который стал известен как «год разведки», в течение которого широкой общественности стали известны заговоры ЦРУ с целью дестабилизации и убийства руководителя коммунистической Кубы Фиделя Кастро. Вера премьер-министра в то, что ЦРУ и другие спецслужбы играют с ним в «грязную игру», была одной из его главных забот в последние два месяца его пребывания в должности в 1976 г. Его паранойю усилил странный скандал вокруг лидера Либеральной партии Джереми Торпа, факты которого столь необычны, что их можно было бы счесть фантазиями, если бы они не были реальны. Речь идет о попытке убийства в 1975 г. бывшего любовника Торпа – бывшего манекенщика по имени Норман Скотт. Неопытному предполагаемому наемному убийце Эндрю Ньютону – бывшему летчику авиалиний

удалось убить только собаку Скотта – датского дога по имени Ринка; по этой причине скандал стал известен как «Ринкагейт».

В начале 1976 г., находясь под судом по обвинению в мошенничестве со страховыми пособиями, Скотт публично заявил, что его «преследовали» за сексуальные отношения с Торпом. Чтобы спасти репутацию, Торпу удалось убедить Уилсона в том, что он стал жертвой изощенного заговора, разработанного BOSS. Тот факт, что Уилсон принял отговорки Торпа, лишь доказывает его сильную заикленность на заговорах разведслужб и паранойю, учитывая то, что единственное «свидетельство» заговора исходило от южноафриканского независимого журналиста и агента BOSS Гордона Уинтера. Уинтер раньше спал со Скоттом, а узнав о его интрижке с Торпом, сделал достоянием гласности историю о предполагаемом заговоре. И хотя британские разведывательные службы, включая МИ-5, быстро выяснили, что это была «личная инициатива» Уинтера, Уилсона было не переубедить. Несмотря на то что было очевидно, что BOSS не являлось достаточно опытной службой, чтобы проводить разведывательные операции, Уилсон (и часть СМИ) настаивал на своей точке зрения до конца своего срока пребывания в должности в апреле 1976 г. и после этого. Душевное равновесие Уилсона начало ухудшаться за месяцы, предшествующие его уходу в отставку, и он даже поставил парламентский вопрос, чтобы ответить для печати: «У меня нет сомнений в том, что имело место немалое участие Южной Африки в недавних событиях, имеющих отношение к лидеру Либеральной партии». Источником информации, которая дала повод к возникновению у Уилсона теории заговора с участием BOSS, была его личный и политический секретарь леди Фолклендер, или, как он ее называл, «детектив-инспектор Фолклендер»¹¹⁶.

В противоположность параноидальным плодам воображения Уилсона несколько бывших офицеров SIS утверждали, что SIS снабжала правительство Великобритании ценными разведывательными сведениями в преддверии конца режима апартеида и обеспечивала канал обратной связи между «белым» правительством Южной Африки и Африканским национальным конгрессом (ANC) Нельсона Манделы. Говорили также, что сам Нельсон Мандела был агентом SIS, хотя человек, который сделал такое заявление, изменник и бывший офицер

SIS по имени Ричард Томлинсон, далеко не заслуживает доверия, и Мандела энергично отрицал это¹¹⁷.

Центральноафриканская федерация

Британская разведка поддерживала не менее неудобные отношения с так называемой Федерацией Центральной Африки – нелогичной конфедерацией, придуманной Великобританией, в которую входили три совершенно разных государства, расположенные к северу от реки Лимпопо, – Ньясаленд (позднее Малави), Северная Родезия – Замбия и Южная Родезия (Зимбабве). Вся эта федерация, простиравшаяся более чем на тысячу миль от устья реки Замбези до озера Танганьика, граничила с семью другими странами. Министерство по делам колоний благосклонно относилось к образованию федераций везде, где только возможно, – в Малайе, Вест-Индии и Южной Аравии, – даже если входящие в нее государства имели мало общего между собой.

Именно так обстояло дело с Центральноафриканской федерацией. Даже поверхностное изучение народов этих трех территорий выявило бы, насколько они не похожи и насколько им не годится быть слепленными вместе. Ньясаленд и Северная Родезия были британскими колониями, тогда как более сорока лет Южная Родезия была самоуправляющимся доминионом. Если отставить в сторону колониальную историю, демографическая картина трех государств была сама по себе достаточной причиной, чтобы они существовали раздельно. В Южной Родезии имелась гораздо большая доля белых поселенцев (один белый на 13 чернокожих африканцев), чем в Северной Родезии (один белый на 31 африканца), тогда как в Ньясаленде это соотношение было гораздо больше (один белый на 328 чернокожих африканцев). Попросту говоря, власть белых гораздо крепче укоренилась в Южной Родезии, где с 1945 г. существовало «белое» расистское правительство. Это вызывало сильное напряжение в отношениях с двумя другими государствами федерации. Тем не менее Лондон прикладывал усилия к тому, чтобы эта федерация существовала и функционировала, даже если она и была всего лишь символом приверженности многонациональной политике Великобритании в Африке. Однако в частном порядке некоторые британские чиновники признавали, что эта федерация – «рай земной для европейских поселенцев и глубокая могила для местного населения»¹¹⁸.

Когда началась холодная война, МИ-5 с переменным успехом помогала поддерживать безопасность в Центральноафриканской федерации. В 1953 г. она играла руководящую роль в создании Федерального бюро безопасности и разведки (FSIB), первый глава которого Морис де Кехен «Боб» до этого служил в качестве офицера связи МИ-5 по вопросам безопасности в Центральной Африке. На FSIB была возложена ответственность за всю федерацию, но находилось оно в Солсбери, Южная Родезия, и, что неудивительно, контролировалось членами южнородезийского правительства. Должность «Боба» де Кехена поставила Лондон в неловкое положение. Офицер МИ-5 руководил разведывательной службой правительства, которое было не в ладах с самой Великобританией.

Самым печально известным эпизодом, которым пришлось заниматься FSIB, было объявление чрезвычайного положения во всех трех государствах федерации в 1959 г. после того, как особый отдел в Ньясаленде обнаружил заговор с целью убийства видных британских деятелей. Власти отреагировали так же неуклюже и непродуманно, как и другие колониальные правители на аналогичный вызов. В начале марта 1959 г. губернатор Ньясаленда сэр Роберт Армитадж объявил чрезвычайное положение, которое ввело в действие драконовское законодательство; и вскоре оно было распространено на другие государства федерации.

Как и в случае с восстанием мау-мау в Кении, события в Ньясаленде подтвердили страхи тех людей на Уайтхолле и в федерации, кто видел махинации Москвы за всеми антиколониальными заговорами. Когда шестью годами раньше, в 1953 г., в федерации возникли беспорядки, тогдашний губернатор Ньясаленда сэр Джеффри Колдби попросил у МИ-5 совета в отношении «опасной антибританской организации, подверженной влиянию извне». Местный особый отдел в Ньясаленде был плохо оснащен для того, чтобы оценить характер угрозы, с которой он столкнулся. В распоряжении отдела были скудные ресурсы: хотя у него и были пишущие машинки, ему настолько не хватало финансирования, что в предыдущем 1952 г. его старшим офицерам приходилось работать на них самим. Однако начальник иностранного отдела МИ-5 сэр Джон Шоу уверил министерство по делам финансов в неправдоподобности существования «опасной антибританской организации»,

вдохновляемой из-за границы, и порекомендовал обратиться за советом к «Бобу» де Кехену – офицеру связи по вопросам безопасности в Центральной Африке. Лишенный паникерских настроений отчет де Кехена был попыткой представить состояние дел в ином свете для колониальных чиновников, которые были склонны везде видеть злонамеренное коммунистическое влияние: «У тех, кто не привык читать политические и разведывательные сводки, есть естественная склонность полагать, что ситуация с безопасностью беспросветна. Тогда как тем, кто привык к таким вещам, она кажется, вероятно, не хуже, чем обычно. Такие сообщения явно выдвигают на первый план дурное, так что люди склонны забывать, что 95 % населения вполне довольны и законопослушны»¹¹⁹.

Единственное реальное доказательство существования заговора с целью убийства содержалось в отчете особого отдела в Ньясаленде от 13 февраля 1959 г., в котором подробно рассказывалось об, очевидно, секретных встречах, произошедших месяцем раньше, на которых речь шла о дате, известной как R-день, – дне убийства ведущих британских деятелей. После того как 3 марта 1959 г. Армидадж объявил чрезвычайное положение в Ньясаленде, 29 марта правительство Великобритании опубликовало Белый документ, который был призван оправдать его введение в колонии. В настоящее время ясно, что за кулисами Уайтхолла к существованию заговора с целью убийства британских официальных лиц некоторые секретные службы Великобритании относились со скептицизмом. Глава недавно созданного департамента разведки и безопасности (ISD) в Министерстве по делам колоний Дункан Уотсон ответил на донесение из особого отдела в Ньясаленде с большой осторожностью, особенно потому, что содержащаяся в нем информация о заговоре поступила из вторых рук.

Однако в МИ-5 были менее скептичны. Один из ее советников по вопросам разведки и безопасности при Министерстве по делам колоний Дж. Р.Х. Гриббл был послан в Ньясаленд, чтобы увидеть, какие есть основания для объявления чрезвычайного положения. Гриббл и офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности в Солсбери убедились в том, что заговор с целью убийства действительно существовал, и даже после того, как эта идея была развенчана официальным расследованием правительства Великобритании беспорядков в Ньясаленде (доклад

Девлина), МИ-5 продолжала придерживаться той точки зрения, что заговор существовал. Очевидно, МИ-5 располагала магнитофонными записями речей, с которыми выступали в феврале 1959 г. двое из предполагаемых заговорщиков – Х.Б. Чипембере и И.К. Чисиза и которые не оставляли «никаких сомнений» в их намерениях. В настоящее время больше ничего об этих магнитофонных записях невозможно узнать. Несмотря на это «доказательство», в МИ-5 не верили, что главный антиколониальный деятель в Ньясаленде доктор Гастингс Банда был непосредственно вовлечен в этот заговор, хотя, как было отмечено, беспорядки подходили для осуществления его целей.

Также теперь ясно, что МИ-5 и Дункан Уотсон из ISD не хотели делать достоянием гласности информацию о заговоре с целью убийства британских деятелей. Возражения Уотсона, по-видимому, были отклонены вмешательством 10 марта министра по делам Содружества Катбертом Элпортом, который предостерег, что, для того чтобы возражать на доводы в палате общин о том, что заговор был «придуман», «жизненно важно быстро достать как можно больше доказательств «заговора». Именно в таком контексте «информация» о заговоре была опубликована в Белом документе, хотя 13 февраля отчет особого отдела в Ньясаленде, в котором излагались его подробности, не был назван. Здесь нескольких министров от Консервативной партии, особенно замминистра по делам колоний Юлиана Эмери, «возбудила» идея о заговоре с целью убийства на почве антиколониализма¹²⁰.

В отличие от Золотого Берега и Кении МИ-5 не удалось обуздать надуманные идеи о заговоре с целью убийства в Ньясаленде. 3 марта 1959 г. Банда вместе с 250 другими членами главной политической партии в колонии – Африканского конгресса Ньясаленда – был арестован, что являлось частью операции «Восход» – это название было злобной издевкой по отношению к словам Банды о «заре» свободы, занимающейся в Ньясаленде. В тот же день в ходе отдельной полицейской операции был также арестован лидер антиколониального движения в Северной Родезии Кеннет Каунда. В общей сложности администрация провела облаву и арестовала 1322 человек, подозреваемых в участии в предполагаемом заговоре. Сотрудники особого отдела в Ньясаленде забирали Банду из его дома в такой спешке, что вытолкали его на улицу в пижаме. После этого его

самолетом переправили в Южную Родезию, где, судя по имеющимся донесениям FSIB, его доверительные беседы с адвокатом в тюремной камере прослушивались – факт вопиющего нарушения прав адвоката и его клиента. Вслед за арестами колониальная администрация запретила все националистические партии в федерации.

В действительности же не было никакого заговора. Из-за слишком острой реакции и объявления чрезвычайного положения англичане, по иронии судьбы, сами создали нестабильную ситуацию – как в Малайе и Кении. Протестующие собирались в главных городах Ньясаленда, и в одном случае (в Нката-Бей) толпа попыталась взять штурмом пристань и освободить арестованных, которых перевозили на корабле. Солдаты, открыв огонь, убили 20 человек и ранили еще 25. По случайному совпадению это произошло в тот же самый день – 3 марта 1959 г., что и резня в лагере Хола за несколько тысяч миль отсюда в Кении, – роковой день для Британской империи.

Самые тяжелые случаи произвола администрации Ньясаленда во время чрезвычайного положения были раскрыты в докладе Девлина, опубликованном в июле 1959 г., который радикально противоречил предыдущему Белому документу. В докладе, составленном судьей Высокого суда в отставке господином Девлином, как известно, был сделан вывод, что Ньясаленд превратился в «полицейское государство, пусть даже и временно». В нем описывались некоторые серьезные нарушения закона в отношении арестованных, включая побои. Реакцией правительства на этот доклад был гнев. Премьер-министр Гарольд Макмиллан отметил в своем дневнике, что этот доклад был «динамитом», от взрыва которого его правительство может вылететь из своих кабинетов. Макмиллан даже рассматривал возможность подать в отставку в связи с докладом Девлина, жестоко приписав в своем дневнике, что Девлин – не более чем бывший католический ирландский горбун, сильно разочарованный в том, что его не сделали лордом главным судьей, и, «без сомнения, в его жилах течет та фенианская (фений – член тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. – *Пер.*) кровь, которая заставляет ирландцев бороться с правительством в принципе»¹²¹.

После того как в августе 1960 г. в Ньясаленде было объявлено чрезвычайное положение, но, возможно, даже и раньше МИ-5 предоставила Уайтхоллу и администрациям федерации ценную

информацию о биографиях антиколониальных лидеров, как это было в случае Нкрумы на Золотом Берегу и Кеньятты в Кении. Подобно Нкруме и Кеньятте, Банда впервые привлек к себе внимание МИ-5, когда жил в Англии. Он был практикующим терапевтом в Норт-Шилдсе неподалеку от Ньюкасла и в какой-то момент, вероятно сразу в послевоенные годы, МИ-5 завела на него досье по причине его антиколониальных политических убеждений и связей с коммунистами. После возвращения Банды, почти не говорящего на своем родном языке после более чем тридцати лет пребывания за границей – в Соединенных Штатах и Великобритании, в Ньясаленд в 1958 г. МИ-5 продолжала поставлять на него информацию, особенно о его связях с Компартией Великобритании. Тем не менее всего через несколько лет после ареста Банды в марте 1959 г. как главы несуществующего заговора с целью убийства британских деятелей МИ-5 стала видеть в нем политика умеренных взглядов, проникшегося западной культурой – он часто носил хомбургскую шляпу (мужская фетровая шляпа с узкими, немного загнутыми полями и продольной вмятиной на мягкой тулье, получила название по городу Гамбургу, где стали впервые их делать. – *Пер.*) и костюм-тройку, – с которым было безопасно работать. Однако слухи о нем продолжали циркулировать в администрации Ньясаленда: например, о том, что он хотел отравить 8 тысяч поселенцев колонии с помощью сорока тонн мышьяка.

По-видимому, МИ-5 поставляла информацию и о лидере Северной Родезии Кеннете Каунде – сыне священника шотландской церкви, который в 1976 г. будет танцевать с Маргарет Тэтчер на конференции стран Содружества в столице Замбии Лусаке. Говорили, что Африканский национальный конгресс Замбии, созданный Каундой, был похож на американскую преступную организацию «Корпорация убийств», а его цель состояла в том, чтобы развернуть кампанию гражданского неповиновения, по сравнению с которой восстание маумау в Кении выглядело бы детской забавой¹²².

После окончания чрезвычайного положения в Федерации МИ-5 удалось установить тесные связи и с Бандой, и с Каундой, когда Ньясаленд и Северная Родезия шли к самоуправлению и в конечном счете независимости. В ноябре 1962 г., всего через два с половиной года после того, как эти двое были арестованы, МИ-5 и министерство по делам колоний начали на высоком уровне обсуждение вопроса о том,

как и когда им можно будет представить местного офицера связи МИ-5 по вопросам безопасности. Начальник департамента разведки и безопасности Министерства по делам колоний Дункан Уотсон заметил, что конституциональное движение в Ньясаленде «ведет нас к тому этапу, когда о существовании офицера связи по вопросам безопасности следует поставить в известность по крайней мере премьер-министра [Банду]». Губернатор Ньясаленда сэр Глин Джонс полагал, «что он без проблем представит офицера связи по вопросам безопасности д-ру Банде». Алекс Келлар из МИ-5 объяснил процедуру, которой нужно следовать:

«Обычно офицера связи по вопросам безопасности представляют местным министрам как человека, являющегося связующим звеном в хорошо организованной и взаимовыгодной сети безопасности Содружества. Д-р Банда, безусловно, не будет против любой обычной связи со странами Содружества, но он, весьма вероятно, будет с подозрением относиться к связи такого рода с правительством федерации и Южной Родезии.

Как вам известно, у нас принято заявлять о роли службы безопасности, и в частности ее офицера связи по вопросам безопасности, когда должность главного министра впервые занимает местный политик. Мы обычно делаем это тогда, когда местных министров официально информируют об особом отделе и местном разведывательном сообществе в целом. Такой процедуре мы следовали и в случае с д-ром Ньерере [будущий премьер-министр Танганьики], и в случае с г-ном Оботе [будущий премьер-министр Уганды], и вы можете вспомнить, что в каждом случае я лично ездил к губернатору, чтобы помочь ему при этом заявлении»¹²³.

В Ньясаленде и Северной Родезии МИ-5 следовала этой процедуре, установленной Келларом в 1961 и 1962 гг., когда он встречался с лидерами Танганьики и Уганды, ожидавшими вступления в должность, – Юлиусом Ньере и Мильтоном Оботе. Во время поездок, которые он совершил в Ньясаленд в январе 1963 г. и Северную Родезию в марте 1964 г., Келлар лично заключил соглашения с Бандой и Каундой о том, что их страны поддерживают связь с МИ-5 после обретения независимости. Однако, как и предсказывали в МИ-5, и Банда, и Каунда ясно дали понять, что отказываются принимать какую-либо информацию, исходящую от офицера связи по вопросам безопасности,

работающего в расистском правительстве Южной Родезии. Вслед за поездкой заместителя генерального директора МИ-5 сэра Мартина Фернивала-Джонса в Южную Африку в феврале 1964 г. в МИ-5 согласились посадить отдельного офицера связи по вопросам безопасности в недавно обретших независимость Малави (ранее Ньясаленд) и Замбии (ранее Северная Родезия), который должен был находиться не в Солсбери, а в Лусаке и отвечать за связь с Малави и Замбией, но не Родезией (ранее Южная Родезия). Согласно отчету, отправленному в министерство по делам колоний, Каунда «приветствовал» такую договоренность. Первым офицером связи по вопросам безопасности в Лусаке был опытный офицер МИ-5 Эрик Лейтон¹²⁴.

Наряду с поддержанием разведывательных связей с Малави и Замбией МИ-5 также удавалось осуществлять некоторый контроль над заговорщицкими устремлениями воинственного родезийского политика сэра Роя Веленски – бывшего профессионального боксера, «быка, а не человека», как отметил премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан. Поговаривали, вероятно небезосновательно, что Веленски был движущей силой объявления чрезвычайного положения в Ньясаленде в марте 1959 г. Будучи премьер-министром Федерации Родезии и Ньясаленда с 1957 г., Веленски пытался изобразить свое правительство оплотом борьбы с коммунизмом в надежде на то, что Великобритания закроет глаза на его расистскую политику. Однако Макмиллан испытывал сильную личную неприязнь к Веленски и был далеко не готов закрывать на это глаза. Подозрения Макмиллана в отношении Веленски были такими сильными, что он разрешил прослушивать его номер в «Савойе», когда тот в 1963 г. был в Лондоне¹²⁵.

Одним из частых и надоевших нелепых утверждений Веленского было: коммунизм – раковая опухоль, растущая по всему Африканскому континенту, а он и его правительство – лекарство от нее. Однако, как указала МИ-5, в реальности все было совершенно иначе. Генеральный директор МИ-5 сэр Роджер Холлис лично бросил вызов насаждению Веленски паникерских настроений, когда они встретились в сентябре 1962 г. Согласно отчету Холлиса об этой встрече, он без обвиняков сказал Веленски то, что он уже докладывал в Объединенный центр разведслужб: коммунизм – не такая уж и большая угроза в Африке, как

первоначально казалась. Он сказал, что, хотя усилия Советов, скорее всего, будут нарастать по мере получения опыта работы на этом континенте, они в настоящий момент являются «новичками в Африке, и им многому предстоит научиться». Он признал, что поток африканских студентов в Университет Патриса Лумумбы в Москве и другие институты стран восточного блока растет, но предположил, что этих студентов гораздо меньше и они менее способные, чем те студенты, которые едут учиться в университеты Великобритании и Америки. Однако самой поразительной в отчете Холлиса о своей встрече с Веленски была та ее часть, которая затрагивала тему поездок африканских министров в страны восточного блока: «Сэр Рой спросил меня, не считаю ли я важным то, что так много министров стран, недавно получивших независимость, приезжают в Советский Союз с визитами. Я ответил, что это естественно: Советский Союз продемонстрировал фантастическое развитие от отсталой России в 1917 г. до настоящего времени, и, очевидно, африканские страны хотят развиваться очень быстро. Они хотели увидеть, как это было сделано. Более того, в колониальные времена Россия и коммунизм были запретным плодом, так что неудивительно, что после получения независимости они хотят на него взглянуть. Я сказал, что, на мой взгляд, ряд министров, которые ездили в Россию, прекрасно понимали, что в коммунизме таятся опасности, и были в этом отношении настороже, так как об этом говорилось на брифинге, который мы для них проводили, и об этом их годами предупреждали их собственные службы безопасности»¹²⁶.

МИ-5 не сохранила должность офицера связи по вопросам безопасности в Солсбери после роспуска Центральноафриканской федерации в конце 1963 г. во многом благодаря победе на выборах белого представителя Родезийского фронта в Южной Родезии (позднее переименованной в Родезию), которая окончательно решила судьбу федерации. Вместо этого офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности был переведен в Преторию, где он отвечал за связь и обмен информацией с британскими территориями – Басутолендом, Бечуаналендом и Свазилендом. Тем временем FSIB, создавать который помогала МИ-5, был заменен на Центральную разведывательную организацию Родезии (СЮ), созданную в 1963 г. Ее первый руководитель Кен Флауэр попытался поддерживать связи с МИ-5, но,

как он заметил в своих воспоминаниях, отношения СЮ с британской разведкой никогда не были близкими. После того как расистское родезийское правительство Яна Смита в одностороннем порядке провозгласило независимость от Великобритании в ноябре 1965 г., Родезия, как и Южная Африка, выпала из Содружества, после чего SIS, которая, как известно, имела своего сотрудника в Солсбери начиная, по крайней мере, с 1960 г., взяла на себя ответственность за разведывательные отношения между Великобританией и правительством Родезии. Некоторые хорошо осведомленные люди отмечали, что SIS поддерживала неофициальные связи с экстремистским правительством Яна Смита на протяжении жестокой партизанской войны, которая велась в Родезии в 1970-х гг.

Кен Флауэр, который остался, чтобы работать со Смитом после провозглашения Родезией независимости, безуспешно пытался наладить официальную связь между СЮ, МИ-5 и SIS. И хотя почти ничего широко не известно о тайных каналах связи, которые она имела с правительством Родезии, ясно, что одной из величайших неудач SIS в постколониальной Африке была ее неспособность признать, что реальные дестабилизирующие угрозы в Родезии исходили не от национально-освободительных устремлений чернокожих, а от экстремизма белых – «неудачи Сербитона» (Сербитон – район Лондона, входящий в состав боро Кингстон-апон-Темз и расположенный на правом берегу реки Темзы. – *Пер.*), как Макмиллан назвал Смита и его последователей. Кажется вероятным, что, как это было на предыдущих аналогичных переговорах, МИ-5 подслушивала разговоры членов родезийской делегации на переговорах о независимости страны, которые проходили в Лондоне в Ланкастер-Хаус в 1979–1980 гг. Во многих отношениях именно эти переговоры заставили SIS и правительство Великобритании прийти к губительному выводу, что высокообразованный и зверски умный Роберт Мугабе – лучший выбор для Зимбабве, которой стала Родезия после обретения независимости в 1980 г.¹²⁷

Таким образом, британская разведка влияла на то, как заходило солнце колониальной Британской империи в Африке, разными способами, получая и успешные результаты, и неудачи. МИ-5 снабжала правительство Великобритании чрезвычайно секретной дипломатической информацией о ряде африканских национальных

лидеров до и после обретения колониями независимости. Ее оценки успокаивали страхи Уайтхолла в отношении коммунистических взглядов некоторых лидеров антиколониального движения, таких как Нкрума и Кеньятта. МИ-5 также помогала реформировать работу местных разведывательных служб, когда начались антиколониальные восстания и было введено чрезвычайное положение, как в Кении и Ньясаленде. Однако реформы разведки были проведены в Кении слишком поздно, уже после начала восстания мау-мау, в результате чего британские чиновники в Лондоне и Найроби получали мало достоверной информации, с которой можно было работать. Это объясняет то замешательство, которое испытали англичане, а затем их слишком острую реакцию и потрясающую степень насилия, которое они развязали в колонии. Эта история повторялась неоднократно, когда Великобритания сталкивалась с антиколониальными восстаниями на Кипре и в Адене. Именно на Ближнем Востоке британская разведка испытала самые большие трудности по мере ослабления британского влияния в этом регионе, но в то же время Лондон пытался здесь цепляться за то, что он называл своими «жизненными интересами».

Глава 7

Британская разведка, тайные операции и подавление повстанческого движения на Ближнем Востоке

Полагаю, что нам следует задать вопрос, имели ли место провал нашей разведки в Египте – что-то явно пошло не так.

*Департамент разведки и безопасности
Министерства по делам колоний (1 августа
1956 г.)¹*

Меня тревожит юридическая основа действий, предпринятых правительством ее величества в отношении Египта, и я обеспокоен последствиями для правительства ее величества, если станет известно, что консультанты правительства по юридическим вопросам не могут аргументировать основные юридические утверждения, выдвинутые на настоящий момент... Будет неправильным говорить, что мы уполномочены Хартией [ООН] принимать любые меры, доступные нам, с целью «остановить войну». Неверным будет также говорить, что по международному закону, не говоря уже о Хартии, мы имеем право принимать любые доступные нам меры с целью «защитить наши интересы, которым угрожают военные действия». Государства могут вмешиваться, чтобы защитить своих граждан, пока сила соразмерна. Совершенно другое дело, когда вооруженная интервенция оправдывается необходимостью обеспечить некое право или интерес.

Генеральный атторней Реджинальд Маннингэм-Буллер министру иностранных дел Великобритании Селвину Ллойдю (1 ноября 1956 г.)²

В послевоенные годы Великобритания сохранила официальный контроль и неофициальное влияние на ряд территорий на Ближнем Востоке от Гибралтара на западной оконечности Средиземного моря до Адена на южной оконечности Аравийского полуострова, который контролировал стратегически важный вход в Аравийское море. С началом холодной войны, когда явный контроль Великобритании над колониями в этом регионе ослаб благодаря антиколониальным движениям, роль, которую играла британская разведка, становилась все более важной для Лондона. Чтобы попытаться сохранить влияние Великобритании в этом регионе, начальники ее разведывательных служб применяли кучу грязных трюков, некоторые последствия которых можно увидеть и по сей день.

Смена режима: Иран

Наряду с такими бывшими колониями, как Золотой Берег и Кения, в послевоенные годы Британия также оказывала неофициальное влияние и на другие территории. Двумя из них были Иран и Египет, где в 1950-х гг. британское правительство попыталось с переменным успехом свергнуть режимы, враждебные ей, и привести к власти более сговорчивые правительства. Оно пыталось сделать это с помощью того, что на Уайтхолле было известно как «специальная политическая операция» (SPA) – эвфемизм для «тайной операции», как ее принято называть в Вашингтоне и других местах.

Великобритания оккупировала Иран во время Второй мировой войны и продолжала сохранять там свое сильное влияние и после ее окончания, особенно через нефтяную промышленность. Огромная англо-иранская нефтяная компания (АИОС) контролировала производство нефти в этом регионе и могла похвастаться одним из самых крупных нефтеперегонных заводов в мире, расположенным в Абадане. Половина АИОС находилась в собственности британского правительства, она была жизненно важна для падающего платежного баланса Великобритании и поддержания фунта стерлинга как мировой валюты в послевоенные годы: только в 1951 г. прибыль компании составила сто миллионов фунтов стерлингов. Поэтому для Великобритании было потенциальной катастрофой, когда в мае 1951 г. новый премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык объявил о национализации АИОС. Мосаддык – состоятельный землевладелец – пришел к власти после удачно случившегося двумя месяцами ранее убийства своего соперника и предшественника на посту премьер-министра – генерала Али Размары, который был против национализации компании. Как это было с приносившей прибыль каучуковой промышленностью в Малайе, Великобритания была полна решимости сохранить контроль над АИОС и огромными доходами, текущими по ее трубопроводам в сундуки Уайтхолла³.

Иран был конституционной монархией, и власть в нем разделяли шах (король) и премьер-министр. Шах назначал премьер-министров, но не имел права освобождать их от обязанностей. И хотя его полномочия были ограничены, шах был сильной фигурой и, как понял новый

руководитель бюро SIS в Иране Кристофер Вудхаус «Монти», должен был стать ключом к любой попытке смены режима. Вскоре после своего приезда в Иран в 1951 г. Вудхаус начал плести заговор с целью свержения Мосаддыка и возвращения шаха к прямому управлению страной. Вудхаус понял: для того чтобы добиться успеха, в любом заговоре с целью свержения Мосаддыка придется задействовать Вашингтон, так как, хотя ЦРУ было создано всего лишь в 1947 г., даже к 1951 г. имевшиеся в его распоряжении ресурсы по сравнению с ресурсами британских секретных служб были огромными. Проблема состояла в том, что было трудно, если вообще возможно, привлечь правительство США к участию в заговоре с целью свержения Мосаддыка, если бы в нем увидели старые добрые британские империалистические устремления. Тот факт, что в 1951 г. АИОС платила больше налогов в Лондоне, чем в Тегеране, безусловно, пахивал старым добрым колониальным предприятием. Поэтому Вудхаус решил, что при обсуждении «специальной политической операции» в Иране с Вашингтоном перспективным путем будет сделать упор на мандат холодной войны в этом заговоре. И хотя на самом деле Великобритания рассматривала иранскую проблему сугубо как кризис фунта стерлинга и имперский вопрос, в дискуссиях SIS с ЦРУ Вудхаус и его коллеги в Лондоне подчеркивали растущую коммунистическую угрозу в этой стране⁴.

Существовало множество доказательств того, что в 1951 г. коммунизм в Иране был на подъеме. Партия Тудех расширяла свой охват и выступала за то, чтобы портреты Мосаддыка и шаха были сняты с общественных зданий, что вызывало беспокойство. Настоящей угрозой, которую представляла партия Тудех (в SIS это поняли во время обсуждений с ЦРУ), было то, что Мосаддык, шах и конституция Ирана могут быть низложены, на их месте могут оказаться коммунисты, а Иран может стать сателлитом Советского Союза. Это подтвердил собственный доклад ЦРУ о сложившейся ситуации, и аргументы SIS прекрасно сработали в Вашингтоне: госсекретарь США Дин Ачесон сказал, что Иран – «плохое место», и в апреле 1953 г. директор ЦРУ Аллен Даллес добился того, что в распоряжении американских шпионов оказался один миллион долларов, который следовало использовать «любыми способами, которые приведут к падению Мосаддыка».

Тем не менее президент Трумэн все еще не был убежден в необходимости проведения тайной операции в Иране. Поворотный момент наступил в январе 1953 г., когда президентом стал Дуайт Эйзенхауэр («Айк») в результате выборов в ноябре 1953 г. Как бывший Верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе во время войны, Эйзенхауэр был убежден в ценности разведки и специальных операций. В июле 1953 г. он дал «зеленую улицу» операции, которая у англичан получила кодовое название «Дать пинка», а у американцев «операция «Аякс», – свержению Мосаддыка и воцарению шаха на Павлиньем троне⁵.

Планирование операции «Дать пинка» по-настоящему началось в конце 1952 г. на ряде встреч ведущих офицеров SIS и ЦРУ, работавших по Ближнему Востоку. Офицер связи SIS в Вашингтоне Роберт Брюс Локкарт встретился со своими коллегами в ЦРУ, в частности с руководителем операции Френком Уиснером, но главный план операции был разработан на Кипре. В начале 1953 г. человек SIS в Иране Вудхаус отправился на этот остров, где встретился с руководителем бюро SIS Джоном Коллинзом и другим офицером SIS, работавшим там, Норманом Дарбиширом (бывший сотрудник МИ-5), а также с инспектором по Ближнему Востоку Джорджем Кеннетом Янгом (взгляды которого на Ближний Восток и арабов можно назвать расистскими, что позднее стало препятствием для его службы). К ним присоединились руководящий сотрудник ЦРУ, специализировавшийся по Ближнему Востоку, Дональд Уилбур – автор рассекреченной ныне истории ЦРУ, в которой описан государственный переворот в Иране, и начальник отдела Ближнего Востока и Африки в ЦРУ с замечательным именем Кермит Рузвельт – внук бывшего президента США Теодора Рузвельта. Заговорщики также получили информацию от генерала Нормана Шварцкопфа – отца будущего командующего операцией «Буря в пустыне», который во время войны контролировал иранскую полицию, а в 1952 г. был назначен офицером связи американской армии в Тегеран. Согласно истории ЦРУ, цель государственного переворота в Иране была простой – «привести к власти правительство, которое предложит справедливое урегулирование нефтяного вопроса». Заговор, проще говоря, должен был организовать массовую поддержку шаха в Иране посредством уличных демонстраций и других протестов

общественности, а затем низложить Мосаддыка и дать власть шаху, при котором будет покладистый премьер-министр⁶.

Весной 1953 г. SIS поддерживала связь со своими главными активами в Иране посредством радиосвязи три раза в неделю – хотя ЦРУ было вынуждено признать, что поставляло иранским военным радиопеленгационное оборудование, радиосообщения, вероятно, отслеживались. Реальная связь с шахом Мохаммедом Резой Пехлеви – робким и недоверчивым человеком, который не верил, что англичане и американцы будут на самом деле его поддерживать, осуществлялась через его сестру-близнеца – принцессу Ашраф (кодовое имя «Бойскаут»). Чтобы помочь с материально-техническим обеспечением подрывной деятельности на месте, SIS привлекла к операции одного из ведущих мировых экспертов по Ирану Роберта Захнера – оксфордского ученого, который во время войны работал на SIS в Иране. И хотя изначально Захнер с сомнением отнесся к заговору, он прилетел в Тегеран и приступил к работе. Главными агентами SIS в Тегеране, выращенными там Захнером, были двое братьев, верных роялистов, которые вместе с Захнером противостояли влиянию Германии в Иране во время войны. SIS и ЦРУ решили, что братья станут главным звеном связи в Иране и будут отвечать за распределение финансовых средств с целью вербовки наемных толп для проведения уличных демонстраций против коммунистов⁷.

Заговор с целью устранения Мосаддыка из власти перешел от этапа планирования к практическому этапу в июле 1953 г., когда после официального разрешения президента Эйзенхауэра Кермит Рузвельт совершил грандиозный бросок через пустыню из Дамаска в Сирии в Тегеран, привезя с собой сто тысяч долларов мелкими купюрами в иранской валюте. Деньги ЦРУ пошли на финансирование ряда тайных операций, включая подрывы бомб в столице, вина за которые была возложена на прокоммунистическую партию Тудех, а также на публикацию в местных газетах карикатур на Мосаддыка. Чтобы убедить шаха в том, что Эйзенхауэр и Черчилль его поддерживают и имеют серьезные намерения, ему предложили слушать персидский канал Би-би-си, по которому прозвучат определенные фразы⁸.

Однако заговор SIS и ЦРУ не получил хорошего начала. К досаде заговорщиков, партия Тудех на самом деле выступила в поддержку шаха, который в августе был вынужден в поисках безопасного места

бежать в Багдад, а затем в Рим. Но течение событий вскоре изменилось. На улицах Тегерана нарастало насилие: прокоммунистические банды дрались с группировками, выступавшими за шаха. Демонстрации, устраиваемые на деньги англичан и американцев, вышли из-под контроля (были убиты свыше трехсот человек), но они послужили ближайшей цели: 22 августа 1953 г. шах с триумфом возвратился из изгнания в Риме. Используя «народные» разногласия и результаты (несомненно, сфальсифицированные) референдума в качестве предлога, шах отправил в отставку Мосаддыка и на его место назначил Фазлаллу Захеда – отставного генерала иранской армии и бывшего министра внутренних дел при Мосаддыке, когда тот был премьер-министром. Мосаддык был помещен под домашний арест в Ахмадабаде, где он и прожил до конца своих дней. ЦРУ немедленно добавило шаху пять миллионов долларов на укрепление его власти. Шах сказал Кермиту Рузвельту: «Своим тронem я обязан Богу, народу, армии и вам!»⁹

Рузвельт покинул Иран в конце августа и прибыл как герой в штаб-квартиру SIS в Лондоне. Как дает понять рассекреченная ныне история ЦРУ, SIS была благодарна Рузвельту не только за его участие в организации государственного переворота, но и за то, что заговор укрепил отношения SIS с ЦРУ и Уайтхоллом. В конце концов, это был период, когда репутация SIS по обеим сторонам Атлантики находилась на небывало низком уровне после разоблачения Кима Филби и других кембриджских шпионов. История ЦРУ о государственном перевороте в Иране гласит, что, когда Рузвельт посетил штаб-квартиру SIS, многих из старых офицеров колониальной полиции, которые раньше состояли в ее штате, там уже не было, хотя это, возможно, была намеренная попытка со стороны SIS (эту службу часто называли клубом «старичков») казаться более современной, чем она была на самом деле.

Рузвельт был удостоен личной встречи с хворающим Черчиллем, который провел ее в своей типично эксцентричной манере – находясь в постели. Черчилль сказал Рузвельту, что если бы он был моложе, то с удовольствием составил бы ему компанию при выполнении этого задания. И хотя Черчилль не знал, что означает аббревиатура ЦРУ, он полагал, что она имеет какое-то отношение к своему предшественнику – Управлению стратегических служб США (УСС) военного времени, которым руководил легендарный человек в истории разведки США

«Дикий Билл» Стивенсон. Не нужно большой фантазии, чтобы понять, что эта встреча между скрюченным в постели Черчиллем, который льстиво разговаривал с находчивым молодым американцем, олицетворяла траекторию отношений этих двух стран в послевоенном мире. Наверное, больше, чем любой другой эпизод, государственный переворот в Иране продемонстрировал, насколько разведывательные ресурсы Великобритании меркнут по сравнению с таковыми Соединенных Штатов. В конце войны в 1945 г. секретные службы Великобритании были безоговорочными лидерами в разведывательном мире, а многие сотрудники американской разведки относились к своим британским коллегам с чем-то вроде благоговения. Однако всего восемь лет спустя ученики стали учителями: как гласит история ЦРУ, SIS была готова выступать в роли «младшего партнера» в этом заговоре и смотрела на ЦРУ с «некоторой завистью»¹⁰.

Для заговорщиков свержение Мосаддыка казалось в то время безусловным успехом: они достигли своей цели, не допустив к власти в Иране коммунистов. Оглядываясь назад почти шестьдесят лет спустя, можно увидеть, что на самом деле это была катастрофа. Как сказал шах сотруднику SIS Джорджу Кеннету Янгу, когда они впервые встретились в 1955 г., он попробовал демократию, «но закончил бегством в Рим с несколькими тысячами лир, когда в Тегеране была провозглашена республика», и с тех пор он решил, что будет «править сам». Шах был верен своему слову. Он все более нетерпимо относился к инакомыслию и использовал свою новую службу безопасности (SAVAC) для искоренения оппозиции – говорят, первый начальник SAVAC использовал во время допросов своих жертв дикого медведя. Диктаторское правление шаха в конечном счете привело к его свержению во время исламской революции в 1979 г.

Печальная реальность была такова, что Мосаддык никогда не был коммунистом, да и каких-либо существенных связей между ним и партией Тудех тоже не было. За всеми махинациями с целью осуществления в 1953 г. государственного переворота стоял не столько страх перед приходом коммунистов к власти, сколько желание овладеть запасами иранской нефти. Но даже в этом британское правительство не преуспело так, как изначально рассчитывало. После возвращения шаха из ссылки Великобритания получила лишь 40 % той доли нефти, которой до этого владела через АЮС, а остальное забирали

американские нефтяные компании. АИОС была распущена и трансформирована в новую компанию «Бритиш петролеум» (БП). По сей день БП, которая родилась благодаря подрывной деятельности SIS в Иране, продолжает поддерживать тесные связи с SIS, и ее часто используют в качестве прикрытия для офицеров SIS, работающих за рубежом. Связь между Ираном, нефтью и англо-американской разведкой уходит еще глубже. Кермит Рузвельт продолжал работать на ЦРУ до 1958 г., когда получил работу в «Галф ойл» и шесть лет был в ней членом правления директоров по связям с правительством¹¹.

Теперь мы можем рассматривать государственный переворот в Иране как первый пример того, с чем правительства Великобритании и США будут постоянно сталкиваться в последующие десятилетия при проведении спецопераций в различных уголках развивающегося мира, – результат, противоположный ожидаемому. То есть их планы часто приносили кратковременные успехи, но в долгосрочной перспективе они неизменно имели – и имеют – губительные, приводящие к обратным результатам последствия. Даже более губительной, чем усилия Великобритании провести тайную операцию вместе с США, была ее попытка сделать это самостоятельно, без поддержки Вашингтона, во время Суэцкого кризиса в 1956 г.

Провал разведки: Суэцкий кризис

В то самое время, когда Великобритания готовилась к передаче власти в своих колониях в Западной Африке и следила за явным успехом государственного переворота в Иране в 1953 г., новое правительство консерваторов Энтони Идена, который сменил прикованного к постели Черчилля в апреле 1955 г., начало одну из самых катастрофических интервенций, которые предпринимало британское правительство за весь XX в., – вторжение в Суэц в октябре 1956 г. Суэцкий кризис был одним из худших решений внешней политики Великобритании нашего времени; его затмило, наверное, лишь Мюнхенское соглашение 1938 г. Фактически это решение поразительно похоже на использование правительством Блэра и явное злоупотребление разведкой перед вторжением в Ирак в 2003 г. Теперь понятно, что, как и недавнее вторжение в Ирак, Суэцкий кризис был катастрофическим провалом разведки. Небольшой круг избранных в британском правительстве, сплотившихся вокруг премьер-министра, искажил до неузнаваемости полученное задание, подчиняясь навязчивой идее – свергнуть нежелательного ближневосточного диктатора. Подобно тем двум печально известным событиям, «Суэц» по праву стал символом разногласий и провала. Последствия этого фиаско распространились широко и глубоко: оно вызвало самый серьезный разлад между Великобританией и Соединенными Штатами в послевоенные годы, а также болезненно продемонстрировало, насколько Великобритания больше не являлась великой имперской державой. Суэцкий кризис разрушил имперскую хватку Великобритании и культурное влияние Франции на Ближнем Востоке и в то же время привел к массовому выводу английских войск из Египта с последствиями для самоуправления на британских территориях – Кипре и Мальте. Суэц также сделал Великобританию врагом номер один в ООН. В 1960 г. ООН приняла основополагающую резолюцию номер 1514 (XV), которая требовала «скорейшего и безусловного конца колониализма». Несмотря на лучшее впечатление, которое мандарины из Министерства по делам колоний на Уайтхолле могли создать, резолюция 1514 (XV) сделала колониальную империю Великобритании отвратительным анахронизмом в современном мире¹².

Энтони Иден, как отметил историк и политический обозреватель Питер Хеннеси, был одной из самых трагических фигур на посту премьер-министра в послевоенной Великобритании. За элегантным внешним видом Идена скрывался слабый параноик, болезненный и тщеславный человек, который всегда хотел все сделать по-своему. На протяжении всего Суэцкого кризиса он страдал от сильных болей после неудачно сделанной операции на желчном протоке, которые ему снимали коктейлем из сильных лекарств, включая мощные стимуляторы и депрессанты – амфетамин и петидин. Это важно, потому что это может объяснить некоторые из его странных решений в отношении разведки, которые Иден принимал во время кризиса. Когда кризис достиг своего пика, некоторые из его близких советников в кабинете министров рассказывали своим женам, что Иден «спятил» или «помешался». Он председательствовал на одном из заседаний кабинета министров в разгар конфликта с температурой 40,5 °С. Образ мыслей Идена на протяжении кризиса тоже, по-видимому, был окрашен болезненными воспоминаниями о попустительстве со стороны правительства Великобритании фашизму в Европе до 1939 г. Для Идена президент Египта – полковник Гамаль Абдель Насер был современным Гитлером или Муссолини (пусть и в феске), и необходимо было показать ему жесткость, которой не было в обращении Великобритании с фашистскими руководителями в 1930-х гг. Повторюсь, что этот образ мыслей, вероятно, объясняет некоторые причудливые решения, которые Иден принимал во время кризиса.

Заклятый враг Идена Насер, сын почтового чиновника, пришел к власти в ходе военного путча в 1952 г. и стал премьер-министром Египта в 1954 г., а президентом – в 1956-м. Насер – первый этнический египтянин, который правил страной более чем за две тысячи лет, – был номинальным главой чрезвычайно националистической политической платформы в Египте – самой крупной стране на Ближнем Востоке. Одной из его величайших целей, предназначенных продемонстрировать как его собственную доблесть, так и доблесть Египта как государства, было строительство плотины на реке Нил в Асуане. Однако чтобы сделать это, ему были отчаянно нужны деньги. Очевидным источником денег был Суэцкий канал, который находился под контролем Великобритании со времени оккупации Египта ее войсками в 1882 г.¹³

И хотя Египет официально обрел независимость от Великобритании по договору от 1935 г., правительство Великобритании сохранило контроль над зоной Суэцкого канала, владея 44 % акций Компании Суэцкого канала. Но в послевоенные годы договор Великобритании с Египтом по поводу канала испытывал напряжение, вызванное острой «шпилькой» – стремлением египтян к национальной независимости под руководством радикальной партии «Братья-мусульмане», главной целью которой было заставить англичан уйти из Египта. Что еще больше ухудшало положение дел для Великобритании, договор от 1935 г. истек в 1956 г.

Лондон отчаянно стремился сохранить контроль над каналом, стратегическую важность которого для безопасности стран Содружества в 1950-х гг. трудно переоценить. В то же время зона канала площадью 750 квадратных миль, отнятых у пустыни между Суэцем и Нилом, была местом расположения крупного военно-индустриального комплекса Великобритании и местом размещения свыше 80 тысяч британских военнослужащих. Здесь были порты, доки для гидросамолетов, десять аэродромов, железнодорожная сеть и сеть автомобильных дорог. Канал играл жизненно важную роль в системе безопасности Британской империи и обороны Содружества: это был геополитический центр власти на Ближнем Востоке, ворота между Ближним и Дальним Востоком, щит от советского вторжения и гарантия снабжения Великобритании нефтью, большая часть которой шла через канал. К 1956 г. треть всех кораблей, пользовавшихся каналом, были английскими.

В 1954 г. между Насером и британским правительством было достигнуто соглашение, что английские войска будут постепенно выводиться из зоны канала в течение семи лет, но Великобритания сохранит важнейшие права доступа к нему. Однако это соглашение рухнуло 26 июля 1956 г., когда Насер, ставший к этому времени президентом Египта, использовал решение правительства США остановить финансирование вынашиваемого им проекта по строительству Асуанской плотины как предлог, чтобы сделать то, что он почти наверняка собирался сделать уже давно: он объявил о национализации – точнее, о деинтернационализации – Суэцкого канала.

Это известие вызвало в Лондоне ужас. Иденом овладела навязчивая идея свергнуть Насера, и он поставил перед SIS задачу –

спровоцировать государственный переворот с целью низложения или даже его убийства. Для нового начальника SIS сэра Дика Уайта, бывшего генерального директора МИ-5, этот кризис был крещением огнем. Министр иностранных дел Великобритании сэр Энтони Наттинг рассказал в интервью в 1985 г., что после национализации канала Иден ему позвонил по незащищенной телефонной линии и недвусмысленно сказал, что хочет, чтобы Насера «уничтожили» или «убили». После успеха спецоперации в Иране некоторые офицеры SIS, возглавляемые заместителем начальника SIS и инспектором (куратором) по Ближнему Востоку Джорджем Кеннетом Янгом, очевидно, разрабатывали изощренные способы осуществления этого. Отдел SIS, отвечавший за создание всяких приспособлений на местности, – отдел Q-операций – под руководством майора Фрэнсиса Куинна (отсюда «Куинн-операции») предпринял попытку внести яд в популярные среди египтян шоколадные конфеты, которыми, как надеялись, должны были угостить Насера, но это оказалось слишком сложной задачей. Изменник Питер Райт из МИ-5 вспоминал, что два офицера из «технических служб» SIS спрашивали его о способах устранения президента Египта. По совету Райта все они отправились в Портон-Даун, где находилось военно-исследовательское учреждение по производству химического и биологического оружия правительства Великобритании. Там они задумали план: пустить в вентиляционную систему штаб-квартиры Насера в Каире нервно-паралитический газ. Однако этот план был отложен, когда стало ясно, что в процессе его осуществления погибнет слишком много невинных людей. Отказываясь принять поражение, команда заговорщиков принялась разрабатывать другие способы убийства; в некоторых из них было задействовано оружие, которое прямо-таки сошло со страниц романа о Джеймсе Бонде. Одной из идей был выстрел дротика с ядовитым наконечником, выпущенный из пачки сигарет, изготовленной на военной исследовательской базе в Портон-Дауне. Знала об этом команда из SIS или нет, но такие виды «игрушек» были подобны тем, использования которых нацистскими разведывательными службами боялись в конце войны, а также тем приспособлениям, которые были найдены у убийцы из КГБ Николая Хохлова несколькими годами раньше. Они также были похожи на взрывающуюся сигару, которую создали в ЦРУ в 1960-х гг. в ходе заговора с целью убийства кубинского лидера Фиделя Кастро.

Возможно, что рассказ Райта был приукрашен, но все же не выходит за рамки правдоподобия то, что в каких-то уголках британского разведывательного сообщества офицеры разрабатывали такие способы убийства Насера¹⁴.

Дик Уайт сказал своему биографу, что ему как новому начальнику SIS выпало не дать хода этим все более и более невыполнимым заговорам с целью убийства Насера. Уайт сказал Идену, что, даже если бы SIS придумала какой-нибудь хитроумный механизм для убийства Насера и даже если бы она сочла обстановку благоприятной, чтобы осуществить его, – а этого не случилось, – у нее не было в Каире агента, который имел бы достаточно близкий доступ к президенту для исполнения задачи. В конечном счете все эти заговоры ничем не увенчались, потому что летом 1956 г. Иден придумал еще более замысловатый и злосчастный план убрать Насера¹⁵.

Неясно, кто первым использовал термин «тайный сговор» по отношению к Суэцу, но известно, что неотъемлемые компоненты «тайного сговора», подготавливаемого правительствами Великобритании, Франции и Израиля, были согласованы на печально известной в настоящее время встрече, которая состоялась в Севре под Парижем 24 октября 1956 г. Эта встреча была такой секретной, что, согласно ее описанию французами, представитель Великобритании – министр иностранных дел Селвин Ллойд – приехал на нее с накладными усами. После Суэцкого кризиса британское правительство отрицало, что такая встреча когда-либо имела место, но, к несчастью для англичан, израильтяне не уничтожили свои экземпляры соглашения, достигнутого на ней, которое надлежащим образом попало в израильский архив. Так называемый Севрский протокол гласил, что правительства Великобритании, Франции и Израиля вступили в тайный сговор с целью свержения Насера. План состоял в том, что израильтяне совершат нападение на Египет со стороны Синайской пустыни, что даст Великобритании и Франции предлог начать вооруженное вторжение. Вслед за отвратительным фарсом в ООН правительства этих трех стран посадят нового сговорчивого лидера Египта и тем самым защитят стратегические интересы западных стран в этом регионе, касающиеся, в частности, нефтяных запасов Египта¹⁶.

Это была бы амбициозная кампания по введению в обман даже при благоприятном стечении обстоятельств. Количество людей в

Великобритании, которые знали о заговоре, было ограничено горсткой ближайших советников Идена в так называемом Египетском комитете при кабинете министров.

Когда Селвин Ллойд проинформировал о нем в конечном счете Дика Уайта, который был намеренно исключен из числа участников заговора, начальник SIS, говорят, заметил: «Вы многого от нас хотите». Иден не просто обманул членов своего правительства, но и исключил ближайшего союзника Великобритании – Соединенные Штаты из числа участников заговора; это был обман, который не имел аналогов в истории «особых отношений». Главной причиной исключения США из этого плана было то, что директор ЦРУ Аллен Даллес больше симпатизировал Насеру, нежели правительству Идена. Даллес понимал, что, несмотря на все свои недостатки, Насер был самым надежным выбором с точки зрения интересов США в Египте и на Ближнем Востоке вообще. С тех пор как Насер пришел к власти в Египте вслед за свержением короля Фарука в 1952 г., следовавшие один за другим начальники бюро ЦРУ в Каире – сначала Джеймс Эйхельбергер, а затем Майлз Коупленд – поддерживали тайную связь между Вашингтоном и Насером. На самом деле вездесущий агент ЦРУ Кермит Рузвельт обеспечил Движение независимых офицеров, которое возглавило государственный переворот против короля Фарука, тремя миллионами долларов, часть которых Насер позднее потратил на строительство Каирской телебашни – огромного сооружения из гранита, которое он назвал «Зданием Рузвельта». Нет ничего удивительного в том, что, учитывая американское финансирование, правитель Египта в неформальной обстановке называл американцев и англичан соответственно «приходящие и уходящие»¹⁷.

Как проявление крайнего высокомерия, британско-французско-израильские заговорщики надеялись на то, что, хотя Вашингтон и был исключен из их сговора, договоренности Насера с такими коммунистическими государствами, как Чехословакия, означали, что он охотно предоставит финансовую помощь в восстановлении страны после завершения военной интервенции. Конечными целями заговора, разработанного в Севре, были возврат Суэцкого канала, свержение Насера и установление в Египте нового режима, который будет защищать британские нефть, судоходство и другие интересы в этом регионе, а также мешать советскому проникновению на Ближний

Восток. Этот план провалился практически во всех отношениях. За чуть более чем три месяца британское правительство настроило против себя большую часть арабского мира, правительство США, немалую часть Содружества и ООН. Иден умудрился свалить не Насера, а самого себя.

В соответствии с планом сговора, Израиль начал военные действия в Египте 29 октября (операция «Кадеш»), за которыми 31 октября последовала так называемая «миротворческая» интервенция Великобритании (операция «Мушкетер»). Английские войска, корабли и авиация были взяты на Мальте и Кипре, но Королевские ВВС и флот были настолько плохо оснащены, что пришлось фрахтовать торговые суда и коммерческие самолеты, так как авиабазы на Кипре были настолько перегружены и плохо подготовлены, что английские и французские самолеты едва могли взлетать. В своем рапорте Объединенный центр разведывательных служб предостерегал начальников штабов в Лондоне еще до начала боевых действий, что для обеспечения безопасной связи сделано так мало, что британские корабли часто общались друг с другом открытым текстом. Один корабль Королевского ВМФ чуть не вступил в схватку с американским фрегатом вблизи берегов Египта. Во время воздушно-десантной операции в Порт-Саиде в Зоне канала, впервые в мире проведенной с вертолетов, только один батальон (около 500 человек) был успешно сброшен на цель. Несмотря на эти неудачи, 5 ноября английские и французские десантники и командос взяли Порт-Саид.

В мире поднялся скандал. Правительства США и стран Содружества осуждали действия Великобритании, а Генеральная Ассамблея ООН собралась на экстренное заседание. Министр иностранных дел Канады Лестер Пирсон позднее сетовал на то, что из-за Суэцкого кризиса Содружество оказалось «на грани распада», а его реакция на суэцкий сговор была сформулирована так: «Плачевно... это все равно как узнать, что твой любимый дядюшка арестован за изнасилование». Для большинства стран Содружества, даже всегда верной Новой Зеландии, интервенция Великобритании в Египет пахивала старым добрым колониализмом – проклятием для современного мира. Президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр был так разгневан, что пригрозил продать часть авуаров американского правительства в фунтах стерлингов, в результате чего началась бы

резкая девальвация фунта стерлингов, экономические последствия которой стали бы для Великобритании катастрофой, о чем предупреждал министр финансов Великобритании Гарольд Макмиллан. Ярость Эйзенхауэра была вызвана не тем, что Великобритания хотела вторгнуться в Египет, а, скорее, тем, как Иден предпочел это сделать. Вряд ли Айк встревожила бы *тайная* операция Великобритании в Египте – в конце концов, он много лет имел отношение к тайным операциям, спонсируемым ЦРУ, включая государственный переворот в Иране в 1953 г. и аналогичную интервенцию в Гватемалу в 1954-м. Тайная операция дала бы США возможность отрицать свою причастность к ней, а открытые военные действия они не могли поддержать из политических соображений, учитывая антиколониальную позицию Вашингтона. 4 ноября Айк позвонил Идену и просто спросил его: «Что, черт возьми, происходит?» Мощнейшее давление, оказанное правительством США, заставило Идена добиться прекращения огня, которое вступило в силу в полночь 6 ноября. От правительства Великобритании все отвернулось, оно было унижено, его репутация в мире была разнесена в пух и прах¹⁸.

Все это поднимает очевидный и основополагающий вопрос, ответа на который историки так полностью и не дали: какая разведывательная информация была предоставлена Идену во время Суэцкого кризиса? К сожалению, у нас нет личных копий Идена с документов Объединенного центра разведывательных служб (JCS), которые он, очевидно, снабжал примечаниями, как он делал со многими своими экземплярами документов кабинета министров во время кризиса. Более того, на решающем заседании кабинета министров по Суэцу в начале октября Иден распорядился, чтобы никто не делал никаких заметок и чтобы не велся протокол. И хотя у нас нет бумаг Идена из JCS, в нашем распоряжении есть документы JCS, которые направлялись ему и избранным членам Египетского комитета кабинета министров, начальникам штабов и другим высокопоставленным военным, гражданским служащим и дипломатам летом и осенью 1956 г. После их прочтения становится ясно, что JCS не делал из Насера дьявола во плоти. Офицер связи из ЦРУ, который работал в JCS в Лондоне, Честер Купер в своих мемуарах вспоминал, что сотрудники JCS могли пошутить на тот счет, что Насер – это «Муссолини» или «маленький Гитлер», но подобная чушь – Насера вдохновляла не «Майн кампф», а

труды Ахмеда Хусейна, теоретика движения «Молодой Египет», – не попадала в сами документы ЛС, в которых давалась трезвая и серьезная оценка Насера и его намерений. Вскоре после национализации Насером канала ЛС издал один из своих самых важных документов за весь послевоенный период. Подготовленный 3 августа и распространенный 10-го, он так охарактеризовал Насера: «Будучи демагогом, он склонен поддаваться взрывам чувств, которые он сам подхлестнул. Так как он диктатор, то его действия за последние три года демонстрируют его коварство и расчет, которые пока что были на пользу Египту. Мы должны быть готовы к любым действиям, которые могут повредить его авторитет и укрепить его власть».

Затем ЛС выпустил предупреждение, которое было яснее ясного: «Мы не верим, что угрозы вооруженного вторжения или подготовительное наращивание сил приведут к падению режима Насера или заставят его отменить национализацию канала».

Фактически ЛС предостерег, что военное вторжение в Египет может привести к обратным результатам: «В случае если военных действий западных стран окажется недостаточно для того, чтобы обеспечить быструю и решительную победу, международные последствия как в арабском мире, так и в других уголках земного шара могут вызвать огромные осложнения и быть непредсказуемыми»¹⁹.

Из этого ключевого документа и последующих документов ЛС, вышедших во время Суэцкого кризиса, становится ясно, что ЛС не был в курсе сговора с французами и израильтянами. В отношении роли ЛС в этом кризисе возникло некоторое подозрение, потому что известно, что его тогдашний руководитель сэр Патрик Дин – профессиональный чиновник Министерства иностранных дел и до этого представитель Великобритании в ООН – присутствовал на пользующейся дурной славой встрече в Севре. Нет никаких документальных доказательств его вклада в эту встречу, и он всегда отказывался обсуждать эту тему публично. Однако известно, что после этой встречи он сказал своему другу – офицеру связи из ЦРУ Честеру Куперу, что он уверен: Британии несдобровать. И хотя руководителю ЛС было известно о заговорщицких планах, выношенных в Севре, это не повлияло на ясные предупреждения со стороны ЛС правительству Идена еще до начала военных действий. ЛС исполнил свой главный долг во время кризиса – донес неприятные известия своим клиентам²⁰.

Проблема состояла в том, что эти отчеты Иден, по-видимому, не принимал во внимание, а предпочел избирательный подход к разведывательной информации, соответствующий его целям. Какую-то сомнительную информацию о Насере Идену предоставила, совершенно определенно, SIS, у которой имелся источник под кодовым именем «Счастливым Случае». В марте 1956 г. Иден отправил секретную телеграмму Эйзенхауэру, в которой говорилось, что, основываясь на разведанных, почти наверняка предоставленных «Счастливым Случае», правительство Великобритании полагает, что Насер пытается установить свою гегемонию на Ближнем Востоке. Одним из главных откровений «Счастливого Случая», которое было музыкой для ушей Идена, стала информация о тесных отношениях, которые Насер налаживал со странами советского блока, особенно Чехословакией.

Однако у информации, черпаемой из одного-единственного источника – «Счастливого Случая», был крупный недостаток. Агент SIS на самом деле не был членом правительства Насера, как заставил всех поверить Иден; он был сотрудником чешской разведывательной службы. Поэтому его понимание намерений Насера было в лучшем случае субъективным. Тем не менее его предупреждения о связях Насера со странами с коммунистическим режимом не были лишены оснований. До кризиса Насер отказался вступить в Багдадский пакт под эгидой Великобритании, который должен был противостоять советскому вторжению на Ближний Восток. В то же время имелись тревожные признаки растущей советской агрессии. Во время визита советского премьера Никиты Хрущева в Лондон в апреле 1956 г. подводный пловец SIS по имени Лайонел Крэбб (Бастер) был убит – обезглавлен – в подозрительных обстоятельствах при попытке установить прослушивающее устройство на советском корабле в Портсмуте, на котором Хрущев приплыл в Англию. Эта история была провалом SIS, когда попала в газетные заголовки, и привела к уходу в отставку начальника SIS сэра Джона Синклера, которого на этом посту сменил Дик Уайт. Затем в октябре 1956 г., когда раскручивался Суэцкий кризис, советские танки вкатились в Венгрию, показав миру, что, несмотря на смерть Сталина в 1953 г., Москва по-прежнему намерена навязывать свою волю Восточной Европе.

Однако если косвенное доказательство – это одно, то намеренное искажение фактов с целью подогнать их под доказательство – совсем

другое. Неясно, ошибочно ли SIS позволила Идену думать, что источник «Счастливый случай» близок к Насеру, или он сам намеренно искажал картину в своем воображении, но результат был тот же: во время Суэцкого кризиса разведывательную информацию использовали вопиюще неправильно. Действительно, Эйзенхауэр не замедлил указать Идену, что портрет Насера, который тот нарисовал, неточен: «Вы изображаете Насера гораздо более значительной фигурой, чем он есть на самом деле... это слишком мрачная и сильно искаженная картина»²¹.

МИ-5 тоже сыграла определенную роль в Суэцком кризисе, но в настоящее время документов об этом нет в широком доступе. Известно, что руководитель подразделения МИ-5 на Ближнем Востоке (SIME) Дэвид Стюарт делал недвусмысленные предупреждения о возможных последствиях военной интервенции, но кроме этого мало что можно понять о роли МИ-5²².

Один из самых странных поворотов во всей этой печальной истории имеет отношение к радиотехнической разведке. После кризиса Селвин Ллойд (его небезосновательно называют еще мартышкой при шарманщике Идене) отправил в Центр правительственной связи депешу с поздравлениями по поводу «объемов» и «непревзойденного мастерства» при расшифровке сообщений с Ближнего Востока, в которой он написал, что они были очень ценными. Однако среди документов «Египетского комитета» есть один экземпляр с предупреждением, посланный правительству Франции, на котором стоит примечание рукой Идена о том, что некоторые французские коды – ненадежны. Подтекст этого таков: Центр правительственной связи успешно перехватывал и читал французский трафик, что, видимо, означает, что американские и советские дешифровщики тоже делали это. На самом деле, как явствует из недавно рассекреченных разведывательных документов США, ЦРУ узнало о переговорах между Великобританией, Францией и Израилем, но не о том, что было предметом обсуждения. В сентябре и октябре 1956 г. американская радиотехническая разведка NSA донесла о сильно возросшем потоке сообщений между Францией и Израилем. Несколько американских разведчиков уже фактически вычислили их сговор. Американский военный атташе в Тель-Авиве понял, что что-то происходит, когда его водителя – штатского человека, резервиста израильской армии, который имел одну ногу и был слеп на один глаз, внезапно призывали на военную

службу. Он сделал совершенно правильный вывод о том, что это может означать только одно – надвигающуюся войну. Несмотря на признание Иденом того факта, что французские коды были взломаны, и поэтому игра по введению в заблуждение подошла к концу, премьер-министр тем не менее упорно продолжал шараду, которая была подготовлена в Севре. Его настойчивое стремление не отступить от нее совершенно необъяснимо. Один бывший руководитель ЛС сэр Перси Крэдок, безусловно, прав, когда называет Суэцкий инцидент «низкой точкой» в истории правительства, которое за него в ответе²³.

Помимо оценок ЛС, которые ложились к нему на стол, Иден также игнорировал явные предупреждения от правительственных юристов о том, что нет никакого юридического оправдания вторжению в Египет. Одно из самых резких предупреждений исходило от генерального атторнея Реджинальда Маннингэма-Буллера («запугивающая манера», как его называл Черчилль) – отца будущего генерального директора МИ-5 Элизы Маннингэм-Буллер, которая написала Ллойдю 1 ноября о том, что в международном праве нет оснований для нападения на суверенное государство, чтобы просто защитить «права» или «интересы», как это пыталась сделать Великобритания. Маннингэм-Буллер и собственный юрисконсульт Министерства иностранных дел сэр Джеральд Фитц-морис пришли к выводу, что «нет никакого юридического оправдания наших нынешних действий в Египте». И снова аналогия с вторжением в Ирак в 2003 г. просто поражает²⁴.

Сразу же после фиаско Энтони Иден совершил свой самый эксцентричный поступок: в декабре 1956 г., очевидно страдая от полного истощения душевных и физических сил, он отправился в Вест-Индию и нашел себе убежище на вилле Яна Флеминга «Золотой глаз» на Ямайке. Даже ближайшие советники были шокированы его поведением. Личный секретарь Идена Ивлин Шакбург позднее записал в своем дневнике: «Тем временем у Э.И. ухудшилось состояние здоровья, и он отправился на Ямайку. Это самое необычное во всей истории. Он выходит из игры? У него нервный срыв? Он сошел с ума? Капитан покидает тонущий корабль, который лично направил на скалы»²⁵.

Иден действительно выходил из игры: Суэцкий кризис стоил ему премьерского кресла. Официально он ушел в отставку, когда возвратился с Ямайки в январе 1957 г., и на посту премьер-министра

его сменил Гарольд Макмиллан. При Макмиллане Великобритания вскоре восстановила свои отношения с США, и процесс выхода страны из империи ускорился. Две трети британских владений в Африке получили независимость при Макмиллане (в 1957 г. Великобритания имела там пятнадцать территорий, и лишь четыре – к 1964 г.).

Негативные последствия Суэцкого кризиса сказались не только на политической арене: кризис также прямо повлиял на британский разведывательный истеблишмент и привел к широкой переориентации и перестройке руководства разведкой на Уайтхолле. Сразу же после этого фиаско ЛС был отделен от комитета начальников штабов и переведен в совершенно новый комитет секретариата кабинета министров, где он и остается по сей день. Поэтому с 1957 г. у ЛС были другие заказчики – члены кабинета министров, которые впервые могли устанавливать требования к нему и требовать с него отчетов и оценок. Предполагают – и, без сомнения, справедливо, – что, если бы больше министров имели доступ к отчетам ЛС, фиаско в Суэце не приобрело бы такую движущую силу.

Суэцкий кризис также заставил правительство заново оценить положение Великобритании в мире. После вступления в должность в январе 1957 г. одним из первых шагов, предпринятых Макмилланом, была просьба провести проверку отчетности в империи, «что-то сродни отчету о прибылях и убытках». Удивительно, что Великобритании потребовалось столько времени, чтобы провести анализ такого рода: 1857-й г. был бы, наверное, более подходящим годом для этого, а не 1957-й. Итогом этого «балансового отчета империи», составленного под председательством опытного начальника секретариата кабинета министров сэра Нормана Брука, стал вывод о том, что экономические затраты империи равны прибылям: экономический ущерб мог быть причинен Великобритании преждевременным предоставлением независимости той или иной колонии, но в равной степени была бы опасна отсрочка при предоставлении независимости колонии по «эгоистическим причинам». Самое важное, говорилось в докладе, то, что переговоры о предоставлении независимости следует вести в духе доброй воли.

Пересмотр Макмилланом положения Великобритании в мире привел к трезвому пониманию: будущее Великобритании связано не с обычной военной силой, или «жесткой» силой, которой так отчаянно не

хватало во время Суэцкого кризиса, и даже не с экономической властью, а с властью по доверенности, или «мягкой» силой, то есть властью путем убеждения, а не принуждения. Наряду с важным балансовым отчетом «прибыль – потери» Брука, в 1957 г. министром обороны Дунканом Сандисом был осуществлен решающий пересмотр оборонительной политики Великобритании, результаты которого были опубликованы в так называемом Белом документе, который основательно изменил оборонительную стратегию страны в послевоенном мире. Причиной появления Белого документа было то, что в начале 1950-х гг. вооруженные силы Великобритании, задействованные в чрезвычайных положениях в трех колониях (Малайя, Кения и Кипр), войне в Корее и Суэцком кризисе, проявили себя как неспособные справиться с задачами. Появление водородной бомбы также, по-видимому, сделало обычные вооруженные силы отжившим явлением. С 1957 г. в результате деятельности Сандиса оборонительная политика Уайтхолла получила направление в меньшей степени в сторону большой регулярной армии: обязательная воинская обязанность была введена десятилетием раньше – в 1947 г., а больше в сторону средств ядерного сдерживания и высококомобильных специализированных вооруженных сил. Эта основная стратегия характерна для оборонительной политики Великобритании и по нынешний день. Начинаясь с пересмотра Темплером системы колониальной безопасности и получив подтверждение в виде пересмотра Сандисом оборонительной политики страны, эта стратегия Великобритании делала больший упор на набор в армию местных солдат для борьбы с чрезвычайными ситуациями в колониях, вместо того чтобы применять для этого армию метрополии. Британские войска должны быть использованы для участия в решении колониального кризиса лишь в последнюю, а не в первую очередь²⁶.

Чиновники на Уайтхолле решили, что одним из способов, с помощью которого Великобритания может продолжать оказывать влияние на мировой арене, является «мягкая» сила разведки, которая после этого стала заменителем убывающей военной и экономической «жесткой» силы Великобритании. Разведывательная информация, поставляемая английскими секретными службами, позволила Лондону добиваться гораздо большего, чем ему позволял его вес на мировой арене, в период с 1957 г. до окончания холодной войны²⁷.

Кипр

Небольшой остров Кипр в Средиземном море был колонией, полной географических и политических противоречий. Находясь между Востоком и Западом, он являл собой превосходную зону конфликтов, туристическую идиллию. Расположенный на ключевом морском пути, этот остров веками был факторией, где можно было купить золото, серебро, слоновую кость и шелка. Так что нет ничего удивительного в том, что Кипр на протяжении не одного тысячелетия был местом коллизий и свидетелем борьбы между византийскими монастырями от труднопроходимых горных круч Троодоса до узкого известнякового хребта Кирения. Со времен Ассирийской империи и до османских турок Кипром правили одно за другим иностранные государства. Остров был передан англичанам в 1878 г.

Учитывая стратегическое положение этой колонии в качестве ворот к Суэцу, Великобритания хотела держать ее под своим контролем. В начале 1950-х гг. региональная штаб-квартира SIS была перемещена из Зоны канала в Египте в Никосию – столицу Кипра, а в июле 1954 г. главный британский военный штаб в этом регионе – ближневосточное командование Великобритании – переместился на Кипр в Эпископи. После ряда выводов войск в послевоенный период, когда Великобритания теряла свои военные базы на Ближнем Востоке (в Палестине, Ираке и Зоне канала в Египте после провала в Суэце в 1956 г.), Кипр стал ключевым стратегическим сторожевым постом, местом базирования тяжелых бомбардировщиков и размещения американского и английского ядерного оружия. Он также был базой, откуда велась тайная англо-американская «черная» пропаганда, особенно во время пребывания Идена на посту премьер-министра. На протяжении всего Суэцкого кризиса «Голос Великобритании» транслировался с радиостанции SIS Шарк-эль-Адна на Кипре, очевидно с помощью совершенно секретного английского пропагандистского подразделения IRD. Имея радиопередатчик, который мог «дотянуться» до тысяч предположительно восприимчивых слушателей в Ливане, Сирии, Иордании и даже части Саудовской Аравии, Шарк-эль-Адна был альтернативой «Каирскому радио»²⁸.

Само собой разумеется, Кипр был также местом базирования англо-американской радиотехнической разведки, особенно в доспутниковый период, когда было необходимо иметь станции перехвата вблизи Советского Союза. Кипр находился на тысячу миль ближе к СССР, чем американские и английские базы в Ливии, и в начале 1950-х гг. подразделения радиотехнической разведки ВВС США на Кипре могли охватывать южные регионы России, где проходили испытания ракет и самолетов. Эти испытания генерировали радиоволны, которые отражались от верхних слоев атмосферы, и их можно было перехватить с помощью радиоприемных устройств на Кипре. Ни Лондон, ни Вашингтон не были готовы потерять Кипр в качестве базы для сбора радиотехнической информации²⁹.

Однако, как и во многих других проблемных местах империи в послевоенные годы, власть англичан стала надоедать все большему количеству жителей Кипра, и они стали стремиться к союзу со своей духовной родиной – Грецией. 80 % населения острова были этническими греками, остальные 20 % – этническими турками, которые были решительно против такого союза. Этническая напряженность существовала на острове повсеместно еще до повышения налогов в 1930-х гг., которое содействовало росту недовольства властью англичан. В 1931 г. место заседания британского правительства – правительственный дом в Никосии был сожжен во время бунтов греков-киприотов, и к 1950 г. около 96 % взрослого населения греков-киприотов были за союз. После того как в начале 1950-х гг. между Великобританией, Грецией и Турцией прошли переговоры, которые оказались бесплодными, Никосия взорвалась насилием: протесты охватили площадь Метаксас, а Британский институт был весь охвачен пламенем. К 1953 г., если не раньше, Афины тайно поставляли инакомыслящим грекам на Кипре оружие. С этим оружием в середине 1950-х гг. киприоты начали ожесточенное восстание против власти Великобритании под руководством небольшой группы партизан – борцов за национальное освобождение, известных по греческой аббревиатуре ЕОКА (Национальная организация кипрских бойцов). С лозунгом «Смерть предателям!» ЕОКА боролась со всеми, кто сопротивлялся союзу с Грецией, то есть с британским правительством, его представителями и турецким населением острова³⁰.

Бойцы ЕОКА совершили серию взрывов и убийств представителей британской администрации. Они подкладывали взрывчатку под дипломатические и военные машины, посылали ее в письмах, взорвали самолет, отстреливали англичан на отдыхе, когда те купались в море, проводили время на пикнике, минировали фонтанчики с питьевой водой, которыми пользовались английские солдаты после традиционных воскресных дневных футбольных матчей. В период между апрелем 1955 г. и ноябрем 1956 г. на Кипре прогремели 638 крупных взрывов и 517 небольших. За этот же период бойцы ЕОКА убили 71 англичанина³¹.

Главным сторонником союза с Грецией был архиепископ Михаил Христулос Макариос III – глава Греческой православной церкви на острове. Харизматичная личность и впечатляющая фигура – он носил черную бороду, цилиндр и длинную одежду, – он был одним из немногих (если не единственным) епископом-партизаном, который когда-либо становился национальным лидером. За материально-техническую часть восстания отвечал в ЕОКА безжалостный Георгиос Гривас, который носил псевдоним Дигенис в честь мифологического византийского героя. Гривас был бывшим генералом греческой армии, чуть ли не фашистом, который добился нехорошей известности из-за массовых убийств коммунистов во Второй мировой войне и взял себе за образец ИРА и Иргун. Он ввел жесткую дисциплину среди бойцов ЕОКА и организовал карательные отряды, совершавшие ужасающие репрессии в отношении предателей. Гривас приплыл из Греции и тайно высадился на Кипре 10 ноября 1954 г. и начал сколачивать небольшие группы бойцов ЕОКА в Никосии и соседних деревнях. Его миссией, по его же словам, был «крестовый поход ради создания Большой Греции». Вскоре англичане объявили награду в размере пятисот фунтов стерлингов за его голову³².

За кампанией взрывов и убийств, которую возглавлял Гривас и поддерживал Макариос, крылся прискорбный провал британской разведки. Кипр является классическим образцом того, что мы видели в послевоенные годы: несмотря на протесты МИ-5, колониальная администрация выделяла недостаточные ресурсы на разведку до тех пор, пока уже не было слишком поздно, когда восстание уже началось – и в этот момент реформа разведки стала просто кризисным менеджментом. Как и в Палестине, Малайе и Кении, британские власти

не извлекли уроков из прошлого и повторили те же ошибки, которые совершали предыдущие колониальные администрации. Особый отдел на Кипре был сформирован лишь в конце 1954 г., главным образом в результате усилий Алекса Макдональда – офицера МИ-5, откомандированного в министерство по делам колоний в качестве первого советника по вопросам безопасности и разведки. В ноябре того же года бюро SIS в Афинах получило наводку, которая позволила Королевскому флоту перехватить судно с оружием, шедшее из Афин на Кипр. В январе 1955 г. английский военный корабль «Комета» перехватил судно, незаконно провозящее оружие, под названием *Ayios Georghios* («Святой Георгий»), а вблизи берега было найдено десять тысяч пачек динамита в месте, где команда судна его сгрузила. Англичане также взяли и тех, кто был получателем всего этого на берегу, а вскоре схватили и активиста ЕОКА Сократа Лоизидеса, который был приговорен к двенадцати годам тюремного заключения³³.

Несмотря на эти явные указания на грядущие события, администрация оставалась в полном неведении относительно готовящегося восстания против нее, а губернатор даже удалился в свой дом для отдыха на ступенчатых склонах гор Троодос. Весной 1955 г. ЕОКА провела серию взрывов, используя, по словам Гриваса, «мощные смертоносные бомбы со шрапнелью, размещенные таким образом, чтобы нанести максимальный урон». Только лишь 16 марта по всему острову были взорваны 16 бомб на электростанциях и в полицейских участках. Бомбы были оставлены в сумках, находившихся на велосипедах, а в окна пивных полетели гранаты. В своих мемуарах Гривас так описывал цели своей террористической кампании: «...моей главной целью было парализовать полицию, чтобы армейские подразделения были введены в глубь территории по моему выбору, и их силы оказались рассредоточенными. Мои группы, действовавшие в городе, должны были прикончить полицейских, которые слишком рьяно работали на англичан, в то время как группы, действовавшие в сельской местности, должны были нападать на полицейские участки, убивать отдельных полицейских и устраивать засады на местную полицию»³⁴.

Ответом англичан на волну взрывов и убийств было отчаяние и, что предсказуемо ввиду отсутствия разведывательной информации на их врагов, чрезмерно острая реакция. Реформы МИ-5 в конце 1954 г., проведенные Макдональдом, ввели основные разведывательные

требования к Особому отделу на Кипре. Офицер МИ-5 Филипп Рей, бывший сотрудник особого отдела в Пенджабе и бывший офицер по вопросам обороны в Ираке, был прикомандирован к Особому отделу на Кипре на шесть месяцев. Была создана надлежащая картотека с помощью клерка канцелярии МИ-5, а финансирование отдела было увеличено вчетверо. Правда, помимо этого достигнуто было мало. Когда ЕОКА привела в действие механизм убийств в День дурака в апреле 1955 г., британские власти на Кипре – просто потрясающе – не имели никакой информации о своих врагах. По словам фельдмаршала Хардинга, который стал губернатором этой колонии в октябре 1955 г., особый отдел был в зачаточном состоянии и полагался на то, что «я называю источниками слухов – разговоры в кафе, кофейнях и так далее, что совершенно недостаточно. Во всяком случае, не было четкой информации о ЕОКА, ее численности, вооружении, тактике – хоть о чем-нибудь»³⁵.

В недавно созданном Особом отделе на Кипре было известно, что таинственная организация, которую его сотрудники называли «Икс» (на самом деле ЕОКА), с начала 1950-х гг. планировала осуществлять на острове нападения на англичан, но они не знали, кто ее возглавляет. Они думали, что это коммунистическая группировка, тогда как в реальности ЕОКА была экстремистской правой организацией – и только в 1956 г. они поняли, что Гривас поддерживал отношения с Коммунистической партией Кипра (AKEL). После того как ЕОКА начала свою террористическую кампанию, в Особом отделе даже не были уверены, является Дигенис комитетом или человеком. Языковые навыки его сотрудников были такими слабыми, что в отчаянии его руководство было вынуждено брать на службу британских офицеров, которые изучали классический греческий язык в высших учебных заведениях, и преподавать им ускоренный курс современного греческого языка.

Как и в Палестине, и в Малайе до Темплера, координация разведывательных действий между различными разведывательными организациями на Кипре (военной разведкой, особым отделом и МИ-5) была слабой. В апреле 1955 г. в особом отделе работал лишь 21 официально назначенный офицер, а в различных полицейских участках на острове не было безопасной закрытой телефонной линии для поддержания связи друг с другом. И хотя Гривас был заинтересован в

усилении неудач англичан, он не так уж и ошибался, когда писал: «Лучшие сотрудники английской разведки были посланы на Кипр, чтобы поломать эту систему, и все же за четыре года борьбы к ним в руки попали лишь несколько писем, а за информацией, которую они все же получали, следовала плачевная медлительность»³⁶.

Англичане не объявляли официально чрезвычайное положение на Кипре до ноября 1956 г., когда они, как можно предположить, должны были обратиться к предыдущим чрезвычайным положениям для получения практического руководства. На самом же деле они повторили те ошибки, которые их предшественники сделали в Палестине, Малайе и Кении. Как и во время этих предыдущих восстаний, англичане на Кипре ошибочно полагали, что смогут обойтись минимальными силами и использовать устаревшую тактику – оцепления и обыски. Эти меры были неэффективны в борьбе с ЕОКА, члены которой воевали не только в горах и деревнях, но и имели террористические ячейки, совершавшие убийства в городах. Та тактика, которую британские службы безопасности применяли изначально, – аресты без ордеров, введение комендантского часа и коллективные наказания, – лишь настраивала враждебно местное население острова.

Более того, власти не приняли решительных мер для борьбы с террористическими актами ЕОКА ни путем немедленного объявления чрезвычайного положения, ни путем применения традиционных методов поддержания общественного порядка. Вместо этого они попытались скомбинировать эти стратегии, но просчитались. Они изначально пытались решить проблему подешевле, чтобы полицию поддерживало военное присутствие, но, как они вскоре обнаружили, это дало неудовлетворительные результаты, уменьшив эффективность и полиции, и армии. Как и в Палестине, Малайе и Кении, англичане быстро поняли, что им требуется гораздо больше армейских подразделений. К 1956 г. англичане имели на Кипре 12 тысяч военных и 2 тысячи полицейских для борьбы приблизительно с одной тысячей бойцов ЕОКА. К январю 1958 г. штаты сил безопасности раздулись до такой степени, что на один дом греков-киприотов приходился один вооруженный человек. Однако это случилось слишком поздно: ЕОКА уже добилась необходимого ей устойчивого положения. В отличие от мятежников в Малайе и Кении ЕОКА имела поддержку большинства местного населения, и с каждым нападением на англичан ее бойцы

получали помощь, и маховик борьбы раскручивался все сильнее, еще более затрудняя англичанам получение информации от местного населения и вербовку агентов.

Когда кампания террора, инициированная ЕОКА, усилилась весной 1955 г., ее бойцы совершали страшные вещи со своими врагами, в том числе перерезали горло предателям в своих собственных рядах. В мае 1955 г. опытный офицер МИ-5 Дональд Стивенс был прикомандирован к правительству Кипра, в котором занял должность начальника разведки, аналогичную должности Джека Мортонна в Малайе. В сентябре 1955 г. был назначен новый губернатор и главнокомандующий – фельдмаршал сэр Джон Хардинг, малайский ветеран, должность которого (аналогичная должности Темплера в Малайе) восполняла разрыв политика – военные. Тот факт, что и политической, и военной властью был облечен один человек – Хардинг, сильно укрепил положение Стивенса: это означало, что, как и Мортон в Малайе, он подчиняется только одному начальнику, перед которым и отчитывается.

Рекомендации МИ-5 в отношении разведки на Кипре следовали обычной формуле. Особый отдел полностью отделился от регулярной полиции, и в него были набраны греки-киприоты, а до этого в нем преобладали турки (около 70 %). Однако эти реформы были все же слишком незначительны и проведены с большим опозданием, и поэтому они дали лишь скудные плоды. И хотя ЕОКА обладала не таким большим опытом, какой ее изображал Гривас, ее действия были жестоки и эффективны, и чрезвычайное положение на Кипре – классический пример того, как трудно сильной власти разгромить восстание, пользующееся поддержкой большинства местного населения. Было трудно, если не невозможно, для особого отдела на Кипре вербовать агентов и собирать информацию на боевиков ЕОКА – на самом деле Гривасу, вероятно, удалось глубже проникнуть в особый отдел, чем особому отделу – в ЕОКА: он утверждал, что в 1956 г. он внедрил в особый отдел агентов, которые сумели получить протоколы совещаний по вопросам безопасности, проведенных на высоком уровне.

С растущей поддержкой местного населения ЕОКА становилась все более и более дерзкой. В августе 1955 г. ее боевик убил офицера особого отдела Майкла Поуллеса при свете дня в центре Никосии.

Бойцы ЕОКА даже нацеливались на самого Хардинга, который по крайней мере однажды счастливо отделался. В апреле 1956 г. один из его помощников – тайный агент ЕОКА оставил под его кроватью бомбу, но она не взорвалась, и Хардинг благополучно проспал над ней всю ночь³⁷.

В декабре 1955 г. англичане провели операцию «Охотник на лис», в ходе которой были проведены обыски во всех греческих православных монастырях на Кипре. Был найден тайник с документами ЕОКА, в том числе несколько подробных дневников Гриваса, и был чуть не схвачен сам Гривас, который в какой-то момент прятался за деревом на расстоянии вытянутой руки от английского солдата. В ходе операции «Удачливый Альфонс» в июне 1956 г. были схвачены семь человек из окружения Гриваса; среди трофеев оказались его любимый офицерский походный ремень с портупеей и еще один его дневник, насчитывающий 250 тысяч слов, который был засунут в банку с вареньем, а банка была закопана в поле неподалеку от Лусси. И снова Гривас находился в опаснейшем положении: ему удалось скрыться вовремя после получения предупреждения о прибытии английских войск – залаяла патрульная собака. Когда он пробирался через английские кордоны, по горам Троодос прошелся лесной пожар, якобы инициированный английскими войсками, в результате которого погибли 19 английских солдат; но пожар дал возможность Гривасу скрыться.

Англичанам показалось настолько невероятным то, что скрывающийся лидер ЕОКА писал дневник, не говоря уже о том, что он не взял его с собой, что они отдали его на экспертизу графологу, специально вызванному из Лондона. Толчком к ведению Гривасом дневника послужило, вероятно, его желание иметь подробные записи о его делах с архиепископом Макариосом, которому он не доверял. Несмотря на изначальное недоверие англичан, дневники, в которых было множество адресов бойцов ЕОКА и другой информации, оказались подлинными. Те их части, которые были зачитаны вслух на пресс-конференции в Лондоне, а затем опубликованы, дали убийственные доказательства связей между Макариосом и ЕОКА и помогли оправдать решение Хардинга в марте 1956 г. после провала мирных переговоров в декабре 1955 г. депортировать архиепископа на отдаленный остров Маэ в составе Сейшельских островов, где тот был размещен в приятной обстановке в летнем доме губернатора. Из

документов тайного колониального архива в Хэнслоу-Парке явствует, что Великобритания планировала депортировать Макариоса в сентябре 1955 г. до того, как переговоры закончились неудачей, что наводит на мысль о том, что либо Лондон никогда и не намеревался довести переговоры до успешного завершения, либо он готовился к самому худшему. Среди документов, хранящихся в Хэнслоу-Парке, есть сообщение, написанное губернатором Сейшел сэром Уильямом Эддисом – в стихах. Ранее он писал, что правительственное жилье под названием Sans Souci («Без забот») может оказаться слишком маленьким для размещения Макариоса, так что лучше его поселить в другой резиденции под названием «Бастилия». Министерство по делам колоний, очевидно, возразило на том основании, что будет неразумно использовать дом, носящий то же название, что и известная французская тюрьма, что подсказало сэру Уильяму идею написать песенку: «Что ж, пусть будет Сан-Суси, / Что лишит оппозицию возможности говорить, / Что архиепископ не может оставаться спокойным / В доме под названием «Бастилия»³⁸.

Несмотря на удивительную находку – дневник Гриваса, особый отдел на Кипре по-прежнему не мог поймать руководителя ЕОКА – 5 8-летнего мужчину на острове размером более чем вдвое меньше Уэльса. На самом деле летом 1956 г. дела у англичан пошли все хуже и хуже. Во время операции «Удачливый Альфонс» за один день погибло больше английских солдат, чем в любой другой операции, проведенной за четыре года конфликта. Насилие достигло своей наивысшей точки в «черном ноябре» 1956 г., в котором имели место 2500 насильственных действий, в результате которых было свыше двухсот погибших. Это привело к новому наступлению на ЕОКА под руководством разведки, которое наконец увенчалось рядом успехов для англичан. Среди применяемой тактики была такая: «Q-патрули», состоявшие из перевербованных партизан ЕОКА и настроенных против ЕОКА греков-киприотов, входили в деревню, притворяясь партизанами, спасающимися от английских войск, и просили связать их с теми, кто предоставит им убежище. Как мы уже видели, англичане использовали «Q-патрули» в Палестине, которые были аналогичны SEP в Малайе и группам противодействия в Кении, и все же британские силы безопасности на Кипре, по-видимому, не обратили внимания на эти прецеденты и вместо этого заново открывали для себя эту тактику по

своей инициативе. За шесть месяцев «Q-патрули» на Кипре получили информацию, которая привела к смерти или захвату приблизительно 35 членов ЕОКА и выявлению 60 единиц оружия. Среди членов ЕОКА они выявили 20 священников и 6 полицейских. Только в марте 1967 г. были раскрыты тридцать опорных баз ЕОКА, 22 партизана из руководящего состава были захвачены или убиты – среди них заместитель Гриваса Грегори Афксентиу, который был убит после восьмичасовой перестрелки³⁹.

И все же неуловимого Гриваса нигде не могли найти. В результате отчаянных попыток обнаружить его местонахождение некоторые английские следователи прибегали к физическим пыткам: били пленных металлическими цепями, за что их стали называть палачами ее величества. И хотя точные цифры установить невозможно, известно, что по крайней мере шесть человек были убиты во время допросов англичанами на Кипре, а другие были застрелены при «попытке к бегству». Информаторов в масках, нелестно называемых «гадинами в капюшонах», англичане использовали для установления личности партизан ЕОКА, когда подозреваемые попадались во время облав. Как и в Кении, у этой системы имелись очевидные недостатки, так как она позволяла информаторам вымещать свои личные обиды, тогда как обвиняемые не могли видеть лиц своих обвинителей. Макариос не ошибся, когда сказал, что на Кипре нужно поставить памятник губернатору Хардингу, так как он более чем кто-либо другой поддерживал дух сопротивления эллинов. Когда Хардинга позднее спросили, как обращались с пленными после поимки, он ответил со всей прямотой: «Что касается дурного обращения, грубого обращения при задержании, я думаю, это то, что случается неизбежно. В конце концов, если у вас есть войска или полиция, которые заняты в антитеррористической операции и видели, как в бою умирают их товарищи, то когда они берут в плен противника, несущего за это ответственность, то с ним и должны обращаться жестко, и это совершенно естественно, и это вы не можете регламентировать. Не думаю, что так происходило в достаточно серьезной степени на Кипре, но, безусловно, были случаи, когда с пленным бойцом ЕОКА обращались весьма жестко во время задержания. И это совершенно естественно и, на мой взгляд, приемлемо»⁴⁰.

Откровенные рассказы о пытках были частью гораздо более широкой картины того, как английские войска настраивали против себя жителей острова. В ходу были рассказы (вероятно, правдивые) о солдатах, которые бессмысленно опорожняли мешки деревенских жителей с зерном, выливали оливковое масло, высыпали на землю овощи и фрукты. Поразительно, насколько они не сумели извлечь урок из ситуации в Малайе о том, как важно «завоевывать сердца и умы» в ходе подавления восстания. Весть о том, что англичане применяют на Кипре пытки, вскоре привлекла внимание неутомимых членов парламента от Лейбористской партии Барбары Касл и Феннера Брокуэя – откровенных защитников движений за колониальную независимость и влиятельных борцов за права человека. В 1958 г. эти двое отправились на Кипр, где Касл встретила с самим Макариосом (который к тому времени был отпущен из ссылки). Однако, очевидно, она стала мишенью незаконной операции: материал, который она собрала во время своей поездки, и записи, которые она сделала, были изъяты из ее багажа неустановленными лицами, сфотографированы и отправлены телеграфом в Лондон, прежде чем она туда вернулась, став предупреждением правительству Макмиллана о том, что она собирается выступить с критикой⁴¹.

После смерти своего заместителя Грегори Афксентиу Гривас согласился на перемирие, а в обмен на это был освобожден Макариос из плена на Сейшелах. Он вернулся на Кипр на британском судне с подходящим названием «Олимпийский громовержец» и ехал через Африку, где был вынужден (вероятно, намеренно) остановиться в гостинице «Гранд Бретань». Необходимость примирить противоречащие друг другу требования греческих и турецких киприотов означала, что переговоры между британским правительством, Макариосом и представителями турецкого населения острова шли черепашим шагом. В биографии Дика Уайта говорится, что во время переговоров англичане шантажировали Макариоса информацией, полученной от SIS, о его гомосексуальных наклонностях. Однако в имеющихся в широком доступе документах британской разведки или каком-либо другом источнике нет ничего в подтверждение этого.

В декабре 1957 г. был назначен новый губернатор сэр Хью Фут. Прозванный среди своих друзей «М», Фут был братом члена

парламента от Лейбористской партии с левыми убеждениями Майкла Фута и, очевидно, сам имел уклон влево. У него была долгая и выдающаяся карьера колониального чиновника, и он оказался более подходящей кандидатурой для нахождения политического решения кипрского вопроса, чем фельдмаршал Хардинг. Эта задача, однако, была чрезвычайно трудной даже для него. Его жена леди Сильвия позднее вспоминала, что когда они прибыли на Кипр, то были потрясены, обнаружив, что британские гражданские лица живут там в осаде. Они были вынуждены жить под защитой заборов из колючей проволоки и мешков с песком, часовых и сторожевых вышек⁴².

После своего прибытия Фут объявил: «Нашей самой слабой стороной всегда была разведка, и наши усилия в борьбе с ЕОКА не могут быть полностью эффективными до тех пор, пока все разведслужбы не будут работать дружно под более качественным центральным руководством». Чтобы помочь исправить ситуацию, в октябре 1958 г. он отправил личную просьбу генеральному директору МИ-5 Роджеру Холлису – Фут стал хорошо разбираться в операциях МИ-5 в колониях, когда был губернатором на Ямайке, – прислать «офицера высокого класса для исследовательской работы», который должен был сопоставлять и оценивать всю имеющуюся разведывательную информацию с целью поимки Гриваса и остальных членов руководства ЕОКА. В ответ Холлис прислал на Кипр в командировку на шесть месяцев Билла Мэгана, который сделал карьеру и стал начальником зарубежного отдела Е в МИ-5⁴³.

Мэган приступил к подробному изучению Гриваса так, как не делал ни один сотрудник британской разведки до него, и его усилия вскоре начали давать результаты. В ходе операции «Солнечный свет» в феврале 1959 г. Гривас был выслежен до района Никосии, где силы безопасности надеялись его арестовать с помощью группы захвата. Этот успех произошел во многом благодаря Мэгану и новому офицеру связи МИ-5 по вопросам безопасности Филиппу Кирби Грину вместе с молодым офицером из технического отдела МИ-5 Питером Райтом, который помог выследить Гриваса, используя радиосигналы. Новый начальник разведки Джон Прендергаст, только что прибывший из Кении, – позднее он перебрался в Аден и Гонконг – тоже поставил перед собой личную цель – обнаружить местонахождение и уничтожить Гриваса.

И когда сеть британской разведки уже смыкалась над головой Гриваса, события их опередили. В том же месяце в Ланкастер-Хаус в Лондоне начались напряженные переговоры о будущем Кипра. Однажды за ужином Гарольд Макмиллан спросил министра иностранных дел Греции Ангелоса Авероффа, как, по его мнению, поимка Гриваса повлияет на ситуацию на острове. Аверофф ответил, что переговоры закончатся неудачей и потекут реки крови. Поэтому позже в этот же вечер Макмиллан дал указания, чтобы Гриваса не трогали в его убежище. В конечном счете в марте 1959 г. британский патруль нашел его в мужском монастыре в горах Троодос, в котором было множество тайных комнат и пристроек. Он спал в келье, находившейся под кухонной раковиной, и лишь две женщины-связные знали о его местонахождении⁴⁴.

Так как Макмиллан распорядился, чтобы Гриваса не трогали, шкура партизанского вождя была спасена, и в феврале 1959 г. на конференции в Ланкастер-Хаус было принято решение о создании независимого Кипра с греческим президентом (Макариос), турецким вице-президентом и палатой представителей, в которой было бы 70 % греков и 30 % турок. Права меньшинства – турецких киприотов были, по крайней мере теоретически, защищены новой конституцией республики – хотя дальнейшие события на острове покажут, что это не так. Как это было и в других недавно обретших независимость колониях, кипрское правительство согласилось, чтобы после получения островом независимости на нем появился офицер связи по вопросам обороны от МИ-5, приданный британскому военному гарнизону в Эпископи (поэтому и по вопросам обороны, а не безопасности). Горькая ирония всей операции англичан по подавлению восстания на Кипре состояла в том, что ужасная партизанская война за *enosis*, инспирируемая Афинами, на самом деле закончилась получением Кипром независимости не только от Великобритании, но и от Греции. Макариос предпочел международный статус для Кипра провинциальному. В результате много жизней было положено фактически за мираж под названием *enosis* с Грецией⁴⁵.

В 1954 г. министр по делам колоний Генри Хопкинсон вызвал испуг в палате общин, когда туда просочилось его мнение о том, что есть территории, вроде Кипра, которые «никогда» не получают независимость от Великобритании. С одной стороны, его заявление

было совершенно ошибочно: Великобритания отказалась от контроля над Кипром шесть лет спустя. С другой, Хопкинсон был не так далек от истины, как можно было подумать. Во время переговоров о независимости острова в начале 1959 г. в Ланкастер-Хаус правительство Великобритании жестко торговалось, пока не добилось желаемого результата: сохранить стратегические права на две базы на Кипре, которые должны были продолжать оставаться решающими аванпостами до конца холодной войны. Британская делегация на переговорах, которую возглавлял Джулиан Амери – заместитель министра по делам колоний, начала со странной заявки на 400 квадратных миль территории острова, хотя они в конечном счете договорились о 99 квадратных милях, на которых располагались две так называемые территории «суверенных баз» – такое положение дел существует и поныне. Первой базой была база Королевских ВВС в Пергамосе – 43 акра местности, которая стала огромным лагерем Центра правительственной связи. Его большая территория, уставленная палатками, вместила свыше тысячи служащих радиотехнической разведки, переведенных из английских баз в Сарафанде (Палестина), Гелиополисе (Египет) и Хаббании (Ирак), откуда Великобритания была вынуждена уйти в послевоенные годы. Второй базой была самая крупная английская база радиотехнической разведки на Кипре, настолько разросшаяся, что стала покушаться на муниципальные земли самой Фамагусты. Когда Макариос заявил протест, Центр правительственной связи согласился, что база может немного отодвинуться без серьезного ущерба для своей деятельности⁴⁶.

Вашингтон, как и Лондон, счел, что Кипр будет ему полезен, и Агентство национальной безопасности вместе с ЦРУ финансировало многие самые важные радиотехнические мероприятия на острове. Как и в случае с Британской Гвианой, это был поразительный пример того, как США поддерживали остатки Британской империи, когда это было нужно для ведения холодной войны. На самом деле сбор радиотехнической информации был настолько важен для Запада, что он помогал становлению международных отношений с Кипром – «хвост» радиотехнической разведки двигал «собакой» – политикой. В 1963 г., столкнувшись с растущим межобщинным насилием между греческим и турецким населением острова, новый британский премьер-министр сэра Алек Дуглас-Хоум задал вопрос, действительно ли Великобритании

нужны тамошние базы. Министр обороны Питер Торникрофт сказал выразительное «да» и объяснил, что на Кипре «размещены самые важные станции радиотехнической разведки, а также авиабаза, с которой осуществляются специальные разведывательные полеты». Торникрофт сказал, что, в то время как большая часть других мероприятий может быть перемещена в другое место, «мы считаем, что радиотехническое оборудование не может быть в равной степени удобно расположено в другом месте».

Десять лет спустя, в 1974 г., столкнувшись с финансовым кризисом, правительство Великобритании официально решило уйти со своих баз на Кипре, чтобы сэкономить деньги. За несколько дней Вашингтон убедил Лондон, что это решение неприемлемо, и англичане должны там остаться. Причина была проста: радиотехнические базы на Кипре, которые давали возможность Америке прослушивать эфир Ближнего Востока, были незаменимы. В 2013 г., почти через сорок лет после принятия правительством Великобритании решения уйти с баз, они все еще находятся на острове и значительно выросли в размерах⁴⁷.

Федерация Южной Аравии

Аден был одной из первых и последних территорий в империи королевы Виктории, колонией короны, права на которую англичане заявили в 1839 г. и покинули которую более века спустя в 1967 г. Наряду с Британской Гвианой Аден стал колонией, передача власти в которой оказалась одной из самых трудных и неорганизованных: Великобритания была вынуждена бесславно покинуть Аден, а ее служащие – прокладывать себе дорогу, прибегая к стрельбе.

Когда англичане впервые прибыли в Аден, он уже на протяжении более пяти веков был колонией различных государств, включая Португалию и Османскую империю. Аденом, расположенным в регионе, известном древним римлянам как Счастливая Аравия, на протяжении восьми веков правила одна и та же династия королевей-жрецов. К северу и востоку от колонии находились две дюжины отдельных государств – Восточные и Западные Аденские протектораты. Они охватывали негостеприимную и невозделанную территорию площадью примерно 112 тысяч квадратных миль с населением около 800 тысяч человек, которым правили свои эмиры и шейхи. Протектораты были закрыты для чужаков – говорили, что большинство жителей их внутренних территорий никогда не видели белых людей – и у них не было экономического интереса к Великобритании. Помимо нескольких городов у них не было никакой инфраструктуры, но они были чем-то вроде буфера для Адена как колонии.

Для Великобритании, как и для колониальных держав до нее, ценность Адена была в его географическом расположении как морского порта на южной оконечности Аравийского полуострова у пролива Красного моря с доступом к Персидскому заливу. Он также был удобно расположен между Бомбеем, Суэцким каналом и Занзибаром, которые были важными британскими владениями. На протяжении сотен лет он был местом остановки моряков, и англичане продолжили эту традицию, используя его главным образом как угольную базу для заправки кораблей на торговых путях между Востоком и Западом. На заре XX в. к грудам угля прибавились нефтеперегонные заводы. В первой половине XX в. Аден превратился из деревни с населением около 600 человек в процветающий международный порт, почти как Сингапур⁴⁸.

Для англичан главное значение Адена было в его стратегическом положении ворот в Индию. Им эффективно управляли из Бомбея как приложением к Индийской империи почти сто лет, пока англичане не ушли из Индии в 1947 г. После этого город-колония стал чем-то вроде тихой заводи в глазах многочисленных колониальных чиновников. Один губернатор назвал его остановкой «на пути в никуда». Помимо его прекрасной естественной гавани и полезного географического расположения, у Адена было мало природных активов. Расположенный в опалемом солнцем кратере потухшего вулкана Аден Редьярд Киплинг назвал «мировой кучей шлака» – суровый ландшафт, ставший местом жительства для разношерстной компании офицеров дурного поведения и опозорившихся полков.

Поэтому можно было удивляться, почему англичане отчаянно цеплялись за Аден до 1967 г., хотя свою первоначальную стратегическую роль эта колония утратила двадцать лет назад после обретения Индией независимости. Ответ кроется в том факте, что его стратегическая важность, как и важность Кипра, повысилась после фиаско в Суэце в октябре 1956 г., вслед за которым штаб британского командования на Ближнем Востоке перебазировался из Египта в Аден. Между 1957 и 1959 гг. общее число британских служащих, размещенных в Адене, увеличилось в четыре раза. После финансовых и военных сокращений в конце 1950-х гг. Аден стал краеугольным камнем политики Великобритании «к востоку от Суэца», жизненно важным звеном между анклавами Гибралтар и Гонконг⁴⁹.

Целью правительства Макмиллана после Суэца было укрепить влияние Великобритании в арабском мире путем сохранения в рабочем состоянии баз в Адене и создания федерации протекторатов в Южной Аравии под традиционным управлением племенных вождей. И хотя Макмиллан сравнительно быстро признал ветер перемен, подувший в Африке, он сильно недооценивал растущее стремление арабов на Ближнем Востоке к национальному освобождению под влиянием харизматичного египетского лидера Гамалея Абделя Насера, который, как считали в этом регионе, унижил английских и французских «империалистов» во время Суэцкого кризиса и лицо которого улыбалось с плакатов, казалось, на каждой стене Адена.

В 1959 г. шесть государств Западного Аденского протектората согласились образовать Федерацию Арабских Эмиратов Юга и

подписать соглашение о взаимном сотрудничестве с Великобританией. К концу 1962 г. общее число государств Федерации достигло одиннадцати. В январе 1963 г. колония Аден присоединилась к федерации в качестве государства Аден, к большому неудовольствию многих его жителей, которые считали соседние территории в глубине материка «отсталыми», и федерация была переименована в Федерацию Южной Аравии⁵⁰.

Во многом подобно разношерстной Центрально-Африканской федерации, никогда не было реального шанса на то, что Федерация Южной Аравии сможет объединить свои несопоставимые элементы. Ее правительство никогда не имело намерения останавливать поднимающуюся волну арабского национально-освободительного движения, получающего финансовую помощь от Насера. Гонимый за своей мечтой объединить арабский мир, Насер видел, что контроль над Йеменом – соседним с Аденом государством станет базой, с которой он мог без усилий продвигаться на север через Саудовскую Аравию и атаковать своего главного врага – Израиль. В сентябре 1962 г. он спонсировал государственный переворот, который осуществил лидер Республиканской партии Йемена полковник Абдулла ас-Саллал, который незадолго до этого был уличным торговцем углем. В ходе переворота был свергнут недавно возведенный на престол имам Мухаммед аль-Бадр. Макмиллан записал в своем дневнике, что это «очень опасно» для Аденоского протектората⁵¹.

Он не ошибался. Свержение имамата в Йемене дало толчок к ожесточенной гражданской войне, которая вышла за пределы страны, перекинувшись на окружающие Йемен государства, включая Аден. При этом Насер делал все, что мог, для поддержки оппозиции британскому владычеству в Адене и соседних государствах протектората. Как он позднее заявил во время своего визита в Йемен: «Клянусь Аллахом, мы выгоним англичан из всех частей Аравийского полуострова». В июне 1962 г. он спонсировал основание в Адене Народной социалистической партии (НСП) под руководством Абдуллы аль-Аснага как боковой ветви партии Конгресс профсоюзов Адена. Его целью было вызвать беспорядки среди трудящихся, спровоцировать карательные меры со стороны правительства и заставить общественное мнение в Адене склониться на сторону проведения радикальных реформ. Сделать это было довольно легко, так как условия жизни в Адене в целом не

улучшились за годы британского владычества, и местным жителям мало было пользы от тяжелых налогов, таких как пошлина на *qat* (наркотические листья, от которых зубы наркоманов делаются зелеными), который превысил полмиллиона фунтов стерлингов в год. На следующий год Насер предоставил помощь недавно созданному Национально-освободительному фронту (НОФ), который из своей штаб-квартиры в Йемене начал планировать национально-освободительное восстание в Адене с помощью сети подпольных боевых ячеек. Так, начиная с 1962 г. перед Великобританией встала проблема оппозиции в федерации, которая получала действенную помощь от иностранного государства (Египет), действовавшего на территории соседней страны (Йемен)⁵².

В 1963 г. НОФ нанес ряд сильных ударов по британским целям в Адене. Местом базирования большинства боевиков НОФ был гористый район Радфан, расположенный в 60 милях к северу от Адена близко от легко проницаемой границы с Йеменом, через которую силам НОФ Насер переправлял полученные от Советского Союза ручные противотанковые гранатометы и пулеметы. Сообщалось, что в 1967 г. 60 тысяч человек и 20 тысяч транспортных средств, а также 300 верблюдов проходили через контрольно-пропускные пункты между Аденом и глубинкой каждый день, но только 5,5 % тех людей и даже еще меньший процент транспортных средств были остановлены и досмотрены⁵³.

Нападения НОФ достигли кульминации 10 декабря 1963 г., когда была предпринята попытка убить высокого комиссара Великобритании сэра Кеннеди Тревакиса в аденском аэропорту Кхормаксар, когда он ожидал вылета в Лондон. Тревакис остался жив после нападения, получив лишь незначительное ранение в кисть руки, но его заместитель Джордж Хендерсон был убит при попытке заслонить его собой от гранаты, брошенной нападавшим. Была также убита индианка, а еще 24 человека, включая федерального министра внутренних дел, получили ранения. Немедленной реакцией Тревакиса, как, несомненно, рассчитывали НСП и НОФ, должно было быть объявление чрезвычайного положения. Были арестованы более 140 местных активистов национально-освободительного и профсоюзного движения, хотя не было доказательств того, что они связаны с этим нападением; ряд йеменцев, проживавших в Адене, был депортирован⁵⁴.

За покушением на убийство крылся унижительный провал разведки со стороны правительства федерации, как это было в Палестине, Малайе, Кении, на Кипре и в Ньясаленде. Сотрудники местной службы безопасности не сумели предупредить Треваскиса о вспышке насилия в Адене вообще и угрозе ему лично в частности. Ведомства, ответственные за сбор и оценку такой информации, – Местный разведывательный комитет (МРК) и Аденский разведывательный центр – знали о «возможности обращения к терроризму и диверсиям», но не сумели предупредить о вероятности нападения на высокого комиссара, который по меньшей мере испытывал сомнения в отношении ценности сырой информации, предоставленной Местным разведывательным комитетом. Что удивительно, несмотря на свое чудесное спасение от смерти, Треваскис доложил, что он «удовлетворен» предоставленной разведывательной информацией, и отказался проводить реформу разведывательного аппарата в федерации, как настаивал Местный разведывательный комитет. Он предпочел рассматривать НОФ скорее как раздражающую, нежели серьезную угрозу. Как было написано в одном отчете, отправленном в Лондон, это все «игра в оловянных солдатиков»⁵⁵.

Именно отношение Треваскиса к вопросам разведки лежало в основе провала мер безопасности в Адене. Главная проблема была в том, что он мало верил в разведывательные службы. Как один из основателей федерации он явно придерживался того мнения, что когда дело доходит до оценки разведанных о ней, то ему лучше знать. Он был убежден, что растущие волнения в регионе происходят из-за махинаций племенных вождей на территориях протекторатов, окружающих Аден, в борьбе между йеменским имаматом и англичанами, с одной стороны, и между Египтом и Великобританией, с другой. В толковании Треваскисом событий, которые напоминали Большую Игру в XIX в., было мало места для популярности «насеризма» в Южной Аравии. Так как его решение было твердо, высокий комиссар действовал сам как оценщик разведывательной информации, навязывая свою версию ситуации с безопасностью в регионе и декларируя ее в отчетах, вместо того чтобы дать возможность Местному разведывательному комитету, среди сотрудников которого были офицеры МИ-5 и SIS, изложить свою точку зрения. Это был классический провал разведки, пример официального редактирования

разведывательных донесений для того, чтобы подогнать их под то, что он хотел услышать. Не придавая значения и манипулируя донесениями Местного разведывательного комитета, Тревакис пренебрег объективными оценками, которые предоставляло ему британское разведывательное сообщество, особенно Объединенный центр разведывательных служб в Лондоне. Дело в том, что, даже если бы Местный разведывательный комитет дал бы четкое предупреждение о покушении на его жизнь, вполне вероятно, что Тревакис не обратил бы на него внимания⁵⁶.

Но все обстояло гораздо хуже. Согласно обычной практике, когда губернатор был не согласен с донесением Местного разведывательного комитета, он излагал свое несогласие в докладе, отсылаемом в Лондон. Этого не произошло в Федерации Южной Аравии. Всякий раз, когда мнение Тревакиса «шло вразрез» с оценками Местного разведывательного комитета, он в одностороннем порядке изменял их без уведомления кого-либо. В результате те люди, которые читали отчеты МРК в Лондоне, включая Объединенный центр разведывательных служб, видели интерпретацию событий Тревакиса, а не МРК. Министерство по делам колоний выразило свое растущее раздражение в апреле 1964 г.: «По-видимому, с его стороны имеется тенденция считать объем фактов более важным, чем проанализированные факты». На тот момент Тревакис изменял отчеты МРК до такой степени, что, по мнению одного чиновника Министерства по делам колоний, они были лишены «объективности» и «очень опасными». При отсутствии достоверной информации, поступающей из Адена, не было ничего удивительного в том, что Объединенный центр разведывательных служб в начале 1962 г. пришел к ошибочному выводу: «В целом, по-видимому, нет причин ожидать каких-либо серьезных проблем ни в колонии [Адене], ни в протекторате»⁵⁷.

Так как Тревакис почти не уделял времени руководству разведкой, она в Федерации Южной Аравии была раздроблена и не согласована. Высокий комиссар настойчиво отклонял любую попытку создать единую разведывательную организацию для всей федерации. Один «безопасник» в Министерстве по делам колоний – Уильям Формой заметил в апреле 1963 г., что «сэр Кеннеди Тревакис не в восторге» от создания официального разведывательного аппарата в федерации под

патронажем Великобритании. Вместо этого он свято верил в то, что для того, чтобы Великобритания могла сохранить долгосрочное присутствие в Южной Аравии, жизненно важно как можно скорее начать работу в направлении обретения ею независимости. Создание разведывательного ведомства в рамках федерации, считал он, было бы для этого проклятием.

Неудивительно, что рекомендации британского разведывательного сообщества были противоположными. Главные шпионы Великобритании настаивали, что самым важным наследием, которое Великобритания могла оставить федерации, когда бы она ни получила независимость, должен быть слаженный и эффективно действующий особый отдел, чтобы ставшие только что независимыми государства могли защитить себя. В начале 1956 г. в рамках своих реформ колониальной разведки МИ-5 настойчиво рекомендовала создать в Адене особый отдел, предназначенный для решения разведывательных задач. Это предложение благополучно ни к чему не привело. И хотя особый отдел был создан, он хромал на обе ноги ввиду отсутствия поддержки и финансирования от Треваскива, а также слабого руководства. Во многом похоже на то, что случилось в Малайе перед объявлением чрезвычайного положения, начальник особого отдела в Адене Боб Уоггит подвергся суровой критике за то, что не сумел внедрить своих агентов в НСП или НОФ перед тем, как в 1963 г. вспыхнуло насилие. Уильям Формой в 1964 г. пришел к заключению: «Не думаю, что мы можем быть удовлетворены тем, как налажена на местах работа в отношении НСП и аденского Конгресса профсоюзов»⁵⁸.

В Адене, как и при чрезвычайных положениях в других колониях, особый отдел оказался на переднем крае борьбы. В январе 1964 г. «Радио Каира» начало угрожать старшим офицерам-арабам особого отдела поименно, и в Рождество того же года НОФ начал их отстреливать. Старший инспектор Фадхль Халил был убит, когда «сидел в своей машине, припаркованной у муниципального рынка Кратер», выстрелом из автоматического оружия из проезжающей мимо машины. В сентябре 1965 г. был найден труп араба – констебля особого отдела, связанного, с кляпом во рту и огнестрельными ранами, причем на его голове была «белая чалма, на которой по-арабски было написано

«Эта казнь была осуществлена Фронтом». Информаторам особого отдела грозила та же страшная участь.

Тактика убийств, к которой прибегнул НОФ, особенно в отношении арабского персонала, сильно подорвала возможности особого отдела. Высокий комиссар доложил в июне 1965 г., что «особый отдел в Адене в настоящее время практически лишен сотрудников-арабов, и ему потребуется значительное время, чтобы восстановить его работу на арабской основе, даже если и найдутся арабы, желающие в нем служить. Нет вероятности, что это случится в обозримом будущем». Четыре месяца спустя опытный сотрудник колониального особого отдела Джон Прендергаст доложил, что «особый отдел находится в особенно плачевном состоянии». Ответом федерального правительства на задачу восстановления особого отдела было привлечение к работе переселившихся в другие страны британских офицеров. Однако особый отдел сделал свое положение еще хуже тем, что оставил ключевые должности с самым лучшим жалованьем для этих офицеров, что было весьма недальновидно. Это вызвало злую насмешку у Джона Мортон из МИ-5, который в апреле 1964 г. провел общую проверку разведки в Южной Аравии. Мортон ясно изложил свое мнение в отчете: «Можно говорить прекрасные слова о «восстановлении особого отдела на основе экспатриантов», но арабы в нем все же должны быть»⁵⁹.

Отсутствие согласованности действий разведки в Южной Аравии проявилось в том, что ведомство, занимающееся оценкой разведывательной информации – LIC, находилось не в столице Федерации Южной Аравии Аль-Иттихаде, а в Адене. Это, возможно, имело бы смысл, если бы Аден был просто еще одним государством в этой федерации, но, когда город был скрепя сердце принят в нее в феврале 1963 г., его жители вывесили черные флаги в знак своего несогласия. Тот факт, что LIC находился в Адене, а не в глубине территории федерации, неизбежно влиял на его оценки и делал их менее достоверными. Более того, так как в федерацию входили обе британские колониальные территории (государство Аден) и государства, которые были свободно связаны с Великобританией рядом договоров (протектораты) и поэтому являлись по сути иностранными территориями, роли МИ-5 и SIS в федерации также перепутались.

Однако самой явной иллюстрацией отсутствия согласованности действий разведки в федерации было то, что почти весь период чрезвычайного положения у нее не было единого начальника. Вслед за объявлением чрезвычайного положения старший офицер МИ-5 Джек Мортон, бывший начальник разведки при Темплере в Малайе, был прикомандирован к правительству федерации. В большом отчете, который он составил в апреле 1964 г., он рекомендовал: для того чтобы дела разведки в федерации улучшились, нужно, чтобы у разведки был «большой начальник». Несмотря на настойчивые просьбы Мортон, Треваскис упорно сопротивлялся появлению начальника разведки, что направило бы все разведывательные усилия в Адене в одно русло под руководством одного профессионального разведчика, как это было в Малайе при Темплере и на Кипре при Хардинге. И снова британские чиновники в Адене не извлекли уроков из предыдущих чрезвычайных положений о необходимости давать отпор восставшим объединенными силами. В Адене не было аналога «плана Бриггса», как в Малайе. На самом деле в Лондоне, по-видимому, царил всеобщее безразличие к проблемам безопасности в федерации. Южная Аравия оставалась в ведении Министерства по делам колоний и Объединенного центра разведывательных служб, тогда как политику в Малайе с апреля 1950 г. диктовал комитет на уровне кабинета министров, возглавляемый министром обороны Эммануэлем Шинвеллом. В отчете политического советника ближневосточного командования в декабре 1965 г. провалы разведки были показаны во всей красе: «Не существует, собственно говоря, разведывательной службы, которая охватывала бы своей деятельностью и делала бы своей целью весь протекторат. Ближе всего к разведывательной службе стоит особый отдел, который ограничивается государством Аден и который был серьезно ослаблен убийствами своих сотрудников и из-за этих убийств и запугивания населения получает гораздо меньший, чем обычно, поток информации»⁶⁰.

В Федерации Южной Аравии начальник разведки появился лишь в июле 1966 г., когда Треваскис наконец уступил давлению Мортон. Первый ее начальник Джон Прендергаст приехал сюда с большим карьерным багажом за плечами – службой в особых отделах в Кении, на Кипре и в Гонконге. В тот же год был также создан Штаб разведки федерации, в котором было три арабговорящих офицера и который

привнес некоторую сплоченность в разведывательный механизм в Адене. Но было уже слишком поздно. К тому времени, когда прибыл Прендергаст, англичане уже проиграли восставшим, и все, чего он смог добиться, – это краткосрочное ограничение потерь, прежде чем англичане ушли из федерации. В феврале 1966 г. британское правительство объявило, что Великобритания выходит из Южной Аравии. По иронии судьбы, разведывательное сообщество в Федерации Южной Аравии добилось сплоченности, которая ему была так отчаянно нужна, *после* объявления Великобританией о принятом решении выйти из нее.

Вместо того чтобы использовать разведывательные брифинги для информирования о состоянии безопасности в федерации, Тревакис поддерживал широкое применение тайных операций, которые, по его мнению, «приведут к столкновению между НСП и SPL [соперница – Южно-Арабская лига], которое побудит их перерезать друг другу глотки». Еще в 1964 г. министр по делам колоний Дункан Сандис разрешил ему потратить 15 тысяч фунтов стерлингов на «проникновение в их организации, подкуп их ключевых лидеров, провоцирование соперничества и зависти между ними, поощрение распрей, появление отколовшихся группировок и их притеснение, например путем срыва публичных митингов». По мнению Тревакиса, единственная (чрезвычайно ограниченная) роль, уготованная разведке в Южной Аравии, состояла в том, чтобы поддерживать тайные операции такого рода с целью «мести» за нападения НОФ. Акцент, который он делал на тайные операции, был сродни французским действиям во время алжирской войны за независимость. Французская «оперативная служба» – группа, занимавшаяся тайными операциями, вроде тех, которые сошли со страниц романа Фредерика Форсайта «День Шакала», – осуществляла убийства в Европе торговцев оружием и других людей, непосредственно поддерживающих Фронт национального освобождения (ФНЛ) – главную боевую группировку, воюющую за независимость Алжира. Однако как французам не удалось ничего добиться в Алжире с помощью тайных операций, так и англичанам – в Южной Аравии. И те и другие не задумывались о политических проблемах, лежавших в основе ситуации⁶¹.

Осенью 1965 г. ситуация с разведкой в Адене слегка улучшилась. Допросы людей, подозреваемых в связях с НОФ, начали давать

результаты, и в период между сентябрем и ноябрем силы безопасности сумели составить картину того, что они назвали «боевым расписанием НОФ», включая названия его ячеек и кодовые имена активистов. Таких оказалось около ста человек, и половина из них была вскоре арестована. Однако сообщения о «боевом расписании НОФ» были несколько лицемерны. На самом деле НОФ не был жестко структурированной группой, состоявшей из египетских и йеменских кадров, как любил заявлять особый отдел в Адене. Скорее это было относительно открытое политическое движение, которое использовало арабскую национально-освободительную риторику, чтобы максимально увеличить число своих членов. Как следствие, оно имело доступ к почти безграничному контингенту плохо подготовленных, но активных новобранцев. Англичане мало делали для того, чтобы пресекать поток таких новобранцев, совершенно не стремясь завоевать умы и сердца жителей Адена. Некоторые английские военные утверждали, что разведывательная информация иссякла, когда Великобритания объявила о своем выходе из Адена в феврале 1966 г., но ясно, что этот поток уже сократился до тонкой струйки еще раньше, когда местное население сделало ставку на вероятную победу Насера на окружающих территориях в глубине материка. Абсолютная неспособность особого отдела в Адене получать полезную информацию о своих врагах – что было удручающе знакомо – заставила некоторых его офицеров взять дело в свои руки. Точно так же, как и в предыдущих чрезвычайных ситуациях в других колониях и во время французской военной кампании в Алжире, некоторые английские дознаватели в Адене прибегали к пыткам, отчаянно стараясь получить информацию⁶².

Тогда, как и сейчас, пытки были последним средством бесплодных усилий. Как и во всех других чрезвычайных ситуациях в колониях Британской империи, применение пыток в Адене было на самом деле результатом неспособности местной разведки выполнять свои обычные функции – внедрять своих агентов в лагерь врага. Испытывая нехватку таких агентов, чиновники пытались получить хоть какую-то информацию любыми средствами. Британские военные взяли на вооружение ту же тактику Q-отрядов, которые до этого применялись в Палестине, а незадолго до происходящих событий – на Кипре и были схожи с отрядами «сдавшегося вражеского личного состава» в Малайе и «группами противодействия» в Кении. Важным назначением Q-

отрядов было склонить захваченных вражеских боевиков к работе в роли двойных агентов. Как и во всех предыдущих чрезвычайных положениях в колониях, методы ведения допросов на линии фронта в Адене либо с целью завербовать агентов, либо получить от них информацию иногда включали жесткие методы «третьей степени», что означало пытки и в нашем, и в их понимании. Тактика Q-отрядов в Адене поразительно напоминала тактику французов в Алжире, которые так же склоняли к сотрудничеству арабов и использовали десантников главным образом в битве за Алжир в 1957 г.

После прибытия в Аден в июле 1966 г. Джон Прендергаст предпринял попытку реформировать методы ведения допросов особого отдела в Адене, делая упор на вербовку агентов. Прендергаст был «совершенно не убежден» в том, что применение пыток дает информацию или способствует вербовке агентов – точка зрения, которую он, по-видимому, позаимствовал у МИ-5. Тем не менее ясно, что некоторые британские подразделения в Адене продолжали применять жестокие наказания к пленным. В 1967 г. солдаты 1-го аргайлширского и сатерлендского хайлендских полков снова заняли район Кратер в Адене после своей временной эвакуации, последовавшей за убийством ряда их товарищей. После возвращения они ввели, как писали средства массовой информации, «Аргайлширский закон» – даже благожелательно настроенные к ним журналисты называли их действия «грубым правосудием». Один солдат позднее вспоминал, что в его батальоне был создан специальный центр ведения допросов, из которого доносились звуки ударов палок, раскалывающих черепа, прикладов ружей, бьющих в челюсть, и вопли на арабском языке. Заявлений о пытках в форте Морбут в Адене – штаб-квартире британского ближневосточного командования – было так много, что собственный юрисконсульт правительства Адена рекомендовал провести судебное расследование. Губернатор колонии сэр Ричард Тернбулл отверг эту идею на том избитом старом основании, что это повредит моральному состоянию и эффективности работы следователей⁶³.

Проводя тайные операции против НОФ, правительство Великобритании оказалось также втянутым в тайную войну с силами Насера в Йемене, считая, что конфликт в Южной Аравии – это война против Египта. Премьер-министр Гарольд Макмиллан написал в своих

мемуарах, что Аден вызвал «завистливую враждебность и Насера, и тех стран арабского мира, которые попали под его пагубное влияние». Насер отправил, наверное, около 70 тысяч египетских «добровольцев» в Йемен для поддержки республиканских фракций, возглавляемых ас-Саллалом. Чтобы сдержать их, в ответ на просьбы о помощи от короля Иордании Хусейна Великобритания неофициально сделала все возможное для оказания поддержки силам сторонников королевской власти – противников Насера в Йемене. Министр обороны Джулиан Эмери и Нейл Маклин «Билли» – так называемый «член парламента за роялистский Йемен» – возглавили тщательно продуманную тайную сеть, которая поставляла вооружение и наемников роялистам. Очевидно, с молчаливой поддержки начальника SIS Дика Уайта они завербовали группу британских наемников, состоявшую в основном из бывших десантников и SOE для борьбы с силами Насера и обучения бойцов местного йеменского народного ополчения. Большинство из них были завербованы в клубе «Уайтс» и Клубе для военнослужащих войск особого назначения в Лондоне за стаканом виски с содовой. Их командиром был Джим Джонсон – бывший офицер территориальных парашютно-десантных войск. В ходе подготовки к отправке наемников в 1964 г. перехваты, предоставленные Центром правительственной связи, дали подробную картину расположения египетских войск в Йемене, а также выявили трения между министрами-республиканцами и египетскими начальниками штабов. Перехваты ЦПС, по-видимому, были особенно важны в октябре 1962 г., так как уведомили Объединенный центр разведывательных служб, а позднее и кабинет министров Великобритании о слабеющем боевом духе египетских войск⁶⁴.

Как всегда, «особые отношения» между Лондоном и Вашингтоном сыграли ведущую роль в тайной войне Великобритании против Насера в Йемене – «войне, которой никогда не было», как ее называли. Трудность для Великобритании заключалась в том, что правительство США не доверяло йеменским роялистам и благосклонно относилось к примирению с Насером. По крайней мере внешне британское правительство не осмеливалось признать, что оно поддерживает йеменских роялистов против желания Вашингтона. Премьер-министр Великобритании сэр Алек Дуглас-Хоум лукавил, когда, выступая в палате общин в мае 1964 г., сказал: «Наша политика в отношении

Йемена – политика невмешательства. Мы не поставляем оружие роялистам в Йемене». Фактически он откровенно лгал. Польза Великобритании от использования неофициальных наемников в Йемене при поддержке по каналам SIS состояла в том, что от них можно было официально откеститься. И хотя миссия наемников была в чем-то приключением из разряда описываемых в «Бойз оун пейпер» (ежемесячный журнал, который печатал занимательные рассказы и статьи, практические советы по внешкольным занятиям. – *Пер.*) – ею руководили из цокольного этажа Слоун-сквер, – она была поразительно успешной. После своего прибытия в Йемен в 1964 г. они жили в пещерах, кишевших блохами, в которых их регулярно бомбили фугасными бомбами и травили газом. Несмотря на эти трудности, они сумели побудить местных йеменских ополченцев воевать с оккупационными египетскими войсками. Война Великобритании в Йемене тянулась до 1970 г., в ходе которой Насер потерял 20 тысяч солдат. Глава Египта заметил, что Йемен стал его Вьетнамом⁶⁵.

В феврале 1966 г. лейбористское правительство Гарольда Уилсона объявило, что Южная Аравия станет полностью независимой самое позднее к 1968 г. и что Великобритания уйдет со своей военной базы в Адене, завершив свои обязательства по отношению к федерации в плане обороны. Ожидалось, что это заявление снизит накал борьбы восставших, но на самом деле оно лишь усилило его. К сентябрю 1967 г. в обстановке нарастающего насилия в федерации министр иностранных дел Великобритании Джордж Браун умыл руки от Южной Аравии. «Ничего не поделаешь, – сказал он в частной беседе. – Во всяком случае, мы хотим быть как можно дальше от Ближнего Востока как можно скорее». Глава палаты общин Ричард Кроссман цинично заметил в своем дневнике, что тот факт, что «этот режим... который следовало бы свергнуть с помощью террористов и который способствовал нашему быстрому уходу, не что иное, как большая удача»⁶⁶.

Уже к 1966 г. весь обман рассеялся, и британские чиновники в федеральном правительстве и разведывательных агентствах начали сворачивать свои дела, готовясь к уходу. Несмотря на то что «важнейшей политикой» была «организация действующих особых отделов перед передачей власти», в Южной Аравии ни одно такое условие не было выполнено. В апреле 1966 г. рабочая группа

Объединенного центра разведывательных служб пришла к выводу, что правители федерации должны полагаться на свои «традиционные источники» разведывательной информации. Перед этим политический советник федерации заключил, что будут налажены «особые отношения», которые «автоматически будут обеспечивать тесное сотрудничество в области разведки» между Великобританией и Южной Аравией после обретения ею независимости. В итоге англичане плохо подготовились к передаче власти и не сумели ее передать эффективно или стабильному правительству. Аден был классическим «стремительным бегством» из империи. Великобритания ушла из Южной Аравии в ноябре 1967 г. совершенно позорно, передав власть опасному марксистскому режиму Народной Республики Южного Йемена. Последствия этого ощущаются и по сей день, в частности в виде экстремистских групп, которым было позволено процветать в результате отсутствия эффективно работающего правительства Йемена⁶⁷.

Заключение

Британская разведка: последняя полутень империи

Британия потеряла империю, но еще не нашла себе роль.

Госсекретарь США Дин Ачесон (1962)¹

Мы не можем надеяться вести войну с Россией и Египтом, забравшимися в колесницу антиколониальной войны, если американцы будут упорно разъезжать по миру на аналогичной модели.

Протокол Министерства по делам колоний (13 февраля 1958 г.)²

Разведывательная служба должна работать как ведомство, действующее в интересах различных структур, которые на самом деле являются ее клиентами... Задачей разведки должно стать предвидение их запросов и предоставление необходимых фактов еще до того, как на них возник спрос. Каждому из своих клиентов разведка должна передавать все важные факты еще до того, как они были запрошены.

Марк Блок. Странное поражение³

Британская империя была империей тайн. С одной стороны, это было так из-за секретных операций разведывательных служб Великобритании (МИ-5, SIS и ЦПС), которые работали за кулисами на закате империи, стремясь поддерживать то, что называли «жизненно важными интересами» Великобритании в ее каждой крупной колонии по всему миру, получившей независимость после 1945 г. Однако

Британская империя была также империей тайн и в другом смысле: документы, относящиеся к деятельности британской разведки в конце существования империи, остаются секретными и хранятся под замками в департаментах Уайтхолла гораздо дольше, чем это необходимо. В результате роль, которую исполняли британские разведывательные службы в конце существования империи, до недавнего времени оставалась закрытой главой в истории. Разведка – это недостающее измерение истории британской деколонизации.

Это – первая книга, посвященная британской разведке в период заката империи, которая основана на рассекреченных разведывательных архивах. Некоторые историки убеждают, что, вместо того чтобы понимать деколонизацию с точки зрения британской или европейской «метрополии», лучше использовать документы самих антиколониальных движений, чтобы понять уход Великобритании из колоний. Такие аргументы не принимают в расчет простую вещь: разведка – это подарок метрополии, который предлагает новую главу в истории конца Британской империи. Изучение богатства разведывательных архивов, которые стали доступны лишь в последние несколько лет – некоторые только в 2012 г., – позволило выявить, как и почему британские разведывательные службы участвовали в завершении существования империи. Однако британское секретное государство почти наверняка играло ту или иную роль в ряде вооруженных конфликтов на закате империи от Омана до Борнео, о которых не было рассказано в этой книге. Причина, по которой их нет в ней, состоит в том, что архивы разведки, относящиеся к этим конфликтам, все еще засекречены. Читатели уже заметили, что эта книга охватывает период до середины 1960-х гг. И эта дата не была выбрана мной произвольно. Это период, когда разведывательные документы по деколонизации Великобритании, доступные в настоящее время, начинают иссякать, а так как эта книга основана главным образом на документах, то это тот момент, когда она должна подойти к концу. К сожалению, на Уайтхолле по-прежнему считают разведывательные документы, относящиеся к закату империи после 1960-х гг., слишком секретными.

Несмотря на ловушку, поставленную таким образом для историков, нетрудно сделать вывод, что британские секретные службы были вовлечены в конфликты, сопутствующие концу империи, после

середины 1960-х гг. точно так же, как и до этого, даже если официальные документы в настоящее время отсутствуют в широком доступе. На момент написания этой книги, например, почти нет рассекреченных разведывательных документов о фолклендском конфликте в 1982 г. Тем не менее известно как от осведомленных людей, так и из официальной истории, написанной сэром Лоуренсом Фридманом, опубликованной в 2005 г., о том, что британская разведка сыграла некую роль в Фолклендской войне. Объединенный центр разведывательных служб нес ответственность за информирование министров об этой ситуации, который, очевидно получал информацию от радиотехнической разведки и источников SIS в Аргентине. Все происходило точно так же, как Центр информировал министров и членов Комитета начальников штабов и раньше – и как он продолжает делать и по сей день. Нам придется подождать, когда разведывательные документы наконец станут доступны, чтобы рассказать полную скрытую пока историю фолклендского конфликта⁴.

После всего вышесказанного даже из тех немногих документов, рассекреченных и доступных в настоящее время, можно по кусочкам составить по крайней мере часть истории разведки, имеющей отношение к последним главам существования Британской империи. Особенно это относится к Гонконгу. Этот город-колония стал британской территорией в 1860 г. после поражения Китая во Второй опиумной войне и после этого сыграл ключевую стратегическую роль для Британской империи на Дальнем Востоке. В 1890 г. Гонконг и прилегающие к нему Новые Территории стали британскими территориями, взятыми в аренду на 99 лет. За последующие десятилетия, особенно за годы после 1945 г., когда началась холодная война, Гонконгу суждено было стать одной из величайших шпионских столиц в мире. Как мы уже видели, такие высокопоставленные сотрудники МИ-5, как сэр Эрик Холт-Уилсон, побывали там еще в 1920-х гг., и накануне Второй мировой войны этот город был одним из первых мест, где МИ-5 разместила на постоянной основе своего офицера связи по вопросам безопасности. Решение британского правительства вернуть себе Гонконг в 1946 г. после его оккупации японцами во время войны, вместо того чтобы совсем отказаться от контроля над ним, означало, что во время холодной войны эта колония стала фокусной точкой для западных держав в регионе, который

контролировали коммунисты; это был «Берлин на Востоке». Как отметил историк Британской империи Ум. Роджер Луис, решение Клемента Эттли держаться за Гонконг было одним из самых смелых решений, которые он когда-либо принял. После прихода к власти в Китае Мао Цзэдуна в 1949 г. Гонконг оказался на переднем крае холодной войны. На самом деле он имел такое же большое значение для Соединенных Штатов, как и для Великобритании, а ведь у США не было даже посольства в материковом Китае. «Гонконг стал сторожевой башней по отношению к Китаю», – вспоминал Джек Смит, который курировал Дальний Восток в Национальном управлении оценок ЦРУ. И хотя огромное большинство документов архива британской разведки, относящихся к Гонконгу, все еще засекречено, тем не менее ясно, что один момент больше всего довлел над всеми британскими (и, очевидно, американскими) оценками разведывательной информации о Гонконге: его отношения с родиной – Китаем⁵.

Первый послевоенный генеральный директор МИ-5 сэр Перси Силлитоу посетил Гонконг в 1948 г. и порекомендовал реформировать тамошнюю систему безопасности, чтобы привести ее в соответствие с перестройкой служб безопасности, которую проводила МИ-5 в других уголках империи. Однако, несмотря на оказываемое на него давление, особый отдел в Гонконге с неохотой принимал прикомандированных к нему от МИ-5 офицеров до 1955 г., после первой «конфронтации» между Китаем и Гонконгом. На этом этапе казалось, что Китай вполне может вступить во владение Гонконгом – или вернуть его себе, в зависимости от того, с какой точки зрения смотреть на способ, с помощью которого Великобритания заполучила его. Конфронтация в 1955 г. в конечном счете не привела к военным действиям, но в 1967 г. возник гораздо более серьезный очаг напряженности во время проводимой Мао так называемой «культурной революции», когда казалось, что Красная армия готова напасть. 8 тысяч английских солдат в Гонконге не смогли бы противостоять 41 тысяче китайских солдат, готовых к наступлению, и МИ-5 начала составлять на крайний случай планы эвакуации высокопоставленных английских чиновников и их семей из колонии. Ситуация была тем более тревожной, как откровенно признали в Объединенном центре разведывательных служб в Лондоне, что SIS едва могла собрать хоть какую-то достоверную информацию о намерениях китайцев. Учитывая характер полицейского государства

Мао, SIS не могла внедрить своих агентов на влиятельные должности в правительстве Китая и узнать что-либо о его стратегических целях. По контрасту, отчеты Объединенного центра разведывательных служб показывают, что было сравнительно легко собрать достоверную информацию о Китайской националистической партии (Куоминтанг, или КМТ), основанной на Тайване⁶.

Несмотря на тревожную ситуацию в Гонконге, Объединенный центр разведывательных служб (JCS) в Лондоне давал Объединенному комитету начальников штабов и кабинету министров Великобритании здравые и реалистичные оценки угрозы, которую представлял собой Китай Мао Цзэдуна. Начиная с 1949 г. отчеты JCS неоднократно объясняли своим читателям, что со стратегической точки зрения Китаю не имеет смысла вступать по владение Гонконгом. Как правильно рассудили в JCS, для китайского правительства Гонконг – это база для его шпионских операций против Запада, равно как и Запад опирался на Гонконг, проводя операции против Китая. В большом обзоре политики Великобритании на Дальнем Востоке в 1953 г. JCS говорилось: «Мы по-прежнему полагаем, что, взвесив все, китайцы считают, что им на пользу сохранение существующего положения вещей в Гонконге, и понимают, что неспровоцированное прямое нападение на Гонконг серьезно повысит риск англо-американского нападения на Китай»⁷.

Даже когда напряженность между Великобританией и Китаем достигла беспрецедентного накала во время конфронтации в 1967 г., JCS давал аналогичные взвешенные оценки. Во многом благодаря этим брифингам JCS британские министры не прибегли к безотлагательным военным действиям или разжиганию страстей путем слишком острого реагирования⁸.

И хотя об этом не говорилось прямо в отчетах JCS, кажется, что лучшим источником информации британской разведки по Китаю во время конфронтации была радиотехническая разведка. После 1946 г. Центр правительственной связи открыл станции прослушивания и на острове Гонконг, и на соседнем острове Маленький Сай-Ван, которые были специально нацелены на перехват русского трафика и, самое главное, сообщений КГБ. В 1954 г. Великобритания использовала свои возможности радиотехнической разведки, чтобы начать операцию «Долговое обязательство» – секретный радиопроjekt, названный «первой операцией Соединенного Королевства Великобритании и

Северной Ирландии сколько-нибудь значимого масштаба с целью проникновения в материковую часть Китая». Ее цель состояла в том, чтобы создать тайную нелегальную вещательную станцию, которая усиливала бы желание среди китайцев среднего класса устанавливать связи с Гонконгом и увеличивала бы число перебежчиков через границу. Изначально Гонконг получил клеймо за эту нелегальную станцию, но она была в конечном счете размещена в Сингапуре – скрыта на одной из тамошних военных баз.

В Гонконге, как и на Кипре, англичане тоже экспериментировали с радиолокационной установкой для сбора информации. Фактически, после начала корейской войны в июне 1950 г. сильное расширение требований к радиотехнической разведке в Гонконге само стало представлять проблему. Поток британских военнослужащих, которые изучали китайский язык на языковых курсах Королевских ВВС, дали подразделениям ЦПС в Гонконге лингвистов, но к 1957 г. спрос на них был такой, что ЦПС был вынужден начать использовать гражданских лиц, говорящих на китайском языке. Так как гражданских лиц нельзя было использовать для выполнения некоторых обязанностей военнослужащих, ЦПС прибег к найму глухонемых местных жителей в своих засекреченных пунктах в Гонконге⁹.

В Гонконге в 1950-х и 1960-х гг. разведка была столь деятельна, что некоторым английским дипломатам не нравилась должность, на которую они были назначены, так как они постоянно были вынуждены отрицать участие в тайных операциях. Одному из губернаторов Гонконга сэру Александру Грэнтаму очень не нравилось то, каким образом его территория стала местом проведения бесчисленных шпионских операций. Событие, которое вызвало возмущение Грэнтама, произошло в июле 1952 г., когда Совет по радиоэлектронной разведке США попытался убедить своих британских коллег в необходимости отправить в Гонконг подразделение радиотехнической разведки американских ВВС численностью 800 человек. А дело было в том, что, несмотря на протесты Грэнтама, Гонконг был слишком важен, чтобы *не* быть использованным во время холодной войны ни Великобританией, ни США. В 1950-х и 1960-х гг. Госдепартамент США и Пентагон считали Гонконг самой важной заморской территорией Великобритании с точки зрения сбора разведывательной информации. Управление национальной безопасности США много чего понастроило

на Гонконге и окружающих островах, в то время как главная радиолокационная станция ЦПС была расположена на высоте 3 тысяч футов над уровнем моря на обрывистых скалах Тай-Мо-Шан на Новых Территориях Гонконга – материковой территории Китая. Нацеленная прямо в воздушное пространство Китая, она давала разведывательную информацию о Китае Лондону, Вашингтону и Канберре. Одним из главных успехов совместных усилий англо-американской радиотехнической разведки в Гонконге было предсказание испытания Китаем своего первого ядерного оружия в 1964 г.¹⁰

Гонконг оставался главным центром британской разведки на Дальнем Востоке до тех пор, пока англичане наконец не передали эту колонию Китаю по истечении 99 лет аренды в июле 1997 г. Один бывший высокопоставленный чин SIS утверждал, что SIS давала последнему британскому губернатору Гонконга Крису Пэттену важную информацию о том, как проводить передачу власти, до тех пор пока не упал занавес. Спуск британского флага в Гонконге был символическим моментом для Великобритании, недвусмысленно ознаменовавшим конец империи¹¹.

Быстрый выход Великобритании из империи за два десятилетия после 1945 г. проходил в целом относительно гладко и успешно, особенно по сравнению с беспорядочным уходом из своих империй других колониальных держав – Франции, Голландии и Бельгии. И хотя в некоторых случаях Великобритания передавала власть государствам, оказавшимся провальными, таким как Пакистан, и другим, которые превратились в диктатуры и выпали из Содружества, такие как Бирма и Зимбабве, обычно ей удавалось поддерживать достаточно дружеские отношения со своими бывшими колониями, особенно в сравнении с другими европейскими колониальными державами. Как показала эта книга, разведывательные службы Великобритании помогали сглаживать процесс выхода из колоний, демонстрируя причудливое маневрирование на закате империи.

«Холодная» война была тем контекстом, в котором Великобритания волновала свою колониальную империю после 1945 г., так что красный цвет, который когда-то горделиво покрывал карты Британской империи, сократился к середине 1960-х гг. к небольшим зависимым территориям по всему земному шару. Как мы уже видели, именно холодная война формировала и диктовала то, как британская

разведка и британские политики отвечали на антиколониальные движения в послевоенные годы. На самом деле холодная война означала, что британские разведывательные службы были не поверхностно вовлечены в деколонизацию, а находились на ее переднем крае. Предположение, которое делали правительства по обеим сторонам Атлантики, состояло в том, что Советский Союз и коммунистический Китай имеют намерение превратить бывшие колонии Великобритании в свои новые государства-сателлиты. И это не было нереальным. По всему миру КГБ использовал разные меры для привлечения на свою сторону правительства стран, которые получили независимость от Великобритании. И все же Малайя была единственным колониальным государством, в котором Британия действительно столкнулась с восстанием, инспирированным коммунистическими идеями. Все другие колониальные чрезвычайные положения в послевоенные годы, включая Палестину, Кению, Кипр и Аден, были вызваны действиями радикальных националистов, а не коммунистов.

Можно выявить ряд областей, в которых действия британской разведки приносили прямые дивиденды британскому правительству (и благодаря «особым отношениям» еще и американскому правительству) во время выхода из империи. Одной из таких самых поразительных областей была радиотехническая разведка. И хотя она не признается большинством историков, феноменальные успехи, которых добились английские дешифровщики во время Второй мировой войны с сообщениями «Ультра», продолжились и во время холодной войны. Соглашение UKUSA (о сотрудничестве в области радиоэлектронной разведки), заключенное в 1946 г. между Центром правительственной связи Великобритании и Управлением национальной безопасности США (текст которого был открыт общественности в 2011 г.), гласило, что Великобритания имела важное значение для Вашингтона, потому что по условиям соглашения ЦПС нес ответственность за сбор информации радиотехническими средствами в новых государствах, вступающих в Содружество. ЦПС предоставлял правительствам Великобритании и США ценную информацию о клонящейся к закату Британской империи, которая включала большую часть стран, которые в настоящее время называют развивающимся миром. Тот факт, что многие правительства колоний и стран Содружества использовали

шифровальные машины, как это делали немцы во время войны, означал, что их сообщения в послевоенные годы ЦПС мог легко взламывать.

Разведывательные службы Великобритании также помогали «сглаживать» конец империи тем, что предоставляли информацию на лидеров антиколониального движения, многие из которых, как Джомо Кеньята в Кении, стали первыми руководителями новых независимых государств. Как мы уже видели, в противоположность тому, что можно было бы предположить, многие оценки британской разведки в отношении лидеров вроде Кеньяты были здравыми и взвешенными, скорее рассеивающими страхи об их коммунистических взглядах, нежели нагнетающими их. Более того, хотя этот момент и отсутствует почти во всех историях о деколонизации Великобритании, секретные службы помогали британскому правительству создавать, а затем поддерживать тесные связи с бывшими колониями. Передача власти в Индии в 1947 г. создала прецедент, которому последовали во всех крупных британских колониях, которые после этого получали независимость. До обретения колониями полной независимости МИ-5 установила с ними тесные отношения – такие тесные, что они сохранились и после обретения ими независимости. Как мы уже видели, во многих случаях офицеры связи МИ-5 по вопросам безопасности обеспечивали секретный канал связи между Лондоном и недавно ставшими независимыми национальными правительствами. Как было продемонстрировано в Индии, разведывательная связь между Великобританией и ее бывшими колониями оставалась крепкой даже тогда, когда дипломатические отношения становились напряженными.

К середине 1950-х гг. МИ-5 ввела процедуру представления своих офицеров связи по вопросам безопасности выбранным лидерам новых национальных правительств, которая происходила накануне получения страной независимости. Обычно в какой-то определенный момент во время переходного периода внутреннего самоуправления и до получения колонией полной независимости, когда Великобритания разделяла власть в стране с местными министрами, губернаторы колоний официально представляли офицера связи МИ-5 по вопросам безопасности, постоянно проживающего в стране, национальным лидерам, ожидающим вступления во власть, и избранной группе других местных высокопоставленных чиновников. Из документов МИ-5

явствует: чтобы рассеять любые страхи, которые могли возникнуть у министров местных правительств в отношении роли МИ-5 и местных особых отделов, губернатор обычно подчеркивал, что роль МИ-5 состоит не в том, чтобы «шпионить» за колониями или странами Содружества, а чтобы поддерживать их. Иногда представление офицера связи по вопросам безопасности проходило «с помпезностью», если цитировать один отчет МИ-5, тогда как в других случаях они проходили скромно и сдержанно. Есть искушение предположить, что они проходили в прокуренных комнатах за закрытыми дверями или, быть может, за джином с тоником в официальной резиденции губернатора колонии – Доме правительства. Какой бы ни была ситуация, эти встречи были делом деликатным, потому что, как, без сомнения, понимали обе стороны, министры, ожидающие вступления во власть, которых посвящали в секреты британской разведки, неизменно были объектами расследований МИ-5 и особого отдела. По-видимому, для того чтобы подсластить пилюлю на этих встречах, губернаторы колоний часто взывали к тщеславию местных министров, подчеркивая тот факт, что сотрудничество с британской разведкой показывает то большое значение, которое придавала Великобритания их странам. Очевидно, подчеркивалось также и то, что если они сохраняют услуги МИ-5 для своего нового правительства, это не будет им ничего стоить: офицерам связи по вопросам безопасности платило британское правительство. Разработанная МИ-5 формула для заключения таких соглашений была весьма успешной: без значительных исключений все новые национальные правительства оставляли для работы в стране офицеров связи по вопросам безопасности после обретения страной независимости от Великобритании. Антиколониальные браконьеры быстро превращались в егерей, охраняющих дичь от браконьеров¹².

Однако не все было так гладко, как наводит на мысль все рассказанное выше. В период внутреннего самоуправления в колониях, особенно после того, как местный губернатор представил офицера МИ-5 по вопросам безопасности местным министрам, неизбежно возникала ситуация, когда МИ-5 и другие ведомства британского разведывательного сообщества должны были делиться разведывательной информацией с этими министрами. В конце концов, контроль над вопросами безопасности и обороны был одним из самых явных выражений независимости правительства, ожидающего

вступления во власть. Более того, накануне обретения независимости местные министры зачастую уже заседали в советах безопасности, на которых обсуждались вопросы, связанные с разведкой. Однако, как мы уже видели, в период самоуправления в британских колониях существовала на самом деле двухуровневая система разведки: в то время как офицер связи МИ-5 по вопросам безопасности делился какими-то разведанными с местными министрами, существовал совершенно обособленный поток разведанных, который поступал лишь к самому губернатору и его ближайшим советникам, с пометкой «только для УК» (Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. – *Пер.*). Офицеры связи МИ-5 по вопросам безопасности предоставляли министрам, ожидающим вступления во власть, лишь тщательно проверенную «чистую» информацию, которая называлась «Наследие»; считалось, что такую информацию безопасно оставлять после того, как англичане уйдут из колонии. Обычно она имела отношение к вопросам закона и порядка и практически никакого к таким вопросам, как коммунизм. Тем временем «грязный» материал, или материал, не входящий в «Наследие», содержащий информацию, которую сочли небезопасной для того, чтобы делиться ею с неевропейцами, получал пометку *W*, что означало *watch* – охранять. В некоторых случаях документы изымались, а папки устанавливали в другом порядке, чтобы какие-нибудь следы документов с литерой *W* не были найдены наследниками после передачи власти. При этом создавались фиктивные папки, чтобы не возбуждать подозрений в отношении недостающих папок при их передаче¹³.

Ситуация, однако, была еще коварнее. Как мы уже видели, офицеры связи МИ-5 по вопросам безопасности и колониальных особых отделов продолжали следить за деятельностью некоторых демократически избранных министров до самого последнего момента перед получением колонией независимости и, наверное, даже после него в некоторых случаях, вроде Золотого Берега, что противоречило обещаниям, которые местный губернатор давал с глазу на глаз этим министрам. Необходимость для Великобритании быть уверенной в надежности министров, которые вот-вот должны получить власть, означала, что их рассматривали как законные объекты для изучения, даже если это означало отказ от выполнения обещания. Чтобы вести переговоры об организованной передаче власти, МИ-5 и колониальные

правительства были готовы прибегнуть к нечестной игре, давая одной рукой и отнимая – другой. Этот процесс продолжающейся слежки за выбранными министрами – один из самых строго охраняемых секретов периода заката Британской империи, известный лишь избранному числу британских колониальных чиновников и исполняемый небольшой засекреченной группой доверенных офицеров колониальных особых отделов (европейцев). Однако поистине необычный конец этого рассказа состоит в том, что, как выяснилось, как только национальные правительства получали полную независимость от Великобритании, многие из них брали на вооружение и применяли такие же точно разведывательные трюки, какие они унаследовали от Великобритании, но теперь уже против своих собственных врагов.

Британские разведывательные службы, особенно МИ-5, обучили большое количество сотрудников колониальных разведывательных служб в последние дни существования империи. Это был один из приемов, которые, как показал историк империи Филипп Мерфи, Британия сумела с успехом экспортировать в качестве «разведывательной культуры» в страны – бывшие колонии и страны Содружества. В целом можно сказать, что британские разведывательные службы помогли трансформировать империю в Содружество – свободную конфедерацию государств-единомышленников, получивших новый импульс в геополитическом контексте холодной войны. Начальник иностранного отдела МИ-5 в 1958–1962 гг. Алекс Келлар резюмировал успехи офицеров связи МИ-5 по вопросам безопасности в завоевании доверия недавно получивших независимость правительств: «В случае африканских стран Содружества я считал – на полном основании, – что вклад, который мы как служба безопасности сделали в их собственную безопасность с помощью наших учебных средств, службы информации и благодаря тесным связям, которые мы налаживаем при управлении совместными операциями с участием агентов, является тем, чем мы можем законно гордиться... Мы создали на этих новых развивающихся территориях кадры местных сотрудников, которые восхищаются нами, уважают и доверяют нам и могут многое сделать, чтобы повлиять на своих политических хозяев в правильном направлении. Мы никогда не сможем сделать какую-либо африканскую страну прозападной, но

благодаря такой поддержке мы можем, по крайней мере, помочь им сидеть на заборе и не упасть на чужую сторону»¹⁴.

Реформы, к которым побуждала британская разведка, движимая политикой холодной войны, привела к созданию между Лондоном и колониями таких прочных связей, что в подавляющем большинстве случаев они сохранялись даже после получения этими колониями независимости. В ноябре 1957 г. Объединенный центр разведывательных служб подвел итоги реформ разведки в Британской империи следующим образом: «Опытная и эффективная разведывательная организация, укомплектованная офицерами необходимой квалификации и высоких моральных качеств, обладающими тесными связями со службой безопасности [МИ-5], является наследством особой важности для колоний,двигающихся к независимости в рамках Содружества, равно как и охраной долгосрочных интересов правительства Ее Величества в области разведки. Цель – создать на местах разведывательную службу, стоящую на своих собственных ногах, когда в стране будет достигнуто самоуправление. Связи, сформированные таким образом, оказались способными пережить переход к независимости; их укрепляют офицеры связи по вопросам безопасности, которые продолжают консультировать и обеспечивать безопасный обмен разведывательной информацией на многих колониальных территориях и территориях стран Содружества, на которых они аккредитованы»¹⁵.

Некоторые реформы разведки в Британской империи в начале холодной войны оставили наследие, которое и по сей день влияет на вопросы разведки и безопасности. Разведывательная сеть в колониях и странах Содружества, которую создала МИ-5, была унаследована SIS в 1960-х гг. Она обеспечивала SIS поистине глобальной разведывательной сетью, которую та продолжает эксплуатировать и по сей день. В 1990-х гг. личный секретарь королевы сэра Роберт Феллоуз спросил заместителя директора SIS сэра Джерри Уорнера, как он может охарактеризовать роль секретной разведывательной службы ее величеству. Заместитель директора SIS ответил: «Скажите ей, что мы последняя полутень империи».

Одним из самых поразительных мерил успеха МИ-5 в строительстве разведывательной сети в колониях и странах Содружества является тот факт, что Великобритания сумела

поддерживать разведывательные связи даже с некоторыми зависимыми от Великобритании территориями, которые не остались в Содружестве, часто в обстановке мощного насилия, направленного против англичан. Так было с Государством Израиль. К октябрю 1949 г., всего через полтора года после его возникновения, отношения между SIS и израильской разведкой в основном нормализовались, и SIS имела свою базу в Тель-Авиве. Этому, без сомнения, содействовал тот факт, что некоторые ключевые фигуры израильской разведки на ее начальном этапе, такие как Реувен Заслански – первый начальник израильской зарубежной разведывательной службы МОССАД – до этого работал с английской разведкой в Палестине против Иргун и «банды Штерна». В 1953 г. в ЛС в Лондоне отметили, что «стандарты безопасности израильской полиции и службы безопасности высоки и основываются на британских методах обучения и работы»¹⁶.

Однако успех Содружества как идеи, поддерживаемой разведывательными связями, не следует преувеличивать. Странам Содружества, безусловно, удалось содействовать развитию связей между государствами с помощью таких средств, как спорт и образование, и всякий, кто видел слова «имперский стандарт» в ваннных комнатах отелей от Сингапура до Вест-Индии, будет знать по крайней мере об одном проявлении наследия Британской империи, которое живо и по сей день. Тем не менее, помимо писсуаров, системы мер и весов, многие планы, горячо пропагандируемые для стран Содружества, – из которого слово «Британское» было вежливо выброшено в 1948 г. после получения Индией независимости – так и не сдвинулись с мертвой точки. Никогда не было суда Содружества, как некоторые надеялись, и на понятие «всеобщая декларация прав для стран Содружества» было наложено вето. С учетом всего сказанного, МИ-5, возглавлявшая разведывательную сеть стран Содружества, была ценным инструментом в холодной войне, являясь идеологическим бастионом против антизападной пропаганды китайско-советского блока. Без разведывательной сети, созданной МИ-5, усилиям Советского Союза, вероятно, сопутствовал бы больший успех в годы холодной войны в бывших колониях Британской империи, чем тот, которого он достиг¹⁷.

Наряду с этим положительным вкладом британской разведки в то, как Великобритания сумела выйти из империи (использование

радиотехнической разведки, которая давала информацию о национальных лидерах, налаживание и поддержание тесных связей с национальными правительствами после обретения независимости), было бы ошибкой предполагать, что все реформы МИ-5 в империи и странах Содружества были успешными. Минимальное финансирование, которое имела МИ-5 в своем распоряжении в 1950-х гг., означало, что ее влияние на местах было неизменно ограничено. В начале 1950-х гг. у МИ-5 на всем Африканском континенте работали на постоянной основе всего три офицера. Когда МИ-5 расследовала участие коммунистов в восстании мау-мау, у нее не было сотрудников, которые говорили бы на языке кикую, и ей позарез были нужны наличные, чтобы нанять переводчика. Ее предложения по проведению реформ служб безопасности в колониях и странах Содружества также не всегда принимались сразу. Один из ближайших партнеров Великобритании по Содружеству – Новая Зеландия не создавала у себя отдельную службу безопасности до 1956 г., хотя МИ-5 рекомендовала ей сделать это еще в 1948 г. Некоторые офицеры связи МИ-5 по вопросам безопасности в бывших колониях были не способны выполнить свою главную задачу – установить тесные и продолжительные отношения со странами, получившими независимость. Офицер связи по вопросам безопасности в Уганде докладывал в 1962 г., что тамошние министры «не хотят или не готовы принимать наши рекомендации». Офицер связи по вопросам безопасности в Танганьике после обретения страной независимости не сумел установить продуктивные рабочие отношения с правительством и был отозван в 1964 г. Аналогично, офицер связи по вопросам безопасности в Замбии оказался лишним, когда во главе особого отдела встал африканец, приняв дела от английского экспатрианта, так что должности офицеров связи по вопросам безопасности в Замбии и Уганде оказались ликвидированными в 1967 г.¹⁸

Аналогичные неудачи имели место в Бирме. Передача власти там Великобританией в январе 1948 г. закончилась полным провалом и уроком того, как не нужно выходить из колонии. Надежды на независимость Бирмы британское правительство возлагало на генерала Аун Сана – признанного военного лидера, который во время войны сначала сотрудничал с японцами, а затем перевернулся на сторону союзников. К сожалению, Сан – отец нынешнего продемократического

бирманского лидера Аун Сан Су Чжи – был убит в июле 1947 г., за шесть месяцев до того, как Бирма должна была получить независимость. После этого англичане утратили контроль над передачей власти и поспешно ретировались с Бирмы. После 1948 г. Бирма развивалась как диктаторская экономика осажденной страны за рамками Содружества. Из дневника сотрудника МИ-5 Гая Лиддела явствует, что вслед за убийством Аун Сана планы Великобритании установить разведывательную связь с Бирмой расстроились. Документы Объединенного центра разведывательных служб того времени показывают, что непосредственно после получения страной независимости никакое подразделение британской разведки не поддерживало связь с новым национальным правительством Бирмы. Документы Министерства по делам колоний демонстрируют, что лишь к началу 1950-х гг. МИ-5 ввела должность офицера связи по вопросам безопасности в столице Бирмы Рангуне, как во время Второй мировой войны. Эта должность была уникальна тем, что, хотя офицер работал на не принадлежащей Великобритании территории, она контролировалась МИ-5 и на самом деле была базой и МИ-5, и SIS. Известно, что эта должность существовала по крайней мере до 1954 г. Судя по отчетам Объединенного центра разведывательных служб, база МИ-5 в Рангуне, по-видимому, не давала существенной информации в начале холодной войны, когда разведывательные отношения между Великобританией и Бирмой были заморожены¹⁹.

С похожими сложностями Великобритания столкнулась в Республике Ирландия, которая вышла из Содружества в 1948 г. МИ-5 и SIS почти наверняка поддерживали связь с ирландской полицией и военной разведкой G2 после 1945 г., как они это делали незадолго до и во время войны. Однако в то время вопросы безопасности Ирландии не входили в сферу ответственности Великобритании. За десятилетия, прошедшие после 1945 г., британские и ирландские власти считали угрозой, исходящую от ИРА и роялистских военизированных группировок, вопросом законности и порядка, и поэтому ответственность за работу по ним легла на плечи полиции по обеим сторонам границы в республиканской и Северной Ирландии. В течение более позднего периода так называемых «беспорядков» в Северной Ирландии, которые начались в 1970-х гг., безопасность Ирландии все больше и больше становилась головной болью британской армии.

Известно, что в начале 1970-х гг. МИ-5 разместила своего офицера связи по вопросам безопасности в Белфасте, но она взяла в свои руки решение вопросов, связанных с безопасностью в Ирландии, включая терроризм, на основной территории Великобритании или в Северной Ирландии лишь в 1990-х гг., а это уже история, которая лежит за рамками этой книги²⁰.

Наряду с этими неудачами, строгое разделение между операциями МИ-5 и SIS в пределах империи и на «зарубежных» территориях соответственно означало, что, когда SIS унаследовала от МИ-5 страны Содружества, она была менее подготовлена, чем была бы, если бы имела возможность проводить операции в этих странах и раньше. По словам одного бывшего высокопоставленного офицера SIS, ей пришлось начинать работу с агентами на пустом месте, когда наконец ей было позволено начать работу на территории Содружества, хотя зачастую она использовала те же самые картотеки, которые ранее собрали МИ-5 и Особые отделы. Однако оказывается, что SIS отчасти сама виновата за свой собственный медленный старт на территории стран Содружества, так как она выделяла маленькие средства на финансирование тамошних операций. Один новобранец SIS вспоминал, что отдел в Лондоне, который в начале 1960-х гг. занимался всей Африкой именно тогда, когда SIS начинала внедряться в бывшие британские колонии на этом континенте, был совсем маленьким и состоял лишь из нескольких сотрудников. Его начальником, «инспектором Африки», был эксцентричный Джон Брюс Локкарт (ДБЛ) – племянник Роберта Брюса Локкарта – знаменитого представителя Великобритании в Москве после свершения в 1917 г. большевистской революции. Несмотря на такое происхождение, ДБЛ был человеком, с которым было трудно ладить²¹.

Закат Британской империи в сочетании с борьбой за то, чтобы SIS стала преемницей МИ-5 в бывших колониях, привели к резкому подъему активности в тех областях, которые остаются областями роста до настоящего времени, – имеются в виду независимые подрядчики в сфере безопасности. Когда империя распалась, частные консультанты в области безопасности, число которых быстро увеличивалось, стали предлагать государствам, недавно обретшим независимость от Великобритании, разнообразные услуги. Группа таких специалистов в области безопасности, состоявшая в основном из бывших офицеров

колониальных особых отделов, путешествовала из одной кризисной зоны в другую, предлагая частные услуги в сфере безопасности. Среди них был Ян Хендерсон, который, как мы видели, работал в особом отделе в Кении, затем переехал в Родезию, а потом стал консультантом по вопросам безопасности в государствах Персидского залива. Происхождение печально известных частных фирм, предоставляющих услуги в сфере безопасности, таких как «Блэкуотер», которые действовали во время недавней войны в Ираке, относится к этому периоду.

В начале холодной войны – в начале 1950-х гг. Уинстон Черчилль популяризовал идею о том, что будущее Великобритании лежит в охвате трех взаимосвязанных областей – Содружества, Соединенных Штатов («особые отношения») и Европы. Однако спустя десятилетие – в начале 1960-х гг. один из основных постулатов, стоявших за Содружеством как экономической торговой зоной, известной как зона фунта стерлингов, рухнул; взаимоотношения Великобритании с Вашингтоном стали отношениями подчинения, а Западная Европа преобразилась с созданием Европейского экономического сообщества (ЕЭС) без участия Великобритании, которая изначально отказалась вступить в ЕЭС в 1957 г., но в 1961 г. правительство консерваторов, возглавляемое Гарольдом Макмилланом, осознав, что осталось позади, попыталось вступить в ЕЭС. Однако президент Франции Шарль де Голль решительно наложил вето. Именно в этот момент, говоря словами историка Дэвида Рейнольдса, можно сказать, что статус Великобритании как мировой державы понизился по сравнению с тем, каким он был всегда²².

Несмотря на ее понизившийся статус в плане «жесткой» силы, бывшие колониальные владения Великобритании (имперская недвижимость) означали, что она продолжает играть важную роль в глазах Вашингтона. Рассеянные по миру бывшие колониальные зависимые территории Великобритании от Кипра до Гонконга выступали в роли перевалочных пунктов для разведывательных операций во время холодной войны, особенно в доспутниковый период, что было так же полезно для Вашингтона, как и для Лондона. С американским финансированием, далеко превосходящим те суммы, которые могло предоставить министерство финансов, американское агентство по радиотехнической разведке – Агентство национальной

безопасности субсидировало некоторые из самых важных операций британской радиотехнической разведки в таких местах, как Кипр. Как мы уже видели на примере маленькой колонии – Британской Гвианы, в некоторых случаях правительство США было более колонизаторским по взглядам и действиям, более настойчивым в оказании поддержки имперской власти, чем само британское правительство. Так обстояли дела с крошечным островом Диего-Гарсия – самым большим атоллom в цепи островов, известных как острова Чагос, в Индийском океане, расположенные приблизительно на полпути между Африкой и Индонезией. Недавно ставшие доступными документы из секретного колониального архива в Хэнслоу-Парке демонстрируют степень, в которой британское и американское правительства дурачили общественное мнение по обеим сторонам Атлантики в отношении своих планов, связанных с островом Диего-Гарсия, который был важен для Вашингтона в рамках геополитики холодной войны, потому что у него не было военных баз в этом регионе.

В ноябре 1965 г. британское и американское правительства начали подготовку соглашения, по которому остров Диего-Гарсия и окрестные острова должны были быть отделены от острова Маврикия и Сейшельских островов (которые управляли островами Чагос в то время) и получить статус «территорий Великобритании в Индийском океане», или ВЮТ. Целью этого соглашения, официально подписанного двумя правительствами в декабре 1966 г., было обеспечить Лондону и Вашингтону пользование островом на пятьдесят лет и «строительство оборонительных сооружений» на нем. По этому соглашению острова должны были перейти в пользование Великобританией без проживающего на них населения. В частном порядке американские чиновники дали понять своим британским коллегам, что они хотят, чтобы острова были «очищены» от людей. Проблема была в том, что на островах проживали около 1200 человек, которые были не заинтересованы в том, чтобы уступить свою территорию англо-американской военной базе²³.

Изначально намерение состояло в том, чтобы Великобритания оплатила расходы на переселение жителей островов и «купила согласие Маврикия и Сейшел», а США заплатят за сооружение военной базы. Однако со временем стало ясно, что «подсластитель к пилюле», который потребовали Маврикий и Сейшелы, больше, чем ожидали, –

около 10 млн фунтов стерлингов. Английские министры решили, что Вашингтон должен внести сюда свой вклад, и американские чиновники из Министерства обороны неохотно согласились при условии, что эта неокOLONиальная деятельность будет скрыта от глаз общественности. Договоренности были выполнены тайно, и американцы внесли свой вклад, по соглашению от 1967 г., вычтя эту сумму из той, которую Великобритания была должна за покупку ракет «Поларис». Американские чиновники знали, что конгресс в Вашингтоне не одобрит финансирование Америкой «отделение архипелага Чагос» с целью создания новой британской колонии. И, по мнению одного сотрудника Министерства иностранных дел Ричарда Сакса, в апреле 1967 г. американцы все больше и больше нервничали по поводу этой «откровенно говоря, неприкрытой лжи»²⁴.

За последующие годы министерство по делам колоний под давлением Вашингтона приступило к вывозу населения островов Чагос. Британский уполномоченный по ВЮТ на Сей-шелах объявил указ, который позволял ему покупать плантации у жителей островов Чагос за суммы, которые были недостаточной компенсацией (как стали утверждать позднее). Министерство по делам колоний намеренно избегало слов «постоянные жители» по отношению к обитателям островов Чагос при упоминании о них в ООН, чтобы не сложилось впечатление, будто у них есть право там остаться. Но в частных беседах британские чиновники раскрывали свои истинные чувства. В августе 1966 г. несменяемый помощник министра иностранных дел сэр Пол Гор Бут написал Деннису Гринхиллу – британскому дипломату в ООН о подоплеке покупки островов у Маврикия: «Мы, безусловно, должны занять в этом жесткую позицию. Цель происходящего – заполучить кое-какие скалы, которые останутся нашими: там не будет коренного населения за исключением чаек, у которых еще нет комитета (статус Женского комитета не охватывает права птиц)... Правительство Соединенных Штатов потребует убрать все население с атолла к июлю».

На это Деннис Гринхилл (позднее барон Гринхилл из Хэрроу) ответил так: «К сожалению, помимо птиц есть еще Тарзаны или Пятницы, происхождение которых неясно и которых хотят отправить на Маврикий и т. д. Когда это будет сделано, я согласен, что мы должны

занять очень жесткую позицию, и подача документов должна быть соответствующей»²⁵.

Шокирующие выражения, которые использовал Гринхилл, больше похожи на те, которых мы могли бы ожидать от британского чиновника периода расцвета Викторианской эпохи, когда население колоний просто не принимали в расчет как «низшее», нежели от чиновника Министерства иностранных дел в середине 1960-х гг., когда Великобритания пыталась доказать миру, что оставшиеся у нее колониальные владения не являются отвратительным анахронизмом. Чтобы «продать» опустошение островов Чагос скептикам в ООН, министерство по делам колоний намеренно неправильно толковало причину, по которой жителей островов Чагос вывозят с острова, утверждая, что это делается в первую очередь по коммерческим соображениям: говорили, что на Маврикий их ждет хорошая работа, хотя британские чиновники в ООН предпочитали не акцентировать внимание на том, что Маврикий находится на расстоянии свыше тысячи миль от островов Чагос, что затруднило бы представление переселения людей просто как процесс вселения в новое жилье. Министерство по делам колоний оказывало нажим на компанию «Мулини и Ко» (Сейшелы), которая управляла кокосовой плантацией на островах Чагос, чтобы та отправила островитян на Маврикий и Сейшельские острова. Но, к сожалению, обещанная островитянам работа так и не материализовалась, так что многие из высланных чагосийцев были вынуждены жить в бедности. Вопрос об их переселении остается животрепещущим по сей день. Они уже подали иск в суд на правительство Великобритании за один аспект их выселения и поставили в известность, что снова сделают это для получения большей компенсации²⁶.

Тем временем правительства Великобритании и США получили то, что хотели. Они построили огромный аэродром с взлетно-посадочной полосой длиной 3500 футов на опустевшем острове Диего-Гарсия, который в 1970 г. стал местом дислокации большой радиолокационной станции, а также базы приблизительно для 250 военнослужащих, которые получают жалованье в основном в американских долларах. Министр обороны Великобритании лорд Каррингтон в ноябре 1970 г. откровенно сказал своим коллегам в Вашингтоне, что «пока [британское] правительство готовится стать

партнером США по созданию базы оборонительной связи на острове Диего-Гарсия в Индийском океане, США придется нести основные расходы». Однако самым удивительным поворотом в этой истории стало соглашение, которое Великобритания и США заключили в 1974 г. В январе того года секретарь кабинета министров сэр Джон Хант был послан с деликатной миссией в Белый дом, чтобы обсудить скользкий вопрос о том, получит ли Америка «неограниченный доступ» к базе на острове Диего-Гарсия в критической ситуации. Результаты, которых добился Хант, поразительны. Публично по обе стороны Атлантики утверждали, что это будет «совместным решением», по-видимому, с правом англичан накладывать вето. Однако за кулисами между Хантом и президентом США Ричардом Никсоном было заключено тайное соглашение, которое превращало вышесказанное в простую консультацию. В результате Великобритания разрешила США использовать острова Чагос как свою собственную колонию. В Индийском океане, как и в Британской Гвиане, американцы, выступающие против колониализма, сами оказались в значительно большей мере колонизаторами, чем англичане²⁷.

С одной стороны, история, изложенная в этой книге, представляет собой рассказ об ошеломляющем провале, неспособности извлекать уроки из прошлого. Несмотря на предупреждения британских разведывательных служб, колониальные администрации обычно обращали мало внимания на дела разведки до тех пор, пока не становилось слишком поздно, после начала беспорядков в их колониях. Эту проблему усложнял тот факт, что, когда они сталкивались с насилием, направленным против колониализма, колониальные администрации, равно как и министерство по делам колоний в Лондоне и армия Великобритании, совершенно не умели извлекать уроки из предыдущих чрезвычайных ситуаций. Армия пыталась приводить в систему доктрину о малоинтенсивной войне, но продолжала допускать те же самые основные ошибки сначала в песках Палестины, затем в джунглях Малайи и Кении, а потом на скалистых вершинах Кипра и в пустынях Южной Аравии. Несмотря на уроки, которые преподавала Палестина, армия Великобритании и правительственные департаменты на Уайтхолле оказались поразительно неспособными перенести тамошний опыт на более поздние чрезвычайные положения. Неспособность Великобритании извлечь уроки из Палестины тем более

поразительна, учитывая то, что после ее выхода из мандата в мае 1948 г. начался исход палестинских полицейских, гражданских служащих и советников по вопросам безопасности в другие части империи. Вместо того чтобы изучить уроки Палестины, они повторяли старые ошибки, пытаясь заново изобрести колесо каждый раз, когда объявляли о новом чрезвычайном положении: сначала пыжились собрать информацию на своих врагов, затем пытались подавить восстание по дешевке с минимальным применением силы. Через некоторое время к ним неизменно приходило понимание того, что сделать это невозможно, и поэтому они прибегали к применению подавляющей силы, насилию и репрессиям часто ценой огромных людских потерь. В конечном счете это приводило к обратным результатам, так как сеяло семена уничтожения самой колониальной администрации. Сэр Хью Фут, который занимал высокое положение в Палестине во время предвоенного Арабского восстания и в 1957 г. стал губернатором Кипра, вспоминал: «...действия против диверсионного или террористического движения. должны быть избирательными и не беспорядочными. Это звучит как очевидное, но в Палестине, а затем на Кипре часто возникала тенденция пытаться компенсировать отсутствие разведанных применением кувалды – массовых арестов и задержаний, масштабных оцеплений, обысков и коллективных наказаний. Такие действия могут принести больше вреда, чем пользы, и обычно играют на руку террористам, восстанавливая общественное мнение против сил власти. Национально-освободительное движение уничтожается не благодаря тому, что жизнь простых людей делается невыносимой, а благодаря выборочному преследованию лидеров террористов, которое осуществляют немногочисленные опытные подразделения, действующие разумно на основе достоверной информации»²⁸.

Опыт МИ-5 во время Второй мировой войны указывал на то, что применение пыток на допросах не может дать достоверной информации – урок, который был важен как тогда, так и в наши дни. Офицеры МИ-5 старались внушить эту точку зрения сотрудникам особых отделов в колониях в послевоенные годы, но зачастую им не удавалось сделать это. Не нужно углубляться в историю войн Великобритании в Палестине, Малайе, Кении и Адене, чтобы найти страшные примеры того, как сотрудники британских спецслужб пытаются арестованных в том самом смысле, который и тогда, и сейчас

понимается одинаково с юридической точки зрения. В Палестине английские солдаты макали подозреваемых в причастности к Иргун и «банде Штерна» в ведра с водой и держали до тех пор, пока те почти не захлебывались. В Кении во время допросов бывали случаи, которые можно назвать только садизмом, когда сотрудники службы безопасности обращались с задержанными, подозреваемыми в связях с мау-мау, весьма грубо – избиения были обычным делом. Известно, что на Кипре и в Адене следователи прибегали к таким приемам: надевали на голову пленного металлическое ведро и колотили по ведру прикладами винтовок до тех пор, пока те не признавались. Всплывали истории о том, что следователи загоняют булавки под ногти арестованных и применяют другие методы, предназначенные причинять боль, но не оставлять следов на жертвах. В Адене в 1960-х гг. разведывательный корпус британской армии, очевидно, имел секретное место для пыток в форте Морбут, ужасы которого еще не раскрыты. Настроившись против всего этого, следует помнить о том, что те люди, которые воевали с англичанами в таких местах, как Палестина, Малайя, Кения и Аден, тоже были безжалостными и часто пытали захваченных в плен английских солдат и убивали представителей местного населения, за которое они, по их заявлениям, воевали – печально, но тенденция, когда военизированные группировки убивают своих собственных братьев, сохраняется и по сей день.

Вероятно, невозможно сделать какие-то общие выводы о том, почему сотрудники британских служб безопасности пытали пленных в колониях в период заката империи. Наверное, существует столько же различных причин, сколько и следователей. Жестокость человека по отношению к человеку имеет бесконечное множество объяснений, особенно в пылу сражения: от отчаянного желания получить разведывательную информацию до сведения старых счетов, мести за раненого друга или действий, вызываемых неуравновешенным разумом. Однако неспособность английских высокопоставленных военных и гражданских чиновников, включая разведслужбы, установить соответствующие механизмы защиты, чтобы предотвратить пытки, особенно на переднем крае боевых действий, является отчасти причиной, по которой пытки имели место во время грязных конфликтов, сопровождавших конец империи.

Применение пыток, по-видимому, имело место не так часто во время допросов с целью вытянуть стратегическую информацию или превратить пленного в двойного агента – такие допросы часто проводились в специальных помещениях вдали от переднего края боевых действий офицерами колониальных особых отделов под надзором МИ-5. Пытки, видимо, применялись чаще на допросах, проводившихся на передовой, или когда дознаватели сочетали сбор разведанных с «реабилитацией» пленных. Как мы уже видели, процесс «фильтрации» в Кении, когда пленных допрашивали с целью получить информацию и оценить, насколько они близки к движению мау-мау, по-видимому, является тем случаем, когда сотрудники сил безопасности совершали большое количество злоупотреблений²⁹.

История деколонизации Великобритании – это история обмана. Благодаря публикации ранее засекреченных документов мы можем увидеть, что британское правительство намеренно подправляло исторические документы, относящиеся к концу империи. В последние дни колониального правления на территориях по всему миру британские чиновники умышленно уничтожали документы с важной информацией, а другие – отправляли в Великобританию на хранение, где они закончили свой путь в совершенно секретном архиве Министерства иностранных дел в Хэнслоу-Парке. В результате историки были введены в заблуждение относительно важных аспектов деколонизации Великобритании. На этом начальном этапе трудно сделать какие-то определенные выводы о тайном архиве в Хэнслоу-Парке, так как первый транш документов стал широко доступен лишь в апреле 2012 г. Есть предположение, что эти документы добавят новые подробности к нашему пониманию ситуации, но вряд ли радикально изменят существующий исторический рассказ. Подробности того, как в последние дни существования Британской империи проходила манипуляция секретной информацией, разделившая все секретные документы на «Наследие» и «Не наследие», можно было найти в других документах, если внимательно смотреть, даже еще до открытия архива в Хэнслоу-Парке. Однако кажется, что эти новые документы все же раскрывают, что британские министры и чиновники в Лондоне знали больше о самых отвратительных преступлениях и злоупотреблениях, которые совершали сотрудники британских служб безопасности при чрезвычайных положениях в колониях, чем раньше

думали историки, и не были так уж невиновны в преступлениях, совершаемых в колониях, как они любили изображать себя³⁰.

Причиной, по которой колониальные чиновники уничтожали документы или отправляли их в Великобританию, часто была национальная безопасность. Это вызывает некоторое понимание. Нетрудно понять, почему документы, имеющие отношение, например, к информаторам в колониальный период, тщательно охраняются: их обнаружение поставило бы правительство Великобритании в неловкое положение и стало бы потенциально опасным для самих информаторов после передачи власти в колониях. Но, судя по первому траншу из архива в Хэнслоу-Парке, многие документы, которые держались в секрете, были изъяты не по причине национальной безопасности, а из страха «поставить в неудобное положение» правительство ее величества. Это, по-видимому, использовалось в качестве оправдания утаивания документов, которые в разумной степени должны были бы быть рассекречены давным-давно.

Публикация документов из архива в Хэнслоу-Парке неизбежно заставляет нас задать еще один вопрос: что же еще они скрывают даже сейчас то ли ради национальной безопасности, то ли потому, что это может поставить в неудобное положение правительство Великобритании? Безусловно, есть еще много скелетов в шкафу, имеющих отношение к истории конца Британской империи. Например, стало известно, что по крайней мере один сотрудник Министерства иностранных дел и по делам Содружества в 1960 г. рекомендовал убить лидера Конго Патриса Лумумбу. Чиновник, о котором идет речь, Говард Смит, стал генеральным директором МИ-5 – хотя в те далекие времена он был совершенно с ней не связан. И все же остается вопрос: действительно ли тайные планы Великобритании убить Лумумбу или других доставляющих проблемы лидеров, умерших при подозрительных обстоятельствах, достигли своей цели? В настоящее время мы этого не знаем. Разумеется, история никогда не повторяется в точности. При этом история может дать путеводную нить к настоящему и сделать предостережение на будущее. Только тогда, когда все секретные документы о кровавых войнах, которые вела Великобритания на закате своей империи, будут опубликованы, в истории будет наведен порядок, и мы получим возможность извлечь правильные уроки из прошлого.

Благодарности

В ходе написания этой книги я наделал больше долгов, чем когда-либо смогу возратить. Прежде всего, я должен поблагодарить своего руководителя – доктора философии Кристофера Эндрю, который первым пробудил во мне интерес к истории британской разведки и без чьей постоянной поддержки эта книга была бы невозможна. Я очень благодарен ему за то, что он дал мне волнующую возможность быть его помощником-исследователем в работе над беспрецедентной официальной историей Службы безопасности (МИ-5). Я также в долгу перед рядом сотрудников британской разведки, находящихся на действительной службе и ушедших в отставку. Их имена должны оставаться в тайне, но они знают, о ком идет речь.

На протяжении семи лет между 2002 и 2009 гг. исследований в Кембриджском университете для меня было привилегией преподавать (и помогать в написании студенческих работ) историю разведки. Одним из преимуществ преподавания в Кембридже является то, что можно проверить новые идеи на исключительно ясных умах. Семинар Кембриджского университета по разведке, который я помогал организовывать в 2006–2009 гг., вероятно, является самым оживленным академическим семинаром по разведке в мире, и я испытывал удовольствие представлять на нем доклады по многим темам, которые рассмотрены в этой книге. Я также проверил многие содержащиеся в ней идеи на международной конференции, посвященной разведке и империи, которую я помогал организовывать и которая проходила в Кингс-колледже Кембриджа в апреле 2009 г. Мой собственный колледж в Кембридже – Тринити-колледж был особенно подходящим местом для изучения истории британской разведки (и КГБ). Тринити-колледж так же щедр, как и богат, и я испытываю особую благодарность за его гранты. Моя докторская диссертация финансировалась Британским советом исследований в области искусств и гуманитарных наук, которому я чрезвычайно благодарен, а после получения докторской степени моя стипендия младшего научного сотрудника в Дарвиновском колледже Кембриджа отчасти финансировалась щедрым грантом Треста Исаака Ньютона.

Я хотел бы поблагодарить, в частности, следующих людей, которые любезно читали черновики этой книги на различных этапах ее написания: Питера Мартленда, Брюса Хоффмана, Филиппа Мерфи, Ричарда Олдрича и Питера Хеннесси. Терри Барри был моей верной опорой с того самого момента, когда я познакомился с ним в Тринити-колледже в Дублине много лет назад. Уилл Лесли с семинара Кембриджского университета по разведке помогал мне, делая фотокопии документов в Государственном архиве, а Софи Уэбб помогала мне в написании первого черновика. Мои редакторы в «Харпер-Коллинз» Мартин Редферн и Роберт Лейси оказывали мне исключительную помощь от начала до конца, как и мой литературный агент Джон Элек в «АП Уотт» (старейшее литературное агентство в мире. – *Пер.*).

В ходе моей работы друзья оказали мне большую помощь, чем они, вероятно, понимали. В Кембридже было несколько человек, которые помогали мне оставаться (относительно) в здравом уме после долгих дней исследований: Кевин Квинлен, Эдам Шелли, Джонатан Чэвкин, Джохен Шенк, Джонатан Мастерс и Джайлз Кингсли-Поллант. Мне повезло, что я могу называть Иана Рассела другом, и за эти годы я извлек огромную пользу из бесед с ним на тему нашего исследования. Лондонские друзья стали хорошей компанией и приятным перерывом на отдых после часов, проведенных сгорбившись над письменным столом в Государственном архиве. Тома Бракснера и Джулиет Макдермотт я благодарю за обсуждения темы британских военных; Кунала Пателя и Али аль-Руфайи – за то, что помогли мне лучше разбираться в медицине; и моя особая благодарность Тиму Перссону, чей дом в Свазиленде подтолкнул меня к размышлениям о колониальной истории.

И хотя едва ли нужно об этом говорить, моя искренняя благодарность – моей семье (моему отцу Майклу, матери Лайле и сестре Лие), которая за недавнее время пережила больше, чем следовало бы. Без поддержки моего отца, который вырос в колониальной Кении, эта книга потерпела бы неудачу уже давно, и я надеюсь, что он получит приятную возможность увидеть ее в напечатанном виде. Больше всего моя глубочайшая благодарность адресована моей супруге Дженнифер, которая поддерживала меня на

протяжении всего этого времени, когда шла работа над этой книгой, и которой она посвящена. Я не смог бы сделать это без нее.

Колдер Уолтон

Комментарий относительно источников и методологии

В основе этой книги лежит огромное количество ранее засекреченных документов, изучение которых заняло в общей сложности почти десять лет. Первые исследования проводились в Государственном архиве в Кью (Лондон).

Главные разведывательные документы, находящиеся в настоящее время в Государственном архиве, получены от разведывательной службы (МИ-5) – их можно найти под литерами KV, и Объединенного центра разведывательных служб, которые в послевоенные годы можно найти среди документов кабинета министров в серии САВ. Документы отдела разведки и безопасности Министерства по делам колоний можно найти в серии СО 1035, а недавно опубликованные документы из «мигрировавшего архива» Министерства по делам колоний – в серии FCO 141.

В добавление к этим документам в книге использовано множество папок других правительственных департаментов Великобритании, которые в настоящее время хранятся в Государственном архиве; среди этих департаментов – министерство иностранных дел (серия FO), канцелярия премьер-министра (PREM) и военное министерство (WO).

Одной из методологических проблем, встающих перед любым человеком, желающим изучать историю разведки, является то, что пока мы – как любой человек, ведущий какое-то историческое исследование, – зависим от имеющихся в нашем распоряжении источников, в отличие от других областей исторических исследований; при изучении истории разведки нам приходится полагаться на сами объекты изучения (разведывательные службы), чтобы раскрыть их историю. Это неизбежно приводит к вопросу: в какой степени мы можем доверять руке, которая нас кормит, или нам предоставляется лишь версия прошлого в том виде, в каком разведывательные службы хотят, чтобы мы его видели. Это возможно, но есть много причин думать иначе. Прежде всего, документы, рассекреченные разведывательными службами, раскрывают поразительное количество их неудач – эпизод с «кембриджскими шпионами» самый очевидный из

них. Если с их стороны было желание представить свое прошлое через розовые очки, то им это совершенно не удалось.

По собственному опыту знаю, что один из способов смягчить ситуацию, когда приходится полагаться исключительно на рассекречивание разведывательными службами своих собственных документов, и поставить их деятельность на историческое место, которого они заслуживают, состоит в том, чтобы комбинировать разведывательные документы с документами других департаментов правительства Великобритании. В конце концов, работа разведывательных служб состоит в том, чтобы *обслуживать* другие государственные департаменты, предоставляя им засекреченную информацию. Так что вполне естественно, что документы из разведывательных служб следует искать в папках других департаментов. Один из способов получить такие документы – использовать Закон о свободе информации 2000 (FOIA 2000). К сожалению, FOIA 2000 не применяется в отношении разведывательных служб Великобритании: на него нельзя опереться, чтобы попросить опубликовать документы, имеющиеся у этих служб. Но он применяется к другим правительственным департаментам, и эта книга извлекла пользу из нескольких заявлений о предоставлении документов, поданных в рамках FOIA 2000.

Другой способ, с помощью которого мы можем поместить британские разведывательные службы в надлежащий исторический контекст, состоит в том, чтобы использовать документы из других архивов. Документы из частных собраний иногда избегали «прополки», которой подвергались документы Уайтхолла, смысл которой – извлекать засекреченную информацию из рассекречиваемых документов. Поэтому при работе над этой книгой были привлечены собрания личных документов, хранящиеся в других архивах, такие как документы Министерства по делам Индии, хранящиеся в Британской библиотеке в Лондоне; документы, хранящиеся в Имперском военном музее в Лондоне; различные документы бывших колониальных чиновников, находящиеся в настоящее время в библиотеке Роудс-Хаус в Оксфорде; и документы, хранящиеся в библиотеке Кембриджского университета. В дополнение к этим источникам этой книге пошло на пользу изучение газет, современных рассматриваемым событиям, в которых иногда можно найти ключ к действиям английской разведки,

когда они становятся известными общественности. Зачастую в репортажах старых газет содержатся новые идеи. Цифровой архив «Таймс» был особенно полезен в этом отношении.

Помимо исследования письменных документов я провел ряд бесед (в общей сложности двенадцать) с бывшими офицерами разведки. Но общая методология написания этой книги основывалась больше на письменных документах, нежели беседах, потому что, исходя из опыта, лучше опираться на письменные документы, особенно когда их авторы и не думали, что они будут рассекречены, как было со всеми документами МИ-5 и ЛС того времени, чем на беседы. Любой человек, знакомый с залом суда, может подтвердить, что даже свидетельские показания человека, исполненного самых благих намерений, могут быть ненадежны – память может легко подвести.

Ссылки на примечания и пояснения помещены в конце абзацев, а не в их середине. Это сделано с намерением сделать текст более легким для чтения, не загроможденным ссылками. И хотя некоторые читатели могут счесть это неудобным с научной точки зрения, те из них, которые хотят проследить цитаты, смогут найти их в примечаниях и пояснениях. Автор будет счастлив ответить на вопросы, которые можно задать на www.calderwalton.com.

Примечания

Предисловие

¹ Le Carre, *The Honourable Schoolboy*. P. 35.

² «Terrorist Bomb in Whitehall», *The Times* (17 Apr 1946); Burt, *Commander Burt of Scotland Yard*. P. 126–127; The National Archives London [TNA] CO 537/1723 «Terrorist outrages: extension to UK».

³ Ferguson, *Colossus*. P. 112.

⁴ Walton and Andrew, «Still the missing dimension» in Major and Moran (eds), *Spooked*; классическое описание разведки как «недостающего измерения» содержится у Andrew and Noakes (eds), *The Missing Dimension: Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century*.

⁵ Bennett, «Declassification and release policies of the UK's intelligence agencies»; Gill, «Reasserting control: recent changes in the oversight of the UK intelligence community»; Wark, «In Never Never Land? The British archives on intelligence»; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 1—16.

⁶ Примеры более ранних исследований, в которых игнорируется британская разведка, включают Mansergh (ed.), *Transfer of Power in India* series; more recent studies that still overlook the subject include Clayton, «Deceptive might»: imperial defence and security, 1900–1968» in Louis (ed.), *The Oxford History of the British Empire*; Bayly and Harper, *Forgotten Wars*; Heinlein, *British Government Policy and Decolonisation*; Hyam, *Britain's Declining Empire*. Среди меньшинства исследований, в которые включена британская разведка, есть следующие: Bloch and Fitzgerald, *British Intelligence and Covert Action: Africa, the Middle East and Europe Since 1945*; French, *Liberty or Death: India's Journey to Independence and Division*; French, *The British Way in Counter-Insurgency*.

⁷ Clarke, *The Last Thousand Days of the British Empire*; Hennessy, *Never Again: Britain 1945–1951*. P. 215.

⁸ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. XIII–XV.

⁹ Точка зрения Уайтхолла в 1957 г. на то, что немногие колонии получают независимость, изложена у Hyam and Louis (eds), *British*

Documents on the End of Empire Project [BDEEP]: The Conservative Government and the End of Empire doc [3], Sir Norman Brook, «Future constitutional development in the colonies» (6 Sept 1957); Herman, *Intelligence Power in Peace and War*; Macleod, «Trouble in Africa», *Spectator* (31 янв. 1964).

¹⁰ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. XIV, 261, 262; Herman, *Intelligence Power in Peace and War*.

¹¹ Ben Macintyre, «The Truth Will Out», *The Times* (10 мая 2011); Ben Macintyre, «Mau Mau and So Much More», *The Times* (16 апр. 2011); Ben Macintyre, «Brutal Beatings and the «Roasting Alive» of a Suspect: What Secret Mau Mau Files Reveal» (13 апр. 2011); Banton, «Destroy?», «Migrate?», «Conceal?»: British strategies for the disposal of sensitive records of colonial administrations at independence».

¹² Ian Cobain and Richard Norton-Taylor, «The Secrets that Shamed the Last Days of Empire», *Guardian* (18 Apr 2012); Ben Macintyre, «A Mistake or Murder in Cold Blood?» *The Times* (28 апр. 2012); *Mutua and others v Foreign and Commonwealth Office* [2011] EWHC 1913 (QB).

Глава 1

Тайны Виктории

¹ Kipling, *Kim*. P. 194–195.

² Nielson and McKercher, *Go Spy the Land*; Johnson, *Spying for Empire*

³ Bayly, *Empire and Information*; Satia, *Spies in Arabia*; Brendon, *The Decline and Fall of the British Empire*. P. 328; Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 10.

⁴ Ferris, «Before «Room 40»: The British Empire and Signals Intelligence 1898–1914»; Jeffries, *The Colonial Office*. P. 29–31.

⁵ Edney, *Mapping an Empire*; Anderson, *Imagined Communities* Ch. 10, «Census, Map, Museum»; Scott, *Seeing Like a State* (1998); Brendon, *Decline and Fall*. P. 525; Thomas, *Empires of Intelligence*.

⁶ Callwell, *Small Wars*; Andrew, *Secret Service*. P. 30–34; Boot, *The Savage Wars of Peace*. P. 112.

⁷ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 21–28.

⁸ The National Archives London [TNA] CAB 16/232 The setting up of a Secret Service Bureau (28 апр. 1909); WO 106/6292 «Memorandum re. formation of a S.S. Bureau» (26 авг. 1909); Jeffery, *MI6*. P. 13–15, 42–5.

⁹ Raeff, «The Well Ordered Police State»; Andrew, *Secret Service*. P. 21–65.

¹⁰ Curry, *The Security Service*. P. 41; TNA WO 106/6292 «Memorandum re. formation of a S.S. Bureau» (26 Aug 1909); *The 9/11 Commission: Final Report of the National Commission on the Terrorist Attacks upon the United States*.

¹¹ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 3–4; Jeffery, *MI6*. P. 12–15.

¹² Holquist, «Information is the Alpha and the Omega of our Work»; Curry, *The Security Service*. P. 98; TNA INF 4/9 General Staff Paper: «The Organization of the Services of Military Secrecy, Security and Publicity» (окт. 1917). P. 44; WO 32/10776 Historical Sketch of the Directorate of Military Intelligence in the Great War of 1914–1918; KV 1/73 MI9 Testing Department.

¹³ Ellis, *Eye Deep in Hell*; Ferguson, *Empire*. P. 301–3; Fussell, *The Great War and Modern Memory*.

¹⁴ Ferguson, *Empire*. P. 298–303; Buchan, *Greenmantle*. P. 12: «Мы смеялись над Священной войной – джихадом, которую пророчил этот старик von der Goltz [военная миссия Германии в Турции]. Но мне кажется, что этот глупый старик в очках был прав. Готовится джихад».

¹⁵ «The German Emperor in the East», *The Times* (23 нояб. 1898); Pipes, *A Concise History of the Russian Revolution*. P. 115–18; Boghardt, *Spies of the Kaiser*. P. 12–13.

¹⁶ Popplewell, *Intelligence and Imperial Defence*. P. 178–179; Ferguson, *Empire*. P. 303.

¹⁷ Popplewell, *Intelligence and Imperial Defence*. P. 219–221; Barooah, *Chatto: The Life and Times of an Anti-Imperialist in Europe*; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 90–91.

¹⁸ TNA KV 1/19 «D-Branch Report». P. 13; Basil Thomson, *Queer People*. P. 103; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 92–93.

¹⁹ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 93; Lowes, «British intelligence in India from the First World War to Independence».

²⁰ TNA KV 1/19 D-Branch Report. P. 13; Popplewell, *Intelligence and Imperial Defence*. P. 221.

²¹ Mohs, *Military Intelligence and the Arab Revolt: The First Modern Intelligence War*. P. 2, 68–73, 120–123, 125–129.

²² Там же, p. 88–91.

²³ Aldrich, *GCHQ*. P. 15; Andrew, *Secret Service*.

²⁴ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 86–90; Dudgen, *Roger Casement – The Black Diaries..* P. 481–485; O’Halpin, «British Intelligence in Ireland» in Andrew and Dilks (eds), *The Missing Dimension*. P. 59–61.

²⁵ Curry, *The Security Service*. P. 38, 80; TNA KV 1/65 «Control of Aliens»; Panayi, *The Enemy in Our Midst*; Panayi (ed.), *Minorities in Wartime*; Fitzpatrick, «The Civil War as Formative Experience» in Gleason, Kenez and Stites (eds), *Bolshevik Culture*. P. 57–76; Mommsen, «Militar und zivile Militisierung in Deutschland, 1914 bis 1938» in Frevert, *Militar und Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert*. P. 265–276; Holquist, *Making War and Forging Revolution*; Nicolai, *The German Secret Service*. P. 265–267; KV 4/222 «Policy and procedure for imposition of Home Office Warrants» s. 22a: H.R. Scott, Home Office, to V.G.W. Kell (29 июня 1926); Ibid. s. 25a: Major Ball to H.R. Scott, Home Office (16 июля 1926).

²⁶ Curry, *The Security Service*. P. 80; Lenin, *Essential Works of Lenin*. P. 237, 239; Petrie, *Communism in India 1924–1927*; Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive* vol. II везде.

²⁷ British Library [BL] London IOR L/P&J/12/34 IPI Financial Arrangements s. 2 IPI letter (13 янв. 1926); IOR L/P&J/12/38 IPI’s Office Accommodation s. 3 IPI to Sir A. Hirtzel, India Office (13 июня 1924); там же IPI’s Office Accommodation s. 28 IPI to Peel [IO] (14.12.28); «Sir Philip Vickery», *Who Was Who* (издание онлайн доступно с 1 июня 2011).

²⁸ TNA KV 4/222 «Policy and procedure for imposition of Home Office Warrants»; KV 4/19 «Report on the Operations of A.D.A, in connection with the Administrative Services of the Security Service during the war 1939–1945», Appendix IV «Technical Equipment»; Curry *The Security Service*. P. 23; cf. Wright, *Spycatcher*. P. 54: «На протяжении пяти лет мы прослушивали и незаконно проникали в помещения по всему миру от имени государства, в то время как напыщенные гражданские служащие в шляпах-котелках на Уайтхолле делали вид, что смотрят в другую сторону».

²⁹ Masters, *The Man Who Was M*; TNA KV 4/227 «History of the operations of M.S. (agents) during the war 1939–1945». P. 32; KV 2/1022 «Statement of «X» the statement of the informant in this case» (25 янв.

1938). P. 1—230 «Official Secrets Case», *The Times* (8 фев. 1938); Quinlan, «Human intelligence operations and MI5 tradecraft in Britain». P. 178–179.

³¹ West, *MASK: MI5's Penetration of the Communist Party of Great Britain* везде.

³² IOR L/P&J/12/348 «Meerut Conspiracy Case: Scotland Yard officers proceeding to India as witnesses» s. 27a: «List of original telegrams» и везде; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 137–138.

³³ Curry, *The Security Service*. P. 54; «Sir Eric Holt-Wilson», *Who Was Who* (издание онлайн доступно с 1 июня 2011); Imperial War Museum London [IWML] Kell Mss. Holt-Wilson «Security Intelligence in War» (1934); Andrew, *Defence of the Realm*. P. 138.

³⁴ Cambridge University Library [CUL] Add 9794/2/72 Eric Holt-Wilson to Audrey Holt-Wilson, Bombay (1 апр. 1938); «Sir Eric Holt-Wilson», *Who Was Who* (издание онлайн доступно с 1 июня 2011).

³⁵ CUL Add 9794/2/75 Eric Holt-Wilson to Audrey Holt-Wilson, Singapore (10 апр. 1938); там же Eric Holt-Wilson to Audrey Holt-Wilson, Government House, Hong Kong (28 апр. 1938).

³⁶ Gwynn, *Imperial Policing*; Anderson and Killingray, «An orderly retreat?» in Anderson and Killingray, *Policing and Decolonisation*. P. 1–21.

³⁷ Jeffery, *MI6*. P. 236; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 129; TNA KV 4/206 «Visit of Mr. G.C. Denham to USA to investigate need for permanent Security Service representative in western hemisphere» s. 70c: G.C. Denham to Sir David Petrie (8 июля 1943). P. 3.

³⁸ BL IOR 1/P&J/12/293 Jawaharlal Nehru s. 11 IPI report to DIB, MI5 and SIS (12 Feb 1936); BL IOR L/P&J/12/30 Rajani Palme Dutt; TNA KV 2/1807-1809 Rajani Palme Dutt; BL L/P&J/12/28 Clemens Palme Dutt; TNA KV 2/2504-2505 Clemens Palme Dutt.

³⁹ См. TNA KV 4/19 «Report on the operations of A.D.A., in connection with the Administrative Services of the Security Service during the war 1939–1945» s. 6a: «MI5 officers» (n. d.); Curry, *The Security Service*. P. 396–397.

⁴⁰ Curry, *The Security Service*. P. 396–397; IWML 80/30/1 Brigadier R.J. Maunsell Ms. «Security Intelligence in Middle East 1914–1918 and 1934–1944». P. 2–4.

⁴¹ Hinsley, *British Intelligence in the Second World War* vol. IV. P. 141.

⁴² Статьи «Sir Vernon Kell», «Sir Eric Holt-Wilson», «Sir David Petrie», «Sir Percy Sillitoe» in *Oxford Dictionary of National Biography* [DNB] (издание онлайн доступно с 1 июня 2011); Sillitoe, *Cloak Without Dagger*. P. 1–47; Curry, *The Security Service*; Curry, *The Indian Police* (1932); Hoare (ed.), *Camp 020*. P. 8; Philby, *My Silent War*.

⁴³ «Valentine Vivian» and «Felix Cowgill», *DNB* (издание онлайн доступно с 1 июня 2011); Jeffery, *MI6*. P. 167, 486; Philby, *My Silent War*. P. 46, 48, 66.

⁴⁴ Aldrich, *GCHQ*. P. 19; Thomson, *Scene Changes*; Thomson, *Queer People*; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 82.

⁴⁵ Aldrich, *GCHQ*. P. 19; Cole, *Suspect Identities*. P. 63–73; Singha, «Settle, Mobilise, Verify»; TNA KV 4/267 «Policy on control of communists» протокол 176a: Sir David Petrie (31 янв. 1945).

⁴⁶ Kelly, «Papon's transition after World War II. A prefect's road from Bordeaux, through Algeria, and beyond, August 1944 – October 1961» in Golsan (ed.), *The Papon Affair: Memory and Justice on Trial*. P. 35–72; Thomas, *Empires of Intelligence*; Arendt, *The Origins of Totalitarianism*. P. 158–221; Holquist, «To count, extract, to exterminate» in Suny and Martin (eds), *A State of Nations*. P. 111–144.

⁴⁷ Richards, *A Time of Silence: Civil War and the Culture of Repression in Franco's Spain, 1936–1945*. P. 26–34; Holquist, «To count, extract, to exterminate» везде; Hull, *Absolute Destruction*; Moses, *Empire, Colony, Genocide*; Zimmerer et al., *Genocide in German Southwest Africa*.

⁴⁸ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 842.

Глава 2

Стратегический обман

¹ Ondaatje, *The English Patient*. P. 34–35.

² TNA KV 4/87 s. 2a: Sir David Petrie to Sir Anthony Eden (26 Jun 1944). P. 7; Emily Wilson, «The War in the Dark: The Security Service and the Abwehr, 1940–1944». P. 213.

³ Hinsley, *British Intelligence in the Second World War* vol. IV *Security and Counter-Intelligence*. P. 11–12; Curry, *The Security Service*. P. 22–25, 148.

⁴ TNA KV 4/170 «D.G. White's lecture notes regarding counterespionage investigations and organisation of RSS and GC&CS», s. 1a: Mr. Dick White's lecture for new Regional Security Liaison Officers (9 янв. 1943).

⁵ Wark, *The Ultimate Enemy: British Intelligence and Nazi Germany*; TNA KV 4/290 «Measures to counter activities of German Nazi & Italian Fascist groups in the UK – pre1939 with particular reference to sabotage, subversion in the forces etc», s. 2a: Sir Vernon Kell to Lord Hankey, CID (6 июля 1936), forwarding [Curry] «Memorandum on the possibilities of sabotage by the organizations set up in British countries by the totalitarian governments of Germany and Italy»; Andrew, *Secret Service*. P. 644; Reynolds, *Britannia Overruled*. P. 119–126.

⁶ TNA KV4/195 Diaries of Guy Liddell (6 сент. 1944).

⁷ Curry, *The Security Service*. P. 145–146, 160; Hinsley, *British Intelligence in the Second World War* vol. IV *Security and Counter-Intelligence*. P. 66; TNA CAB 63/193 Hankey, «The Secret Services. Inquiry by the Minister without Portfolio. Second report dealing with the Security Service (MI5) (май 1940). P. 52; CAB 81/97 JIC (40) 73 «Invasion of the United Kingdom» (17 мая 1940); там же. JIC (40) 101, «Summary of likely forms and scales of attack that Germany could bring to bear on the British Isles in the near future» (5 янв. 1940); Schellenberg, *Invasion 1940: The Nazi Invasion Plan for Britain*. P. 122–137; «Sir Vernon George Waldegrave Kell», *Who's Who* (London, 1920). P. 1412.

⁸ Aldrich, *GCHQ*. P. 31; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 25; Trotter, *The Winter War: The Russo-Finnish War of 1939–1940*.

⁹ TNA KV 4/85 «The Enemy Alien population in the UK by Mr. Aiken-Sneath» (Jul 1943). P. 27–28, 36; Grant, «Desperate Measures: Britain's internment of fascists during the Second World War»; Thurlow, «Internment in the Second World War».

¹⁰ Curry, *The Security Service*. P. 373; Jeffery, *MI6*. P. 382–389.

¹¹ Burleigh, *Blood and Rage*; Winter, «British Intelligence, Adolf Hitler and the German High Command, 1939–1945».

¹² Kershaw, *Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*; Adam Sisman, *Hugh Trevor-Roper: The Biography*. P. 92; Curry, *The Security Service*. P. 48, 146–148.

¹³ Winter, «Libra Rising: Hitler, Astrology and British Intelligence, 1940–1943».

¹⁴ Andrew, «Churchill and Intelligence».

¹⁵ Aldrich, *GCHQ*. P. 5, 25–27; Hinsley, «British Intelligence in the Second World War» in Andrew and Noakes (eds), *Intelligence and International Relations*. P. 210; Однако Smith в «Bletchley Park and the Holocaust» показывает, что изначальные аргументы, выдвинутые у Bre- itman, *Official Secrets: What the Nazis Planned, What the British and Americans Knew*, следует подвергать сомнению.

¹⁶ Hinsley, «The influence of Ultra» in Hinsley and Stripp (eds), *Codebreakers*; см. Aldrich, *GCHQ*. P. 59, краткое изложение.

¹⁷ Masterman, *The Double-Cross System*. P. 3.

¹⁸ Shelley, «Empire of Shadows». P. 131–132.

¹⁹ Maskelyne, *Magic – Top Secret*. P. 31–36; Howard, *British Intelligence i the Second World War* vol. V *Strategic Deception*. P. 38.

²⁰ Howard, *British Intelligence in the Second World War* vol. V. P. XII, 23–25; Foot, *Memories of an SOE Historian*. P. 172.

²¹ Holt, *The Deceivers*. P. 218, 270; Howard, *British Intelligence in the Second World War* vol. V. P. 37, 62–63; TNA KV 4/197 «Organization and functions of SIME special section, 1942-45», s. 3a: Douglas Roberts, «Report on Cheese» (19 фев. 1943).

²² Montagu, *The Man Who Never Was*; Macintyre, *Operation Mincemeat*.

²³ TNA KV 4/87 s. 2a: Sir David Petrie to Sir Anthony Eden (26 июня 1944); Hesketh, *Fortitude: The D-Day Deception Campaign*; Pujol with West, *Garbo*; Harris, *Garbo: The Spy Who Saved D-Day*.

²⁴ Jeffery, *MI6*. P. 406–407.

²⁵ Masterman, *Double-Cross System*. P. 8–9 наводит на мысль, что стратегический обман не был приоритетом для МИ-5 в начале войны.

²⁶ Wilson, «War in the Dark». P. 126; IWML David Mure papers 67/312/1 T.A. Robertson to David Mure (28 фев. 1979).

²⁷ «Obituary: Sir John Masterman», *The Times* (7 Jun 1977); Andrew, *Secret Service*. P. 471.

²⁸ Curry, *The Security Service*. P. 254; Harris, *GARBO: The Spy Who Saved D-Day*.

²⁹ Bristow, *A Game of Moles*. P. 28.

³⁰ TNA KV 4/18 «Report on the operation of overseas control in connection with the establishment of DSO's in the British colonies & liaison

with the security authorities in the Dominions during the war of 1939-1945». P. 2–3; TNA KV 4/169 «Functions of overseas control»; KV 4/234 «Intelligence organisation in the Middle East (SIME)», s. 1a: T.A. Robertson's visit to Egypt (20 Mar 1942-17 Apr 1942); KV 4/240 «Report by D.G. White on visit to the Middle East in 1943»; Curry, *The Security Service*.

³¹ Aldrich, *GCHQ*. P. 153; E.D.R. Harrison, «British Radio Security and Intelligence», *English Historical Review* (2009).

³² O'Halpin (ed.), *MI5 and Ireland*. P. 46–47; Hull, «The Irish interlude: German intelligence in Ireland». P. 702–703; Buchheit, *Der Deutsche Geheimdienst*. P. 241–242; Curry, *The Security Service*. P. 125.

³³ Trevor-Roper, *The Last Days of Hitler*. P. 23; R.A. Ratcliff, *Delusions of Intelligence*.

³⁴ Автор хотел бы поблагодарить доктора Пола Уинтера за обсуждение с ним его исследований на эту тему.

³⁵ TNA KV 2/86 Dr Norbert von Rantzau [Nikolaus Ritter], s. 144a: Major Gwyer, F.2.c (15 мая 1946).

³⁶ TNA KV 2/1163 Ernst Paul Fackenheim; Bar-Zohar, *Hitler's Jewish Spy*. P. 212–213; KV 2/400 Kurt Wieland s. 17a: SIME Report (30 окт. 1944); Burleigh, *Blood and Rage*. P. 96–98.

³⁷ TNA KV 2/1463 Mohsen Fadl s. 22a: RJ Maunsell, SIME, to DG White, MI5 London, «PYRAMID organization» (20 июня 1943); KV 2/1468 Hans Eppler s. 22a: EB Stamp, B1B (5 янв. 1943); KV 3/74 German espionage in North Africa s. 3a: Enemy W/T communications in the Sahara and Libyan desert (19 дек. 1941); Matthias Schulz, «The Gay «English Patient»», *Der Spiegel* (онлайн-издание 4 фев. 2010, доступно с 22 окт. 2012).

³⁸ BL IOR L/P&J/12/218 Bose conspiracy case s. 33 IPI to Mr Silver, India Office, copied to SIS (24 мар. 1942) там же s. 63 IPI to Mr Silver, India Office (26 янв. 1943), forwarding arrest notes «Bhagat Ram's story»; Ram, *The Talwars of Pathan Land and Subhas Chandra's Great Escape*.

³⁹ TNA KV 4/332 Liaison with D.I.B. India in handling special agents s. 102a: JH Marriott, B1a (1 сент. 1943); Hauner, *India in Axis Strategy*. P. 338.

⁴⁰ Howard, *British Intelligence in the Second World War* vol. V *Strategic Deception*. P. 208; TNA KV4/191 Diaries of Guy Liddell (15 июня 1943); там же KV4/192 (19 авг. 1943).

⁴¹ TNA KV 4/332 Liaison with DIB India in handling special agents s. 26c Marriott New Delhi to DG MI5 (28 мар. 1943). P. 2.

⁴² Magan, *Middle Eastern Approaches*. P. 16–19; Bose, *The Indian Struggle*. P. 434–437.

⁴³ Foot, *Special Operations Executive*; TNA HS1; TNA HS3.

⁴⁴ Aldrich, *Intelligence and the War Against Japan*. P. 65–66.

⁴⁵ Bayly and Harper, *Forgotten Wars: The End of Britain's Asian Empire*. P. 30—1; Cross, *Red Jungle*. P. 19–37; Chapman, *The Jungle is Neutral*. P. 34.

⁴⁶ Cruickshank, *SOE in the Far East*. P. 27.

⁴⁷ Chapman, *The Jungle is Neutral* Ch. 4; Shelley, *Empire of Shadows*. P. 120, 122.

⁴⁸ Cruickshank, *SOE in the Far East*. P. 14, 27, 196–209; Hudson, *Undercover Operator*. P. 131.

⁴⁹ Aldrich, *Intelligence and the War Against Japan*. P. 66.

⁵⁰ Foot, *SOE in the Low Countries*.

⁵¹ Foot, «Was SOE Any Good?» in Laqueur (ed.), *The Second World War*. P. 241, 248.

⁵² TNA KV 4/132 Powers of detention, interrogation and deportation to UK of enemy aliens and alien suspects apprehended in the Dominions and colonies (including non-enemy aliens removed from ships) протокол 11 D.G. White to SLA [legal adviser] (9 июня 1942).

⁵³ TNA KV 2/2116—2118 Roger Lannoy. Я благодарен Саре Миллер (Кембриджский университет и Гарвардская школа права) за привлечение моего внимания к этому делу. *Liversidge v Anderson* [1942] AC 206; личная информация.

⁵⁴ TNA KV 4/132 Minute 13: SLA (11 июня 1942).

⁵⁵ Hart, *The Concept of Law*.

⁵⁶ Hoare (ed.), *Camp 020*. P. 270; KV 2/1722 Osmar Hellmuth протокол 18 H.L.A. Hart, B.1.b (20 окт. 1943); Schellenberg, *The Memoirs of Hitler's Spy Chief*.

⁵⁷ TNA KV2/2946 De Freitas; *Camp 020*. P. 206, 213—14; Philby, *My Silent War*. P. 50–51.

⁵⁸ KV 2/1107 Alfredo Manna s. 19a: Alfredo Manna SIS to Courtenay Young, MI5 (17 июня 1943); Muggerridge, *The Infernal Grove*. P. 170–171.

И снова я хотел бы поблагодарить Сару Миллер за то, что поделилась со мной подробной информацией о своем расследовании дела Манна.

⁵⁹ Moen, *John Moe: Double Agent; Camp 020*. P. 57—8; TNA FO 1005/1744 «Detailed interrogation centre 10, Bad Nenndorf. Court of inquiry reports», statement Lt. Col. R.G.W. Stephens (7 Apr 1947). P. 3—4.

⁶⁰ *Camp 020*. P. 270.

⁶¹ Curry, *The Security Service*. P. 229.

⁶² TNA KV 4/190 Diaries of Guy Liddell (27 окт. 1942).

⁶³ TNA KV 4/191 Diaries of Guy Liddell (16 Mar 1943); Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive*.

⁶⁴ Aldrich, *GCHQ*. P. 30—31; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 38; TNA HW 171—3 «Decrypts of communist international (COMINTERN) messages, 1934—1945»; HW 17/53—66 «Iscoff».

⁶⁵ TNA KV 4/54 «Report on the operations of F-Division in connection with subversive activities during the War 1939—1945». P. 3; Curry, *The Security Service*. P. 350.

⁶⁶ TNA KV 4/21 «Report on the operations of the Registry during the war 1939—1945», s. 1a: Roger Hollis (12 Dec 1945); Robert Cecil, «The Cambridge Comintern» in Andrew and Dilks (eds), *The Missing Dimension*. P. 179; TNA KV4/473 Diaries of Guy Liddell.

⁶⁷ Dilks (ed.), *The Diaries of Sir Alexander Cadogan*. P. 586.

⁶⁸ TNA KV 4/224 «KISS» s. 10a: Alan Roger, MI5 DSO Tehran, «Cooperation with Russian security» (28 дек. 1944); Ibid. s. 14a: «Information about Russian intelligence gained from cooperation between DSO and Russian security authorities» (7 мар.1945); KV 4/225, s. 18a: Alex Kellar to Roger Hollis (7 апр. 1945).

⁶⁹ TNA KV 4/223, s. 68a: H.K. Dawson-Shepherd, CICI Baghdad (14 июля 1945).

⁷⁰ TNA KV 4/267 протокол 189а: Sir David Petrie (29 авг. 1945); там же протокол 52а: Roger Hollis (5 Sept 1945); Andrew and Walton, «The Gouzenko Case and British Secret Intelligence» in Black and Rud-ner (eds), *The Gouzenko Affair*.

«Явно виден сигнал опасности»

¹ Conrad, *The Secret Agent*. P. 46.

² IWM Montgomery papers 211/18 Cunningham to Colonial Office (13 нояб. 1946).

³ TNA CAB 81/121 JIC (44) 464 (0) Final, «Soviet strategic interests and intentions after the war» (18 дек. 1944); CAB 81/132 JIC 81/123 JIC (46) 1 (0) (Final), «Russia's strategic interests and intentions» (1 мар. 1946); CAB 81/133 JIC (46) 70 (0) Final, «The spread of communism throughout the world and the extent of its direction from Moscow» (23 сент. 1946); Hennessy, *The Secret State*. P. 2–3.

⁴ Gaddis, *We Now Know*; Barrass, *Great Cold War*.

⁵ Hennessy, *Having it so Good*. P. 313; Hennessy, *The Secret State*. P. 2–3.

⁶ KV 4/158 «Brief notes on the Security Service and its work prepared for Permanent Under Secretaries, service intelligence departments etc.», протокол 14а: John Curry (1 окт. 1946).

⁷ TNA KV 3/414 «Use of poisons by German Sabotage Service» s. 1а «Note by Lord Rothschild» (20 фев. 1945); там же s. 3а Supreme Allied Headquarters report «German terrorist methods» (2 апр. 1945); там же s. 16b «Belt buckle pistols» (XX US Corps, n.d.).

⁸ TNA KV 2/271 «Ernst Kaltenbrunner», s. 65а: U.S. 12 Army Group to War Room, London, through OSS (13 июня 1945) s. 74а: Robert Stephens to Helenus Milmo (18 июня 1945); нет никакого упоминания, например, о допросе Кальтенбруннера в лагере 020 у Overy, *Interrogations: The Nazi Elite in Allied Hands, 1945*; Trevor-Roper, *The Last Days of Hitler*.

⁹ Bennett, *The Zinoviev Affair*.

¹⁰ Simpson, *In the Highest Degree Odious: British Internment in the Second World War*: Grant, «Desperate Measures».

¹¹ TNA KV 4/158, s. 13а: «A short note on the Security Service and its responsibilities» (окт. 1946). P. 3.

¹² TNA KV 5/30 «Stern Group», s. 111z: Alex Kellar to Trafford Smith, Colonial Office (16 авг. 1946); Ibid. James Robertson to Leonard Burt, Special Branch (26 авг. 1946); CO 733/457/13 «Terrorist outrages. Extension to the United Kingdom», s. 4: Sir David Petrie to Sir Alexander

Maxwell, Home Office (2 апр. 1945); KV 5/4 «United Zionist «Revisionist» youth organization» Minute 24a: Sir David Petrie (30 мар. 1946).

¹³ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 258.

¹⁴ Burleigh, *Blood and Rage*. P. 101–104.

¹⁵ TNA KV 2/2252 «Menachem Begin», Minute 131: John Shaw (5 авг. 1953); TNA KV4/467 Diaries of Guy Liddell (2 авг. 1946); Clarke, *By Blood and Fire*. P. 252; Letters to the Editor, *The Times* (24 июля 2006); Brendon, *Decline and Fall*. P. 475.

¹⁶ TNA FO 371/67796 «Italy»: E. Irdell, Посольство Великобритании в Риме (23 янв. 1947); CO 537/1723 «Terrorist outrages: extension to UK»; EF 5/12 «Outrages 1947–1948: letter bombs», H.E. Watts, Chief Inspector of Explosives (24 июня 1947); Cesarani, *Major Farran's Hat*. P. 85; «Terrorist Bomb in Whitehall», *The Times* (17 апр. 1946); «Letter Bombs from Turin», *The Times* (7 июня 1947); Burt, *Commander Burt of Scotland Yard*. P. 126–127; «Avner», *Memoirs of an Assassin*. P. 18–20.

¹⁷ Walton, «British Intelligence and the Mandate of Palestine».

¹⁸ Clarke, *The Last Thousand Days of the British Empire*. P. 84.

¹⁹ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 125, 130; Burleigh, *Blood and Rage*. P. 91–95, 100.

² Cohen, «Appeasement in the Middle East: the British White Paper on Palestine».

²¹ Burleigh, *Blood and Rage*. P. 100; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 354; Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 57, 129; Shepherd, *Ploughing Sand*; Ritchie Owendale, *Britain, the United States and the end of the Palestine Mandate*.

²² Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 123—30; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 352, 448; Brendon, *Decline and Fall*. P. 476.

²³ Brendon, *Decline and Fall*. P. 476.

²⁴ Burleigh, *Blood and Rage*. P. 99; Brendon, *Decline and Fall*. P. 475; Sprinzak, *Brother Against Brother*; Pedahzur, *The Israeli Response to Jewish Extremism and Violence: Defending Democracy*; Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 57–58; Cohen, *Woman of Violence: Memoirs of a Young Terrorist*; Hoffman, *Inside Terrorism*. P. 29; «British Anger at Terror Celebration», *The Times* (20 июля 2006); Begin, *The Revolt*. P. 59–60; Shamir, *Summing Up: An Autobiography*. P. 32–50.

²⁵ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 352, 448; Freeman and Penrose, *Rinkagate: The Rise and Fall of Jeremy Thorpe*. P. 72–74.

²⁶ Rathbone, «Political intelligence and policing in Ghana» in Anderson and Killingray (eds), *Policing and Decolonisation*. P. 86; статья «A.J. Kellar» в *Who's Who*.

²⁷ TNA KV 3/41, s. 7a: «Director-General's lecture» (16 мар. 1948). P. 1.

²⁸ Sillitoe, *Cloak Without Dagger*. P. XVI.

²⁹ Koestler, *Thieves in the Night: Chronicle of an Experiment*; TNA KV 2/1273 «Arthur Koestler»; TNA KV 2/132 «Joel Brandt».

³⁰ TNA KV 3/41, s. 2a: Записки Алекса Келлара для сэра Перси Силлитой, «Present trends in Zionism» (2 сент. 1946). P. 7.

³¹ TNA KV 5/38, s. 171z: Richard Thistlethwaite, DSO Palestine, to MI5 London (6 дек. 1946).

³² TNA KV 5/29, «Stern Group», s. 75a: Alex Kellar to Trafford Smith, Colonial Office (19 фев. 1946); Cohen, *Woman of Violence*. P. 1.

³³ TNA KV 2/2251 Menachem Begin s. 40a: cutting from *News Chronicle* (18 мар. 1947); TNA KV 2/2251 s. 38a: SIS [имя не названо] to H.J. Seager, MI5 (13 фев. 1947); Andrew, *Defence of the Realm*. P. 355.

³⁴ TNA CO 733/457/13, s. 7: «Policy regarding suspected Jewish terrorists in H.M. Forces», MI5 [без имени] отчет, посланный J.M. Martin, министерство по делам колоний (21 авг. 1945); CAB 81/93 JIC sub-committee «Probable reaction of Jewish personnel in His Majesty's Forces and Polish units to Jewish disturbances in Palestine», 13th meeting (20 фев. 1945).

³⁵ TNA KV 2/196 Diaries of Guy Liddell (15 May 1945); CO 733/457/1, s. 7: «Policy regarding suspected Jewish terrorists in H.M. Forces», копия доклада MI5 [без подписи], направленная to J.M. Martin, министерство по делам колоний (21 авг. 1945); RHLO J.J. O'Sullivan papers Diary entry (17 сент. 1947); KV 3/41, s. 7a: «Director-General's lecture» (16 мар. 1948). P. 13–14; KV 3/41, s. 1a: «Notes for the Director-General's meeting with the Prime Minister» (28 авг. 1946). P. 1.

³⁶ TNA KV 2/1435 «Jewish Agency for Palestine»; KV 5/10 «Jewish-Arab league»; KV 5/11 «The Jewish Legion»; KV 5/4 «United Zionist «Revisionist» youth movement»; KV 5/16 «Hisraduth (Zionist federation of Jewish labour)». Другие включают: KV 5/14 «Middle East society»; TNA

KV 5/4 Протокол 88а: Bernard A. Hill (19 нояб. 1946); там же протокол 90а: Herbert Loftus-Brown (12 дек. 1946).

³⁷ TNA KV 5/4 s. 115а: Sir Percy Sillitoe to E.W. Jones, Special Branch (24 апр. 1946); KV 5/4 протокол 20а: James Robertson (29 мар. 1946).

³⁸ Burleigh, *Blood and Rage*. P. 95; TNA FO 371/24085 «Situation of Jewish refugees in Danzig (январь 1939)», s. 87: Генеральное консульство Великобритании министерству иностранных дел в Лондоне (13 фев. 1939); FO 371/23251 «Palestine», «Palestine Labour Party's political summary» (7 сент. 1939); Heller, *The Stern Gang*. P. 85–89.

³⁹ Cohen, *Woman of Violence*. P. 4–5.

⁴⁰ TNA KV 3/41, s. 7а: «Director-General's lecture» (16 мар. 1948). P. 13–19.

⁴¹ TNA KV3/41, s. 2а: Alex Kellar notes for Sir Percy Sillitoe, «Present trends in Zionism» (2 сент. 1946). P. 4.

⁴² Burt, *Commander Burt of Scotland Yard*. P. 129; «7 years» Sentence in Explosives Case», *The Times* (15 окт. 1948); неофициальная информация.

⁴³ TNA KV 4/190 Diaries of Guy Liddell (23 сент. 1942); TNA KV 5/38 «Irgun Zvi Leumi», s. 187b: «IZL activities in Palestine» (31 июля 1947); KV 3/41, s. 2а: CREAM CX [номер не назван] SIS [имя не названо] to Dick White, MI5 (31 мар. 1947); Cohen, *Woman of Violence*. P. 121.

⁴⁴ TNA KV 2/1435, «Jewish Agency for Palestine» протокол 86а: Alex Kellar (30 апр. 1945).

⁴⁵ TNA KV 5/31 s. 157а: David Scherr, «Information from Reuven Zaslani» (19 фев. 1948); Eshed, *Reuven Shiloah: The Man Behind the Mossad*; Chavkin, «British intelligence and the Zionist, South African, and Australian intelligence communities during and after the Second World War».

⁴⁶ TNA KV2/2261—2264 Theodor Kollek; KV 5/34 «Extract from report on interview with Teddy Kollek, forwarded by DSO Palestine» (18 авг. 1945). Автор благодарен доктору Джонатану Чавкину – участнику семинара по вопросам разведки Кембриджского университета за эту ссылку.

⁴⁷ TNA KV 4/216 «Policy and procedure for contacting Jewish Agency intelligence representatives in London, 1946–1947» протокол 8а: Т.А.

Robertson (19 сент. 1946); там же s. 14b: C.A.G. Simkins (3 фев. 1947); протокол 31a: James Robertson (14 мар. 1947); Kollek, *For Jerusalem*. P. 57–66.

⁴⁸ Yaacov Eliav, *Wanted*. P. 246.

⁴⁹ Там же. P. 244; Cesarani, *Major Farran's Hat*. P. 85.

⁵⁰ Eliav, *Wanted*. P. 245; Cesarani, *Major Farran's Hat*. P. 86–87.

⁵¹ Eliav, *Wanted*. P. 249; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 357.

⁵² Yaakov Heruti, *One Truth not Two*. P. 132–136, 140. Я хотел бы поблагодарить Израэля Медеда за любезное предоставление отрывков из книги Герути и Тамар Друккер из SOAS за их перевод.

⁵³ Беседа автора с бывшим членом банды «Штерна» (13 апр. 2008).

⁵⁴ Heruti, *One Truth not Two*. P. 141–2; «Avner», *Memoirs of an Assassin*. P. 130–131.

⁵⁵ RHLO J.J. O'Sullivan papers, diary entry (4 окт. 1947); Briscoe, *For the Life of Me*. P. 262, 264, 295.

⁵⁶ Herzog, *Living History: A Memoir*. P. 46–53, 75; TNA KV 3/41, s. 7a: «Director-General's lecture» (16 мар. 1948). P. 14.

⁵⁷ Rose, *A Senseless Squalid War*. P. 123–124.

⁵⁸ Aldrich, *GCHQ*. P. 97.

⁵⁹ TNA KV 2/1390 «Moshe Sneh», s. 191a: досье М[^] на Sneh для ЦРУ (25 авг. 1948); KV 5/31, s. 149a: Т.А. Robertson to Winston M. Scott, Посольство США, Лондон (1 окт. 1947); Heller, *The Stern Gang*. P. 145–147, 170–173.

⁶⁰ TNA KV 4/36, s. 108b: H.A.R. Philby to T.E. Bromley, министерство иностранных дел, J.D.S. Bates, министерство по делам колоний, копия Алексу Келлару, MI5 (9 июля 1945); Ro'i, «Soviet policy towards Jewish emigration: an overview» in Lewin-Epstein, Ro'i and Ritterband (eds), *Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement*. P. 51–56.

⁶¹ «Refugee Ship Boarded», *The Times* (19 июля 1947); Marrus, *The Unwanted. European Refugees in the Twentieth Century*. P. 338–339; Brendon, *Decline and Fall*. P. 476.

⁶² TNA KV 3/56 s. 69b: «Report on tour of MI5 liaison officer in France, Germany, Austria and Italy»; Burleigh, *Blood and Rage*. P. 101.

⁶³ TNA CO 537/1825 Min. Trafford Smith (10 дек. 1946).

⁶⁴ TNA CAB 158/1 JIC (47) 31 (0) Final, «Organization of illegal immigration» (24 июля 1947); CAB 104/279 «Illegal immigration: action to stop traffic at source»; CAB 158/1 JIC (47) 28 (0) (Final), «Illegal immigration to Palestine – complicity of certain organizations» (11 июня 1947); CO 733/490/3 «Detention of illegal immigrants in Cyprus»; CAB 104/270 «Palestine: strategic aspects»: COS (46) 221 (0), «Accommodation for illegal Jewish immigrants» (25 авг. 1946).

⁶⁵ Jeffery, *MI6*. P. 691–692.

⁶⁶ Там же. P. 693–695.

⁶⁷ TNA CAB 81/133 JIC (46) 45 (0) (Final), «The Anglo-American committee of enquiry into Palestine and the condition of Jews in Europe» (1 мая 1946); CAB 158/2 JIC (47) 52 (0) (Final), «Possible future of Palestine» (9 сент. 1947); Ibid. JIC (47) 61 (0) (Terms of reference), «Repercussions and implementation of the proposal for the partition of Palestine» (1 нояб. 1947); Ibid. JIC (47) 60 (0) (Final), «Threat of Arab Intervention in Palestine» (18 окт. 1947); Crossman, *Palestine Mission*. P. 131.

⁶⁸ Hoffman, *The Failure of British Military Strategy in Palestine*. P. 34.

⁶⁹ Begin, *The Revolt*. P. 99—100; «Avner», *Memoirs of an Assassin*. P. 16; Charters, «British Intelligence in the Palestine Campaign». P. 134; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 258.

⁷⁰ Dorril, *MI6*. P. 546; Deacon, «C»: *A Biography of Sir Maurice Oldfield*.

⁷¹ Farran, *Winged Dagger*. P. 321; Cesarani, *Major Farran's Hat*.

⁷² Cesarani, *Major Farran's Hat*. P. 208–218.

⁷³ «British Sergeants Found Murdered», *The Times* (1 авг. 1947); Caruthers, *Winning Hearts and Minds*. P. 53; Burleigh, *Blood and Rage*. P. 105; Aldrich, *Hidden Hand*. P. 261.

⁷⁴ Peter Hennessy, *Never Again*. P. 242; Hyam and Louis (eds), *BDEEP: The Labour Government and the End of Empire* doc [21] CAB 129/16 CP (47) 49 Cabinet memorandum by Bevin and Creech Jones (6 фев. 1947).

⁷⁵ Begin, *The Revolt*. P. 133; Morris, *The Birth of the Palestinian Refugee Problem Revisited*; Brendon, *Decline and Fall*. P. 480.

⁷⁶ TNA KV 5/32, s. 203a: G.A. Carey-Foster to H. Ashley, Посольство Великобритании, Париж (15 окт. 1948); Luke Harding, «Men-achem

Begin «Plotted to Kill German Chancellor»», *Guardian* (15 июня 2006);
Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 58.

Глава 4

Ответный удар империи

¹ Quoted in TNA CAB 21/2925 General Sir Gerald Templer, «Report on colonial security» (апрель 1955).

² Mansergh (ed.), *Transfer of Power in India* vol. VIII no 26, Chiefs of Staff (India) Committee (июль 1946). P. 56–57; vol. VII. P. 930—3; *BDEEP* part 3. P. 207–208 (no 273) CAB 129/1 CP (45) 144 меморандум Эттли (1 сент. 1945).

³ TNA KV 2/804 «Walter J. Krivitsky» s. 29a: Jane Archer, «Report» (3 фев. 1940).

⁴ «Leakages in Canada», *The Times* (5 Feb 1946); «Soviet Spy Ring in Canada», *The Times* (16 мар. 1946); Sillitoe, *Cloak Without Dagger*.

⁵ TNA KV 2/2213 s. 289a: «Statement of Alan Nunn May» (20 фев. 1946); TNA KV 2/2215 s. 456a: H.A.R. Philby to R.H. Hollis (10 дек. 1946); «Atomic Secrets Charge», *The Times* (20 мар. 1946).

⁶ Andrew, «The Venona Secret» in Robertson (ed.), *War, Resistance and Intelligence: Essays in Honour of M.R.D. Foot*. P. 203—25; Haynes and Klehr, *Venona: Decoding Soviet Espionage in America*; West, *Venona*.

⁷ West, *Venona*.

⁸ TNA KV 2/1245, s. 1b: C-Division note, «Emil Julius Klaus Fuchs» (2 июня 1942); TNA KV 2/1245 протокол 55: Roger Hollis (4 дек. 1946); KV 2/1245 протокол 57: Diaries of Guy Liddell (20 дек. 1947); Moss, *Klaus Fuchs: The Man Who Stole the Atom Bomb*; Holloway, *Stalin and the Bomb*. P. 222–223.

⁹ TNA KV 2/2080 «Herbert Skinner and Erna Skinner»; KV 2/1246, s. 177b: David Storrier (27 сент. 1949).

¹⁰ TNA KV 2/1263 «Klaus Fuchs», том обвинения; KV 2/1264 «Klaus Fuchs», том обвинения и документы о лишении гражданства; KV 2/1246, s. 177b: David Storrier (27 сент. 1949).

¹¹ British Library ADD Ms. 88902/1 Anthony Blunt Manuscript. P. 26; TNA KV 2/186 Diaries of Guy Liddell (7 июня 1940); Curry, *The Security Service*. P. 259–260.

¹² Philby, *My Silent War*. P. 199; Andrew and Gordievsky, *KGB: The Inside Story of its Foreign Operations*; Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive* vol. I *The KGB in the West*. P. 127, 156; Wright, *Spy-catcher*; Pincher, *Their Trade is Treachery*.

¹³ Roosevelt Archive, Hyde Park, NY, Ernest Cuneo papers Box 107 «CIA» file; TNA KV 4/242 «Security Service action in the case of Pontecorvo», s. 52b: Michael Serpell, «Note on meeting with Prime Minister» (2 нояб. 1950); Reynolds, *From World War to Cold War*. P. 320–321.

¹⁴ TNA AB 16/202 «Comparison of UK and US Atomic Energy Acts, 1946»; FO 371/93198—93204 «Proposed cooperation between US and UK on development of atomic energy»; Reynolds, *In Command of History: Churchill Fighting and Winning the Second World War*. P. 160–163.

¹⁵ TNA CAB 130/20 GEN 183/1 «Cabinet committee on subversive activities», «The employment of civil servants etc., exposed to communist influence» (29 мая 1947); Hennessy, *The Secret State*. P. 87; Hennessy and Brownfeld, «Britain's Cold War Security Purge». P. 965–973.

¹⁶ Clarke, *The Last Thousand Days of the British Empire*. P. XIV–XV.

¹⁷ Sillitoe, *Cloak Without Dagger*. P. 191.

¹⁸ Там же. P. 160–161, 191–193; «New Director at the War Office», *The Times* (18 Jan 1946); TNA CO 1035/187 Organization of intelligence services in the colonies; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 462.

¹⁹ TNA KV 4/162 «Organization and function of B-Division from 1941–1953», s. 76a: «Meeting in DG's office» (1 нояб. 1948); Sir John Shaw RHLO Mss. Brit. Emp. s. 456; «Obituary: Sir John Shaw», *The Times* (22 янв. 1983).

²⁰ TNA CAB 158/3 JIC (48) 35 (0) (Final) «Scale and nature of initial attack on the British Isles –1957» (27 авг. 1948). P. 4; Goodman, «British Intelligence and the Soviet Atomic Bomb».

²¹ TNA CAB 81/133 JIC (46) 70 (0) (Final), «The spread of communism throughout the world and the extent of its direction from Moscow» (23 сент. 1946); CAB 158/1 JIC (47).

¹² (0) (Final Revised), «Role of colonies in war» (8 Apr 1947); CAB 158/2 JIC (47) 65 (0) (Final), «Summary of principal factors affecting Commonwealth security» (29 окт. 1947).

²² За следующие абзацы мы в большом долгу перед Нюам, *Britain's Declining Empire*. P. 104–116.

²³ Hodson, *The Great Divide*. P. 125; первый крупный труд, в котором признано, что роль британской разведки в конце британского господства над Индией не раскрыта, *Liberty or Death*.

²⁴ BL IOR L/P&J/12/662 Reorganisation of IPI and the future of the DIB s. 5 IPI letter to Silver [IO] (19 дек. 1944).

²⁵ Там же, s. 66 Top Secret and Personal IPI (12 апр. 1945).

²⁶ Там же, s. 114 IPI note (без даты).

²⁷ Aldrich, *Intelligence and the War Against Japan*. P. 386; Hinsley and Alan Stripp (eds), *Codebreakers*.

²⁸ BL IOR L/P&J/12/662 Reorganisation of IPI and the future of the DIB s. 162, телеграмма DIB министру по делам Индии (5 апр. 1947); Nehru, *The Discovery of India*. P. 378—9; TNA KV/468 Diaries of Guy Liddell.

²⁹ BL IOR L/P&J/12/662 Reorganisation of IPI and the future of the DIB.

³⁰ Там же, s. 127. Совершенно секретная служебная записка IPI (21 нояб. 1946).

³¹ Там же, s. 140. Служебная записка IPI (без даты); Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 456; Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive* vol. II

³² BL IOR L/P&J/12/662 Реорганизация IPI s. 147. Служебная записка IPI (27 фев. 1947); Andrew, *Defence of the Realm*. P. 442.

³³ TNA DO 142/363 Political intelligence India: disclosure of information Minute Mr Rumbold (19 янв. 1949); PREM 11/349 Предложение к конференции по вопросам безопасности стран Содружества (1953) Whittick, HO, to Montague Brown, канцелярия премьер-министра (27 апр. 1953); описание офицера связи по вопросам безопасности МИ-5 в Нью-Дели в СО 1035/10 «Intelligence and Security Aspects of constitutional developments in the West Indies Colonies» s. 10a: Eric Wat-tersby, офицер связи по вопросам безопасности на Ямайке губернатору сэру Hugh Foot (9 июня 1956); Mullik, *My Years with Nehru*. P. 88, 208; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 445.

³⁴ KV 4/278 «Arrangements for absorption within the Security Service of IPI records of Indians and Pakistanis» s. 1a: Sir Philip Vickery, отрывок из OS4 (16 авг. 1950); Andrew, *Defence of the Realm*. P. 443 and Jeffery,

MI6. P. 638–639 наводит на мысль о том, что «Директива Эттли» датируется 1948, а не 1946 г., как иногда полагают.

³⁵ TNA KV 2/2509 Krishna Menon; KV 2/2511 Krishna Menon; KV 2/2512 Krishna Menon s. 199a: Percy Sillitoe «Примечание» (17 апр. 1951).

³⁶ TNA KV 2/2512 Krishna Menon Протокол 147 Guy Liddell (31 мая 1949).

³⁷ TNA KV 2/2512 Krishna Menon s. 146a. Заявление, сделанное генеральным директором МИ-5 на заседании (1 авг. 1947); там же, s. 197a MI5 note «V.K. Krishna Menon».

³⁸ TNA KV 2/2512 Krishna Menon Minute 203 C.W.E. U'ren (24 апр. 1951).

³⁹ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 443; Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive*, vol. II. P. 315.

⁴⁰ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 444; Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive*, vol. II. P. 312–330.

⁴¹ TNA CO 1035/171 Офицеры связи по вопросам безопасности – политика s.E/4 Сэр Roger Hollis, DG MI5, сэру Burke Trend, канцелярия кабинета министров (13 нояб. 1965); Rimington, *Open Secret*. P. 68–70; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 446.

⁴² TNA PREM 8/1343 Письма премьер-министра Великобритании премьер-министрам Канады, Новой Зеландии, Австралии и Южной Африки на тему безопасности на осенней встрече (май 1951);

Liaquat Khan, Karachi, to CVR Attlee, London (27 Mar 1951); там же Eleanor J Emery to DSW Hunt, CRO (9 апр. 1951).

⁴³ Described in TNA CO 1035/6 Problems of intelligence organization in the Federation of Malaya in connection with constitutional development s. 32a: «Report on the intelligence and security organization required by the Federation of Malaya» (31 окт. 1956). P. 9.

⁴⁴ TNA CO 1035/31 Organization of intelligence services in the colonies. Tanganyika CO Circular no 458/56 «Organization of Intelligence» (28 апр. 1956); Percy Cradock, *Know Your Enemy*; Sinclair, *End of the Line*. P. 196.

⁴⁵ TNA CAB 129/76/CP (55) 89 Templer Report (23 апр. 1955).

⁴⁶ TNA CAB 158/20 JIC (55) 28 «Colonial intelligence and security» (23 мар. 1955).

⁴⁷ TNA CAB 158/3 JIC (48) 17 (0) «Disclosure of information to India and Pakistan» (16 фев. 1948); «Disclosure of Anglo-American classified information to third parties» (5 окт. 1949).

⁴⁸ TNA CAB 158/3 JIC (48) 17 (0) «Disclosure of information to India and Pakistan» (16 фев. 1948); JIC (48) 22 (0) Final, «Disclosure of information to India, Pakistan and Ceylon» (13 апр. 1948); CAB 158/8 JIC (49) 91 (Final), «Supply of classified information to the new Commonwealth countries» (12 окт. 1949).

⁴⁹ TNA CAB 158/8 JIC (49) 89, «Disclosure of Anglo-American classified information to third parties» (5 окт. 1949); там же, JIC (49) 90 «Disclosure of classified US military information to Western Union» (29 сент. 1949).

⁵⁰ TNA KV 4/18 «Report on the operation of overseas control in connection with the establishment of DSO's in the British colonies & liaison with the security authorities in the Dominions during the war of 1939–1945». P. 2–3; <https://www.mi5.gov.uk/home/mi5-history/the-cold-war/the-british-empire-and-commonwealth.html>

⁵¹ Murphy, «Creating a Commonwealth Intelligence Culture».

⁵² TNA CO1035/2 Vulnerability of Buildings to eavesdropping devices; PREM 11/760 «Russian Eavesdropping»; CO 537/4287 «Functions of Security Liaison Officers in the Colonies».

⁵³ TNA CO 1035/31 Organization of intelligence services in the colonies: Tanganyika CO Circular no 458/56 «Organization of Intelligence» (28 апр. 1956).

⁵⁴ TNA CO 885/119 Record of the conference of colonial Commissioners of Police at the Police College, Ryton-on-Dunsmore (апрель 1951). P. 2; CO 1035/55 Course for senior police officers on intelligence and security subjects; private information. Отчет Темплера см. Cormac, «Organizing intelligence».

⁵⁵ TNA PREM 11/349 «Commonwealth security conference (июнь 1953)».

⁵⁶ Murphy, «Creating a Commonwealth Intelligence Culture». P. 142; Rimington, *Open Secret*. P. 261.

⁵⁷ Изложено в общих чертах в CO 1035/6 Problems of intelligence organization in the Federation of Malaya in connection with constitutional development s. 32a: «Report on the intelligence and security organization required by the Federation of Malaya» (31 окт. 1956).

⁵⁸ Richelson and Ball, *The Ties that Bind*. P. 83.

⁵⁹ Aldrich, *GCHQ*. P. 94.

⁶⁰ Andrew, «The Growth of the Australian Intelligence Community and the Anglo-American Connection»; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 371.

⁶¹ TNA CAB 158/6 JIC (49) 17 «Joint intelligence bureau, Melbourne: priorities for Australian intelligence survey» (25 фев. 1949).

⁶² TNA KV2/3439 Vladimir Petrov; неофициальная информация.

⁶³ TNA KV2/3440 Vladimir Petrov s. 79a: R.T. Reed MI5 (8 апр. 1954); «Soviet Espionage in Australia», *The Times* (14 апр. 1954); «Struggle for Mrs Petrova», *The Times* (20 апр. 1954); «Mrs Petrova Flying Back to Join Her Husband», *The Times* (21 апр. 1954).

⁶⁴ TNA KV2/3440 Vladimir Petrov s. 79a: RT Reed MI5 (8 апр. 1954).

⁶⁵ Aldrich, *GCHQ*. P. 93–94; Hennessy, *The Secret State*.

⁶⁶ TNA FCO 19/23 Diplomatic Service Administration: supply of cryptographic material to Commonwealth countries s. 1 M.B. Eaden, департамент связи (5 янв. 1968).

⁶⁷ BL IOR L/WS/1/1200 s. 11 «Note by Sir W. Jenkins on «Charter» of his appointment». Я благодарен Ричарду Олдичу за то, что обратил мое внимание на эту папку.

⁶⁸ TNA HW80/2 «Draft British – US Communication Intelligence Agreement» (1 нояб. 1945).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Louis and Robinson, «The Imperialism of Decolonization».

⁷¹ Drayton, «Anglo-American «Liberal» Imperialism» in Louis (ed.), *Yet More Adventures with Britannia*; National Archives, Washington DC, CREST files «CIA Current Intelligence Digest» (13 мая 1952).

⁷² Lyttelton, *The Memoirs of Lord Chandos*. P. 427–430; Drayton, «Anglo-American «Liberal» Imperialism»; Gallagher, «Intelligence and decolonization in British Guiana»; RHLO Mss. Brit. Emp. s. 429, W.H. Ingrams papers 5.5, Prevention of communism in West Indies (13 июля 1953); PREM 11/827 Suspension of Constitution in British Guiana and declaration of a state of emergency.

⁷³ TNA CO 1035/41 Organization of intelligence services in the colonies – British Guiana s. 4: N.D. Watson to Sir Patrick Renison, British Guiana (без даты); CO 1035/173 «Visits by SLO Trinidad to British

Guiana» s. 1a: JL Jones, MI5, to JR Downie, CO (2 сент. 1963); Drayton, «Anglo-American «Liberal» Imperialism».

⁷⁴ TNA PREM 11/3666 Home to Rusk (26 Feb 1962); Andrew, *Defence of the Realm*. P. 477–478; Drayton, «Anglo-American «Liberal» Imperialism». P. 334–335; *Foreign Relations of the United States* vol. XII Doc 267. Памятная записка от специального посланника президента (Шлезингера) послу Соединенного Королевства (27 фев. 1962); Gallagher, «Intelligence and Decolonization in British Guiana».

⁷⁵ Catterall (ed.), *The Macmillan Diaries* vol. II (27 сент. 1962). P. 500, 578.

⁷⁶ Gallagher, «British intelligence and decolonization in British Guiana».

⁷⁷ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 478–479.

⁷⁸ Johnson, *Blowback: The Costs and Consequences of American Empire*; Drayton, «Anglo-American «Liberal» Imperialism». P. 342.

Глава 5

Война в джунглях

¹ Lyttelton, *The Memoirs of Lord Chandos*. P. 379.

² Quoted in TNA CAB 21/2925, Templer, «Report on Colonial Security» (23 апр. 1955).

³ Lyttelton, *The Memoirs of Lord Chandos*. P. 359–366; Hyam, *Britain's Declining Empire*.

⁴ Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 408–409, 437; TNA KV 4/408 Лекционный материал по чрезвычайной ситуации в Малайе, s. 1a: JP Morton's Lecture Notes (без даты).

⁵ TNA CO 537/6006 Law and Order – Malaya. Internal Security; Stockwell (ed.), *BDEEP: Malaya* doc [148] CO 717/167/52849/2/1948 Creech Jones «Declaration of emergency» (17 июня 1948).

⁶ TNA KV 4/422 Organization and function of Security Intelligence Organization in the Far East (SIFE) s. 94a: SIFE Representation on JIC(FE) (7 авг. 1948); RHLO, John Dalley, «The Malayan Security Service» (1 июля 1948); о том, как происходят классические провалы разведки, см. Wohlstetter, *Pearl Harbor: Warning and Decision*.

⁷ Hack, «British Intelligence and Counter-Insurgency in the Era of Decolonization: The Example of Malaya»; RHLO, John Dalley, «The Malayan Security Service» (1 июля 1948).

⁸ TNA KV 4/408 Лекционный материал о чрезвычайной ситуации в Малайе s. 3: J.P. Morton, «The problems we faced in Malaya and how they were solved» (июль 1954). P. 4; Aldrich, *Intelligence and the War Against Japan*. P. 65; Philby, *My Silent War*; Millar, «British Intelligence in the Far East».

⁹ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 495; Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 32–33.

¹⁰ Peng, *My Side of History*. P. 163; Short, *The Communist Insurrection in Malaya*. P. 39–40.

¹¹ Peng, *My Side of History*. P. 190; Harper, *The End of Empire and the Making of Malaya*. P. 50, 142–143; Short, *The Communist Insurrection in Malaya*. P. 38; Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 342–350.

¹² Short, *The Communist Insurrection in Malaya*; RHLO Mss. Ind. Ocn. s. 254 Special Conference. Конференция проходила под председательством его превосходительства генерал-губернатора, Сингапур (26 июня 1947); Comber, «The Malayan Security Service (1945–1948)».

¹³ Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 430.

¹⁴ Harper, *The End of Empire and the Making of Malaya*. P. 142–149.

¹⁵ Comber, «The Malayan Security Service (1945–1948)».

¹⁶ TNA KV 4/421 Organization and function of Security Intelligence Organization in the Far East (SIFE) s. 3a: сэр Перси Силлитоу, Хартия разведывательной службы на Дальнем Востоке (6 авг. 1946); KV 4/422 Organization and function of Security Intelligence Organization in the Far East (SIFE) s. 98a: Телеграмма Силлитоу – Келлару (18 авг. 1948); Elwell, *An Autobiography*. P. 91–93.

¹⁷ Hack, «Corpses, Prisoners of War and Captured Documents»; Brendon, *Decline and Fall*. P. 442; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 497; Miller, *Jungle War in Malaya*. P. 91; Stockwell (ed.), *BDEEP: Malaya doc [216] САВ 21/1681 MAL С (50)23 Доклад начальника штаба Комитету по Малайе при кабинете министров (24 мая 1950).*

¹⁸ TNA CO 537/4757 Special Service Unit for Malaya; CO 537/4239B Special Forces: Malaya s. 10 O.H. Morris (17 Aug 1948); FCO 141/12407

Sarawak: Dayak units to police the jungle.

¹⁹ MacKenzie, *Special Force*. P. 296.

²⁰ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 498.

²¹ Peng, *My Side of History*. P. 300; Marston, «Lost and Found in the Jungle: The Indian and British Army Jungle Warfare Doctrines for Burma, 1943-5, and the Malayan Emergency, 1948-60» in Strachan (ed.), *Big Wars and Small Wars*.

²² Формулировку «информационная паника» см. Bayly, *Empire of Information*; TNA CO 537/2662 Intelligence reports from DSO, Federation of Malaya and Singapore s. 2: DIA Hamblen, MI5, to Sir Marston Logan, CO (20 июля 1948); там же, s. 3a: Ежемесячный доклад офицера связи по вопросам обороны Федерации Малайи и Сингапура (июль 1948); KV 4/408. Лекционный материал по чрезвычайной ситуации в s. 3: Morton, «The problems we faced in Malaya». P. 11; RHLO Mss. Ind. Ocn. S. 254 Специальная конференция. Конференция проходила под председательством его превосходительства генерал-губернатора, Сингапур (26 июня 1947).

²³ Nyam (ed.), *BDEEP: The Labour Government and the End of Empire* CO 537/5698 «The colonial empire today» (май 1950) [doc 72]. P. 342.

²⁴ KV 4/426 Organization and function of Security Intelligence Organization in the Far East (SIFE) s. 272a: JA Harrison «SIFE liaison with foreign intelligence services» (20 янв. 1954); Государственный архив, Вашингтон, округ Колумбия, Цифровой государственный архив служб безопасности, оценка ЦРУ «Текущая ситуация в Малайе (17 ноября 1949)».

²⁵ TNA KV 4/408 The Malayan Emergency s. 3: Morton, «The problems we faced in Malaya». P. 8; Harper, *The End of Empire and the Making of Malaya*. P. 96—103.

²⁶ KV 4/408. Лекционный материал по чрезвычайной ситуации в Малайе, s. 1a: Лекционные записи мирового судьи Мортон (без даты).

²⁷ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 502—3; KV 4/408 Чрезвычайная ситуация в Малайе, s. 3: Morton, «The problems we faced in Malaya». P. 4.

²⁸ Short, *Communist Insurrection in Malaya*. P. 386; Cloake, *Templer: Tiger of Malaya*; Smith, «General Templer and counter-insurgency in Malaya: hearts and minds, intelligence, and propaganda»; Hack, «Corpses, prisoners of war and captured documents»; TNA KV 4/408. Лекционный

материал по чрезвычайной ситуации в Малайе, s. 1a: Лекционные записи мирового судьи Мортон (без даты). P. 6.

²⁹ Hack, «Corpses, prisoners of war and captured documents». P. 215, 219; Miller, *Jungle War in Malaya*. P. 90.

³⁰ Miller, *Jungle War in Malaya*. P. 92; TNA CO 1022/51 The organization and function of the intelligence service in Malaya s. 4 General Sir Gerald Templer to S of S for the colonies (13 фев. 1952).

³¹ Lyttelton, *The Memoirs of Lord Chandos*. P. 366—7; CAB 129/48 Lyttelton, «Malaya» cabinet memorandum (21 дек. 1951) in Stockwell (ed.), *BDEEP: Malaya*, vol. II doc 257. P. 344.

³² Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 509; Comber, *Malaya's Secret Police*. P. 180; Madoc, *An Introduction to the Birds of Malaya*.

³³ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 498, 505; Comber, *Malaya's Secret Police*. P. 188.

³⁴ Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 486; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 506; MacKenzie, *Special Force*. P. 69.

³⁵ TNA FCO 141/7475 Malaya: Commission of Enquiry into the Semeniyh incident; allegations concerning searches; KV 4/408 Чрезвычайная ситуация в Малайе, s. 3: Morton, «The problems we faced in Malaya». P. 11, 14, 15.

³⁶ TNA KV 4/408 The Malayan Emergency s. 3: Morton, «The problems we faced in Malaya». P. 11, 14, 15; Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 482.

³⁷ Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 532.

³⁸ За предыдущие абзацы мы очень благодарны Олдричу, *The Hidden Hand*. P. 507; Aldrich, *GCHQ*. P. 150; Clutterbuck, *The Long Long War*. P. 97; Miller, *Jungle War in Malaya*. P. 101—2; TNA CO 1035/7 Periodic Reports of the Malayan Holding Centre; KV4/426 Organization and function of Security Intelligence Organization in the Far East (SIFE) s. 273 Последние указания генерального директора SIFE (16 фев. 1954).

³⁹ TNA KV 4/408. Лекционный материал по чрезвычайной ситуации в Малайе, s. 3: Morton, «The problems we faced in Malaya»; KV4/244 Organization and function of Security Intelligence Organization in the Far East (SIFE) s. 172a: Rough Notes on SB Organization (28 апр. 1949).

⁴⁰ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 451, 938; TNA WO 32/19064 War Office Intelligence in internal security (28 авг. 1963); French, *The British Way*. P. 161.

⁴¹ TNA KV 4/408 Morton, «The problems we faced in Malaya»; WO 33/2335 Joint Services pamphlet, «Interrogation in War». P. 18; French, *The British Way*. P. 157.

⁴² TNA KV 4/408 Morton, «The problems we faced in Malaya». P. 19.

⁴³ TNA KV 4/254 Organization and function of Security Intelligence Organization in the Far East (SIFE) s. 254A: Courtenay Young to Sir John Shaw (23 июня 1954); FCO 141/12625 Security/intelligence courses – Kuching; Miller, *Jungle War in Malaya*. P. 94; Comber, *Malaya's Secret Police*. P. 83—4; French, *The British Way*. P. 157.

⁴⁴ TNA FO 371/70828 «Germany: Bad Nenndorf», «The value of a detailed interrogation centre» (17 дек. 1947); TNA FO 1005/1744, Statement Lt. Col. R.G.W. Stephens (7 апр. 1947).

⁴⁵ Цитата взята у Френча из *The British Way*. P. 162; см. также O'Halpin, «A poor thing but our own»; TNA WO 33/2335 Joint Services pamphlet, «Interrogation in War».

⁴⁶ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 450; Chin Peng, *My Side of History*. P. 342–346; Miller, *Jungle War in Malaya*. P. 100.

⁴⁷ FCO 141/7429 s. 6 Director of Intelligence The Monthly report on subversive activities (май 1957); French, *The British Way*. P. 152–153.

⁴⁸ Ben Macintyre, «Lawyers Seek Hidden Documents Linked to British Massacre of 24 Malayan Villagers – Colonial Cover-Up», *The Times* (9 апр. 2011).

⁴⁹ Peng, *My Side of History*. P. 195; Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 449—51; Hatton, *Took Tok Birds*. P. 138.

⁵⁰ Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 458, 524.

⁵¹ Louis, *Ends of British Imperialism*. P. 563; KV 4/408 Чрезвычайная ситуация в Малайе s. 1a: Лекционные записи мирового судьи Мортон (без даты). P. 3; Nagl, *Learning to Eat Soup With a Knife*; Hoffman, «Insurgency and counterinsurgency in Iraq».

⁵² TNA KV 4/408 The Malayan Emergency s. 5 H Carleton Greene, head Emergency Information Services, «Report on emergency information services, Sept 1950 – Sept 1951» (14 сент. 1951).

⁵³ TNA FO1110/28 Warner Minute (16 июня 1948); FCO 141/746 °Counter-propaganda: a Basic Analysis, extract from a lecture given by head of Information Research Department (сентябрь 1952), distributed in a FO circular; Koestler, *The God that Failed*.

⁵⁴ Carruthers, *Winning Hearts and Minds*. P. 90–95; TNA KV 4/408 Чрезвычайная ситуация в Малайе, s. 5 Н Carleton Greene, head Emergency Information Services, «Report on emergency information services» (14 сент. 1951).

⁵⁵ TNA DEFE 28/71 Directorate of Forward Plans (23 июля 1951).

⁵⁶ Brendon, *Decline and Fall*. P. 458–459.

⁵⁷ TNA CO 1035/38 Organization of intelligence services in the colonies. Federation of Malaya Sir Donald MacGillivray to Alan Lennox-Boyd (1 авг. 1956); CO 1035/6 Problems of intelligence organization in the Federation of Malaya, in connection with constitutional development Minute ND Watson (6 дек. 1956); KV 2/3593 Neil Lawson Minute D.L Haldane Porter (4 фев. 1957); KV 2/3594 Neil Lawson s. 253a: Note on Neil Lawson (20 фев. 1958); Andrew, *Defence of the Realm*. P. 451.

⁵⁸ TNA FCO 24/513 Malaysia: Defence. Intelligence cooperation with UK.

⁵⁹ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 6–7; Lady Brooke, *Queen of the Head-Hunters*; TNA FCO 141/7524 Disposal of surplus signals s. 2 W.J. Watts to private secretary to His Excellency, King's House, Kuala Lumpur (июль 1956).

⁶⁰ TNA KV 2/1855 Anthony Brooke minute 10: CJL Elwell, OS2 (4 фев. 1950); там же s. 9a: H/SIFE to DG MI5 London (25 янв. 1950); FCO 141/1241 «Murderous assault on His Excellency the Governor», Roskams, «British intelligence, imperial defence...»

⁶¹ TNA FCO 141/7234 Malaya: Defence Agreement between UK and Federation of Malaya; Working Party on the Agreement on External Defence and Mutual Assistance; Reynolds, *Britannia Overruled*. P. 210.

⁶² TNA CO 1035/8 Intelligence and Security aspects of Singapore constitutional talks Minute ND Watson (14 авг. 1956); Там же, протокол ND Watson (5 дек. 1956).

⁶³ TNA FCO 141/12907 Security Intelligence Far East ISD 55/68/104 (24 мая 1964); CO 1035/8 Intelligence and Security aspects of Singapore constitutional talks, протокол JB Johnson (28 авг. 1956); Lee Kuan Yew также, по-видимому, был стороной в тайной сделке между Lennox-

Boyd и Lim: см. Murphy, *Lennox-Boyd*. P. 177–178.

⁶⁴ TNA FCO 141/12907 Security Intelligence Far East ISD 55/68/104 (24 мая 1964); Andrew, *Defence of the Realm*. P. 469.

⁶⁵ Stockwell, *BDEEP*.

⁶⁶ Mackay, *The Malayan Emergency 1948–1960: The Domino That Stood*; Harper, *The End of Empire and the Making of Malaya*. P. 58; Aldrich, *GCHQ*. P. 165.

⁶⁷ Bayly and Harper, *Forgotten Wars*. P. 532; Harper, *The End of Empire and the Making of Malaya*. P. 357–382; Laws of Malaysia Act 82 Internal Security Act 1960; TNA DO 35/9937 H. Ellsley to D.R.E. Hopkins (19 нояб. 1959).

Глава 6

Британская разведка и закат Британской империи в Африке

¹ Abrahams, *A Wreath for Udomo*. P. 76.

² Baldwin, *Mau Mau Man Hunt*. P. 63.

³ Иная точка зрения, см. Jackson, *The British Empire and the Second World War*.

⁴ За предыдущие и последующие абзацы я очень благодарен to Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 146–148; Hyam and Louis (eds), *BDEEP: The Labour Government and the End of Empire* doc [59] CO 847/36/1 Report of the committee on the conference of African Governors (22 мая 1947).

⁵ Brendon, *Decline and Fall*. P. 517; об утверждении Wright's о том, что Cohen попал под подозрение, см. *Spycatcher*. P. 264–265.

⁶ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 148—50, 182—4; Goldsworthy (ed.), *BDEEP: The Conservative Government and the End of Empire* doc [275] CAB 129/62 C(53) 244 Cabinet memorandum by Lyttelton, «Constitutional developments in the Gold Coast» (4 сент. 1953).

⁷ TNA CO 537/2788 «Review of police and security forces in relation to communist infiltration, Gold Coast» (1948), s. 1: Arthur Creech Jones, «Circular to all Governors and colonial Police Commissioners» (5 авг. 1948).

⁸ Rathbone, «Political intelligence and policing in Ghana»; TNA CO 537/3653 «Political intelligence reports, West Africa, reports on communism» (1948), «Secret. Communist influence in West Africa» (14 июля 1948).

⁹ TNA KV 4/308—312 «West African intelligence centre and general security»; FO

371/80614—80617 «Political intelligence reports for Colonel Stephens, Security Liaison Officer Accra».

¹⁰ TNA CO 537/3653 «Political intelligence reports, West Africa, reports on communism» (1948), «Secret. Communist influence in West Africa» (14 июля 1948).

¹¹ TNA KV 2/1847 «Francis Kwame Nkrumah», s. 1a: British Security Co-ordination, Washington DC, to Security Executive, London, forwarded to MI5 (31 дек. 1942); KV 2/1847, s. 2a: Special Branch report cross-reference (9 окт. 1945); Hyam and Louis (eds), *BDEEP: The Labour Government and the End of Empire* doc [226] CO 537/7181 Minute A.B. Cohen (11 июня 1951).

¹² Hansen, *Citizenship and Immigration in Post-War Britain*. P. 19 и везде.

¹³ Abrahams, *A Wreath for Udomo*.

¹⁴ Nkrumah, *The Autobiography of Kwame Nkrumah*. P. 45–46.

¹⁵ TNA CO 537/3566 «West African national secretariat», s. 2: MI5 [имя скрыто] to D. Bates, Colonial Office (31 окт. 1946); Там же, s. 6: MI5 [имя скрыто] to Sir Marston Logan, Colonial Office (3 дек. 1946).

¹⁶ Nkrumah, *Autobiography*. P. 63; TNA KV 2/1847, s. 33ab: «Telecheck CPGB headquarters» (1 янв. 1948); Там же TNA KV 2/1847, s. 39a: Sir Percy Sillitoe to R.W.H. Ballantine, Commissioner of Police, Gold Coast (28 янв. 1948).

¹⁷ TNA KV 2/1847 Minute 50: G.T.D. Patterson (1 апр. 1948); Там же Minute 58: M.J.E. Bagot (30 апр. 1948).

¹⁸ TNA KV 2/1838 Peter Blackman, протокол 14: D.G. White (6 июля 1938); во время написания этой книги никакие документы МИ-5 по Пэдмору не были рассекречены, но информацию о нем можно по крупицам собрать из папок Нкрумы, например NA KV2/1849, s. 128a: R. Stephens, SLO West Africa, to Director-General (26 июля 1950).

¹⁹ Rathbone, «Political intelligence and policing in Ghana». P. 87; Rooney, *Sir Charles Arden-Clarke*. P. 113.

²⁰ Rathbone, «Political intelligence and policing in Ghana». P. 87.

²¹ TNA KV 2/1849, s. 128a: R. Stephens, SLO West Africa, to Director-General (26 июля 1950).

²² TNA KV 2/1849, s. 144a, «Personality note» (март 1948); KV 2/1849, s. 160b: source TABLE (11 июня 1951); Там же s. 174c: source TABLE (1 июля 1951).

²³ TNA KV 2/1847s.61b: «Personality note» (июнь 1948); KV 2/1848, s. 115a: «Extract from SLO West Africa report on meeting with the new Governor of the Gold Coast» (13 сент. 1949); См. также Rathbone (ed.), *BDEEP: Ghana* doc [85] CO 537/5263 FO Research Department «A survey of communism in Africa» (июнь 1950).

²⁴ TNA KV 2/1849, s. 144a: MI5 [имя скрыто] to Juxon Barton, Colonial Office (20 марта 1951); там же, s. 146a: получен совершенно секретный документ, Juxon Barton (20 марта 1953); Hyam and Louis (eds), *BDEEP: The Labour Government and the End of Empire* doc [224] CO 537/7181 Sir Charles Arden-Clarke to A.B. Cohen (5 мар. 1951); Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 149; School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, Papers of Sir Charles Arden-Clarke.

²⁵ TNA KV 2/1850. Протокол 209: Sir John Shaw (1 янв. 1952); KV 2/1850, s. 245a: SLO West Africa to Director-General (24 сент. 1952).

²⁶ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 149; Pearce, *The Turning Point in Africa: British Colonial Policy, 1938–1948*; Rathbone (ed.), *BDEEP: Ghana* doc [115] Lyttelton cabinet memorandum «Amendment of the Gold Coast constitution» (9 фев. 1952).

²⁷ TNA KV 2/1850, s. 226b: H. Loftus-Brown to Trafford Smith, Colonial Office (5 июля 1952).

²⁸ TNA KV 2/1851, s. 285a: H. Loftus-Brown to Juxon Barton, Colonial Office (3 июня 1953).

²⁹ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 452.

³⁰ National Archives, Washington DC, CREST system CIA Report «Communism in Africa» (24 янв. 1951). P. 19; см. также TNA CO 1035/132 Commonwealth Prime Ministers» meeting. Probable attitudes of potential new Commonwealth members to the Soviet Union.

³¹ TNA CAB 158/16 Chiefs of Staff. Joint Intelligence Committee JIC (53) 75 «Situation in Central African Colonies» (7 авг. 1953); JIC (53) 75 «Situation in East African Colonies» (7 авг. 1953); JIC (53) 75 «Situation in West African Colonies» (7 авг. 1953); CO 1035/132 Commonwealth Prime Ministers» meeting. Probable attitudes of potential new commonwealth members to the Soviet Union.

³² TNA CO 1035/17 Communist influence in Africa, Minute Juxon Barton (14 фев. 1956).

³³ tNa KV 2/1850, s. 247a: «Note for file», H. Loftus-Brown (15 окт. 1952); KV 2/1850, Minute 261: Sir John Shaw (1 дек. 1952); for Arden-Clarke, Nkrumah and the NLA, см. Rathbone, *Nkrumah and the Chiefs: The Politics of Chieftaincy in Ghana, 1951–1960*.

³⁴ TNA Kv 2/1916 Kojo Botsio Minute 86 WMT Magan (27 авг. 1954); там же, s. 82z: SLO West Africa, P.M. Kirby Green, to MI5 London (17 авг. 1954) including letter SLO to Sir Charles Arden-Clarke (5 авг. 1954); CO 1035/36 «Organization of intelligence services in the colonies – Gold Coast»; s. 2 Sir Charles Arden-Clarke to Alan Lennox-Boyd (27 июня 1956).

³⁵ TNA CO 1035/36 Organization of intelligence services in the colonies – Gold Coast; CO 1035/95 Security Intelligence Advisers – Mr MacDonald's report the Gold Coast (окт. 1955).

³⁶ TNA CO 1035/13 «Communications Security Problems» PH Canham Accra to JS Bennett CO London (18 дек. 1956); там же s. 34 Anthony Crane, LCSA, to ND Watson, CO (21 сент. 1956).

³⁷ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 454.

³⁸ TNA KV 2/1849 «Kwame Nkrumah» s. 176a: «Note», H. Loftus-Brown (13 июля 1951); Sillitoe, *Cloak Without Dagger*. P. 196–197; Fleming, *Diamonds are Forever*; CO 544/795 «Supply of information to Sir Percy Sillitoe concerning illicit diamond buying in West Africa»; Bristow, *A Game of Moles*. P. 249–250.

³⁹ Andrew and Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive* vol. II *The KGB and the World*. P. 428–435; Baynham, «Quis Custodiet Ipsos Custodes?: The Case of Nkrumah's National Security Service».

⁴⁰ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 460.

⁴¹ TNA CO 1035/96 Reports by Security Intelligence Advisers – Mr MacDonald's report on Nigeria (февраль 1955) s. 1a AM MacDonald, SIA, to Secretary of State for Colonies (1 марта 1955).

⁴² TNA CO 1035/96 Reports by Security Intelligence Advisers – Mr MacDonald's report on Nigeria (февраль 1955) s. 1a AM MacDonald, SIA, to Secretary of State for Colonies (1 мар. 1955); MSS Afr. s. 1784 (14) JJ O'Sullivan, от руки написанная рукопись, «Papers relating to service with Nigerian Special Branch» (23 апр. 1982); Brendon, *Decline and Fall*. P. 525–526.

⁴³ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 275.

⁴⁴ RHLO Mss. Afr. s. 1784 (14) J.J. O'Sullivan, от руки написанная рукопись, «Papers relating to service with Nigerian Special Branch» (23 апр. 1982). P. 34–36.

⁴⁵ Brendon, *Decline and Fall*. P. 538.

⁴⁶ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 473.

⁴⁷ Blixen, *Out of Africa*; Anderson, *Histories of the Hanged*.

⁴⁸ Lapping, *End of Empire*. P. 425; Elkins, *Britain's Gulag*.

⁴⁹ Elkins, *Britain's Gulag*; Anderson, *Histories of the Hanged*; критика Elkins см. Письмо David Elstein, *London Review of Books* (5 июня 2005); Blacker, «The Demography of Mau Mau».

⁵⁰ Ian Cobain and Richard Norton-Taylor, «Sins of Colonialists Lay Concealed in Secret Archive for Decades», *Guardian* (18 апр. 2012).

⁵¹ Berman and Lonsdale, *Unhappy Valley*.

⁵² Lonsdale, «British Colonial Officials and the Kikuyu People» in Smith (ed.), *Administering Empire: The British Colonial Service in Retrospect*. P. 95–97.

⁵³ Kitson, *Gangs and Counter-Gangs*. P. 131.

⁵⁴ *Ndiku Mutua, Paulo Nzili, Wambugu Nyingi, Jane Muthoni Mara & Susan Ngondi v The Foreign and Commonwealth Office* [2011] EWHC 1913 (QB) at [20].

⁵⁵ Ruark, *Something of Value*; Elkins, *Britain's Gulag*; Kyle, *The Politics of the Independence of Kenya*. P. 48; TNA WO 32/15834 Court of Enquiry in Kenya s. 12a: George Erskine to Antony Head, военному министру (10 дек. 1953).

⁵⁶ Lyttelton, *The Memoirs of Lord Chandos*. P. 394–5; Lonsdale, «Mau Maus of the Mind»; Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 188–92; Sillitoe, *Cloak Without Dagger*. P. 191–193.

⁵⁷ Elkins, *Britain's Gulag*; Anderson, *Histories of the Hanged*; официальные цифры приведены у Corfield, *Historical Survey of the*

Origins and Growth of Mau Mau; TNA WO 236/18 General Sir George Erskine, «The Kenya Emergency»; FCO 141/6086 Mau Mau unrest; collective punishment under Emergency Regulations 1952.

⁵⁸ Brendon, *Decline and Fall*. P. 555; Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 191.

⁵⁹ Lonsdale, «Mau Maus of the Mind».

⁶⁰ Magan, *Middle Eastern Approaches*. P. 126; TNA WO 276/10 «Security conference, Nairobi, август 18–29» (1947); Sillitoe, *Cloak Without Dagger*. P. 10–58.

⁶¹ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 456.

⁶² TNA CO 822/445, s. 20: «Note of meeting held in the Secretary of State's room» (15 дек. 1952); TNA CO 822/445, s. 21 Sir Evelyn Baring to Sir Thomas Lloyd (10 дек. 1952); там же, s. 22: Sir Thomas Lloyd to Sir Evelyn Baring (9 янв. 1953).

⁶³ TNA CO 822/445, s. 14: Sir Thomas Lloyd to Sir Evelyn Baring (15 нояб. 1952); «Kikuyu Base Surprised», *The Times* (22 нояб. 1952); Heather, «Intelligence and counter-insurgency in Kenya». P. 61.

⁶⁴ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 457.

⁶⁵ RHLO Mss. Afr. s. 1784 (23) T.W. Jenkins, «Memoire» (28 авг. 1982). P. 30; Blundell, *So Rough a Wind*. P. 187; TNA WO 236/20 Lt Gen Lathbury, «The Kenya Emergency» (3 мая 1955 – 17 нояб. 1956), Andrew, *Defence of the Realm*. P. 457.

⁶⁶ Brendon, *Decline and Fall*. P. 555.

⁶⁷ Anderson, *Histories of the Hanged*.

⁶⁸ TNA CO 926/1076 MacDonald to Neale (4 янв. 1957); French, *The British Way*. P. 216.

⁶⁹ TNA WO 236/18 Gen. Sir George Erskine, «The Kenya emergency», июнь 1953 – май 1955; Sir Richard Catling RHLO Mss. Afr. s. 1784 (21). Доклад, прочитанный в Университете Нью-Брансуик, Канада (13 фев. 1979). P. 55.

⁷⁰ TNA WO 236/18 Gen. Sir George Erskine, «The Kenya emergency», июнь 1953 – май 1955; Sir Richard Catling Mss. Afr. s. 1784 (21) Доклад, прочитанный в Университете Нью-Брансуик, Канада (13 фев. 1979). P. 55; о приеме «замены» см. Elkins, *Britain's Gulag*. P. 319–332.

⁷¹ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 190.

⁷² tNa WO 32/15834 Court of Enquiry in Kenya letter Erskine to Secretary of State for War (10 дек 1953).

⁷³ *Mutua v The Foreign and Commonwealth Office* [2011] EWHC 1913 (QB), параграф 126.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же в параграфе 46.

⁷⁶ Там же в параграфе 43; Elkins, *Britain's Gulag*.

⁷⁷ French, *The British Way*. P. 145, 157-8; WO 33/2335 Joint Services pamphlet, «Interrogation in War»; беседа автора с бывшим офицером службы безопасности (сент. 2011).

⁷⁸ RHLO Sir Richard Catling Mss. Afr. s. 1784 (21) «Law Enforcement, Kenya» (Ms. написано 10 мая 1982). P. 11; беседа автора с бывшим офицером службы безопасности (сент. 2011).

⁷⁹ Kitson, *Gangs and Counter-Gangs*. P. 74 и везде.

⁸⁰ Baldwin, *Mau Mau Man Hunt*. P. 83; French, *The British Way*. P. 158.

⁸¹ RHLO Mss. Brit. Emp. s. 486 6/4 s. 10 Arthur Young Papers, «Agreed public statement with Lennox-Boyd, colonial secretary, following resignation» (1955).

⁸² TNA FCO 141/6769 Statement by his Excellency the Governor (31 мар. 1960); Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 190.

⁸³ Berman, «Jomo Kenyatta», *DNB* (онлайн-издание доступно с 4 янв. 2010).

⁸⁴ TNA KV 2/1787 Jomo Kenyatta s. 13a: Sir Vernon Kell to D.C.J. Mc-Sweeney, министерство по делам колоний (16 дек. 1933); Там же Sir Vernon Kell to Commissioner of Police, Kenya (18 янв. 1934); там же s. 23a: Home Office Warrant (3 янв. 1934).

⁸⁵ TNA KV 2/1787 Jomo Kenyatta s. 96b: Jane Archer (8 янв. 1936).

⁸⁶ TNA KV 2/1788 Jomo Kenyatta s. 233a: Sir David Petrie to A.W. Riggs, DIS Kenya (13 сент. 1944).

⁸⁷ TNA KV 2/1788 Jomo Kenyatta s. 248a: O.J. Mason, MI5, to J.D. Bates, министерство по делам колоний (29 дек. 1945).

⁸⁸ TNA KV 2/1788 Jomo Kenyatta протокол 357: H. Loftus-Brown (20 нояб. 1953).

⁸⁹ TNA KV 2/1788 Jomo Kenyatta s. 357b: H. Loftus-Brown to Juxon Barton (22 нояб. 1952).

⁹⁰ TNA KV 2/1788 Jomo Kenyatta s. 333b: В.М. de Quehen, SLO Central Africa, to Director-General MI5 (23 июля 1951); Pegushev, «Afrikanski v komminterne». P. 37–49; Pegushev, «The Unknown Kenyatta». P. 172–198; Suchkov, «Dzhomo Keniata v Mosckve». P. 106–121;

McClellan, «Africans and Black Americans in the Comintern Schools, 1925–1934». P. 371–390.

⁹¹ TNA CO 968/261, s. 1a: Sir John Shaw to T.S. Tull, IRD, министерство иностранных дел, копия to Juxon Barton, министерство по делам колоний (23 дек. 1952).

⁹² Выявлено в TNA KV 2/2541 Peter Mbui Koinange, в частности s. 334a: Н. Loftus Brown to CJJT Barton, CO (31 окт. 1952).

⁹³ TNA KV2/1788 Jomo Kenyatta s. 357b: SLO East Africa Quarterly Review (20 окт. 1952); Lonsdale, «Kenyatta's trials: breaking and making of an African nationalist» in Cross (ed.), *The Moral World of the Law*. P. 196–239; Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 190–191.

⁹⁴ RHLO Mss. Afr. s. 1784 (24) M.C. Manby, «Law Enforcement – Kenya» «Law enforcement in former British African territories. A memoir by Mc Manby» (фев. 1982); CO 1035/187 Organization of intelligence services in the colonies – Kenya s. 2: E.N. Griffith Jones, канцелярия губернатора, Nairobi, to F.D. Webber, министерство по делам колоний (18 июня 1963).

⁹⁵ TNA FCO 141/6957 Security of official correspondence s. 38 «Measure for the protection of official documents. Protection of Special Branch Material. Use of the marking «Watch»» (март 1961); там же, s. 43 Governor of Uganda to S of S for colonies (22 марта 1961); там же, s. 46/1 The Kenya Police Special Branch; FCO 141/6960 Kenya: cypher telegram traffic.

⁹⁶ Collings, *Reflections on a Statesman: The Writings and Speeches of Enoch Powell*. P. 207.

⁹⁷ Macmillan, *Pointing the Way* Appendix One: «Address by Harold Macmillan to members of both Houses of the Parliament of the Union of South Africa, Cape Town, 3 февраля 1960»; Hyam and Louis (eds), *BDEEP: The Conservative Government and the End of Empire* doc [32] DO 35/10570 no 3 Address by Mr Macmillan (3 фев. 1960).

⁹⁸ Macleod, «Trouble in Africa», *Spectator* (31 янв. 1964).

⁹⁹ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 464.

¹⁰⁰ Wright, *Spycatcher*. P. 58; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 467, 852.

¹⁰¹ Aldrich, *GCHQ*. P. 3.

¹⁰² Andrew, *Defence of the Realm*. P. 852; le Carre, *Mission Song*.

¹⁰³ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 464; RHLO MSS Brit Emp s. 533 Macolm MacDonald, записи интервью (1970). P. 10–11.

¹⁰⁴ TNA CO 1035/187 Organization of intelligence services in the colonies – Kenya s. 3: FD Webber to Sir Eric Griffith-Jones (6 авг. 1963); CAB 158/43 Joint Intelligence Committee JIC (61) 23 (Final) «Background to the political situation in British territories in East and Central Africa» (23 марта 1961); неофициальная информация.

¹⁰⁵ TNA CO 1035/187 Organization of intelligence services in the colonies – Kenya s. 8 J.A. Harrison, SIA, to J.N.A. Armitage Smith (17 окт. 1963) with note RH Hollis DG «Note» (11 окт. 1963); Sir Richard Catling RHLO Mss. Afr. s. 1784 (21) «Law Enforcement, Kenya» (Ms. написано 10 мая 1982). P. 42.

¹⁰⁶ TNA FCO 141/7094 Oginga Odinga; RHLO Mss. Afr. s. 2159 Box 2 «Miscellaneous reports» s. 110 M.C. Manby, Director of Security and Intelligence, «The present security scene in Kenya», copied to SLO Mr WF Bell (4 июля 1962). P. 19–21.

¹⁰⁷ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 475; Hyam and Louis (eds), *BDEEP: The Conservative Government and the End of Empire* doc [178]

CAB 128/37 CC 41(63) Cabinet conclusions (24 июня 1964); беседа автора с бывшим офицером SIS (20 апр. 2009).

¹⁰⁸ TNA CO 1035/171 Security Liaison Officers – Policy s.E/4 Sir Roger Hollis, DG MI5, to Sir Burke Trend, Cabinet Office (13 нояб. 1965).

¹⁰⁹ Bergman, «Israel and Africa: military and intelligence liaisons». P. 119–121, 176–179; TNA CAB 158/51 Joint Intelligence Committee JIC (64) 8 (Final) «Israeli activities in Africa» (29 июля 1964).

¹¹⁰ TNA KV 1/19 «D-Branch Report»; pReM 8/1283 Security in South Africa: visit of Sir Percy Sillitoe «Visit by the Director-General of the Security Service to South Africa» (дек. 1949).

¹¹¹ Chavkin, «British Intelligence and the Zionist, South African, and Australian intelligence communities».

¹¹² O'Brien, *South African Intelligence Services*. P. 19–21; Chavkin, «British Intelligence and the Zionist, South African, and Australian

intelligence communities».

¹¹³ TNA PREM 8/1283 Security in South Africa: visit of Sir Percy Sillitoe «Visit by the Director-General of the Security Service to South Africa» (декабрь 1949).

¹¹⁴ TNA KV 2/2502 Michael Scott.

¹¹⁵ TNA PReM 8/1283 Memorandum for the Prime Minister from the Director General of the Security Service (18 окт. 1949); CO 1035/187 Organization of intelligence services in the colonies – Kenya s. 8 J.A. Harrison, SIA, to J.N.A. Armitage Smith (17 окт. 1963) с комментарием RH Hollis DG «Note» (11 окт. 1963); DO 183/480 The Security Liaison Officer Service and intelligence organization in Central Africa s. 11 JNA Armitage Smith to Sir Hugh Stephenson, British Embassy Cape Town (4 июня 1963); Murphy, «South African intelligence, the Wilson Plot and post-Imperial trauma» in Major and Moran (eds), *Spooked: Britain, Empire and Intelligence Since 1945*. P. 97—118.

¹¹⁶ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 635–637; Freeman and Penrose, *Rinkagate*.

¹¹⁷ Tomlinson, *The Big Breach*. P. 140–142.

¹¹⁸ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 282–288; Brendon, *Decline and Fall*. P. 580; Reynolds, *Britannia Overruled*. P. 210.

¹¹⁹ Murphy (ed.), *BDEEP: Central Africa* doc 102 Intelligence in central Africa, письмо от I.M.R. MacLennan к R.W.D. Fowler, с приложением письма от B.M. de Quehen to MacLennan (15 июня 1954).

¹²⁰ Murphy, «A Police State? The Nyasaland Emergency and Colonial Intelligence»; TNA CO 1035/143 Security Situation – Nyasaland s. 10 J.E. Day [MI5] to N.D. Watson (3 марта 1959).

¹²¹ Catterall (ed.), *The Macmillan Diaries*. P. 235 (13 июля 1959); о прослушивании разговоров Banda в тюрьме, см. Murphy (ed.), *British Documents on the End of Empire: Central Africa* Doc 219 «Future of Hastings

Banda» FISB краткое изложение бесед между D Foot and H Banda [CO 1015/2442] (23–24 янв. 1960); Ibid. Doc 300 Activities of Lord Lambton: примечание к записи TJ Bligh о встрече между Mr Macmillan и лордом Lambton [PREM] 11/3496] (2 авг. 1961).

¹²² TNA KV 2/1916 Kojo Botsio Minute 70a: MI5 DG to SLO Central Africa and West Africa (20 марта 1953); Brendon, *Decline and Fall*. P. 582, 584; неофициальная информация.

¹²³ TNA DO 183/480 The Security Liaison Officer Service and intelligence organization in Central Africa Minute N.D. Watson (30 нояб. 1962); там же s. 1a A.J. Kellar to W.S. Bates, Central African Office, CO (5 сент. 1962).

¹²⁴ TNA DO 183/480 s. 18: Evelyn Detone, Government House, Lusaka, to S.P. Whitby, Central African Office, CO (14 марта 1964).

¹²⁵ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 468.

¹²⁶ TNA DO 183/214 R.H. Hollis «Memorandum» (21 сент. 1962).

¹²⁷ Flower, *Serving Secretly*. P. 11, 14–15, 81; Verrier, *The Road to Zimbabwe*. P. 112–113.

Глава 7

Британская разведка, тайные операции и подавление повстанческого движения на Ближнем Востоке

¹ TNA CO 1035/24 Egyptian nationalization of the Suez Canal Juxon Barton (1 авг. 1956).

² TNA FO 800/749 Suez records s. Attorney General, Reginald Manningham-Buller, to Selwyn Lloyd (1 нояб. 1956).

³ Brendon, *Decline and Fall*. P. 487.

⁴ Woodhouse, *Something Ventured*. P. 110; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 480.

⁵ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 470; Smith, *Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization*.

⁶ CIA Clandestine service history, «Overthrow of premier Mossadeq of Iran, ноябрь 1952 – август 1953» (март 1954). P. 4, available; Verrier, *Through the Looking Glass*; Dorril, *MI6*. P. 569. История ЦРУ была впервые опубликована в *New York Times* в апреле 2000 г., доступна на <http://www.nytimes.com/library/world/mideast/041600iran-cia-index.html>

⁷ Woodhouse, *Something Ventured*. P. 101; CIA Clandestine service history, «Overthrow of premier Mossadeq of Iran».

⁸ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 474.

⁹ Woodhouse, *Something Ventured*. P. 130.

¹⁰ CIA Clandestine service history, «Overthrow of premier Mossadeq of Iran». P. 78–81.

¹¹ Young, *Who is My Liege?*. P. 7; Smith, *The Spying Game*; неофициальная информация.

¹² Hennessy, *Having it so Good*. P. 419–422; Louis, «Public Enemy Number One: Britain and the United Nations in the aftermath of Suez» in Lynn (ed.), *The British Empire in the 1950s: Retreat or Revival?*

¹³ За следующие абзацы я очень благодарен Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 226–240; см. также Brendon, *Decline and Fall*. P. 488; Shuckburgh, *Descent to Suez*. P. 341.

¹⁴ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 480; Wright, *Spycatcher*. P. 160.

¹⁵ Bower, *Perfect English Spy*. P. 192.

¹⁶ Churchill College Archives Centre Misc 30 «Suez meeting at Sevres, 22–25 Oct 1956», рассказано Donald Logan (24 окт. 1956).

¹⁷ TNA CAB158/25 Joint Intelligence Committee JIC (56) 96 (Final) «Operation Musketeer – security of signal traffic» (6 сент. 1956).

¹⁸ Andrew, *For the President's Eyes Only*. P. 227.

¹⁹ TNA CAB158/25 JIC (56) 80 (Final) «Egyptian Nationalization of the Suez Canal Company» (10 августа 1956).

²⁰ Lucas, «The missing link? Patrick Dean, chairman of the Joint Intelligence Committee» in Kelly and Gorst (eds), *Whitehall and the Suez Crisis*. P. 117–125; Cradock, *Know Your Enemy: How the Joint Intelligence Committee Saw the World*. P. 134; Hennessy, *Having it so Good*. P. 419–421; Cooper, *The Lion's Last Roar*. P. 170.

²¹ Hennessy, *The Prime Minister*. P. 227; Kyle, *Suez*. P. 84–85; Lucas, *Divided we Stand*.

²² Неофициальная информация.

²³ Cradock, *Know Your Enemy*. P. 134; Aldrich, *GCHQ*. P. 156–159.

²⁴ TNA FO 800/747 Suez Canal GG Fitzmaurice to Sir Ivone Kirkpatrick (5 нояб. 1956); FO 800/749 Suez records s. 2 Attorney General, Reginald Manningham-Buller, to Selwyn Lloyd (1 нояб. 1956); Hennessy, *Having it so Good*. P. 427–429.

²⁵ Shuckburgh, *Descent to Suez*. P. 365.

²⁶ Hyam and Louis (eds), *BDEEP: The Conservative Government and the End of Empire* doc [1] CAB 134/1555 CPC (57)6 (28 Jan 1957); там же doc [2] CAB 134/1551 CPC (57)27 Sir N. Brook, «Future constitutional development in the colonies» (май 1957); там же doc [3] Sir Norman

Brook, «Future constitutional development in the colonies» (6 сент. 1957); French, *The British Way*. P. 229.

²⁷ TNA PREM11/2321 Arrangement by Cabinet Secretary for small group of officials to carry out re-assessment of UK interests abroad s. 9 «The Position of the United Kingdom in World Affairs» (5 июня 1958).

²⁸ CO 1035/22 Joint Intelligence Committee aspects: activities of Cairo radio and its impact on British territories in Africa.

²⁹ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 568; Aldrich, *GCHQ*. P. 159–162.

³⁰ За эти абзацы я благодарен Brendon, *Decline and Fall*. P. 615–620.

³¹ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 574.

³² Brendon, *Decline and Fall*. P. 620.

³³ TNA CO 1035/98 Reports by Security Intelligence Advisers – Mr MacDonald's report on Cyprus, декабрь 1955 AM MacDonald Minute 8 дек. 1954; там же s1a AM MacDonald, SIA, to Governor of Cyprus (21 авг. 1954).

³⁴ Foley (ed.), *The Memoirs of General Grivas*. P. 40.

³⁵ French, *The British Way*. P. 22; TNA CO 1035/98 s. 6: «Final Report by the Security Service Adviser to the Cyprus Police Special Branch» (Nicosia, апр. 1955); CAB 158/30 Joint Intelligence Committee JIC (58) 49 «The situation in Cyprus» (28 апр. 1958).

³⁶ Foley (ed.), *The Memoirs of General Grivas*. P. 28.

³⁷ Там же. P. 69; Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 571; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 464; Brendon, *Decline and Fall*. P. 620.

³⁸ Jack Malvern, «Secret Plan to Deport Troublesome Cypriot». *The Times* (18 апр. 2012).

³⁹ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 573; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 463.

⁴⁰ French, *The British Way*. P. 159.

⁴¹ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 577; Foley (ed.), *The Memoirs of General Grivas*. P. 69.

⁴² Foot, *Emergency Exit*. P. 19–22; Bower, *Perfect English Spy*. P. 231.

⁴³ Aldrich, *The Hidden Hand*. P. 577; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 464.

⁴⁴ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 465; Horne, *Macmillan*, vol. II. P. 100.

⁴⁵ CAB 158/38 Joint Intelligence Committee JIC (59) 92 «Cyprus intelligence organisation» (30 нояб. 1959).

⁴⁶ Aldrich, *GCHQ*. P. 162–163.

⁴⁷ Там же. P. 7, 163.

⁴⁸ За это я благодарен новаторской магистерской диссертации Will Leslie, «British intelligence in Aden and South Arabia, 1963–1967»; также см. Vital, *The Making of British Foreign Policy*. P. 89—103; Mawby, *British Policy in Aden and the Protectorate*; French, *The British Way*. P. 13.

⁴⁹ Brendon, *Decline and Fall*. P. 500.

⁵⁰ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 473.

⁵¹ Macmillan, *At the End of the Day: 1961–1963*. P. 267.

⁵² TNA CO 1055/196 Trevaskis to Colonial Office (10 дек. 1963).

⁵³ French, *The British Way*. P. 26–27.

⁵⁴ TNA CO 1035/181/6 Colonial Office, Organization of Intelligence 14 Jan 1964; CO 1055/62/9 Aden intelligence summary no. 4 for the month of April 1963; Mawby, *British Policy in the Aden Protectorates*. P. 25–26, 71–73, 78–79.

⁵⁵ TNA CO 1055/196 Trevaskis to Colonial Office (10 дек. 1963).

⁵⁶ Leslie, «British Intelligence in Aden». P. 30—3; cf. Trevaskis, *Shades of Amber*. P. 211.

⁵⁷ Leslie, «British Intelligence in Aden». P. 30—3; TNA CO 1035/181/44 D Russell Minute (9 апр. 1964); CO 1035/181 s. 7 «Note of a meeting between Secretary for Defence and the High Commissioner» (9 янв. 1964).

⁵⁸ TNA CO 1035/178 s. 1 W Formoy to D Russell (3 апр. 1963); CO 1035/86 Reports by Security Intelligence Advisers – Aden s. 49a GRH Gribble, SIA, to Sir William Luce, Governor, Aden (17 сент. 1956).

⁵⁹ TNA CO 1035/180 s. 259, Report by J. Prendergast, Director of Special Branch, Hong Kong, on visit to Aden (18 нояб. 1965); CO 1035/178/89 J. Morton (11 фев. 1965); CO 1035/178 s. 82E Chairman JIC 1 фев. 1965; CO 1055/202 Acting High Commissioner to Colonial Office (25 дек. 1964); CO 1055/221 Turnbull to Colonial Office (14 сент. 1965); об убийстве офицеров особого отдела в предыдущем абзаце, см. French, *The British Way*. P. 24–26.

⁶⁰ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 474; TNA FO 371/185233 J. Prendergast, «A Note on Terrorism in Aden» (6 дек. 1966).

⁶¹ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 474; Leslie, «British Intelligence in Aden». P. 54; TNA FO 371/185233 J. Prendergast, «A Note on Terrorism in Aden» (6 дек. 1966); von Bulow, «The Foreign Policy of the Federal Republic of Germany: Franco – German Relations, and the Algerian War 1954—62»; Trevelyan, *Middle East in Revolution*. P. 222.

⁶² French, *The British Way*. P. 242.

⁶³ Там же. P. 149, 159, 170, 242; Horne, *A Savage War of Peace*. P. 212; TNA CO 1035/180 Prendergast to Turnbull, Aden Intelligence Centre, report by Prendergast on visit to Aden (18 нояб. 1965); CO 1055/266 Petition by 27 detainees held at Fort Morbut to the minister of state for colonial affairs (27 нояб. 1964).

⁶⁴ Macmillan, *At the End of the Day 1961–1963*. P. 263; Hart-Davis, *The War that Never Was*; Smiley, *Arabian Assignment*; Hinchcliffe and Holt, *Without Glory in Arabia*; Aldrich, *GCHQ*. P. 164.

⁶⁵ Hart-Davis, *The War that Never Was*.

⁶⁶ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 476–477.

⁶⁷ TNA CAB 182/55/1 Joint Intelligence Committee Aden working party (15 апр. 1966); CAB 182/55/2 «Joint Intelligence Committee Aden working party» (27 апр. 1966).

Заклучение

Британская разведка: последняя полутень империи

¹ Hyam, *Britain's Declining Empire*. P. 326.

² TNA CO 1035/139 Survey of subversive activities in the colonies (1957) Minute ND Watson (13 фев. 1958).

³ Bloch, *Strange Defeat*. P. 83.

⁴ Freedman, *The Official History of the Falklands*; Bicheno, *Razor's Edge: The Unofficial History of the Falklands War*.

⁵ Aldrich, *GCHQ*. P. 151; TNA FCO 141/12635 Hong Kong Local Intelligence Committee; FCO 141/7463 Papers of the Joint Intelligence Committee (Far East) JIC (FE) (55) 8 (Final) «The probable attitude of the Chinese population of South East Asia and Hong Kong in the event of war» (7 июня 1955); Louis, «Hong Kong: the critical years 1945–1949».

⁶ TNA FCO 21/199 «Long Term Study» OPDC (DR) (67) 52 (18 авг. 1967); Shibuya, «British intelligence in Hong Kong in the era of the Cultural Revolution», везде.

⁷ TNA CAB 158/7 JIC (49) 44/10 (Final) A Review of the threat to Hong Kong as of 19 сентября 1949; CAB 158/7 JIC 949) 44/11 (Final) A Review of the threat to Hong Kong as of 4 October 1949; CAB 158/15 JIC (53) 13 (Final) Radical Review – Consequences of reduction of garrison in Hong Kong (3 фев. 1953).

⁸ Shibuya, «British intelligence in Hong Kong in the era of the Cultural Revolution», везде.

⁹ Aldrich, *GCHQ*. P. 152.

¹⁰ Там же. P. 154.

¹¹ Patten, *East and West: The Last Governor of Hong Kong on Power, Freedom and the Future*. P. 38–39, 65; неофициальная информация.

¹² TNA CO 1035/187 Organization of intelligence services in the colonies – Kenya s. 6: EN Griffith-Jones to FD Webber (14 авг. 1963).

¹³ TNA CO 1035/39 Organization of intelligence services in the colonies s. 2 Sir Robin Black to Alan Lennox-Boyd «Organization of intelligence» (3 авг. 1956); CO 1035/187 Organisation of intelligence services in the colonies – Kenya s. 2: EN Griffith-Jones, Governor's Office, Nairobi, to FD Webber, CO (18 июня 1963); FCO 141/6957 Security of official correspondence.

¹⁴ Andrew, *Defence of the Realm*. P. 468.

¹⁵ TNA CAB 158/30 JIC (57) 115 (Final) «Intelligence organization in the colonial territories» (8 нояб. 1957). P. 1, 5, and. P. 4 – о числе обученных офицеров.

¹⁶ Jeffery, *MI6*. P. 696–7; CAB 158/15 JIC 58 (53) 49 «Standards of security in Israel» (2 мая 1953); Hennessy, *Having it so Good*. P. 299, цитата от сэра Gerry Warner.

¹⁷ *BDEEP* part 1. P. 190–251 (no 59) CO 847/36/1 no 9 (22 мая 1947).

¹⁸ TNA FO 371/80617 «Political intelligence reports on West Africa for Colonel Stephens, Security Liaison Officer Аккра», Juxon Barton, министерство по делам колоний, губернатору Золотого Берега (13 нояб. 1950); KV2/1788 Jomo Kenyatta; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 470; TNA kv4/469 Diaries of Guy Liddell (10 сент. 1947).

¹⁹ Craig, *Crisis of Confidence*; Andrew, *Defence of the Realm*. P. 600—26.

²⁰ Frankland, *Child of My Time*. P. 89; неофициальная информация.

²¹ Неофициальная информация.

²² Reynolds, *Britannia Overruled*. P. 203–208.

²³ FCO 141/1355 British Indian Ocean Territory (BIOT).

²⁴ Pilger, *Freedom Next Time*. P. 38; Aldrich, *GCHQ*. P. 339.

²⁵ *Bancoult v Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs* [2006] EWHC 1038 (Admin); FCO 141/1355 British Indian Ocean Territory (BIOT) s. 13 BIOT 157/172 (17 окт. 1968).

²⁶ Aldrich, *GCHQ*. P. 337; TNA FCO 141/1355 British Indian Ocean Territory (BIOT) FCO telegram to Washington (24 нояб. 1970); FCO 141/1431 BIOT радиосообщения.

²⁷ French, *The British Way*. P. 33.

²⁸ TNA WO 32/15834 Court of Enquiry in Kenya letter Erskine to Secretary of State for War (10 дек. 1953); Lazreg, *Torture and the Twilight of Empire from Algiers to Baghdad*.

²⁹ Ian Cobain and Richard Norton-Taylor, «Sins of Colonialists Lay Concealed in Secret Archive for Decades», *Guardian* (18 апр. 2012).

³⁰ Murphy (ed.), *BDEEP: Central Africa* Doc 257 Belgian Congo FO Minutes by HFT Smith, ADM Ross, and Sir R Stevens on proposal to remove Patrice Lumumba [FO 371/146650] (28 и 29 сент. 1960).

Библиография

- Abrahams, Peter, *A Wreath for Udomo* (London: Faber & Faber, 1956)
- Adi, Hakim, *West Africans in Britain, 1900–1960: Nationalism, PanAfricanism and Communism* (London: Lawrence & Wishart, 1998)
- Aldrich, Richard J. (ed.), *British Intelligence, Strategy and the Cold War 1945–51* (London: Routledge, 1992)
- Aldrich, Richard J., *Intelligence and the War Against Japan: Britain, America and the Politics of Secret Service* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000)
- Aldrich, Richard J., *The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence* (London: John Murray, 2001)
- Aldrich, Richard, *GCHQ: The Uncensored History of Britain's Most Secret Intelligence Agency* (London: HarperPress, 2010)
- Aldrich, Richard J., 'GCHQ and sigint in the early Cold War, 1945–70', in Aid, Matthew M., and Wiebes, Cees, *Secrets of Signals Intelligence During the Cold War and Beyond* (London, 2001). P. 67–96
- Anderson, Benedict, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, new edn (London: Verso, 2006)
- Anderson, David, *Histories of the Hanged: Britain's Dirty War in Kenya and the End of Empire* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2005)
- Andrew, Christopher, *Secret Service: The Making of the British Intelligence Community* (London: Sceptre, 1985)
- Andrew, Christopher, *For the President's Eyes Only: Secret Intelligence and the American Presidency from Washington to Bush* (London: Harper-Collins, 1995)
- Andrew, Christopher, *Defence of the Realm: The Authorized History of MI5* (London: Penguin, 2009)
- Andrew, Christopher, 'The Venona Secret', in Robertson, K.G. (ed.), *War, Resistance and Intelligence: Collected Essays in Honour of M.R.D. Foot* (London: Leo Cooper, 1999). P. 203–225
- Andrew, Christopher, 'Intelligence in the Cold War: lessons and learning', in Shukman, Harold (ed.), *Agents for Change: Intelligence Services in the Twenty-First Century* (London: St Ermin's Press, 2000). P. 1–22

Andrew, Christopher, 'Churchill and intelligence', *Intelligence and National Security* 3 (1988). P. 181–193

Andrew, Christopher, 'The growth of the Australian intelligence community and the Anglo-American connection', *Intelligence and National Security* 4 (1989). P. 213–256

Andrew, Christopher, and Dilks, David (eds), *The Missing Dimension: Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century* (London: Macmillan, 1984)

Andrew, Christopher, and Gordievsky, Oleg, *KGB: The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (London: Sceptre, 1991)

Andrew, Christopher, and Mitrokhin, Vasili, *The Mitrokhin Archive* vol. I *The KGB in Europe and the West* (London: Penguin, 1999); vol. II *The KGB and the World* (London: Penguin, 2005)

Andrew, Christopher, and Noakes, Jeremy (eds), *Intelligence and International Relations, 1900–1945* (Exeter: Exeter University Press, 1987)

Andrew, Christopher, and Walton, Calder, 'The Gouzenko case and British secret intelligence', in J.L. Black and Martin Rudner (eds), *The Gouzenko Affair: Canada and the Beginnings of Cold War Counter-Espionage* (Manotick, Ontario: Penumbra Press, 2006). P. 38–56

Arendt, Hannah, *The Origins of Totalitarianism* (London: Allen & Unwin, 1973)

Ashton, S.R., and Murray, D.J. (general eds), *British Documents on the End of Empire*, 14 vols (London: HMSO, 1992–2005)

'Avner', *Memoirs of an Assassin*, English translation (London: A. Blond, 1959)

Baldwin, William W., *Mau Mau Man Hunt: The Adventures of the Only American who has Fought the Terrorists in Kenya* (New York: Dutton, 1957)

Banton, Mandy, '“Destroy”? “Migrate”? “Conceal”? British Strategies for the Disposal of Sensitive Records of Colonial Administrations at Independence', *Journal of Imperial and Commonwealth History* 40 (2012). P. 321–35

Bar-Zohar, Michael, *Hitler's Jewish Spy: The Most Extraordinary True Spy Story of World War II* (London: Sidgwick & Jackson, 1985)

Bar-Zohar, Michael, *Yaacov Herzog: A Biography*, English translation (London: Barker, 1968)

Barooah, Nirode K., *Chatto: The Life and Times of an Indian AntiImperialist in Europe* (Delhi: Oxford University Press India, 2004)

Barrass, Gordon S., *The Great Cold War: A Journey Through the Hall of Mirrors* (Stanford, Ca: Stanford General, 2009)

Bayly, C.A., *Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996)

Bayly, Christopher, and Harper, Tim, *Forgotten Wars: The End of Britain's Asian Empire* (London: Allen Lane, 2007)

Baynham, Simon, 'Quis Custodiet Ipsos Custodes?: The Case of Nkrumah's National Security Service', *Journal of Modern African Studies* 23 (1985). P. 87–103

Begin, Menachem, *The Revolt*, English translation (London: W.H. Allen, 1951)

Bell, J. Bowyer, *Terror Out of Zion: Irgun Zvai Leumi, LEHI and the Palestine Underground, 1929–1949* (New York: St Martin's Press, 1977)

Bennett, Gill, 'A Most Extraordinary and Mysterious Incident': *The Zinoviev Letter of 1924*, FCO History Note no 14 (London: FCO, 1999) Bennett, Gill, 'Declassification and release policies of the UK's intelligence agencies', *Intelligence and National Security* 17 (2002). P. 21–32 Bergman, Ronen, 'Israel and Africa: military and intelligence liaisons' (PhD dissertation, University of Cambridge, 2007)

Berman, Bruce, and Lonsdale, John, *Unhappy Valley: Conflict in Kenya and Africa*, 2 vols (London: J. Currey, 1992)

Bicheno, Hugh, *Razor's Edge: The Unofficial History of the Falklands War* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2006)

Blacker, John, 'The Demography of Mau Mau: Fertility and Mortality in Kenya in the 1950s: A Demographer's Viewpoint', *African Affairs* 106 (2007). P. 205–227

Bloch, Jonathan, and Fitzgerald, Patrick, *British Intelligence and Covert Action: Africa, the Middle East and Europe since 1945* (Dingle: Brandon, 1983)

Blundell, Michael, *So Rough a Wind: The Kenya Memoirs of Sir Michael Blundell* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1964)

Boot, Max, *The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power* (New York: Basic Books, 2002)

Bose, Subhas Chandra, *The Indian Struggle 1920–1942* (London: Asia, 1964)

Bower, Tom, *The Perfect English Spy: Sir Dick White and the Secret War, 1935—90* (London: Heinemann, 1995)

Boyle, Andrew, *The Climate of Treason* (London: Hutchinson, 1982)

Brendon, Piers, *The Decline and Fall of the British Empire 1781–1997* (London: Jonathan Cape, 2007)

Briscoe, Robert, *For the Life of Me* (London: Longman, 1959) Bristow, Desmond, *A Game of Moles: The Deceptions of an MI6 Officer* (London: Little, Brown, 1993)

Brooke, Lady Sylvia, *Queen of the Head-Hunters: The Autobiography of H.H. the Hon. Sylvia Lady Brooke* (London: Sidgwick & Jackson, 1970)

Brown, Judith M., Louis, Wm. Roger, and Low, Alaine M. (eds), *The Oxford History of the British Empire: The Twentieth Century* (Oxford: Oxford University Press, 2001)

Buchan, John, *Greenmantle*, new edn (Oxford: Oxford University Press, 1993)

Buchheit, Gert, *Der Deutsche Geheimdienst: Geschichte der militärischen Abwehr* (Munich: Paul List, 1966)

Burleigh, Michael, *Blood and Rage: A Cultural History of Terrorism* (London: HarperPress, 2008)

Burt, Leonard, *Commander Burt of Scotland Yard* (London: Heinemann, 1959)

Callwell, Charles Edward, *Small Wars: A Tactical Textbook for Imperial Soldiers* (London: Greenhill Books/Lionel Leventhal, 1990)

Carruthers, Susan L., *Winning Hearts and Minds: British Governments, the Media and Colonial Counter-Insurgency 1944–1960* (London: Leicester University Press, 1995)

Cecil, Robert, ‘The Cambridge Comintern’, in Andrew, Christopher, and Dilks, David (eds), *The Missing Dimension: Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century* (London: Macmillan, 1984). P. 169–198

Cesarani, David, *Major Farrans Hat: Murder, Scandal and Britain’s War Against Jewish Terrorism 1945–1948* (London: Heinemann, 2009)

Chapman, F. Spencer, *The Jungle is Neutral* (London: Chatto & Windus, 2006)

Charters, David A., *The British Army and Jewish Insurgency in Palestine, 1945–47* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1989)

Chavkin, Jonathan, 'British intelligence and the Zionist, South African and Australian intelligence communities during and after the Second World War (PhD dissertation, University of Cambridge, 2009)

Chin Peng, *My Side of History* (Singapore: Media Masters, 2003)
Clarke, Peter, *The Last Thousand Days of the British Empire* (London: Allen Lane, 2007)

Clarke, Thurston, *By Blood and Fire: The Attack on the King David Hotel* (London: Hutchinson, 1981)

Clayton, Anthony, "'Deceptive might": imperial defence and security, 1900–1968', in Louis, Wm. Roger (ed.), *The Oxford History of the British Empire* vol. IV *The Twentieth Century* (Oxford: Oxford University Press, 1999). P. 280–305

Cloake, John, *Templer: Tiger of Malaya: The Life of Field Marshal Sir Gerald Templer* (London: Harrap, 1985)

Clutterbuck, Richard, *The Long Long War: The Emergency in Malaya, 1948–1960* (London: Cassell, 1967)

Cockerill, A.W., *Sir Percy Sillitoe* (London: W.H. Allen, 1975) Cohen, Geulah, *Woman of Violence: Memoirs of a Young Terrorist, 1943–1948* (London: HartDavis, 1966)

Cohen, Michael J., 'Appeasement in the Middle East: The British White Paper on Palestine, May 1939', *Historical Journal* 16 (1973). P. 571–596

Cohen, Michael J., 'The British White Paper on Palestine, May 1939. Part II: The Testing of a Policy, 1942–1945', *Historical Journal* 19 (1976). P. 727—758

Cole, Simon A., *Suspect Identities: A History of Fingerprinting and Criminal Identification* (Cambridge, M.: Harvard University Press, 2001)

Collings, Rex, *Reflections of a Statesman: The Writings and Speeches of Enoch Powell* (London: Bellew, 1991)

Comber, Leon, 'The Malayan Security Service (1945–1948)', *Intelligence and National Security* 18 (2003). P. 128—153

Comber, Leon, *Malaya's Secret Police, 1945—60: The Role of the Special Branch in the Malayan Emergency* (Clayton: Monash Asia Institute, 2008) Conrad, Joseph, *The Secret Agent: A Simple Tale*, revised edn (Oxford and Santa Barbara: Clio, 1988)

Cooper, Chester, *The Lion's Last Roar: Suez, 1956* (New York: Harper & Row, 1978)

Corfield, F.D., *Historical Survey of the Origins and Growth of Mau Mau* (London: Colonial Office, 1960)

Cradock, Percy, *Know Your Enemy: How the Joint Intelligence Committee Saw the World* (London: John Murray, 2002)

Craig, Anthony, *Crisis of Confidence: Anglo-Irish Relations in the Early Troubles, 1966–1974* (Dublin: Irish Academic Press, 2010)

Cross, John, *Red Jungle* (London: Hale, 1975)

Cruickshank, Charles, *SOE in the Far East* (Oxford: Oxford University Press, 1983)

Curry, John C., *The Security Service, 1908–1945: The Official History*, with an introduction by Christopher Andrew (London: PRO, 1999) Darby, Phillip, *British Defence Policy East of Suez, 1947–1968* (London: Oxford University Press for the Royal Institute of International Affairs, 1973)

Darwin, John, *Britain and Decolonisation: The Retreat from Empire in the Post-War World* (Basingstoke: Macmillan, 1988)

Deacon, Richard, 'C': *A Biography of Sir Maurice Oldfield* (London: Futura, 1985)

Dilks, David (ed.), *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M., 1938–1945* (London: Cassell, 1971)

Dorril, Stephen, *MI6: Fifty Years of Special Operations* (London: Fourth Estate, 2000)

Drayton, Richard, 'Anglo-American "Liberal" Imperialism, British Guiana, 1953–1964, and the world since September 11', in Louis, Wm. Roger (ed.), *Yet More Adventures in Britannia: Personalities, Politics and Culture in Britain* (London: I.B. Taurus, 2005)

Dudgen, Jeffrey, *Roger Casement – The Black Diaries: With a Study of His Background, Sexuality and Irish Political Life* (Belfast: Belfast Press, 2002)

Edney, Matthew, *Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765–1843* (Chicago and London: University of Chicago Press, 1997)

Eliav, Ya'akov, *Wanted*, English translation (New York: Shengold, 1984) Elkins, Caroline, *Britain's Gulag: The Brutal End of Empire in Kenya* (London: Jonathan Cape, 2005)

Ellis, John, *Eye Deep in Hell: The Western Front 1914–1918* (London: Fontana, 1977)

Eshed, Haggai, *Reuven Shiloah: The Man Behind the Mossad. Secret Diplomacy in the Creation of Israel*, English translation (London: Frank Cass, 1997)

Farran, Roy, *Winged Dagger: Adventures on Special Service* (London: Collins, 1948)

Ferguson, Niall, *Empire: How Britain Made the Modern World* (London: Penguin, 2004)

Fergusson, Niall, *Colossus: The Price of America's Empire* (New York: Penguin, 2004)

Ferris, John, 'Before "Room 40": The British Empire and Signals Intelligence 1898–1914', *Journal of Strategic Studies* 12 (1989). P. 431–457
Fitzpatrick, Sheila, 'The Civil War as a Formative Experience', in Gleason, Abbott, Kenez, Peter, and Stites, Richard (eds), *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution* (Bloomington, Ind: Indiana University Press, 1985). P. 57—76

Flower, Ken, *Serving Secretly: An Intelligence Chief on Record, Rhodesia into Zimbabwe, 1964–1981* (London: John Murray, 1987)

Foley, Charles (ed.), *The Memoirs of General Grivas* (London: Longman, 1964)

Foot, M.R.D., *S.O.E. in France: An Account of the British Special Operations Executive, 1940–1944* (London: HMSO, 1966)

Foot, M.R.D., *SOE in the Low Countries* (London: St Ermin's Press, 2001)

Foot, M.R.D., *Memories of an SOE Historian* (Barnsley: Pen & Sword Military, 2008)

Foot, M.R.D. 'Was SOE Any Good?', in Laqueur, Walter (ed.), *The Second World War: Essays in Military and Political History* (London: Sage, 1982)

Foot, Sylvia, *Emergency Exit* (London: Chatto & Windus, 1960)

Frankland, Mark, *Child of my Time* (London: Chatto & Windus, 1999)

Freedman, Lawrence, *The Official History of the Falklands Campaign* (London: Routledge, 2005)

Freeman, Simon, and Penrose, Barrie, *Rinkagate: The Rise and Fall of Jeremy Thorpe* (London: Bloomsbury, 1996)

French, David, *The British Way in Counter-Insurgency 1945–1967* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2011)

French, Patrick, *Liberty or Death: India's Journey to Independence and Division* (London: HarperCollins, 1997)

Fussell, Paul, *The Great War and Modern Memory* (Oxford: Oxford University Press, 1975)

Gaddis, John Lewis, *We Now Know: Rethinking Cold War History* (Oxford: Clarendon Press, 1997)

Gallagher, Pete, 'Intelligence and decolonisation in British Guiana' (Undergraduate dissertation, University of Cambridge, 2009)

Gill, Peter, 'Reasserting control: recent changes in the oversight of the UK intelligence community', *Intelligence and National Security* 11 (1996). P. 313–331

Grant, Jennifer, 'Desperate Measures: Britain's internment of fascists during the Second World War' (PhD dissertation, University of Cambridge, 2009)

Gwynn, Charles W., *Imperial Policing* (London: Macmillan, 1984)

Hack, Karl, 'British intelligence and counter-insurgency in the era of decolonisation: the example of Malaya', *Intelligence and National Security* 14 (1999). P. 124–155

Hack, Karl, 'Corpses, Prisoners of War and Captured Documents: British and Communist Narratives of the Malayan Emergency, and the Dynamics of Intelligence Transformation', *Intelligence and National Security* 14 (1999). P. 211–241

Hansen, Randall, *Citizenship and Immigration in Post-War Britain: The Institutional Origins of a Multicultural Nation* (Oxford: Oxford University Press, 2000)

Harper, Timothy N., *The End of Empire and the Making of Malaya* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998)

Harris, Tomas, *Garbo: The Spy who Saved D-Day*, with an introduction by Mark Seaman (London: PRO, 2000)

Harrison, E.D.R., 'British Radio Security and Intelligence', *English Historical Review* 506 (2009). P. 53–93

Hart, Herbert, *The Concept of Law*, 2nd edn (Oxford: Clarendon, 1994)

Hart-Davis, Duff, *The War that Never Was: The True Story of the Men Who Fought Britain's Most Secret Battle* (London: Century, 2011)

Haynes, John Earl, and Klehr, Harvey, *Venona: Decoding Soviet Espionage in America* (New Haven, Conn, and London: Yale University Press, 1999)

Heather, Randall W., 'Intelligence and counter-insurgency in Kenya, 1952-56', *Intelligence and National Security* 5 (1990). P. 57-83

Heinlein, Frank, *British Government Policy and Decolonisation, 1945-1963: Scrutinising the Official Mind* (London: Frank Cass, 2002)

Heller, Joseph, *The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940-49* (London: Frank Cass, 1995)

Hennessy, Peter, *Never Again: Britain 1945-1951* (London: Jonathan Cape, 1992)

Hennessy, Peter, *The Prime Minister: The Office and its Holders Since 1945* (London: Penguin, 2001)

Hennessy, Peter, *The Secret State: Whitehall and the Cold War* (London: Penguin, 2002); revised edn (London: Penguin, 2010)

Hennessy, Peter, and Brownfeld, Gail, 'Britain's Cold War Security Purge: The Origins of Positive Vetting', *Historical Journal* 25 (1982). P. 965-74

Herman, Michael, *Intelligence Power in Peace and War* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996)

Herzog, Chaim, *Living History: A Memoir* (London: Phoenix, 1998)

Hesketh, Roger, *Fortitude: The D-Day Deception Campaign* (London: St Ermin's Press, 1999)

Hinchcliffe, Peter, Ducker, John T., and Holt, Maria, *Without Glory in Arabia: The British Retreat from Aden* (London: I.B. Taurus, 2006) Hinsley, F.H., *British Intelligence in the Second World War* vols 1-3 *Its Influence on Strategy and Operations* (London: HMSO, 1979-88); Hinsley, F.H., with Simkins, C.A.G., *British Intelligence in the Second World War* vol. IV *Security and Counter-Intelligence* (London: HMSO, 1990); Howard, Michael, *British Intelligence in the Second World War* vol. V *Strategic Deception* (London: HMSO, 1992)

Hinsley, F.H., and Stripp, Alan (eds), *Codebreakers: The Inside Story of Bletchley Park* (Oxford: Oxford University Press, 2001)

Hinsley, F.H., 'British Intelligence in the Second World War', in Andrew, Christopher, and Noakes, Jeremy (eds), *Intelligence and International Relations 1900-1945* (Exeter: Exeter University Press, 1987)

Hoare, Oliver (ed.), *Camp 020: MI5 and the Nazi Spies* (London: PRO, 2000)

Hodson, Henry V., *The Great Divide: Britain, India, Pakistan* (London: Hutchinson, 1969)

Hoffman, Bruce, *The Failure of British Military Strategy Within Palestine, 1939–1947* (Ramat-Gan, Israel: Bar-Ilan University Press, 1983)

Hoffman, Bruce, *Inside Terrorism*, 2nd edn (New York: Columbia University Press, 2006)

Holquist, Peter, *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis 1914–1921* (Cambridge, Mass, and London: Harvard University Press, 2002)

Holquist, Peter, “‘Information is the Alpha and the Omega of our work’: Bolshevik surveillance in its pan-European context”, *Journal of Modern History* 69 (1997). P. 415–450

Holquist, Peter, ‘To count, extract, to exterminate: population statistics and population politics in late imperial and Soviet Russia’, in Suny, Ronald G., and Martin, Terry (eds), *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* (Oxford: Oxford University Press, 2001). P. 111–144

Holt, Thaddeus, *The Deceivers: Allied Military Deception in the Second World War* (London and New York: Scribner's, 2004)

Horne, Alastair, *Macmillan* vol. 2 (London: Macmillan, 1989)

Horne, Alastair *A Savage War of Peace: Algeria 1954–1962* (London: Papermac, 1987)

Hudson, Sydney, *Undercover Operator: Wartime Experiences with SOE in France and the Far East* (Oxford: ISIS, 2005)

Hull, Isabel, *Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany* (Ithaca: Cornell University Press, 2005)

Hull, Mark M., ‘The Irish interlude: German intelligence in Ireland, 1939–1943’, *Journal of Military History* 66 (July 2002). P. 702–703 Hyam, Ronald, *Britain's Declining Empire: The Road to Decolonisation, 1918–1968* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006)

Jackson, Ashley, *The British Empire and the Second World War* (London: Hambledon Continuum, 2005)

Jeffery, Keith, *MI6: The History of the Secret Intelligence Service* (London: Bloomsbury, 2010)

Jeffries, Charles, *The Colonial Office* (London: Allen & Unwin, 1956)

Johnson, Chalmers, *Blowback: The Costs and Consequences of American Empire* (New York: Metropolitan Books, 2000)

Johnson, Robert, *Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947* (London: Greenhill Books, 2006)

Kelly, Vann, 'Papon's transition after World War II: A prefect's road from Bordeaux, through Algeria, and beyond, August 1944 – October 1961', in Golsan, Richard J. (ed.), *The Papon Affair: Memory and Justice on Trial* (London and New York: Routledge, 2000). P. 35–72

Kershaw, Ian, *Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*, 4th edn (London: Arnold, 2000)

Kipling, Rudyard, *Kim* (London: Macmillan, 1901)

Kitson, Frank, *Gangs and Counter-Gangs* (London: Barrie and Rockliffe, 1960)

Koestler, Arthur (et al.), *The God that Failed: Six Studies in Communism* (London: Hamish Hamilton, 1950)

Koestler, Arthur, *Thieves in the Night: Chronicle of an Experiment* (London: Hutchinson, 1965)

Kollek, Teddy, *For Jerusalem: A Life* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1978)

Kyle, Keith, *The Politics of the Independence of Kenya* (Basingstoke: Macmillan, 1999)

Lapping, Brian, *End of Empire* (London: Paladin, 1989)

Lazreg, Marina, *Torture and the Twilight of Empire: From Algiers to Baghdad* (Princeton, NJ, and Woodstock: Princeton University Press, 2008)

le Carre, John, *The Honourable Schoolboy* (London: Sceptre, 2006)

Lenin, V.I., *Essential Works of Lenin: 'What is to be Done?' and Other Works*, new edn (New York: Dover Books, 1987)

Leslie, Will, 'British intelligence in Aden and South Arabia, 1963–1967' (MPhil dissertation, University of Cambridge, 2008)

Lewin-Epstein, Noah, Ro'i, Yaacov, and Ritterband, Paul (eds), *Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement* (London: Frank Cass, 1997)

Lonsdale, John, 'Mau Maus of the mind: making Mau Mau and remaking Kenya', *Journal of African History* 31 (1990). P. 393–421

Lonsdale, John, 'British colonial officials and the Kikuyu people', in Smith, John (ed.), *Administering Empire: The British Colonial Service in Retrospect* (London: University of London Press, 1999). P. 95–102

Lonsdale, John, 'Kenyatta's trials: breaking and making of an African nationalist', in Peter Cross (ed.), *The Moral World of the Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000). P. 196–239

Louis, Wm. Roger, *The Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez and Decolonisation* (London: I.B. Tauris, 2006)

Louis, Wm. Roger, 'Public Enemy Number One: The British empire in the dock at the United Nations 1957—71', in Lynn, Martin (ed.), *The British Empire in the 1950s: Retreat or Revival?* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006). P. 186—213

Louis, Wm. Roger, and Robinson, Ronald, 'The imperialism of decolonisation', *Journal of Imperial and Commonwealth History* 22 (1994). P. 462—511

Lowes, Andrew, 'British intelligence in India from the First World War to Independence' (MPhil dissertation, University of Cambridge, 2003)

Lucas, W. Scott, 'The missing link? Patrick Dean, chairman of the Joint Intelligence Committee', in Kelly, Saul, and Gorst, Anthony (eds), *Whitehall and the Suez Crisis* (London and Portland, Or: Frank Cass, 2000). P. 117—125

Lyttelton, Oliver, *The Memoirs of Lord Chandos* (London: Bodley Head, 1962)

McClellan, Woodford, 'Africans and black Americans in the Comintern schools, 1925—1934', *International Journal of African Historical Studies* 26 (1993). P. 371—390

Macintyre, Ben, *Operation Mincemeat: The True Spy Story that Changed the Course of World War Two* (London: Bloomsbury, 2007)

Mackay, Donald *The Malayan Emergency 1948—60: The Domino That Stood* (London: Brassey's, 1997)

McKenzie, Alastair, *Special Force: The Untold Story of 22nd Special Air Service Regiment (SAS)* (London: I.B. Taurus, 2011)

Macmillan, Harold, *Riding the Storm, 1956—1959* (London: Macmillan, 1971)

Macmillan, Harold, *Pointing the Way, 1959—61* (London: Macmillan, 1972)

Magan, William, *Middle Eastern Approaches: Experiences and Travels of an Intelligence Officer, 1939—1945* (Norwich: Michael Russell, 2001)

Mansergh, Nicholas (ed.), *Constitutional Relations Between Britain and India: The Transfer of Power in India*, 12 vols (London, 1970—1983)

Marrus, Michael, *The Unwanted: European Refugees from the First World War Through the Cold War* (New York and Oxford: Oxford University Press, 1985)

Marston, Daniel, 'Lost and Found in the Jungle: The Indian and British Army Jungle Warfare Doctrines for Burma, 1943—5, and the Malayan Emergency, 1948—60', in Strachan, Hew (ed.), *Big Wars and Small Wars: The British Army and the Lessons of War in the Twentieth Century* (London: Routledge, 2006). P. 84—114

Maskelyne, Jasper, *Magic – Top Secret* (London: Stanley Paul, 1949)
Masterman, John C., *The Double-Cross System in the War of 1939 to 1945* (New Haven and London: Yale University Press, 1972)

Masters, Anthony, *The Man Who Was M: The Life of Maxwell Knight* (Oxford: Basil Blackwell, 1984)

Mawby, Spenser, *British Policy in Aden and the Protectorates 1955—67: Last Outpost of a Middle East Empire* (London: Routledge, 2005)

Millar, Alexander, 'British intelligence and the Comintern in Shanghai, 1927—37' (PhD dissertation, University of Cambridge, 2010)

Miller, Harry, *Jungle War in Malaya: The Campaign Against Communism, 1948—60* (London: Barker, 1972)

Moen, Jan, *John Moe: Double Agent* (Edinburgh: Mainstream, 1986)
Mohs, Polly A., *Military Intelligence and the Arab Revolt: The First Modern Intelligence War* (London: Routledge, 2008)

Mommsen, Hans, 'Militar und zivile Militisierung in Deutschland, 1914 bis 1938', in Frevert, Ute (ed.), *Militar und Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert* (Stuttgart: Klett-Cotta, 1997). P. 265—276

Montagu, Ewen, *The Man Who Never Was*, revised paperback edn (Oxford: Oxford University Press, 1996)

Morris, Benny, *The Birth of the Palestinian Refugee Problem Revisited* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004)

Moses, A. Dirk, *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History* (New York and Oxford: Berghahn Books, 2008)

Muggeridge, Malcolm, *Chronicles of Wasted Time* vol. II *The Infernal Grove* (London: Fontana, 1975)

Mullik, B.N., *My Years with Nehru 1948—1964* (Bombay: Allied, 1972)

Murphy, Philip, *Alan Lennox-Boyd: A Biography* (London: I.B. Tauris, 1999)

Murphy, Philip, 'South African intelligence, the Wilson Plot and postImperial trauma', in Major, Patrick, and Moran, Christopher R (eds),

Spooked: Britain, Empire and Intelligence Since 1945 (Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2010). P. 97—118

Murphy, Philip, 'Intelligence and Decolonization: The Life and Death of the Federal Intelligence and Security Bureau, 1954—63', *Journal of Imperial and Commonwealth History* 29 (2001). P. 101—130

Murphy, Philip, 'Creating a commonwealth intelligence culture: The view from central Africa, 1945—1965', *Intelligence and National Security* 17 (2002). P. 131—162

Murphy, Philip, 'A Police State? The Nyasaland Emergency and Colonial Intelligence', *Journal of Southern African Studies* 36 (2010). P. 765—80

Nagler, Jorg, 'Victims of the Home Front: Aliens in the United States During the First World War', in Panayi, Panikos (ed.), *Minorities in Wartime: National and Racial Groupings in Europe, North America and Australia During the Two World Wars* (Oxford: Berg, 1993). P. 191—215

Nehru, Jawaharlal, *The Discovery of India*, new edn (Delhi: Oxford University Press, 1985)

Neilson, Keith, and McKercher, B.J.C. (eds), *Go Spy the Land: Military Intelligence in History* (Westport, Conn: Praeger, 1992)

Nicolai, Walter, *The German Secret Service*, English translation (London: Stanley Paul, 1924)

Nkrumah, Kwame, *The Autobiography of Kwame Nkrumah* (Edinburgh and London: T. Nelson, 1957)

O'Brien, Kevin A., *The South African Intelligence Services* (London: Routledge, 2011)

O'Halpin, Eunan (ed.), *MI5 and Ireland 1939—1945: The Official History* (London: PRO, 2003)

O'Halpin, Eunan, 'British Intelligence in Ireland', in Andrew, Christopher, and Dilks, David (eds), *The Missing Dimension: Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century* (London: Macmillan, 1984). P. 59—61

O'Halpin, Eunan, "'A poor thing but our own": The Joint Intelligence Committee and Ireland 1965—71', *Intelligence and National Security* 23 (2008). P. 658—680

Ondaatje, Michael, *The English Patient* (London: Bloomsbury, 1992)

Ovendale, Ritchie, *Britain, the United States, and the End of the Palestine Mandate 1942—1948* (Woodbridge: Boydell Press, 1989)

Overy, Richard J., *Interrogations: The Nazi Elite in Allied Hands, 1945* (London: Allen Lane, 2001)

Panayi, Panikos, *The Enemy in Our Midst: Germans in Britain During the First World War* (New York and Oxford: Berg, 1991)

Panayi, Panikos (ed.), *Minorities in Wartime: National and Racial Groupings in Europe, North America and Australia During the Two World Wars* (Oxford: Berg, 1993)

Patten, Chris, *East and West: The Last Governor of Hong Kong on Power, Freedom and the Future* (London: Pan 1998)

Pearce, Robert, *The Turning Point in Africa: British Colonial Policy, 1938–1948* (London: Frank Cass, 1982)

Pedahzur, Ami, *The Israeli Response to Jewish Extremism and Violence: Defending Democracy* (Manchester and New York: Manchester University Press, 2002)

Pegushev, Andrei M., 'The Unknown Kenyatta', *Egerton Journal* 2 (1996). P. 172–198

Pegushev, Andrei M., 'Afrikanski v komminterne', *Vostok* 7 (1997). P. 37–49

Petrie, David, *Communism in India 1924–27* (Calcutta: Editions Indian, 1972)

Philby, H.A.R., *My Silent War: The Autobiography of a Spy* (London: MacGibbon & Kee, 1968); new paperback edn (London: Arrow, 2003)
Pilger, John, *Freedom Next Time* (London: Black Swan, 2007)
Pincher, Chapman, *Their Trade is Treachery: The Full, Unexpurgated Truth About the Russian Penetration of the Free World's Secret Defences* (London: Sidgwick & Jackson, 1981)

Pipes, Richard, *A Concise History of the Russian Revolution* (London: Harvill, 1995)

Popplewell, Richard J., *Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence of the Indian Empire, 1904–1924* (London: Frank Cass, 1995)

Pujol, Juan, with West, Nigel, *Garbo* (London: Grafton, 1986)
Quinlan, Kevin, 'Human intelligence operations and MI5 tradecraft in Britain' (PhD dissertation, University of Cambridge, 2008)

Raeff, Marc, 'The well ordered police state and the development of modernity in seventeenth- and eighteenth-century Europe: an attempt at a comparative approach', *American Historical Review* 80 (1975). P. 1221–1243
Ram, Bhagat, *The Talwars of Pathan Land and Subhas Chandra's Great Escape* (New Delhi: People's Pub. House, 1976)

Ratcliff, R.A., *Delusions of Intelligence: Enigma, Ultra and the End of Secure Ciphers* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006)

Rathbone, Richard, 'Political intelligence and policing in Ghana in the late 1940s and 1950s', in Anderson, David M., and Killingray, David (eds), *Policing and Decolonisation: Nationalism and the Police, 1917–1965* (Manchester: Manchester University Press, 1992). P. 84–104

Rathbone, Richard, *Nkrumah and the Chiefs: The Politics of Chieftaincy in Ghana, 1951–60* (Accra: F. Reimmer; Oxford: James Currey, 2000) Reynolds, David, *Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century*, 2nd edn (Harlow: Longman, 2000)

Reynolds, David, *In Command of History: Churchill Fighting and Winning the Second World War* (London: Allen Lane, 2004)

Richards, Michael, *A Time of Silence: Civil War and the Culture of Repression in Franco's Spain, 1936–1945* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998)

Richelson, Jeffrey T., and Ball, Desmond, *The Ties that Bind: Intelligence Cooperation between UKUSA Countries – the United Kingdom, the United States of America, Canada, Australia and New Zealand*, 2nd edn (Boston: Hyman, 1985)

Rimington, Stella, *Open Secret: The Autobiography of the Former Director-General of MI5* (London: Hutchinson, 2001)

Rooney, David, *Sir Charles Arden-Clarke* (London: Collings, 1982)

Rose, Norman, *A Senseless, Squalid War': Voices From Palestine, 1890s to 1948* (London: Pimlico, 2010)

Roskams, Samuel, 'British intelligence, imperial defence and the early Cold War in the Far East' (MPhil dissertation, University of Cambridge, 2007)

Ruark, Robert, *Something of Value* (London: New English Library, 1964)

Satia, Pryia, *Spies in Arabia: The Great War and the Foundations of Britain's Covert Empire in the Middle East* (Oxford: Oxford University Press, 2007) Schellenberg, Walter, *The Schellenberg Memoirs* (London: Andre Deutsch, 1956)

Scott, James C., *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed* (New Haven and London: Yale University Press, 1998)

Shamir, Yitzhak, *Summing Up: An Autobiography* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1994)

Shelley, Adam, 'British intelligence and the Middle East, 1939–1946' (MPhil dissertation, University of Cambridge, 2006)

Shepherd, Naomi, *Ploughing Sand: British Rule in Palestine 1917–1948* (London: John Murray, 1999)

Sherman, A.J., *Mandate Days: British Lives in Palestine 1918–1948* (London: Thames & Hudson, 1997)

Shibuya, Nao, 'British intelligence in Hong Kong in the era of the Cultural Revolution' (MPhil dissertation, University of Cambridge, 2008)

Short, Anthony, *The Communist Insurrection in Malaya, 1948–60* (London: Muller, 1975)

Shuckburgh, Evelyn, *Descent to Suez: Diaries 1951–56* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1986)

Sillitoe, Percy, *Cloak Without Dagger* (London: Cassell, 1955)
Simpson, A.W.B., *In the Highest Degree Odious: Detention without Trial in Wartime Britain* (Oxford: Clarendon, 1975)

Sinclair, Georgina, *At the End of the Line: Colonial Policing and the Imperial Endgame, 1945–80* (Manchester: Manchester University Press, 2006)

Singha, Radhika, 'Settle, Mobilise, Verify: Identification Practices in Colonial India', *Studies in History* 16 (2000). P. 153–198

Sisman, Adam, *Hugh Trevor-Roper: The Biography* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2010)

Smiley, David, *Arabian Assignment* (London: Cooper, 1975)

Smith, Michael, 'Bletchley Park and the Holocaust', *Intelligence and National Security* 19 (2004). P. 262–274

Smith, Simon C., 'General Templer and counter-insurgency in Malaya: hearts and minds, intelligence, and propaganda', *Intelligence and National Security* 16 (2001). P. 60–78

Smith, Simon C., *Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization* (London: Routledge, 2012)

Sprinzak, Ehud, *Brother Against Brother: Violence and Extremism in Israeli Politics from Altalena to the Rabin Assassination* (New York: Free Press, 1999)

Strachan, Hew (ed.), *Big Wars and Small Wars: The British Army and the Lessons of War in the Twentieth Century* (London: Routledge, 2006)

- Suckhov, D.I., 'Dzhomo Keniata v Mosckve', *Vostok* 4 (1993). P. 106—121
- Thomas, Martin, *Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder After 1914* (Berkeley, Ca, and London: University of California Press, 2008)
- Thomson, Basil, *Queer People* (London: Hodder & Stoughton, 1922)
- Thomson, Basil, *The Scene Changes* (London: Collins, 1939)
- Thurlow, Richard, 'Internment in the Second World War', *Intelligence and National Security* 9 (1994). P. 123—127
- Tomlinson, Richard, *The Big Breach: From Top Secret to Maximum Security* (London: Cutting Edge, 2001)
- Trevaskis, Kennedy, *Shades of Amber: A South Arabian Episode* (London: Hutchinson, 1968)
- Trevelyan, Humphrey, *The Middle East in Revolution* (London and Basingstoke: Macmillan, 1970)
- Trevor-Roper, Hugh, *The Last Days of Hitler*, new edn (London: Pan Books, 1952)
- Trotter, William R., *The Winter War: The Russo-Finnish War of 1939–1940* (London: Aurum, 2002)
- Verrier, Anthony, *Through the Looking Glass: British Foreign Policy in an Age of Illusions* (London: Jonathan Cape, 1983)
- von BBlow, Mathilde, 'The Foreign Policy of the Federal Republic of Germany: FrancoGerman Relations, and the Algerian War 1954—62' (PhD dissertation, University of Cambridge, 2006)
- Walton, Calder, 'British intelligence, the Mandate of Palestine and threats to national security immediately after the Second World War', *Intelligence and National Security* 23 (2008). P. 435—462
- Walton, Calder, and Andrew, Christopher, 'Still the "Missing Dimension": British intelligence and the historiography of British decolonisation', in Major, Patrick, and Moran, Christopher R. (eds), *Spooked: Britain, Empire and Intelligence Since 1945* (Cambridge: Cambridge Scholars, 2009). P. 73–96
- Walzer, Michael, *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*, 3rd edn (New York: Basic Books, 2006)
- Wark, Wesley K., *The Ultimate Enemy: British Intelligence and Nazi Germany 1933–1939* (Ithaca: Cornell University Press, 1985)
- Wark, Wesley K., 'In Never-Never Land? The British archives on intelligence', *Historical Journal* 35 (1992). P. 195–203

West, Nigel, *Mask: MI5's Penetration of the Communist Party of Great Britain* (London: Routledge, 2005)

West, Nigel, *Venona: The Greatest Secret of the Cold War* (London: HarperCollins, 1999)

Wilson, Emily, 'The War in the Dark: The Security Service and the Abwehr 1939–1945' (PhD dissertation, University of Cambridge, 2003)

Winter, J.M., *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995)

Winter, Paul, 'British Intelligence, Adolf Hitler and the German High Command, 1939–1945' (PhD dissertation, University of Cambridge, 2009)

Winter, P.R.J., 'Libra Rising: Hitler, Astrology and British Intelligence, 1940-43', *Intelligence and National Security* 21 (2006). P. 394–415

Winterbotham, Frederick, *The Ultra Secret: The Inside Story of Operation Ultra, Bletchley Park and Enigma* (London: Orion, 2000)

Wohlstetter, Roberta, *Pearl Harbor: Warning and Decision* (Stanford, Ca: Stanford University Press, 1963)

Woodhouse, C.M., *Something Ventured* (London: Granada, 1982)

Wright, Peter, *Spycatcher: The Candid Autobiography of a Senior Intelligence Officer* (Richmond, Victoria: William Heinemann Australia, 1987)

Young, George Kennedy, *Who is my Liege? A Study of Loyalty and Betrayal in Our Time* (London: Gentry, 1972)

Zimmerer, Juergen (et al., eds), *Genocide in German South-West Africa: The Colonial War (1904–1908) in Namibia and its Aftermath* (Monmouth: Merlin, 2008)